3 1761 08821021 6

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso02mako

M2183B

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe Sobranie sochinenij

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

9., ... izd.

ДЕВЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ
::: ::: ::: ::: ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **П. В. БЫКОВА** ::: ::: ::: :::

(ed. P.V. Buikov)

6 ocv

ТОМЪ ТРЕТІЙ - ЧЕТВЕРТЫЙ

v. 3-4

2 v. in 1.

489793

13.4.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1914 г.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ПОЭМЫ.

I.

ОЛИНѲЪ и ЭСѲИРЬ.

Римскія сцены временъ пятаго вѣка христіанства.

Di abeunt...

Римская имперія, распространивъ свои владѣнія въ трехъ извѣстныхъ ей частяхъ свѣта, сдѣлалась средоточіемъ и представительницею всего древняго міра. Это былъ огромный бассейнъ, въ которомъ слилось и смѣшалось безчисленное множество ручьевъ. Вмѣсто разныхъ народовъ и государствъ, явилось одно человѣчество подъ названіемъ римскихъ гражданъ: престолъ римскаго императора былъ источникомъ законовъ вселенной, пантеонъ—ея храмомъ.

Вдругъ, посреди этого міра, является малочисленное общество, которое дерзаетъ возстать на колоссъ, воздвигнутый вѣками; возстать безъ меча и войскъ, ополчившись однимъ словомъ, однимъ свѣтомъ. То были христіане. Два діаметрально противоположныя начала не могли остаться въ мірѣ: чувственность и духовность, жизнь внѣшняя и внутренняя, явились во враждѣ, въ противодѣйствіи, въ борьбѣ на жизнь и смерть. Чувственность выразилась въ пластическомъ Римѣ, въ его огромности, въ его роскоши, въ его древнемъ форумѣ, ратныхъ станахъ, циркахъ, театрахъ, баняхъ — посреди которыхъ протекала жизнь его гражданъ, жизнь по преимуществу общественная; духовность—въ обществѣ христіанскомъ, въ созерцаніи Божества и духа, въ добродѣтеляхъ мира, въ жизни домашней.

Слѣдующія сцены суть опытъ изобразить противоположность этихъ началъ.

I.

Квиринъ, Олинѳъ.

ОЛИНѲЪ.

Созрѣло доблестное дѣло;
Но, другъ, ни крови ни огня
Душой теперь не жажду я.
Пришелъ конецъ попыткѣ смѣлой—
Его бъ отсрочить я желалъ!

КВИРИНЪ.

Давно тебя, я замѣчалъ,
Снѣдаютъ тайныя печали.
Послушай, вмѣстѣ мы видали
Съ твоимъ отцомъ и стана дымъ
И ужасъ битвъ. Отцовъ знамена

Въ дубравахъ дальнихъ Альбіона
Мы водружали вмѣстѣ съ нимъ.
Но, при измѣнѣ Константина,
Поборникъ предковъ удаленъ
Въ изгнанье. Тамъ, кончаясь, онъ
Мнѣ поручилъ младенца-сына.
Ты взросъ при мнѣ; дитя, игралъ
Моимъ мечомъ, стрѣлою бранной;
И, рано къ мести предызбранный,
Свой духъ ты въ играхъ укрѣплялъ.
И что жъ?.. Оставить все: и мщенье
И завѣщаніе отца?

ОЛИНѲЪ.

Нѣтъ... Но и стараго бойца
Въ иные дни мутитъ сомнѣнье.

КВИРИНЪ.

Повѣрь мнѣ, опытность зорка:
Не скрыть отъ взоровъ старика
Движеній юности. Давно ли
Ты бредилъ чудной красотой
Аглаи?.. Какъ орелъ больной
Впервые ты чуждался воли!
А нынѣ... ты ее забылъ.
А отчего? Иль разлюбилъ?

ОЛИНѲЪ.

Не знаю.

КВИРИНЪ.

Милый мой, Аглая
Забыта, и любовь иная
Въ твоей груди.

ОЛИНѲЪ.

Ты угадалъ!

КВИРИНЪ.

О, юность! Женскій ликъ тобою
Играетъ вѣкъ, какъ вѣтръ травою,
Какъ чолномъ прихотливый валъ!

ОЛИНѲЪ.

Да, я люблю. Любви чудесной
Позналъ я гибельную власть.
Но это—не простая страсть:
Огонь таинственный, безвѣстный!
Я прежде женщину любилъ;
Я побѣждалъ, я счастливъ былъ;
Теперь не то: благоговѣю

Предъ этой дѣвою. Ищу
Ее вездѣ, но передъ нею
Въ невольномъ ужасѣ нѣмѣю,
Какъ предъ богиней трепещу.
Напрасно мужество и силы
Зову я: взглядъ, единый взглядъ,
И гнѣвный образъ дѣвы милой,
Какъ льва порывъ мой укротятъ.
Такъ, если бъ скиѳъ, сынъ степи льдяной,
На образъ Весты изваянный
Занесъ бы длань свою, и вдругъ
Богиня гнѣвомъ озарилась,
Рука бъ подъятая склонилась,
Сѣкира бъ выпала изъ рукъ!

КВИРИНЪ.

Повѣрь, Олиѳъ, бывало, страсти
Кипѣли буйныя во мнѣ;
А женщины – всегда однѣ,
Всегда надъ нами ищутъ власти.
Но человѣкъ къ тому ль рожденъ,
Чтобъ трепетать предъ женскимъ взоромъ?
Не забывай, что ты вскормлёнъ
Млекомъ роднымъ тому, которымъ
Волчица дикая въ лѣсу
Двухъ братьевъ царственныхъ вскормила.
Не даромъ силу и красу
Десница Зевсова вручила
Тебѣ, патрицій: нынѣ насъ
Зоветъ отчизна къ мести правой...
Пора острить намъ мечъ нашъ ржавый
И внять боговъ священный гласъ!

ОЛИѲЪ.

Не вспоминай обѣтъ кровавый:
Я мужъ, я помню долгъ святой.
Клянусь карающей судьбой,
Воспрянетъ свѣтелъ въ бурной сѣчѣ
Орелъ квиритовъ вѣковой!

КВИРИНЪ.

Отрадно мнѣ такія рѣчи
Внимать изъ устъ твоихъ!.. Гордись,
О, Римъ! Сыны твои подъемлютъ
Тебя изъ пепла; боги внемлютъ
Ихъ кликъ. Возстань и оживись!
Они все тѣ жъ: въ нихъ духъ свободы

Подъ цѣпью рабства не утихъ;
Все тѣ жъ, какъ доблестные роды
Отцовъ, строителей твоихъ,
На твой призывъ они готовы
Предстать предъ ужасъ боевой,
Какъ древле пастыри суровы
Въ звѣриной кожѣ, съ булавой,
Текли на холмъ Капитолійскій,
Внявъ звонкій рогъ—твой вѣщій зовъ:
И былъ могучъ совѣтъ рамнійскій
Въ тѣни рустическихъ дубовъ!

II.

КВИРИНЪ.

Олинѳъ, Олинѳъ! Ты юнъ и смѣлъ!
Въ твоихъ порывахъ благородныхъ
Достойный предковъ огнь вскипѣлъ.
Но та ль—увы!—въ сердцахъ народныхъ
Къ отчизнѣ ревность и любовь
Къ богамъ и къ памяти отцовъ?
Что̀ нынѣ Римъ?.. Гробницы сѣни!
Широкогранное русло,
Гдѣ море шумныхъ поколѣній
Въ нѣмую вѣчность протекло!
Ихъ нѣтъ: одни слѣды нѣмые
Остались—мраморъ да гранитъ;
А мы, какъ тѣни гробовыя,
Мелькаемъ вкругъ, и въ насъ ихъ видъ
Восторга вновь не пробудитъ.
Одна, въ печальномъ униженьи,
Одна отрада у меня—
Питать восторгомъ пѣснопѣнья
Порывъ душевнаго огня.
Передо мною воскресаютъ
Минувшей славы времена;
Я мыслю—міромъ управляютъ
Квиритовъ древнихъ племена;
Еще витійствуютъ трибуны,
Свобода гражданъ взоръ зажгла,
И грозно-пламенны перуны
Капитолійскаго орла.
О, Римъ! О, родина святая!
Ты позабылъ своихъ боговъ.
Гдѣ власть надъ міромъ вѣковая?

Кто нынѣ твой услышитъ зовъ?
Доспѣхи консуловъ священны
Изъѣла ржавчина; въ пыли
Трофеи бранные твои,
И все, что̀ въ битвахъ со вселенной
Купилъ кровавый твой булатъ,
Все отнялъ самозванецъ-градъ,
Питомецъ дальней Пропонтиды.
Кто жъ, местью праведной ведомъ,
Подыметъ знамя Немезиды
И Рима выкупитъ обиды
Предъ торжествующимъ Крестомъ?
Въ твоихъ стихахъ моя услада,
О, дивный Августа пѣвецъ!
Какъ свѣжъ цвѣтущій твой вѣнецъ
Изъ лавра, розъ и винограда!
Но что̀ жъ? И ты свой вѣкъ коришь,
Нововведенье ты бранишь...
„Чертоги нынѣ отнимаютъ
Поля у пахарей, и плугъ
Забытый втуне отдыхаетъ
И грѣшный празднуетъ досугъ;
На мѣсто маслинъ плодовитыхъ
Густые лавры поросли...
Не то у предковъ знаменитыхъ
Катонъ и Ромулъ завели.
Тогда съ республикою въ спорѣ
Строптивый не былъ гражданинъ;
Богами замкнутое море
Не выступало изъ пучинъ;
Подъ сѣнью портиковъ тѣнистыхъ,
Къ струямъ фонтановъ серебристыхъ
Богачъ изнѣженный тогда
Не убѣгалъ въ часы труда;
Но людямъ холмы полевые,
Изъ древа хижины простыя
Служили кровомъ; руки ихъ
Взрывали мраморъ колоссальный
Лишь ради славы квиринальной
И ларъ, хранителей своихъ“...
И это ты, другъ Мецената,
Уже развратомъ называлъ?..
О, боги! Какъ бы я желалъ
Жить въ вѣкъ подобнаго разврата!

III.

Поліонъ, Квиринъ, Олинѳъ.

ПОЛІОНЪ.

Друзья! Отчизнѣ мы несемъ
Любви и доблести дѣянья:
Возобновимъ же возліянья
Богамъ предъ падшимъ алтаремъ!
Теперь, по слову Эпикура,
Чело гирляндами увьемъ
И гимнъ хвалебный воспоемъ
Во имя Вакха и Амура;
Воспомнимъ, други, что̀ твердитъ
Нашъ древній чтитель Аонидъ:
„Мирта Киприды мнѣ дай!
Что̀ мнѣ гирлянды цвѣтныя?..
Миртомъ любви увѣнчай,
Юноша, кудри златые!
Мирта зеленой лозой,
Старцу, вѣнчавшись, отрадно
Пить подъ бесѣдкой густой,
Крытой лозой виноградной“.
Но отчего, Олинѳъ, ты скученъ,
И ты задумчивъ, старый другъ?

КВИРИНЪ.

Что̀ дѣлать! Грусть—такой недугъ,
Который съ старцемъ неразлученъ.
Тоска браздитъ ему чело,
Да и веселье тяжело.
Мы завтра въ бой. Пожара пламя
Вдругъ озаритъ свободы знамя;
Но вѣдь не дремлетъ хитрый врагъ...

ПОЛІОНЪ.

Иной подумаетъ, что страхъ
Тебя мутитъ. Стыдися! Полно!
Намъ дѣло завтра: нынѣ намъ
Прилично пить. Римъ семихолмный!
Привѣтъ твоимъ святымъ стѣнамъ!..
Невольники!.. Гирляндъ! Амфоры!..
Вѣнчайте насъ! Вкругъ по столамъ
Разсыпьте розъ! Ведите хоры,
Какъ въ оны славны времена!..
Достать хіосскаго вина

Еще отъ консула Постума!..
Прочь дѣло! Прочь тоска и дума!
Живи и пей, живи и пой!

КВИРИНЪ.

Безумецъ! Можно ль веселиться,
Когда съ предутренней зарей
Нашъ грозный замыселъ свершится?
Успѣхъ не вѣренъ.

ПОЛІОНЪ.

Милый мой!
Жизнь коротка; за жизнью этой
Грядущее все тьмой одѣто,
Въ утробу бездны роковой
Мы каждый мигъ упасть готовы:
Не лучше ль весело сойти
Намъ въ челюсть пропасти суровой?
Смѣлѣй идемъ мы по пути,
Одѣты въ пурпуръ, умащѐны
Сидонской миррой, и съ вѣнкомъ,
Оживлены и вдохновенны
Фалерна искристымъ виномъ.

ОЛИНѲЪ.

Что̀, если бы убійца скрытый
Тебѣ грозилъ, во тьмѣ таясь,
И зналъ бы ты и день и часъ
Свершенья кова, ты бъ защиты
Искать, конечно, позабылъ?

ПОЛІОНЪ.

Да, если бъ часъ избранный былъ
Обѣда часъ: въ такую пору
Моя бы смерть была вѣрна!..
Эй! Скиѳскій рабъ! Еще вина!
Лей, лей въ глубокую амфору!
На пышныхъ ложахъ возлежимъ
И, за трапезою раздольной,
Теперь свободно огласимъ
Обѣдъ нашъ пѣснею застольной!

ОЛИНѲЪ.

Горація?

КВИРИНЪ.

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ!
Зовутъ поэта какъ, не знаю:

Сарматъ иль скиѳъ онъ, а поэтъ
Не дуренъ. Други! Возглашаю.
„Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шумя, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми, волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ,
И розъ, и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что̀ въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ богатствахъ вертограда —
Угоднѣе богамъ!
Настанетъ часъ — воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглецъ могилъ. На звуки флейтъ и лиръ
Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ, и онъ любилъ,
И богу гроздій онъ служилъ...
О, други! Сыпьте розъ Горацiева сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ — этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ,
Во дни, когда киѳара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!“

IV.

Бонифацій *(отшельникъ)*, **Августинъ.**

БОНИФАЦІЙ.

Мнѣ жаль, что Богъ меня послалъ
Не въ вѣкъ суровыхъ испытаній:
Съ какою бъ радостью пріялъ
Я чашу смертную во длани!

АВГУСТИНЪ.

Отецъ, мы видимъ торжество
По всей землѣ Господня слова.

Давно ли заповѣдь Его
Запечатлѣла кровь Христова?
Давно ли съ іудейскихъ горъ
Насъ въ міръ свела Его десница,
Гдѣ ждали насъ позоръ, темница,
Сѣкира, цѣпи и костеръ?
И что же?.. Странниковъ убогихъ
Слова священныя взросли.
Насъ истребляли на земли;
Кровь одного рождала многихъ!
И вотъ узрѣли христіанъ
И сонмъ великаго сената,
Хоругви брани, ратный станъ,
И даже царская палата.

БОНИФАЦІЙ.

О, сынъ мой! Господа судьбы,
Какъ солнце, смертнымъ недоступны.
Мы съ славой вышли изъ борьбы,
Но бойся гордости преступной
И въ самомъ торжествѣ смирись.
Теперь мы ближе обольщеній,
И нынѣ больше берегись
Коварныхъ ада наущеній...
Но гдѣ Эсѳирь? Гдѣ дочь твоя?

АВГУСТИНЪ.

Она сей жизнью скоротечной
Все веселится, какъ дитя,
Все беззаботна и безпечна.

(Слышна пѣсня Эсѳири).

„Колыбель моя качалась
Предъ Сіономъ, и надъ ней
Пальма Божія склонялась
Темной купою вѣтвей;
Бѣлыхъ лилій Идумеи
Снѣжный вѣнчикъ цвѣлъ кругомъ,
Бѣлый голубь Іудеи
Рѣялъ ласковымъ крыломъ;
Ангелъ Божій Израйля
Вѣтвь мнѣ пальмовую далъ,
Возложилъ вѣнокъ изъ лилій
На главу—и въ путь послалъ!“

ЭСѲИРЬ.

Благослови, святой отецъ!

БОНИФАЦІЙ.

Храни, дитя мое, вѣнецъ
И пальму кроткую Сіона:
Ее даритъ съ святого трона
На подвигъ доблести Творецъ.
Твой голосъ звученъ и прекрасенъ,
Но... берегись, дитя! Опасенъ
Бываетъ намъ веселья часъ.
Нашъ врагъ не дремлетъ, за ловитвой
Сѣтьми опутывая насъ.
Порой случалось въ часъ молитвы
Услышать ночью соловья:
Ему невольно мы внимаемъ,
И, грѣшный слухъ свой веселя,
Мы между тѣмъ позабываемъ
Молитву; пѣснью же его
Насъ дьяволъ искони чаруетъ.
Нашъ ангелъ плачетъ и тоскуетъ,
Ему жъ въ паденьи торжество.
Ты молода еще. Богъ любитъ,
Хранитъ дѣтей; но дьяволъ злой
Всѣхъ, и дѣтей и старцевъ, губитъ.

АВГУСТИНЪ.

Повѣдай мнѣ, отецъ святой,—
Ты долго жилъ въ странахъ азійскихъ,—
Какъ, посреди степей ливійскихъ,
Антоній искушаемъ былъ
Лукавствомъ хитрымъ духа злого?

БОНИФАЦІЙ.

О, помню, помню. Допустилъ
Меня Господь узрѣть святого.
Я Ѳиваиду проходилъ.
Тамъ, подъ скалой, въ пещерѣ дикой,
Мерцая, теплется елей;
Надъ черепомъ, между костей,
Молился праведникъ великій.
Согбенъ и дряхлъ, и полунагъ,
Читалъ Писанье онъ. Къ полночи,
Онъ самъ мнѣ сказывалъ, предъ очи
Ему являлся хитрый врагъ
То змѣемъ, то дракономъ, птицей,
То звѣремъ, гадомъ, то дѣвицей.

АВГУСТИНЪ.

Избави Богъ и сохрани
Своихъ рабовъ!

БОНИФАЦІЙ.

Да, искушеній
Онъ зрѣлъ не мало. Но они,
Какъ рои легкихъ сновидѣній,
Предъ нимъ исчезли. Вотъ, мой сынъ,
Примѣръ и намъ! Какъ цвѣтъ долинъ,
Въ насъ вянетъ духъ среди волненій,
И меркнетъ Господа законъ.
О, Римъ! О, новый Вавилонъ!
Ты вѣрой истинной облекся,
Какъ ризой новой; но... увы!
Все злата съ гордой головы
Ты не совлекъ, ты не отрекся
Отъ шумныхъ игрищъ и пировъ;
Ты, подъ Христовою одеждой,
Все тѣ жъ скрылъ язвы, полныя грѣховъ;
Въ твой циркъ, облитый кровью львовъ,
Народъ бѣжитъ... Откройте вѣжды,
Прозрите, горькіе слѣпцы!..
О, горе!.. Внемлю я въ пустынѣ
Смятенный гулъ... Земли концы
Грозятъ блистательной гордынѣ...
Покайся, въ страхѣ смерти жди,
Главу посыпь печали пепломъ,
И въ сердцѣ, въ суетѣ окрѣпломъ,
Священный ужасъ пробуди!
Но полно! Мнѣ уже пора
Оставить васъ. Не пухъ ковра—
Мнѣ ложе, а песокъ горящій;
Жилище мнѣ—не Римъ шумящій,
Пустыня знойная. Вдали
Отъ обольщеній человѣка,
Въ степи невѣдомой отъ вѣка,
Гдѣ Іорданъ катитъ струи,
Творца премудрость созерцая,
Тамъ жить мнѣ, духъ свой возвышая,
А тѣломъ вживѣ умеревъ.
Пустыня мнѣ тамъ ризой будетъ,
А другомъ—степи вольный левъ;
Мнѣ пицу черный вранъ добудетъ

И манны божескій посѣвъ
Господь пошлетъ въ вечернихъ росахъ...
Прости! Гдѣ странничій мой посохъ?

V.

Но отчего къ бесѣдѣ мудрой
Одна Эсѳирь лишь холодна?
Зачѣмъ ея бѣжитъ она
И головою чернокудрой
Склонилась на руки?.. Въ груди
Младая кровь ея пылаетъ.
Чтобъ обмануть мечты свои,
Она молитвенникъ читаетъ;
Но хладенъ ей языкъ святой,
И не библейскія видѣнья
Рисуетъ ей воображенье:
Предъ ней мелькаетъ ликъ иной...
Ей мнится, шумно вдоль арены
Кипитъ народъ въ толпѣ стѣсненной;
Предъ любопытною толпой
Питомцы брани молодые
Свершаютъ игры боевыя;
Ряды блестящихъ колесницъ
Стремятся, точно стаи птицъ
Столбами пыль кругомъ взлетаетъ;
Коней полетомъ управляетъ
Младыхъ патриціевъ рука...
Несутся!.. Цѣль не далека...
Трофеи доблестной потѣхи,
Вѣнокъ и бранные доспѣхи,
Готовъ сорвать ужъ нѣкій грекъ.
Но витязь вдругъ, въ одеждѣ бранной,
Крылатый бѣгъ его пресѣкъ,
Явясь какъ вихрь степей нежданный,
И мигомъ, мощною рукой,
Сдержалъ коней. Какъ онъ прекрасенъ,
Сей витязь юный! Тихо онъ,
Вѣнчанный, ѣхалъ. Гордъ и ясенъ
Его былъ взоръ. Какъ Аполлонъ,
На колесницѣ позлащенной
Стремился онъ вокругъ арены,
Толпы хвалами оглашенъ.
Потомъ мечта ей рисовала
Тотъ чудный мигъ, когда предъ ней

Повергъ побѣдный очъ трофей,
Когда она впервой узнала
Языкъ язвительныхъ страстей.
Ей было страшно, и хотѣла
Она отъ витязя бѣжать...
Но дѣвѣ ль сердцемъ управлять?
Оно любить его велѣло!
Но онъ... онъ гордый врагъ Христа.
Напрасно дѣва молодая,
Святой любовью заклиная,
Его звала подъ сѣнь Креста...
Нѣтъ! Это демонъ былъ блестящій,
Съ миѳологической красой,
Съ любящей, пламенной душой,
И рѣчью, страстію горящей;
Она же—ангелъ передъ нимъ,
Со взоромъ чистымъ и святымъ!
Вѣнокъ изъ маслинъ темнолистыхъ
И лилій нѣжныхъ и младыхъ
Сіялъ на локонахъ струистыхъ,
Какъ свитая изъ звѣздъ златыхъ
И пальмъ зеленыхъ діадима
Надъ головою серафима.
И ангелъ золотую сѣть
Хотѣлъ прорвать и улетѣть
Къ чертогамъ горнимъ, безъ усилій
Расторгнуть сладостный союзъ;
Но для ея блестящихъ крылій
Любовь была какъ тяжкій грузъ;
И ей для темнаго созданья
Не пасть подъ бременемъ борьбы,
И не отвергнуть ей мольбы,
Мольбы послѣдняго свиданья
Въ часовнѣ, подъ вечерній часъ,
Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ!

VI.

Подъ небомъ темно-голубымъ,
Увѣнчанъ цѣпью Аппенинской,
Властитель міра исполинскій,
Великолѣпный блещетъ Римъ.
Палаты царственныя дремлютъ
При блескѣ утреннихъ лучей;
Колонны пышныя подъемлютъ

Тріумфомъ вѣнчанныхъ мужей;
Далеко мраморомъ сіяетъ
Сереброглавый пантеонъ,
Гдѣ сводъ единый осѣняетъ
Боговъ всѣхъ странъ и всѣхъ племенъ.
Тамъ циркъ: на немъ слѣды кровавы
Недавней битвы ярыхъ львовъ;
Тамъ Тибръ струится величавый,
И въ мутной влагѣ съ береговъ
Глядится цѣпь дворцовъ великихъ.
Рабы всѣхъ странъ къ водамъ его
Коней приводятъ полудикихъ,
И старецъ древній, божество
Его истоковъ, съ бѣлой урной
Лежитъ у брега надъ водой,
И рядъ триремъ съ златой кормой
Бѣжитъ вдоль скатерти лазурной.
Подъ сѣнью римскаго орла
Стоитъ угрюмый Капитолій,
Предъ кѣмъ вселенная, въ неволѣ,
Рабой покорною легла.
Глядитъ онъ на квиритовъ форумъ,
Трибуновъ рѣчи ждетъ; но онъ
Молчитъ: какъ прежде шумнымъ споромъ
Его покой не пробужденъ.
Одни свидѣтели нѣмые
Его блистательныхъ временъ,
Какъ воины сторожевые,
Статуи высятся вокругъ.
Не въ ихъ ли груди благородной,
Среди толпы разнонародной,
Хранится римлянъ гордый духъ?
Лишь ихъ чело объято думой
О благѣ родины; ихъ видъ,
Ихъ взоръ холодный и угрюмый
Потомковъ суетныхъ коритъ;
Они же въ улицахъ широкихъ
Кипятъ межъ всѣхъ племенъ земныхъ:
Тамъ черный рабъ степей глубокихъ
И царь развѣнчанный; межъ нихъ
Потомокъ консуловъ, сенаторъ
И полудикій гладіаторъ;
Тамъ мчитъ патрицій молодой
Коней по звонкой мостовой;

Тамъ хлѣбъ Этруріи богатой
Въ пыли влекутъ волы рогаты...
Но прочь, народъ! Взвѣвая прахъ,
Несется съ громомъ колесница
На быстро-огненныхъ коняхъ.
Кто въ ней? Чья это багряница?
Предъ кѣмъ сторонится народъ,
И старъ и младъ, богачъ и бѣдный?..
Не императоръ ли грядетъ?
Не тріумфаторъ ли побѣдный?..
Нѣтъ! Въ ней по поприщу летитъ
Полночныхъ праздниковъ царица,
Кого всемірная столица
Покорно чествуетъ и чтитъ.
Покровъ съ главы ея взвѣваетъ
Клубами вѣтеръ на-лету;
Ея одежда не скрываетъ
Роскошной груди красоту.
Склонясь небрежно въ колесницѣ,
Она, блистательной царицей,
И своенравна, и горда,
Вкругъ на народъ взираетъ праздный.
Ея пурпурныя уста,
Дыша всей роскошью соблазна,
Какъ будто юношамъ твердятъ:
„Дыханьемъ тирскихъ ароматъ,
Душистой миррой и алое
Мой одръ пуховый напоенъ.
Блаженъ, предъ кѣмъ въ моемъ покоѣ
Кисейный завѣсъ устраненъ;
Кто груди мраморъ раскаленный
Освободилъ отъ пышныхъ розъ
И нардомъ умащенныхъ косъ
Впивалъ амброзію, смущенный!..“
И мыслитъ вѣтреный народъ—
Кого Аглая изберетъ?
Кто вкуситъ съ ней, вслѣдъ шумныхъ оргій,
При плескѣ усыпленныхъ струй,
Любви мятежные восторги,
Любви мятежный поцѣлуй?..
Ловите, юные счастливцы,
Аглаей брошенный вѣнокъ!
Кому, влюбленные ревнивцы,
Назначенъ счастія залогъ?

Онъ предъ Олинѳомъ упадаетъ...
Счастливецъ выборомъ смущенъ...
Но колесница исчезаетъ,
И слышитъ голосъ милый онъ:
„Я жду тебя!“
О, боги, боги!..
Олинѳъ! Ты ль это? На любовь
Ты холоденъ: ея тревоги
Ужель твоя забыла кровь?
Бывало, рабъ любви и нѣги,
Дѣлилъ ты тайные ночлеги
Съ Аглаей пылкой; жаждалъ ты
Одной полночной темноты,
Когда она, въ толпѣ влюбленной
Тебя избравъ, твоей любви
Ввѣряла прелести свои,
И грудь, и станъ разоблаченный.
„Итти иль нѣтъ?—такъ мыслилъ онъ:—
Чему я рокомъ обреченъ?
Аглая, гордая Аглая,
Съ своею греческой душой,
Съ огнемъ полуденнаго края,
Съ его поэзіей живой,
Меня любила... жребій мой
Теперь въ рукахъ иной царицы.
Она—безъ злата, багряницы,
Но, тихой святостью чела
И дѣтской воли дивной силой,
Аглаи блескъ превозмогла...
А все царицѣ, прежде милой,
Готовясь въ тартаръ низойти,
Хотѣлъ бы я сказать прости!“

VII.

Былъ свѣтелъ полдень золотой.
Между листовъ густого сада
Струилась тихая прохлада;
Фонтанъ, серебряной горой,
На солнцѣ ввысь взвивалъ алмазы,
Подъ портикомъ, между колоннъ,
Съ цвѣтами мраморныя вазы
Благоухали; упоенъ
Дыханьемъ розы и лилеи
Былъ воздухъ утренній; вдали

Высокихъ тополей аллеи
Къ статуямъ греческимъ вели.
Какъ нереида молодая,
Передъ фонтаномъ, на скамьѣ,
Сидѣла пышная Аглая
Съ златою лютнею въ рукѣ.

АГЛАЯ.

А! Это ты, патрицій милый!
Ты такъ послушенъ... я люблю
Такихъ любовниковъ. Свою
Аглаю вспомнилъ ты насилу.
Признайся: ты передо мной
Неправъ, конечно?

ОЛИНѲЪ.

Я съ тобой,
Я вновь у ногъ твоихъ, Аглая!

АГЛАЯ.

Да, если бы не мой вѣнокъ...

ОЛИНѲЪ.

Аглая!

АГЛАЯ.

Но къ чему упрекъ?
Ты здѣсь... Мой другъ, скажи: мечтая,
Ты вспоминаешь ли тѣ дни,
Дни счастья и любви мятежной,
Когда вдали отъ всѣхъ, одни,
Мы упивались страстью нѣжной,
Когда для красоты иной
Я не была тобой забыта?

ОЛИНѲЪ.

Тѣ дни, когда твои ланиты,
Твои уста еще другой
Не жегъ неистовымъ лобзаньемъ?

АГЛАЯ.

Что̀, если бъ прежняя любовь
Воскресла, съ нѣгой и страданьемъ,—
Когда бъ толпа моихъ рабовъ
Была оставлена,—открыта
Тебѣ лишь дверь моя порой
Ночной,—была ли бы тобой
Моя соперница забыта?

ОЛИНѲЪ.

Аглая, полно! Перестань!

АГЛАЯ.

И впрямь, элегіи унылой
Платить не въ модѣ нынѣ дань.
Но... слушай, мой измѣнникъ милый!
Хоть нынѣ ты забылъ меня,
Но я... сказать ли?.. я тебя
Воспоминала. Было скучно
Одной мнѣ.

ОЛИНѲЪ.

Что жъ въ толпѣ послушной
Тебя занять не могъ иной?

АГЛАЯ.

О, нѣтъ! Они всѣ такъ ничтожны,
Съ такой отцвѣтшею душой;
А я люблю огонь тревожный,
Порывы страсти молодой.
Въ объятьяхъ огненныхъ покоить
Статую хладную какъ ледъ...
Нѣтъ! Имъ любви моей не стоить,
Мертвецъ ли пылъ ея пойметъ?
Но ты молчишь все?.. Полно, милый!
Такихъ мужей я не люблю,
Какъ нашъ Катонъ, Сенека хилый.
Ласкай красавицу свою
И улыбнись.

ОЛИНѲЪ.

Мой другъ Аглая!
Живи, вовѣкъ заботъ не зная;
Питай въ груди огонь страстей;
Вѣнчай свой кубокъ миртомъ свѣжимъ;
Блаженство жизни шумной пей...
Блаженъ, кто на груди твоей,
Тобой любимъ, тобою нѣжимъ,
Вкушаетъ счастіе! Но мнѣ,
Моя Аспазія, ужъ скоро,
Быть-можетъ, въ адской глубинѣ,
Не зрѣть твоей улыбки, взора,
Съ тобой не праздновать досугъ.
Быть-можетъ... Но скажи, мой другъ:
Когда про мой конецъ нежданный

Узна̀ешь, принесешь ли ты
На прахъ мой миртъ благоуханный
Своихъ гирляндъ?

АГЛАЯ.

Что̀ за мечты!
Что̀ за вопросъ!.. Мой другъ прекрасный,
Послушай лучше пѣсни страстной,
Лезбійской пѣсни. Мнѣ ее
Поетъ невольница.

НЕВОЛЬНИЦА *(поетъ)*.

„Я войду въ тотъ садъ прекрасный,
Гдѣ, царицею цвѣтовъ,
Ты почіешь сладострастно
Межъ акацій и дубовъ.
Тихой страстію волнуемъ,
На тебя я погляжу
И внезапнымъ поцѣлуемъ
Легкій сонъ твой пробужу“.

АГЛАЯ.

Не правда ль, вѣетъ пѣсня эта
Отчизной Са̀фо?.. Но, мой другъ,
Ты все угрюмъ, и нѣтъ отвѣта
На твой любимый прежде звукъ?

ОЛИНѲЪ.

Прости, прости! Иные звуки
Я слышалъ—клиръ еврейскихъ дѣвъ...
Угрюмъ и мраченъ ихъ напѣвъ;
Онъ слезъ просилъ, какъ плачъ разлуки,
И эти слезы онъ исторгъ!
Такъ! Плакалъ я, клянусь, Аглая!
Безсмысленно благословляя
Души мучительный восторгъ.

VIII.

ЧАСОВНЯ.

Олинѳъ, Эсѳирь.

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь! Эсѳирь! Ужель твой Богъ
Тебѣ любить не позволяетъ?

ЭСѲИРЬ.

Господь любить повелѣваетъ

Всѣхъ ближнихъ. Самъ, въ святой залогъ
Любви, Онъ принялъ крестъ мученій
И насъ омылъ въ Своей крови.

ОЛИНѲЪ.

Зачѣмъ же ты моей любви
Себя не ввѣришь, добрый геній?
Съ тѣхъ поръ, какъ образъ милый твой
Я принялъ пламенной душой,
Я все забылъ: на играхъ славы
Меня не манитъ свѣжій лавръ;
Напрасно, чуя звукъ литавръ,
Мой конь храпитъ: мечей забавы
Не жажду я. Среди пировъ,
Гдѣ Вакхъ ликуетъ и Киприда,
Я мнилъ забыть къ тебѣ любовь,—
Какъ свѣтлый ликъ богини Книда,
Твой ликъ передо мной сіялъ,
Уста твое шептали имя...
Любовью мучимъ, я бѣжалъ
Туда, гдѣ миртами густыми
Сокрытъ Кипридинъ древній храмъ;
Я поднялъ жертвенникъ разбитый,
И вновь алтарь ея забытый
Священный обвилъ ѳиміамъ.

ЭСѲИРЪ.

Безумецъ! Ты молитвы пламень
Кому вознесъ?.. Ужели камень
Твоею тронется мольбой?..
Оставь, забудь кумиръ бездушный,
Предъ виѳлеемскою звѣздой
Склонись, смиренный и послушный:
Тогда...

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь! Бѣги со мной!
Спаси себя и Римъ старинный!
Я все повергну предъ тобой,
Къ твоимъ стопамъ—за взглядъ единый.
Купили злата мнѣ въ бояхъ
Отцовъ изрубленные шлемы;
Воздвигъ я виллы на земляхъ
И гордо врѣзалъ ихъ въ моряхъ,
И карѳагенскія триремы
Предъ ними веслами шумятъ,

Подъ сѣнью портиковъ фонтаны,
Въ чертогахъ тирскій ароматъ,
Толпы рабовъ златоубранны;
Вдоль стѣнъ рога альпійскихъ сернъ
И вепрей темнаго Ардена;
Вкругъ на столахъ кипитъ фалернъ,
Сребромъ горитъ въ амфорахъ пѣна;
Вдоль лѣстницъ статуй дивныхъ строй,
Съ развалинъ Греціи снесенный,
И скиѳъ у вратъ полунагой,
Какъ левъ, цѣпями пригвожденный.

ЭСѲИРЬ.

Не возмущай мой дѣтскій умъ,
Не обольщай меня словами...
Что̀ злато? Прахъ; что̀ слава? Шумъ.
Они проходятъ вмѣстѣ съ нами.
За злата блескъ, за славы громъ
Мы духъ свой аду продаемъ.

ОЛИНѲЪ.

Я брошу пышные чертоги—
Наслѣдье праотцевъ—и Римъ.
Пускай сопутствуютъ намъ боги
Черезъ моря, къ странамъ инымъ!
Тамъ, гдѣ по рощамъ Гемонійскимъ
Пеней струи свои катитъ,
Мы камень древнихъ Аонидъ,
Покрытый прахомъ олимпійскимъ,
Цвѣтами свѣжими увьемъ.
Передъ пустыннымъ очагомъ,
Подъ сѣнью щедрой Цитереи,
Мы воскресимъ дни Одиссеи,
Съ любовью къ миру и богамъ.
Бѣжимъ, мой другъ! Звѣзда Киприды
Съ улыбкой кроткой свѣтитъ намъ,
Какъ пастырю пустынной Иды.

ЭСѲИРЬ.

Олинѳъ, Олинѳъ! Оставь меня!
Твоя любовь мнѣ недоступна!..
О, Боже! Огнь любви преступной
Зачѣмъ питаетъ грудь моя?

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь, ты любишь?

ЭСѲИРЬ.

Боже правый!
Разсѣй Ты мракъ его лукавый
И длань Свою простри надъ нимъ!

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь! Внемли мольбѣ священной!
Спаси себя, спаси ты Римъ!
Дай мнѣ обнять твои колѣна,
Дай руку... Боги! Погляди,
Какъ голова моя пылаетъ
И сердце бѣдное сгораетъ
И бьется въ жаждущей груди...
Эсѳирь! Одно, одно лобзанье!..

ЭСѲИРЬ.

О, Боже мой! Что̀ дѣлать мнѣ?

ОЛИНѲЪ.

Оно смиритъ мои страданья...
Лобзай меня!

ЭСѲИРЬ.

Я вся въ огнѣ...

ОЛИНѲЪ.

Одно лобзаніе!

ЭСѲИРЬ.

Дай силы,
О, Боже, мнѣ!

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь! Ты имъ,
Клянусь, избавишь отъ могилы
И разрушенья древній Римъ!

(Въ часовнѣ гаснетъ одна лампада).

ЭСѲИРЬ.

О, Боже! Трепетную дѣву
Предашь ли праведному гнѣву?..
Прочь! Прочь, Олинѳъ! Я не должна,
Я не могу для иновѣрца
Отдать огонь младого сердца:
Я небесамъ обречена.

(Вырывается отъ него и падаетъ предъ иконой).

ОЛИНѲЪ.

Молись!.. Невѣдомаго Бога
Зови, забывъ своихъ боговъ!..

О, Зевсъ! Отъ горняго чертога,
Вершитель молній и громовъ,
Пошли ты мнѣ свой мечъ горящій
И факелъ мщенія зажги
Своею молніей разящей,
И грудь мнѣ мощью облеки!..
О, Ромулъ! Духъ твой надо мною
Паритъ, суровъ, неукротимъ...
Скорѣй, о, ночь, глубокой тьмою
Опеленай невѣрный Римъ!

IX.

Заговорщики, *въ полномъ вооруженіи, вокругъ пустыннаго алтаря Юпитера.*

Клянемся Ромуловой тѣнью,
Клянемся Цезаря мечомъ,
Предать отступниковъ отмщенью
И не робѣть въ бою ночномъ!
Клянемся Рима древней славой
И Капитолія орломъ,
Ему отдать его державу
Съ его потерянным вѣнцомъ!
Клянемся адскими богами,
Богами моря, неба, горъ,
Возжечь имъ огнь предъ алтарями
И кровью съ нихъ омыть позоръ!

Квиринъ *приноситъ жертвы. Воины склоняютъ копья.*

X.

Спокойна ночь. Сіяньемъ млечнымъ
Подернутъ мраморъ и гранитъ.
Надъ Тибромъ, сномъ объяты вѣчнымъ,
Недвижны сфинксы. Тибръ шумитъ,
Во мглѣ сверкая. Колесницы
Ужъ не гремятъ; затушены
Огни, и, въ лонѣ тишины,
Спятъ обитатели столицы.
Лишь свѣтъ украдкою зажженъ
Отшельникомъ въ пустынной кельѣ,
Иль пиръ безумнаго веселья
Елеемъ ярко озаренъ.
Эсѳирь, спокоивъ духъ молитвой,
Одна въ обители своей.

О, какъ для сердца тяжки битвы
Льдяного долга и страстей!
Она, въ груди своей лелѣя,
Хранила огненную страсть...
Изгнать ли сладостнаго змѣя
Иль въ сѣть обманчивую пасть?
Но онъ сраженъ. Чего же стòитъ
Побѣда эта!.. Сколько слезъ!..
Вдругъ бросить радость брачныхъ розъ...
Но тернъ ли сердце успокоитъ?
Пускай побѣждена любовь,
Но сонъ, въ лукавомъ обольщеньи,
Опять мутитъ воображенье
И дразнитъ пламенную кровь.
И вотъ красавицѣ влюбленной
Онъ кажетъ образъ милый ей:
Олинѳъ, подъ пальмою Сіона,
Ее зоветъ; вдали предъ ней
Алтарь, и хоры херувимовъ
И шестикрылыхъ серафимовъ
Имъ пѣсни брачныя поютъ.
Вдругъ шумъ... Пожаръ... Толпы бѣгутъ...
Огонь неистовый сіяетъ.
Эсѳирь въ испугѣ покидаетъ
Мечтаній ложе. Алый блескъ
Ее облилъ. Широко пламя
Развило бѣдственное знамя
И рушитъ. Всюду громъ и трескъ.
Ужель Эсѳирь забыли люди
И гибнуть бросили одну?..
Власы разсыпавъ, крестъ ко груди
Прижавъ, она бѣжитъ къ окну.
Межъ тѣмъ разлился пламень жадный,
Далеко моремъ золотымъ.
Чертоговъ зданія громадны
Наполнилъ смрадъ и черный дымъ.
Средь разрушенья змѣй багровый,
Въ объятьяхъ мраморъ обхватя,
Его колеблетъ и, суровый,
Подъ небо прядаетъ, свистя,
И вѣтромъ зыблемый, огромной
Всталъ пирамидой въ ночи темной.
Затопленъ дымомъ небосклонъ,
И мраморъ статуй и колоннъ,

И Тибръ, и вѣчные граниты
Кровавымъ заревомъ облиты...

XI.

Квиринъ, Поліонъ.

ПОЛІОНЪ.

Ну что̀, Квиринъ?

КВИРИНЪ.

Не говори,
Я самъ себя не понимаю!

ПОЛІОНЪ.

Доспѣхи ржавые свои
И то надѣлъ?

КВИРИНЪ.

Я воскресаю
Къ свободѣ древней! Да и ты,
Ты промѣнялъ на лавръ побѣды
Вѣнка Кипридина листы?

ПОЛІОНЪ.

Обычай сей хранили дѣды:
Прекраснѣй мечъ нашъ боевой
Подъ виноградною лозой!

XII.

Толпа христіанъ.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Пришли послѣдни времена!
Господь насъ предалъ чадамъ злобы!
Выходятъ мертвыхъ племена
И разверзаются ихъ гробы!

БОНИФАЦІЙ.

Молчи! Господь своихъ рабовъ
Не позабудетъ, маловѣрный!
Пусть ада полчища безмѣрны:
Безмѣрна Божія любовь!

АВГУСТИНЪ.

Но гдѣ Эсѳирь? Гдѣ дщерь Сіона?
Гдѣ дочь моя?

БОНИФАЦІЙ.

Сынъ! Положись

Во всемъ на Бога и молись:
Въ Немъ намъ прямая оборона.
Благодарю Тебя, Творецъ!
Пришлось и старцу наконецъ
Увидѣть мучениковъ знамя,
За свѣтлый пальмовый вѣнецъ
Свой бренный трупъ повергнуть въ пламя
И духомъ прянуть къ небесамъ!

НАРОДЪ.

Бѣгите! Рѣжутъ!.. Гибель намъ!

XIII.

Но кто сей воинъ?.. Бѣлый конь
Его несетъ сквозь дымъ, огонь.
Онъ статенъ: римская одежда
Временъ республики на немъ;
Безъ перьевъ шлемъ, копье съ щитомъ,
Броня чешуйная. Надежда
Въ его очахъ. Восторгъ живой
Горитъ въ душѣ вольнолюбивой...
Какъ блещетъ мечъ его стальной!
Какъ мощенъ конь его ретивый!
Вокругъ него струится кровь;
Народъ, имъ пораженный, стонетъ...
Такъ левъ степной разитъ и гонитъ
Толпу смятенную ловцовъ.
Но что же льва сразитъ младого?
Желѣзо ль? Пламени ль змѣя?
Онъ самъ разлилъ моря огня;
Не страшенъ мечъ ему суровый.
Онъ зритъ—средь пламени, въ окнѣ,
Съ крестомъ на персяхъ, въ ткани бѣлой,
Младая дѣва. Вкругъ въ огнѣ
Чертогъ пылаетъ опустѣлый.
Ея одежду и власы
Горячій вѣтеръ развѣваетъ;
Огонь свирѣпый озаряетъ
Ея небесныя красы.
Казалось, разъяренный пламень
Коснуться дѣвы не дерзалъ:
Топя металлъ и руша камень,
Онъ передъ нею умиралъ.
Олинѳъ глядитъ: любовь и мщенье

Бушуютъ въ немъ... Вотъ торжество
Любви отвергнутой его!..
Но въ жданной мести наслажденья
Въ сей страшный мигъ не видитъ онъ.
Какъ будто свыше озаренъ,
Въ огонь летитъ онъ для спасенья
Эсѳири юной...

ОЛИНѲЪ.

Милый другъ!

ЭСѲИРЬ.

Зачѣмъ ты здѣсь?

ОЛИНѲЪ.

О, умоляю!..

ЭСѲИРЬ.

Оставь меня! Ни слезъ ни мукъ
Ты не увидишь. Умираю
Я съ вѣрой. Прочь!

ОЛИНѲЪ.

Ко мнѣ скорѣй!
Колонны рушатся. Сильнѣй
Все пламя; гуще тучи смрада...
Не медли! Слышишь, колоннада
Тамъ падаетъ!.. Клянусь: Твоимъ,
Твоимъ къ тебѣ я посланъ Богомъ!
Онъ велъ меня къ твоимъ чертогамъ.
Спасайся!.. Заклинаю Имъ!

ЭСѲИРЬ.

Да будетъ судъ Его надъ нами!

ОЛИНѲЪ.

Скорѣй ко мнѣ! Обвей руками
Меня сильнѣй... О, боги! Сводъ
Надъ нами пламя раскалило...
На насъ онъ сыплетъ камни... Вотъ
Упала лѣстница... Другъ милый!
Простишь ли ты меня?.. Одна
Надежда намъ.

(Кидается внизъ).

Ты спасена!
И, мертвъ, низвергнутъ воинъ смѣлый
Съ окровавленной головой;
И на груди его младой

Эсѳиръ съ крестомъ, какъ ангелъ бѣлый.
Съ вѣнцомъ небеснымъ вкругъ чела,
При трубахъ арміи незримой,
Архангелъ брани невредимо
Ее провелъ сквозь волны дыма
Подъ сѣнью рдянаго крыла.

ЭПИЛОГЪ.

Между преданьями языческихъ вѣковъ,
Запечатлѣнными на мраморѣ, люблю я
Два мрамора, и въ нихъ двѣ басни. Бичъ годовъ
Ихъ пощадилъ, и умъ, значенье ихъ пытуя,
Въ нихъ два симво̀ла зритъ. Безъ воли ихъ творцовъ,
Мнѣ миѳъ таинственный являетъ ихъ статуя:
Въ единой—древности весь блескъ изображенъ,
Въ другой—медлительный конецъ и смертный стонъ.
Блестящій юноша. Съ серебрянаго лука
Лишь только сорвалась звенящая стрѣла.
Предъ нимъ поверженъ змій. И мщеніе и мука
Въ его рыканіи съ нимъ вмѣстѣ замерла;
А онъ, богъ красоты, богъ творчества и звука,
Чрезъ трупъ чудовища, съ спокойствіемъ чела,
Вступаетъ гордо въ храмъ. Глаза побѣдой блещутъ,
И музы лаврами ему покорно плещутъ.
Старикъ. Блестящій змій, съ златою чешуей,
Его, какъ кольцами, внезапно обвиваетъ
И давитъ, и вотще безсильною рукой
Онъ жало острое отъ сердца отвращаетъ:
Нѣтъ! Змій торжественно вознесся головой,
А старецъ уязвленъ и кровью истекаетъ...
Сей змій—не чадо тьмы, не яростный Пиѳонъ,
Но змій пророческій Іаковыхъ племенъ.
Люблю я вызывать изъ области гробницы
Преданья древности, въ ихъ пеплѣ вѣковомъ;
Мнѣ живо чудятся пиры и колесницы,
И юный Эпиктетъ въ вѣнкѣ за пиршество̀мъ,
Тимпанъ, и звуки лиръ, и пляшущія жрицы,
И образъ муміи въ нарядѣ гробовомъ;
И веселъ я... Такъ что̀ жъ? Прійдутъ иныя лѣта,
И свянутъ для меня гирлянды Эпиктета!

(1842).

II.

ДВѢ СУДЬБЫ.

БЫЛЬ.

„Кто болѣе достоинъ сожалѣнія? Чья судьба ужаснѣе?..
Увы! Я не смѣю произнести приговора...“
Хоръ изъ Софокловой трагедіи:
„Трахинійки“.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

На креслахъ, предъ раствореннымъ окномъ
Одинъ сидѣлъ больной Карлино. Сладко
Дыша въ тѣни прохладнымъ вѣтеркомъ,
Онъ отдыхалъ, избитый лихорадкой.
Онъ снова жизнь улыбкою встрѣчалъ,
Въ ней помня радости, забывши муки,
И весело, какъ будто по разлукѣ,
Знакомые предметы узнавалъ:

II.

Въ углу кумиръ языческаго бога—
Отрытый имъ въ саду, безъ рукъ, безъ ногъ...
„Богъ дастъ,—онъ думалъ:—сыщется знатокъ,
Дастъ пятьдесятъ піастровъ: мнѣ подмога...“
На золотѣ Мадонна со Христомъ,
Сіэнскихъ старыхъ мастеровъ работа,
Рядъ древнихъ копій съ Липпи иль съ Джіотта,
Оставленныхъ ему еще отцомъ.

III.

На полкѣ книги: да, о человѣкѣ
Вы можете навѣрно заключать
По избранной его библіотекѣ,
Въ его душѣ, въ понятіяхъ читать:
Лежали тамъ комедіи Гольдони,
Исторія Мадонны и Святыхъ,
Либретто оперы, стихи Тассони,
Да календарь процессій храмовыхъ...

IV.

Какъ старый другъ, онъ встрѣтилъ ихъ улыбкой;
Потомъ на даль онъ перевелъ свой взоръ...

А что̀ за виды съ Фраскатанскихъ горъ!
Тамъ дерева̀ лозой обвиты гибкой;
Тамъ въ миртовыхъ аллеяхъ пышныхъ виллъ
Статуи, бюсты, мраморныя группы;
Тамъ римскихъ пинъ зонтообразны купы
И кипарисъ, печальный другъ могилъ...

V.

Какъ радъ онъ былъ, что снова видитъ дивный
Въ туманѣ очеркъ купола Петра
И въ Римъ дорогу лентою извивной
Между руинъ... А ужъ была пора,
Какъ солнце гасло, ночь шла отъ востока,
И слышно на долинѣ лишь дроздовъ,
Да каравановъ навьюченныхъ муловъ,
Гремушками звенящій издалёка.

VI.

Не долго нашъ больной покоилъ взоръ
На дали и долиной любовался;
Заботливо порой онъ обращался
Въ сосѣдній виноградникъ чрезъ заборъ;
Онъ видитъ тамъ, межъ листьями мелькая,
Въ корсетѣ аломъ, бѣлою рукой
Пригнувъ лозу, смуглянка молодая
Срываетъ съ вѣтки гроздій золотой.

VII.

Пурпурный лучъ мерцающей денницы
Ея античный профиль озлащалъ,
И смоль косы, и черныя рѣсницы,
И покрывало пышно обагрялъ.
—„Нинета!“—ей кричитъ онъ чрезъ ограду,
И тотчасъ, легче серны молодой,
Съ корзинкою златого винограду
Влетѣла дѣвушка въ его покой.

VIII.

„Проснулся ты? Тебѣ, Карлино милый,
Сегодня лучше?.. Знать, не даромъ я
Поутру въ монастырь святой ходила
Къ обѣднѣ и молилась за тебя.
Я отнесла Мадоннѣ ожерелье“.
И цѣловала дѣва-красота,

Рѣзвясь, едва не плача отъ веселья,
Устами алыми его уста.

IX.

„Нинета! Ты все прежняя рѣзвушка!
Будь и всегда такая; и въ тѣ дни,
Какъ будемъ мы, Господь тебя храни!
Я—дряхлъ и хилъ, ты—добрая старушка.
Какъ мнѣ легко! Какъ веселъ я душой!
Я будто вновь родился, и родился
Къ блаженству... Этотъ вечеръ, ты со мной...
Какъ будто ангелъ съ неба мнѣ явился...

X.

„Ахъ скоро ль я женой тебя введу
Въ свой домъ! Пора! Нашъ домикъ будетъ раемъ.
Хозяйкою ты станешь... мы сломаемъ
Докучливый заборъ въ твоемъ саду.
Взгляни: мой виноградъ въ твой садикъ, къ лозамъ
Твоимъ черезъ заборъ перебрался,
Твой олеандръ къ моимъ пригнулся розамъ,
И плющъ мой вкругъ него перевился.

XI.

„Все любится вкругъ насъ! Мы другъ для друга
Назначены судьбой!“—Упоена,
Молчала Нина. Думала ль она
О счастіи, какъ будетъ мать, супруга,
Жалѣла ли дѣвичьихъ вольныхъ дней,
Иль страстныхъ словъ она не понимала;
Но молча имъ, разсѣянно внимала,
Какъ колыбельной пѣсенкѣ своей...

XII.

Такъ слѣдуетъ головкою стыдливой
Цвѣтокъ полей движеньямъ вѣтерка,
Такъ носится струями ручейка
Листокъ заблудшій... Бурные порывы
И бѣсъ любви ея не трогалъ сна,
Въ ея душѣ ключомъ не билъ, не стукалъ;
Къ любви Карлино искренней она
Еще привыкла въ пору игръ и куколъ.

XIII.

Въ ея душѣ читалъ онъ, какъ на днѣ
Прозрачнаго ручья: мечты, желанья,
Вся, вся она была его созданье;
Какъ юнаго орленка въ вышинѣ
Отецъ и мать, слѣдилъ онъ мысли Нины,
Лелѣялъ миръ души и сердца сонъ;
А сердце спало въ ней, какъ средь пеленъ
Младенецъ спитъ: про то не зналъ Карлино.

XIV.

Какъ сердце спало? Стало-быть, она,
Не знавъ любви, Карлино не любила?
Зачѣмъ же въ монастырь она ходила
О немъ молиться? Отчего одна
Она въ дому его? И даже, Боже!
Что̀ жъ ничего она не говоритъ,
Какъ онъ ее цѣлуетъ? Что̀ за стыдъ!
Вѣдь ни на что все это не похоже!

XV.

Позвольте, все вамъ вѣрно объясню;
Но разскажите мнѣ, когда угодно,
Зачѣмъ мы часто любимъ такъ свою
Собаку старую, халатъ негодный,
Одну все трубку, няню, старый домъ,
Тетради школьныя?.. А если будемъ
Должны ихъ бросить? Бросимъ и уйдемъ!
Къ вещамъ привычка! Точно то жъ и къ людямъ,

XVI.

Покуда ихъ та мысль не потрясла,
И сердца ихъ та страсть не взволновала,
Которая въ душѣ у насъ росла,
Бушуетъ въ ней или отбушевала...
Подобныхъ встрѣчъ не много намъ дано,
И съ близкими мы часто какъ съ чужими...
Иныхъ же встрѣтишь... кажется, давно
Видалъ ихъ, зналъ, страдалъ и думалъ съ ними.

XVII.

Какъ къ воздуху своихъ Фраскатскихъ горъ,
Какъ къ небесамъ безоблачнымъ Сабины,

Какъ къ амбрѣ розъ, привыкло сердце Нины
Къ слѣпой любви Карлино съ давнихъ поръ.
Въ ней даже мысли не было тревожной,
Что и другихъ любить ему возможно...
А ей?.. Но вотъ ударило кольцо,
Какой-то гость идетъ къ нимъ на крыльцо.

XVIII.

Широкій плащъ свой на плечо закинувъ,
На брови шляпу круглую надвинувъ,
Вошелъ онъ къ нимъ. Овальное лицо,
Высокій лобъ и очи голубыя,
И русый усъ, и кудри золотые,
Все означало въ немъ, что онъ былъ сынъ
Иной земли, небесъ, иной природы,
Не обожженный солнцемъ Аппенинъ,
Не оживленный дикой ихъ свободой.
Умѣніе собою управлять,
Морщины раннія и думъ печать,
Во всѣхъ пріемахъ легкая небрежность
И благородство говорили въ немъ,
Что онъ рожденъ и росъ въ краю такомъ,
Гдѣ съ юныхъ лѣтъ души порывъ и нѣжность
Подавлены; гдѣ страсть—раба ума,
Жизнь—маскарадъ, природы гласъ—чума!..

XIX.

Онъ русскій былъ, дитя страны туманной,
И жилъ давно уже въ краю чужомъ...
Его хозяйка, сьора Маріанна,
Бывало, говорила такъ о немъ:
„Онъ малый скромный, платитъ аккуратно
И добръ: моимъ ребятамъ завсегда
Даетъ гостинца; только иногда
Такъ грустенъ, бѣдный! Впрочемъ, и понятно:

XX.

„Вѣдь онъ язычникъ... Можетъ-быть, Господь
Погибшаго печалью посѣщаетъ.
Дай Богъ ему спасти свой духъ и плоть!
Легко ль! Не вѣритъ въ папу онъ! Бываетъ,
Что цѣлый день проводитъ онъ какъ тѣнь
За книгами, или въ долинѣ бродитъ,
Иль блажь такая на него находитъ,
Что на конѣ онъ рыщетъ цѣлый день“.

XXI.

Владимиръ (такъ мы гостя назовемъ)
Былъ пораженъ сей мирною картиной;
Полубольной Карлино, и при немъ,
Облокотясь на спинку креселъ, Нина;
И мать ея (простите, я забылъ
Вамъ возвѣстить ея приходъ) глядѣла
На юную чету, и какъ яснѣла
Ей будущность!.. А по небу свѣтилъ
Небесныхъ лики ночь разоблачала,
И дымка влажная ночныхъ паровъ
Вилась вокругъ руинъ, гробницъ, холмовъ,
Дышали розы... музыка играла...

XXII.

ВЛАДИМИРЪ.

На югъ лишь сходитъ, только въ этотъ рай,
Подобный вечеръ...

КАРЛИНО.

А у васъ, далеко
На сѣверѣ не то?

ВЛАДИМИРЪ.

О, нѣтъ, жестоко
И зло природой нашъ обиженъ край.

КАРЛИНО.

Зато, синьоръ, вы сильны, вы богаты?

ВЛАДИМИРЪ.

Да, но ни солнца ни небесъ иныхъ
Не прикупить за дорогую плату:
И что намъ въ нихъ, въ богатствахъ покупныхъ?
Карлино, вѣрьте, право, я желалъ бы
На вашемъ мѣстѣ быть, клянусь душой.
Я жилъ бы здѣсь спокойно, изучалъ бы
Міръ древности и отдыхалъ порой
Подъ сѣнью моего же винограда;
И умереть была бы мнѣ отрада,
Я зналъ бы, что поплакать, помечтать
Прійдетъ на гробъ мой другъ любимый.

НИНА.

Боже!
Карлино былъ мнѣ съ дѣтства братомъ...

ВЛАДИМИРЪ.

Что же?

НИНА.

И только, больше ничего сказать
Я не хочу.

ВЛАДИМИРЪ.

Простите мнѣ, синьора,
Но видъ блаженныхъ южныхъ странъ во мнѣ
Рождаетъ грусть; и о родной странѣ
Во мнѣ болѣетъ мысль, полна укора;
Мнѣ грустно; я хандрю еще сильнѣй,
А тяжко на душѣ, языкъ вольнѣй,
И говоришь о томъ, что такъ тревожитъ.
Но, впрочемъ, васъ мой сплинъ занять не можетъ,
Вы счастливы, какъ можетъ быть счастливъ
Здѣсь человѣкъ.

Онъ замолчалъ, сдавивъ
Украдкой грустный вздохъ въ груди. Карлино
Сжалъ руку Нины, тихо обративъ
Къ ней полные восторгомъ свѣтлымъ взоры;
Она молчала, очи устремивъ
На дальнія, темнѣющія горы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Въ дни древности питомцы Эпикура,
Средь мраморовъ, подъ шумъ падущихъ водъ,
Подъ звуки лиръ, въ честь Вакха и Амура,
Здѣсь пиромъ оглашали пышный сводъ.
Толпы невольницъ, розами убранныхъ,
Плясали вкругъ скелетовъ увѣнчанныхъ;
Спѣшили жить они, пока вино
Въ ихъ кубкахъ было ярко и хмельно,
Пока любовь играла пылкой кровью,
И цвѣлъ вѣнокъ, сплетенный имъ любовью.

II.

Они все тѣ жъ, Авзоніи сыны!
Ихъ пиръ гремитъ при пѣсняхъ дѣвъ румяныхъ,
Въ виду руинъ—скелетовъ, увѣнчанныхъ
Плющомъ и миртомъ огненной весны.
Межъ тѣмъ какъ смерть и міра отверженье

Вѣщаетъ имъ монаховъ мрачный клиръ,
Въ землѣ вскипаетъ лава разрушенья, —
Блеститъ вино, поетъ веселый пиръ,
И царствуетъ богиня наслажденья.

III.

Какъ я люблю Фраскати въ праздникъ лѣтній!
Лавръ, кипарисъ высокой головой,
И розъ кусты, и миртъ, и дубъ столѣтній
Рисуются такъ ярко на густой
Лазури неба и на дымкѣ дали,
На блѣдномъ перламутрѣ дальнихъ горъ.
Органъ звучитъ торжественно. Соборъ
Гирляндами увитъ. Въ домахъ алѣютъ
Пурпурные ковры изъ оконъ. Тутъ
Съ хоругвями по улицамъ идутъ
Процессіи монаховъ; тамъ пестрѣютъ,
Шумятъ толпы; лучъ солнца золотой,
Прорвавши сводъ аллеи вѣковой,
Вдругъ обольетъ невѣдомымъ сіяньемъ
Покровъ, главу смуглянки молодой:
Картина полная очарованьемъ!
Для пришлеца она какъ пышный сонъ!
Ее любилъ Владиміръ; тихо онъ
Бродилъ; но посреди толпы и шума
Обычная тѣснилася въ немъ дума.

IV.

Любилъ онъ видѣть праздникъ сей живой
И типъ племенъ въ толпѣ разнонародной.
Какая смѣсь! Сыны страны холодной
Сюда стеклись, гонимые хандрой;
Тамъ нѣмецъ жесткій, будто пня отрубокъ,
Съ сигарою и флегмою своей,
И фраскатанка съ нѣгой алыхъ губокъ
И съ молніей полуденныхъ очей;
Французъ, въ своихъ пріемахъ утонченный,
И селянинъ Кампаніи златой
Съ отвагою и ловкостью врожденной;
И важный бриттъ, предлинный, препрямой,
Всѣхъ сущихъ гидовъ строгій комментаторъ,
И подлѣ—огненный импровизаторъ.

V.

А русскіе?.. Тамъ много было ихъ,
Но уклонялся русскій нашъ отъ нихъ.
Какъ сладко намъ среди чужихъ нарѣчій
Вдругъ русское словечко услыхать!
Такъ радъ! Готовъ какъ друга ты обнять
Всю Русь святую въ незнакомой встрѣчѣ!
Захочется такъ много разсказать
И разспросить... Но вотъ ударъ жестокій,
Когда въ своихъ объятіяхъ найдешь
Все тѣхъ же, отъ кого бѣжалъ далеко,
Какъ горько тутъ порывъ свой проклянешь!

VI.

Тотъ вывезъ изъ степей все то жъ татарство,
Средь пышности ничтожность, пустоту,
Тщеславіе наслѣдственнаго барства
Или вчерашнихъ титуловъ тщету;
Безъ мнѣнья голова, а рѣчь педанта;
Все русское ругаетъ наповалъ;
Все чуждое превыше всѣхъ похвалъ;
Всего коснется—отъ червя до Данта;

VII.

Санъ вѣсъ даетъ рѣчамъ его тупымъ;
Осудитъ онъ какъ-разъ Микель-Анджело,
И приговоръ его непогрѣшимъ,
Какъ приговоръ подписаннаго дѣла.
Отчаянный въ рѣчахъ радикалистъ,
Иль демагогъ, иль буйный кондотьери,
А между тѣмъ вчера дрожалъ, какъ листъ,
Вельможъ блестящихъ у пріемной двери.

VIII.

Другого есть покроя молодцы:
Тѣ чужды всѣмъ идеямъ басурманскимъ.
Имъ храмъ Петра ничто передъ Казанскимъ
И лучше винограда огурцы;
По нимъ, весь западъ сгнилъ въ мечтахъ безплодныхъ,
И Тьеръ, Гизо, О'Коннель—дураки,
. . . . . .
. . . . . .

IX.

На блѣдныя смотря ихъ поколѣнья,
Владиміръ часто думалъ: Боже мой!
Ужели плодъ наукъ и просвѣщенья
Купить должны мы этой пустотой,
Ничтожностью, развратомъ униженья?
О, русскіе, вѣдь былъ же вамъ разгулъ
Среди степей, вдоль Волги и Урала,
Гдѣ воля духъ вашъ въ брани укрѣпляла;
Вѣдь доблестью горѣлъ вашъ гордый взоръ,
Когда вы шли на Ярославовъ Дворъ,
И вдохновлённыя отчизной рѣчи
Рѣшали споръ на новгородскомъ вѣчѣ;
Не разъ за честь родной своей земли
Вы города и храмы ваши жгли,
Несклонные нести, въ уничиженьи,
Чужую цѣпь и стыдъ порабощенья:
Ужель, когда мессія нашъ возсталъ,
Васъ пробудилъ, и міръ открылъ вамъ новый,
Въ васъ мысль вдохнулъ, вамъ жизнь иную далъ,—
Не вняли вы его живое слово,
И гласъ его въ пустынѣ прозвучалъ?
И, грустные, идете вы какъ тѣни,
Безъ силы, безъ страстей, безъ увлеченій?
Или была наука вамъ вредна?
Иль, дикаго растливъ, въ вашъ духъ она
Не пролила свой пламень животворный?
Иль, лѣнію окованнымъ позорно,
Не по-плечу вамъ мысли блескъ живой?
Упорнымъ сномъ вы платите ль Батыю
Доселѣ дань, и плодъ ума порой,
Какъ лишній соръ, сметается въ Россію?
И не зажгла наука въ васъ собой
Сознанія и доблестей гражданства,
И будетъ вамъ она кафтанъ чужой,
Печальное безличье обезьянства?..

. . . . . .

X.

Родной языкъ, языкъ баяновъ давныхъ,
Боярскихъ думъ и княжескихъ пировъ,
Ты изгнанъ изъ блистательныхъ дворцовъ!
Родной языкъ, богатый какъ природа,

Хранитель слезъ, надеждъ и думъ народа,
Чѣмъ сталъ ты? Чѣмъ? Невѣжества клеймомъ
И рѣчью черни; баринъ именитый—
Увы!—теперь съ тобою незнакомъ,
И русскихъ дѣвъ сердца тебѣ закрыты.
Теперь тебя красавицы уста
Стыдятся, какъ позора убѣгая,—
Что жъ будешь ты, о, рѣчь моя родная,
Ты, лучшая устъ женскихъ красота?

XI.

Владиміръ создалъ для себя пустыню
Въ своемъ быту. Онъ русскихъ убѣгалъ,
Но родину, какъ древнюю святыню,
Какъ мать любилъ, и за нее страдалъ
И веселился ею. Часто взоры
Онъ обращалъ на снѣговыя горы
И свѣжій вѣтръ вдыхалъ онъ съ ихъ вершинъ,
Какъ хладный вздохъ родныхъ своихъ долинъ.

XII.

Да, посреди полуденной природы
Онъ вспоминалъ про шумъ своихъ дубровъ,
И русскихъ рѣкъ раскатистыя воды,
И мракъ и тайну вѣковыхъ лѣсовъ.
Онъ слышалъ гулъ ихъ съ самой колыбели
И помнилъ, какъ, свои качая ели,
Вся стономъ стонетъ русская земля;
Тотъ вопль былъ свѣжъ въ душѣ его, какъ стоны
Богатыря въ цѣпяхъ. Средь благовонной
Страны оливъ, онъ вспоминалъ поля
Широкія и прудъ позеленѣлый,
Рядъ дымныхъ избъ, домъ барскій опустѣлый,
Гдѣ росъ онъ, домъ, исполненный затѣй
Тогда, псарей, актеровъ, трубачей,
Всѣхъ прихотей россійскаго боярства,
Умѣвшаго такъ славно вѣкъ конать,
Успѣвшаго такъ дивно сочетать
Европы лоскъ и варварство татарства.

XIII.

Какъ Колизей, боярское село
У насъ свою исторію имѣетъ.
Одна у всѣхъ: о домѣ, гдѣ свѣтло

Жилъ дѣдъ его, наслѣдникъ не радѣетъ.
Платя хандрой дань вѣку своему,
Онъ какъ чужой въ родномъ своемъ дому;
Ища напрасно въ общей жизни пищи,
Не можетъ онъ забыться средь псарей;
Сокрывшися въ отеческомъ жилищѣ,
Ругаетъ свѣтъ, скучая безъ людей.

XIV.

Ахъ, отчего мы стàрѣемся рано
И скоро къ жизни холодѣемъ мы!
Вдругъ никнетъ духъ, черствѣютъ вдругъ умы!
Едва восходъ блеснетъ зарей румяной,
Едва дохнетъ зародышъ высшихъ силъ,
Едва зардѣетъ пламень благородный,
Какъ вдругъ, глядишь, завялъ, умолкъ, остылъ,
Заглохъ и сгибъ, печальный и безплодный...
О, Боже! Влей въ жизнь нашу полноту,
Пролей въ пустой сосудъ напитокъ силы
И мыслію проникни пустоту,
Сознаньемъ укрѣпи нашъ духъ унылый!

XV.

Пошли еще пророка намъ, и мы
Увѣруемъ въ его живое слово;
Пусть просвѣтитъ онъ хладные умы,
Повѣдаетъ, кто̀ мы? Зачѣмъ громовый
Орелъ нашъ сталъ могучъ своимъ крыломъ?
Зачѣмъ на насъ глядятъ въ недоумѣньи,
Со страхомъ, всѣ земныя поколѣнья?
Что̀ новаго мы въ жизнь ихъ принесемъ?
Зачѣмъ на насъ, какъ на звѣзду полночи,
Устремлены съ надеждой теплой очи
Печальныхъ нашихъ братіевъ—славянъ,
У снѣжныхъ Альпъ, въ ущеліяхъ Балканъ?

XVI.

Изъ сей главы, печальной и угрюмой,
Изъ этихъ чертъ глубоко-тяжкой думы,
Поймете вы, какъ мыслилъ мой герой—
Въ тѣ дни еще, когда въ груди младой
Есть жизнь, и въ ней волканомъ бродитъ
Все, изъ чего потомъ въ душѣ выходитъ
Осадокъ жалкій—черная хандра!

. . . . . .

XVII.

Сей пустотой душевною, жестокимъ
Удѣломъ нашимъ, мой герой страдалъ.
Онъ дома, видя все одно, скучалъ,
И увлеченъ всеобщимъ былъ потокомъ:
Наполнить жизнь и душу онъ хотѣлъ,
Оставивши отеческій предѣлъ,
Среди иныхъ людей, въ краю далекомъ.

XVIII.

И посѣтилъ онъ новый Вавилонъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Нашелъ ли онъ себѣ отраду въ немъ?
Онъ чувствовалъ, средь общаго волненья,
Среди торжествъ, побѣдъ иль пораженья,
Онъ все чужой на праздникѣ чужомъ...
Вкругъ жизнь кипитъ: витійствуютъ палаты,
Рѣшается давно-зачатый споръ,—
Тамъ каждый, въ сей божественной, богатой,
Общественной комедіи актеръ...
А онъ пришлецъ, онъ незванъ и непрошенъ,
На чуждый пиръ судьбой случайно брошенъ!

XIX.

То завистью, то скорбію томясь,
Жизнь сихъ племенъ кипящихъ, юныхъ вѣчно,
На небеса Италіи безпечной
Онъ промѣнялъ, и думалъ онъ не разъ —
Тамъ, посреди святыхъ ея трофеевъ,
Среди ея руинъ и мавзолеевъ,
Тамъ, въ сумракѣ старинныхъ галлерей,
Предъ мраморомъ античнаго ваянья,
Среди святынь ея монастырей,
Библіотѣкъ ученаго молчанья,
Доступны всѣмъ и пища, и покой,
И царство думъ съ восторгомъ и мечтой...

XX.

Онъ правъ: искусствъ въ глубокомъ созерцаньи
Найдешь пріютъ для сердца, головы;

Но здѣсь, среди людей?.. Вотъ праздникъ шумный;
Съ какимъ огнемъ и радостью безумной
Толпы бѣгутъ... Но нашъ пришлецъ—увы!—
Ужъ новости въ народномъ пульчинеллѣ
Не находилъ; его скрипачъ слѣпой,
Какъ юныхъ дѣвъ собравшихся толпой,
Не призывалъ къ веселой сальтареллѣ.

XXI.

Пускай себѣ подъ небомъ золотымъ
Поетъ народъ за кубкомъ круговымъ,
Пусть пляшетъ тамъ смуглянка молодая,
Какъ вдохновенная передъ кружкомъ,
То топая звенящимъ башмачкомъ,
То тамбуринъ гремучій потрясая...
Онъ поглядѣлъ на нихъ, а тамъ опять
Задумался и снова сталъ скучать.
Въ любимыхъ думахъ тяжкія сомнѣнья
Тѣснились въ немъ. Ища уединенья,

XXII.

Оставилъ онъ пирующій народъ
И на гору направилъ путь. Идетъ,
И вотъ предъ нимъ часовня. Вязъ зеленый
Надъ ней раскинулъ листьевъ темный сводъ,
И теплилась лампада предъ Мадонной.
Двѣ женщины склонились передъ ней:
Старушка Ave Maria читала,
И подлѣ Нина грустная стояла.
Въ ея рукахъ вѣнокъ былъ изъ лилей,
И капли слезъ струились изъ очей...

XXIII.

„У счастія свои есть тоже слезы!—
Владимиръ думалъ:—Боже, какъ бы я
Желалъ такъ плакать! Да! Молись, дитя!
Твоей души младенческія грозы
Такъ сладостны... О, проклятъ будь стократъ,
Кто у тебя отыметъ этотъ кладъ,—
. . . . . .
. . . . . .“

XXIV.

О комъ, о чемъ молилася она?..
Не шепчутъ словъ уста полуоткрыты...

Я вѣрю, не была заучена
Ея молитва въ школѣ езуита:
Въ ней не было опредѣленныхъ словъ,
Но теплое и смутное сліянье
И чувствъ и мысли, страха и желанья...
Пугалъ ли Нину тайный мракъ годовъ?
О другѣ ль дѣтства кроткія молитвы?
Или о томъ, кто вынесъ жизни битвы?
То тайна сердца дѣвы, и она
Владѣетъ этой тайною одна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Владиміръ не хотѣлъ своимъ явленьемъ
Смутить молитвъ ихъ таинство; какъ бѣсъ
Предъ свѣтлымъ праздникомъ (его сравненьемъ
Я пользуюсь), въ аллеѣ онъ исчезъ.
А тамъ ему навстрѣчу смѣхъ и споры,
И кинулся ему на шею вдругъ
Пріятель, графъ ***.

ГРАФЪ.

Здравствуй, другъ!
Скажи, гдѣ ты? Ужъ вотъ, недѣля скоро,
Я здѣсь живу и все тебя искалъ.
Былъ у тебя, ни разу не засталъ...
Ты схимникъ сталъ... Имѣю честь поздравить!
Здоровъ ли? Но позволь тебѣ представить...
Попутчикъ; вмѣстѣ ѣхали мы въ Римъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Ахъ, очень радъ.
— Имѣю честь... я статскій
Совѣтникъ, Левъ Иванычъ Таракацкій.
А съ кѣмъ имѣю честь?..

ВЛАДИМИРЪ.

— *** —

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Чинъ?
Изволили служить?

ВЛАДИМИРЪ.

Служилъ.

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Въ отставкѣ?

ГРАФЪ.

Э, послѣ, Левъ Иванычъ, ваши справки
Вы наведете... Какъ живешь?

ВЛАДИМИРЪ.

Одинъ,
Какъ видишь, хорошо.

ГРАФЪ.

Ты зналъ княгиню
Донскую? Здѣсь она.

ВЛАДИМИРЪ.

Мнѣ все равно.

ГРАФЪ.

Я здѣсь нашелъ родню свою, графиню
Терентьеву.

ВЛАДИМИРЪ.

Ты знаешь, я давно
Не ѣзжу въ свѣтъ.

ГРАФЪ.

Но нѣтъ, вѣдь мы иную
Здѣсь жизнь ведемъ. Я нынче не танцую.

ВЛАДИМИРЪ.

Что жъ? Дипломатомъ сталъ?

ГРАФЪ.

Совсѣмъ не то.
Кузина, я, княгиня, м-сье Тертò,
Одинъ французъ, мы вмѣстѣ изучаемъ
Здѣсь древности. Мы смотримъ и читаемъ,
И споримъ... Прелесть этотъ древній Римъ,
Гдѣ Колизей и Термы Каракаллы!
Поэзія! Не то, что фински скалы!
Жаль, умеръ Байронъ! Мы бы вѣрно съ нимъ
Свели знакомство! Съ Байрономъ бы вмѣстѣ
Желалъ я съѣздить ночью въ Колизей!
Послушалъ, что бы онъ сказалъ на мѣстѣ,
Прославленномъ величьемъ древнихъ дней!
Какъ думаешь? Вѣдь это было бъ чудо!

ВЛАДИМИРЪ.

За неимѣньемъ Байрона, покуда
Я вамъ скажу, что лучше вамъ ѣсть сыръ,
Пить Лакрима, зѣвать на Торденонѣ,

Да танцовать на балѣ у Торлони,
Съ графинями не ѣздя въ древній міръ.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, ты жестокъ, и ты меня не знаешь.
Донская ангелъ... Но ужели ты
Такъ золъ? Ужель ты вправду полагаешь,
Что мы не чувствуемъ всей красоты
Италіи? Природа и искусства
Рождаютъ въ насъ совсѣмъ иныя чувства.

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Помилуйте! Я то же испыталъ
И на себѣ. Конечно, мнѣ въ Россіи
Жить дома—лучше: связи и родные,
Карьера вся, почтенье... Но я сталъ
Совсѣмъ иной, и мысли все такія,
Которыхъ не видалъ бы и во снѣ.
Я многое здѣсь очень охуждаю;
Бездомность, жизнь въ café я осуждаю;
Но многаго и нѣтъ въ иной странѣ.
Не нравятся мнѣ торсы, Аполлоны,
Но какъ зато понравилися мнѣ
Здѣсь обелиски! Вѣчныя колонны
Вездѣ однѣ... И мысль есть у меня,
Какъ замѣнить колонну обелискомъ;
И въ Петербургъ писать намѣренъ я,
Подать проектъ... сначала людямъ близкимъ...
Комиссію нарядятъ для того:
Построить портикъ, оперевъ его
На обелиски... Какъ моя затѣя
Вамъ нравится?

ВЛАДИМИРЪ.

Чудесная идея!
Исакій, жаль, къ концу уже идетъ.

ГРАФЪ.

Да, точно.

ВЛАДИМИРЪ.

Жаль, идея пропадетъ.

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Вотъ видите, вліяніе какое
Италія имѣетъ на умы;
Перерождаемся въ ней тотчасъ мы.

ВЛАДИМИРЪ.

О, да, ея вліянье роковое!
Студентъ, совѣтникъ статскій, генералъ,
Чуть воздухомъ подышитъ Буонаротти,
Глядишь, ужъ знатокомъ, артистомъ сталъ,
Совсѣмъ иной по духу и по плоти!
Въ Венецію ступайте: тамъ, гдѣ дожъ...

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Поѣду, но въ какомъ же отношеньи
Венеція такъ интересна? Что̀ жъ
Особенно въ ней сто̀итъ осмотрѣнья?

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ для кого. Васъ го̀ндолы займутъ,
Быть-можетъ, тамъ; на Ривѣ балаганы,
Паяцы, доктора и шарлатаны,
Иль музыка—по вечерамъ поютъ
На площади—все это такъ пріятно!

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ *(таинственно)*.

Остатки все республики, понятно!

ГРАФЪ.

А женщины! Какая красота!

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Для женщинъ я ужъ старъ, не тѣ лѣта,
И ужъ пора домой, къ женѣ и дѣткамъ.

ГРАФЪ.

Соскучился ужъ Левъ Иванычъ нашъ,
Все просится къ своимъ гусямъ, насѣдкамъ.

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Такъ созданъ я, и не пересоздашь.
Взгрустнется разъ иной: все бъ отдалъ, право,
За свой кружокъ, домашній самоваръ,
Да борщъ, да щи вчерашнія съ приправой,
Да костоломной русской бани паръ.
Что̀, батюшка? А санки бѣговыя?
Рысакъ въ корню, дугою пристяжныя...
Я радъ, что я чужбину посѣтилъ,
А край родной, какъ худъ ни будь, все милъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Прекрасно, Левъ Иванычъ, дайте руку!

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Что̀, батюшка, вздохнулъ?

ГРАФЪ.

Ну, вотъ, пошли...
Чуть выѣхавъ изъ варварской земли,
Оплакиваютъ скиѳы съ ней разлуку!
О, скиѳство!

ВЛАДИМИРЪ.

Да, мы скиѳы. Много въ насъ
Есть, точно, скиѳскихъ свойствъ.

ГРАФЪ.

Гиперборейцы!
Съ любовію къ лѣсамъ, къ степямъ, для васъ,
Ей-ей, ввѣкъ будутъ чужды европейцы.
Нѣтъ, истинно разумный человѣкъ—
Космополитъ. Въ немъ душу восторгаетъ
Развитіе, успѣхъ; онъ наблюдаетъ,
Какъ все впередъ, впередъ стремится вѣкъ,
И гдѣ успѣхъ, онъ тамъ отчизну видитъ.
Отсталое одно онъ ненавидитъ.
Жаль, некогда теперь мнѣ; подожди,
Nous discuterons—рѣшенье впереди...
Но, странно, ты не бросилъ за границей
Патріотическихъ своихъ идей?

ВЛАДИМИРЪ.

Никакъ не могъ: во мнѣ еще сильнѣй...

ГРАФЪ.

Все вздоръ: повѣрь, окончишь ты больницей
Умалишенныхъ... Faut que je te quitte,
Прощай; о, скиѳъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Прощай, космополитъ!

Кто жъ правъ изъ нихъ? Ей-ей, рѣшить боюсь...
Какая сила въ этомъ словѣ—Русь!
Вздохнешь, его промолвя, глубокò;
И мысль пойдетъ бродить такъ широкò,
Грустна, какъ пѣсни русской переливы,
Безцвѣтна, какъ разгулъ родныхъ равнинъ,
Гдѣ вѣтеръ льнетъ ко груди полной нивы,
Гдѣ все жилье—рядъ избъ, въ тѣни рябинъ,
А далѣ—небо блѣдными краями
Слилось съ землею, съ синими лѣсами...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда впервые Нина услыхала
Слова, какимъ дотолѣ не внимала,
Когда нашла больную душу, ей
Казалося безмѣрно разстоянье
Межъ ней и тѣмъ, кто эти зналъ страданья.
Сперва зажглось лишь любопытство въ ней;
Потомъ ей втайнѣ сдѣлалось пріятно
Жалѣть о другѣ новомъ; непонятно
Къ нему неслись ея всѣ мысли; онъ,
Казалось ей, достоинъ лучшей доли—
А какъ помочь? Въ ея ли это волѣ?
Быть-можетъ, онъ озлобленъ, оскорбленъ,
И рождена она, какъ знать, съ призваньемъ
Вновь помирить его съ существованьемъ...

ВЛАДИМИРЪ.

Что вашъ больной, Нинета?

НИНА.

Ничего,
Гораздо лучше. Нынче понемногу
Онъ сталъ гулять. Припадки у него
Все рѣже.

ВЛАДИМИРЪ.

Стало-быть, угодны Богу
Молитвы ваши?

НИНА.

Я за всѣхъ молюсь,
Кого люблю.

ВЛАДИМИРЪ.

Счастливецъ!

НИНА.

Но Карлино...
Онъ не одинъ... Синьоръ, я вамъ кажусь
Простою дѣвочкой; — такъ — бѣдной Ниной;
Вамъ кажется — гдѣ мнѣ васъ оцѣнить...
Но есть у женщинъ въ сердцѣ голосъ ясный;
Что вамъ даютъ науки, можетъ-быть,
У насъ врожденное: вѣдь вы несчастны,
Признайтесь?

ВЛАДИМИРЪ.

Кто же вамъ сказалъ?

НИНА.

Вашъ взглядъ
И сердце. Вы несчастны?

ВЛАДИМИРЪ.

Ради Бога,
Оставимъ это. У мужчины много
Есть въ сердцѣ струнъ, которыя молчатъ
И чужды въ женскомъ сердцѣ. Есть заботы,
Недуги есть, безвѣстные для васъ,
А ихъ лѣчить нѣтъ силъ и нѣтъ охоты
Ни у кого.

СЬОРА ТЕТА *(мать Нины)*.

Да, да, неровенъ часъ.
Покойникъ мой былъ свѣжъ: однажды рано
Пришелъ домой, весь блѣденъ, какъ сметана.
Сталъ охать, слегъ. Я къ доктору. Тотчасъ
Пустили кровь. Три доктора собрались —
И всѣ лѣчить бѣдняжку отказались.
Какъ стукнетъ часъ, такъ не уйдетъ никто.

НИНА.

Ахъ, маменька, да это вѣдь не то.

СЬОРА ТЕТА.

Ну какъ не то? Вотъ поживи на свѣтѣ...
Но; впрочемъ, вы себѣ толкуйте, дѣти,
Мнѣ некогда и къ дѣлу своему
Пора.

НИНА.

Скажите мнѣ: я васъ пойму!
У васъ, синьоръ, душевныя страданья?

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ вамъ назвать ихъ? Нѣту имъ названья!
Душевной пустотой? Нѣтъ! Иногда
Душа полна восторга, и въ волненье
Ее приводитъ доблесть, вдохновенье
И образъ геніальнаго труда...
Иль сномъ ума? Нѣтъ, онъ не спитъ и шумно
Работаетъ, и любитъ онъ труды;
Онъ труженикъ: какъ рудокопъ безумный,
Все роется и ищетъ онъ руды;
Но до нея не можетъ онъ дорыться,
И подрываетъ только то, что въ немъ
Святѣйшаго, небеснаго таится.

НИНА.

Любили ль вы? Любимымъ существомъ
Вы были ль поняты?

ВЛАДИМИРЪ.

Да, *жизни розы*,
Какъ говорятъ поэты, зналъ и я —
И тернъ ея я знаю. Жизнь моя —
Увы! — полна поэзіи и прозы
Двухъ страшныхъ словъ: любилъ и разлюбилъ!
Я многое достойно оцѣнилъ!
Была пора: всѣ жребіи земные,
Казалось, я въ рукахъ своихъ держалъ:
Для общества людей я посвящалъ
Всѣ чувства лучшія, мечты святыя,
На благо имъ, я думалъ, я рожденъ —
И могъ бы быть... Смѣшной и глупый сонъ!
Съ горячей головой, горячей кровью,
Въ душѣ къ добру, къ прекрасному съ любовью,
Принесть я думалъ на алтарь любви
Свой трудъ и славу, всѣ мечты свои...
Гражданской доблестью кипѣлъ я рано...
Ахъ, бросимъ это, бросимъ! Это рана
Болящая, и женщинѣ нельзя
Ее понять... Въ груди ее нося,
Я дорожу ей: то знаменованье,
Что я рожденъ былъ жить для лучшихъ дней —
То лучшихъ чувствъ послѣднее дыханье!
Обманутый, весь пылъ моихъ страстей,
Все, что цѣнилъ, я назвалъ пустяками;
Во всемъ тогда вдругъ усомнился я,
Что такъ срослось съ моей душой, съ мечтами.
Я колебался. Адская змѣя
Какъ будто облила мнѣ душу ядомъ.
Бѣсился я, слѣпцомъ себя я звалъ...
Потомъ и сомнѣваться пересталъ,
И равнодушія былъ облитъ хладомъ;
И зло теперь меня не удивитъ,
Добро не поразитъ, не оживитъ —
Что жъ мнѣ осталось въ жизни?

НИНА.

Безъ сомнѣнья,
У васъ враги есть?

ВЛАДИМИРЪ.

Нѣтъ ихъ, къ сожалѣнью!
Или, когда хотите, самъ себѣ
Я врагъ. Зачѣмъ я раньше пламень чувства
Не утушилъ, покорствуя судьбѣ?
Не изучилъ безстрастія искусство?
Зачѣмъ я пылкій умъ не заморилъ
Въ бездѣйствіи? Тогда бъ, какъ камень вѣчный,
Какъ статуя, — я прожилъ бы безпечно;
И подъ конецъ, конечно бы, вкусилъ,
Всѣмъ прихотямъ судьбы своей покорный,
Нелѣпое блаженство жизни вздорной.
Не понимать, не видѣть, не слыхать,
Безумно лучшей цѣли не искать,
Не чувствовать—мнѣ было бы отрадой,
И вѣчный миръ за то бъ мнѣ былъ наградой!
А то теперь всѣ прежнія мечты,
Всѣ высшія души моей начала —
Все злобный образъ демона пріяло!
И демонъ этотъ слѣдуетъ за мной;
Онъ съ красоты срываетъ покрывало;
Онъ между мною и трудомъ моимъ;
Межъ мной и другомъ лучшимъ; между мною
И женщиной — скелетомъ гробовымъ
Становится... Насмѣшливостью взоровъ
Спасаетъ ли меня въ грядущемъ онъ
Отъ новыхъ бѣдъ, мученій и укоровъ —
Не знаю, но имъ вѣкъ мой отравленъ.

НИНА.

О, Боже, Боже! Вы мечтатель страстный!
Страдаете вы только потому,
Что вы одни, а волю дать уму,
Живя въ пустынѣ, тяжко и опасно.
Быть-можетъ, жизнь веселая недугъ
Излѣчитъ вашъ иль дружба... Вѣрный другъ
Есть лучшая опора намъ въ страданьи...
Любовь... Она должна вамъ посвятить
Все, жизнь свою, мечты, существованье...
И вы ее найдете, можетъ-быть...

И бѣдная, закрывъ лицо руками,
Вдругъ залилась горячими слезами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Вы спросите, предъ дѣвочкой простой
Владиміръ для чего такъ откровенно
Все высказалъ, что̀ было за душой?
То былъ ли въ немъ или порывъ мгновенный,
Иль хорошо разсчитанный ударъ?
Хотѣлъ ли повторить онъ съ сердцемъ Нины
Урокъ, давно затверженный въ гостиной,
И этотъ вздохъ, и этотъ чувства жаръ,
И горечь жизни трудной и безцѣльной,
Ужели все фальшиво и поддѣльно?..
Да, трудно дать на то прямой отвѣтъ—
Какъ вамъ сказать... И да и нѣтъ.

II.

Владиміръ былъ воспитанъ въ школѣ свѣта.
Онъ зналъ любовь—и только разъ любилъ,
Какъ любимъ всѣ мы въ молодыя лѣта;
Потомъ слегка любовію шутилъ...
Онъ разъ любилъ: всѣ, думалъ, совершенства
Заключены въ избранницѣ его;
Потомъ онъ понялъ (и прости блаженство!),
Что онъ любилъ себя лишь самого:
Что въ ней, какъ солнце въ морѣ, отражались
Лучи его мечтаній молодыхъ,
Что видѣлъ въ ней все, что̀ въ мечтахъ своихъ
Хотѣлъ онъ видѣть... Но мечты умчались:
Онъ увидалъ, какъ, сбросивъ маски съ лицъ,
Избранницы его преображались
Въ боярынь изъ мечтательныхъ дѣвицъ,
Въ Настасіи Лукьяновны изъ Насти...
Не умеревъ однакожъ отъ тоски,
Онъ посмотрѣлъ на жизнь, на сердце, страсти,
Анализа въ холодныя очки.

III.

Какъ согласить всѣ эти переходы
Изъ нѣжныхъ дѣвъ въ боярынь—онъ не зналъ,
И блѣдностью полунощной природы
Онъ блѣдность лицъ и душъ ихъ объяснялъ.
Онъ овладѣлъ заманчивымъ искусствомъ
Играть, шутить и управлять ихъ чувствомъ;

И даже иногда былъ такъ счастливъ,
Что пробуждалъ къ высокому порывъ
У нашихъ дамъ—сихъ жрицъ роскошной лѣни,
Что̀, погрузясь дивана въ мягкій пухъ,
Покоятся, какъ жены ханской сѣни,
Откуда Гименей, какъ злой евнухъ,
Прогналъ и музъ и бога пѣснопѣній...
Но съ тѣмъ прости пора волшебныхъ сновъ,
И въ душу пустота легла невольно:

. . . . . .
. . . . . .

IV.

Такъ нашъ герой изъ этой свѣтской школы
Извлекъ урокъ печальный и тяжелый.
Онъ въ главный догматъ кодекса любви
(Любви дѣвицъ и мальчиковъ) не вѣрилъ:
На бытіе двухъ душъ *родныхъ* свои
Не полагалъ надежды; чувство мѣрилъ
Не цѣлой вѣчностью, но онъ цѣнилъ
Минутное, быть-можетъ, увлеченье
И, къ горю дѣвъ, давно имъ говорилъ:
Вѣрнѣе вѣчности одно мгновенье.

V.

А здѣсь, теперь? Одинъ въ самомъ себѣ
Свидѣтель внутренней глубокой драмы,
Одинъ и зритель и атлетъ въ борьбѣ
Высокихъ чувствъ души съ судьбой упрямой,—
Невольно онъ предъ первымъ, кто спросилъ
Съ участіемъ: „О, другъ мой, что̀ съ тобою“—
Что̀ было въ немъ довѣрчиво излилъ
И лѣтопись печальную раскрылъ
Предъ чистою, невинною душою...

VI.

Разъ встрѣтилъ онъ мать Нины. Смущена,
Какъ полоумная была она.
„Что̀ ваша Нина?“—„Нина? Двѣ недѣли,
Какъ все больна и не встаетъ съ постели;
Горячка страшная... Я день-денской
Все на ногахъ... За что, за грѣхъ какой,
О, Господи, насъ посѣтилъ слезами!
Къ себѣ пускаетъ лишь одну меня.

Карлино не видалъ ея три дня.
Она зоветъ васъ, бредитъ только вами.
Прійдите къ намъ".

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ мнѣ?.. Нѣтъ, мнѣ нельзя.
Мое явленье можетъ быть опасно—
Я испугать ее могу. Напрасно
Боитесь вы. Пройдетъ, увѣренъ я,
Ея болѣзнь. Горячки въ эти лѣта
Бояться нечего. Притомъ пора,
Мнѣ ѣхать надо, нынче въ ночь, до свѣта,
Прощайте, я уѣду до утра.

СЬОРА ТЕТА.

Какъ ѣхать? Что вы? Что вамъ торопиться?
У васъ квартира на годъ вѣдь. Что жъ такъ?
Куда?

ВЛАДИМИРЪ.

Еще не знаю.

СЬОРА ТЕТА.

Съ ней проститься
Вы не хотите?

ВЛАДИМИРЪ.

Не могу никакъ.

VII.

Онъ понялъ все... Что жъ дѣлать? Надо
Бѣжать; бѣжать отъ новыхъ, тяжкихъ золъ
И, можетъ-быть, отъ счастья и отрады...
Кто знаетъ, для него, быть-можетъ, цвѣлъ
Въ сѣни оливъ и лавровъ фраскатанскихъ
Сей горный цвѣтъ на камняхъ тускуланскихъ;
Затѣмъ, быть-можетъ, *высшая рука*
Его вела чрезъ Альпы снѣговыя,
Въ сей пышный край звала издалека
И дни ему сулила золотые,—
Такъ нашъ Владиміръ думалъ и мечталъ.

. . . . . .

IX.

. . . . . .

О, женщинамъ удѣлъ завидный данъ—
Въ несчастіи—покорность и терпѣнье!

X.

И выдвинулъ онъ пыльный чемоданъ,
Сложилъ свои невинныя творенья—
Бумаги, гдѣ описывалъ онъ Римъ,
Десятокъ книгъ, пейзажи и портреты,
Всѣ древности, отысканныя имъ,
И зарядилъ въ дорогу пистолеты.
„Въ путь, въ путь, друзья мои! Въ краю иномъ
Попрежнему мы съ вами заживемъ!
Въ Россіи мирно лежа на лежанкѣ,
Не въ первый разъ намъ чувство подавлять,
Утѣшимся, а тамъ начнемъ писать
Еще стихи къ прелестной фраскатанкѣ!
Конечно, ихъ, по счастью, не прочтутъ...
Но всѣ меня поэтомъ назовутъ—
Поэтомъ быть—великая отрада!
Всѣ думаютъ, иначе онъ рожденъ,
Иначе чувствуетъ и мыслитъ онъ...
О, жизнь, о, жизнь! Ты даръ небесъ иль ада?

XI.

„Я ѣду. Долгъ и честь мнѣ такъ велятъ.
Но отчего, на *подвигъ благородный*
Рѣшившися, ни грустенъ я ни радъ
Особенно? Съ рѣшимостью холодной
Мнѣ все равно итти, что̀ въ смертный бой,
Что̀ за обѣдъ . . . . . .
Плодъ это сплина или воспитанья?

XII.

„Да, Нину испугала пустота
Моей души. Душа безъ упованья,
Безъ пламенныхъ стремленій и мечтанья!
Исторія жъ ея или проста,
Какъ хроника монаха-грамотея,
Иль полная, живая эпопея.
Все дѣло въ томъ лишь, какъ ее понять.
Есть случаи, и ихъ ни разсказать
Ни описать,—а сколько въ нихъ значенья,
Думъ сладостныхъ, для сердца вдохновенья!
Хоть наша встрѣча... Какъ тутъ описать?
Съ Наташей... Странная еще отрада
Мнѣ въ имени ея и до сихъ поръ.

Казалось намъ—и съ перваго ужъ взгляда—
Что дружны мы давно, и разговоръ
Нашъ былъ какъ бы друзей давнишнихъ; взоръ
Досказывалъ неконченныя рѣчи—
А тотъ восторгъ, а тѣ полуслова,
Пожатье рукъ, условленныя встрѣчи!..
А этотъ вздоръ, которымъ голова
Моя тогда пылала! Жажда славы!
Какъ всюду я кидался на лукавый
Ея привѣтъ... все улыбалось мнѣ;
Науки были ясны такъ, какъ слѣпы
Ученые и книги ихъ нелѣпы;
Какъ подорвать я думалъ въ тишинѣ
Весь хламъ системъ ихъ... Но, наскучивъ ими,
Я бросилъ ихъ, назвавши ихъ смѣшными.
Мнѣ дѣйствовать хотѣлось! . . . .
. . . . . .
Я думалъ, что въ воинственномъ разгулѣ
Есть больше жизни! Браво! На Кавказъ!
Вотъ фактъ простой: случалося не разъ,
Въ какомъ-нибудь разграбленномъ аулѣ,
Въ ущеліи стоишь на караулѣ.
Гдѣ больше прозы? А какъ заглянуть
Тогда мнѣ въ душу, въ сердце, въ грудь—
Какая тамъ поэма клокотала!
Какая рама ей была!.. Потомъ
Все просто; я спѣшилъ въ любимый домъ—
Увы! Кумиръ мой—замужемъ. Сначала
Не вѣрилъ я, а тамъ повѣрилъ. Съ ней
Мы видѣлись—о прошломъ ни полслова,
Какъ будто все въ порядкѣ шло вещей.
Упрека и отчаянья смѣшного
Не обнаружилъ я и, какъ Катонъ,
Все перенесъ... А сколько есть Катоновъ?
Что жъ это? Плодъ общественныхъ законовъ?
Кто не таковъ, тотъ нынче и смѣшонъ...
Сократы вѣка! Ядъ мы пьемъ послушно,
Не жалуясь, что смертоносенъ онъ—
Живьемъ себя хоронимъ равнодушно!“

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Такъ онъ сидѣлъ, добыча тяжкихъ мукъ,
Свѣча горѣла тускло у камина;
Стихали вкругъ сосѣди къ ночи. Вдругъ
Открылась дверь, въ дверяхъ явилась Нина.
Она была вся въ бѣломъ. По плечамъ
Вилась коса. Порывъ души смятенной
И сумракъ придали ея очамъ
Чудесный блескъ. Не дѣвою смиренной,
Она была Сибиллой вдохновенной,
Внимающей божественнымъ рѣчамъ...
Огонь любви, огонь негодованья
Прекрасныя черты одушевлялъ;
Румянецъ съ блѣдностью въ лицѣ игралъ,
Вздымало грудь неровное дыханье.

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ! Нина здѣсь? Такъ поздно...

НИНА.

О, ты мой!
Ты здѣсь еще!.. Нѣтъ, то обманъ, я знала.
Вѣдь ты не думалъ, не хотѣлъ меня
Убить... Ихъ шутка!.. А какъ я страдала
Отъ этой шутки!

ВЛАДИМИРЪ.

Бѣдное дитя!
Что̀, что̀ съ тобою?.. Нина, успокойся,
Ты такъ встревожена.

НИНА.

О, нѣтъ, не бойся!

ВЛАДИМИРЪ.

Ты плачешь?..

НИНА.

Нѣтъ, теперь ужъ я смѣюсь—
Вѣдь я съ тобой. Пускай прійдетъ міръ цѣлый,
Я вкругъ тебя руками обовьюсь,
Какъ змѣй... Я буду биться львицей смѣлой
И не отдамъ тебя.

ВЛАДИМИРЪ.

Скажи жъ, чего

Боялась ты?

НИНА.

Ты ѣдешь?

ВЛАДИМИРЪ.

До того
Кому нужда?

НИНА.

Ты ѣдешь?

ВЛАДИМИРЪ.

Да... и скоро.

НИНА.

О, есть ли сердце у тебя? Гляди
Въ глаза мнѣ прямо. Что въ моей груди?
Прочти, что въ ней?.. Ты понялъ? Приговора
Судьбы ты не прочелъ въ ней?.. Такъ иди,
Прочь камень сѣверный, палачъ жестокій...
Прочь! По свѣту скитайся одинокій!
Но... милый другъ, клянись мнѣ навсегда...

ВЛАДИМИРЪ.

Мой ангелъ, успокойся.

НИНА.

Я тверда,
Я въ памяти. Не глупый бредъ простуды
Мои слова. Послушай, я клялась...
Мнѣ сердце—Богъ; я сердцу отдалась.
Черезъ мой трупъ ты выйдешь лишь отсюда.
Одно лишь слово—и рѣшилась я.
Скажи мнѣ прямо: любишь ли меня?
И взоръ, сверкавшій нѣкой дивной силой,
Она въ него безумно устремила.
Онъ былъ въ борьбѣ съ собой.

НИНА.

Не любишь, нѣтъ?
Знай, гдѣ бъ ты ни былъ, я пройду весь свѣтъ,
Я отыщу... отмщу... Самъ Богъ порука!

ВЛАДИМИРЪ.

Меня ты знаешь, Нина. Жизнь мнѣ мука.
Тебя обречь той мукѣ—нѣту силъ
Во мнѣ. Быть-можетъ, я бъ тебя любилъ
Послѣднею любовію моею;
Любилъ бы такъ, какъ, можетъ-быть, никто.

Въ моей душѣ вѣдь только заперто,
А не погасло чувство—но не смѣю
Души твоей я отравить собой.

НИНА.

Не думай обо мнѣ. Здѣсь жребій мой—
Любовь. Любовь не есть расчетъ презрѣнный
О благахъ жизни, а законъ священный.
Гдѣ голосъ сердца—голосъ Божій въ немъ!
Нельзя любить и разлюбить потомъ...
Въ послѣдній разъ тебѣ, быть-можетъ, нынѣ
Твой жребій ясенъ. Другъ мой, выбирай:
Его отвергнуть хочешь ли? Но знай,
Отказъ твой—смерть твоей несчастной Нинѣ.
Я смерть найду.

ВЛАДИМИРЪ.

Но, Нина, погляди,
Чего ты хочешь? Ко всему презрѣнье
Питаю я; но у меня въ груди
Къ невинности осталось уваженье.
Тебя поймать въ разставленную сѣть
Легко; упиться ласками твоими,
И послѣ къ нимъ остыть, охолодѣть,
И послѣ бросить...

НИНА.

О, клянусь святыми,
Я поняла огонь твоей души
И благородство чувствъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Итакъ, рѣши,
Мой ангелъ.

НИНА.

Я тверда.

ВЛАДИМИРЪ.

Семью родную,
Старушку мать и родину святую
Оставить ты должна.

НИНА.

Все знаю я.

ВЛАДИМИРЪ.

Оставить край, гдѣ все—сады, поля
Блистаютъ розами; гдѣ небо пышетъ
Лазурью жаркой, звѣзды такъ горятъ,
Гдѣ съ дѣтства все лелѣяло твой взглядъ,

И промѣнять все то на край, гдѣ дышитъ
Почти весь годъ и вьюга и морозъ,
Въ нагихъ поляхъ ни миртовъ нѣтъ ни розъ,
И люди ходятъ—мѣхомъ обвитые!

НИНА.

Я знаю все.

ВЛАДИМИРЪ.

Оставить кругъ друзей
И промѣнять ихъ... на какихъ людей?
Ты знаешь ли, что̀ значитъ свѣтъ? Какія
Тамъ существа? Ты съ ними вѣкъ живешь,
И каковы они—не назовешь.
Въ нихъ скрыто маской чувство и природа,
И даже сердца скована свобода!
Какъ ты войдешь, отъ головы до пятъ
Тебя измѣритъ ихъ холодный взглядъ;
Пустой привѣтъ ихъ рѣчи—шипъ змѣиный;
Ихъ пустоту подъ пышною личиной
Ты въ силахъ снесть?

НИНА.

На все готова я,
На все, на все! Въ тотъ мигъ, когда тебя
Я встрѣтила, тогда лишь я узнала,
Что у меня въ груди есть сердце. Ты
Его извлекъ изъ сна и темноты,
И съ той поры мнѣ жизнь понятна стала;
Ты вкругъ меня разлилъ чудесный свѣтъ...
Нѣтъ, я Карлино не любила... нѣтъ!

И какъ звѣзда вечерняя склонила
Она головку ко груди его
И повторяла, глядя на него:
„О, нѣтъ, нѣтъ, я Карлино не любила...“

КАРЛИНО *(входитъ)*.

А онъ тебя, преступница, любилъ,
Неблагодарная, любилъ душою!..

НИНА.

Онъ здѣсь, о, Боже!..

КАРЛИНО.

Здѣсь и слышалъ все.

НИНА.

Ты слышалъ?.. Что̀ жъ, ты слѣдуешь за мною?

КАРЛИНО.

Ты думаешь, что счастіе свое
Продамъ такой я низкою цѣною?
(Вынимаетъ ножъ).
Молись, въ послѣдній разъ молись! Змѣя!

НИНА.

Владимиръ... Боже! Онъ убьетъ меня...
(Владимиръ беретъ кинжалъ. Нина бросается между ними).

НИНА *(Владимиру).*

Оставь его: онъ звѣрь! онъ звѣрь!.. Карлино!
Отъ дѣтства знала друга я въ тебѣ—
Молю я, выслушай!.. Моей мольбѣ
Отказа ты не зналъ... я та же Нина...

КАРЛИНО.

Та жъ Нина!.. Мной пригрѣтый змѣй...
Та Нина! Та, кого отъ дѣтскихъ дней
Лелѣялъ я, какъ мать лелѣетъ сына,
Иль болѣе—вѣдь такъ не можетъ мать,
Какъ я тебя, любить и обожать...
И что жъ? Съ другимъ цѣлуясь, все забыла,
Клянется, что меня и не любила!..
(Владимиру)
Оставь ее, оставь: она моя!

ВЛАДИМИРЪ.

Бой съ женщиной... постыденъ бой неровный...
Стыдися! За нее отвѣчу я!
Условимся спокойно, хладнокровно.
Сойдемся за горой съ разсвѣтомъ дня.
Судья намъ будетъ Богъ.

КАРЛИНО.

Изволь, съ тобою
Сойдемся завтра... нынче съ ней расчетъ.

НИНА.

Не вѣрь ему, Владимиръ, онъ убьетъ,
Обманетъ!

КАРЛИНО.

Замолчи!.. *(Убиваетъ ее).*
Знай, я любить умѣлъ—умѣю мстить!..
Людей пустыхъ угрозъ я не робѣю,
Я жилъ съ людьми: былъ добръ; умѣлъ любить,
И наругаться ими я сумѣю!

НИНА.

Бѣги!.. Ему, о, другъ мой, не ввѣряйся.
Знай, знай, Карлино, я его люблю.

ВЛАДИМИРЪ.

О, Нина...

НИНА.

Другъ... увидимся... спасайся...

ВЛАДИМИРЪ.

Убійца низкій! Я отмщу, злодѣй!

КАРЛИНО.

Увидимъ! *(Кидается къ окну).*
Эй! На помощь. Помогите!
Разбой, разбой! Преступникъ здѣсь! Вяжите!
(Вбѣгаетъ народъ).
Вотъ онъ: давно за Ниною моей
Ухаживалъ и сѣти ставилъ ей.
Онъ заманилъ ее: угрозой, лестью
Онъ обольстить, злодѣй, ее хотѣлъ.
Въ слезахъ она противилась безчестью,
Кричала. Я на вопль ея поспѣлъ.
Вломился въ дверь. Онъ, яростью кипящій,
Ее зарѣзалъ!.. Нина, ангелъ мой!
То ль было намъ обѣщано судьбой?

ВЛАДИМИРЪ.

Онъ лжетъ, онъ лжетъ!..

НАРОДЪ.

Она какъ ангелъ спящій!
Ужели онъ убилъ?
— Онъ былъ всегда
— Такъ добръ.
— Да, добръ; всегда похожъ на волка.
Я говорилъ, не будетъ никогда
Отъ этихъ выходцевъ пути и толка.
— Ахъ, онъ злодѣй!
— Карлино бѣдный! Жаль
Его: они другъ друга такъ любили!
— А мать чего смотрѣла? Были
Совѣты ей.
— Ее убьетъ печаль.
— Да, съ полчаса тому, какъ забѣгала
Она ко мнѣ и дочери искала.
— И къ намъ!—И къ намъ!

— Я только что ложусь,
Карлино въ дверь: вѣдь испугалъ, божусь!

СЬОРА ТЕТА.

— Гдѣ, гдѣ она?.. Дитя мое родное!
Дитя мое!.. Проснися, золотое!
Откликнись! Что̀ я сдѣлала тебѣ?
Нинета! Или ты меня не знаешь?..
За что, о, Боже, Ты меня караешь?..
Къ такой ли я готовила судьбѣ
Тебя, мой ангелъ... О, безчеловѣчный,
Я изорву тебя... я кровь твою
Испью... Или убей меня, молю,
Я буду съ ней, съ моею Ниной вѣчно!

КАРАБИНЕРЫ.

Прибрать старуху. Тѣло унести.

НАРОДЪ.

Да, бѣдной ей пришлось теперь плести
На дочкинъ гробъ гирлянды подвѣнечны.

КАРАБИНЕРЫ.

Преступника, свидѣтеля свести
Въ тюрьму. Карлино! Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Скрылся!

НАРОДЪ.

Чтобъ съ горя онъ на жизнь не покусился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Идутъ года... Съ Адама мы твердимъ
Единодушно эту правду злую.
Оставимте Италію святую,
Оставимте Фраскати, пышный Римъ,
На нашу Русь заглянемте родную.
Я думаю, ужъ я наскучилъ вамъ,
Твердя одно: „Италія святая!“
Но вѣдь она не вовсе намъ чужая,
Дары ея завѣщаны и намъ.
И намъ ея отворены чертоги,
И мы званы священствовать во храмъ,
Гдѣ царствуютъ досель, на зло вѣкамъ,
Изъ мрамора изваянные боги;
Гдѣ властвуетъ надъ нѣжною душой
И красоты и славы мощный геній,
Гдѣ въ золотѣ и въ бронзѣ вѣковой

Повсюду мысль протекшихъ поколѣній
Записана ихъ творческой рукой...
Вкругъ этихъ чертъ бродящіе народы,
Читая ихъ, вы поняли ль ее?
Въ себѣ, въ себѣ узнали ль бытіе
Иной, святой, возвышенной природы
И чувствъ иныхъ біеніе въ груди?
Не поняли? Такъ Богъ ужъ васъ суди!

II.

Итакъ, прости, прости на годы многи!
Быть-можетъ, я подъ миртъ твой вновь прійду,
Но тотъ же ль буду? Тѣ же ли найду
Здѣсь сердца сны, восторги и тревоги?
Иль постепенно сѣверъ заморитъ
То, что̀ меня теперь животворитъ...
Прощай, руинъ зеленый плющъ и розы,
И ты, царица спящихъ сихъ долинъ,
Грусть думная, восторженныя слезы...
Пойму ль когда опять языкъ руинъ?
Отвѣчу ль имъ высокими страстями?..
Прощай, о, говоръ вѣчно шумныхъ струй,
И ты, смуглянка съ яркими очами,
И жаркій нашъ подъ миртомъ поцѣлуй...
О, трудно мнѣ послѣднее прощанье,
Италія, въ слезахъ тебѣ сказать,
Какъ тяжело, о, милое созданье,
О, ангелъ мой, въ послѣднее лобзанье
Отъ устъ твоихъ уста мнѣ оторвать.

III.

Прислушайтесь... звучатъ иные звуки...
Унынье и отчаянный разгулъ.
Разбойникъ ли тамъ пѣсню затянулъ,
Иль дѣва плачетъ въ грустный часъ разлуки?
Нѣтъ, то идутъ съ работы косари...
Кто жъ пѣснь сложилъ имъ? Какъ кто? Посмотри
Кругомъ: лѣса, саратовскія степи,
Нужда, да грусть, да думушка, да цѣпи.

IV.

Пойдемъ на звукъ волынки полевой.
Какъ вечеръ тихъ! Въ росѣ фіалка дышитъ;
И свищетъ соловей въ глуши лѣсной,

И долго въ ночь заря на небѣ пышетъ.
Вотъ барскій домъ на хо̀лмѣ. Вкругъ стоятъ
Пушистыя березы вѣковыя,
Ряды теплицъ, а подъ горою садъ
И прудъ, а тамъ избушки тесовыя
По берегу излучистой рѣки.

V.

Вотъ на гору поднялись мужички,
Все съ пѣснями; но только увидали
Господскій домъ, примолкли, шапки сняли;
Приказчикъ къ барину пошелъ одинъ,
Чтобъ доложить, какъ много десятинъ
Распахано, и скошено, и сжато.

VI.

Кто жъ баринъ-то?.. Узна̀ете ль его,
Читатели?.. Разсказа моего
Онъ былъ герой въ Италіи богатой.
Да полно, онъ ли? Какъ онъ потолстѣлъ
(Что̀ значитъ вѣдь у насъ—похорошѣлъ),
Румянъ, здоровъ, глаза какъ маслянисты,
И праздничный какой имѣетъ видъ!..
Что̀ жъ? Дай Господь! Въ деревнѣ аппетитъ,
Движенье, сонъ, хозяйство, воздухъ чистый...

VII.

Владимиръ! Здравствуй! Какъ-то ты живешь?
Рисуешь, пишешь, классиковъ читаешь?
Остришь надъ всѣмъ? Влюбленъ? Успѣшно?.. Что̀ жъ?
О, милый мой, какъ громко ты зѣваешь!..
Посмотримте, какъ онъ проводитъ день.

VIII.

Онъ, возвратясь давно изъ-за границы,
И не заѣхалъ въ русскія столицы,
А въ глушь своихъ забился деревень.
Выписывалъ газеты и журналы,
Сперва читалъ ихъ всѣ, а послѣ мало,
И наконецъ читать ихъ пересталъ.
Онъ Quotidienne и Siècle получалъ,
И прочіе различнаго объема,
Различные умомъ и остротой,
И, наконецъ, Diario di Roma,
Съ его кузиной Сѣверной Пчелой.

IX.

Разъ дождикъ шелъ. Какъ кровлею тяжелой,
Все небо тучею обложено.
Туманъ сокрылъ и холмики и долы;
И грязь и сыро, скучно и темно.
Владимиръ поздно всталъ; пилъ чай душистый:
Кольцомъ пускалъ изъ трубки дымъ волнистый;
Насвистывалъ затверженны давно,
Въ Италіи еще, два-три мотива—
Fra poco—изъ Лучіи, Casta diva—
Изъ Нормы, и, свистя, смотрѣлъ въ окно,
Иль въ комнатѣ ходилъ діагонально.
Остановясь передъ окномъ, въ стекло
Сталъ барабанить. „О, климатъ печальный!
Какая грусть! Ни выйти на село,
Ни на гумно! Чай, озимь пострадаетъ...
Поѣхать на охоту?.. Да хромаетъ
Пегасъ. Къ тому жъ я что-то тяжело
И неспокойно ночью спалъ сегодня.
Дай загляну въ какой-нибудь журналъ".
Онъ кипу цѣлую журналовъ взялъ,
Случайно вынулъ нумеръ прошлогодній
Diario di Roma и читалъ:
„Боготступникъ и злодѣй Карлино,
Оставивши Абруццы, между скалъ
Разбилъ свой станъ, подъ самой Палестриной.
Извѣстный лордъ *** тутъ проѣзжалъ
Въ Неаполь и, съ семействомъ и женою,
Зарѣзанъ былъ разбойничьей толпою.
Межъ жителей распространился страхъ;
Правительство усиливаетъ мѣры:
Отправлены туда карабинеры,
Учреждены конвои на путяхъ".
— Карлино?.. Ужъ не онъ ли тотъ Карлино,
Котораго знавалъ я?.. Можетъ быть.
Онъ далѣе читалъ:
„Но изловить
Не могутъ шайки, и отъ Палестрины
Уже къ Дженсано перешелъ злодѣй.
Намедни шли въ Альбано капуцины
И дѣвушка. Презрѣнный извергъ сей
Заставилъ ихъ плясать, а самъ съ своей..."

Но, на бѣду, вошелъ на мѣстѣ этомъ
Павлушка въ дверь (смотритель за буфетомъ).
Ужасно хочется мнѣ въ мой разсказъ
Всего два слова лишнія прибавить
Насчетъ Павлушки, чтобъ, шутя, для васъ
Всю біографію его представить.
Онъ бариномъ еще покойнымъ, старикомъ,
Былъ взятъ во дворъ господскій казачкомъ.
Одѣтъ былъ въ казакинъ и панталоны
Широкія, а на груди патроны.
Донынѣ казакина своего
Онъ не лишилъ нашивки сей. Его
Павлушкой звали дѣвушки-вострушки,
И до сѣдинъ остался онъ Павлушкой.
Вотъ все.

ПАВЛУШКА.

Обѣдъ готовъ-съ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что, супъ иль щи?

ПАВЛУШКА.

Вы приказали щи.

ВЛАДИМИРЪ.

Еще что будетъ?

ПАВЛУШКА.

Жаркое дичь; съ подливкою лещи...

ВЛАДИМИРЪ.

Скажи-ка повару, не то забудетъ,
Чтобъ онъ въ подливку луку покрошилъ.
Пойти обѣдать.

(За обѣдомъ).

ПАВЛУШКА.

Утромъ приходилъ
Петрушка Чайковскій.

ВЛАДИМИРЪ.

Ну, что жъ?

ПАВЛУШКА.

Ишь, баринъ
Его просилъ откушать васъ. Татаринъ
И Лыковъ будутъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что жъ мнѣ до сихъ поръ
Не доложилъ?

ПАВЛУШКА.

Онъ былъ часу въ десятомъ,
Вы почивать изволили. Да въ дворъ
Еще наѣхалъ-было Ласловъ съ братомъ,
Я отказалъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что жъ это? За меня
Распоряжаться стали вы?

ПАВЛУШКА.

Да я
Подумалъ такъ, что будетъ неугодно
Вамъ ихъ принять.

ВЛАДИМИРЪ.

Я могъ бы отказать
И самъ. Какой вы всѣ народъ негодный!
Мнѣ все впередъ докладывать, сказать.
Ты слышишь?

ПАВЛУШКА.

Слушаю. Еще въ то жъ время
Приказчикъ былъ и приносилъ вамъ сѣмя
Какое-то, прислали въ образецъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Зайдетъ пусть послѣ. Рябчикъ пережаренъ.

Обѣдъ свой жирный кончивъ наконецъ,
Отправился всхрапнуть часокъ нашъ баринъ;
Проснувшись, сталъ пить чай и взялъ
Доканчивать начатый имъ журналъ.
„Посмотримъ, какъ плясали капуцины
Подъ дудочку несчастнаго Карлино;
А дѣвушка?“
„Презрѣнный извергъ сей
Заставилъ ихъ плясать, а самъ съ своей
Богопротивной шайкой любовался,
И послѣ распялъ, какъ ужъ наругался
(На небесахъ награда будетъ имъ:
Ихъ церковь сопричислила къ святымъ).
А дѣвушка, обнявъ его колѣни,
Молила умертвить ее скорѣй,
Но не внималъ свирѣпый извергъ ей,
Не тронули его мольбы и пени...
И обнялъ онъ ее и цѣловалъ,
И у себя три дня ее держалъ.

Межъ тѣмъ, такой же страстію пылая,
Озлобленны товарищи его
Предать вождя рѣшились своего
(Ихъ вразумила Дѣва Пресвятая,
Заступница людей передъ Творцомъ).
Къ Неттуно перешелъ своимъ онъ станомъ.
Проснувшись утромъ, поглядѣлъ кругомъ,
И видитъ—онъ одинъ; предъ атаманомъ
Исчезъ его разбойничій народъ;
Намѣсто ихъ карабинеровъ взводъ.
Онъ взятъ; сидитъ въ Сантъ-Анджело, и скоро,
По составленьи формы приговора,
Близъ храма Весты будетъ онъ казненъ.
На исповѣдь итти не хочетъ онъ".
—„Карлино! Мы съ нимъ встрѣтились однажды.
Былъ въ жизни намъ одинъ урокъ, но каждый
По-своему его растолковалъ.
Несчастный! Помню, онъ всегда бывалъ
Такъ скроменъ, тихъ, въ мечтаньяхъ благороденъ...
Я помню... Но я развѣ съ нимъ не сходенъ?
Обманутъ былъ онъ жизнью такъ, какъ я;
Мы оба стали тѣ же мизантропы—
Надъ нимъ гремятъ проклятія Европы,
А я слыву какъ честный человѣкъ...
Да чѣмъ же лучше я? О, жизнь! О, вѣкъ!
Павлушка! Эй! Приказчику Ивану
Скажи, докладъ я принимать не стану.
За ужиномъ я гуся буду ѣсть
Да сыръ. Въ ѣдѣ спасенье только есть!"

III.

МАШЕНЬКА.

Куда какъ надоѣлъ элегій современныхъ
Плаксивый тонъ; то ль дѣло иногда
Послушать старичковъ-разсказчиковъ почтенныхъ
Про молодости ихъ удалые года,
Невольно вѣришь имъ, когда, почти съ слезою
Они, смотря на насъ, качая головою,
Насмѣшливо твердятъ: „То ль было въ старину!"
Теперь изъ ихъ временъ я свой разсказъ начну.
Хоть онъ въ моихъ устахъ теряетъ сто процентовъ;
Хоть нынѣ далеки мы отъ блаженныхъ дней,
Дней буйныхъ праздниковъ, гусарскихъ кутежей,

Уѣздныхъ Аріандъ, языковскихъ студентовъ:
Хоть этихъ лицъ теперь почти ужъ болѣ нѣтъ;
Хотя у насъ теперь иные люди, нравы,—
Но все еще поймемъ мы были прошлыхъ лѣтъ
И дѣдовъ старыя проказы и забавы.

Часть I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Жилъ на Пескахъ одинъ чиновникъ. Звали
Его Василій Тихонычъ Крупа.
Жилъ тихо онъ. Въ дому лишь принимали
По праздникамъ съ святой водой попа;
А братіи своей мелкочиновной
Онъ никогда почти не приглашалъ,
Хоть знали всѣ, что службой безгрѣховной
Онъ тысячу рублишекъ получалъ,
Да домъ имѣлъ; итакъ, квартира даромъ,
Такъ „скупъ старикъ“—всѣ говорили съ жаромъ.

II.

Когда бы вы увидѣли его,
Вы, чуждые чиновничьяго міра,
„Чудакъ, чудакъ!“—сказали бъ про него;
И воротникъ высокій вицмундира,
И на локтяхъ истертое сукно,
Уста безъ жизни, волосы клочками,
Глаза тупые съ блѣдными зрачками,—
Да, точно бъ вы сказали: „Въ немъ давно
Все человѣчество умерщвлено“.

III.

Онъ двигался какъ машина нѣмая;
Какъ автоматъ писалъ, писалъ, писалъ...
И что̀ писалъ—почти не понималъ,
На благо ли отеческаго края,
Иль приговоръ онъ смертный объявлялъ—
Онъ только буквы выводилъ... Порою
Лишь подходилъ къ сосѣду стороною,
Не для того, чтобы прогнать тоску
Иль сплинъ, а такъ... понюхать табачку.

IV.

Надъ нимъ острился молодой народъ:
„Чай, въ сундукахъ у васъ есть капиталецъ,
А вѣдь, злодѣй, къ себѣ не позоветъ.—
— Что̀ деньги вамъ: вѣдь вы одинъ, какъ пальцъ.
— Куда-те? Говорятъ, что дочка есть.
— Скажите! Что̀, на васъ она похожа?
— Ну, если такъ, вамъ небольшая честь.
— И у нея шафрановая кожа?“
Старикъ молчитъ, или, поднявши глазъ,
Изъ-за пера шепнетъ: „Получше васъ“.

V.

Такъ жизнь его ползла-себѣ въ тиши,
Безъ радости и безъ тоски-злодѣйки...
Ни разу не смущалъ его души
Ни преферансъ задорный по копейкѣ,
Ни съ самоваромъ за городъ пикникъ.
Но вдругъ всѣ въ немъ замѣтили движенье,
Сталъ о погодѣ говорить старикъ
И цѣну спрашивалъ французскихъ книгъ:
Видали, онъ на Невскомъ, въ дождь, въ волненьи,
Глядѣлъ въ окно у магазина модъ—
„Ишь, старый чортъ!.. Кого-нибудь да ждетъ“.

VI.

Однажды всталъ онъ рано; задыхаясь,
Всю ночь почти онъ глазъ и не смежилъ.
Вздѣлъ туфли и открылъ окно. Онъ былъ
Тревожимъ чѣмъ-то, такъ что, одѣваясь,
Намѣсто колпака чуть не надѣлъ
Чулокъ. Былъ праздникъ; день свѣтился яркій;
Кругомъ далеко благовѣстъ гудѣлъ;
Тутъ въ берегахъ тесьмой каналъ блестѣлъ:
Въ кружокъ тѣснясь, за миской щей на баркѣ,
За полдникомъ сидѣли бурлаки...
Какое утро съ свѣжестью и жаромъ!
Земля какъ будто дышитъ раннимъ паромъ,
А небеса такъ сини, глубоки!

VII.

Василій Тихонычъ открылъ окошко
Другое, въ садъ—и вѣтерокъ съ кустовъ,

Какъ мальчикъ милый, но шалунъ немножко,
Его тихонько ждавшій межъ цвѣтовъ,
Пахнулъ въ лицо ему, въ покой прорвался,
Соръ по полу и легкій пухъ погналъ,
На столикѣ въ бумагахъ пошепталъ
И въ комнатѣ сосѣдней потерялся.
Василій Тихонычъ глядѣлъ кругомъ
На зелень, на сирень, большимъ кустомъ
Разросшуюся тамъ,—и улыбался.

VIII.

Единственной забавою всегда
И собесѣдникомъ его, и другомъ
Былъ чижикъ. Съ нимъ однимъ между досугомъ
Онъ разговаривалъ, и иногда
Не только о вещахъ обыкновенныхъ,
Но даже о предметахъ отвлеченныхъ.
Почувствовавъ прохладный вѣтерокъ,
Чижъ сталъ скакать по клѣткѣ и забился;
Вдругъ сѣлъ; чирикать началъ и залился
Потомъ такъ громко, чисто, какъ звонокъ.
Василій Тихонычъ, ему съ улыбкой
Грозя, рѣчь началъ: „Что, куда такъ шибко?
Что, Шурочка, распѣлся такъ куда?
Что веселъ такъ? Иль знаешь развѣ?.. А?

IX.

„А кто сказалъ тебѣ? Подслушалъ, вѣрно,
Какъ говорилъ вчера Анюткѣ я?
Подслушать тоже любишь?.. Я тебя!
Мошенникъ! Наказать его примѣрно!
Сейчасъ скажу директору!.. Смотри!
Ну, что ты слышалъ, Шурка? Повтори!
Что?.. Машенька къ намъ будетъ?.. Знаешь Машу?
Не знаешь? То-то ты и спалъ всю ночь.
Полюбишь ли ее, голубку нашу?
Смотри же—полюби: она мнѣ дочь.

X.

„Она тебя за то полюбитъ тоже...
Ну, а какъ нѣтъ? А какъ начнетъ скучать,
И станетъ плакать и худѣть, вздыхать?
Не пережить мнѣ этого... Эхъ, Боже!
Въ три мѣсяца, чай, къ роскоши она

Привыкла у княгини... вѣдь не шутка—
Балы, театръ... А здѣсь?.. Не сметена
Вѣдь даже пыль... Что жъ дрыхнешь ты, Анютка!
Да подмети, да пыль сотри. Ишь, садъ
Заросъ совсѣмъ. Дай заступъ поскорѣе,—
Куртинки пообрѣжу... да въ аллеѣ
Проклятый подорожникъ вонъ... да съ грядъ
Крапиву... Ахъ, мой Богъ, какая гадость!
Что, старый хрычъ, о чемъ же думалъ ты?
Щавель, крапива—славные цвѣты!
Вотъ хорошо готовилъ дочкѣ радость!“

XI.

Онъ принялся копать, возилъ песокъ,
Пололъ и рылъ, какъ записной садовникъ.
Ну, глядя на него, никто бъ не могъ
Подумать, что онъ классный былъ чиновникъ...
Ужъ полдень былъ. Затихнулъ вѣтерокъ;
Недвижные листы къ землѣ склонились;
Желѣзо крышъ и камни накалились;
На улицахъ все пусто; тишь кругомъ;
Одинъ мужикъ на баркѣ да собака
На солнцѣ спали; голуби рядкомъ
Подъ крышею, подъ слуховымъ окномъ
Усѣлися, ища прохлады мрака.

XII.

Василій Тихонычъ, кряхтя, отвезъ
Послѣдній соръ. „Ну, этакъ будетъ лихо!“
Сѣлъ на скамью подъ вѣтвями березъ,
Отеръ свой лобъ и любовался тихо,
Какъ макъ, нарциссъ пестрѣли между розъ.
Ну, лихо будетъ!.. Уфъ, какъ жарко, душно!
Умаялся“. Совсѣмъ не думалъ онъ,
Чѣмъ за свой трудъ онъ будетъ награжденъ:
Лишь не было бъ здѣсь только Машѣ скучно.
„Ну, дождался, голубушка, тебя!
Цѣлковики копилъ не даромъ я!
Вотъ поживемъ годокъ-другой, а тамъ ужъ
Какъ разъ пристроимся и выйдемъ замужъ!
Ухъ! Набѣжитъ пострѣловъ! Кликни кличъ—
Лука Лукичъ, да что Лука Лукичъ!
Столоначальники... мое почтенье!
Бей выше... самъ начальникъ отдѣленья!..

Анютка, выйдь-ка въ переулокъ,—что?
Не видно ль тамъ... не ѣдетъ тамъ никто?
Гляди, гляди, послушай-ка, что это?"
— Да ничего не видно...—„Врешь, карета...
Какъ ничего? Гляди... Я слышу стукъ".
— Да кабы стукъ, такъ слышно бъ...—Старый бредитъ.
„Анютка!.. Эй, бѣги, подай сюртукъ,
Да что жъ стоишь ты, дура?.. Ѣдетъ, ѣдетъ!"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Василій Тихонычъ не могъ довольно
Налюбоваться дочкою своей.
Заботливо показывалъ онъ ей
Садъ, комнаты и, трепеща невольно,
Смотрѣлъ, какъ ей понравится? „Вотъ тутъ
Гостиная... У насъ пойдутъ балишки.
Ухъ! Гости-то наѣдутъ, набѣгутъ;
Постарше кто—посадимъ за картишки...
Въ саду—фонарики со всѣхъ сторонъ.
А здѣсь, смотри, какой у насъ балконъ;
По вечерамъ мы будемъ на балконѣ
Пить чай".
— Ахъ, да! Я буду вамъ читать
Всю ночь, всю ночь! Я такъ люблю не спать!
Какъ весело! Не то что въ пансіонѣ—
Тамъ въ десять ужъ извольте почивать!

II.

„Какая ты хорошенькая, Маша!—
Любуясь ею, говорилъ папаша.—
Да поцѣлуй меня еще, дружокъ...
Эхъ, нѣтъ покойницы Настасьи
Ананьевны! Знать, не судилъ ей Богъ,
Какъ мнѣ, дожить до этакого счастья!.."
Старикъ отеръ слезу, и изъ очей
У Машеньки блеснули слезки тоже.
„Эхъ, старый я дуракъ! Ну! Царство ей
Небесное! Ты мнѣ всего дороже!
Не плачь, дружокъ, развеселись скорѣй".

III.

Какъ описать вамъ Машу безпристрастно?
Въ ея чертахъ особенности нѣтъ,
Хотя черты такъ тонки и прекрасны,
Заманчивъ щекъ прозрачный, смуглый цвѣтъ,
Коса густая, взоръ живой и ясный...
Но не люблю я дѣвъ ея поры:
Онѣ—алмазъ безъ грани, безъ игры;
И я, смотря на дѣву молодую,
Прекрасную, какъ мраморный антикъ,
Твержу—ахъ, если бъ жизни лучъ проникъ
И освѣтилъ чудесную статую!

IV.

Дѣйствительность, гдѣ страждетъ нищета,
. . . . . .
Гдѣ ищетъ духъ отрады въ усыпленьи,
Гдѣ чувство сдавлено, гдѣ жизнь—пуста,
Вся въ кукольной комедіи приличій;
Гдѣ человѣкъ—манкенъ, гдѣ богъ—обычай,—
Была для Маши пламенной чужда
И называлась *прозою презрѣнной.*
Въ ней разумъ спалъ; зато ея мечта
Работала, какъ зодчій вдохновенный.
Фантазія безъ образовъ, безъ лицъ,
Какъ дивное предчувствіе чего-то,
Творила міръ безъ цѣли, безъ границъ,
Блестѣвшій яркой, ложной позолотой.
То геніемъ хотѣлось ей парить
И человѣчеству благотворить:
Однимъ движеньемъ палочки волшебной
Пролить покой и силою цѣлебной
Больныя раны излѣчать; то въ глушь
Уйти, межъ горъ и безднъ; жить въ гротѣ дикомъ
Съ однимъ созданьемъ избраннымъ, великимъ,
И утопать въ гармоніи двухъ душъ...

V.

Для старика не много измѣненья
Въ житьѣ-бытьѣ произошло тогда,
Какъ появилась Маша: иногда
Былъ на гуляньи съ дочкой въ воскресенье;
Ложился позже, позже сталъ вставать;

На цыпочкахъ ходилъ, когда читать
Изволитъ Маша... Лиліи, тюльпаны
Въ саду явились; въ залѣ фортепьяны
(Хоть музыкантшей Маша не была)
Да пяльцы у рабочаго стола.
На столикѣ валялось разныхъ книжекъ
Десятокъ—вотъ и все... Ахъ, нѣтъ, забылъ,
Изъ Шурочки вертлявый желтый чижикъ
Повышенъ: Ламартиномъ названъ былъ,
Хоть старику темна была причина—
„Да чѣмъ же хуже Шурочка Мартына?“
Почти не измѣнилось ничего;
Предметы тѣ же, но съ иной душою,
Съ иною жизнью. Свойство таково
У женщины: наполнить все собою!
Вокругъ нея какъ будто разлита
Намъ чуждая, другая атмосфера,
Какой-то свѣтъ, и миръ, и теплота,
Любовь и смѣхъ, спокойствіе и вѣра.

VI.

Прошла недѣля—Маша весела;
Глубокій миръ ея уединенья
Воспламенялъ ея воображенье...
Сердилась лишь, скучна она была,
Когда старикъ опаздывалъ обѣдать,
Да на подругъ роптала—не могла
Никакъ понять—какъ можно не провѣдать?
Не разъ она въ Морскую въ *бель-этажъ*
Посланія по почтѣ отправляла;
Рѣшилась *объясниться* и писала...
Какъ вдругъ гремитъ знакомый экипажъ,
И съ дочерью подъѣхала старушка.

VII.

— Zizine!
— Marie! Вотъ, видишь ли, Marie,
Какъ слово я держу.
— Zizine! Ахъ, душка!
О, мы друзья, и вѣчно? Говори!
— О, вѣчно!..
— У меня такъ было много
Тебѣ сказать...
— И мнѣ!

— О, ради Бога,
Скорѣй!
— Постой. Какъ мило у тебя—
Цвѣты...
— Цвѣты? Все накупилъ папаша.
Ты не повѣришь, душка, какъ меня
Онъ любитъ.
— Твой рара?.. Ахъ, Маша,
Мнѣ кажется, я полюблю его
За то, что онъ тебя такъ любитъ... Право...
Хоть онъ такой...
— Zizine!
— Ахъ, ничего,
Ну, не сердись. Что это за кудрявый
Цвѣтокъ?
— Простой.
— А этотъ вонъ, большой
Высокій, желтый? Вѣрно, дорогой!
— Подсолнечникъ.
— Милашка! Ахъ, конечно,
Я для себя велю купить... Marie,
Завидовать тебѣ я буду вѣчно!
Какъ хорошо тебѣ здѣсь, посмотри,
Счастливица! Аллея! Сколько тѣни!
Какой чудесный запахъ отъ сирени...
Какъ весело здѣсь цѣлый день гулять,
Мечтать и думать, думать и мечтать.
— Конечно... Но одной, безъ друга, скучно!
— А я-то что жъ? Ты только напиши,
Вѣрь, я явлюсь. Мы были неразлучны
И въ классахъ. Ты—ты часть моей души.
— Ахъ, добрая Zizine!
Смѣясь сквозь слезы,
Подруги обнялись. Какъ вешни розы
Пылали щеки ихъ; рука съ рукой;
Головка Маши смуглой и живой
Лежала на груди блондинки Зины.
У Грёза есть подобныя картины.

VIII.

Маша:—Я многое обдумала одна,
О, Боже! Для чего я не богата!
Ты знаешь, душка, я вѣдь не жадна
И, вѣрь, презрѣннаго металла, злата

Желала бъ я для счастія людей.
Пренебрегла бы я законы свѣта:
Нѣтъ, гдѣ-нибудь, въ лачугѣ, безъ друзей,
Въ страданіяхъ—нашла бы я поэта;
Къ нему бъ пришла я ангеломъ любви;
Сказала бы: „Ты удрученъ судьбою,
Но я даю тебѣ, своей рукою—
Любовь мою и золото: живи!
Живи!.. Ему была бъ я вдохновеньемъ;
Онъ міру бы слова небесъ вѣщалъ;
И цѣлый міръ ему бъ рукоплескалъ...
Какъ я бъ была горда своимъ твореньемъ!
— Когда бъ, Marie, была поэтомъ я,
Я бъ выбрала тебя своею музой!
Но вѣдь поэты—гадкіе мужья;
Бракъ, говорятъ, имъ тягостныя узы...
Кто это, погляди, Mimi, скорѣй!
Кавалеристъ и на конѣ... Вотъ чудо!
Вообрази: знакомый! Точно: онъ
Бывалъ всегда у Вѣрочки Посуды.
— Противный! Какъ онъ былъ всегда смѣшонъ!
Я презираю!
— Что же онъ здѣсь скачетъ?
Ахъ, погляди, какой чудесный конь!
А латы, каска блещутъ, какъ огонь!
Ахъ, душка—каска! Что же это значитъ?
Зачѣмъ онъ здѣсь?
— Какъ смѣлъ?
— Скорѣй уйдемъ.
Подумаетъ, что мы нарочно ждемъ.
— Заговоритъ, пожалуй!.. Фи, какъ стыдно!
— Ахъ, Боже! Маменька, за мной... Прощай,
Marie!
— Прощай, Zizine; не забывай!
— Ахъ, quelle idée! Мнѣ, право, преобидно!
— Нѣтъ, поклянись!
— Я разъ ужъ поклялась.
— Такъ мы друзья?
— Ахъ, Боже мой, конечно!
— И вѣчно?
— Да!
Карета понеслась,
И дѣвушки разстались съ крикомъ: „Вѣчно“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Чуть освѣжась холодною водой
И наскоро свернувши косу змѣйкой,
Въ капотѣ легкомъ, съ обнаженной шейкой,
Красавица являлась въ садикъ свой,
Къ своимъ цвѣтамъ, то съ граблями, то съ лейкой.
Потомъ въ тѣни, среди семьи цвѣтовъ,
Какъ ихъ сестра, садилась и читала.
О, какъ тогда ея кипѣла кровь!
Изъ рукъ порою книга выпадала.
И въ сладкомъ забытьѣ неслась тогда
Душа ея... Богъ вѣдаетъ куда...

II.

Кавалеристъ межъ тѣмъ являлся чаще...
То будто вихрь промчится на конѣ
Въ красивой каскѣ, въ блещущей бронѣ;
То такъ идетъ, разстроенный, молящій.
Онъ Машеньку немножко занималъ
(Такъ, крошечку! Предметъ ея мечтаній
Все былъ поэтъ—дитя святыхъ страданій).
„А этотъ что? Быть-можетъ, проигралъ!
Вѣдь эти гадкіе мужчины, право,
Богъ знаетъ, какъ живутъ!.. Противный онъ!
Обкрадывать другъ друга имъ забава!“
Она ушла, захлопнувши балконъ;
Но на себя потомъ досадно стало.
„Кто право далъ его мнѣ оскорблять;
Могу ль я людямъ запретить гулять
По улицѣ? Имъ нравится—пожалуй!
Пускай и онъ... привыкла я давно;
Быть-можетъ... О, мнѣ, впрочемъ, все равно!“

III.

Какъ звѣзды средь небеснаго селенья,
Онъ совершалъ обычное теченье.
Такъ медленно идетъ, усы крутитъ,
Вздыхаетъ, въ садъ задумчиво глядитъ.
Разъ, встрѣтивъ взоры Маши, поклонился,
Но такъ былъ блѣденъ, грустенъ и угрюмъ,
Что въ этотъ мигъ ей не пришло на умъ,
Что надо разсердиться. Онъ сокрылся.

IV.

Другой, быть-можетъ, бросилъ бы письмо.
Но сей герой писалъ не очень шибко —
Онъ размышлялъ—въ письмѣ одна ошибка
Испортитъ дѣло, вѣчное клеймо!

. . . . . .
. . . . . .

V.

Остановясь однажды за рѣшеткой,
Заговорилъ онъ такъ печально, кротко,
Что Маша испугалася его.

— Сударыня, вамъ ничего не стòитъ
Страдальца осчастливить.
— Мнѣ, кого?
Чтò вамъ угодно?
— Если безпокоитъ
Васъ просьба—я, пожалуй, замолчу.
— Чтò вамъ угодно?
— Ахъ, прошу... позвольте...
Изъ сада вашего имѣть хочу
Цвѣтокъ я непремѣнно.
— Вотъ, извольте.
— Нѣтъ, нѣтъ, не этотъ.
— Розанъ?
— Нѣтъ, не тотъ.
— Который же? Скажите, я не знаю.
— Ахъ, если бъ могъ я указать... Ну, вотъ
Чтò подлѣ лиліи...
— Не понимаю;
Тутъ былъ нарциссъ—его я сорвала.
— Нѣтъ, не нарциссъ... Вы имъ такъ любовались!
Тюльпанъ, гдѣ, помните, еще ползла
Букашка; вы сначала испугались...
— Не знаю, гдѣ же мнѣ его найти?..
— Позвольте на минуточку войти?
— Какъ это можно? Папеньки нѣтъ дома.
— Такъ чтò жъ, ему разскажете потомъ,
. . . . . .
Чтò жъ тутъ дурного?
— Вы вѣдь незнакомый!

И думала она, какъ Гамлетъ—*быть*
Или не быть—впустить иль не впустить?

— Ахъ, что вы? Что вы? Боже мой, уйдите!
Я закричу.
— Уйду-съ . . . . . .
. . . . . .
Вы ледъ: душа въ васъ какъ гранитъ жестка.
Вы слезы лить готовы надъ романомъ.
А человѣкъ предъ вами хоть умри—
Вамъ все равно. Какимъ-нибудь тюльпаномъ,
Который свянетъ нынче жъ до зари,
Вы дорожите... Это вѣдь ужасно!
— Возьмите, я хоть всѣ цвѣты отдамъ;
Мнѣ ихъ не надо... Но зачѣмъ же вамъ
Тюльпанъ такъ нуженъ?
— Ангелъ мой прекрасный,
И можете вы спрашивать—зачѣмъ?
Глядѣть и знать, что вы его касались,
Что вы ему съ любовью улыбались—
А я слезами оболью... Затѣмъ,
Чтобъ онъ всегда мнѣ вспоминалъ мгновенье,
Когда отъ васъ теперь, изъ сожалѣнья,
Онъ данъ мнѣ... Вы не знаете, вашъ ликъ
Какъ ангела Господня я встрѣчаю,
Съ тѣхъ поръ, какъ васъ увидѣлъ, я постигъ
Всѣ ваши совершенства.
— Я не знаю
Чего же вы хотите?
— Иногда
Позвольте видѣть, слышать васъ, хоть тайно,
Хоть издали; улыбку, хоть случайно,
Мнѣ искупить цѣною слезъ моихъ—
Позволите? О, я вамъ благодаренъ
За жизнь. Ахъ, дайте ручку!..
Въ этотъ мигъ
Анютка изъ окна шепнула: „Баринъ!“
— Ахъ, папенька! Пустите.
— Я прійду
Сюда же завтра.
— Боже мой, скорѣе
Уйдите!
— Машенька, гдѣ ты! Въ саду?
Анютка, собирай обѣдъ живѣе!
Здорово, Маша, ангелочекъ мой.
Не знаю, право, другъ мой, что со мной?
Я смолоду трезовъ былъ въ поведеньи;

И нынче развѣ что для дня рожденья
Сотерну рюмку. Я, вотъ видишь, всталъ;
Ну, къ должности пришелъ; дѣла сыскалъ—
Все хорошо. Кузьма Ильичъ Батыевъ
Перебѣлить мнѣ предписанье далъ
Въ палату въ Могилевъ, нѣтъ, прежде въ Кіевъ —
Все хорошо—окончилъ—написалъ.
Сѣлъ за другое: тутъ меня схватило
Подъ ложечкой, въ глазахъ ажъ помутило.
Да, слава Богу, тутъ случись со мной
Ошлепниковъ, Панталеонъ Иванычъ.
„Что съ вами, говоритъ, вы бъ шли домой
Да выпили чего-такого на ночь“.
Насилу вышелъ—тутъ ужъ отлегло,
И, слава Богу, вотъ совсѣмъ прошло.

—„Ахъ, бѣдненькій! Ахъ, добрый мой папаша!“
Какъ коршуна избѣгшій голубокъ,
Къ отцу прижавшись, зарыдала Маша.
— „Эхъ, дурочка! Прошло вѣдь. Съ нами Богъ!“

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Какъ тонкій ядъ въ взволнованную кровь,
Прокралась въ сердце Машеньки любовь;
И мощно вдругъ въ душѣ проснулись юной
Живымъ аккордомъ дремлющія струны.
Ей чудный міръ открылъ врата свои,
Міръ—сладкихъ тайнъ, плѣнительныхъ мечтаній,
Міръ съ нѣгою блаженства и страданій,
Со всею милой глупостью любви.

II.

О, не бѣги любви, дитя мое!
Пусть розы цвѣтъ лицо твое утратитъ,
Зато твой духъ, все бытіе твое
Такою полной жизнію охватитъ!
Вокругъ тебя пока міръ цѣлый спитъ;
Потомъ проснется вдругъ, заговоритъ;
Въ блаженствѣ ты душою съ нимъ сольешься;
Тогда найдешь ты друга въ немъ себѣ:
Онъ засмѣется, если ты смѣешься,
Заплачетъ, если плачется тебѣ.
И звѣзды вечера тебѣ укажутъ
Свой тайный смыслъ; поймешь внезапно ты,

Что шепчутъ ночью листья и цвѣты;
И слезы дивныя глаза увлажутъ;
Услышишь—міръ шепнетъ тебѣ: „люблю“—
И этотъ звукъ проникнетъ грудь твою,
И грудь твоя, уста и очи скажутъ:
„И я люблю“...

III.

У Машеньки въ глазахъ
Все измѣнилось: будто на крылахъ
Какой-то геній, духъ неуловимый,
По комнатѣ ея порхалъ незримо,
Надъ нею вился, жилъ въ ея цвѣтахъ.
Какъ часто вдругъ, себя не понимая,
Невольно остановится она;
Глядитъ и внемлетъ, втайнѣ замирая,
Какъ будто бы она тамъ не одна:
Въ ея окно ворвавшіяся вѣтки
Черемухи, сирени и березъ,
И вѣтерокъ, дышавшій нѣгой розъ,
И чижикъ, рѣзво прыгавшій по клѣткѣ,
Какъ будто съ кѣмъ-то были заодно
И видѣли невидимое ею...
И Маша думала: „Душа его
Является бесѣдовать съ моею“...

IV.

Теперь, въ часы волшебныхъ вечеровъ,
Когда заря полнеба обнимала,
Понятною, торжественною стала
Ей музыка. Языкъ ея безъ словъ
Такъ ясенъ былъ, такъ полнъ душевной боли;
И въ этомъ царствѣ воплей, бурь и слезъ
Неосязаемый рѣдѣлъ хаосъ,
Міръ возникалъ велѣньемъ высшей воли,
Но книга—прежде вѣрный, милый другъ,
Теперь у ней ужъ падала изъ рукъ:
Казалось ей тамъ все такъ глухо, нѣмо...
Что ей Омиръ и Шекспиръ, если въ ней
Творилася великая поэма,
Всѣхъ эпопей громаднѣй и живѣй?
Какъ ни возись съ октавой иль сонетомъ—
Все будешь передъ ней плохимъ поэтомъ!

V.

Какія жъ пѣсни пѣла муза ей?
Какой она заслушивалась лиры?
Въ величіи героевъ древнихъ дней,
Строителей Бабе́ля и Пальмиры,
Иль рыцаремъ креста, любви и дамъ,
Иль музыкальнымъ странникомъ Прованса
Ея герой предсталъ ея мечтамъ?
Въ его рѣчахъ—то нѣжный стихъ романса,
Исполненный любви, и слезъ, и нѣгъ,
У оконъ замка, съ арфой, ночью лунной;
То вопли Байрона, землѣ перуны,
Угрозы небу; мощный, гордый смѣхъ,
Великій, злой—хоть женски-малодушный.
И чувству новому во всемъ послушно
Вся отдалась она своей душой;
Участія хоть въ комъ-нибудь искала;
И, наклонясь надъ розой молодой,
Какъ другу, тайно ей она шептала
События романа своего,
Тоску любви и трепетъ ожиданья,
Восторгъ и робость тайнаго свиданья
И долгаго лобзанья волшебство...

VI.

Онъ говорилъ:—„Мы будемъ неразлучны,
Поѣдемъ въ полкъ; возьмемъ отставку; тамъ
Пространствуемъ по разнымъ городамъ,
Въ Италію—о, намъ не будетъ скучно!
Но мой отецъ—онъ человѣкъ крутой,
Меня женить онъ хочетъ на другой,
Но пусть меня оставитъ онъ безъ крова—
Лишь сердце можетъ друга указать...
Но надобно до времени молчать
И папенькѣ не говорить ни слова.
Ужъ онъ кому-нибудь словцо ввернетъ:
Разскажетъ—ну, хоть чижику, а тотъ
Анюткѣ; Аннушка — кумѣ Ѳеклушѣ,
И прокричатъ по улицамъ кликуши“.

VII.

О, Боже мой! Все есть въ его словахъ,
Чтобъ поширять фантазіи летучей:

Гонимъ отцомъ,—ему душой могучей
Противосталъ; онъ презрѣлъ *тлѣнъ* и *прахъ*
(Касательно наслѣдства); какъ изгнанникъ
Скитаться онъ пойдетъ, печальный странникъ;
Но съ нимъ она—подъ небомъ голубымъ
Италіи; тамъ гондолы и Брента;
Тамъ міръ искусствъ; Феррара и Сорренто,
Везувій, море, Колизей и Римъ!!!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Василій Тихонычъ имѣлъ привычку,
Обѣдъ окончивъ, поласкавши птичку,
Пойти всхрапнуть.
Однажды той порой
Въ ближайшей къ дому улицѣ глухой
Остановилась страннаго размѣра
Извозчичья карета. У угла
Въ шинеляхъ два стояли офицера,
И бойкая у нихъ бесѣда шла.

II.

Одинъ изъ нихъ былъ давній нашъ знакомецъ—
Кавалеристъ и маменькинъ питомецъ;
Хоть лѣтопись боярской ихъ родни
Давно хранила имена одни
Прокофія, Егора и Ивана,
Но вслѣдствіе какого-то романа
Обычая порядокъ измѣненъ—
И Клавдій—Клавдіемъ былъ нареченъ.

III.

Другой—его я имени не знаю;
Да врядъ ли кто и зналъ, я полагаю.
Онъ вышелъ самъ изъ строевыхъ чиновъ,
Его всѣ звали—просто Гвоздаревъ.
Онъ слылъ всегда отчаяннымъ рубакой,
Лихимъ товарищемъ, а оттого
Не обходилось дѣло безъ него,
Грозившее опасностью иль дракой.

IV.

Гвоздаревъ:—Ну, братъ, поддѣлъ! Ужъ если ты не врешь—
Забавная исторія!

— Прекрасно!
Изо всѣхъ лжей, въ такихъ вещахъ, братъ, ложь—
Гнуснѣйшая, порокъ, братецъ, ужасный!
Скажи, совралъ ли я когда-нибудь?
Ты помнишь Соню—прелесть что̀ такое!
Вѣдь не совралъ? Я не могу надуть
Товарища. Потомъ, княгинѣ Зоѣ
Не самъ ли ты записки отдавалъ?..
Да что̀ тутъ говорить—увидишь скоро.
— Ну, молодецъ! Вѣдь дѣло не изъ спора.
Вотъ Вьюшкинъ,—фу, ты чортъ, какъ вретъ!—сказалъ,
Что подцѣпилъ посланницу—да только
Посланница-то просто...
— Ну, нашелъ!
Понравится онъ женщинѣ: оселъ!
— Посланница!.. Вѣдь правды ни на столько!
Я только такъ тебѣ теперь сказалъ;
Не знаю, что̀ за стать тебѣ возиться
Съ дѣвчонками; и изъ чего тутъ биться—
Слезъ... Господи! Навяжутся... Пропалъ!
Я не могу—расплачусь самъ какъ дура.
Что̀ дѣлать, братецъ,—скверная натура!
Нѣтъ, женщинъ я люблю, да вотъ такихъ,
Какъ кто-то написалъ стихи про нихъ:
„Блаженъ кто могъ, о, дѣва ночи“...
— Эге! давно ль ты сталъ читать стихи?
— Читалъ, братецъ, да много чепухи.
— Такъ дѣвочки...
— Ни на̀ что не похожи.
— И я тебѣ скажу стихами тоже,
Старинные: какъ въ корпусѣ я былъ,
Еще тогда ихъ какъ-то затвердилъ—
Съ дѣвицами мнѣ очень пригодилось.
Какъ, знаешь, брякнешь вдругъ:—„*Постыли мнѣ*
Всѣ дѣвы міра!“ Смотришь—и склонилась
Головкою и таетъ, какъ въ огнѣ;
А я себѣ реку, какъ жрецъ искусства:
„*Ты рождена воспламенять...*“ Фу, чортъ!
Соперникъ тутъ—капутъ и à la porte!

. . . . . .

— Да, хорошо въ стихахъ, а такъ-то гадко,
Поплачешься. Ей-Богу, никогда
Не буду брать я на себя труда
Вамъ помогать. Бьетъ точно лихорадка.

— Эхъ, баба, трусъ! Тебѣ бъ гусей пасти;
Да если ты боишься, такъ поди.
— Нѣтъ, что̀! Ужъ обѣщалъ.
— Чего жъ ты трусишь?
— Да, какъ заплачетъ, такъ языкъ прикусишь.
Смотри, мелькнуло что-то тамъ, въ саду.
— Ну, жди меня, я тотчасъ съ ней прійду.
— Ступай, ступай! Ужъ эти мнѣ интрижки!

. . . . . .

. . . . . .

Добро бъ мѣщанка—ну, туда-сюда,
Ну, нѣмка, швейка, или хоть цыганка,
А то вѣдь все, какъ ни было бъ, дворянка.
Чай, у нея и связи и родня...

V.

КЛАВДІЙ, МАША.

— Ну, ангелъ мой, давно я жду тебя;
Что̀, наконецъ успѣла ты собраться?
— Куда же, другъ мой?
— Какъ куда? Вѣнчаться.
— Послушай, Клавдій, нынче я всю ночь
Проплакала.
— Что̀ такъ?
— Мнѣ страшно было...
— Пожалуйста, дурного не пророчь.
— И не было во мнѣ день цѣлый силы
Глядѣть на папеньку; зачѣмъ скрывать
Отъ старика?
— Ну, разскажи, пожалуй—
А онъ пойдетъ по городу болтать.
И планъ нашъ, счастье—все какъ не бывало!
Нѣтъ, ты меня не любишь. Для тебя
Я бросилъ все... Что̀ жъ, этого все мало?
Нѣтъ, это не любовь.
— Ахъ, полно! Я твоя...
— О чемъ же плачешь ты, душа моя?
— Не знаю... Такъ... Мнѣ въ этотъ мигъ казалось,
Что будто бы навѣкъ я разставалась
И съ домикомъ и съ садомъ...
— Пустяки!
Мы завтра же сюда какъ разъ подкатимъ.
Папа̀ намъ будетъ радъ—вѣдь старики

Посердятся, а тамъ, глядь, въ три ноги
Ударятъ сами... Но мы время тратимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Прошло три дня. Поутру Гвоздаревъ
Шелъ къ Клавдію. „Чортъ знаетъ что со мною!
Вѣдь, кажется, натурой боевою
Я надѣленъ, и двадцать пять годовъ
На линіи чуть съ чортомъ не сдружился.
А тутъ теперь съ дѣвчонкой повозился...
Сталъ самъ не свой, и гадко, чай, взглянуть.
Ужъ не болѣзнь ли это? Ноетъ грудь...
Нѣтъ, не болѣзнь, а просто скверность. То-то,
Все думаешь затылкомъ. Помогать
Чортъ знаетъ въ чемъ припала вдругъ охота!
Да не подумалъ, къ рожѣ ль, есть ли стать!
Эй, Куликовъ, ну что, не принимаютъ?
— Да, нѣ звали; должно-быть, почиваютъ.
— Здоровы?
— Слава Богу.
— А она?
— Кто-съ, барыня? Да что имъ?
— Очень плачетъ?
— Извѣстно, плачутъ.
— Чай, она больна?
— Да, то больна, а то поетъ и скачетъ.
— А баринъ что?.. Онъ крѣпко полюбилъ?
— Насчетъ того не слышно разговора,
Да мы не долго вѣдь—наскучитъ скоро.
— Ну, ты скажи, что я, молъ, приходилъ.

II.

А Клавдій, съ трубкой длинною въ рукахъ,
На канапэ сидѣлъ какъ падишахъ,
Въ халатѣ шитомъ, въ узорочной фескѣ.
Лучъ солнечный, скользя сквозь занавѣски,
Прозрачный дымъ разрѣзавъ, заклубивъ,
По комнатѣ лился златой струею;
И мимоходомъ, ярко озаривъ
Тальони бюстъ, хрусталь съ живой игрою,
Онъ упадалъ на голову, на грудь
Маріи спящей.

III.

Милое созданье!..
Кто на нее, въ волшебномъ обаяньи,
Не заглядѣлся бы, боясь дохнуть?
Какъ живописно, какъ небрежно-ловко
Она раскинулась: одна рука
Заброшена за милою головкой;
Къ другой прижалась жаркая щека;
И косы, пышныя, какъ шелкъ развитый,
Бѣгутъ, блестя, съ подушки пуховой;
Тамъ ножки такъ заманчиво открыты,
И очеркъ формъ прекрасныхъ... чудный видъ...
Устами бы коснулся, упоенный,
Холодныхъ плечъ, щеки воспламененной!..
Но эта мысль, которая не спитъ
И спящею красавицей играетъ,
То пурпуромъ лицо ей обагряетъ,
То блѣдностью въ ланитахъ пробѣжитъ,
То сдавитъ грудь, и грудь ея заноетъ,
Какъ будто крикъ обиды въ ней замретъ,
То ужасомъ уста ея раскроетъ,
То въ поцѣлуй горячій ихъ сомкнетъ;
Нѣтъ, эту мысль, ту дѣющую душу
Въ ней чувствуя и съ трепетомъ слѣдя,
Ты, очарованъ, скажешь: „Спи, дитя,
Сна таинства я дерзко не нарушу“.
И Клавдій думалъ: „Пусть она поспитъ,
Покуда самоваръ не закипитъ“.

IV.

— „Ну, розанчикъ, насилу встала ты,
Лѣнивица. А я ужъ приступаю
Къ чаямъ.
— Зачѣмъ же ты, не понимаю,
Не разбудилъ?
— У васъ вѣдь все *мечты*.
Особенно подъ утро—о, я знаю!!!
Скажи же, что ты видѣла во снѣ?
А, покраснѣла!
— Вамъ какое дѣло?
— Признайся, все мечтала обо мнѣ?
— Вотъ вздоръ какой! Нимало.
— Покраснѣла!..
Мадамъ прислала шляпку и бурнусъ.

Когда не такъ—прошу ужъ извиненья—
Я виноватъ: я выбралъ на свой вкусъ.
— Ахъ, шляпка бѣлая... я въ восхищеньи!
Вотъ именно какой хотѣлось мнѣ.
— Да не ее ль ты видѣла во снѣ?
— Пожалуйста!.. Ахъ, какъ сидитъ чудесно!
Бурнусъ прекрасный. Этотъ цвѣтъ небесный
Ко мнѣ идетъ. Вѣдь я всегда блѣдна,
И брови черныя, глаза большіе,
Ну, погляди, я, право, недурна.
Я выпущу тутъ локоны: густые
И черные на голубомъ—charmant.
Вся завернусь въ бурнусѣ съ гладкой спинкой,
На шеѣ съ легкой палевой косынкой,
Въ атласныхъ башмачкахъ—mais c'est piquant!
— У! Божество мое!
— И мы съ тобою
Поѣдемъ за̀ городъ, гдѣ нѣтъ людей.
— Хоть за сто верстъ.
— Я жажду всей душою
Увидѣть небо, лѣсъ, просторъ полей.
Вѣдь я почти природы не видала;
Разъ только лѣтомъ съ папенькой гуляла:
За нашимъ домомъ поле и ручей—
Какъ весело... Ахъ, что-то мой папаша!
Что̀ съ нимъ теперь! Ахъ, Боже мой, гдѣ онъ?
Онъ не проститъ меня!.. Онъ раздраженъ,
Онъ такъ любилъ меня!..
— Что̀ это, Маша,
Опять ты плачешь—скучно! Я сказалъ,
Что онъ намъ дастъ свое благословенье,
Но надо ждать. Священникъ не вѣнчалъ
И не хотѣлъ вѣнчать безъ позволенья
Родителей, но послѣ обѣщалъ,
. . . . . .
Меня ты сердишь глупостью своею.
— Прости меня. Я вѣрю, я о томъ
Не буду даже думать.
— И прекрасно!

И вотъ она опять съ улыбкой ясной,
Исчезла мигъ сверкнувшая слеза;
Она глядѣла такъ ему въ глаза
Довѣрчиво, какъ смотрятъ только дѣти.

— Послушай, Клавдій, ты мнѣ все на свѣтѣ,
Ты счастливъ ли, какъ я?
— А могъ ли бъ быть
Я меньше счастливъ?
— О, какъ жизнь прекрасна!
А жизнь въ одномъ лишь словѣ—вѣкъ любить.
А вѣдь живутъ и безъ любви... Ужасно!
Не вѣрю я—жить безъ любви—страдать.
Но знаешь ли, когда бъ меня спросили,
Какъ я люблю и сколько—отвѣчать
Я бъ не могла... Ужели бъ заключили,
Что не люблю я? О, какъ свѣтъ смѣшонъ!..
— Эге, такъ вотъ, не въ этомъ ли твой сонъ?
— Ахъ, ты все шутишь!.. Помнишь ли, объ этомъ
Ты говорилъ со мной давно ужъ, лѣтомъ;
Ты, помнишь ли, сказалъ мнѣ, что любовь!
Безъ жертвъ не есть любовь; я этихъ словъ
Значеніе теперь лишь угадала.
Хоть я тебѣ покорна, какъ судьбѣ,
Все кажется, что сдѣлала я мало
И что ничѣмъ не жертвую тебѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Какъ опустѣлъ нашъ домикъ на Пескахъ!
Закрыты ставни, заросли травою
Дорожки, и крапива въ цвѣтникахъ.
Недавно бурей сломаны ночною
Лежали вѣтви желтыя деревъ;
Никто прибрать не думалъ ихъ съ дорожки,
Ни подвязать попорченныхъ кустовъ,
Ни вставить стеколъ выбитыхъ въ окошки.
Василій Тихонычъ лежалъ больной,
Безъ памяти, въ горячкѣ. День-денской
При немъ была сидѣлка нанятая,
Гадавшая спокойно при больномъ,
Что скоро ли ея докука злая
Окончится какимъ-нибудь концомъ,
И вымещавшая на кофеишкѣ
Заботы о проклятомъ старичишкѣ.

II.

Нѣтъ, время не старикъ. Нѣтъ, въ старцѣ умъ
Спокоенъ, мудръ, безгнѣвенъ, твердъ, угрюмъ.

Нѣтъ, время—женщина, дитя: ревниво,
И легкомысленно, и прихотливо;
Капризное—вдругъ радость унесетъ,
За мигъ блаженства вырветъ злыя слезы,
Сорветъ съ чела цвѣтущій миртъ и розы
И терніемъ колючимъ обовьетъ;
Но вдругъ потомъ пробудится въ немъ жалость,
И выкупить свою захочетъ шалость—
Тутъ явится оно опять, какъ другъ,
И исцѣлитъ мучительный недугъ.
Василій Тихонычъ, чуть-чуть, по малу,
Сталъ поправляться, въ комнатѣ бродить
И иногда на солнце выходить,
Гулять одинъ въ сосѣдствѣ, по каналу.

III.

Осенній день былъ ярокъ. Громкій звонъ
Гудѣлъ далеко. Было воскресенье.
Василій Тихонычъ всталъ рано. Онъ
Всю ночь не спалъ. Тяжелыя видѣнья
Его терзали, отгоняя сонъ.
Онъ вышелъ на крыльцо. Цыплята, куры,
Кудахча, тамъ стѣснилися къ пшену.
Онъ ихъ ласкалъ при этомъ въ старину,
А нынче отошелъ, сказавши: „дуры“.
Онъ въ залу. Солнцемъ оживленный, тамъ
Веселый чижикъ пѣснью заливался,
Какъ въ дни, когда, бывало, по утрамъ
Здороваться старикъ къ нему являлся
И говорилъ, что̀ было за душой.
Теперь онъ сталъ съ поникшей головой;
Особенно теперь онъ вспомнилъ ясно
Иные дни, которыхъ не вернешь...
А чижикъ пѣлъ все такъ же звонкогласно...
„Да что̀, дуракъ, ты горло-то дерешь,
Да замолчи, сверчокъ, ушамъ вѣдь больно!“
Онъ отошелъ, сердитый, недовольный.

IV.

По службѣ былъ пріятель у него.
Ужъ двадцать лѣтъ они сидѣли рядомъ;
Вѣрнѣе—двадцать лѣтъ другъ къ другу задомъ
Они сидѣли... Боже мой! Чего
Не дѣлаетъ судьба на свѣтѣ бѣломъ!

Пріятели по днямъ сидѣли цѣлымъ
Другъ друга слыша, чувствуя, слѣдя,
Почти въ лицо другъ другу не глядя.

V.

Давно Иванъ Петровичъ въ службѣ высохъ.
Но, можетъ-быть (не знаемъ мы того),
У множества головъ сихъ странныхъ, лысыхъ,
Какъ кажется, умершихъ для всего,
Которыхъ міръ такъ жалко обезличилъ,
Все есть одно, куда живымъ ключомъ
Прорвалась жизнь и съ чувствомъ и съ умомъ...
Такъ узникъ былъ, который паукомъ
Всю жизнь ума и чувства ограничилъ.

VI.

— Василій Тихонычъ, пойдемъ гулять.
— Гдѣ мнѣ гулять!
— На острова поѣдемъ.
— Эхъ, полно вамъ.
— Да что же вамъ лежать
Весь день въ берлогѣ этакимъ медвѣдемъ...
Поѣдемте, надѣньте вицмундиръ.
— Ахъ, знаете ль, не хочется, ей-Богу!
— Ну, полно же, живѣй, маршъ-маршъ въ дорогу!
Въ трактиръ зайдемъ пить чай.
— Ну, ужъ въ трактиръ
Я не пойду. Тамъ, чай, народу много,
И въ публику мнѣ страшно выходить.
— Вотъ то-то, все сидитъ, да дома тужитъ!
. . . . . .
. . . . . .
— Нѣтъ, не пойду, Иванъ Петровичъ.
— Что жъ?
— Такъ, не могу.
— Ужъ вы надѣли брюки?
— Все не могу.
— Васъ, право, не поймешь.
Да ну, скорѣй мундиръ да шляпу въ руки!
— Меня какъ будто лихорадка бьетъ,
Такъ на сердцѣ нехорошо.
— Пройдетъ!
— Нѣтъ, не пройдетъ; ужъ развѣ Богу душу
Отдамъ, тогда пройдетъ. Такъ не *пройтитъ*.

— Охота вамъ такъ страшно говорить,
И всякій смертенъ.
— Смерти я не трушу.
— Берите шляпу.
— Что мнѣ смерть теперь?
— Да полно, говорятъ.
— Такъ околѣю,
Какъ песъ, какой-нибудь поганый звѣрь,
Глазъ некому закрыть мнѣ, какъ злодѣю.
— Ну, ну, пойдемъ. Ну, запирайте дверь.

VII.

Чиновники скромненько ваньку взяли
И поплелись рысцой на острова.
„И лѣтомъ былъ денекъ такой едва ли,
Смотрите-ка, вѣдь будто спитъ Нева“.
Василій Тихонычъ хранилъ молчанье,
Зато Иванъ Петровичъ говорилъ.
„Какъ пыльно! Уфъ! Дышать почти нѣтъ силъ!
Да слѣземъ тутъ, пройдемте до гулянья.
Смотрите-ка, народу что идетъ,
Чай, всякіе—держитесь за карманы,
Кто ихъ теперь въ толпѣ-то разберетъ...
Глядите-ка, присталъ какой-то пьяный
Къ купчихѣ, знать: повязана платкомъ.
Здоровая, ей-ей, кровь съ молокомъ!
Чай, ѣстъ за трехъ! Ишь, жирная какая!
Эге, ругнула! Вотъ люблю, лихая!
Да это что, смотрите-ка сюда—
Здѣсь прежде будки не было. Когда
Поставили? Спросить бы часового...
Ахъ, нѣтъ, была, да выкрашена снова.
Послушаемъ шарманки. Ишь какой
Тальянецъ—мальчикъ, а ужъ черномазый.
Чай, сколько онъ проходитъ день-денской!
Какъ вертится! Ахъ, дьяволъ пучеглазый!
Ѣсть нечего въ своей землѣ у нихъ,
И суются куда бы ни попало.
Да. Ну, у насъ бы припугнули ихъ.
Вотъ нѣмецъ—тоже честный надувало:
Я чай, сигаръ изъ браку наберетъ,
А тутъ, поди-ка, сунься, такъ сдеретъ,
За штучку гривенникъ да пятьалтынникъ.
Вотъ что! И знай.

Подвинемтесь туда,
Къ каретамъ. Ты, сѣдая борода,
Слышь, не толкай! Посторонись, аршинникъ!
Не видишь, что чиновники... Скорѣй,
Василій Тихонычъ, не пропустите,
Директорша. Да шляпу-то снимите.
Проѣхала. Директоръ не при ней.
А вонъ коляска... Да кто въ ней, глядите—
Не знаете? Вѣдь стыдно и сказать...
Вся въ кружевахъ теперь и блондахъ... Танька,
Та, что жила у Прохорова нянькой!
И шляпка внизъ торчитъ... Тожъ лѣзетъ въ знать!
Чуфарится! Туда жъ съ осанкой барской!..
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Василій Тихонычъ, что жъ вы стоите?
Пойдемъ пить чай!“
— Глядите-ка... глядите...
— Кто тамъ?
— Глядите...
— Кто?
— Она, она!..
Разряжена... Какъ весела... смѣялась...
— Пойдемте прочь, вамъ просто показалось,
— И онъ верхомъ... Мерзавецъ!.. Какъ жена
Съ нимъ говоритъ... Да что вы, не держите.
— Василій Тихонычъ! Уйдемъ, молчите!
Вы въ публикѣ... вниманье обратятъ.
Подумаютъ, что вы... свести велятъ
Въ полицію...
— Она того хотѣла,
Такъ на же, пусть въ полицію сведутъ!
Пускай при ней и свяжутъ и возьмутъ!
Пусти меня!..
— Опомнись, это тѣло
И кровь твоя...
— Ну, тѣло, кровь, пусти!
Отца забыть! Съ любовникомъ уйти!
Отецъ—онъ старъ, дуракъ! Какое дѣло,
Есть или нѣтъ отецъ... Пускай реветъ...
Оставила... Пускай съ ума сойдетъ,
Что жить ему: околѣвай, собака!
Смотрите всѣ: вонъ, вонъ она, вонъ та—

Анаѳема! Будь вѣки проклята!..
— Уфъ, страхъ какой!
— Что̀ тутъ за шумъ?
— Что̀? Драка?

Старикъ умолкъ. Дрожащія уста,
Казалось, говорить еще хотѣли,
Но голосъ замеръ, ноги ослабѣли,
И онъ упалъ. Коляска понеслась
Какъ вихрь. Толпа кругомъ еще тѣснилась.
— Я съ духомъ все еще не собралась.
Вотъ ужасти! Она, моя родная,
Какъ взвизгнула!
— Да блѣдная такая!
— Что̀ тутъ такое?
— Проклялъ дочь отецъ.
— Да, проклялъ; да за что же? Злая доля
Тому, кто проклятъ... Ишь вѣдь молодецъ!
— Ахъ, батюшка! Родительская воля!
— Ишь, проклялъ!..
— Онъ вѣдь какъ безумный самъ.
Смотрѣли бы за нимъ всѣ по пятамъ —
Воды-то много тутъ. Чтобъ не случился
Съ нимъ грѣхъ какой...
— Ты слышалъ, тутъ одинъ
Порядочно-одѣтый господинъ,
Чиновникъ, проклялъ дочь и утопился?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Пришла весна. Свѣтлѣютъ неба своды;
Свой бѣлый саванъ сдернула зима,
Дома темны, какъ древніе дома;
По улицамъ, журча, струятся воды;
Нева блеститъ и дымчатой волной
Играетъ съ жемчугомъ зеленой льдины.
Я Петербургъ люблю еще весной.
Какъ будто есть движенье: цѣпью длинной,
Въ грязи шумя и плеща колесомъ,
Стремятся экипажи; по колѣно
Въ водѣ еще кой-гдѣ, вертя кнутомъ,
Съ санями ванька тащится, рядкомъ
Съ лошадкою, покрытой бѣлой пѣной;
И тротуаръ на Невскомъ оживленъ;

Толпы ползутъ туда со всѣхъ сторонъ;
Людей, какъ мухъ, живитъ весны дыханье;
И раздаются шумно восклицанья:
„Что̀, братъ, весна! Я просто въ сюртукѣ—
И ничего!“—„Я тоже налегкѣ“.
Лишь скептикъ, жертва мѣстнаго недуга
(Зараза эта такъ у насъ сильна),
Замѣтитъ: „Да, пожалуй, и весна,
А все, гляди, еще потянетъ вьюга“.
Ну, словомъ, жизни уличной просторъ!
Точь въ точь Парижъ: кофейни, лавки, клубы,
Трактиры, моды, книги, шляпы, шубы,
Журнальныхъ даже множество конторъ—
. . . . . .
. . . . . .

II.

Пойдемте вслѣдъ за яркою толпой.
Вотъ, пышными нарядами пестрѣя,
Двѣ барыни и баринъ съ бородой,
И съ ними сзади красная ливрея.
— Какъ Петербургъ нашли вы, мосье Paul?
Довольны ли вы сѣверной столицей?
— Что̀ дѣлать? Возвратясь изъ-за границы,
Невольно старую играешь роль—
Роль Чацкаго.
— Ахъ, это, право, мода!
— Кто странствовалъ, тотъ любитъ наблюдать
Въ лицѣ толпы особенность народа,
Души его оттѣнки подмѣчать.
Одинъ народъ угрюмъ, спокоенъ, важенъ;
Тотъ вдохновеньемъ блещетъ; а другой
Въ лохмотьяхъ—гордъ, безпеченъ, но отваженъ.
Тамъ югъ, здѣсь сѣверъ съ скукой и хандрой;
Куда ни взглянешь—видъ полубольной
И мутные глаза безъ выраженья.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

— Ну, признаюсь, чудесный разговоръ
На улицѣ!.. Давно ль, съ которыхъ поръ
Вы бойки такъ, совсѣмъ другіе стали!
Я помню васъ студентомъ...
— Я созрѣлъ,
Въ два года много я узнать успѣлъ.
— Ужели сердцемъ вы не трепетали,
Когда родной языкъ вы услыхали?
— Какой языкъ, и какъ здѣсь говорятъ!
Французскія слова на русскій ладъ!
Не тотъ языкъ, что̀ искрится алмазомъ,
И радуетъ, и поражаетъ разомъ
Въ устахъ француза; нѣтъ, совсѣмъ другой,
Сухой, дипломатически-пустой,
Какая-то привычка къ мертвымъ фразамъ..
Вы, женщины, вы корень зла всего.
Одушевить языкъ своей улыбкой,
Сроднить его съ своей природой гибкой
И женскимъ сердцемъ воспитать его
Вы не хотите... Грубая ошибка:
Какъ ни возись съ упрямымъ языкомъ
Писатели—прозаики, поэты,
Онъ будетъ сынъ, воспитанный отцомъ,
Не знавшій ласкъ сестры и не согрѣтый
Улыбкой матери.
— Кто жъ виноватъ?..
Вы точно Чацкій... Желчь и злость—что̀ слово.
Вы нынче вечеръ съ нами?
— Очень радъ...
Я такъ увлекся... Тетушка здорова?
— Mercі.
— А дядюшка?
— Онъ очень хилъ.
— Кузины?
— Васъ увидѣть будутъ *ради*.
Додо ужъ замужемъ... и послѣ дяди
Получитъ много мужъ... онъ очень милъ.
— А ваши всѣ друзья?.. Мими?
— Какая Мими?
— Брюнетка, помните, живая,
Вашъ другъ.
— Fi donc!
— Вы вышли вмѣстѣ съ ней

Изъ пансіона...
— Боже мой, молчите!
— Мими... вашъ другъ?
— Ахъ, что̀ вы говорите!
— Вотъ дружба-то!
— Нѣтъ у меня друзей.
— Жива ль она?
— Да, умерла... для свѣта.
Maman, maman, чудесная карета,
Что̀ привезли изъ Лондона Sophie...
— А гдѣ Sophie?
— Вонъ тамъ.
— А съ ней мосье Fifi?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Но гдѣ она, гдѣ героина наша,
Гдѣ бѣдная, гдѣ любящая Маша?..
Убита ли нечаянной грозой?
Иль чистая душа и съ ней сроднилась?
Изъ устъ отца проклятье разразилось,
Какъ громъ небесъ, надъ юной головой;
Надменный свѣтъ, ласкающій невѣжду
И мытаря, грабителя, шута,
Для ней навѣкъ закрылъ свои врата
Съ ужасной надписью: „Оставь надежду“...
(Ты палъ—такъ падай глубже; не мечтай
Когда-нибудь опять увидѣть рай,
Гдѣ человѣкъ блаженъ, безукоризненъ,—
Такъ скучно-чистъ, такъ упорно-безжизненъ).

II.

Марія все—увы!—пережила...
Пережила: она какъ прежде любитъ.
Пусть страсть ее гнететъ, терзаетъ, губитъ,
Ея любовь подъ бурею была
Еще сильнѣй и пламеннѣй. Казалось,
Что дивная душа проснулась въ ней;
Какъ подъ грозой прекрасный цвѣтъ полей,
Она въ слезахъ, казалось, укрѣплялась.
Пусть свѣтъ ее караетъ и разитъ,
Пусть страшный остракизмъ на ней лежитъ:
Что̀ судъ толпы посильно безпорочной,
Ругающей непризнанную страсть,

Хотя о ней мечтающей заочно
И каждый мигъ готовой втайнѣ пасть?

III.

А Клавдій? О, какъ ей мечталось сладко
Всю жизнь свою ему лишь посвятить,
Смягчать его, исправить недостатки,
Врожденное добро въ душѣ раскрыть.
Любовь надѣется... Однако нынѣ
Недѣля, какъ исчезъ онъ. Живъ ли онъ?
И цѣлый міръ для Маши сталъ пустыней.
Онъ вспыльчивъ, онъ, быть-можетъ, завлеченъ
Въ дуэль... быть-можетъ, кровью истекаетъ,
И не она какъ другъ при немъ была...
Ахъ, лучше пусть убитъ, чѣмъ измѣняетъ—
Вопило сердце, но она ждала.

IV.

Звонятъ. „Онъ, онъ!“ И молніей блеснула
Ей радость. Взоръ мгновенно просвѣтлѣлъ,
Но крикъ, напрягшій грудь, вдругъ излетѣлъ
Глубокимъ вздохомъ; сердце обмануло—
То былъ не онъ.

Вьюшкинъ.

— Я къ вамъ... я посланъ къ вамъ
Отъ Клавдія.

— Отъ Клавдія? О, Боже,
Онъ живъ?.. Ахъ, гдѣ онъ?

— Живъ-то живъ.

— Такъ что же?

— Какъ вамъ сказать, не знаю, право, самъ;
Довольно трудно, хоть всего два слова.
— Ахъ, говорите, я на все готова!
— Онъ въ полкъ уѣхалъ: срокъ сталъ выходить...
— Уѣхалъ? Безъ меня? Не можетъ быть,
Я васъ не понимаю.

— Очень ясно:
Уѣхалъ въ полкъ.

— И я пойду за нимъ.
— Послушайте, отъ васъ скрывать напрасно.
Отецъ его суровъ, неумолимъ,
И Клавдій... васъ оставилъ.

— Нѣтъ, вы лжете!
— Съ чего жъ мнѣ лгать пришла охота вдругъ?

Вотъ вамъ письмо.
— Подложное!
— Прочтете,
Того не скажете.
„Любезный другъ,
Чтобъ избѣжать несносныхъ объясненій,
Мнѣ тягостныхъ, а также и тебѣ,
Беру перо. Оставь всѣ слезы, пени,
Сообрази и покорись судьбѣ.
Пора, мой другъ, намъ наконецъ разстаться.
Ты—умница, ты все сама поймешь;
Ты хороша, одна не пропадешь;
Итакъ, прощай, счастливо оставаться!
Вѣрь, не забуду я любви твоей—
На первый разъ вотъ тысяча рублей“.
— Вотъ видите каковъ онъ?
— Боже, Боже!..
— Я говорилъ: ни на что не похоже
Ты, братецъ, дѣлаешь; а онъ свое,
Что надоѣла, надобно ее
Оставить.
— Извергъ!
— Извергъ и ужасный!
Да что̀ вы плачете? Ей-ей, напрасно!
Слезинки бъ я не пролилъ за него.
Въ его душѣ—святого ничего!
Онъ говоритъ, что женщинъ только любитъ,
Пока ему противятся онѣ;
Что вопль и слезы только въ немъ сугубятъ
Презрѣніе... Марія, вѣрьте мнѣ,
Ни вашихъ слезъ ни мыслей онъ не сто̀итъ...
Не знаю, право, что̀ васъ безпокоитъ.
Да плюньте на него. Несправедливъ
Онъ къ вамъ; да вы ужель его не знали?
Онъ эгоистъ безкровный и едва ли
Когда любилъ—быть-можетъ, и счастливъ
Онъ оттого бывалъ у женщинъ въ свѣтѣ.
Хотите ль знать, каковъ онъ? Въ немъ все ложь,
И добраго и чести ни на грошъ;
Письмо—все вздоръ; резоны эти
Все выдумки, все тѣ же въ сотый разъ.
. . . . . .
. . . . . .
Я очень радъ, что онъ избавилъ васъ

Отъ объясненій—это трудъ напрасный.
Вы стали бы тутъ плакать, онъ—курить
И въ потолокъ пускать колечки дыма...
Послушайте... вы будете любимы.
Нельзя васъ видѣть мигъ, и такъ уйти,
Не полюбить... клянусь, вы такъ прекрасны...
Не плачьте. Вѣрьте, вы не такъ несчастны,
Какъ кажется... Клянусь, вамъ впереди
Такъ много въ жизни... Маленькая тучка
Примчалась, и чрезъ мигъ пройдетъ гроза,
И эти косы, дивные глаза,
И эта ножка, пухленькая ручка...
Марія! Дайте вашу ручку мнѣ...

(Цѣлуетъ руку).

Ахъ, ручка, ручка! Только вѣдь во снѣ
Такую видишь... Ангелъ черноокій,
У вашихъ ногъ клянусь любить всегда,
Всю жизнь свою любить, какъ никогда
Онъ не любилъ... Не будьте же жестоки,
Позвольте мнѣ любить васъ, вѣкъ любить!..

И онъ рукой старался охватить
Маріи станъ. Его прикосновенье
Вдругъ вывело ее изъ онѣмѣнья.
— Стыдитесь, что̀ вы?
— Ангелъ милый мой!
Отдайтесь мнѣ.
— Пустите!
— Ангелъ милый!

Отчаянье въ ней пробудило силы,
Глаза зажглись обиды полнотой,
И—хлопъ пощечина... Но нашъ герой
Нашелся.
— Ну, теперь ужъ расцѣлую!
— Подите вонъ!
— Нѣтъ, расцѣлую!
— Вонъ!
Я васъ убью!
— Ты шутишь шутку злую!
Но полно, миръ воюющихъ сторонъ,
И руку! Вы не въ духѣ?
— Прочь подите!
— Вы шутите?
— На шагъ лишь подступите,

Я размозжу вамъ голову!
— Уйду-съ...
Экъ подняла какую вѣдь тревогу!
Нѣтъ, Клавдій, ты надулъ меня, ей-Богу!
Бѣсенокъ! Право, лучше уберусь...
— Ахъ, Клавдій, Клавдій! Гдѣ ты?.. Что со мною?
Что сдѣлалъ ты?

V.

И голосъ ослабѣлъ,
Румянецъ, вызванный обидой злою,
Угасъ, и ликъ какъ будто помертвѣлъ.
Недвижная, поникши головою,
Она, казалось, силилась понять,
Что было съ ней... Хваталася руками
За голову, какъ будто удержать
Стараясь разумъ; мутными глазами
Искала все кого-то... Давитъ грудь
Стѣсненное, тяжелое дыханье...
О, хоть бы слезы... но—увы!—въ страданьи
И слезы даже могутъ обмануть...
Потомъ какъ бы вернулась сила снова,
И вырвались изъ устъ и стонъ и слово:
„Онъ обманулъ!.. Я всѣмъ теперь чужда...
Онъ правъ, всѣ скажутъ, онъ вѣдь никогда
И не любилъ: она одна любила...“
И горькое рыданье заглушило
Ея слова...

VI.

Что жъ думала она?
Какая мысль въ душѣ свинцомъ лежала?
Что изъ груди разбитой исторгало
То стонъ, то плачъ, то хохотъ, то порой
Въ очахъ сіяло тихою слезой?
Одно: „онъ разлюбилъ“... Въ ней сердце, разумъ,
Вся жизнь ея, казалось, были разомъ
Убиты этимъ словомъ роковымъ.
„О, если бъ хоть увидѣться мнѣ съ нимъ!
Вотъ деньги... О, палачъ безъ состраданья!
Онъ выкупъ далъ позора моего!
Ахъ, гдѣ онъ самъ, гдѣ низкое созданье?
Я бъ бросила ему въ лицо его
Червонцами... Одно, одно осталось!“
И будто свѣтлой мыслію чело

Вдругъ просіяло; точно отлегло
Отъ сердца. Что-то страшное, казалось,
Она задумала.

VII.

Марія шла дрожащею стопо̀й,
Одна съ больной, растерзанной душой.
„Дай силы умереть мнѣ, правый Боже!
Весь міръ—чужой мнѣ... А отецъ?.. Старикъ...
Оставленный... и онъ... онъ проклялъ тоже!
За что жъ? Хоть на него взглянуть бы мигъ,
Все разсказать... а тамъ—пусть проклинаетъ!“
Одна идетъ; сторонится народъ,
Кто молча, кто съ угрозой, кто шепнетъ:
„Безумная!“—и въ страхѣ отступаетъ.
И вотъ знакомый домикъ; меркнулъ день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицамъ ложилась
Отъ фонарей, деревъ и кровель тѣнь.
Вотъ садъ, скамья, поросшая травою,
Подъ вѣтвями широкими березъ.
На ней старикъ. Послѣдній клокъ волосъ
Давно ужъ выпалъ. Блѣдный, онъ казался
Однимъ скелетомъ. Ветхій вицмундиръ
Не снятъ: онъ, видно, снять не догадался,
Придя отъ должности. Покой и миръ
Его лица былъ страшенъ: это было
Спокойствіе отчаянья. Уныло
Онъ только ждалъ скорѣй оставить міръ.
Вдругъ слышитъ вздохъ, и листья задрожали
Отъ шороха. „Что̀, ужъ не воры ль тутъ?
А пусть все крадутъ, пусть все разберутъ,
Вѣдь ужъ они... они ее украли...“
Старикъ закрылъ лицо и зарыдалъ,
И чудятся ему рыданья тоже,
И голосъ: „Что̀ я сдѣлала съ нимъ, Боже!“
Не зная какъ, онъ дочь ужъ обнималъ,
Не въ силахъ слова вымолвить.—Папаша,
Простите!—„Что̀, я развѣ звѣрь иль жидъ?“
— Простите!—„Полно! Богъ тебя проститъ!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?..“

(1846).

IV.

ТРИ СМЕРТИ.

Лирическая драма.

(Посвящается Николаю Аполлоновичу Майкову).

Поэтъ Луканъ, философъ Сенека и эпикуреецъ Люцій приговорены Нероном къ казни по поводу Пизонова заговора.

Комната въ античномъ вкусѣ; посреди нѣ столъ съ яствами; около него люцій, эпикуреецъ, одинъ, какъ слѣдуетъ, возлежитъ за обѣдомъ. СЕНЕКА пишетъ завѣщаніе. ЛУКАНЪ въ глубокой задумчивости. Въ углубленіи сцены группа друзей и учениковъ Сенеки.

ЛЮЦІЙ *(омывъ послѣ ѣды руки водою въ чашѣ, поданной рабомъ, говоритъ).*

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслитъ до конца.
И вотъ я долго наблюдаю
И нахожу, что смерть разитъ
Всего скорѣе аппетитъ.
Я цѣлый часъ жую, глотаю,
Но все безъ вкуса, и не сытъ!..
Вина попробуемъ! быть-можетъ,
Живая Вакхова струя
Желудокъ дремлющій встревожитъ...
Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
Луканъ!.. да ты какъ въ лихорадкѣ!
Въ Сенекѣ строгій стоицизмъ
Давно разрушилъ организмъ!
И если вы въ такомъ упадкѣ—
Не мудрено, что въ этотъ часъ
Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

ЛУКАНЪ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

ЛЮЦІЙ

Но лучше умереть шутя,
Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
Безъ пользы!

ЛУКАНЪ.

Мнѣнія различны!
Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ въ ней немного!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый! не суди такъ строго!
Я, признаюсь, еще бъ пожилъ
И неохотно умираю...
Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить, въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.
„Посланье къ смерти“ помнишь ты?
Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты...
Ты помнишь:

(Декламируетъ)

„Друзья! намъ смерть страшна лишь чѣмъ?
Все кажется, что не совсѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,
Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ зрачкомъ;
А мухи стаей по лицу,
Безъ уваженья къ мертвецу,
И по̀ лбу поползутъ;
И съ содроганьемъ отъ тебя
Родные, близкіе, друзья
Въ испугѣ отойдутъ“...

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! какъ я могъ!..

ЛЮЦІЙ.

Позволь! въ концѣ—благой урокъ.

(Читаетъ далѣе)

„Что даже изъ земли сырой

За рѣзвой жизнію земной
Слѣдить твой будетъ слухъ;
И между тѣмъ, какъ надъ тобой
Весна покровъ разстелетъ свой,
И запестрѣетъ лугъ,—
Червь на тебя ужъ нападетъ
И жадно ѣсть тебѣ начнетъ
И щеки и бока...“

ЛУКАНЪ *(перебивая его)*.

Да перестань!

ЛЮЦІЙ *(продолжаетъ)*.

„И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душной темноты,
Да крышка-то крѣпка!
Но, смертный, знай! твой тщетенъ страхъ,
Вѣдь на твоихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!
Вѣдь вмѣстѣ съ дружеской толпой
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;
По смерти сталъ ты внѣ тревогъ,
Ты сталъ загадкою, какъ богъ;
И вдругъ душа твоя,
Какъ радость, встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной:
Покой небытія!“

Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнутъ живо каждый стихъ!
Прошу покорно—вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижнѣй тучекъ золотыхъ!..
Вы всѣ на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить
На площади любой прохожій!
То смерть зоветъ, то хочетъ жить,
То снова къ жизни равнодушенъ...
Задача, право, васъ понять!..

ЛУКАНЪ *(вспыхнувъ)*.

Что̀ жъ этимъ хочешь ты сказать?
Что вѣтренъ я и малодушенъ?..

СЕНЕКА *(переставая писать, удерживаетъ Лукана).*

Оставьте споръ! прилично ль вамъ
Безумнымъ посвящать рѣчамъ
Свои послѣднія мгновенья!
Смерть—шагъ великій! *(Къ Люцію)* Вѣрь, мой другъ,
Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьи,
Что это—мигъ перерожденья.
Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ,
Но, какъ мерцаніе Авроры,
Какъ лилій чистый ѳиміамъ,
Какъ лиръ торжественные хоры,
Иная жизнь насъ встрѣтитъ тамъ!
Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
Проснутся, выглянутъ на свѣтъ
Иныя чувства роемъ цѣлымъ,
Которымъ ѳргана здѣсь нѣтъ.
Мы—боги, скованные тѣломъ,
И въ этотъ дивный переломъ,
Когда я покидаю землю,
Я прежній образъ свой пріемлю,
Вступая въ небо божествомъ!

ЛЮЦІЙ.

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
Что, гдѣ хоть два есть человѣка,
И два есть взгляда на предметъ?
Твое, какъ молотъ, сильно слово,
Но убѣждаюсь я въ иномъ...
Существованія другого
Не постигаю я умомъ!
Взгляни на лавры вѣковые:
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,
Перемѣняются что̀ годъ,
Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
И листья будто вѣчно тѣ жъ...
Вотъ такъ и мы: Луканъ, Сенека,
Слуга покорный вашъ—умретъ...
Отпадшій листъ! но заживетъ,
Какъ прежде, племя человѣка!
Иной появится пѣвецъ,
Другіе будутъ жить и вздорить,
Страдать, любить, о томъ же спорить,

О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!..
Но пусть по смерти жить мы будемъ
(Тебѣ готовъ я уступить!)—
А все себя мы не принудимъ
Безъ сожалѣнья кончить жить!
Намъ непріятна перемѣна.
Вотъ что мнѣ кто-то говорилъ:
На островѣ какомъ-то жилъ
Философъ секты Діогена.
Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
Спалъ, гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
Босой, съ клюкой, нужда кругомъ..,
Какимъ ужъ случаемъ, не знаю,
Всему вдругъ вздумалося краю
Его избрать своимъ царемъ.
Что жъ? Царскій пурпуръ одѣвая
И тряпки ветхія скидая,
О нихъ вздохнулъ онъ тяжело
И пожалѣлъ удѣлъ убогій,
Сказавъ: вѣдь было же тепло
Подъ сей циническою тогой!
Не то же ль съ жизнію земной?
Достигши вѣчнаго предѣла,
Жалѣешь бросить это тѣло—
Покровъ убогій и худой!
Ты говоришь, что мы одною
Съ богами жизнью заживемъ?
Да лучше ль намъ? Ну, какъ порою,
Смотря, какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
Богини съ грозными богами,
Какъ волки, щелкаютъ зубами!
Смотря, какъ смертный ѣстъ и пьетъ
И съ смертной тѣшится любезной,
Они, быть-можетъ, безполезно
Крѣпясь, облизываютъ ротъ!
Что мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій?
Мірами что ли управлять?
Въ нихъ декораціи мѣнять
И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми, какъ шашками, играть
И, какъ актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!.. Нѣтъ! Клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь...

ЛУКАНЪ.

Нѣтъ! не страшатъ меня загадки
Того, что̀ будетъ впереди!
Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки,
И все, что̀ билося въ груди,
Что̀ было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятилъ!
Мнѣ страшно думать—для чего же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ же сила эта крѣпла,
Росла, стремилась къ торжествамъ!
Титанъ, грозившій небесамъ,
Ужели станетъ горстью пепла?
Не можетъ быть! гдѣ жъ смыслъ въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мірѣ, дать значенье,
И вдругъ разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную, въ прахъ!..
Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ, въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли образъ дать,
Ихъ чувству—слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое—
Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватитъ, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость,—
Все, что̀ отвергнуто толпою,
Все веселилося со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!..
А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбивалъ?
Дитя—ихъ мучилъ и пугалъ!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить моимъ

Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
Могъ вознести иль обезславить!
Съ Нерономъ спорить я дерзалъ,
А кто же спорить могъ съ Нерономъ?
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ тономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
И въ залѣ ропотъ пробѣгалъ...
Что жъ? не былъ я его сильнѣе,
Когда, не властвуя собой,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И вышелъ полотна бѣлѣе?
Вотъ жизнь моя! и что жъ? ужель
Вдругъ умереть? и это—цѣль
Трудовъ, великихъ начинаній!..
Побѣдный лавръ, вѣнецъ желаній!..
О, боги! нѣтъ! не можетъ быть!
Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ—о, я вѣрю чуду! —
Но долженъ я и буду жить!

(Входитъ центуріонъ со свиткомъ въ рукѣ).

ЛЮЦІЙ *(указывая на центуріона).*

Вотъ и спаситель! Ну! покуда
Тутъ нѣтъ еще большого чуда.

(Къ центуріону)

Какія новости?

ЦЕНТУРІОНЪ *(подавая ему свитокъ).*

Декретъ
Сената.

ЛЮЦІЙ.

Други! шлетъ привѣтъ
Сенатъ къ намъ! уваженье къ власти!

ЛУКАНЪ.

Читай!

ЛЮЦІЙ.

Стой! кто рѣшитъ впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

ЛУКАНЪ.

Я бъ разорвалъ тебя на части
За эти шутки!

(Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Цезаръ, въ не-

изреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишить себя жизни; сроку до полуночи. Центуріонъ обязанъ наблюсти за исполненіемъ декрета и о послѣдующемъ донести).

ЛЮЦІЙ.

Недуренъ слогъ. Писать умѣютъ.

ЛУКАНЪ.

Злодѣи! изверги!

ЛЮЦІЙ.

Притомъ
Приличье тонко разумѣютъ, —
Что одолжаться палачомъ
Неблагородно человѣку... *(Къ центуріону)*
Но что ты смотришь на Сенеку?

ЛУКАНЪ.

Ты тронутъ! ты потупилъ взглядъ!
Въ твоемъ лицѣ слѣды смущенья!
О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенье!
Спаси намъ жизнь! благословятъ
Тебя народы! Предъ тобою
Мудрецъ съ маститой сѣдиною.
Онъ чистъ, какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ...

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы!
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
О, если долгъ въ твоей груди
Не все убилъ, то отведи
Меня въ Сенатъ! Какъ съ поля битвы
Предъ смертью ратнику, сказать
Дай мнѣ послѣднія молитвы!
Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,
Все, что привыкъ я неизмѣнной,
Святою истиной считать!

(Центуріонъ, не обращая вниманія на Лу-

кана, удаляется въ глубину комнаты. Луканъ продолжаетъ въ сильномъ волненіи).

Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
Для нихъ отечество и слава —
Рѣчей напыщенныхъ приправа!
Величіе народа въ томъ,
Что̀ носитъ въ сердцѣ онъ своемъ;
Убивъ въ немъ доблести величье,
Заставивъ въ играхъ и пирахъ
Забыть добра и зла различье,
Въ сердца вселяя только страхъ,
Отъ правды казнью ограждаясь
И предъ рабами величаясь,
Они мечтаютъ навсегда
Избѣгнуть кары и суда...
Я имъ скажу: готовятъ сами
Свой приговоръ себѣ они!
Что, упоенные льстецами
И мысля въ мірѣ жить одни,
Себѣ статуи воздвигаютъ,
Какъ божества, на площадяхъ...
Но вѣкъ ихъ минетъ: разломаютъ,
Съ проклятіемъ растопчутъ въ прахъ
Отцовъ статуи ихъ же дѣти!
Дѣтей проклятій рядъ столѣтій
Не сниметъ съ головы отцовъ...

СЕНЕКА.

Луканъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

ЛЮЦІЙ.

Пришла жъ охота на циклоповъ,
На двуутробокъ и сорокъ
Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!

ЛУКАНЪ.

Но какъ безъ боя все отдать!..
Хотя бъ къ народу мнѣ воззвать!
Пѣвецъ у Рима умираетъ!
Сенека гибнетъ! и народъ
Молчитъ!.. Но нѣтъ, народъ не знаетъ!
Народу милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не даетъ!

ЛЮЦІЙ.

Да, милъ, какъ бабочка почная,
Покуда крыльевъ не ожжетъ,
Черезъ огонь перелетая...
Народъ твой первый же потомъ
И назоветъ тебя глупцомъ.

ЛУКАНЪ *(закрывъ лицо руками).*

Но Цезарь!.. мы вѣдь съ нимъ когда-то
Росли, играли, какъ два брата!
Онъ вспомнитъ время дѣтскихъ игръ
И приговоръ свой остановитъ...
Въ немъ сердце есть... вѣдь онъ не тигръ...
Римъ часто попусту злословитъ...
Что я ему, мои мечты
Да пѣсни — всѣ мои заботы!..

ЛЮЦІЙ.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ, видно, ты!
(Одинъ изъ учениковъ Сенеки входитъ въ комнату. Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ шопотомъ).

УЧЕНИКЪ.

Друзья, — чуръ тише, — я съ надеждой!

ЛУКАНЪ.

Прощенье?..

УЧЕНИКЪ.

Въ домѣ выходъ есть;
Со мной двѣ женскія одежды.
Пробраться къ Тибру, въ лодку сѣсть,
И въ Остію! Бѣги съ Луканомъ,
А я останусь здѣсь съ рабомъ.
Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
Я сѣдъ, гляжу ужъ старикомъ...
Бѣгите! время есть до срока.
И вы ужъ будете далеко,
Какъ насъ найдутъ здѣсь поутру.

ЛУКАНЪ.

Я говорилъ, что не умру!

СЕНЕКА.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ сѣдиною
Нейдетъ ужъ бѣгать отъ враговъ.

ЛЮЦІЙ.

А жаль! Я бъ посмотрѣлъ, каковъ
Ты въ юбкѣ!..

УЧЕНИКЪ.

Гибель предъ тобою!
Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ —
Что̀ циркъ. Людей травятъ звѣрями.
Постумъ убитъ рабомъ своимъ;
Пизонъ вскрылъ жилы; подъ досками
Раздавленъ Кай. Чего жъ вамъ ждать?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
Разъ — это праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобой
Погибнетъ все! ты много намъ
Не досказалъ!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ
Все, что̀ осталося за мною;
Лишь мысли, истину любя.

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ лжи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.
Ни просьбъ ни лести мнѣ не надо.
Вѣрь, каждый шагъ свой знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ... я зналъ тебя!
О, горе! что̀ же будетъ съ нами!..
Жить въ мракѣ, плача и скорбя,
Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами
И скрылся!.. Ты душой высокъ!
Ты недоступенъ намъ, Сенека!
Ахъ! правда! въ сердцѣ человѣка
Есть нѣчто высшее, есть богъ!..
Сейчасъ я видѣлъ, и смущеньемъ

Я пораженъ, какъ мальчикъ, былъ...
Я черезъ форумъ проходилъ.
Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
Народъ носилки окружилъ.
Въ носилкахъ трупъ Эпихариды...
(Подъ видомъ праздниковъ Киприды
Пизонъ друзей сбиралъ къ ней въ домъ).
Вчера она подъ колесомъ
Въ жестокихъ мукахъ не винилась
И никого не предала!..
Трещали кости, кровь текла...
Въ носилкахъ петлю изловчилась
Связать платкомъ и удавилась.
Воскликнулъ самъ центуріонъ:
„Въ рабынь вселился духъ Катоновъ!“
А Римъ? Сенатъ? весь обращенъ
Иль въ палачей, или въ шпіоновъ!

ЛУКАНЪ.

Эпихарида!

УЧЕНИКЪ.

Да, она—
Душа безумныхъ сатурналій!

ЛУКАНЪ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!

ЛЮЦІЙ.

Бываютъ, точно, времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но, жизнь понявъ, остаться жить—
Клянусь, не малое геройство!

ЛУКАНЪ.

И смерть въ ея рукахъ была
Для цѣлой половины Рима,
И никого не предала!
А жить бы въ золотѣ могла!
На площадяхъ боготворима
Въ мѣди бъ и въ мраморѣ была,
Какъ мать отечества!.. О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образъ твой, какъ совѣсть, строгій!
Да развѣ могъ я жить, какъ трусъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не станутъ

Геройствомъ женщинъ упрекать!
Послѣднихъ римлянъ въ насъ помянутъ!
Ну, Римъ! тебѣ волчица мать
Была! я вѣрю... въ сказкѣ древней
Есть правда... Ликторъ! я готовъ...
Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
Убійцъ наемныхъ и воровъ!
Смерть тяжела лишь для рабовъ!
Намъ—въ ней тріумфъ.

(Обнимаетъ Сенеку и друзей и говоритъ, поднявъ глаза къ небу)

О, боги! боги!
Вы обнажили предо мной
Видѣнья древности сѣдой
И Олимпійскіе чертоги,
Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!..
Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной—какъ исполины
Недовершенныя мечты,
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты...
Простите жъ, пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!...
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатого мірозданья!

(Луканъ, обнявъ Сенеку и Люція, уходитъ, сопровождаемый ликторами).

СЕНЕКА *(хочетъ за нимъ слѣдовать, но останавливается на движеніе бросившихся къ нему учениковъ и, проведя рукою по челу, говоритъ тихо и торжественно).*

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый въ ней урокъ,
Есть буква новая средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,

Чтобъ я вселенную извѣдалъ
И, что въ себѣ и въ ней позналъ,
Въ науку бъ позднимъ внукамъ предалъ;
Послалъ онъ ввстрѣчу злобу мнѣ,
Развратъ чудовищный и гнусный,
Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
Средь бурь окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
Я образъ свой напечатлѣлъ...
Я все свершилъ. Мой образъ вылитъ.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ,
И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.
Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилитъ
Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ,
Но духъ мой, жизнію земною
Усовершенъ и умудренъ,
Вступаетъ въ вѣчность... Предо мною
Открыта дверь, и вижу я
Зарю иного бытія...

(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна философа. Смотря на нихъ, онъ продолжаетъ)

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
Когда жъ толпа, съ тобою розно
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко,—
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко:
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы, какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей...

Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
Иные люди въ міръ пришли;
Иныя чувства и понятья
Они съ собою принесли...
Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы ледянимъ, какъ вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей.
Быть-можетъ... истина не съ нами!
Нашъ умъ ея уже нейметъ
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: „спасенья нѣтъ!“
И, можетъ-быть, иной прійдетъ
И скажетъ людямъ: „вотъ гдѣ свѣтъ!“
Нѣтъ! намъ пора!.. Открой мнѣ жилы!..
О, величайшее изъ благъ-
Смерть! Ты теперь въ моихъ рукахъ!..
Сократъ! учитель мой! другъ милый!
Къ тебѣ иду!..

(Уходитъ, сопровождаемый учениками).

ЛЮЦІЙ.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
И славно выдержалъ!.. Ну, вотъ—
Героемъ меньше!.. Злость беретъ,
Какъ поглядишь на человѣка!
Что жъ изъ того, что умеръ ты?
Что духомъ до конца не падалъ?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоровъ задалъ
Дня на два! Вотъ и подвигъ твой!

(Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы).

Какъ тамъ спокойно! Горы ясны...
Вотъ такъ и боги безучастно
Съ небесъ глядятъ на родъ людской!
Да что и видѣть?..

(Оглядывается въ комнату).

Здѣсь ужасно
И жить, не только умирать!
А жить осталося немного...
Что жъ пользы Немезидѣ строгой
Часъ лишній даромъ отдавать?

Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
Веселый духъ и добрый ужинъ...
По смерти слава намъ не въ прокъ!
И что̀ за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатый
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!..
До тайнъ грядущихъ нѣтъ мнѣ дѣла!
И, здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,
Иль будетъ жить душа безъ тѣла,
Все буду я—не человѣкъ!..
Ну, а теперь, пока я въ силѣ,
Съ почтеньемъ отпустить могу
Я тѣло—стараго слугу...
Эй, рабъ!

(Входитъ рабъ).

ЛЮЦІЙ.

Въ моей приморской виллѣ
Мнѣ лучшій ужинъ снаряди,
Въ амфитеатрѣ, подъ горами.
Мнѣ ложе убери цвѣтами;
Балетъ вакханокъ приведи,
Хоръ фавновъ... лиры и тимпаны...
Да хоръ не такъ, какъ въ прошлый разъ:
Пискунъ какой-то—первый басъ!..
Въ саду открой вездѣ фонтаны;
Вотъ ключъ—тамъ, въ дальней кладовой
Есть кубки съ греческой рѣзьбой;
Достань. Да разошли проворно
Рабовъ созвать друзей... Пускай
Кто живъ, тотъ и придетъ. Ступай
Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
Хранится у него давно
Горацiанское вино.
Скажи, что господинъ твой молитъ
Не отказать ему ни въ чемъ,
Что нынче—умирать изволитъ!
Ну, все... ты вѣрнымъ былъ рабомъ
И не забытъ въ моей духовной.

(Рабъ упадаетъ къ его ногамъ).

Да не торгуйся, не скупись,
Чтобъ ужинъ вышелъ баснословный!..
Да! главное забылъ... Стучись
Въ палаты Пирры беззаботной!

Снеси цвѣтовъ корзины ей,
И пусть, смѣяся безотчетно,
Она ко мнѣ, весны свѣтлѣй,
На ужинъ явится скорѣй.

(Рабъ уходитъ).

И на колѣняхъ дѣвы милой,
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдній разъ упьюсь душой
Дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Пирры ясной красотой!..
Когда жъ пресыщусь до избытка,
Она смертельнаго напитка,
Умильно улыбаясь, мнѣ,
Сама не зная, дастъ въ винѣ,
И я умру, шутя, чуть слышно,
Какъ истый мудрый сибаритъ,
Который, трапезою пышной
Насытивъ тонкій аппетитъ,
Средь ароматовъ мирно спитъ.

1852.

V.

СМЕРТЬ ЛЮЦІЯ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЛИРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

ТРИ СМЕРТИ.

(Посвящается Николаю Аполлоновичу Майкову).

Первая часть этой поэмы была написана мною одиннадцать лѣтъ тому назадъ и еще тогда распространилась въ рукописи подъ разными названіями. Въ однихъ спискахъ ее озаглавили: „Выборъ смерти“, въ другихъ: „Три смерти“. Авторъ же имѣлъ въ виду одну поэму въ двухъ частяхъ, съ названіемъ: „Смерть Люція“. Вторая часть не удавалась мнѣ, и я оставилъ ее совсѣмъ, а первую часть напечаталъ съ однимъ изъ помянутыхъ названій. Осенью 1861 года принялся я опять за оставленную идею, и теперь представляю свой трудъ на судъ читателя въ томъ видѣ, какъ онъ былъ задуманъ, хотя, конечно, въ этой второй части сказалось многое такое изъ прожитаго авторомъ, что̀ дается только жизнію и опытомъ.

Дѣйствіе въ палатахъ Люція, на одномъ изъ холмовъ Рима.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Давусъ, дворецкій Люція, и Ювеналъ (около 25 лѣтъ).

ДАВУСЪ.

Я двадцать лѣтъ ему служу.
Весь домъ на мнѣ лежитъ. Слѣжу
За управленіемъ помѣстій:
Вѣдь за сто тысячъ тамъ рабовъ!
Однѣхъ цѣпей для этихъ бестій
Что̀ надо!.. Да корми скотовъ!
Къ тому жъ я славный чтецъ стиховъ,
Читаю, какъ никто, Гомера!..

Тебѣ не надобно примѣра,
Ты знаешь!.. Ну, и онъ цѣнилъ
Меня всегда, да вдругъ облаялъ
Передъ концомъ-то! Такъ честилъ,
Какъ не слыхалъ я и не чаялъ!
„Ты, говоритъ, такой, сякой,
И плутъ, и съ рабскою душой!
Прощаться созвалъ мнѣ полъ-Рима!
Льстецовъ, обжоръ, шпіона, мима!
Я разумѣлъ однихъ друзей!“
Друзей!.. Да гдѣ ихъ взять? Вотъ Кней
Сервилій просто отозвался,
Что не слыхалъ онъ отродясь,
Кто этотъ Люцій, а у насъ
Почти что день, то обжирался!
Теперь друзей-то къ намъ позвать—
Ихъ, значитъ, просто выдавать.
Схватился самъ—быть плоху дѣлу,
Отказъ послалъ къ тебѣ, къ Марцеллу
И Тациту.

ЮВЕНАЛЪ.

Я не уйду!
Другого Люція межъ нами,
Я знаю, ввѣкъ я не найду!

ДАВУСЪ.

Онъ добръ-то, добръ! На что съ рабами—
Вѣдь онъ не знаетъ ихъ! Горстями
Имъ сыплетъ золото!.. Я жду
Всегда бѣды! И такъ ужъ двое
Хотѣли разъ его убить!
Самъ чуть отбился, а ловить
Не приказалъ! „Оставь въ покоѣ
Ихъ, говоритъ: въ другой ужъ разъ
У нихъ рука бъ не поднялась...“
Да я сыщу мерзавцевъ! Право,
И то сказать, теперь расправа!
Казнятъ, казнятъ людей у насъ,
Да все казнятъ-то изъ-за вздора...
А для мошенника и вора
Просторъ: изволь себѣ гулять!

(Входитъ Люцій).

ЛЮЦІЙ *(къ Давусу)*.

Когда готово, мнѣ сказать!

(Давусъ уходитъ).

ЛЮЦІЙ *(къ Ювеналу)*.

Ну, милый мой! Теперь сатирѣ
Никто, какъ я, конечно, въ мірѣ
Такой не можетъ пищи дать!
Мудрецъ, почти-что съ сѣдиною,
Со всеобъемлющей душою,
Вдругъ размечтался, какъ дитя,
И думалъ умереть шутя!
Увы! всю жизнь съ толпою шумной,
Слѣпцами, носимся безумно
Вкругъ сфинкса мы, покуда „стой!“
Не прогремитъ надъ головой.
Тутъ на чудовище и взглянешь —
Кровь хлынетъ къ сердцу, камнемъ станешь;
Его глаза блеснутъ огнемъ,
И только тутъ, передъ концомъ,
Когда спускается завѣса,
Поймешь, къ чему клонилась пьеса!

ЮВЕНАЛЪ.

Въ какое время мы живемъ!

ЛЮЦІЙ.

Мы вѣчно что-нибудь клянемъ,
Философъ—роскошь, рабъ—неволю;
Гдѣ ни послушай, тотъ же стонъ
У всѣхъ народовъ и племенъ
Про вѣкъ, имъ выпавшій на долю,
Что хуже не было временъ!
Мы повторяемъ пѣсню ту же.
Но ты подумалъ ли хоть разъ,
Что̀ въ нашей жизни губитъ насъ,
Чѣмъ намъ-то вѣкъ достался хуже?..
Ты молодъ. Сила есть въ тебѣ,
Ты жаждешь въ честной стать борьбѣ,
Готовъ рвануться первый въ пламя,
Бѣжишь къ вождямъ, бѣжишь къ жрецамъ,
Бѣжишь подъ древнее ихъ знамя,
И просишь: дѣла дайте намъ!
И что̀ жъ въ отвѣтъ на рвенье наше?
Ни вождь въ свой долгъ, ни жрецъ въ боговъ

Давно не вѣрятъ!
Средь пировъ
Я часто съ поднятою чашей
Стоялъ и словъ не находилъ,
Чтобы придумать тостъ разумный!
А тостъ разумный на пирахъ—
То знамя, поднятое шумно,
То мысль, прочтенная въ сердцахъ!
Когда-то тоже легіоны
Водилъ я наши... Тамъ тевтоны,
Которымъ дѣла нѣтъ до насъ,
Какъ намъ до нихъ, съ другимъ народомъ
Столкнулись какъ-то мимоходомъ:
Я посланъ былъ... И что жъ? Рубясь
Въ лѣсахъ, по страшнымъ переходамъ
Людей теряя и губя,—
Изъ-за чего? Вѣдь сумасбродомъ,
Клянуся, я считалъ себя!—
Тріумфа послѣ удостоенъ!
Цвѣты на консульскомъ пути!
И въ Капитолій, храбрый воинъ,
Героемъ долженъ былъ войти!
Хорошъ герой!.. И принимали
Меня наборомъ громкихъ фразъ
Въ сенатѣ, чуть-что не смѣясь...
Мы всѣ другъ друга понимали!
Всѣ въ свой чередъ тріумфовали!
Когда-то тоже „Римъ спасли“
Тѣмъ, что до моря добрели
И въ морѣ раковинъ набрали!..
Что жъ было дѣлать мнѣ? Слѣпцомъ
Итти съ общественнымъ потокомъ?
Что зломъ зовутъ, звать тоже зломъ?
Что всѣ кругомъ зовутъ порокомъ,
Порокомъ звать, хотя бы въ томъ
Ты видѣлъ честь?.. Весь вѣкъ лукавить,
И, вмѣсто праведной хулы,
Безумство, ложь хвалить и славить,
Сбирая дань съ своей хвалы?
И ужъ зажить сатрапомъ! Счастье
Въ тупомъ лишь видѣть сладострастьѣ?..
Съ Кипридой кончивши потомъ,
Ужъ добивать остатокъ смысла,
Всѣмъ погрузившись существомъ

Въ астрологическія числа?
Наполнить магами свой домъ,
Ходить къ оракуламъ, къ сивилламъ,
И все, въ чемъ толку больше нѣтъ,
Что̀ гнить должно бы по могиламъ,
Опять вытаскивать на свѣтъ?
Но въ этой мглѣ заснуть не можетъ
Покорно тотъ, хоть бы хотѣлъ,
Чей умъ и сердце вѣчно гложетъ
Святая жажда славныхъ дѣлъ!
Заснешь и вскочишь вдругъ въ потемкахъ...
„Нашелъ, нашелъ!“—воскликнешь вдругъ,
Свѣчу зажжешь,—и что̀ же вкругъ?
Опять стоишь ты на обломкахъ!
Сверкнувшей правды грустный свѣтъ
Лишь говоритъ тебѣ съ тоскою,
Что въ роли, созданной тобою,
Ни нужды нѣтъ, ни смыслу нѣтъ!..
Потомъ все рѣже эти бури,
Но и сквозь броню мудреца
Тебя бичи незримыхъ фурій
Язвить все будутъ до конца!
И чуть душой порой воспрянешь,
Чуть оживишься ты на мигъ,
Въ груди услышишь тотъ же крикъ:
„И, полно, милый, не обманешь!..“

ЮВЕНАЛЪ.

Ахъ, Люцій! Ты, ты все постигъ!
Ты мнѣ казался полубогомъ
Всегда, въ которомъ всѣ вѣка
Слились блистательнымъ итогомъ!
И на тебѣ лежитъ рука
Какой-то все мертвящей силы!
Но что̀ же сдѣлаетъ поэтъ
Въ такое время? Сколько лѣтъ
Я декламирую въ честь Силлы,
Кидаю громы въ Карѳагенъ
И утѣшаю Поликсенъ
И Андромахъ, межъ тѣмъ какъ ядомъ
Душа полна, и желчь кипитъ,
А за тобой межъ тѣмъ слѣдитъ
Шпіонъ своимъ змѣинымъ взглядомъ!..
О, лебедь Мантуи! И онъ,

Пѣвецъ Тибура вдохновенный!
Какъ часто, ими умиленный,
Я плакалъ, тихо потрясенъ
Одной гармоніей пѣвучей
Стиховъ ихъ сладостныхъ! Весной
Въ нихъ вѣетъ юностью кипучей!
Все, даже скорбь, звучитъ могучей
Весенней бурей золотой!..
И подлѣ нихъ моя сатира
Мнѣ ненавистна и гадка,
Какъ крикъ всполоха въ шумѣ пира,
Какъ ропотъ злого старика!

ЛЮЦІЙ.

Да, жаль мнѣ васъ! На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!
У дикихъ скиѳовъ и тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры.
Среди глухихъ лѣсныхъ притоновъ
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долинѣ
И пьютъ меды, а посредине
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ, пожалуй, непріятенъ,
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ:
Пѣвецъ, иль слушатели сами?
Но этотъ лѣсъ и ночь съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ,—
Все, даже самые ихъ боги,
Что̀ въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ; все дышало
Въ тѣхъ пѣснях пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То, что̀ толпа ему давала!..
А мы? Куда насъ повлекутъ,
И что̀ намъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли намъ укажутъ?
И въ наши пѣсни что̀ вольютъ?

ЮВЕНАЛЪ.

И Римъ такой же былъ когда-то!
Такая жъ пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцината!
Ахъ, эти пѣсни! Гдѣ онѣ?
Ужель въ надутой болтовнѣ
Теперь у Ливія бъ узнали
Ихъ наши бабки, что̀ пѣвали
Ихъ съ вѣчной прялкою своей,
Иль старики среди дѣтей
Подъ тѣнью Ромулова вяза?
Ты любишь грековъ, Люцій! Самъ
Ты полу-грекъ: отъ нихъ зараза,
Отъ нихъ погибель вышла къ намъ!

ЛЮЦІЙ.

Нашъ вѣчный споръ!

ЮВЕНАЛЪ.

Нѣтъ, онъ рѣшится!
Я душу грековъ обнажу!
Въ комъ римскій духъ еще таится,
Я кликну кличъ, я разбужу!
Онъ содрогнется, онъ проснется...

ЛЮЦІЙ.

Да къ чечевицѣ и вернется!
Мы вѣкъ за предками брели,
Давно забывъ, куда пошли,
Съ пути сбивались понемногу
И потеряли ужъ дорогу!
Найди ее! Кричи vivat!
Встань поперекъ теченья смѣло,
И, если ты вернешь назадъ
Необозримый водопадъ,
Герой, ты выиграешь дѣло!..
О, юность!.. Впрочемъ, выступай
На подвигъ! Если вѣришь,—благо!
Одно лишь помни, другъ, и знай:
Сатиры гордая отвага
Тогда лишь будетъ не мертва,
Когда ты самъ стоишь высоко!

Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива...

(Появляется Давусъ).

Но вотъ мой Давусъ. Все готово!
Прощай, мой другъ. Къ моимъ гостямъ
Ты не ходи... Пускай я самъ
Плачу за вѣтреное слово!..
Друзей тамъ тщетно бъ ты искалъ!
Луканъ, Пизонъ, Сенека—пали!
Марцеллъ и Тацитъ... я послалъ
Сказать, чтобъ тѣ не рисковали...
Кого же Давусъ мой созвалъ,—
Толпы ханжей, льстецовъ, шпіоновъ,
Весь этотъ гнусный дворъ Нероновъ...
Ты между нихъ не долженъ быть!
Мнѣ невозможно отступить.
Хоть дорожа родствомъ Катоновъ—
Пойду на зрѣлище я къ нимъ...
Что дѣлать! Эти люди—Римъ!

ЮВЕНАЛЪ.

О, Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, уйди, прощай.
Я требую!.. *(Обнимаетъ его и уходитъ).*

ЮВЕНАЛЪ *(уходя).*

O tempora, o mores!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПИРЪ ВЪ БРУТОВОЙ ЗАЛѢ *).

еликолѣпно убранная зала: главная въ ней статуя, по правую сто-
ону, огромнаго размѣра, на высокомъ бронзовомъ пьедесталѣ, изобра-
каетъ Брута; множество другихъ, меньшаго размѣра, около стѣнъ.
Но серединѣ залы роскошно накрытый столъ, съ ложами вокругъ. Вы-
окіе канделябры на столѣ и на полу, вокругъ стола. Все золото, се-

*) *Брутова зала.* Въ большихъ дворцахъ у древнихъ залы иногда назы-
ались по имени главной статуи: зала Аполлона, Лаокоона и пр. Эта
татуя была обыкновенно больше всѣхъ и помѣщалась на самомъ видномъ
мѣстѣ, на высокомъ пьедесталѣ, смотря по вышинѣ залы.

ребро, слоновая кость. Прямо, противъ зрителя, большая арка въ садъ, гдѣ видны верхи кипарисовъ, небо, море, луна. Направо большая ниша, устроенная въ утесѣ, къ которому прислоненъ домъ.

(Гости прохаживаются по залѣ. Въ одной группѣ: два ритора и нѣсколько молодыхъ патріотовъ, между ними всадникъ (equestrotatus) въ блестящемъ костюмѣ, нѣсколько сенаторовъ и проч. Они осматриваютъ статуи и картины).

1-й РИТОРЪ.

Ну, домикъ! Да! Изъ всѣхъ угловъ
Глядятъ мильоны! Эка сила!..
Взять серебро съ однихъ столовъ,
И былъ бы домъ, была бы вилла!
Вотъ этотъ маленькій божокъ—
Вѣдь въ немъ помѣстье!.. Да, знатокъ
Нашъ Люцій, чуть ли не единый
Изъ кровныхъ римскихъ-то волчатъ,
Кому такъ впрокъ пошли Аѳины!

2-й РИТОРЪ.

Оставь, любезный, ты картины
И статуи: ихъ не ѣдятъ!
Вотъ въ кухняхъ—тамъ чудесъ собранье!
Тамъ все, какъ есть, естествознанье!
Одни ужъ запахи кричатъ
Тебѣ за милю: „Стой, прохожій!“

1-й РИТОРЪ.

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи,
Все съѣшь за одного!

ВСАДНИКЪ.

Ну, да!
Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!

(Входитъ Харидемъ, важная фигура, в пышной тогѣ. Борода и длинные волосы мелко завиты. Съ нимъ ученики. Риторы бросаются къ нему навстрѣчу, припадаютъ къ груди его и цѣлуютъ. На авансценѣ провинціальный преторъ и квесторъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Кто этотъ мужъ? Глядитъ Платономъ!

КВЕСТОРЪ.

Да, милый, риторы къ нему
Не даромъ кинулись съ поклономъ.
Пророчатъ всѣ теперь ему
Сенеки мѣсто... Это славный
Философъ Харидемъ! Недавно
Его трактатъ „Безсмертье душъ“
Надѣлалъ шуму. Важный мужъ!
Мудрецъ по знаньямъ и на дѣлѣ!
Всю ночь съ лампадою сидитъ;
Не знаетъ сна онъ и постели,
И домъ его для всѣхъ открытъ.

(Входитъ, ведомый подъ руку двумя рабами, старый проконсулъ Публій, безъ бороды, черепъ голый. Съ нимъ нѣсколько кліентовъ. Молодые патриціи, сенаторы бросаются къ нему навстрѣчу, припадаютъ на грудь и цѣлуютъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

А! Публій!.. Этого мы знаемъ
И всѣмъ народомъ поминаемъ!
Весь край, злодѣй, въ пять лѣтъ, совсѣмъ
Какъ губку, выжалъ!

КВЕСТОРЪ.

Мастеръ дѣла!

ПУБЛІЙ *(увидя Харидема)*.

Великомудрый Харидемъ! *(Идетъ къ нему)*.

ХАРИДЕМЪ *(предупреждая его)*.

Здоровье?

ПУБЛІЙ.

Старость одолѣла!
Вотъ всю недѣлю плохо ѣмъ!
А ты, ты все съ учениками?

ХАРИДЕМЪ *(важно)*.

Моя обязанность! Предъ нами
Сегодня жъ, тутъ, произойдетъ
Души торжественный излетъ
Изъ тѣла...

ПУБЛІЙ *(вдругъ вспомнивъ)*.

Да! Вѣдь онъ умретъ!..

Ты что-нибудь при этомъ скажешь?
Послушаемъ! Я радъ! Я радъ!..
Что молодежь-то? А? Развратъ?

ХАРИДЕМЪ.

Каковъ наставникъ! Что укажешь!..

ПУБЛІЙ *(не слушая его, ко входящему другому старому проконсулу).*

А ты откудова? Срамецъ!..
(Общій шопотъ).
Миртиллъ!

(Всѣ съ почтительной позы. Проконсулы и Харидемъ спѣшатъ навстрѣчу и припадаютъ на грудь къ сошедшему сзкуху Миртиллу, въ блестящей одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ).

ПУБЛІЙ.

Божественный пѣвецъ!

ХАРИДЕМЪ.

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЪ.

Изволилъ
Уснуть и отъ себя уволилъ
Меня сегодня.

ХАРИДЕМЪ.

Подарилъ
Сегодня намъ!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ *(квестору).*

А это кто же?

КВЕСТОРЪ.

Тсс! Тише! Если только кожей
Ты дорожишь! Евнухъ Миртиллъ—
Пѣвецъ и мимъ,—да вотъ въ чемъ сила:
Въ ногахъ у кесаря лежитъ
Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
У ногъ вотъ этого Миртилла.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ *(въ испугѣ).*

Такъ вотъ оно!..

КВЕСТОРЪ.

Да, да,—оно!
Такъ, въ среднемъ родѣ...

(Гости все прибываютъ. Миртиллъ, Харидемъ и проконсулы удаляются въ глубину сцены. Два сенатора подходятъ къ авансценѣ).

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Онъ ядъ принять давно собирался.
Да нынче циркъ, а завтра—бѣгъ,
А тамъ—заѣзжій риторъ грекъ,
Да Лиды, Фрины... не рѣшался
И вѣрно радъ, что тутъ помогъ
Ему Неронъ, назначивъ срокъ.

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Да! Онъ не разъ меня обидѣлъ,
Но человѣка я въ немъ видѣлъ
Всегда великаго! И вотъ—
Вдругъ посмотрѣть, какъ онъ умретъ!..
Вѣдь гладіаторскаго боя—
Конечно, стоитъ смерть героя!
Сказать по правдѣ, напередъ
Я тоже справился, какъ станутъ
Смотрѣть на это? Ничего!
Миртиллъ здѣсь: значитъ, и не взглянутъ!

Молодые патриціи.

ОДИНЪ.

У насъ, вотъ видишь, съ нимъ родство,
Такъ, можетъ-быть...

ВСАДНИКЪ.

Изъ родового
Не завѣщаетъ ли чего?
Понятно, братецъ, и не ново!
Однако—что жъ? Чего онъ ждетъ?
Все подано, а самъ нейдетъ—
Вонъ даже рвотное готово!..
Но между этихъ чашъ одна
Должна быть съ ядомъ... Гдѣ жъ она?
Вотъ эта, вѣрно: золотая,

Съ волчицей крышка... небольшая,
Но...

(Входитъ Люцій. Всѣ устремляются къ нему навстрѣчу).

ПУБЛІЙ.

А! Вотъ и нашъ амфитріонъ.

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Я такъ смущенъ и огорченъ,
Что скорбь разсудокъ помрачаетъ!

РОДСТВЕННИКЪ.

Я какъ услышалъ, поспѣшилъ...

ХАРИДЕМЪ.

Одно изъ міровыхъ свѣтилъ
Надъ Римомъ нынѣ угасаетъ!

ЛЮЦІЙ.

Благодарю васъ, господа!
Я васъ просилъ, чтобъ навсегда
Окончить жизнь веселымъ пиромъ,
Чтобъ навсегда проститься съ міромъ
Въ бесѣдѣ съ вами, средь всего,
Что̀ украшаетъ лишь его.
Теперь прошу васъ, дайте волю
Своей фантазіи, уму,
И я скажу—едва ль кому
Завиднѣй жребій палъ на долю!

(Даетъ знакъ. Являются невольницы съ золотыми чашами для омовенія рукъ гостямъ. Помѣщаются на ложи. Остается нѣсколько пустыхъ мѣстъ.

Входятъ двое, плохо одѣтые и полупьяные. У одного черная всклоченная борода и волосы копной. На плечѣ мѣшокъ, въ рукахъ дубина. Онъ обращается къ пріятелю, говоря съ не совсѣмъ трезвымъ выговоромъ).

ГОСТЬ.

Ну, такъ и есть! Вотъ видишь—ужинъ!

(Къ гостямъ)

Мы, проходя, вдругъ слышимъ духъ
Жаркого, дичи! Ну, мой другъ,

Я говорю, здѣсь будетъ нуженъ
Гостямъ хорошій аппетитъ;
Я захватилъ его съ собою!
Пойдемъ, предложимъ! Кто и сытъ,
Проголодается со мною!

ЛЮЦІЙ.

Прошу,—но кто же?..

ГОСТЬ.

Видишь самъ—
Философы!

ЛЮЦІЙ.

Такимъ гостямъ
Вдвойнѣ я радъ.

ГОСТЬ.

Тѣмъ лучше. Впрочемъ—
Какъ ты тамъ знаешь... радъ, не радъ,
А глотку мы себѣ промочимъ.

(Осматриваетъ вина).

Гдѣ тутъ получше-то стоятъ?
Конечно, тамъ, гдѣ самъ хозяинъ...

(Наливаетъ и поетъ)

„И онъ пришелъ незванъ, нечаянъ...
И всѣхъ плѣнилъ!“ *(Къ пріятелю, подавая ему вина)*
Вотъ, ты не шелъ
И упирался, какъ оселъ...
Заѣшь теперь... вонъ смоква, финикъ...

(Къ Люцію)

Рекомендую! Спутникъ мой—
Изъ архискептиковъ! Я—циникъ!
Ужъ дальше этого нейдетъ
Умъ человѣческій! По малу
Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу,—
И больше некуда впередъ...
Мое почтенье!

ПУБЛІЙ *(другому проконсулу, сидящему подлѣ него).*

Гость забавный!
Какая челюсть у него!

ПРОКОНСУЛЪ.

Сатиръ! А ѣстъ-то какъ исправно!

Вонъ похваталъ уже всего!..
Охъ, аппетитъ!.. Ужъ стары стали,
А въ старину и мы ѣдали!

(По знаку Люція, архимагиръ беретъ со стола амфору, чтобы сотворить созліяніе богамъ).

ЦИНИКЪ *(останавливаетъ его).*

Не тронь! Я это пью вино!
Богамъ вѣдь, братецъ, все равно!
И тратить доброе къ чему же?
Плесни, которое похуже!

(Архимагиръ беретъ другую амфору. Первая смѣна блюдъ. Хоръ. Танцовщицы, представляя собою двадцать четыре часа, пляшутъ, кидая цвѣты на пирующихъ, и поютъ:)

ХОРЪ.

Ловите, ловите
Часы наслажденья;
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эѳирѣ роями
Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ!
Ловите, ловите,
Не то улетимъ!

(Входитъ среднихъ лѣтъ блѣдный с тощій патрицій).

ПАТРИЦІЙ.

Я слышалъ, Люцій,—говорятъ—
Ты умираешь? Очень радъ!
Я общей скорбью самъ страдаю
И тоже скоро умираю...
Но выбираю только ядъ.
О всѣхъ почти самоубійцахъ
Я перечелъ и списокъ имъ
Составилъ на семи страницахъ,
Но недоволенъ ни однимъ!
Я смерти все ищу пріятной...

СКЕПТИКЪ *(циннику)*.

Онъ—сумасшедшій!

ЦИНИКЪ.

Или шутъ.

СКЕПТИКЪ.

Что̀ такъ они охотно мрутъ?

ЦИНИКЪ.

Богаты очень!

СКЕПТИКЪ.

Непонятно!

ЦИНИКЪ.

А впрочемъ, дѣло ясно тутъ ..
Вонъ, видишь, подъ глазами пятна!

(Къ Люцію)

Да ты, пріятель, въ честь чего
Затѣялъ нынче торжество?

ЛЮЦІЙ.

Я нынче въ полночь умираю:
Такъ кесарь повелѣлъ Неронъ.

ЦИНИКЪ.

Такъ вотъ что̀!.. Значитъ... понимаю!..

(Пріосанясь)

Ты про свободу видѣлъ сонъ!
Пиръ значитъ: ты смотри, какіе
Герои мрутъ!.. А тѣ... другіе,
Что̀ ихъ морятъ—того!.. Резонъ!
Эхъ, вы, патриціи, вельможи!
Туда же рвутся вонъ изъ кожи!
Свободы вамъ!.. Эхъ, ты, Катонъ!
Лишь Діогенова свобода
Прямая! Прочее все ложь!
Будь счастливъ тѣмъ, что̀ дастъ природа!
Родился голъ и голъ умрешь!
Въ природѣ жъ, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
Бери что̀ хочешь! Все твое,
На что глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ! Вотъ вамъ и все!
А то, глядишь, нагромоздили

Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочь пришлось! Уныли,
И ходятъ, высунувъ языкъ!

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ.

Отлично! Вѣрно! Браво! Браво!

ПУБЛІЙ (*къ Харидему*).

Онъ—пресмѣшной!

ХАРИДЕМЪ (*торжественно*).

Я не смѣюсь!
Я слезы лью! И какъ, дивлюсь,
Онъ можетъ вамъ служить забавой!
Онъ рушитъ все: семейство, нравы!
Какъ отрицанье всякихъ узъ,
Ученье этихъ оборванцевъ
Опаснѣй всѣхъ республиканцевъ!
Онъ проповѣдуетъ порокъ,
И вотъ ужъ юность онъ увлекъ,
Она вся вторитъ тихомолкомъ!

ЦИНИКЪ.

Молчалъ бы лучше, педагогъ!

ВСАДНИКЪ.

Стравить бы ихъ—лисицу съ волкомъ!

ХАРИДЕМЪ (*къ Миртиллу*).

Ты близокъ къ кесарю, Миртиллъ!
Ты слышалъ, что онъ говорилъ?
Основы нравственности руша,
Онъ тронъ колеблетъ!

ЦИНИКЪ.

Мы съ тобой
Поспоримъ послѣ, милый мой;
А ты вотъ сказочку послушай,
Я всѣхъ потѣшу!.. Ты слыхалъ,
Есть островъ Кипръ... ну, знаешь, вина
Отличныя! Разъ проживалъ
Тамъ риторъ; славный былъ дѣтина,
Да нищъ, и голоденъ, и голъ!
Одинъ архонтъ его нашелъ
И взялъ учить сынишку. Дѣло
Пошло на ладъ. Вошелъ онъ въ тѣло,
Въ почетъ въ дому у всѣхъ вошелъ,
Да какъ-то разъ, конечно, въ шутку,

Такъ цѣловать онъ сталъ малютку,
Что мать... открылося, что мать
Имѣла право ревновать---
А съ ней вся женская прислуга.
И поднялись,—пошло писать,—
Всѣ на него и другъ на друга!

ХАРИДЕМЪ (*съ благороднымъ негодованіемъ*).

Что жъ это, Люцій? Вонъ его!

ПУБЛІЙ.

За что жъ? Теперь онъ ничего! (*Смѣясь*)
Вотъ былъ пѣтухъ-то!

ЦИНИКЪ.

Аль завидно?

ПУБЛІЙ.

Да онъ—безцѣнный!

ЛЮЦІЙ.

Что жъ потомъ?

ВСАДНИКЪ.

Открылось что-нибудь съ отцомъ?

ЦИНИКЪ.

Отцу-то стало, вишь, обидно!
Взревѣлъ, что звѣрь! Анъ тотъ бѣжалъ,
Да къ христіанамъ и попалъ...
Вотъ мудрецы, скажу вамъ, тоже!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*задумчиво*).

Да, мудрецы!.. Я разъ сказалъ,
Что это волки въ овчей кожѣ,
И это буду вѣкъ твердить.

КВЕСТОРЪ.

Ахъ ихъ ужъ велѣно ловить
И въ циркѣ травлю учинить.

АСПИЦІЙ (*мрачно*).

Все это—временныя мѣры!
Они работаютъ во мглѣ,
Повсюду, какъ ручьи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ!
Чего же ждать, примѣръ имѣя

Въ Спартакѣ *)? И найти ли намъ
Другого Красса и Помпея,
Чтобы порядокъ поддержать!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Пугать и страхи создавать
Что въ немъ за страсть, не понимаю!
Невиннѣйшіе чудаки!..

ПУБЛІЙ.

Кто? христіане? Знаю, знаю!

(Вдругъ одушевляясь)

Открытые бунтовщики!
Двоихъ судилъ я всенародно:
Ишь, поклониться не угодно
Имъ лику кесаря: не Богъ,
Молъ, кесарь!.. Я внушалъ, какъ могъ,
Хоть я не жрецъ и не ученый...
И, признаюсь, жаль было ихъ!..
Но дѣлать нечего—законы!
И кожу содрали съ живыхъ!

ХАРИДЕМЪ *(поднимая чашу)*.

Но кесарь насъ отъ нихъ избавитъ!
Онъ зла не можетъ попустить!
Душить ихъ надобно, давить!..
Во здравье жъ кесаря! Да славитъ
Его весь міръ!..

(Всѣ встаютъ съ чашами).

ЦИНИКЪ *(взлѣзаетъ на столъ)*.

Хвалу ему,
Что всѣхъ онъ душитъ васъ и давитъ!

(Молчаніе. Всѣ переглядываются съ ужасомъ между собою и съ яростію смотрятъ на циника).

---

*) Въ Римѣ, какъ извѣстно, были частыя возстанія рабовъ; въ короткое время они сбѣгались сотнями тысячъ подъ знамя смѣлаго предводителя. При усмиреніи ихъ въ Сициліи, гдѣ ихъ скопилось до 200.000, и которою они овладѣли въ 135 до Р. Х., ихъ было распято 20.000. Спартакъ съ 120.000 рабовъ угрожалъ даже самому Риму. Его разбилъ Крассъ: при этомъ 6.000 рабовъ были распяты по дорогѣ изъ Капуи въ Римъ (въ 71 до Р. Х.). Изъ массы бѣглыхъ рабовъ образовалось страшное разбойничество на Средиземномъ морѣ; они имѣли до 1.000 кораблей и 400 укрѣпленныхъ мѣстъ. Чтобы уничтожить ихъ, Кнею Помпею было дано до 120.000 войска, 200 кораблей и 5.000 конницы. Онъ уничтожилъ разбойниковъ (67 до Р. Х.).

ХАРИДЕМЪ.

Онъ правосуденъ!

ЦИНИКЪ.

Потому
И душитъ васъ и давитъ!.. Что же
Не пьете?.. Бунтъ? На что похоже?
Пить такъ „за кесаря“—ужъ простъ
И слишкомъ голъ выходитъ тостъ.
Безъ смысла тостъ все дѣло рушитъ!..
Кричите жъ всѣ: за то, что душитъ...
(Оглядываетъ всѣхъ и ждетъ).

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ *(нерѣшительно)*.

За то, что душитъ...

ЦИНИКЪ.

И давитъ насъ!..

ВСѢ *(кромѣ Люція)*.

И давитъ насъ!..

ЦИНИКЪ.

Ну, пейте жъ! Разъ,
Два, три!..
(Общій крикъ) Да здравствуетъ кесарь! *)

ЛЮЦІЙ.

Всѣ пьютъ! Невыносимо!

ЦИНИКЪ.

Не поперхнулся ль кто, друзья?
Какъ будто кашель слышу я?..

ЛЮЦІЙ.

А молодецъ!

ЦИНИКЪ.

Граждане Рима!
Теперь, позвольте, пью за васъ!
За васъ, сыновъ достойныхъ Брута!
Вотъ онъ, вотъ статуя его!
Брутъ! Съ пьедестала своего
Воззри и радуйся! Минута,

*) По поводу этого тоста нѣкоторые мнѣ замѣчали, что никакое общество не можетъ такъ глубоко пасть, чтобы принять его. Оставляя отвѣчать за меня Тацита и Светонія, я напомню только одно: что это то самое общество, которое перенесло, напримѣръ, назначеніе лошади Геліогабаловой въ сенаторы. Со стороны лучшихъ людей протестъ былъ одинъ: самоубійство.

Ей-ей, торжественна! Ура
Вамъ, мужи чести и добра!

(Опорожнивъ чашу, циникъ сваливается на свое мѣсто. Молчаніе).

ПУБЛІЙ *(тихо сосѣду).*

Онъ дичь несетъ... и пустословитъ...
И самъ хохочетъ... Глупъ и пьянъ!
И какъ никто не остановитъ!..

(Откашливаясь и громко къ циникy)

Что̀ жъ риторъ твой у христіанъ?

ЦИНИКЪ.

Мой риторъ? Да! Съ нимъ было много...
Но я другимъ ужъ развлеченъ!
А ты спроси у педагога!
Я знаю только то, что онъ
Ихъ обокралъ... А какъ ужъ скрылся,
Пусть скажетъ этотъ Цицеронъ!
Онъ самъ, быть-можетъ, съ нимъ водился!

ХАРИДЕМЪ *(запальчиво).*

Я не знакомъ съ нимъ!

ЦИНИКЪ.

Иногда
Видалъ, какъ въ зеркало глядѣлся!

ХАРИДЕМЪ.

Лжешь, лжешь безъ всякаго стыда,
Песъ мерзкій!

ЦИНИКЪ.

Что̀, братъ, завертѣлся?
А самъ наушничать!

ХАРИДЕМЪ.

Хорошъ
Ты самъ, герой добра и чести!
Лизалъ, чай, руки у вельможъ,
Да понялъ: дерзость лучше лести,
Беретъ вѣрнѣе?

ЦИНИКЪ *(издѣваясь).*

Ну такъ что̀ жъ?
Не я имъ страхи сочиняю.
На ихъ же дудочкѣ играю—
Вольно плясать!.. По мнѣ, плевать
На ваши тонкости!..

ХАРИДЕМЪ.

Молчать!
Не то *(замахивается тарелкой)*.

ЦИНИКЪ *(замахиваясь дубиной)*.

А вотъ!

ВСѢ *(кромѣ Люція, подымаютъ тарелки)*.

Долой собаку!

ЦИНИКЪ.

Какъ? Что? Да слово мнѣ сказать—
И вы тю-тю!.. Полѣзли въ драку
За то, что тостъ не вкусенъ былъ?

(Всѣ остаются неподвижны).

ЛЮЦІЙ *(вставая съ своего мѣста)*.

И это римляне! Нѣтъ силъ
Терпѣть ихъ долѣ!..

(Въ саду раздаются звуки тимпановъ, и вакханки вторгаются въ залу).

1-Й РИТОРЪ.

Охъ, отлегло!.. Ну, самъ Кронидъ
Надъ нами сжалился!..

ВСАДНИКЪ.

Паулина, Туллія, Метелла...
Весь цвѣтъ двора!..

(Вакханки окружаютъ пирующихъ, наливаютъ чаши. Клики, хохотъ, оргія).

ЦИНИКЪ *(бросивъ дубину)*.

Мясцо живое!
Ко мнѣ, ко мнѣ! Эванъ, эвоэ!..

(Гоняется за женщинами, качаясь изъ стороны въ сторону, прищелкивая пальцами и напѣвая)

Вакханочки, вакханочки,
Смугляночки, бѣляночки!
Ужель я вамъ не милъ?
Я старенькій, я гаденькій,
Да вотъ поѣлъ говядинки
И юность ощутилъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(въ сторонѣ къ Симплицію)*.

Ну, тостъ! И этакаго гада
Терпѣть!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ *(разводя руками)*.

Что дѣлать? Жить вѣдь надо!

АСПИЦІЙ.

Кто жъ этотъ циникъ? Подученъ
Былъ Люціемъ или шпіонъ?

СИМПЛИЦІЙ *(пожимая плечами)*.

Все можетъ статься!..

(Посреди кликовъ, спора, пѣсенъ, хохота, музыки и танцевъ, нѣсколько вакханокъ окружаютъ Люція).

ОДНА ВАКХАНКА *(отстраняя другихъ)*.

Онъ не любезенъ вовсе съ нами!
Да брось же ты своихъ вралей!
Пойдемъ на воздухъ! Ночь звѣздами
Горитъ!.. Иди, иди скорѣй!
Здѣсь гадость! Пьяные! Дерутся!
А тамъ прохлада! Тишина!
Иди же... такъ ли разстаются
Съ друзьями?

ЛЮЦІЙ.

Хороша, умна
И, какъ всегда, неотразима!
Идемъ!..

ВАКХАНКА.

На память о тебѣ
Я твой аграфъ беру себѣ.
Тебѣ не жаль?

ЛЮЦІЙ.

Всѣ перлы Рима
Къ твоимъ ногамъ!

ВАКХАНКА.

Ты льстецъ! Скажи
Серьезно, только безо лжи,
Съ чѣмъ для тебя всего труднѣе
Разстаться въ жизни?

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть,
Съ мгновеньемъ тамъ въ пустой аллеѣ,
Иль въ гротѣ, гдѣ съ тобой забыть
Могу я жизнь и смерть!

ВАКХАНКА.

Вотъ мило!
И какъ глядитъ при томъ уныло!

ЛЮЦІЙ.

Ты—и всему конецъ!

ВАКХАНКА *(смѣясь)*.

Еще!
Еще!.. *(Задумчиво)* А ты вѣдь горячо
Простишься съ жизнью?

ЛЮЦІЙ.

Всею силой!

ВАКХАНКА.

Гдѣ жъ твой аграфъ? Идемъ же въ садъ!

ДРУГІЯ ЖЕНЩИНЫ *(окружая ихъ)*.

А намъ на память не дарятъ?

ЛЮЦІЙ.

Рабъ! Драгоцѣнности, каменья,
Принесть сюда... все вамъ дарю!
(Къ ней)
Итакъ, счастливое мгновенье...

(Рабы берутъ одинъ ящикъ, потомъ приносятъ другой, третій и высыпаютъ на столъ золото, камни и проч. Всѣ кидаются на нихъ).

ВАКХАНКА.

Я только, Люцій, посмотрю...

ЛЮЦІЙ.

Изъ рукъ, какъ змѣйка, ускользнула...
Ее задавятъ тамъ... ой-ой,
Какъ циника она толкнула!

ВЪ ТОЛПѢ *(около драгоцѣнностей давка и клики)*.

Мое! Я прежде взялъ! Разбой!

РИТОРЫ *(переглянувшись между собою)*.

Забрать да тягу! И домой!.. *(Пробиваются въ толпу)*.

ПУБЛІЙ *(мгновенье колебавшійся)*.

На память внучкѣ развѣ... *(Протискивается въ толпу)*.

ВЪ ТОЛПѢ.

Стой!
Задавятъ! Да не все ты хапай!
А ты опять съ своею лапой!

(Циникъ, совсѣмъ пьяный, вылетаетъ, вытолкнутый изъ толпы, и падаетъ на ложе въ углу комнаты. Въ глубинѣ сцены появляются Марцеллъ и Лида).

ЛЮЦІЙ *(смотря на давку).*

О, боги! Что̀ за кутерьма!
Вѣдь это звѣри! тигровъ стадо
Надъ мерзкой падалью!

МАРЦЕЛЛЪ *(вдали).*

О, тьма!
О, снѣдь клокочущаго ада!

ЛЮЦІЙ.

Да вы не спорьте! Все добро,
Вся эта вилла, все здѣсь ваше!
Тащите вазы, кубки, чаши,
Все золото и серебро!

(Къ рабамъ)

Все открывайте! Все ломайте!
Всѣ кладовыя, сундуки!
Всѣ двери настежь! Прочь замки!
И вы себя не забывайте!

(Толпа хватаетъ со стола все, что̀ можетъ, серебро, чаши и проч., опрокидываетъ канделябры и, оставивъ комнату въ полумракѣ, бѣжитъ за рабами, восклицая:)

Ура! Ура! Ты, Люцій,—богъ!..

ЛЮЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ! И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!..

ЦИНИКЪ *(который тщетно пробовалъ итти за толпою, упадаетъ опять на ложе и кричитъ).*

Хозяинъ! Будешь умирать,
Такъ разбуди!.. Прелюбопытно!

(Засыпаетъ).

ЛЮЦІЙ.

О, Римъ, о, Римъ!.. Нѣтъ! жить нельзя!
(Быстро подходитъ къ своему мѣсту и беретъ кубокъ съ отравленнымъ виномъ).

ЛИДА *(бросается къ нему и удерживаетъ).*

Постой, о, Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Лида! Ты ли?
Марцеллъ? Друзья мои, друзья!
О, боги, мнѣ не измѣнили!
Вы здѣсь!..

ЛИДА.

Мы здѣсь!.. Есть время!.. Ты спасенъ!

ЛЮЦІЙ.

Спасенъ?.. Но что̀ съ тобою, Лида?
Какъ ты блѣдна? Какой нарядъ?
И эта темная хламида,
Покровъ твой бѣлый!.. Какъ горятъ
Твои глаза!.. Гдѣ ты скрывалась?..
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой...
Сама конями управляла
И оглянулась на меня,
Весельемъ, розами сіяя,
Мнѣ въ даръ улыбку уроня!

ЛИДА.

Съ тѣхъ поръ все, Люцій, измѣнилось,
Вся жизнь моя!.. Да! я нашла
Чего искала, чѣмъ томилась,
И это счастье принесла
Тебѣ: я христіанка!

ЛЮЦІЙ.

Боги!
Ты? Лида?

ЛИДА.

Жизнь моя была
Полна безумствъ, полна тревоги
Пустой, ничтожной!... Ты уменъ,

О, Люцій!.. Ты тщету мірскую
Давно постигъ... Жизнь эта—сонъ!..

ЛЮЦІЙ.

Что ты лепечешь?

ЛИДА.

Жизнь иную
Христосъ открылъ намъ! Онъ велѣлъ
Все бросить! Жить одной душою!..

ЛЮЦІЙ.

Философъ милый! Что съ тобою?

ЛИДА *(въ отчаяніи)*.

Да говори, Марцеллъ!

ЛЮЦІЙ *(съ удивленіемъ)*.

Марцеллъ?

ЛИДА.

Онъ—нашъ! Христіанинъ!..

ЛЮЦІЙ *(серьезно)*.

Смѣяться
Вы надо мной пришли, друзья?..

ЛИДА.

Нѣтъ, Люцій! Истина скрываться
Не можетъ! Римъ, и міръ, и вся
Вселенная познаетъ Бога,
Который намъ велитъ любить
Другъ друга и добро творить.
И скоро! Насъ теперь ужъ много...
И здѣсь... между рабовъ твоихъ...
Взгляни, вотъ тутъ стоитъ ихъ трое:
Они не грабятъ! Нѣтъ! Земное
Ничто сокровище для нихъ!
Вотъ тотъ старикъ былъ поднятъ нами,
Чуть живъ, избитый... *(Къ рабу)* Ближе, Титъ!
(Титъ упадаетъ къ ногамъ Люція и плачетъ, склонивъ голову къ его колѣнямъ).

ЛИДА.

Ахъ, Люцій! Язвами покрытъ,
Онъ не ругался надъ врагами!
Простилъ и твоему отцу,
Которымъ взятъ былъ и къ кольцу
Прикованъ... Часто со слезами

Онъ вспоминаетъ, какъ ходилъ
Къ нему дитей ты и любилъ
Его разсказы... Скиѳъ суровый
Утѣшенъ былъ, и сталъ иной,
Младенецъ чистый, полнъ одной
Святой любовію Христовой!..

ЛЮЦІЙ *(положа руку на голову Тита).*

Мой старый пѣстунъ!

ТИТЪ *(тихо и искренно).*

Обратись,
Дитя мое! Проснись, проснись!
Свѣтъ возсіялъ! *Мы* ходимъ въ свѣтѣ—
Мы—неразумные! *Мы*—дѣти!
А ты такъ мудръ!

ЛИДА.

Вотъ, Люцій, тутъ
Вотъ эти двое... что хотѣли
Тебя убить... И только ждутъ,
Чтобъ ты простилъ ихъ... Неужели
Ты не простишь?

(Рабы становятся на колѣни въ нѣкоторомъ отдаленіи).

ЛЮЦІЙ.

Я все успѣлъ
Давно забыть!.. Ну, встаньте! Будетъ!

РАБЫ *(удаляясь).*

Господь тебя не позабудетъ
Во царствіи Своемъ!

ЛЮЦІЙ.

Марцеллъ!
Марцеллъ! Какое ослѣпленье!
Пусть Лида—пылкія мечты!
Рабы—они рабы!.. Но ты!
Нѣтъ, я тебя не понимаю!
Я христіанъ видалъ и знаю.
Въ ихъ головахъ какой-то сбродъ
Фантазій дикаго востока,
Слеза въ глазахъ и рѣчь пророка,
И казнь—ихъ счастіе!..

МАРЦЕЛЛЪ.

Насъ это счастье завтра ждетъ!

ЛЮЦІЙ.

Патриціи! Вождь! Стратегикъ славный!
Марцеллъ, проведшій жизнь свою
Въ походахъ, въ лагерѣ, въ бою,
Одинъ, быть-можетъ, предкамъ равный,
И вдругъ идетъ—смѣшно сказать!—
Изъ отвлеченнаго понятья,
Чтобъ доказать, что люди братья,
Что духъ безсмертенъ—умирать!

МАРЦЕЛЛЪ.

Для вашихъ риторовъ, конечно,
Смѣшно, что люди вдругъ идутъ
На смерть, какъ армія, безъ смутъ,
И сами, изъ-за мысли вѣчной!
Не то еще увидятъ: сынъ
Оставитъ мать, братъ кинетъ брата,
Не будетъ празденъ ни одинъ!
Мечъ въ міръ внесенъ, и нѣтъ возврата!
Вѣрь, говорю я не въ бреду.
Ты знаешь, взглядъ мой въ битвѣ вѣренъ:
Я зналъ всегда, куда иду...
Для васъ, мой милый, бой потерянъ!
Когда увидитъ въ циркѣ Римъ,
Какъ мы за истину стоимъ,
Узнать захочетъ, что̀ за люди?
Какая сила въ нихъ живетъ?
И изъ гонителей и судей,
Вѣрь, не одинъ къ намъ перейдетъ!
Со мной самимъ все такъ случилось.
Въ аренѣ видѣлъ я двухъ дѣвъ;
Когда на нихъ рванулся левъ,
Лицо ихъ свѣтомъ озарилось!
Я даже вскрикнулъ! А вѣдь кровь
Видалъ!.. Да, да! Родиться вновь
Должны мы всѣ!.. Когда, бывало,
Ѣзжалъ изъ стана я сюда,
Отъ омерзенья и стыда
Душа во мнѣ изнемогала!
Не разъ я думалъ и тогда—
Привесть свои бы легіоны
Да этотъ Римъ раззолоченый

Весь разнести бы по клочкамъ!
И разнесли бъ!.. А что же тамъ?
Потомъ?.. Ты, Люцій, ты купался
Самъ въ этомъ омутѣ! Плѣнялся
Искусствомъ, красотою женъ!
Ты славой предковъ ослѣпленъ!
Изнѣженъ лѣнью и покоемъ,
И съ Римомъ такъ связалъ себя,
Что быть въ глазахъ его героемъ
Еще такъ важно для тебя!..
Не предкамъ вывесть насъ изъ грязи!
Нѣтъ! Съ ними порваны всѣ связи!
Нѣтъ, отрекись ото всего,
На чемъ они сооружали
Величье Рима своего!
Они лишь въ цѣпи заковали
Весь этотъ міръ,—и для чего?
Чтобъ прочнымъ онъ служилъ подножьемъ
Величью евнуховъ, вралей,
Со всѣмъ ихъ чванствомъ и безбожьемъ
Всего боящихся дѣтей!

ЛЮЦІЙ.

Постой, Марцеллъ!.. Жизнь нынче—бремя!
Самоубійство въ наши дни—
Вся наша доблесть, но они
Пройдутъ! Настанетъ лучше время!
Поймемъ и глубже примемъ мы
Тотъ свѣтъ, который дали міру
Великой Греціи умы...
Давно ль взялися мы за лиру,
Платона знаемъ?

МАРЦЕЛЛЪ.

И объ немъ
Кричимъ и споримъ за виномъ!

ЛЮЦІЙ.

Сначала солнце озаряетъ
Верхушки горъ...

МАРЦЕЛЛЪ.

Гдѣ ледъ сіяетъ!
Жизнь—тутъ, внизу! Нѣтъ, ты сойди
Съ своихъ высотъ и не гляди,

Что тутъ темно порой и тѣсно,
И про Платона неизвѣстно!..

ЛИДА.

Живи для бѣдныхъ и простыхъ!
Иную жизнь въ душѣ пробудишь!
Умаль себя для блага ихъ,—
И больше ты, и лучше будешь!
И все давно ужъ началось!
Вездѣ, вездѣ прошелъ Христосъ!
Смотри, отъ моря и до моря
Тебѣ предъ именемъ Христа
Открыты двери! Нѣту горя,
Нигдѣ слеза не пролита,
Чтобъ на другомъ концѣ вселенной
Не отозвались ей сердца!
Забудь величье мудреца!
Смири въ себѣ свой умъ надменный!..

ЛЮЦІЙ.

Великодушныя мечты,
Но все, Марцеллъ, мечты пустыя! *(Одушевляясь и рѣшительно)*
Нѣтъ, не сойду я съ высоты!
И что̀ за дѣло, что чужіе
Мнѣ будутъ неучъ и глупецъ!
То, что̀ умомъ я постигаю,—
Одно мое! И тѣмъ, я знаю,
Я выше ихъ, простыхъ сердецъ!
И если есть душа вселенной,
Есть божество,—оно во мнѣ,
Въ моемъ умѣ, и вѣкъ въ войнѣ
Съ твоей толпой непосвященной!

МАРЦЕЛЛЪ.

О, гордость, гордость!

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть,
Въ угоду имъ я долженъ буду
Все—чѣмъ горжусь я—позабыть!
Повѣрить лжи! Повѣрить чуду!..

ЛИДА *(перебивая Люція, въ крайней степени одушевленія говоритъ быстро, неудержимымъ потокомъ).*

Нѣтъ, Люцій, въ насъ не ложь! Не трать
Противорѣчій попустому!
Что могъ Христосъ равно сказать
Рабу и нищему простому,
И мудрецамъ, и богачамъ,
И чистой дѣвѣ, и несчастной,
Для всѣхъ одно, для всѣхъ такъ ясно,
Понятно, близко всѣмъ сердцамъ,
То, Люцій, быть не можетъ ложью!
Христосъ зналъ всѣхъ, ко всѣмъ входилъ
Въ дома, со всѣми говорилъ...
Онъ пробуждалъ лишь правду Божью,
Что въ насъ жила, во всѣхъ сердцахъ!
Ко всѣмъ страдающимъ и сирымъ,
Ко всѣмъ убитымъ гордымъ міромъ,
Одинъ, съ участіемъ въ очахъ,
Пришелъ Онъ и открылъ объятья,
И всѣмъ сказалъ Онъ: всѣ вы братья!
И всюду съ вами буду Я!
И всюду, гдѣ Его семья,
Какъ добрый пастырь между паствы,
Онъ тамъ—ты чувствуешь—Онъ тамъ!
Благословляетъ питья, яствы,
Самъ раздаетъ ихъ бѣднякамъ...
Въ темницѣ, въ мглѣ, гдѣ только муки
И ярости былъ вѣчный стонъ,
Гдѣ тысячи страдаютъ, Онъ
На всѣхъ распростираетъ руки,
Всѣхъ утѣшаетъ—и злодѣй
Душой смягчается своей!..
Ахъ, Люцій! Выше нѣту счастья,
Какъ вызвать ласкою участья
Слезу у тѣхъ, кто слезъ не лилъ
Еще ни разу въ умиленьи!
Какъ воскъ онъ будетъ, и душой
Къ тебѣ прильнетъ, и за тобой
Пойдетъ какъ агнецъ въ путь спасенья,
Какъ за Христомъ пошелъ бы ты самъ!
Но нѣтъ! Я чувствую, все блѣдно,

Что̀ я скажу, все мало, бѣдно!..
Послушай! Подъ землею, тамъ,
У насъ есть храмы... все аркады!..
Тамъ цѣлый городъ! Все лампады,
Гробницы!.. Много-много слезъ
За всѣхъ тамъ, Люцій, пролилось!
Тамъ—наши старцы!.. Тѣ видали
Христа, какъ я тебя, слыхали,
Какъ Онъ училъ... Послушай ихъ!
Они слова Христовы знаютъ!
Все помнятъ, свято сохраняютъ...
Что̀ за слова, о, Люцій!.. Въ нихъ
Такая сладость! Упадаютъ
Они на сердце, какъ роса
На травы! какъ елей на раны!
Влекутъ, влекутъ на небеса,
Гдѣ самъ Онъ, славой осіянный,
Какъ царь вселенной, чистый свѣтъ,
Насъ ожидаетъ съ пальмой!.. Нѣтъ!
Узнавъ Его, ты будешь рваться,
Чтобъ слиться съ Нимъ!.. Въ немъ потеряться
Какъ въ океанѣ капля!.. Міръ
Покажется тюрьмою тѣсной,
Гдѣ ты тоскуешь, нищъ и сиръ,
По свѣтлой родинѣ небесной,
И какъ на пиръ пойдешь въ тюрьму,
На смерть, чтобъ вырваться къ Нему!

ЛЮЦІЙ.

Ахъ, Лида, Лида!.. Гдѣ ты, Лида?
Въ какихъ лучахъ твоя душа
Голубкой рѣетъ?.. Чуть дыша
Тебя я слушаю... изъ вида
Теряю... Какъ ты хороша!
О, да, клянусь! Одна бъ ты нынѣ
Могла мнѣ дать желанье жить!
Одна могла бы мнѣ въ пустынѣ
Путеводительницей быть!
Да! Какъ въ пустынѣ караваны
За вереницей лебедей
Идутъ въ невѣдомыя страны
Искать прохлады и ключей,—
Я вслѣдъ пошелъ бы за тобою
Хоть любоваться на тебя

И твоего Христа душою
Въ тебѣ, быть-можетъ, полюбя!

МАРЦЕЛЛЪ.

О, Люцій! Женщиной безсильной
Пренебрегали мы! Но Онъ
Дѣла великія обильно
Творитъ руками слабыхъ женъ!
Иди за ней! Ея устами
Онъ самъ зоветъ тебя! Иди!
Мы новобранцы! Тамъ—вожди!
Мы смотримъ все еще очами
Земными! Но для тѣхъ мужей
Земли ужъ нѣтъ! Свободно, смѣло,
Надъ бурнымъ моремъ жизни сей
Паритъ ихъ духъ, какъ голубь бѣлый!
Послушай ихъ!.. И, Люцій, вотъ
Смотри: вотъ здѣсь же, въ этой залѣ,
Въ подземный городъ нашъ есть ходъ...
(Отворяетъ потайную дверь въ нишѣ).

ЛЮЦІЙ.

Какъ? тайный ходъ? И это знали
Одни рабы?..

ЛИДА.

Изъ всѣхъ домовъ,
Изъ тюрьмъ, изъ цирковъ, изъ садовъ
У насъ такіе жъ ходы!

ЛЮЦІЙ *(смотря въ катакомбы).*

Боги!
Тамъ свѣчи... цѣлые чертоги...
Толпа людей...

МАРЦЕЛЛЪ *(торжественно Люцію, который неподвижно смотритъ въ катакомбы).*

Весь Римъ подрытъ!
Подъ старымъ Римомъ, Римъ ужъ новый
Преобразитъ его готовый,
Во всеоружіи стоитъ!..
Тамъ нѣтъ рабовъ! Тамъ нѣтъ богатыхъ'
Тамъ другъ предъ другомъ всѣ равны!
Тамъ нѣтъ презрѣнныхъ и проклятыхъ!
Тамъ падшіе обновлены!

Тамъ чудеса любви увидишь
И имъ повѣришь ты!

ЛИДА.

И выйдешь
Потомъ на смерть у насъ въ рядахъ,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
На небо очи устремляя!..
Ты слышишь гимнъ... они поютъ...
Подъ цѣлымъ Римомъ ждутъ лишь знака
И отовсюду, вдругъ, изъ мрака
На смерть съ веселіемъ пойдутъ!

ЛЮЦІЙ *(самъ съ собою)*.

Весь Римъ подрытъ!.. Глазамъ не вѣрю:
На казнь итти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть!
Ужъ тутъ не бунтъ... *(Къ Марцеллу)*
Но кто жъ вы, кто вы?
(Съ строгимъ упрекомъ)
Марцеллъ! Вѣдь, Римъ готовя новый,
Ты губишь старый Римъ отцовъ,
Созданье дѣлъ ихъ, центръ вселенной,
Свѣтило міра... для презрѣнной
Толпы безсмысленныхъ рабовъ!..
Рабы!.. Марцеллъ!.. Да гдѣ мы? Гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что намъ позоръ, имъ не позоръ!
Они предъ этими мужами
Не заливались слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И ты, ты смѣешь отказаться
Ото всего, чѣмъ ты съ пеленъ
Вспоенъ и вскормленъ! Оторваться
Ото всего, съ чѣмъ ты рожденъ!
Я пью отраву: гражданину
Одинъ остался долгъ святой...
Но тѣмъ лишь вызовъ къ внукамъ кину,
И Римъ не кончится со мной!

МАРЦЕЛЛЪ.

Пусть не одни лишь камни Рима,
А Ѳивъ, Аѳинъ, Ерусалима
Повсюду вопіютъ тебѣ,
Какія слезы тамъ пролиты,

Какія жертвы тамъ убиты!
Признай подобнаго себѣ
Въ угрюмомъ варварѣ, въ рабѣ,
Люби весь міръ, какъ Римъ ты любишь,
И ты тогда—христіанинъ!..

ЛЮЦІЙ.

Марцеллъ, Марцеллъ! Вѣдь Римъ одинъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Одинъ! Ты тѣмъ его и губишь!
Одинъ, какъ міръ на раменахъ
Атланта! Міръ неправдъ! Но, время!
Тотъ, Кто одинъ лишь мудръ и благъ,
Съ него снимаетъ это бремя,
И горе тѣмъ, кого врасплохъ
Найдетъ судить грядущій Богъ!..

(Бьетъ полночь).

ЛЮЦІЙ *(очнувшись).*

Послѣдній срокъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

И нашъ онъ тоже!..

ЛИДА.

Ты гибнешь, Люцій! Вѣчный ждетъ
Тебя огонь!.. О, Боже! Боже!

ЦИНИКЪ *(который спалъ въ углу на ложѣ, просыпается).*

Хозяинъ умеръ? Полночь бьетъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Вотъ онъ, твой Римъ, тебя зоветъ!

ЦИНИКЪ *(привставъ).*

Да ты въ компаніи... съ дѣвицей...
Ну, братъ, и видно, что патрицій...

(Идетъ къ Люцію, но останавливается, услышавъ раздавшееся изъ катакомбъ пѣніе. Взоры всѣхъ обращаются туда).

ЛИДА *(восторженно).*

Идутъ! Идутъ! Желанный часъ!

(Къ Люцію)

О, Люцій! Неужель отстанешь
Одинъ, во мракѣ, ты отъ насъ!

И міру съ нами не предстанешь
Сказать, кто мы?

(Христіане въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнкахъ выходятъ изъ катакомбъ и, не обращая вниманія на присутствующихъ, погруженные въ себя, идутъ къ выходу въ садъ. Они поютъ унисономъ гимнъ, который начинается подъ землею и теряется во мракѣ сада).

ЦИНИКЪ.

Да что̀ я? Сплю?
Изъ-подъ земли выходятъ люди...
Ну, этихъ лицъ я не люблю!

ЛЮЦІЙ.

Всему чужіе... точно къ пиру,
Идутъ на смерть они въ вѣнкахъ!
Презрѣнье къ мукамъ, къ смерти, къ міру...
И въ комъ же? Въ варварахъ! Въ рабахъ!
О, Римъ! О, Римъ!..

(Смотритъ на христіанъ съ нѣмымъ отчаяніемъ).

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Будьте, братья, день и ночь готовы къ битвѣ!
Стойте, не гася лампады, на молитвѣ!
Онъ подкрадется, какъ тать ночной, день судный;
Горе тѣмъ, кто спалъ дотолѣ непробудно!
Вострубятъ въ трубу архангелы святые,
Встанутъ мертвые, возымутъ страхъ живые.
Потухающія солнца узрятъ въ страхѣ
Тварь земную, цѣпенѣющую въ прахѣ.
Узрятъ новый свѣтъ, очамъ невыносимый,
Онъ пріидетъ—Судія неумолимый!
И предстанутъ всѣ, рабы и властелины,
И одна всѣмъ будетъ мзда и судъ единый...
Горе обуяннымъ міра славой тлѣнной,
Васъ поглотятъ нѣдра огненной геенны!
Радуйся, слезами путь свой окропившій,
Въ суетномъ семъ мірѣ чашу мукъ испившій!
Радуйся, пріявшій свѣтъ Христовъ съ любовью,
Вѣчное блаженство искупившій кровью...

ЛИДА.

О, Люцій! Этотъ гимнъ святой

Ты слышишь... Міръ съ его красой
Пройдетъ! Одинъ лишь, Бога полный,
Христомъ спасенный, вѣченъ духъ!..

ЛЮЦІЙ.

О томъ, что̀ будетъ, милый другъ,
Мои оракулы безмолвны!

МАРЦЕЛЛЪ.

Итакъ, ты, Люцій, противъ насъ?
Не съ нами?

ЛЮЦІЙ *(рѣшительно и вставая)*.

Противъ, противъ васъ!
Я римлянинъ! Я умираю
За Римъ...

МАРЦЕЛЛЪ.

А мы—за міръ!..

ЦИНИКЪ.

Чего?
За Римъ? За міръ? Ужъ тонко, право!
Гдѣ̀ жъ смыслъ-тотутъ, скажите, здравый!.. *(Къ Лидѣ)*
А ты, дѣвица, за кого?

ЛИДА.

И за тебя, быть-можетъ!

ЦИНИКЪ.

Браво!
Чтобъ не было обидно!..

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, я не вашъ, Марцеллъ!..
Все, чѣмъ великъ мой духъ, чѣмъ разумъ
Могучъ и свѣтелъ,—далъ мнѣ Римъ!
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
Онъ презритъ ихъ, какъ, полный имъ,
Я презираю смерть!..
(Выпиваетъ чашу и склоняется на ложѣ).

ЦИНИКЪ.

Брр! Кисло!..

ЛИДА *(хлопочетъ около Люція)*.

Люцій! Бѣдный Люцій!..

МАРЦЕЛЛЪ *(внѣ себя)*.

Безумецъ! Гордъ, упрямъ и слѣпъ!
Искалъ, голодный, вѣкъ свой хлѣба,

И хлѣбъ ему приносятъ съ неба,
И онъ бросаетъ этотъ хлѣбъ!..

ЛИДА *(умоляя)*.

Марцеллъ! Онъ умираетъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Что же
Мнѣ дѣлать съ нимъ?

ЛЮЦІЙ *(слабѣющимъ голосомъ)*.

Онъ весь, какъ былъ—
Все тотъ же воинъ! Тотъ же пылъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Вѣдь я любилъ тебя!.. О, Боже!
Когда жъ совсѣмъ съ души моей
Ярмо грѣха, ярмо страстей
Ты снимешь!

ЦИНИКЪ.

Изъ чего хлопочутъ?
И вѣдь не плуты, не морочатъ!
Не понимаю, хоть убей!

ЛЮЦІЙ.

А мы съ тобой, Марцеллъ, другъ друга
Мы понимаемъ ли?.. Я—сынъ
Своихъ отцовъ и вѣка... Знаю
Я только Римъ... Я гражданинъ...
И я... за Римъ свой умираю,
Какъ ты за своего Христа!..
Кто правъ изъ насъ... другіе скажутъ!..
Намъ не узнать ужъ... никогда!..
И можетъ-быть... на всѣхъ укажутъ
Какъ на глупцовъ... И изъ чего
Мы хлопотали—также спросятъ,
Какъ этотъ циникъ... *(Умираетъ)*.

1863.

VI.

СТРАННИКЪ.

(Посвящается Ѳ. И. Тютчеву).

дѣйствующія лица:

Гриша, двадцати лѣтъ.

Странникъ, сорока пяти лѣтъ.

Нищій.

Странноприимная келья при купеческомъ раскольничьемъ домѣ, на фабрикѣ, близъ большого села. Въ кельѣ столъ, лавки, образа стараго письма, лампадка.

Гриша *(одинъ стоитъ въ раздумьѣ).*

Какъ онъ войдетъ, то прямо объявлюся:
„Азъ, грѣшный, молъ, во тьмѣ заблудшій, свѣту
Желающій!.. Отверзи мнѣ источникъ
Премудрости твоей, бо алчу, отче,
Я твоего учительскаго слова...“
Такъ и скажу ему, какъ затвердилъ!
А тутъ пока прибраться...

(Оглядываетъ келью).

Ишь, подушку
Откинулъ онъ и положилъ полѣнце...
Голубчикъ! снялъ вѣдь и соломку съ лавки!
Пошелъ съ своей посудинкой на рѣчку...
Вотъ слишкомъ двѣ недѣли: всю-то ночь
На правилѣ стоитъ, а днемъ читаетъ...
И какъ себя-то соблюдаетъ строго!
Разъ отдохнуть прилегъ: вдругъ ѣдетъ тройка,
Да съ пѣснями,—и кинулся молиться,
Да часъ иль два поклоны клалъ земные...
Что̀ если бъ зналъ онъ, что я тутъ же, подлѣ,
Изъ каморы своей смотрю все въ щелку?
Что̀ жъ! развѣ я то дѣлаю для худа?
Томлюся я, что̀ Даніилъ во рву...

Горѣ всечасно обращаю очи,
Не явится ль Господень свѣтлый ангелъ!
Да нѣтъ, не сходитъ!..

(Поправляетъ лампадку на полкѣ, гдѣ видитъ книги).

Вотъ книги-то его!..
Евѳиміевъ *Цвѣтникъ*... Да нешто онъ
Изъ бѣгуновъ?.. А это Аввакума
Посланія... Какъ вѣдь писалъ, страдалецъ!

(Открываетъ книгу и читаетъ)

„У грековъ такожде пропала вѣра.
Съ поганымъ туркомъ потурчали: пьютъ
Табакъ, приходятъ въ церковь въ шапкахъ; жены
Того сквернѣй; имъ церковь, яко мѣсто
Соблазна: груди голы, очи дерзки.
Самъ патріархъ браду обрилъ и съ туркомъ
Ѣстъ рафленыхъ курей съ едина блюда.
Нѣтъ, русачки мои не таковы!
Въ огонь скорѣе, миленькіе, внидутъ,
А благовѣрія не предадутъ“.
Воистину сказалъ: „не предадутъ“!

(Перевертываетъ нѣсколько страницъ и читаетъ)

„Къ тебѣ, о, царь, предъ смертью изъ темницы
Я, какъ изъ гроба, нынѣ вопію:
Опомнися! Покайся!.. Изболѣло
Мое все сердце по тебѣ, царю!
О душенькѣ своей попомни, милый!
Слукавили лгуны передъ тобою!
Какіе жъ мы еретики, помысли!
Порушили ль мы гдѣ уставы церкви?
Вели престать насъ звать бунтовщиками:
Мы предъ твоимъ величествомъ, голубчикъ,
Ниже въ малѣйшемъ неповинны! Токмо
Что о душѣ печемся, Бога ради“.

(Слыша шаги, поспѣшно кладетъ книгу на мѣсто и становится къ стѣнѣ. Входитъ странникъ, несетъ буракъ с водою; проходитъ мимо Гриши, не замѣчая его и продолжая богомысліе

СТРАННИКЪ.

Изъ глубины паденья моего,

О, Господи, къ Тебѣ взываю, грѣшный!
Вонми моимъ рыданіямъ и призри
Съ высотъ Твоихъ, есмь немощенъ и шатокъ,
И духъ мой, аки валъ морской, всечасно
То въ небеса предъ свѣтлый ликъ Твой рвется,
То падаетъ во адъ кромѣшный паки!..

(Ставитъ буракъ на столъ, достаетъ мѣдный складень и готовится стать на правило).

ГРИША *(робко подходя къ нему).*

Не прогнѣвись, благоутробный отче:
Азъ, грѣшный... азъ учительскаго слова
Изъ устъ твоихъ желающій услышать...

СТРАННИКЪ.

Охъ, что ты, сыне?.. Мнѣ ль учительское слово
Кому держать! и самъ бы поучился
Отъ мудраго! самъ возлюбилъ бы плеть
Духовную отъ праведнаго мужа!

ГРИША.

Позволь съ тобой на правило мнѣ стать!

СТРАННИКЪ.

Нельзя!

ГРИША.

Я тоже старой вѣры, отче!

СТРАННИКЪ.

Что жъ старой? Всѣ вы нынче—пестряки!
(Садится).
Да! благодать давно взята на небо!
Вселенная пуста, и стадо вѣрныхъ
День ото дня въ міру оскудѣваетъ!..
Ты грамотный?

ГРИША.

Почитываю книги,
Да одному не все-то въ нихъ понятно!..
У насъ народъ на фабрикѣ все буйный,
И токмо что рекутся старовѣры.
Вотъ иногда у постояльцевъ спросишь,
Да знающихъ немного между ними.

СТРАННИКЪ.

Коль грамотенъ еси, ты прочиталъ ли

И помнишь ли, что̀ писано о вѣрныхъ?

(*Читаетъ наизусть*)

„Егда Христосъ пріидетъ паки въ міръ,
Обрящетъ ли свою онъ вѣру чисту?
Онъ пріидетъ въ великія хоромы
Съ златымъ шатромъ, съ подзоры и убрусы;
Покои жъ багрецомъ наряжены;
И въ тѣхъ покояхъ возсѣдятъ мужи
Во ферезяхъ, сырцомъ и златомъ шитыхъ;
А на столѣ и лебедь, и журавль,
И сахары, и всякое печенье,
И жемчугомъ унизаны, подносятъ
Вина имъ, въ серебряныхъ сосудахъ, жены,
И поклоняются имъ, и лобзаютъ,
Грѣховной срамоты не убояся,
Усты въ уста. Онъ скажетъ: „Блудодѣи
Вси суть они; и не мои суть овцы!“
Онъ пріидетъ къ властямъ, къ архіереямъ;
Узритъ: единъ съ блистаніемъ на митрѣ
И злата, и жемчужныхъ херувимовъ,
И бархатомъ на мантіи кичася,
На башмакахъ же крестъ Христовъ имѣя,
Чтобъ скверными топтать его ногами;
И вкругъ синклитъ его, попы и мнихи,
И римскіе пѣвцы, партеснымъ пѣньемъ
Не Божью, а его поющи славу;
И всѣ думцы его въ парчахъ и камняхъ,
Окрестъ его сѣдяще полукругомъ;
И купно всѣмъ соборомъ измышляютъ
Погибель христіанству, наказуя
По всей странѣ противящихся имъ
Во срубахъ жечь и вѣшать на крюки,
И зарывать живыхъ по перси въ землю;
Онъ скажетъ: „се не пастыри, а волки!“
Въ пустыняхъ лишь, въ лѣсу, забѣгшихъ въ горы
Найдетъ подвижниковъ: имъ же молитва—
Кормленье, слезы—утоленье жажды,
И бѣса посрамленіе—веселье,
Гоненіе—сговоръ, а смерть—невѣста...
И скажетъ Онъ: „со Мною вы пребысте,
И съ вами Азъ отнынѣ и вовѣки“.

ГРИША (*въ умиленьи*).

Ты наизусть святыя книги знаешь!
Вотъ всю бы ночь, кажись, тебя прослушалъ!

СТРАННИКЪ.

Великій змій вселенную обвилъ
И царствуетъ... Про змія-то читаемъ:
„И было зримо, како по ночамъ
Сей змій, уста червлены, брюхо пестро,
Ко храминѣ царевой подползалъ,
И царское оконце отворялось.
Царь у окна сидѣлъ, а змій, вздымаясь
По лѣстницѣ клубами, подымался
Вверхъ до окна и голову свою
Великому царю клалъ на плечо
(И такъ онъ былъ огроменъ, что лежалъ
По лѣстницѣ всѣмъ туловищемъ темнымъ,
А хвостъ еще изъ патріаршей сѣни
Не вылѣзалъ). И такъ, къ цареву уху
Припавъ, шепталъ онъ лестныя слова:
„Не слушай честныхъ старцевъ, о царю!
И старыхъ книгъ, владыко, боронися!
Бо тѣсноты они тебѣ хотятъ!
А полюби, царь, Никоновы книги:
Въ нихъ обрѣтешь пространное житье,
И по средамъ и пятницамъ всеястье,
И тѣлесамъ твоимъ во услажденье
Всѣ радости мірскія и утѣхи“.

ГРИША.

Про змія, отче, я читалъ и знаю.
Изшелъ изъ ада онъ и днемъ являлся
Подъ видомъ Никона—лжепатріарха,
А ночью принималъ опять видъ змія.
Про Никона написано еще:
Его видали, какъ въ златой палатѣ
Отъ многихъ онъ бѣсовъ былъ почитаемъ.
Они его садили на престолъ,
Вѣнчали, какъ царя, и лобызали,
И кланялись ему, и говорили:
„Ты большій братъ нашъ и любезный другъ,
И намъ поможешь крестъ Христовъ сломити“.
Но это все стоитъ про никоньянцевъ,
И въ ихъ-то вѣру змій пустилъ свой ядъ.

СТРАННИКЪ.

Во всѣ! во всѣ!.. Отъ змѣя народились
Змѣеныши; чуть вылѣзли изъ яицъ—
И выросли, и стали жрать другъ друга,

И своего отца грызутъ,—и всѣ
Въ единый клубъ свились, дышащи злобой,
И лютости огнемъ распалены.
Въ писаніи стоитъ вѣдь явно: „внидутъ
Въ селенья праведныхъ и сластолюбцы,
И блудники, и тати, аще добрымъ
Очистятся постомъ и покаяньемъ,
Но въ оное не внидетъ ни богатый,
Ни еретикъ“. А вашъ Андрей Денисовъ
Что̀ сотворилъ? Когда явился Петръ,
То былъ ужъ самъ Антихристъ во плоти:
Одѣлъ себя и весь свой полкъ звѣриный
Въ нѣмецкіе кафтаны, и по царству
Ихъ разослалъ ниспровергать законы
Отечески и свой регламентъ ставить;
И позавелъ онъ раздѣленье въ людяхъ
И сваръ, и бой, и брань междуусобну;
И вывезъ клеймы онъ изъ римскихъ странъ,
И сталъ клеймить вездѣ себѣ людей;
А на кого ужъ то клеймо легло,
Такъ на весь родъ пойдетъ: и отрекутся
Отеческихъ святынь, преданій, даже
Гробовъ отцовъ, и будутъ, что̀ чужіе!
Ужасно есть сіе помыслить токмо!
Пойдутъ дружить со всякимъ вражьимъ духомъ,
Противъ всего, что̀ сотворили древле
Великіе цари, митрополиты
Московскіе, Іона, Алексѣй,
Ихъ же трудами собрана земля
Россійская, и ихъ цвѣла нарядомъ.
А славный вашъ Андрей Денисовъ съ онымъ
Антихристомъ, еже Петръ Первый есть,
Хлѣбъ-соль водилъ, копалъ ему руду
На цѣпи и съ важнѣйшими его
Персонами братался; блудно жилъ
Да блудно такъ и померъ: дѣвка,
Ишь, приворотнымъ зельемъ опоила!
Онъ всю-то жизнь Антихристу работалъ,
Въ имперіи торги-то разводя.
Съ него вотъ и пошли купцы-тузы:
Первѣйшіе въ Москвѣ—все ихъ хоромы!
Въ хоромахъ-то картины и статуи
Поганскія; какъ балъ-то зададутъ,
По окнамъ-то не стекла—зеркала:

Зажгутъ такіе бѣлые шары,
Что̀ солнца свѣтятъ! Плясъ и музыканты!
Передъ крыльцомъ-то конная все стража!
Каретъ, каретъ-то! Все князья да графы,
И всѣхъ наукъ бѣсовскихъ хитрецы!
Вотъ, братъ, цвѣты какіе распустились
Изъ сѣмени Андреева! ликуютъ,
А васъ-то, дурней, держатъ въ кабалѣ,
Иконами да лестовкой морочатъ!
Я побывалъ и у Таганья Рога,
На Иргизѣ и въ Керженцѣ на Выгѣ,
И въ Питерѣ, Москвѣ, въ Казани, Ржевѣ:
Вездѣ одно! Обозъ идетъ—анъ чей?
Чьи тамъ плоты рѣку загородили?
Чьи баржи тянутъ огненною силой,
Да караванъ за караваномъ? Сало,
Пенька ли, хлѣбъ—спроси ты только—чьи?
А пристани по городамъ, буяны?
А въ Нижнемъ кто ворочаетъ дѣлами?
Все вѣры древлія благочестивцы,
И всѣмъ-то имъ заводчикъ—вашъ Андрей:
А на кого трудятся? Нешто Богу?
Антихристъ-то имъ нешто врагъ? Поди-ка,
Царю листы какіе восписуютъ:
„Всѣ за тебя, молъ, животы положимъ!“
Вотъ каково! и погоди маленько,
Какъ ужъ совсѣмъ гоненье поутихнетъ
Да потѣснѣй спознаются другъ съ другомъ,
Да льготъ дадутъ,—всѣмъ міромъ подъ *большіе Колокола* пойдете и съ попами
Всѣ въ голосъ запоете! Тако будетъ!
Поширь вамъ только!

(Опускаетъ голову и задумывается).

Деньги, сыне, деньги!
Погибель вся отъ нихъ! Онѣ и есть
Мошна въ сѣти, въ которую, что̀ рыбу,
Васъ дьяволы шестами загоняютъ,
А вервія другіе бѣсы тянутъ
Ко брегу, онъ же адъ, а сатана
Въ аду-то у окна сидитъ и радъ,
Что тяжело идетъ треклятый неводъ,
Что бѣсы-то потѣютъ и пыхтятъ
Отъ бремени!

ГРИША.

Ужель нельзя спастися?

СТРАННИКЪ.

Здѣсь, въ мірѣ? Нѣтъ! Но милосердьемъ Божьимъ
Спасенья путь оставленъ узкій, токмо
Немногіе идутъ по немъ.

ГРИША.

Кто грѣшенъ,
Тотъ ужъ ступить на сный путь не можетъ?

СТРАННИКЪ.

А ты на совѣсти имѣешь грѣхъ
Особенный?

ГРИША.

Имѣю грѣхъ великій!
Такъ и лежитъ на сердцѣ... такъ и мучитъ...
Ахъ, отче, я великій грѣшникъ.

СТРАННИКЪ.

Если
Довѣріе имѣешь, то откройся!
Пооблегчитъ.

ГРИША.

Я знаю, полегчало бъ:
И это въ мысляхъ я имѣлъ... Вотъ видишь...
Я разскажу тебѣ ужъ все, какъ было...
Къ божественному былъ я склоненъ смлада.
И какъ былъ взятъ въ привратники сюда,
Отъ странниковъ былъ въ вѣрѣ наставляемъ
По древнему закону. Только странникъ
Вѣдь поживетъ, да и уйдетъ потомъ.
А сколько ихъ притомъ непутныхъ бродитъ!..
И соблюдать себя я началъ строго;
Кремнями, стеклами постель усыпалъ,
Отъ всякихъ яствъ отсталъ, питался быльемъ,
Во дни же постные совсѣмъ не ѣлъ.
Тутъ надо мной кругомъ смѣяться стали,
И я возмнилъ, что есмь единъ безгрѣшенъ,
И смѣхъ ихъ былъ мнѣ въ сладость... Началъ
Ужъ помышлять, что самъ меня нечистый
Не побѣдитъ. „Не одолѣешь, бѣсе!“
Твержу, а онъ зоветъ на вечерницу:
„Тамъ власть свою яви ты надо мною,
И поклонюся тебѣ“... я и пошелъ...

СТРАННИКЪ.

Пошелъ? Ну, что жъ?

ГРИША.

И... одолѣлъ лукавый...

СТРАННИКЪ.

Ну, какъ же онъ къ тебѣ тамъ подступился?
Въ образѣ жены?

ГРИША.

Нѣтъ, ужъ уволь!
Что говорить!..

СТРАННИКЪ.

Стыдѣніе имѣешь.

(Подумавъ)

Охъ, сыне, сыне! растлѣна земля...
Людьми уже на тридцать саженъ внизъ!
И къ Господу всечасно вопіетъ,
Да попалитъ огнемъ ее Господь,
И отъ грѣховъ и всякихъ сквернъ очиститъ!
Твой грѣхъ не есть еще великій грѣхъ...
Грѣхи бываютъ, сыне, потягчѣе...
Примѣромъ, кровь, непутное житье
Съ разбойники и тати, и блудницы...
Но ты сего еще не разумѣешь,
И дай Господь не разумѣть вовѣки!
Съ людьми толчешься, что по рынку ходишь:
Шумъ, гамъ! купцы те за полы хватаютъ
И въ лавки тащутъ, и товаръ свой суютъ:
„Купи, купи, почтенный! вовсе даромъ!..“
Ты и берешь, и невдомекъ, что эти
Купцы-то—переряженные бѣсы,
Товары—смертные грѣхи, а платишь
За нихъ душой, оно и выйдетъ даромъ,
Она бо есть невидима, душа-то!..
Охъ, миленькій! въ пустыньку бъ Богъ сподобилъ
Укрытися! Тамъ райское-то есть
Веселіе! Поютъ тебѣ тамъ пташки!
Пустынька вся нарядится цвѣтами!
Студенъ ручей съ горы крутой падетъ...
Сиди надъ нимъ!.. а кругъ—густыя ели...
Олень, аль прочій звѣрь придетъ напиться...
И пташка тутъ на камешекъ же сядетъ
И крылышки полощетъ... Такъ-то любо!

И такъ душа исполнится твоя
Величіемъ Господнимъ... и восплачетъ
Умильными и тихими слезами...
Вотъ тамъ помолишься!.. Да, братъ Григорій,
Велнко дѣло есть пустыня!

ГРИША.

Отче,
А какъ же тамъ зимой-то жить?

СТРАННИКЪ

А славно!
Сидишь ты словно въ свѣтозарномъ царствѣ,
Какъ зорьки-то играютъ на снѣгу...

ГРИША.

Ты, можетъ, отче, и живешь въ пустынѣ
И ради нѣкихъ нуждъ изшелъ?

СТРАННИКЪ

Живалъ...
Да токмо гладомъ нудимъ былъ изыти.
Не одолѣлъ плотского человѣка,
И плоть еще не омерзила вдосталь;
А можетъ, Богъ назначилъ и страданье,
И муки претерпѣть мнѣ, чтобы душу
Очувствовать... но я умру въ пустынѣ!
Святые тоже вѣдь не всѣ родились
Во святости... зато потомъ, смотри,
Какое житіе прешли, смывая
Съ души своей грѣховныя-то пятна!
Въ огнѣ молитвы душу, яко въ горнѣ
Заржавое желѣзо, распаляли,
И правиломъ духовнымъ, яко златомъ,
Ее сгибали, да пріемлетъ видъ,
Какой ей данъ былъ въ помыслѣ Творца
И искривленъ потомъ житейской нужей.
Прочти, вотъ, о святыхъ мужахъ, о нашихъ.

(Достаетъ книгу; перевертываетъ листы и даетъ Гришѣ).

Вотъ объ отцѣ Савватіи стоитъ...

ГРИША *(читаетъ)*.

„И бысть еще сожженъ отецъ Савватій,
Въ писаніи искусенъ, просвѣтленъ
Безмолвіемъ. Когда молился онъ,—

То былъ ли шумъ, смятенье ль между братій,—
Ни душу къ нимъ, ни ухо, ни глаза
Не обращалъ, но, въ Бозѣ пребывая,
Стоялъ, что̀ столпъ недвижимъ, въ небеса
Молитвенной цѣвницей ударяя"...

СТРАННИКЪ *(беретъ у него книгу и перевертываетъ нѣсколько страницъ).*

А вотъ еще о Гуріи читай.

ГРИША *(читаетъ).*

„А также отъ земного бытія
И Гурій отошелъ. Блаженствомъ житія
Былъ чуденъ; день и ночь молитвословилъ,
И правила келейнаго впередъ
На тридцать лѣтъ начелъ и наготовилъ.
Жилъ въ Бозѣ онъ, и егда нощь придетъ,
И егда день. И оттого блистала
Душа его премудростью Творца,
Какъ солнцемъ озаренное зерцало".

СТРАННИКЪ *(беретъ книгу).*

Вотъ, сынѐ, свѣтъ, на оный и грядемъ!

ГРИША.

Такъ, отчѐ... да!.. но какъ же къ симъ мужамъ
Приблизиться? они вѣдь яко звѣзды
Надъ нами въ высотѣ небесъ сіяютъ!

СТРАННИКЪ.

А отъ земли пошли!

ГРИША.

Что̀ жъ надо дѣлать?

СТРАННИКЪ.

А что̀ они творили? Подъ начало
Сперва къ мужамъ достойнымъ поступали
И, пріобыкнувъ волю ихъ творить,
Ужъ Господу потомъ трудились сами.

ГРИША.

Возьми меня на послушанье, отче...

СТРАННИКЪ *(какъ бы въ испугѣ).*

Охъ, что̀ ты! что̀ ты! Богъ тебя храни!
И не моли! объ этомъ и не мысли!
Я не гожусь! Наставника бъ обоимъ

Жестокаго найти намъ и въ пустыню
Укрыться, да!

ГРИША.

Да отчего же, отче?

СТРАННИКЪ.

Не говори объ этомъ... ты не знаешь.

ГРИША.

Аль чѣмъ тебя я прогнѣвилъ?

СТРАННИКЪ.

Молчи!
Не человѣкъ есмь — скотъ, и хуже, хуже!
(Слышенъ стукъ въ окно).

Голосъ НИЩАГО *(нараспѣвъ).*

Мы здѣсь ни града, ни села не знаемъ!
Подайте милостыньку, христіане!

(Гриша отворяетъ окно).

СТРАННИКЪ *(вздрогнувъ).*

Вотъ адовы-то цѣпи!

ГРИША.

Это — нищій.
Я сбѣгаю за хлѣбомъ къ пекарямъ.

(Уходитъ).

СТРАННИКЪ *(оглядываясь и подходя къ окну, сурово).*

Чего пришелъ?

НИЩІЙ *(высовывая голову въ окно).*

А что ты, чортъ, пропалъ?
Вѣдь двѣ недѣли! Отъ артели посланъ —
Чего жъ валандаться? аль ужъ попался,
Мы думали — да Ѳенька угадала —
Ужъ человѣкъ такой непостоянный:
Тамъ, молъ, сидитъ, навѣрно замолился,
Вздыхаетъ по пустынѣ.

СТРАННИКЪ.

И въ пустыню бъ
Ушелъ, то вамъ какое дѣло?

НИЩІЙ.

Не мы, братъ, нѣтъ! въ артель не примутъ! Такъ-то
Въ пустынѣ жить — животъ сведетъ. Да полно!
Кончай скорѣе, да иди въ Акулькинъ

Кабакъ. Ужъ встрѣчу приготовимъ. Разомъ
Отдохнешь отъ поста-то... Вольный воздухъ,
Веселыя головушки!.. Слышь, Ѳенька
Ругается: „иди, молъ, безпремѣнно,
Да не пустой. Гулять хочу съ нимъ“, баитъ;
Не то, смотри, гулять пойдетъ съ Отпѣтымъ.

СТРАННИКЪ *(глухо)*.

А что тебѣ за дѣло, съ кѣмъ гуляетъ?

НИЩІЙ.

Да мнѣ-то что? Ты зарычишь, не я.

СТРАННИКЪ.

Я зарычу?.. Какъ я-то зарычу,
Всѣ у меня оглохнете вы, сволочь!
Анаѳемы! Да что вы? слать приказы
Мнѣ вздумали?.. Мнѣ токмо Богъ законъ!
Самъ сатана не можетъ надо мною
Возобладать! ужъ думаетъ, что держитъ,
Ужъ поборолъ, ужъ ухватилъ подъ горло,
И говоритъ мнѣ: „отрекися Бога“, —
И не отрекся я!.. А вы?.. да съ вами,
Когда я по землѣ иду, такъ лѣсу
Стоячаго и облака я выше
Ходячаго!.. И, что хочу, творю!
Хочу, — у васъ живу, хочу, — уйду.
А восхощу мученій, самъ явлюсь
Къ мучителямъ, и буду я спасенъ
Чрезъ муки добровольныя... А вы,
Кроты въ норахъ живущіе, вы, черви,
Во адъ попадаете всѣ, какъ соръ,
Что баба выметаетъ за порогъ!

НИЩІЙ.

Ну, полно, дядя, больно осерчалъ!

СТРАННИКЪ.

Проваливай!

(Отходя)

„Гулять хочу съ нимъ“... аспидъ!
Иродіада! вздумала пугать!
Ну, нѣтъ! еще постой, ты мнѣ, голубка,
Поклонишься, мнѣ руки цѣловать,
Ехидна, будешь!.. знаю васъ я!..

(Входитъ Гриша, подаетъ нищему хлѣба).

ГРИША *(въ окно)*.

Можетъ,
Поотдохнуть ты, дяденька, желаешь?

НИЩІЙ.

Нѣтъ, родненькій, спасибо! Тутъ дорога
Большая. Побреду. Господь съ тобою!

ГРИША *(затворяетъ окно)*.

Что жъ, отче? не возьмешь на послушанье?

СТРАННИКЪ *(глядя пристально на Гришу)*.

Возьму.

ГРИША.

Ахъ, отче, то-есть вотъ какъ буду
Служить тебѣ!

СТРАННИКЪ *(въ сторону)*.

Антихристова челядь!

ГРИША.

Когда же мы пойдемъ?

СТРАННИКЪ.

Когда пойдемъ...
Да ты тутъ у хозяйки какъ живешь?
Ты по дому ей нуженъ?.. и она
Тебѣ во всемъ вѣдь вѣритъ!.. Ты и ночью
Въ моленной поправлять лампадки ходишь?

ГРИША.

Хожу.

СТРАННИКЪ.

А тамъ и сундуки стоятъ,
И деньги въ особливомъ сундукѣ?

ГРИША.

И деньги.

СТРАННИКЪ.

Такъ. И не великъ сундукъ?

ГРИША.

Да, не великъ.

СТРАННИКЪ.

Спохватится, и станутъ
Искать тебя.

ГРИША.

Да я жъ уйду не тайно.

СТРАННИКЪ *(запальчиво)*.

А я бъ тебѣ сказалъ: пойдемъ сейчасъ!
Не знаешь, что̀ такое послушанье?
Ты долженъ все оставить и итти.
Наставникъ — голова, а ты — рука!
Сказала голова, рука и дѣлай!
А ладно ли, не ладно ли велѣнье —
Не разбирай! Иди себѣ и дѣлай!

ГРИША.

Все знаю, отче! все, какъ есть, исполню!

СТРАННИКЪ.

А если ты окажешь противленье?

ГРИША.

Зачѣмъ же противленье? Буду вѣчно,
Какъ рабъ твой.

СТРАННИКЪ.

Ну, смотри, завѣтъ свой помни!
Пріемлю тя подъ длань свою.

(Гриша становится на колѣни, странникъ кладетъ ему руку на голову).

Помилуй
Насъ, Господи Ісусе, Сыне Божій!

ГРИША *(цѣлуя его руку)*.

Аминь!

(Встаетъ).

Ухъ! словно отлегло отъ сердца!

СТРАННИКЪ *(пройдясь по комнатѣ и обращаясь съ важнымъ видомъ).*

Такъ вотъ же, чадо, вотъ тебѣ теперь
И первое велѣнье: пой мнѣ пѣсню
Бѣсовскую!

ГРИША *(въ изумленіи)*.

Бѣсовскую пѣть пѣсню?

СТРАННИКЪ.

Пой пѣсню—ну, хоть „дядя Селифанъ“!
Пой и пляши!

ГРИША *(тревожно)*.

Да что̀ ты, отче, какъ же?
Все говорилъ такое... а теперь...

(Смотритъ пристально на странника и въ ужасѣ отступаетъ).

А если онъ не человѣкъ!.. а тоже,
Какъ и тогда... такое жъ навожденье
Отъ дьявола... какъ запою—и схватитъ,
И унесетъ!..

(Хватаясь за голову, и жмурясь, и пятясь, кричитъ)

Отыди въ мѣсто пусто
Безводно! князь бѣсовскій! запрещаю
Тебѣ крестомъ! исчезни!.. сгинь!.. исчезни!..

(Въ безсиліи опускается на скамью).

СТРАННИКЪ *(смѣясь съ укоризной)*.

Не выдержалъ и перваго искуса!

(Подходя къ нему)

Да что̀ ты, сыне, ты совсѣмъ сомлѣлъ?..

(Въ испугѣ отходя отъ него на авансцену)

Аль чистая душа его-то чуетъ
Другого господина моего...
Не поборолъ! острожное исчадье!
Непостоянный, аки листъ древесный!
Отыди! сгинь! заклятіе младенца
Не повернуло все нутро твое?
Отыди, звѣрь, во дебри и вертепы!..
Тамъ обрости струпьемъ и волосами,
Чтобъ въ ужасѣ и звѣрь и человѣкъ
Тебя сѣжалъ...

(Падаетъ на колѣни).

О, Господи! спаси!
И вся мірская злая,—яко бурю
На озерѣ Генисаретскомъ словомъ
Утишилъ,—укроти въ душѣ моей!
Да съ миромъ изъ сего изыду дому!..

(Къ Гришѣ)

Очнися, сыне! что̀ ты? Богъ съ тобою!
Садись со мной, и облегчитъ Господь!

ГРИША *(вырываясь отъ него, живо)*.

Я знаю, что̀ мнѣ дѣлать: утоплюсь!
Такъ что̀ за жизнь? тамъ словно свѣтъ какой,

А тутъ, вблизи—все темное! все рои
Бѣсовскіе... кувыркаются, скачутъ,
По лѣстницѣ бѣгутъ передо мною,
Согнувшися, что̀ свиньи... хари, морды...
Такъ жить нельзя! коль гибнуть, такъ ужъ сразу!

СТРАННИКЪ.

Ну, полно! не хули ты даръ Господень.
Противъ бѣсовъ молитва есть... я тоже,
Егда былъ младъ, то въочію ихъ видѣлъ,
И далъ отъ нихъ заклятіе мнѣ старецъ.
Съ горъ, сказывалъ, Кирилловыхъ явился...
Кирилловы-то горы знаешь?

ГРИША *(разсѣянно)*.

Что̀ тамъ,
Какія горы!

СТРАННИКЪ *(съ негодованіемъ)*.

Эхъ, Григорій! мало жъ
Ты просвѣтленъ! А христіане тоже!
Въ Ерусалимъ небесный, вишь, пошли,
Да въ полпути, куда пошли, забыли!
Кирилловы-то горы! даже власти,
Прослыша, знать хотѣли, что̀ за горы
Чудесныя, какіе, молъ, тамъ старцы
Скрываются? Кругъ всей бродили Волги,
И двадцать разъ чрезъ самую обитель
И мимо самыхъ старцевъ проходили,
А токмо лѣсъ и видѣли, да камень:
Бо старцы и обитель зримы токмо
Для вѣрныхъ. Такъ Господь сіе устроилъ.
Но ты сего вмѣстить еще не можешь
И многаго, идѣже благодать
Господня есть и дѣйствуетъ понынѣ,
Спасая, аки праведнаго Ноя
Съ семьей среди великаго потопа,
Немногое число избранныхъ вѣрныхъ.

ГРИША.

Не гнѣвайся, а отпусти мнѣ, отче,
Вину мою! Со мной ужъ было это
Отъ бѣса омраченье... Вотъ какъ было
Тому теперь недѣли три, сошлися
Къ намъ странники, да трое, разныхъ вѣръ.
И спорили, и всякъ хвалилъ свою,
Да таково ругательно и блазно!

Какъ улеглись, я тоже легъ на одръ.
И такъ-то у меня заныло сердце;
И мысленно я сталъ молиться Богу:
„Дай знаменье мнѣ, Господи, какая
Передъ Тобой есть истинная вѣра?“
И не заснулъ—вотъ какъ теперь смотрю:
Вдругъ въ келью дверь тихонько отворилась,
И старичокъ такой лѣпообразный
Вошелъ и сѣлъ на одръ ко мнѣ, и началъ
Бесѣдовать, да ладно такъ и складно!
Всѣ хороши, молъ, вѣры передъ Богомъ;
Зритъ на дѣла, молъ, главное, Господь:
А что когда, молъ, знать желаешь больше,
Такъ приходи къ соборному попу...
И, какъ сказалъ онъ только: „попъ“—я вздрогнулъ,
Вскочилъ и крикнулъ: *Да воскреснетъ Богъ!*
Онъ и пропалъ—ну, видѣлъ я—во прахъ
Разсыпался... Съ тѣхъ поръ и опасаюсь...

СТРАННИКЪ *(вполнѣ вѣря)*.

И слѣдуетъ. Напущено отъ змія.

ГРИША.

Что я не спалъ, то вѣрно!

СТРАННИКЪ.

Вѣрно, вѣрно!

ГРИША.

А что же, отче, ты про старцевъ началъ?

СТРАННИКЪ.

Про старцевъ?.. Да, великое то дѣло!..
Вотъ прочитай изъ книжицы, увидишь,
Какіе это старцы, какъ живутъ...
(Достаетъ книгу и отыскиваетъ мѣсто
Единаго отъ нихъ тутъ есть посланье
Ко братіи... Отсель: „а обо мнѣ...“

ГРИША *(читаетъ)*.

„А обо мнѣ вы не скорбите, братья!
Живу я въ мѣстѣ истинно спокойномъ.
Живу я со отцы святыми. Мужи
Сіи цвѣтутъ, что финики, что крины,
Что кипарисы въ тихомъ, злачномъ мѣстѣ.
Отъ устъ ихъ непрестанная исходитъ
Къ Всевышнему сердечная молитва,

Что̀ мyро добровонное, что̀ ладанъ,
Что̀ сладкій дымъ звенящаго кадила.
И, егда нощь, сія молитва зрима:
Изъ устъ ихъ огненнымъ столбомъ восходитъ
Она на небеса, и всей странѣ
Въ то время свѣтъ бываетъ отъ нея,
И можно честь безъ свѣщнаго сіянья.
И Богъ сіе имъ далъ, что возлюбиша
Всѣмъ сердцемъ Господа, и Самъ Господь
Ихъ возлюби; и все даетъ, что̀ просятъ.
А просятъ же они не благъ житейскихъ,
Не временныхъ, прелестныхъ здѣшнихъ благъ,
А тишины и радости духовной,
Дабы, когда судить живымъ и мертвымъ
Пріидетъ Онъ во славѣ и сіяньи,
За подвиги великіе имъ воздалъ
Веселіемъ во царствіи небесномъ".

(Останавливается и смотритъ на странника въ тихомъ изумленіи).

Ужели есть теперь такіе старцы?

СТРАННИКЪ.

Ну, и куда бъ еще дѣваться имъ?
Вѣдь сказано, что будутъ пребывать
Незримы до пришествія Христова!

ГРИША.

Такъ... такъ... Ну, а молитва ихъ и нынѣ
На небѣ огненнымъ столбомъ видна?

СТРАННИКЪ.

Видать-то всѣ видаютъ, да не знаютъ,
Отколь столбы.

ГРИША.

А гдѣ же это будетъ?

СТРАННИКЪ.

Гдѣ? и въ Поморьѣ... и на Бѣломъ морѣ...
Тамъ съ карбаса, идя на рыбный промыслъ,
Видали. Паче же на Волгѣ, мѣсто
Надъ Балахной, въ странѣ Нижегородской:
Тамъ горы-то Кирилловы и есть!
И мимо ихъ судовъ проходитъ много.
Коль на судахъ народъ благочестивый,
То, что̀ врата, развернутся вдругъ горы,
И другъ за другомъ старцы тѣ выходятъ,

И кланяются судоходцамъ въ поясъ,
И просятъ ихъ свезти поклонъ ко братьямъ,
Живущимъ внизъ по Волгѣ, въ Жигуляхъ;
И подойдетъ расшива къ Жигулямъ,
И судоходцы кличутъ громкимъ гласомъ:
„Гой, старцы жигулевскіе! веземъ
Мы вамъ поклонъ съ Кирилловой горы!“
И разступаются тутъ паки горы,
И алебастръ разверзнется и камень,
И другъ за другомъ выступаютъ старцы,
И за поклонъ пловцовъ благословляютъ.
И полетитъ тогда въ Низовье судно,
Ограждено отъ бурь и непогоды
Напутствіемъ боголюбивыхъ старцевъ.
А вотъ еще другое мѣсто есть:
Есть цѣлый градъ, стоящій многи вѣки
Невидимый, при озерѣ. И было
Сіе вотъ такъ: егда на Русь съ татары
Пріиде лютый царь Батый, и грады
Вся разорялъ и убивалъ людей,
И, аки огнь, потекъ по всей странѣ,
Противъ него великій князь Георгій
Ходилъ съ полки свои и былъ побитъ,
И побѣжалъ во славный Китежъ-градъ,
Его же сотвори во славу Божью;
И погнались татарове за нимъ;
И бысть во градѣ плачъ; и прибѣгоша
Во храмы люди, умоляя Бога,—
И Богъ яви Свою надъ ними милость
И сотвори неслыханное чудо:
Егда татары кинулись на приступъ,
Внезапу градъ содѣяся невидимъ!
И по ся дни стоитъ незримъ, и токмо
На озерѣ, когда вода спокойна,
Какъ въ зеркалѣ, онъ кажетъ тѣнь свою;
И видны стѣны съ башнями градскими,
И терема узорчаты, часовни
И церкви съ позлащенными главами...
Пречудное то зрѣлище! и явно—
Все на тѣни: какъ люди идутъ въ церковь,
И старицы и старцы, въ черномъ платьѣ,
По старинѣ одѣтые... И слышенъ
Оттуда гулъ колоколовъ... И тамо
Жизнь безпечальная, подобно райской!

А виденъ градъ всѣмъ жителямъ побрежнымъ,
Кругъ озера по утренней зарѣ,
Иль въ тихіе вечерніе часы,
Но внити въ оный можетъ токмо тотъ,
Кто путь прейдетъ, ни на минуту Бога
Изъ мысли не теряя; бо сей путь,
„Батыева тропа“ рекомый, страхи
И чудищи различными стрегомъ!
Претерпишь хладъ и гладъ. Звѣрь нападетъ
И зміи на тебя. Возстанетъ буря.
И бѣсы на тебя наскочутъ, съ песьей
Главою, съ огненными языками,
И эѳіопы черные, какъ уголь!
Ты все жъ иди впередъ и богомысли!
И побѣдишь всѣ дьявольскіе страхи;
Ни хладъ тебя, ни гладъ не остановитъ,
Ни звѣрь, ни змій, ни сатанинскій таборъ
Нигдѣ тебѣ въ пути не воспретитъ,—
Тебѣ врата отверзнутся во градѣ;
И выйдутъ старцы другъ за другомъ, съ пѣснью
Пріемлющи сподвижника и брата.

ГРИША.

О, Господи Ісусе! *(Живо)*
Вотъ что̀, отче:
Что̀ хочешь, я исполню! все, что̀ хочешь!
А покажи хоть тѣнь святаго града!..
Какъ древніе ходили человѣки...
И звонъ-то, звонъ колоколовъ послушать...

СТРАННИКЪ.

И звонъ у нихъ серебряный и чистый,
И словно какъ не колоколъ гудитъ,
А ровно что небесная лазурь
Сама звенитъ.

ГРИША *(въ изумленіи)*.
Хрустальное-то небо!

СТРАННИКЪ.

Сіе все вамъ, въ міру живущимъ, чудно,
Бо въ тьмѣ пребысте, а чудесъ не мало
Есть на Руси. Градъ Китежъ не одинъ.
Есть церкви, перешедшія въ пустыню
Изъ людныхъ мѣстъ, съ попами и съ народомъ.
Съ Суры рѣки, изъ града Василя
Шелъ крестный ходъ въ Перепловеньевъ день.

И люди тѣ такъ Богу угодили,
Что церковь вдругъ пошла предъ крестнымъ ходомъ,
И крестный ходъ за ней! за ней!.. И горы
Ровнялися, и разступались рѣки,
Все шелъ народъ съ хоругвями и пѣньемъ,
Доколѣ въ Керженскихъ пустыняхъ церковь
Не стала, и взошли въ нее всѣ люди,
И до сихъ дней стоятъ въ ней и пребудутъ
До страшнаго пришествія Христова,
Святой канонъ пасхальный воспѣвая.
Повѣдаю о семъ я благовѣстье
Тебѣ за то, что возлюбилъ тебя
И что твою неопытность жалѣю;
Богъ дастъ, найдешь кого изъ добрыхъ старцевъ
И подъ его началомъ укрѣпишься,
Бо добрая еси ты почва: сѣмя
Не на песокъ онъ кинетъ, не на камень;
Прозябнетъ и, быть-можетъ, плодъ подастъ,
И вкусишь ты отъ благодати...

(Со вздохомъ)

Я же
Еще свершу здѣсь нѣкакій обѣтъ
И удалюсь безмолвствовать въ пустыню.
Прощай пока.

ГРИША *(упадая на колѣни)*.

Я, отче, не отстану—
Возьми меня.

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ, миленькій, оставь!

ГРИША.

Не погуби! возьми! возьми съ собой!
Ужъ говорю, все сотворю! На смерть
Пойду! На муки! Ни единой мыслью
Не усумнюсь! Всѣмъ существомъ твой буду!
Возьми!.. Имѣю рвенье, отче... только
Возьми меня!

СТРАННИКЪ *(въ сторону)*.

Ну, вотъ вѣдь: самъ толкаетъ!
Самъ лѣзетъ!.. Аль ужъ съ нимъ пойти... Какъ знать?
Мнѣ, окаянному, Господь, быть-можетъ,
Въ семъ отрокѣ спасенье посылаетъ...

ГРИША *(встаетъ и живо)*.

Пѣть повелишь мнѣ пѣсню и плясать?

(Подпираетъ руки въ боки. Слышно, какъ проѣзжаетъ телѣга съ колокольчикомъ и пѣснями).

СТРАННИКЪ *(вскакивая)*.

Гуляютъ...

ГРИША.

Повелишь?

(Другая тройка; женскій голосъ слышнѣе прочихъ).

СТРАННИКЪ *(въ сторону)*.

Съ Отпѣтымъ катитъ!..

Ишь, залилась! чтобы ей пусто было!

(Къ Гришѣ, сурово)

Ну, что ты вздумалъ пѣть... вонъ тѣ орутъ...

А намъ съ тобой не это надо...

ГРИША.

Что же?

Что повелишь, все сдѣлаю.

СТРАННИКЪ *(рѣшительно)*.

А вотъ что:

Взаправду ли готовъ ты всяко бить

Антихриста: еретики бо суть!..

ГРИША *(горячо)*.

Еретика убить вѣдь можно?

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ ужъ,

Что убивать! а если убивать,

Хозяйку-то убей ты сундукомъ...

Тотъ, съ деньгами, подымешь ли?

ГРИША.

Могу.

СТРАННИКЪ.

Ну, такъ поди, неси его сюда!

Затопимъ печь и запалимъ! иди!

(Толкаетъ его къ двери. Гриша уходитъ).

СТРАННИКЪ.

Вотъ я жъ вамъ дамъ ломаться надо мною!

Блудница вавилонская! да стерли бъ

Ей черти черныя-то брови! Змѣи бъ

Ей высосали ясны очи!

(Затапливаетъ печь, кидаетъ дровъ и соломы передъ печью: надѣваетъ суму, шапку-треухъ, охабень. Начиная собирать книги, останавливается передъ ними).

А грѣхъ-то сдѣланъ...

(Энергически)

Ну, въ послѣдній разъ!

(Выходя на авансцену)

Все замолю! все замолю! Зарокъ
Даю! Ты благъ, Господь! Ты милосердъ!
Разбойнику, блудницѣ Ты простилъ...
Изыдутъ у меня слезами очи!
Къ ногамъ Твоимъ паду и ужъ не встану,
Доколѣ не простишь! Спасу и мальца...
Надѣну власяницу. Плоть растлилъ—
Ожесточу!..

ГРИША *(приноситъ сундукъ, блѣдный, дрожащій).*

Вотъ, отче.

СТРАННИКЪ.

Ладно, ладно.

(Кладетъ ему руку на плечо).

Какъ только нѣчто справимъ здѣсь, въ пустыню!
Теперь постой же.

(Достаетъ изъ кармана связку отмычекъ и отпираетъ сундукъ).

ГРИША.

Ровно какъ въ туманѣ!

СТРАННИКЪ *(выбирая бумаги).*

Тутъ векселя... бумаги именныя—
Въ огонь, въ огонь!.. а это взять покамѣстъ.

(Суетъ въ сумку пачки денегъ).

Ну, зажигай!

(Зажигаетъ солому).

Да надѣвай шубенку!
Чего стоишь, Григорій!.. Заруби же:
Что бъ ты ни увидалъ теперь, не блазнись!
Наутріе въ пустыню! ну, скорѣе!

(Толкаетъ его передъ собой. Уходятъ. Пожаръ разгорается).

VII.

СНЫ.

Поэма въ четырехъ пѣсняхъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Ужъ въ зелени березъ есть вѣтки золотыя;
По небу рыхлыя, какъ комы снѣговые,
Отъ сѣвера плывутъ грядами облака;
Все ясно говоритъ, что осень ужъ близка;
Выходятъ старики, поля обозрѣвая,
И колосъ шелушатъ, про умолотъ смекая,
Пытаясь вынести изъ годовыхъ трудовъ
Крупицу опыта для будущихъ годовъ...
И въ жизни такъ пора приходитъ: разумъ строгій
Велитъ ужъ подводить подъ прожитымъ итоги,
И память повела его, какъ чародѣй,
Въ волшебный лабиринтъ, средь темныхъ галлерей,
И рядъ картинъ предъ нимъ во мракѣ озаряетъ...
На все, что̀ предо мной она разоблачаетъ,
Уже взираю я съ спокойною душой.
Ужъ все такъ далеко, все кажется мечтой!
Фигуры движутся, какъ въ дымкѣ ѳиміама,
Уже на все легла эпическая рама,
И свѣтъ таинственный, и муза въ тишинѣ
Все взоромъ обняла и пѣсни шепчетъ мнѣ...
О, сынъ мой, милый сынъ, какъ рѣзвый и живой,
Малютка розовый, играешь ты со мной!
Тебѣ по вечерамъ я сказываю сказки,
И вдругъ ты тяжело дышать начнешь, и глазки

Блеснутъ слезинкою... Задремлешь ли порой,
Задумываться я люблю передъ тобой,
И губокъ подвижныхъ въ измѣнчивомъ движеньи
Угадывать твои невинныя видѣнья...
И вотъ ты вырастешь... Быть-можетъ, для тебя
Судьба не дастъ сказать мнѣ сказку про себя:
Вотъ *Сны* тебѣ мои... въ нихъ все, что̀ хладный опытъ
Открылъ мнѣ, проведя чрезъ слезы, скорбь и ропотъ.
Свидѣтель будешь ты уже поры иной:
Быть-можетъ, наши *Сны* сочтешь уже мечтой
И сказкой нашъ удѣлъ и нашихъ дней страданья...
Молю, да будетъ такъ! . . . . . .

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Есть домикъ—онъ теперь глядитъ ужъ старцемъ сирымъ,
Но нѣкогда онъ мнѣ казался цѣлымъ міромъ!
Уютно онъ стоитъ между березъ и липъ,
У дома спускъ крутой, а тамъ—рѣки изгибъ,
И за рѣкою лучъ, сквозь дождевую тучу,
Блеститъ на городкѣ, на домахъ, сбитыхъ въ кучу.
Веселый смѣхъ дѣтей, какъ въ рощѣ пѣнье птицъ,
Звучитъ въ томъ домикѣ; въ немъ нѣтъ угрюмыхъ лицъ,
И видимо на всемъ благословенье Бога,
Хоть бѣдность не чужда была его порога;
Зато тамъ былъ пріютъ простыхъ и добрыхъ чувствъ,
И билися сердца при имени искусствъ.
Искусства труженикъ, безъ жажды славы лживой,
Отецъ мой тамъ обрѣлъ пріютъ себѣ счастливый.
Что̀ въ жизни вынесъ онъ, какимъ достигъ путемъ
Житейской мудрости,—не знали мы о томъ...
Вокругъ его друзья немногіе сбирались;
Всѣ вмѣстѣ старились... лишь смертью разлучались...
Намъ свято имя ихъ: они учили насъ...
Но онъ, божественный, бывало, углубясь,
Какъ бы исполненный душевнаго видѣнья,
Онъ пишетъ въ мастерской святыхъ изображенья,—
Все изъ саду къ нему заглядываемъ мы...
Все было чудно намъ средь влажной полутьмы

Въ пространной мастерской: болѣзненная дума
Въ лицѣ художника, творящаго безъ шума,

Въ самозабвеніи, статуи возлѣ стѣнъ,
Холодныя, какъ смерть, и подвижной манкенъ

Съ румяной маскою, съ горою кудрей жесткихъ,
Сидящій, какъ пророкъ, на плотничьихъ подмосткахъ.

Но бросилъ кисть отецъ, и „дѣти!“ крикнулъ намъ,
И мы со всѣхъ сторонъ бѣжимъ по цвѣтникамъ,

Всѣ, даже меньшіе, къ нему, привставъ на-цыпки,
Руками тянутся и ждутъ его улыбки...

О, много я часовъ въ той мрачной мастерской
Провелъ потомъ, носясь Богъ знаетъ гдѣ душой!..

Изъ братьевъ я хоть былъ всѣхъ старѣе годами,
Но разумъ спалъ во мнѣ, какъ зимь подъ снѣгами...

Когда сбирались мы въ кружокъ по вечерамъ,
И мать изъ Библіи урокъ читала намъ,

Тяжелый сонъ меня одолѣвалъ при чтеньи...
Но помню, разъ она о первыхъ дняхъ творенья

Разсказывала намъ по книгѣ Бытія;
Впервые изумленъ, внималъ прилежно я,

И послѣ чтенія, какъ братья шли ужъ въ спальни,
Тихонько убѣжалъ я сада въ уголъ дальній

И, взоры устремивъ на звѣздный сводъ небесъ,
Казалось, понялъ смыслъ прочитанныхъ чудесъ.

Съ тѣхъ поръ ума во мнѣ Господень перстъ коснулся,
И онъ отъ празднаго бездѣйствія очнулся.

И много лѣтъ потомъ я помнилъ этотъ мигъ
И посвятилъ ему свой первый дѣтскій стихъ.

Когда же мать моя нашла его случайно,
Я, вспыхнувъ, убѣжалъ, стыдясь за трудъ свой тайный,

И плакалъ я, когда она меня нашла,
И кудри гладила, и съ лаской обняла,

Стараясь мнѣ взглянуть въ потупленныя очи...
Я точно вышелъ вдругъ на свѣтъ изъ мрака ночи,

И въ чудномъ блескѣ мнѣ являются всегда
И отрочества дни, и школьные года,

Когда безпечно пѣлъ я солнце, моря волны,
Волною на песокъ закинутые челны,

И дѣвъ невидимыхъ, которыхъ посвящалъ
Я въ красоты лѣсовъ, пустынь и дикихъ скалъ.

Но городъ, гдѣ я росъ, мой даръ считалъ юродствомъ.
Хоть люди въ немъ цвѣли отъ праздности дородствомъ,

Но праздность видѣли въ занятіяхъ моихъ
И кару—въ худобѣ моей за чтенье книгъ,

И лишь немногіе и близкіе знакомцы
Да бурсы городской смиренные питомцы

Мои творенія читали. Кто бранилъ,
Кто неумѣренной хвалой превозносилъ.

Но я почувствовалъ, что ихъ суда мнѣ мало.
Иное поприще мечта мнѣ открывала.

Къ намъ быстрая молва за вѣстью вѣсть несла,
Что въ мірѣ поднялась борьба добра и зла.

И каждое ловилъ я огненное слово,
И жаждалъ искусить свой духъ въ борьбѣ суровой...

Такъ въ замкѣ, на скалѣ, на днѣ сырой тюрьмы,
Вдругъ слышно узнику, среди глубокой тьмы,

Что съ моря выстрѣлы несутся боевые,
Все ближе... вотъ дрожатъ граниты вѣковые,

Вотъ парусъ, какъ пятно, въ окнѣ его мелькнулъ,
И вѣтръ къ нему занесъ и дымъ, и криковъ гулъ;

Кругомъ шипятъ въ водѣ и бьютъ о камень ядры;
Онъ слухомъ лишь слѣдитъ, какъ движутся эскадры,

И кинулся къ окну, да окна высоки!
И, проклиная цѣпь, онъ плачетъ отъ тоски...

И я рѣшилъ отцу открыть свои мученья
И на далекій путь просить благословенья.

Спокойно выслушалъ слова мои старикъ
И, помню, просіялъ, какъ юноша, въ тотъ мигъ.

„Тебѣ не мѣсто здѣсь“, сказалъ онъ, вдохновенный,
И къ матери повелъ въ покой уединенный.

И говорилъ я ей, что гибну я въ глуши;
Что даръ коснѣетъ мой въ бездѣйствіи души;

Что славное прошло для человѣка время;
Что новое Господь на землю бросилъ сѣмя;

Что въ душу избранныхъ его Онъ насадилъ,
И страждущимъ раздать велѣлъ, и часъ пробилъ:

Сіяетъ и для нихъ надежды свѣтъ любезный,
Какъ Ною радуга надъ безпредѣльной бездной;

Что зданья стараго дрожитъ уже скелетъ,
И въ трещины его ужъ новый блещетъ свѣтъ;

Что нѣкій мужъ, въ ночи являясь, мнѣ глаголетъ:
„Гдѣ посохъ твой? Вставай!“—и въ путь итти неволитъ.

„Пусти,—я умолялъ,—я буду утѣшать
Надеждой скорбнаго и добрыхъ прославлять!..“

Все выслушавъ, она промолвила мнѣ строго:
„Но гдѣ же знаменье, что это голосъ Бога?

Намъ сказано: не всѣ внушенья—отъ небесъ,
И образъ ангела пріемлетъ часто бѣсъ“.

А я: „Нѣтъ, не земнымъ подвигнутъ я внушеньемъ;
Его провѣрилъ я молитвой и сомнѣньемъ.

Кто знаетъ? То, надъ чѣмъ и старецъ изнемогъ,
Нерѣдко лепетомъ младенца скажетъ Богъ!

О, не держи меня и дай благословенье,
Да чистый шествую я ближнимъ во служенье“.

И голову склонилъ къ ея колѣнамъ я.
И, взоръ, то на отца стремя, то на меня,

Сказала дивная дрожащими устами:
„Тебѣ отвѣтствовать могу я лишь слезами!

Останешься ль у насъ—ты будешь тосковать
И скрытой скорбію мнѣ душу надрывать!..

Уйдешь... О, для чего тебя я породила!..“
Но больше говорить ей сила измѣнила,

И плакала она, склонясь ко мнѣ главой,
И тихо молвила: „Иди! Господь съ тобой!“

Досель, о, дивная, мнѣ образъ твой сіяетъ!
Слеза безмолвная съ рѣсницы упадаетъ...

Покорно говорятъ уста твои: „иди!“—
А руки жмутъ меня къ взволнованной груди...

Но вотъ отецъ развелъ твои тихонько руки
И обнялъ онъ тебя, свои скрывая муки,

Мнѣ подалъ знакъ уйти, а самъ тебѣ шепталъ
Слова святыхъ надеждъ и въ очи цѣловалъ...

И я оставилъ сѣнь отеческаго дома.
И дни прошли въ пути. Душевная истома

Меня лишала силъ. Осенній вѣтеръ вылъ...
Впервые понялъ я, какъ домъ отцовскій милъ.

Я всюду видѣлъ мать: душа ея болѣла,
Все что-то высказать, казалось, мнѣ хотѣла...

Изъ сердца моего, Богъ вѣдаетъ куда,
Мечты умчались, какъ птички изъ гнѣзда...

Я на горы взошелъ. Долины въ мглѣ тонули,
И звѣзды въ небесахъ холодныя блеснули...
И страшнымъ сномъ въ ту ночь мой духъ былъ возмущенъ.
То былъ пророческій, тревоги полный сонъ.
Онъ возвѣстилъ мнѣ все, что̀ послѣ совершилось...
Но поздно мнѣ его значеніе раскрылось.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мнѣ снилось, что я все въ горахъ еще бродилъ.
Всечасно на пути мой шагъ межъ плитъ скользилъ.
Лопухъ, чертополохъ за платье мнѣ цѣплялись,
И будто духи, въ нихъ дремавшіе, взвивались
И били крыльями, какъ птицы. Грудь мою
Сжималъ пустыни страхъ. Вдругъ вижу, на краю
Обрыва горъ стоитъ почтенный странникъ, рѣзко
Рисуясь статуей на небѣ, полномъ блеска.
Я радостно, узрѣвъ живое существо,
Какъ младшій старшаго, привѣтствовалъ его.
Онъ поднялъ голову, какъ будто съ неохотой
Прощаясь съ думою и тяжкою заботой.
„Куда стремишься ты?“ спросилъ онъ. Я въ отвѣтъ:
„Ищу я истины, иду туда, гдѣ свѣтъ“.
Онъ на слова мои такъ горько улыбнулся,
Что я потупилъ взоръ и духомъ содрогнулся.
Но, тотчасъ прежній видъ спокойствія принявъ,
Онъ молвилъ кротко мнѣ: „Да, юноша, ты правъ.
Иди за мной. Тебѣ я славный путь открою“.
Сказавъ, онъ до меня дотронулся рукою,
И полетѣли мы въ пространствѣ голубомъ,
Какъ два орла летятъ, не двигая крыломъ.
Воздушный сей полетъ мнѣ не казался страннымъ.
Долъ скрылся. Мѣсяцъ всплылъ надъ облакомъ туманнымъ,
Какъ будто снѣжную мятель въ немъ серебря,
И духъ мой веселъ былъ. Когда жъ зажглась заря,
Обширный увидалъ я городъ. Въ немъ, какъ ленты,
Шли улицы. Кругомъ дворцы и монументы,
И башни, и мосты. Народъ вездѣ кишилъ,
Какъ въ муравейникѣ, и къ площади валилъ,

Гдѣ цѣльные быки на вертелахъ вращались,
Пылали маяки и знамена качались.

И сталъ я различать, спускаясь, звукъ трубы,
И стонъ, и вой, и крикъ, и частый трескъ пальбы.

У городскихъ воротъ спустились мы на землю,
И я едва успѣлъ опомниться, какъ внемлю,

Что по полю на насъ толпа людей валитъ,
Какъ туча черная, и дико голоситъ.

Какъ пухъ во облакѣ поднятой вихремъ пыли,
Помчался съ ними я. Они въ крови всѣ были,

И я гляжу--на мнѣ одежды не мои!
Я тронулъ ихъ рукой—смотрю, рука въ крови;

Я крикнуть къ спутнику хотѣлъ, но вижу: краснымъ
Онъ машетъ колпакомъ и голосомъ ужаснымъ

Передъ толпой вопитъ, какъ звѣрь свирѣпъ, косматъ...
„То онъ ли?“—думалъ я и страхомъ былъ объятъ.

Но онъ, схвативъ меня рукой:—„Бѣснуйся съ ними!
Кричи!—сказалъ,—и прочь съ сомнѣньями пустыми!“

Вбѣжали въ городъ мы. Дома одни горятъ,
Другіе грудою дымящейся лежатъ;

Повсюду битвы слѣдъ. Размощены дороги,
Объ мертвыхъ, что̀ ни шагъ, то путаются ноги.

Тамъ съ шпагою въ рукѣ патриціи молодой
Лежитъ, упавъ навзничь, съ разбитой головой.

Тамъ женщина: съ одеждъ струею кровь лѣется,
А на груди ея живой ребенокъ бьется;

За горло двое тамъ схватясь, разинувъ зѣвъ,
Валялись мертвые, въ борьбѣ окостенѣвъ.

Тамъ груды цѣлыя, и мы чрезъ нихъ неслися,
И выбѣжали вдругъ на площадь, гдѣ стеклися

Несмѣтныя толпы и точно ждали насъ
Вокругъ большихъ костровъ, крича и веселясь.

И начали кидать въ костеръ сокровищъ груды.
Со звономъ лопались хрустальные сосуды.

Церковной утвари расплавленный металлъ
Съ костра горящими ручьями ниспадалъ.

На куклу вздѣвъ вѣнецъ и царскіе доспѣхи,
Ее повергли въ огнь при сатанинскомъ смѣхѣ.

„Воспой ихъ торжество!“—мой спутникъ мнѣ вопилъ,
Но новый шумъ меня сильнѣй того смутилъ.

Я вижу—женщину везутъ на колесницѣ
И честь ей воздаютъ, какъ слѣдуетъ царицѣ.

То полная была, румяная жена,
Чело въ вѣнкѣ изъ розъ, до чреслъ обнажена.

На клики и почетъ, что̀ чернь ей расточала,
Ругательствомъ она и смѣхомъ отвѣчала.

Вокругъ танцовщицы шли, бубнами стуча,
Жрецы и трубачи, и вѣстники, крича:

„Раздайтесь! Се Любви богиня, Мать-Природа!“
Какъ змѣй ползетъ въ нору, вся вереница хода

По лѣстницѣ во храмъ ушла. И я толпой
Туда же вдвинутъ былъ. Тутъ духъ смутился мой

Инымъ позорищемъ. Весь храмъ сіялъ огнями.
Отъ верху до низу, какъ въ циркѣ, ступенями,

Шелъ по̀мостъ, какъ цвѣтникъ, толпой мужей и женъ
Пестрѣя. Посреди былъ идолъ водруженъ—

Сатиръ, при хохотѣ вакханки богомерзкой,
Срывающій покровъ съ весталки лапой дерзкой.

У ногъ кумира сонмъ жрецовъ стѣной стоялъ
И въ пламенныхъ рѣчахъ собранью возглашалъ:

„Возрадуйтесь! Конецъ насильству и работѣ:
Мы міръ преобразить грядемъ во имя плоти!“

Въ отвѣтъ, при стукѣ чашъ, при кликахъ торжества,
Вокругъ раздался взрывъ хуленій божества,

И съ наглостью мужи и жены предъ собраньемъ
Являли свой восторгъ безстыднымъ лобызаньемъ.

Мой спутникъ тихо мнѣ: „Сегодня конченъ бой.
За власть на утро же подымется другой.

Покуда—твой чередъ. Мгновеніе приспѣло,
И слава—твой удѣлъ, лишь, что̀ скажу я, дѣлай!“

Сказавъ, явился онъ въ кругу жрецовъ другихъ,
Какъ ихъ верховный жрецъ, въ одеждахъ дорогихъ.

Предъ голосомъ его ихъ крики были малы.
Такъ предъ рыканьемъ льва смолкаютъ вдругъ шакалы,

И хоръ болотныхъ жабъ, и крики птицъ ночныхъ,
И всякій звукъ въ степи замретъ на краткій мигъ.

Ругаясь надъ трудомъ, надъ троном̀ъ, надъ святыней,
Онъ чернь превозносилъ и, призывая нынѣ

Ее къ великому свободы торжеству
И наглымъ образомъ уподобляя льву,

Который, цѣпь разбивъ и надышавшись волей,
Отъ гнѣва отдыхать улегся на престолѣ,—
Воззвалъ ко мнѣ: „Пѣвецъ! Вотъ наше божество!
(На идолъ указавъ) Воспой же намъ его!“
И подалъ съ высоты мнѣ золотую лиру.
Но, любострастному въ лицо взглянувъ сатиру,
Негодованія не могъ я превозмочь
И лиру срамную отбросилъ гнѣвно прочь.
„Свобода,—я вскричалъ:—не пиръ, не рабство крови,
А духа торжество и благодать любви!
Отъ сердца пѣснь моя; а сердцемъ чуждъ я вамъ
И гимна не спою разнузданнымъ страстямъ!“
Мой спутникъ съ высоты меня окинулъ взоромъ,
И взоръ его блеснулъ, какъ молнія, укоромъ.
Но я, трепещущій, далеко былъ. Въ тотъ мигъ
Видѣнья чистыя моихъ пустынь родныхъ
И профиль матери, предъ образомъ стоящей,
Мелькнули предо мной... Такъ путникъ, весь дрожащій,
Въ грозу, при молніи увидитъ предъ собой
Вдругъ церковь бѣлую средь темноты густой.
Но то былъ мигъ одинъ. По храму гулъ промчался.
И, точно громъ въ горахъ, ужасный крикъ раздался:
„Въ огонь его, въ огонь поборника цѣпей!“
И все задвигалось. Жрецы отъ алтарей,
Съ подмостковъ вся толпа, какъ лютыхъ тигровъ стая,
Рванулась на меня, все на пути ломая...
Я схваченъ, поднятъ былъ и, слыша дикій вой,
На звѣрскихъ лицахъ вкругъ конецъ читая свой,
Я бился, выскользнуть стараясь на свободу,
Какъ угорь пойманный скользитъ и рвется въ воду
Изъ рукъ дѣтей, въ весну шумливою гурьбой
Пришедшихъ на расплёсъ, оставленный рѣкой.
Но, выбившись изъ силъ, уже я помню смутно,
Что съ хохотомъ слился народа ревъ безпутный,
И я надъ бездною туманною стою,
И подлѣ путникъ мой, личину снявъ свою.
Какъ прежде, важенъ, тихъ, и съ кротостью благою—
„Прощай,—мнѣ говоритъ:—мы встрѣтимся съ тобою.
Но помни: океанъ, бушуя, илъ со дна
Подъемлетъ, но потомъ уляжется волна,

И берега цвѣтутъ отъ брошеннаго ила“.
Значенье этихъ словъ тогда мнѣ тайной было.
Отъ ужаса едва сознаніе храня,
Я смутно понималъ, что вождь мой спасъ меня.
И онъ исчезъ. И тутъ отъ скорби и смятенья
Я сталъ переходить въ холодное забвенье.
Лишь чувствовалъ, что мракъ вокругъ меня густѣлъ,
Сырой, ужасный мракъ... и я летѣлъ, летѣлъ...

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Когда заблудшійся въ ночи въ лѣсу густомъ
Вдругъ слышитъ шопотъ струй и, слухомъ лишь ведомъ,
Приходитъ къ озеру, и вдругъ, на влагѣ спящей
Увидитъ—огонекъ плыветъ къ нему дрожащій,—
Понявъ, что то ладьи вдоль берега кружатъ,
Что раковъ тамъ иль сонныхъ щукъ багрятъ,
Онъ мыслитъ, что спасенъ отъ голода и звѣря,
И дышитъ радостно, въ свое спасенье вѣря,—
Такъ жизни свѣтъ въ душѣ я снова ощутилъ.
Еще безъ голоса, но очи ужъ открылъ
И, приходя въ себя, былъ радъ, что сердце билось,
И все понятнѣе кругомъ мнѣ становилось.
На лѣстницѣ дворца лежу я недвижимъ
Въ иномъ ужъ городѣ. Патруль прошелъ. Но имъ
Я не замѣченъ былъ. Заря межъ тѣмъ вставала,
И блѣдная лазурь на небѣ оживала.
Я всталъ и въ путь пошелъ. Все тихо. Ни собакъ
Ни запоздавшихся по улицамъ гулякъ.
Вотъ зданье, все темно, но ужъ надъ нимъ зарею
Сіяла статуя, держа вѣсы рукою.
Тамъ первые лучи заискрилися вдругъ
На буквахъ золотыхъ. Прочелъ я: „Храмъ Наукъ“.
Я дальше. Вотъ чертогъ. Ужъ оконъ верхній ярусъ
Горитъ, какъ жаръ. Лѣсъ мачтъ, кой-гдѣ алѣвшій парусъ,
Меркурій и Нептунъ мнѣ дали разумѣть,
Что то торговли храмъ. Успѣлъ лишь оглядѣть
Его, какъ пантеонъ узрѣлъ я величавый
„Гражданскихъ доблестей и дѣлъ воинской славы“.

На солнцѣ онъ ужъ весь сіялъ. Къ нему пути
Уставлены людьми, литыми изъ мѣди.

Съ гранитной лѣстницы, опершись о перила,
Смотрѣлъ я внизъ, и духъ мой радость окрылила.

Столбъ солнечныхъ лучей забрызгалъ по рѣкѣ;
Съ церквей понесся звонъ. Вблизи и вдалекѣ

Задвигался народъ; суда пошли, обозы...
„О, вотъ счастливый край!“—воскликнулъ я сквозь слезы.

Тутъ двинулись полки, литаврами гремя.
Народъ въ какой-то храмъ бѣжалъ. За нимъ и я.

„Алтарь отечества“, прочелъ я у фронтона.
Войска туда несли развитыя знамена.

Явился царь. Какъ левъ, спокоенъ былъ онъ, тихъ;
Какъ солнце онъ сіялъ средь подданныхъ своихъ,

Среди сподвижниковъ цвѣтущихъ и маститыхъ,
Широкой лентою черезъ плечо повитыхъ.

Съ явленіемъ его въ строю блестящихъ ротъ
Раздался звучный кликъ, и шапки снялъ народъ.

Мнѣ въ душу ясный ликъ царя запалъ глубоко,
И я для сей страны сталъ гимнъ слагать высокій.

Попарно ужъ стихи рождались въ головѣ;
Виднѣлась бездна риѳмъ, какъ по лугу въ травѣ

Блестящіе цвѣты, и ими прихотливо
Сталъ мысль я убирать и стихъ ловить счастливый,

Какъ праздникъ кончился и, говора полна,
Отъ храма хлынула народная волна.

Я съ нею двинулся. Но духъ мой умиленный
Смущенъ картиною нежданною мгновенно.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вотъ городъ кончился, вотъ поле вкругъ глухое,
А все въ ушахъ „бѣги!“ звенѣло роковое,

„Бѣги!“—но скоро я упалъ, изнеможенъ,
Вцѣпяся въ спутника, но гнѣво рвался онъ...

Такъ утопающій товарища хватаетъ,
Который самъ терять ужъ силы начинаетъ

И въ ужасѣ, презрѣвъ несчастнаго мольбу,
Въ богопротивную вступаетъ съ нимъ борьбу...

Но мигъ, и вырвался вожатый мой и скрылся...
Широкій горизонтъ вдругъ мракомъ обложился...
Въ тупомъ безсмыслiи глядѣлъ я, какъ исчезъ
Послѣдній лоскутокъ лазуревыхъ небесъ,
И показалось мнѣ, что Богъ во глубь эѳира
Уходитъ, отвратя лицо свое отъ міра,
А сумрачный Князь Тьмы, съ тіарой на челѣ,
Побѣдно шествуетъ владыкой по землѣ,
И съ нимъ его сыны, какъ псовъ голодныхъ своры,
Трибуны и жрецы, клеветники и воры...
И вотъ ужъ съ грохотомъ тяжелыхъ колесницъ
Все ближе визгъ и вой... я палъ на землю ницъ,
Слова младенческихъ молитвъ припомнить тщился,
И только „Отче нашъ“ сказалъ—и пробудился.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ тѣхъ поръ прошли года... Обманутъ вѣрой страстной,
Я въ жизни изнемогъ... Сбылся мой сонъ ужасный!..
Повсюду, пламеннымъ мечтамъ моимъ въ отвѣтъ,
Въ судьбахъ народовъ я читалъ: „Надежды нѣтъ!“
Съ презрѣніемъ въ душѣ къ безсилью человѣка,
Всѣ боли раздѣливъ обманутаго вѣка,
Равно я поражалъ насмѣшкою своей
И вѣру стариковъ и страстный пылъ дѣтей.
Сомнѣнье стало мнѣ и гордостью и мукой,
И имъ кичился я надъ чернью близорукой.
Лишь тотъ, кто слышалъ разъ, какъ, падая, стучитъ
Земля о хладный гробъ, гдѣ трупъ любезный скрытъ,
Пойметъ, какъ тяжело душѣ, въ порывѣ къ благу,
Съ горячей вѣрою терять на жизнь отвагу;
Пойметъ, какъ тяжело, стуча рукою въ грудь,
Въ отчаяньи стонать: „Все тщетно; конченъ путь!
Нѣтъ! съ жизнью нечего мнѣ больше лицемѣрить:
Въ ней нечего любить и не во что въ ней вѣрить!“
Болящею душой въ забвенья потонуть
Хотѣлось мнѣ, и вотъ опять я вышелъ въ путь...
Дохнуть мнѣ воздухомъ пустынныхъ мѣстъ хотѣлось,
Гдѣ сладко нѣкогда мнѣ думалось и пѣлось...

Я шелъ, и каждый мигъ ясн҃й мнѣ образъ былъ,
Какимъ я тотъ же путь когда-то проходилъ.

Тотъ образъ точно шелъ теперь со мною рядомъ,
Какъ мальчикъ съ старцемъ, то допрашивая взглядомъ

Иль словомъ старика, то мчась за мотылькомъ,
То лепеча съ собой, Богъ вѣдаетъ о чемъ.

И душу умилилъ мнѣ спутникъ мой незримый,
Святымъ невѣдѣньемъ и вѣрою водимый.

Вонъ церковь вдалекѣ, и онъ свернулъ съ пути
Туда вечернія молитвы принести;

Колодецъ—тамъ стоитъ крестьянка молодая,
Толпятся овцы вкругъ, у пойла ожидая;

Онъ дѣву мысленно Ревеккою зоветъ.
Тамъ жатва; трудъ кипитъ, сверкаетъ серпъ, и вотъ

Изъ книги Руѳи стихъ, какъ рожь благоуханный,
Твердитъ онъ, запахомъ колосьевъ обаянный...

И вотъ на рубежѣ лѣсовъ и горъ родныхъ
Благословенный сонъ коснулся вѣждъ моихъ.

Мнѣ снилось: сквозь туманъ ищу я все дорогу,
Но вотъ густая мгла рѣдѣетъ понемногу;

Долина чудная открылась предо мной;
Сады цвѣтутъ вдоль горъ, алѣющихъ зарей;

Озера розовымъ вдали сіяютъ блескомъ,
И воды нѣжатъ слухъ, какъ арфы, звучнымъ плескомъ.

Прохладный вѣтерокъ на голову и грудь
Порхнулъ мнѣ, и едва я имъ успѣлъ дохнуть,

Какъ вижу: предо мной та Муза, что̀ слетала
Ко мнѣ въ тѣ дни, какъ мать намъ Библію читала,

И та же у нея звучала пѣснь въ устахъ,
И въ этой пѣснѣ все, какъ въ утреннихъ лучахъ,

Дышало свѣжестью—святыя сердца грезы,
Молитвой тихою исторгнутыя слезы,

И счастья и добра высокій идеалъ...
И, слушая ее, я тихо зарыдалъ.

Она жъ мнѣ ласково: „Мечтатель одинокій!
Какъ смертный, какъ слѣпецъ свершилъ ты путь далекій!

Изъ жизни міра ты единый видѣлъ мигъ:
Его не обнялъ ты и смысла не проникъ!

Послѣдуй же туда, гдѣ смертныхъ судъ смолкаетъ“.
И вотъ Небесная мнѣ руку простираетъ,

И, какъ двѣ горлицы, теряясь въ лучахъ
Златого утра, мы помчались въ небесахъ.

Въ странахъ заоблачныхъ полетъ нашъ удержала
Она и молча внизъ рукой мнѣ указала.

Святая на землѣ царила тишина.
Я жадно узнавалъ, гдѣ городъ, гдѣ страна,

Въ которыхъ я бывалъ, гдѣ тщетно тратилъ силы,
Гдѣ лучшихъ сверстниковъ оплакивалъ могилы...

Но—чудо! Города, которые, кляня,
Въ слезахъ отчаянья навѣкъ покинулъ я,

Въ которыхъ, думалъ я, все гибнетъ безъ возврата
Отъ беззаконія, слѣпотства и разврата—

Блистаютъ и цвѣтутъ! На всемъ печать труда!
Какъ чайки, къ нимъ плывутъ крылатыя суда...

Вонъ слышны молотовъ удары, вздохи машинъ,
И рогъ пастушескій, и пѣснь съ луговъ и пашенъ,

И, изумленіемъ проникнутъ, я спросилъ:
„Какой же это міръ? Откуда столько силъ?

Вотъ край. Онъ сдавленъ зломъ, но рвется жизнь отвсюду,
Какъ сочная трава сквозь каменную груду.

А это что?... Смотри: тамъ люди строятъ храмъ...
Ужель то зодчій ихъ?.. Да, точно!.. То онъ самъ!..

Его я видѣлъ разъ... онъ былъ тогда ужасенъ!..
Какъ онъ задумался! Какъ силенъ! Какъ прекрасенъ!..“

Она жъ:—„На время духъ пытливый усмири.
Я трепещу сама. Всѣ силы собери,

Какъ бы готовяся на подвигъ чрезвычайный...
Я подыму покровъ теперь съ великой тайны“.

И вотъ, клубясь, съ земли промчался ѳиміамъ.
Какъ въ арфѣ струнный гулъ, послышалося намъ,

Что звуки носятся по горнему чертогу.
И Муза:—„То летятъ мольбы народовъ къ Богу!

Внимай!“ И трепеща, въ мольбахъ земныхъ племенъ
Услышалъ я слова: „Отецъ! Ты совершенъ—

Да будемъ, яко Ты, и мы всѣ совершенны!“
Тутъ точно съ глазъ моихъ покровъ совлекся тлѣнный,

Но Муза мнѣ:—„Молись отъ сердца полноты!
Предъ человѣчествомъ глубоко грѣшенъ ты.

Знай, къ свѣту жизнь его стремится шагомъ твердымъ.
Въ ней страсти разныя звучатъ однимъ аккордомъ.

И слышитъ полноту и мощь его лишь Богъ...
Мысль не проходитъ міръ безъ жертвы и тревогъ,
И зло въ рукѣ Творца есть жезлъ вождя желѣзный,
Вамъ указующій на пропасти и бездны.
Ты человѣчества таинственный удѣлъ
Лишь жизнью смертнаго измѣрить захотѣлъ...
Нѣтъ, поколѣнья въ немъ, событія и люди,
Какъ цвѣтъ одинъ, какъ мысль, какъ вздохъ могучей груди,
Идетъ оно впередъ, безмолвно какъ судьба,
Ступаетъ на цвѣты, ступаетъ на гроба,
Упадшихъ жертвъ въ средѣ своей не замѣчая,
То руша, то творя и каждый мигъ мужая...
Безумецъ, подыми въ веселіи чело!
Въ самомъ въ немъ сила есть, врачующая зло:
Тамъ—грянетъ вдругъ она торжественнымъ ударомъ
Войной, и ужасомъ, и кровью, и пожаромъ;
Здѣсь—всходитъ, какъ заря, въ предызбранныхъ мужахъ
Нерѣдко съ царскою порфирой на плечахъ...
Ты плачешь... То слеза любви и умиленья!..
Но вижу я въ тебѣ еще одно сомнѣнье.
Какъ созерцаньемъ звѣздъ, ты мыслію одной
О человѣчествѣ подавленъ и съ тоской
Ты мыслишь: что же ты въ безграннномъ этомъ морѣ?
Былинка, прахъ, ничто? Что трудъ твой? Слезы, горе?
Изъ малыхъ капель слитъ могучій океанъ:
Такъ съ человѣчествомъ, о, смертный, ты сліянъ!
Ты—часть его, ты—лучъ единаго свѣтила!
Твой жребій съ нимъ одинъ, въ тебѣ одна съ нимъ сила!
Стремися лучшимъ быть, трудись, иди впередъ—
И вѣруй: чистый трудъ во благо всѣхъ идетъ..
И ты, пѣвецъ,—блаженъ, блаженъ, что зналъ страданья!
Ты утвердишь на нихъ души своей созданья!
Терновый путь ведетъ пѣвца до высоты,
Откуда ясенъ міръ—ея достигнулъ ты,
И пусть изъ царства зорь, изъ міра благовоній,
И вѣчной юности, и свѣта, и гармоній,
На землю падаетъ святая пѣснь твоя,
Какъ въ знойный день роса, свѣжащая поля,
Какъ лучшей жизни вѣсть, какъ пѣнье вольной птицы,
Мелькнувшей узнику въ отверстіи темницы.

Блаженствомъ чистыхъ слезъ смягчивъ сердца людей,
Та пѣснь ихъ возродитъ для новыхъ, лучшихъ дней...“

О, рѣчи чудныя!.. И я впивалъ ихъ жадно,
Какъ нива въ засуху впиваетъ дождь отрадный...

Мой жребій просіялъ. Мгновенно новый свѣтъ
Мнѣ разомъ озарилъ событья многихъ лѣтъ...

Какъ шумъ незримыхъ водъ, въ грядущемъ, въ то мгновенье
Почуялъ я тоску и радость вдохновенья...

И полнъ восторга, въ путь я снова поднялся...
И вотъ—они шумятъ, родимые лѣса!

Вотъ старыхъ липъ верхи, и вотъ, меня встрѣчая,
Визжитъ домашній песъ... Вотъ домъ, вотъ мастерская,

И у треножника сидитъ сѣдой старикъ
И пишетъ, прослезясь, Скорбящей Дѣвы ликъ.

Знакомымъ голосомъ встревоженъ, кисть бросаетъ...
Вотъ съ воплемъ мать бѣжитъ, смѣется и рыдаетъ,

И къ сердцу жметъ меня, и шепчетъ въ тишинѣ:
„На горе ты рожденъ... но тѣмъ и милъ ты мнѣ!“

Корветъ „Баянъ“.
1856—1858.

VIII.

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

Гл. IV.

Видѣнье было мнѣ: внезапно небо
Разверзлося, и гласъ, трубѣ подобный,
Подобный шуму многихъ водъ падущихъ,
Мнѣ рекъ: „Взойди сюда и виждь, что̀ будетъ“.
И я узрѣлъ—престолъ. На немъ Сѣдящій
Сіялъ, какъ аспидъ-камень или сардисъ.
И радугой смарагдовой престолъ
Былъ окруженъ, и двадесять четыре
Вокругъ него другихъ престола было,
И двадесять четыре возсѣдало
На оныхъ старца, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ
И со златыми на главахъ вѣнцами.
И отъ престола исходили громы
И молніи, и гласы, и горѣли
Семь огненныхъ свѣтильниковъ предъ нимъ.
И предъ престоломъ было словно море
Стеклянное, и вкругъ него четыре
Животныхъ, испещренныя очами.
И первое—подобно было льву;
Тельцу—другое; третье же имѣло
Ликъ человѣческій, а остальное—
Летящаго орла имѣло видъ.
И по шести они имѣли крылъ,
И день и ночь взывали: „святъ, святъ, святъ
Господь Богъ Вседержитель нынѣ, присно
И во̀ вѣки вѣковъ“. Когда жъ взывали—
Съ своихъ престоловъ поднимались старцы,
И поклонялися, и полагали
Свои вѣнцы передъ большимъ престоломъ,
И говорили: „Ты еси достоинъ,
Господь, пріяти славу, честь и силу,

Бо сотворилъ Ты все и все содержишь,
И волею Твоей все существуетъ".

Гл. V.

И видѣлъ я: Сѣдящій держитъ книгу,
И книга та исписана снаружи
И изнутри. И семь на ней печатей.
И громкимъ гласомъ ангелъ вопросилъ:
„Кто оную открыть достоинъ книгу
И сняти съ оной седмь ея печатей?"
И никого достойныхъ не явилось
Ни на землѣ ни на небѣ, и плакалъ
Я, что достойныхъ нѣтъ ее открыть.
Тогда одинъ изъ старцевъ мнѣ сказалъ:
„Не плачь: се левъ, исшедшій изъ колѣна
Іудина и корени Давида,
Что̀ побѣдилъ,—Онъ разогнути книгу
И сняти седмь ея печатей можетъ".
И я взглянулъ—и видѣлъ: межъ престола
И четырехъ животныхъ и средь старцевъ
Стоитъ какъ бы закланный Агнецъ, седмь
Роговъ и седмь имѣющій очесъ.
Онъ подошелъ, взялъ книгу изъ десницы
Сѣдящаго,—и пали передъ агнцемъ
Животныя и старцы, каждый гусли
Держащіе и золотыя чаши,
Изъ коихъ ѳиміамъ курился (а то были
Святыхъ мольбы). И новую они
Воспѣли пѣснь: „Достоинъ взять Ты книгу
И снять съ нея печати: былъ заклàнъ
И искупилъ Своей насъ кровью, всѣхъ,
Изъ всякаго колѣна и народа,
И племени, и языка, и стали
Мы Господу іереи и цари,
И на землѣ Тобою воцаримся".
И видѣлъ я и слышалъ голосъ многихъ
Окрестъ престола ангеловъ, животныхъ
И старцевъ (ихъ число же бысть тьмы темъ),
И возглашали всѣ: „Достоинъ Агнецъ
Закланный честь пріять, премудрость, силу,
Богатство, славу и благословенье!"
И всякое созданіе на небѣ
И на землѣ, и подъ землей, и въ морѣ,
Вся сущая въ нихъ говорили: „слава

И честь, и крѣпость, и благословенье
Отъ всѣхъ Тебѣ, Сѣдящій на престолѣ,
И Агнцу нынѣ, присно и вовѣки!“
И изрекли животныя: „аминь“,
И двадесять четыре старца пали
И поклонились Сущему вовѣки.

Гл. VI.

И видѣлъ я, что первую печать
Снялъ Агнецъ,—и одно изъ четырехъ
Животныхъ мнѣ сказало громкимъ гласомъ:
„Иди и виждь“. И видѣлъ я: конь бѣлъ.
На ономъ всадникъ держитъ лукъ, и данъ
Ему вѣнецъ, и шелъ какъ побѣдитель,
Чтобъ побѣждать.
Вторую снялъ печать Онъ:
Второе мнѣ животное сказало:
„Иди и виждь!“ И видѣлъ я: конь рыжъ.
На ономъ всадникъ посланъ былъ, чтобъ миръ
Съ земли унесть,—да убіютъ другъ друга.
И данъ ему большой былъ мечъ.
И третью
Онъ снялъ печать, и третье мнѣ сказало
Животное: „иди и виждь“. И—се:
Конь вороной. Держалъ мѣрило всадникъ.
И слышалъ я среди животныхъ голосъ:
„Хеникъ *) пшеницы за динарій. Три
Хеникса ячменя—динарій тоже.
Елея жъ и вина не повреждай“.
Четвертую печать Онъ снялъ, и мнѣ
Четвертое животное сказало:
„Иди и виждь“. И я взглянулъ: конь блѣденъ.
На ономъ всадникъ—Смерть. И цѣлый адъ
За нею шелъ. Ей власть была дана
Надъ четвертью земли, чтобъ умерщвлять
Людей мечомъ, и голодомъ, и моромъ,
И всякими звѣрьми земными.
Снялъ
Онъ пятую печать, и я увидѣлъ
Подъ алтаремъ за слово Божье души
Побитыхъ, возопившія: „Доколѣ,
Святый Владыко Истинный, не судишь

*) Мѣра.

За нашу кровь живущихъ на землѣ!“
И бѣлыя даны имъ были ризы,
И сказано, да почіютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ не примутъ
Такую жъ смерть и тѣмъ число пополнятъ.
Шестую снялъ печать Онъ, и я видѣлъ:
Восколебалася земля. И солнце,
Что̀ вретище, потускло. И луна
Кровавой стала. Звѣзды съ небеси
Посыпались, какъ сорванные вѣтромъ
Незрѣлые плоды со смоковницы,
И небо скрылось, свившися, какъ свитокъ,
Съ великимъ шумомъ. Всякая гора
И островъ сдвинулися съ мѣстъ своихъ,
И всѣ цари земные и вельможи,
Богатые и бѣдные, рабы
И вольные укрылися въ пещеры,
И слезно говорятъ горамъ и камнямъ:
„Разсыпьтеся на насъ вы, горы! Скройте
Насъ отъ лица Сѣдящаго на тронѣ
И гнѣва Агнца! Се грядетъ день страшный,
День гнѣва и суда! Кто устоитъ?“

Гл. VII.

И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ,
На четырехъ концахъ земли стоящихъ
И дéржащихъ земныхъ четыре вѣтра,
И власть имѣвшихъ оными вѣтрами
Морскую хлябь и сушу истязать.
И пятый ангелъ отъ страны восточной
Восшелъ и кликнулъ имъ: „Не повреждайте
Ни древъ, ни травъ, ни моря, ни земли,
Доколь мы на чело рабовъ Господнихъ
Печати не положимъ!..“ И число
Запечатлѣнныхъ слышалъ я: сто сорокъ
Четыре тысячи отъ всѣхъ колѣнъ
Израиля; и сверхъ того, несчетно
Людей изъ всѣхъ племенъ земныхъ стояло
Передъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ вѣтвями отъ пальмъ въ рукахъ.
И восклицали всѣ: „Хвала Тебѣ,
Сѣдящій на престолѣ! Слава Агнцу,
Бо чрезъ Него имѣемъ мы спасенье!“
И ангелы, которые стояли

Вокругъ престола, старцевъ и животныхъ,
На лица пали, поклонясь престолу
Господнему, и изрекли: „Аминь!
Благословеніе, и честь, и слава,
Благодаренье, сила и премудрость,
И крѣпость Богу нашему вовѣки".
И, обратясь ко мнѣ, единъ изъ старцевъ
Спросилъ: „Кто эти въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Откуда изошли?" Я отвѣчалъ:
„Тебѣ знать, господине!" И сказалъ онъ:
„Сіи пришли черезъ велики скорби;
И одѣянія свои омыли
И убѣлили честной кровью Агнца,
Чрезъ то стоятъ передъ престоломъ Божьимъ
И служатъ день и ночь Ему во храмѣ;
И Онъ Собой ихъ, какъ шатромъ, покроетъ;
И ужъ они не взалчутъ и не взжаждутъ;
Не попалитъ ужъ ихъ ни зной ни солнце;
Бо Агнецъ ихъ пасти бездремно будетъ
И на источникъ водъ живыхъ водить,
И всякую слезу сотретъ съ очей ихъ".

Гл. VIII.

Седьмую Агнецъ разломилъ печать—
И сдѣлалось безмолвіе на небѣ
Какъ бы на полчаса. И видѣлъ я:
Семь ангеловъ стоятъ передъ престоломъ,
И имъ дано семь трубъ. И кромѣ ихъ,
У алтаря еще, съ златымъ кадиломъ,
Былъ ангелъ. Ономy данъ ѳиміамъ,
Чтобы его съ молитвами святыхъ
Онъ возложилъ на жертвенникъ Господень.
И дымъ восшелъ отъ жертвенника къ Богу.
Онъ взялъ потомъ кадило и наполнилъ
Огнемъ отъ алтаря, и опрокинулъ,
И въ воздухѣ раздались гласы, громы,
И молніи взвились, и потряслась
Отъ нихъ земля; семь ангеловъ же, трубы
Поднявши, приготовились трубить.
И первый ангелъ вострубилъ—и долу
Палъ градъ и пламя, смѣшанные съ кровью,
И третья часть земли и древъ отъ нихъ
И вся трава зеленая—сгорѣли.
И вострубилъ второй: какъ бы гора

Огнемъ горящая низверглась въ море,
И моря третья часть вдругъ стала кровью,
И третья часть созданій, въ немъ живущихъ,
И третья часть судовъ на немъ—погибли.
И третій ангелъ вострубилъ, и пала
Звѣзда, свѣчѣ подобная, на землю,
На третью часть источниковъ и рѣкъ;
„Полынь“ звѣздѣ сей имя, и полынью
Ихъ воды потекли, и умирали
Всѣ пившіе отъ сихъ прогорклыхъ водъ.
И вострубилъ потомъ четвертый ангелъ,
И третья часть луны, и звѣздъ, и солнца
Затмилась, и отъ дня и ночи свѣту
Убавилось на треть. И видѣлъ я:
По небу ангелъ полетѣлъ, взывая
Къ землѣ: „О, горе, горе, горе всѣмъ
Отъ остальныхъ трехъ трубныхъ голосовъ
Трехъ ангеловъ, имѣющихъ трубить“.

Гл. IX.

И пятый вострубилъ. И видѣлъ я:
Упала съ неба на̀ землю звѣзда.
Ей данъ былъ ключъ, чтобъ кладезь бездны вскрыть;
И вскрылся кладезь бездны, и исшелъ
Изъ оной дымъ, какъ изъ печи, и солнце
И небеса отъ онаго потускли.
И выпала съ тѣмъ дымомъ саранча,
И сказано ей было не вредить
Ни травъ, ни древъ, ни злаковъ,—но людей,
Печатью Бога не запечатлѣнныхъ,
Язвить и жалить, аки скорпіоны,
И мучить ихъ пять мѣсяцевъ, но токмо
Не убивать. И взжаждутъ смерти люди,
Пойдутъ искать ея и не найдутъ...
Та жъ саранча подобна съ виду ко̀нямъ,
На битву снаряженнымъ. Голова
Какъ бы съ златымъ вѣнцомъ. Лицо жъ ея—
Какъ человѣческія лица. Зубы
Подобны львинымъ. Косы какъ у женщинъ.
На тѣлѣ словно какъ стальныя брони,
А шумъ отъ крылъ—какъ стукъ отъ колесницъ,
На брань везомыхъ множествомъ коней;
Хвосты же, какъ у скорпіоновъ, съ жаломъ.
И, яко царь, ее велъ ангелъ бездны,

Зовомый, по-еврейски, Аввадонъ,
По-гречески жъ Аполліонъ (губитель).
Се первое минуло горе. Вслѣдъ
За нимъ грядутъ еще два новыхъ, горшихъ.
Шестой Господень ангелъ вострубилъ.
И я услышалъ громкій гласъ изъ рога,
Единаго изъ четырехъ роговъ,
Которыми снабженъ алтарь былъ Божій.
Онъ ангелу трубившему изрекъ:
„Четыре ангела стоятъ и ждутъ,
Окованные, при рѣкѣ Евфратѣ:
Сними съ нихъ узы“. И разбилъ онъ узы.
И ждавшіе сего часа, и дня,
И мѣсяца, и года устремились
Четыре ангела, чтобъ третью часть
Людей убить. И было двѣ тьмы темъ,—
Сіе число я слышалъ,—съ ними войска.
То были всадники въ горящихъ броняхъ,
Имѣвшихъ цвѣтъ огня, и гіацинта,
И сѣры. Кони жъ съ львиной головой.
Изъ пасти ихъ огонь, и дымъ, и сѣра
Клубами исходили, а хвосты
Кончались змѣями,—и гибли люди
Отъ змѣй и дыма, пламени и сѣры,
И треть изъ нихъ симъ образомъ погибла.
Которые жъ остались и зрѣли
Сіи бичи, пребыли яко слѣпы
И не покаялись въ дѣлахъ своихъ:
И кланялись, попрежнему, бѣсамъ
Серебрянымъ, и золотымъ, и мѣднымъ,
И каменнымъ, и всякимъ истуканамъ,
Руками сотвореннымъ, не могущимъ
Ни видѣти, ни слышать, ни ходить;
И не покаялись въ своихъ убійствахъ,
Ни въ блудѣ, ни въ татьбѣ, ни въ волхвованьи.

Гл. X.

И се, низшелъ еще отъ неба ангелъ...
Какъ облако, его клубились ризы;
Надъ головою радуга блистала;
Лицо жъ, что̀ солнце, у него, а ноги,
Какъ огненные два столба, горѣли;
Въ рукѣ держалъ развернутую книгу;
И правою ногой ступилъ на море,

А лѣвою на землю, и воскликнулъ
Онъ грознымъ гласомъ, какъ рыкаетъ левъ.
Когда жъ воскликнулъ, семь громовъ тогда
По всей вселенной подали свой голосъ.
Когда же громы подали свой голосъ,
Хотѣлъ писать я, но услышалъ съ неба
Гласъ, говорившій: „скрой и не пиши
Того, что̀ седмь громовъ проговорили“.
И ангелъ тотъ, котораго я видѣлъ
Стоящимъ на морѣ и на землѣ,
Воздвигъ десницу на̀ небо, и клялся
Сотворшимъ небо и что̀ въ немъ, и землю
И что̀ на ней, и море и что̀ въ немъ,—
Что времени отсель уже не будетъ...

(1868).

IX.

БАЛЬДУРЪ.

Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды.

I.

Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ,
Вьюги ревъ неистовый и хохотъ...
Лишь на мигъ проглянетъ блѣдный мѣсяцъ
И освѣтитъ мутнымъ свѣтомъ камни,
Между камней вѣковыя ели,
И мелькнетъ, какъ тѣнь, на горномъ гребнѣ
Темный образъ всадника... То Конунгъ,
На пути застигнутъ бурей, ѣдетъ.
Вѣтеръ треплетъ волосы сѣдые,
Рветъ съ могучихъ плечъ медвѣжью шубу:
Конунгъ бури яростной не слышитъ.
Добрый конь идетъ не оступаясь
По корнямъ древеснымъ и по камнямъ;
Для него привыченъ путь пустынный:
Тамъ въ горахъ живетъ маститый старецъ,
А къ нему не только люди,—боги,
Въ видѣ смертныхъ странствуя по свѣту,
На совѣтъ заходятъ и бесѣду.
Мрачны своды въ темномъ подземельѣ.
По изломамъ ихъ идетъ далеко
Съ очага колеблющійся отблескъ.
Вѣщій старецъ и великій Конунгъ
У огня сидятъ въ глубокой думѣ.
Тѣнь отъ нихъ едва дрожитъ на сводахъ.
Сынъ погибъ у Конунга—послѣдній
Изъ троихъ, и съ нимъ погасъ могучій
Гальфовъ родъ, исшедшій отъ Одина.

Девять дней среди пустыхъ чертоговъ
Взаперти сидѣлъ великій Конунгъ.
Наконецъ коня спросилъ и молча
Въ горы къ старцу вѣщему поѣхалъ;
Издали за нимъ слѣдили слуги;
Пышетъ пламя все свѣтлѣй и выше,
Но сидитъ, потупивъ очи, Конунгъ:
И теперь, и дома, и какъ ѣхалъ,
У него повсюду, неотступно,
Атли трупъ безмолвный предъ очами.
Вдругъ возникъ—какъ бы сходящій съ неба—
Лучъ предъ нимъ и тихо проплываетъ,
А въ лучѣ рядъ Конунговъ брадатыхъ,
На верху, далеко—нѣкто свѣтлый,
Ниже—лица Конунгу знакомы:
Прадѣдъ, дѣдъ, отецъ; послѣдній—самъ онъ,
И за нимъ ужъ лучъ какъ бы обрѣзанъ.
Сдвинулись его густыя брови...
Но видѣнье проплыло и скрылось;
Понемногу снова предъ глазами
Атли трупъ безмолвный выступаетъ...
Вотъ изъ тьмы опять выходитъ словно
Поле битвы. Вѣтеръ гонитъ тучи.
Между тучъ просвѣчиваетъ мѣсяцъ.
Дѣвы битвъ, Валкиріи, возводятъ
Падшихъ въ небо: Конунговъ межъ ними
Средній сынъ. Видѣніе сокрылось...
Тьма опять кругомъ; передъ очами
Снова трупъ безмолвный выступаетъ —
Но не Роббертъ, а все тотъ же Атли.
Вотъ изъ тьмы плыветъ блестящій городъ.
Корабли причаливаютъ съ моря.
Приступъ. Люди на стѣнахъ, самъ Конунгъ.
Вдругъ въ глазахъ его валится мертвый
Старшій сынъ... И все опять умчалось.
Снова тьма кругомъ; передъ очами
Трупъ опять безмолвный выступаетъ—
Но не Вилли, а все тотъ же Атли.
Бурный мысъ—скалистый дикій берегъ.
Сонмъ проклятыхъ душъ,—убійцъ и татей,
Бѣдняковъ озлобленныя души,—
Вылетаютъ вдругъ изъ-за ущелій,
Корабли разбрасываютъ, топятъ;
Вотъ самъ Конунгъ—держится за мачту...

Вдругъ волна. Корабль захлеснутъ. Конунгъ
Борется средь пѣнящейся бездны, —
А вверху, надъ нимъ простершій руки,
Необъятный, во все небо, образъ,
Но лица, какъ на тѣни, не видно...
Проплыло видѣніе и скрылось,
Выступаетъ снова тѣло Атли —
Но надъ нимъ остановился образъ
Необъятный, безъ лица и темный,
И схватить руками тѣло хочетъ...
Въ этотъ мигъ заговорилъ вдругъ вѣщій:
„Боги—въ небѣ, въ мірѣ—человѣки,
Въ темномъ адѣ—яростная Гелла;
Надо всѣмъ—Судьба, лица которой
Не видалъ никто во всей вселенной.
Какъ слѣпцы, мы бродимъ въ этомъ мірѣ;
Жребій всѣмъ дается при рожденьи,
И его не только люди, боги
Измѣнить не властны“.
Головою
Покачалъ, не отвѣчая, Конунгъ.
Ужъ огонь на очагѣ слабѣетъ,
И горой лежитъ горячій уголь,
Словно дышитъ золото живое.
И еще длиннѣе и темнѣе
Отъ сидящихъ протянулись тѣни.
„Сынъ былъ у Одина Бальдуръ,—снова
Молвилъ вѣщій старецъ:—тщетно боги,
Тщетно вся вселенная стенала:
Жертву смерть не отдала; и боги
Сами ждутъ судьбы своей покорно“.
Поднялъ Конунгъ противъ воли очи.
„Я тебѣ о Бальдурѣ, о, Конунгъ,
Разскажу“. И—словно міроздавья
Глубина предъ нимъ открылась—вѣщій
Устремилъ въ пространство взоръ и началъ:

II.

„Мракъ былъ въ мірѣ. Вдругъ орлы вскричали,
Съ горъ небесныхъ пролилися воды,
Грянулъ громъ, и свѣтъ въ пространство брызнулъ:
Народился Бальдуръ златокудрый!
Народился и помчался въ небѣ,

Сыпля стрѣлы въ недруговъ бѣгущихъ,
Юный, свѣтлый, въ панцырѣ и шлемѣ,
Въ колесницѣ съ бѣлыми конями.
Кликъ и пѣнье въ воздухѣ раздались,
Восклицали всѣ народы: Слава!
Восклицали боги въ небѣ: Слава!
Слава свѣту родшемуся, слава!
Слава родшимъ—Фриггѣ и Одину!
„Такъ потомъ—на Бальдуровой свадьбѣ
Вдохновитель пѣсенъ, свѣтлый Брагги,
Пѣлъ ему съ заздравнымъ кубкомъ славу.
Да! тогда божественный не думалъ,
Что придется скоро пѣснь иную
Спѣть ему на Бальдуровой тризнѣ...
„Ужъ въ тотъ мигъ, какъ онъ родился, Фригга
Слышитъ—воронъ ворону прокаркалъ:
„Чую, чую, народился Бальдуръ,
Радость въ небѣ, да и пиръ у Геллы“.
У подножья мірового дуба,
У ключа медвянаго, такъ Норны
Въ то же время предрекли Одину:
Вѣкъ недолгій Бальдуру назначенъ;
Онъ умретъ—все въ мірѣ пошатнется,
И настанетъ общее крушенье.
Вдругъ струя медвяная изсякнетъ,
Отъ которой съ каждою зарею
Боги пьютъ и почерпаютъ силу,
Блескъ и юность вѣчную, и крѣпость,
И они внезапно посѣдѣютъ,
А на древѣ жизни свянутъ листья.
Всѣ враги, которыхъ лишь сковавши,
Боги міръ создать могли, возстанутъ.
Лютый Змѣй, на дно морское ими
Вкругъ земли поверженный въ оковахъ,
Встрепенется; пламенемъ и смрадомъ
Небеса наполнитъ, потрясая
И земли и неба твердь, а воды
Отъ его ударовъ расплеснутся
И съ земли, окромѣ горъ, все смоютъ.
Волкъ Фенриръ, которому насилу
Увязали боги пасть—онъ путы
Разорветъ и челюсти раскроетъ,
А когда раскроетъ, то коснется
До земли одной, другой до неба—

А ужъ онъ однимъ льдянымъ дыханьемъ
Убиваетъ все, что̀ встрѣтитъ. Солнце
И луну проглотитъ онъ, и боги—
Кто пойдетъ съ нимъ въ бой, окаменѣетъ;
Свѣтлый Азградъ рушится, и смертный
Мракъ и хладъ вселенную постигнетъ.
„Вотъ что̀ Норны мрачныя сказали
При рожденьи Бальдура Одину,
Отъ чего у міродержца разомъ
На челѣ тогда жъ запечатлѣлись
Двѣ бразды, да такъ ужъ и остались.
Всѣ съ тѣхъ поръ творенія и боги
Устремили къ Бальдуру лишь очи,
И когда задумчивый онъ выйдетъ
Иль совсѣмъ не явится на небо, —
По вселенной трепетъ и смятенье.

III.

„Но о смерти и не думалъ Бальдуръ;
Не давалъ мечу въ ножнахъ заржавѣть,
Сыпалъ щедро золотыя стрѣлы,
Избавляя страны и народы
Отъ чудовищъ, населявшихъ землю.
Неудачу только разъ онъ встрѣтилъ:
„Выѣзжалъ онъ міръ смотрѣть, и видитъ—
Чудные на сѣверѣ чертоги.
Къ золотымъ вратамъ подходитъ дѣва,
Подымаетъ руку, чтобъ щеколду
Отодвинуть, а отъ рукъ внезапно
Воздухъ, воды и весь міръ чудеснымъ
Озарились свѣтомъ,—и на землю
Вдругъ цвѣты посыпались и жемчугъ.
Удержалъ коней невольно Бальдуръ.
На него черезъ плечо взглянувши,
Дѣва словно замерла. Вдругъ слышенъ
Точно звѣря ревъ: бѣжитъ косматый
Великанъ—и закричалъ, затопалъ,
Сталъ грозить на Бальдура, а дѣву
Вмигъ жезломъ серебрянымъ ударилъ,
И она, какъ мертвая, упала.
На плечо ее косматый вскинулъ
И ушелъ съ ней въ горы, тамъ и скрылся:
Бальдуръ отыскать не могъ и слѣду,

Какъ ни бился. Наконецъ ударилъ
По конямъ—и прискакалъ въ Валгаллу.
Пышетъ гнѣвомъ; шлемъ и панцырь сбросилъ,
Заперся въ свой теремъ, повторяя,
Что ему лишь умереть осталось.
„Всполошились боги и послали
Собирать со всей вселенной вѣсти.
И вернулись вѣстники, сказали:
Великанъ тотъ—чародѣй великій,
Побѣжденъ былъ нѣкогда Одиномъ
И ушелъ на сѣверъ; тамъ построилъ
Изо льдовъ дворецъ себѣ чудесный
И сидитъ тамъ, дожидаясь часа.
Дѣва—дочь его. Ей имя Нанна.
И, жезломъ ее ударивъ, старый
Не убилъ, а въ сонъ повергъ глубокій,
И въ горахъ на самую крутую
Положилъ, ту гору вплоть до неба
Окруживъ живымъ огнемъ, какъ тыномъ.
„Другъ за другомъ полетѣли боги
И пытались проскочить сквозь пламя—
Но напрасно! Пламя такъ и воетъ!
То сробѣетъ конь, а то и всадникъ.
Слышитъ Бальдуръ: вдругъ поднялся съ ложа,
Панцырь, шлемъ, и—на коня! И только
Боги въ страхѣ видѣли, какъ пламя
Взволновалось и за нимъ закрылось.
Онъ прорвался.
А прорвавшись, Бальдуръ
Видитъ—теремъ; входитъ—рядъ покоевъ.
Тишина глубокая. Изъ оконъ
Полосами падая, играетъ
На столбахъ хрустальныхъ красный отблескъ.
Вотъ въ послѣднемъ наконецъ покоѣ
Видитъ онъ: въ тяжелой бронѣ, въ шлемѣ,
Спитъ его красавица. Тихонько
Снялъ онъ шлемъ—разсыпалися кудри;
Распоролъ мечомъ ремни на бронѣ—
И открылась грудь дѣвичья; вскрикнулъ—
Тихо очи спящая открыла...
И чрезъ мигъ ужъ съ нею мчался Бальдуръ,
И встрѣчали радостно ихъ боги.
Пиръ вѣнчальный закипѣлъ на славу;
Изъ Валгаллы раздавались громы,

Дождь златой, блистая, падалъ съ неба,
Молодая сыпала на землю
Полной горстью и цвѣты и жемчугъ.
„Вотъ съ тѣхъ поръ и началось то время,
Что̀ потомъ всѣ золотымъ назвали.
Всюду жертвы Бальдуру дымились,
Всюду пѣсни въ честь его гремѣли.
Боги стали даже прорицанье
Забывать,—какъ вдругъ оно возстало
Въ полнотѣ ужасной передъ ними.

IV.

„Утромъ—разъ сошлись они на завтракъ—
Вдругъ вбѣгаетъ Нанна и, въ колѣни
Бросясь къ Фриггѣ, вся въ слезахъ, вскричала:
„Скоро Бальдуръ нашъ умретъ“. Вскочили
Боги съ мѣстъ, едва не расплеснувши
Медъ изъ чашъ своихъ. „Ему приснилось,—
Говорила Нанна,—что въ глубокой
Онъ сидитъ темницѣ; рвется, рвется
И никакъ ужъ вырваться не можетъ.
Хочетъ крикнуть—крику нѣтъ... и началъ
Задыхаться... и еще рванулся—
И глаза открылъ. Вскочилъ. На ложѣ
Весь въ поту сидитъ... Все это—къ смерти!“
Побѣжать хотѣла Фригга къ сыну,
Но Одинъ ей повелѣлъ остаться,
На боговъ кругомъ сурово глянулъ,
Сдѣлалъ знакъ невѣсткѣ и съ ней вмѣстѣ
Вышелъ въ спальню къ Бальдуру. Шептаться
Стали боги, знаками являя,
Что недобрый это сонъ. Вернулся
Царь Одинъ и сѣлъ на тронѣ, молча
И чело нахмуря. Фригга, Герда,
На него взглянувши, испустили
Вопль такой пронзительный и сильный,
Что на полкахъ зазвенѣли чаши.
Вслѣдъ за ними—кто вопить и плакать,
Кто кричать, чтобы унять тревогу,
Кто молить,—но ужъ никто не слушалъ.—
Споръ и крикъ, какихъ и не бывало,
Поднялся въ обители блаженныхъ.
„Но между богами только Локки

Не упалъ одинъ, казалось, духомъ.
Братъ Одину—красотой съ нимъ сходный,
Гордо онъ держалъ себя съ богами,
Помнилъ всѣ ихъ промахи и радъ былъ
Иногда въ ихъ медъ влить каплю яду.
Вѣчно съ новой выдумкой, онъ часто
И вводилъ ихъ въ тяжкія напасти,
И спасалъ порой отъ бѣдъ великихъ.
Между тѣмъ какъ вкругъ его кричали,
Онъ, глазами упершися въ землю
И поднявши плечи, началъ—точно
Самъ съ собою—говорить; лишь послѣ,
Увидавъ, что начинаютъ слушать
И смолкать, къ нему тѣсняся, боги,
Постепенно возвышалъ свой голосъ
И съ обычнымъ говорилъ искусствомъ.
Онъ сказалъ, что, можетъ-быть, напрасны
Всѣ тревоги. Не всегда правдивы
Сны бываютъ. Иногда напротивъ:
Страшный сонъ провозвѣщаетъ радость.
Прорицаньямъ тоже онъ не очень
Довѣряетъ: „Вѣщія тѣ жены
Ужъ давно покоятся въ могилахъ,
А изъ словъ ихъ не сбылось доселѣ
Ничего. Да и откуда можетъ,
Въ самомъ дѣлѣ, быть для насъ опасность?
Тѣ враги, которыхъ мы когда-то
Заковали въ цѣпи,—тѣ не могутъ
Двинуться, пока живъ будетъ Бальдуръ;
Стало-быть, бѣда прійдетъ отъ твари,
Иль отъ насъ, боговъ. Но боги—кто же
На себя подыметъ руки? Твари,—
А отъ тварей взять бы можно клятву,
Чтобъ хранили, какъ зѣницу ока,
Дорогого Бальдура; не смѣли бъ
Повредить ему никакъ, ни ранить,
Ни язвить, ни напускать болѣзни.
Отъ огня, воды, отъ рудъ и камней,
Отъ ехиднъ и змѣевъ, зелій, ядовъ,
Отъ деревъ и травъ, отъ всѣхъ взять клятву,
И дадутъ всѣ, рады будутъ. Бальдуръ
Всѣмъ имъ милъ. Тогда чего жъ бояться?“
„Осторожны были боги съ Локки,
Но при этой рѣчи, видя ясно,

Что коварства нѣтъ въ ней никакого,
Стали духомъ веселѣть. И вправду,
Разсудить нельзя бъ, казалось, лучше!
Локки самъ доволенъ былъ; высоко
Тотчасъ поднялъ голову; а боги
Повторяли дружно: „ай да Локки!“,
И рѣшили тотчасъ же исполнить,
Что̀ сказалъ онъ, и самой же Фриггѣ
Въ міръ пуститься за всеобщей клятвой.
„Фригга, вздѣвъ пернатую сорочку,
Обернулась лебедью и тотчасъ
Въ міръ стрѣлой помчалась изъ Валгаллы.

V.

„Но Одинъ, отецъ и міроздатель,
Изъ собранья, съ золотого трона,
Поднялся, не просвѣтлѣвши ликомъ.
Осѣдлалъ коня онъ и поѣхалъ
Въ темный адъ. Тамъ, близъ чертоговъ Геллы,
Былъ курганъ изъ дикихъ камней сложенъ;
Подъ курганомъ тѣмъ была могила,
А въ могилѣ этой схоронили
Валу, гу изъ вѣщихъ женъ, что̀ много
Мудростью и даромъ прорицанья
Помогла Одину въ о̀но время.
Съ ней теперь онъ пожелалъ бесѣды
И изъ тьмы ее рѣшился вызвать.
„Загремѣло и загрохотало
Вдругъ по темнымъ адскимъ подземельямъ,
Какъ влетѣлъ въ него огнедыша̀щій
И скакалъ по камнямъ конь Одиновъ.
Адскій песъ съ разинутою пастью,
Грудь и шея облитыя кровью,
Ринулся схватить его за горло—
Но тотчасъ же, сшибленный копытомъ,
Съ громкимъ визгомъ покатился наземь.
У могилы богъ остановился
И, съ коня спрыгнувъ, не медля началъ
Вызывать покойницу изъ гроба:
Спѣлъ сперва, какую надо, пѣсню
И сказалъ слова̀; потомъ ударилъ
По землѣ жезломъ, на сѣверъ глядя,
И трикраты, громко крикнувъ: „Вала!“,

Повелѣлъ возстать ей изъ могилы.
Изъ могилы поднялася Вала.
И о томъ, что̀ ими говорилось,
Такъ въ старинныхъ сказываютъ пѣсняхъ.

ВАЛА.

Кто дерзнулъ мой вѣчный сонъ нарушить?
Много лѣтъ въ землѣ сырой лежу я.
Надо мною бушевали вьюги,
Дождь мочилъ, роса меня кропила.
Я мертва была. Кто ты? Что̀ надо?

„Кто онъ—скрыть хотѣлося Одину,
Онъ назвался смертнымъ человѣкомъ.

ОДИНЪ.

Смертный я—и странствую по свѣту.
Я—свѣтъ бѣлый, ты—міръ темный знаешь.
Для кого жъ, о, вѣщая изъ вѣщихъ,
Разскажи, у васъ въ подземномъ царствѣ
И скамью и ложе золотое,
Кольцами украшенныя, ставятъ?

ВАЛА.

Въ чашѣ медъ кипитъ, щитомъ покрытый,—
Бальдуръ будетъ пить. Скамьи и ложе
Для него жъ. Но прекрати разспросы,
Страшныя ты спрашиваешь тайны.
Поневолѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

Погоди, скажи еще мнѣ, Вала!
Знать еще хочу я: кто изъ смертныхъ,
Кто лишитъ наслѣдника Одина?
Отъ кого погибнетъ свѣтлый Бальдуръ?

ВАЛА.

Годръ слѣпой—не смертный. Онъ откроетъ
Къ адской Геллѣ Свѣтлому дорогу.
Страшныя ты спрашиваешь тайны.
Поневолѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

Погоди, скажи еще мнѣ, Вала,
Я желаю знать: не отомщеннымъ
Бальдуръ быть не можетъ. Мстить кто будетъ?

ВАЛА.

У Одина будетъ сынъ отъ Ринды.
Онъ волосъ чесать, мыть рукъ не будетъ,
Не отмстивъ виновному. Довольно.
Поневолѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

Погоди, еще скажи мнѣ, Вала!
Я еще желаю знать: какъ имя
Той жены, что̀ не захочетъ плакать,
Какъ по Бальдурѣ всѣ плакать будутъ,
И покрова съ головы не сниметъ?
Прежде чѣмъ заснуть опять—скажи мнѣ.

ВАЛА.

Ты все знаешь самъ, давно я вижу,
Но желалъ бы лучше ошибиться,
Чѣмъ все знать. Одинъ, отецъ вселенной!
Удались—и можешь похвалиться,
Что меня не вызоветъ изъ мрака
Съ сей поры уже никто,—до часа,
Какъ прійдетъ всемірное крушенье.

„И въ могилу опустилась Вала.
Ускакалъ Одинъ еще мрачнѣе.
Такъ въ старинныхъ говорится пѣсняхъ.

VI.

„Фригга, взявъ отъ всѣхъ твореній клятву,
Чтобъ не ранить Бальдура ни въ сердце,
Ни въ сырую кость, ни въ ясны очи,
Ни во все живое бѣло тѣло;
Чтобъ хранить его отъ всякой боли,
Всякой скорби, всяческой напасти,
Воротилась въ Азградъ, и всѣ богп
Были рады, высыпали на̀ лугъ—
Съ Бальдуромъ играть и забавляться.
Всѣ кругомъ красавца обступили,
И давай метать въ него, кто стрѣлы,
Кто каменья; съ копьями, съ мечами
Нападали на него съ разбѣгу;
Но каменья, стрѣлы мчались мимо,
Копья и мечи по немъ скользили,
И стоялъ въ кругу неуязвимый
И еще свѣтлѣй, чѣмъ прежде, Бальдуръ.

Боги шумно радовались, глядя;
У богинь вокругъ счастливой Фригги,
Издали слѣдившей за игрою,
Былъ и смѣхъ и говоръ; только Нанна
Не могла смѣяться и сидѣла,
Точно лань пугливая, тревожно
Провожая взоромъ каждый камень
И стрѣлу, что̀ въ Бальдура летѣли.
Отовсюду восхваленья Локки
Раздавались у боговъ; но Локки,
Одержимъ какой-то новой мыслью,
Устремилъ орлиный взглядъ на Фриггу;
Улучивъ минуту, вдругъ онъ принялъ
Образъ старой Фриггиной служанки
И подсѣлъ къ ней, межъ богинь пробравшись.
„Отчего, владычица,—спросилъ онъ,—
Отчего такъ разыгрались боги?“
Улыбаясь, отвѣчала Фригга:
„Тѣшитъ ихъ, что нашъ красавецъ Бальдуръ
Сталъ теперь неуязвимъ ни стрѣламъ,
Ни каменьямъ, ничему на свѣтѣ.
Я взяла со всѣхъ твореній клятву,
Что вредить ему никто не будетъ“.
—„Да отъ всѣхъ ли отбрала ты клятву,
И кого, смотри, не позабыла ль?“
—„Всѣ клялися!—отвѣчала Фригга,—
Развѣ только у воротъ Валгаллы
Мелкій есть кустарникъ—можжевельникъ,
Ну, да онъ такъ малъ и такъ незначащъ,—
Чѣмъ, кому онъ можетъ быть опасенъ?
Что̀ съ него, я думала, брать клятву!
А то всѣ—и дубъ и кедръ клялися!“
„Локки тотчасъ изъ воротъ Валгаллы;
Можжевельникъ срѣзалъ, сдѣлалъ стрѣлку,
И—назадъ. Стоялъ вдали отъ прочихъ
Годръ и не игралъ съ богами: слѣпъ былъ.
—„Что̀ жъ ты,—крикнулъ Локки,—не стрѣляешь?“
—„Я, увы! и Бальдура не вижу,—
Отвѣчалъ слѣпой со вздохомъ,—гдѣ мнѣ!“
Локки жъ:—„Эхъ, на радости попробуй,
Только такъ, хоть для одной потѣхи!
Вотъ стрѣла и лукъ, и вонъ гдѣ Бальдуръ,
Становись, а я стрѣлу направлю“.
Боги, видя Годра тоже съ лукомъ,

Вкругъ него столпилися, смѣяся.
Бальдуръ самъ слѣпому улыбался
И къ нему оборотился грудью.
Локки Годру помогалъ прицѣлить;
И взвилась стрѣла и полетѣла—
Прямо въ сердце Бальдуру: шатнулся
И на землю палъ онъ мертвый. Нанна
Въ то жъ мгновенье бросилася къ мужу
И со страшнымъ, но короткимъ крикомъ
Замертво упала на супруга.
Прибѣжали боги, смотрятъ, кличутъ,
Трогаютъ то Бальдура, то Нанну,—
Оба мертвы!.. Сами словно въ камни
Обратились, и стоятъ—не въ силахъ
Молвить слова, блѣдными зрачками
Упершись другъ другу очи въ очи.
Годръ—убійца—онъ за слѣпотою
Не видалъ, не понималъ, что̀ сдѣлалъ,
И стоялъ вдали отъ всѣхъ. Какъ только
Первый ужасъ отошелъ, рыданьемъ
Неудержнымъ разразились боги.
Самъ отецъ Одинъ, хоть зналъ, что̀ будетъ,
Но, когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всѣхъ провидя,
Сколько зла отъ Бальдуровой смерти
И богамъ и людямъ приключится.
Фригга—та не вѣрила, что Бальдуръ
Навсегда отъ нихъ сокрылся: Гелла
Возвратитъ его, не сомнѣвалась,
И къ богамъ не медля обратилась:
„Кто-нибудь скорѣй ступайте къ Геллѣ,
И какой угодно будетъ выкупъ,
Я, скажите, дамъ ей; только бъ тотчасъ
Отпустила Бальдура на небо“.

„Сынъ Одиновъ, Гермодъ быстроногій
Побѣжалъ на вызовъ и въ минуту
На конѣ отцовскомъ въ адъ ужъ мчался.

VII.

„Боги жъ тѣло Бальдурово взяли
И снесли на берегъ синя-моря.
Срубленъ былъ корабль и въ море сдвинутъ,
И на немъ костеръ устроенъ. Тѣло

На костеръ возложено. И Нанну
Тоже подлѣ мужа положили.
Привели коня покойникова, тоже
На костеръ возвесть, и всѣ при этомъ
Залилися новыми слезами.
Сто рабовъ и сто рабынь убитыхъ
На костеръ уложено; оружье
И монеты, кольца, все какъ должно;
Домочадцы, слуги и служанки
Пѣли пѣсни жалостныя, слезно
Причитали. Наконецъ, когда ужъ
Все готово было, громовержецъ
Торъ свой молотъ всеразящій бросилъ—
Грянулъ громъ и молнія сверкнула,
И костеръ мгновенно объялъ пламень,
И корабль, пылая, поплылъ въ море.
Вслѣдъ за нимъ по воздуху громадный
Потянулся похоронный поѣздъ.
„Похоронъ такихъ ужъ не бывало
Ни потомъ ни прежде, и не будетъ!
Всѣ на нихъ присутствовали боги.
Былъ Одинъ на колесницѣ съ Фриггой:
Впереди—орелъ, простерши крылья;
За орломъ неслися съ воемъ волки;
Надъ главою вороны кружились,
А вокругъ блестящей колесницы,
На воздушныхъ коняхъ, въ свѣтлыхъ латахъ,
Дѣвы битвъ, Валкиріи; за ними,
Тоже всѣ въ блистающихъ доспѣхахъ,
Безконечнымъ полчищемъ герои,
Съ поля битвъ восшедшіе на небо.
Въ колесницѣ тоже, запряженной
Кабаномъ, красавецъ Фрейръ и Герда,
На козлахъ золоторогихъ дальше
Ѣхалъ Торъ, на плечи вскинувъ молотъ;
Тамъ—другіе боги и богини,
На оленяхъ, лебедяхъ и рысяхъ;
А за ними карлы, великаны,
Духи въ видѣ чудищъ и драконовъ—
Безъ конца тянулся пышный поѣздъ.
Изъ боговъ тамъ не былъ только Локки
Онъ—когда свалился Бальдуръ мертвый,
Испугался больше всѣхъ: руками
Ухватившись за голову, мигомъ

Убѣжалъ изъ Азграда. По правдѣ
И не думалъ онъ, что все такъ выйдетъ,
И, когда его хватились боги,
Онъ, дрожа, сидѣлъ ужъ въ самыхъ темныхъ,
Въ самыхъ страшныхъ пропастяхъ подземныхъ.

VIII.

„Гѐрмодъ въ адъ спускался девять сутокъ
По глубокимъ рытвинамъ, во мракѣ.
И достигъ до адской онъ рѣшетки.
Тамъ увидѣлъ: блѣдный свѣтъ, палата,
Длинный столъ, и на почетномъ мѣстѣ
Между тѣней Бальдуръ возсѣдаетъ.
Обратился Гѐрмодъ съ просьбой къ Геллѣ:
„Отпусти ты брата снова въ небо;
Всѣ о немъ жестоко плачутъ боги
И какой угодно предлагаютъ
За него тебѣ богатый выкупъ“.
Отвѣчала адская богиня:
—„Отпущу, пожалуй, но съ условьемъ:
Если всѣ, что̀ только есть на свѣтѣ,
Существа по Бальдурѣ заплачутъ,
Бальдуръ въ небо снова возвратится.
Если жъ нѣтъ, и хоть одинъ найдется,
Кто о немъ не будетъ плакать, Бальдуръ
Никогда на свѣтъ уже не выйдетъ“.

IX.

„Воротился Гѐрмодъ снова въ Азградъ
И привезъ отвѣтъ свирѣпой Геллы.
Какъ отвѣтъ тотъ услыхала Фригга,
Призываетъ тотчасъ буйныхъ Вѣтровъ,
Говоритъ имъ: „Полетите, Вѣтры,
Вы во всѣ концы по бѣлу-свѣту
И скажите всякой божьей твари,
Синю-морю, мѣсяцу и звѣздамъ,
Темну лѣсу, всякой мелкой пташкѣ,
И большимъ звѣрямъ, и человѣкамъ,
Что скончался Бальдуръ, молъ, пресвѣтлый,
Чтобъ молили, да отпуститъ Гелла
Всѣмъ опять его на радость въ небо“.
Понеслись по бѣлу-свѣту Вѣтры,
Съ лютой вѣстью каждой божьей твари,—
И поднялся стонъ со всей вселенной:

Взвыли Вѣтры, море заревѣло,
И лѣса завыли, заскрипѣли,
Люди, звѣри, у кого есть голосъ,
Возопили; у безгласной твари жъ,
У металловъ, и у горъ и камней,
Слезы вдругъ безмолвныя, такія,
Какъ весной ліютъ они, встрѣчая
Послѣ хлада и мороза солнце
(Но тогда на радость, тутъ отъ скорби),
Потекли обильными струями...
Но была въ горѣ одна пещера.
Тамъ, покровъ свой бѣлый не скидая
Никогда, сидѣла великанша
(Нѣкогда она царила въ мірѣ,
Но была побѣждена Одиномъ
И въ пещерѣ темной укрывалась):
Та на слово вѣстниковъ небесныхъ
Изъ скалы угрюмо отвѣчала:
„Я съ сухими развѣ лишь глазами
О красавцѣ Бальдурѣ заплачу:
Будь онъ живъ иль мертвъ,—онъ мнѣ не нуженъ!
Пусть его сидитъ себѣ у Геллы!“

Такъ у Геллы и остался Бальдуръ“.

X.

Кончилъ вѣщій старецъ. Слушалъ Конунгъ
И еще поникъ главою ниже.
Сквозь золу едва мерцали угли.
Въ забытьѣ склонился вѣщій старецъ.
Поутру открылъ онъ очи: Конунгъ
Такъ же все сидитъ на томъ же мѣстѣ;
Чуть свалилась съ плечъ медвѣжья шуба,
Блѣдный лучъ скользилъ кой-гдѣ по складкамъ
Золотой истершейся одежды,
Освѣщая грозный обликъ, съ длинной
Бородой, съ нависшей бровью. Конунгъ
Былъ ужъ мертвъ. Судьбы его свершились.

1870.

X.

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ.

Въ Неаполѣ,—когда еще Неаполь
Былъ самъ собой, былъ раемъ ладзароновъ—
Философовъ и практиковъ-бандитовъ,
Бандитовъ всякихъ—рѣжущихъ, казнящихъ,
Съ тонзурою иль безъ тонзуры,—въ этомъ
Неаполѣ временъ минувшихъ жилъ
Чудесный карликъ... Маленькій, горбатый,
Со львиною огромной головой
И съ ножками и ручками ребенка.
Онъ былъ похожъ какъ разъ на мальчугана
Въ комической, большой античной маскѣ:
Такихъ фигуръ въ помпейскихъ фрескахъ много.
Его мама и померла отъ горя,
Въ уродствѣ сына видя наказанье
Господне „за грѣхи отцовъ“... Отецъ же—
Онъ былъ мудрецъ съ вольтеровскимъ оттѣнкомъ,
Хоть волею судебъ и занимался
Сомнительной профессіей (знакомилъ
Онъ съ красотой живой Партенопеи
Пріѣзжихъ иностранцевъ)—онъ объ сынѣ
Судилъ не такъ. Онъ говорилъ, что эта
Наружность—даръ фортуны: Пеппо съ нею
Навѣрно будетъ первымъ майордомомъ
У герцоговъ, пажомъ у короля
И комнатной игрушкой королевы.
Онъ такъ и умеръ въ этомъ убѣжденьи.
Но не сбылось пророчество: бѣдняга
Не въ практика-родителя сложился.
Кормился переписываньемъ ролей,
Былъ вхожъ въ театръ чрезъ это, за кулисы,
А весь свой день сидѣлъ въ библіотекѣ.

И что прочелъ онъ — Богу лишь извѣстно,
Равно какъ то, чего бы не прочелъ онъ!
Все изучалъ: историковъ, поэтовъ,
Особенно жъ—трагическій театръ
Италіи. Душой онъ погрузился
Въ міръ Клеопатръ, Ассуровъ, Митридатовъ,
И этихъ-то сценическихъ гигантовъ
Размахъ усвоилъ, страсть, величье, паѳосъ;
Онъ глубоко прочувствовалъ, продумалъ
Всѣ положенья, всѣ движенья сердца,
Весь смыслъ, всю суть трагедіи постигъ,—
Такъ что, когда, въ кругу своихъ кліентовъ,
Оборванныхъ такихъ же бѣдняковъ,
Читалъ онъ,—эти всѣ гиганты
Все становились меньше, меньше,—но
Зато росло въ размѣрахъ колоссальныхъ
Одно лицо,—безъ образа и вида
И безъ рѣчей,—которое безмолвно,
Неудержимо, холодно ихъ губитъ,
И что въ трагедіи зовется Рокомъ.
И этому безличному Молоху —
Какъ говорилъ одинъ аббатъ, любившій
Его послушать—Пеппо особливо
Сочувствовалъ. Аббатъ въ восторгѣ
Говаривалъ не разъ: „ты, caro mio,
Навѣрно былъ бы величайшимъ въ мірѣ
Трагическимъ актеромъ, если бъ только
Въ размѣрахъ былъ обыкновенныхъ созданъ,
Безъ важныхъ недостатковъ и излишествъ;
При этихъ же особенностяхъ,—годенъ
Не болѣе, какъ къ роли—Пульчинелля“.

Что жъ дѣлать! Бѣдность и—пожалуй—жажда,
Какъ говорилъ онъ, сцены и подмостковъ,
Его судьбу рѣшили,—и Неаполь
Въ немъ пріобрѣлъ такого Пульчинелля,
Какихъ еще не видывалъ отъ вѣка!
Въ театрѣ—давка. Ѣздитъ знать и дворъ.
Тройныя цѣны. Импрессарій — пляшетъ,
И въ городѣ лишь рѣчь—о Пульчинеллѣ.
Такого смѣха у своихъ подножій
Не слыхивалъ, конечно, ужъ Везувій
Съ тѣхъ самыхъ дней, какъ вѣчною угрозой
Надъ городомъ онъ сталъ и повторяетъ

Ежеминутно людямъ: „веселитесь
И смѣйтеся, пока даю вамъ время!“

А тайна смѣха вотъ въ чемъ заключалась:
Пеппино никогда смѣшить не думалъ!
И въ колпакѣ дурацкомъ Пульчинелля
Все такъ же роль свою игралъ серьезно,
Какъ будто роль Аякса иль Ахилла.
Онъ бросилъ фарсъ, далъ душу Пульчинеллю
(Къ тому же былъ импровизаторъ чудный
И въ роль вставлялъ горячія тирады,
Высокаго исполненныя чувства,
И паѳоса, и образовъ гигантскихъ,
Достойныхъ кисти лишь Микель-Анджело!),
Онъ искренъ былъ, язвителенъ, былъ страстенъ,—
Но это все—при страшной образинѣ,
При заплетавшихся кривыхъ ногахъ,
При маленькихъ ручонкахъ, при горбѣ—
Въ партерѣ вызывало—взрывы смѣха!
Онъ забывалъ себя, весь отдавался
Потоку чувствъ и вдохновенной мысли,
И ожидалъ въ отвѣтъ восторга, слезъ,
Всеобщаго, быть-можетъ, покаянья,—
А тутъ дурацкій смѣхъ, шальные крики!
Полиція—и та не возмущалась,
Когда вѣщалъ онъ въ пламенныхъ стихахъ
О благородствѣ, о „святой“ свободѣ!
Бывало, съ грустью, съ жалостью онъ смотритъ
Въ партеръ, какъ въ пропасть съ тысячами гадовъ
Хохочущихъ—и эта грусть и жалость
Такою въ немъ гримасой выражалась,
Что кликъ и смѣхъ въ партерѣ удвоялся...
Не выдержитъ, и кинется онъ къ рампѣ,
И въ ярости грозить начнетъ, ругаться:
„О! пошлости клокочущая бездна!
Чудовища! Нѣтъ! я бъ свое уродство
Не промѣнялъ на ваше“,—онъ кричитъ,—
И—пуще смѣхъ!.. Тогда, на зло глупцамъ—
Онъ пустится кувыркаться и прыгать,
И ужъ конца рукоплесканьямъ нѣту!
А упадетъ лишь занавѣсъ—директоръ
Его въ объятья: „Такъ, maestro, такъ!
Ругайте ихъ и плачьте! плачьте больше!
Тѣмъ лучше: сборъ—невѣроятный! Мы—

Мы мильонеры будемъ!“ Не успѣетъ
Директору въ лицо онъ кинуть: „porco!“—
Какъ сотни рукъ его ужъ подымаютъ,
И какъ онъ тамъ ни бейся, ни лягайся,
А съ пѣснями, при факелахъ, несутъ
Его до самой до его локанды,
Гдѣ наконецъ, освободясь отъ плѣна,
На бѣдное бросается онъ ложе
И горячо и горько, горько плачетъ!

Неаполь былъ въ восторгѣ. Говорятъ,
Изъ инквизиціи тихонько члены
Въ закрытыхъ ложахъ хаживали часто
Имъ любоваться и, какъ всѣ, смѣялись
Отъ сердца, самымъ добродушнымъ смѣхомъ.
Но онъ—кумиръ толпы и божество—
Въ душѣ возненавидѣлъ и Неаполь
И сцену, и давно бъ ее оставилъ,
Когда бъ она ему не доставляла
Возможности—въ глаза ругать толпу,
Твердить и повторять ей, что она
Одно лишь понимаетъ, поглощаетъ
И обожаетъ—это макароны!..
Такъ говорилъ онъ самъ; а впрочемъ
Еще былъ узелъ тайный, но могучій,
Его привязывавшій къ сценѣ,—это
Прелестная, какъ ангелъ—Коломбина,
Прекрасный тоже, истинный талантъ.
Онъ эту Коломбину и сыскалъ
Въ Санъ-Карло, межъ простыхъ статистокъ, взялъ
И сталъ учить, образовалъ и, словомъ,
Какъ говорится, создалъ. Коломбина
По временамъ одна не замѣчала
Его уродства: чудныя мгновенья!..
Она—полулежитъ на оттоманкѣ,
А онъ читаетъ: комната, помалу
Въ чертогъ преобразуясь, наполнялась
Героями, царицами, царями;
Стихійное иль божеское нѣчто
Блистаетъ въ нихъ величьемъ колоссальнымъ
Надъ сумракомъ обыкновенной жизни;
И вдругъ средь этихъ исполинскихъ силъ
Послышится ей родственное что-то—
Любовь, какъ голубь, рѣющій надъ бездной...

У ней отъ страха сердце замираетъ,
Она глядитъ и, точно въ лихорадкѣ
Слѣдя за нимъ, чтеца уже не видитъ...
И лишь когда онъ кончитъ,—понемногу
Разсѣется блистательный миражъ,
Уйдетъ страстей клокочущее море;
И вмѣсто блеска, красоты, величья,
Она увидитъ вдругъ передъ собой,
Какъ будто этимъ кинутаго моремъ,
Какого-то нелѣпѣйшаго карлу—
Тогда изъ устъ ея—какъ будто бы со скорбью
И сожалѣньемъ—вырвется невольно:
„Ахъ, Пеппо, для чего такой ты гадкій!“

— „Рокъ“—отвѣчаетъ онъ.

Да! страшный рокъ!
Онъ чувствовалъ, что, разъ не удержись,
А отъ себя, отъ своего лица
Скажи свое живое чувство,—въ страхѣ
И омерзеньи вскрикнетъ Коломбина
И отъ него отпрянетъ, какъ отъ гада!
Онъ понялъ, что, совсѣмъ лишь стушевавшись,
Могъ быть при ней,—и сдѣлался ей, точно,
Необходимъ: наставникомъ былъ, другомъ,
Былъ чичисбеемъ, шаль за ней носилъ,
По порученьямъ бѣгалъ; даже больше,
Служилъ ей горничной—при туалетѣ
Присутствовалъ, затягивалъ корсетъ,
Ей обувалъ изящнѣйшую ножку,
Сносилъ ея мигрень, капризы, словомъ
Былъ для нея онъ тѣмъ же, чѣмъ Неаполь
И импрессаріи для него, и также бъ
Могъ звать ее онъ „злою Коломбиной“,
Какъ называли всѣ его „злымъ карлой“;
Въ него летали точно такъ же вѣеръ
И башмаки, какъ отъ него каменья
На улицѣ, или слова на сценѣ—
Такія, что иного стоятъ камня!
И отъ нея онъ все переносилъ
Съ покорностью, чуть-чуть не съ наслажденьемъ,—
Такъ наконецъ, что всѣ его страданья
По сценѣ—отошли на задній планъ.
Перенести не могъ онъ одного—
Одной фантазіи своей царицы,

И всѣ вражды свои сосредоточилъ
На арлекинѣ. Этотъ арлекинъ
Былъ—тѣмъ же рокомъ!—одаренъ красивой
Наружностью, небрежностью изящной,
Къ артисту такъ идущей, и всегдашнимъ
Высокимъ мнѣньемъ о своей особѣ.
Всѣ женщины по немъ съ ума сходили:
Изъ-за него маркизы, герцогини
Дрались, чтобъ съ нимъ въ блестящемъ фаэтонѣ
По Кьяйѣ прокатиться... Это, впрочемъ,
Все бъ ничего! Но этотъ херувимъ
И видѣлся и снился Коломбинѣ!
Напрасно ей твердитъ несчастный карло,
Что арлекинъ—бездарный фатъ, хвастунъ,
Глупъ—колоссально-глупъ!.. „Ты лишь послушай,
Какъ онъ поетъ! Гдѣ ставитъ ударенья?
О, ужасъ! на предлогахъ и союзахъ!
Не ясно ли, что у него нѣтъ сердца!
Что льнетъ къ тебѣ онъ, diva, потому,
Что отъ тебя Неаполь безъ ума,
Что ты—царица въ немъ, и что готовы
Мильонныя разстроить состоянья
Съ тобою дуки, нобили, банкиры“.
Все тщетно! Страсть ей не даетъ покоя!
Его не слушаютъ; ему велятъ,
Какъ тѣнь, вездѣ слѣдить за арлекиномъ
Ей доносить, гдѣ былъ онъ, что̀ онъ дѣлалъ,
Съ кѣмъ говорилъ, устраивать имъ встрѣчи
И третьимъ быть лицомъ при этихъ встрѣчахъ!
Ахъ! Это время жилъ онъ постоянно
Подъ страхомъ бури... Если онъ, бывало,
Недобрыя къ ней вѣсти принесетъ,—
„Ты лжешь, ты лжешь!—кричала Коломбина:—
Вы всѣ противъ меня, уроды, черти!
Я задушу, чудовище, тебя!
Прочь съ глазъ моихъ!“—и diva, какъ тигрица,
Кидается на Пеппо. „Вонъ, бездѣльникъ!“
За нимъ бѣгутъ, выталкиваютъ въ двери
И съ лѣстницы бросаютъ въ спину туфлю...
Онъ, впрочемъ, зналъ, внизу стоялъ въ портонѣ,
Зналъ, что за нимъ пошлютъ,—и появлялся:
Мракъ въ комнатѣ; лежитъ въ постели diva,
Готовая сейчасъ же умереть
Въ жестокихъ спазмахъ: стоны и рыданья;

„Вотъ,—говорятъ ему,—ты до чего
Меня доводишь, каменное сердце!“
И какъ собака, чувствуя провинокъ,
Къ хозяину ползетъ, вертя хвостомъ
И голову понуря, пробирался
Онъ къ ней тихонько и просилъ прощенья,
Садился на скамейку, утѣшалъ,
Молилъ ее на жизнь не покушаться,
Оправдывалъ невѣрнаго и клялся,
Что самъ онъ лгалъ, что онъ всему виною,
Что онъ сейчасъ пойдетъ за нимъ, отыщетъ
И приведетъ... И diva возвращалась
Къ сознанію... рыданья утихали,
Къ нему протягивалась ручка... онъ
Бѣжалъ искать красавца, приводилъ—
И diva ихъ встрѣчала—ужъ здорова,
Кокетливо одѣта и красою
Сіяя, точно солнце послѣ бури,—
И Пеппо долженъ былъ сіять съ ней вмѣстѣ.

Былъ, наконецъ, и день назначенъ свадьбы,
Вся труппа въ ней участье принимала.
Все, что̀ смѣшитъ Неаполь—все смѣялось;
Но Пульчинелль былъ самымъ шумнымъ гостемъ.
За молодыхъ пилъ тосты, сочинилъ
И прочиталъ имъ въ честь эпиталаму,
Смѣялся, но—съ гостями уходя,
Отъ нихъ скользнулъ въ какой-то переулокъ,
Направо шелъ, налѣво, какъ, куда—
Не думая, не видя въ темнотѣ,
И вышелъ вдругъ къ клокочущему морю.
И тамъ, у шумныхъ волнъ остановился...
Что̀ дѣлалъ тамъ онъ?—то, буквально, мракомъ
Покрыто: ночь темна была, какъ гробъ.
Во мракѣ слышенъ былъ лишь грохотъ моря;
Изъ Африки дулъ раскаленный вѣтеръ,
И словно тысячи бѣсовъ иль фурій
Рвались въ дома, деревья гнули, выли,
И на подмогу имъ изъ нѣдръ земли
Изъ кратера Везувія летѣли
Въ фонтанѣ пламени и въ клубахъ дыма
Безчисленныя демонскія силы...
Вкругъ ладзарони въ ужасѣ бѣжали
Съ своихъ ночлеговъ, по всему побережью,

И долго помнили объ адской ночи,
Notte d'inferno: слышались имъ стоны
И страшныя проклятья въ ревѣ бури,
Ихъ сохранило только заступленье
Пречистой Дѣвы... Что же дѣлалъ Пеппо—
Тамъ на террасѣ, выходящей въ море?
Онъ никогда и самъ не могъ сказать...
Какъ будто духъ его тогда носился
Въ пространствѣ, въ этихъ африканскихъ вихряхъ
И землю разорвать хотѣлъ и море,
И только къ утру въ маленькое тѣло
Вернулся и взглянулъ вокругъ себя.—
А вкругъ ладьи разбитыя лежатъ,
И травъ морскихъ по необсохшимъ камнямъ
И на сыромъ пескѣ торчатъ лохмотья.
Стихаетъ море. Съ сѣвера прохладой,
Исполненной благоуханій чудныхъ
Съ полей и виллъ цвѣтущихъ Позилиппа,
Повѣяло, и серебристой дымкой
Подернулися городъ, даль и небо.

Когда подъ крикъ ословъ и продавцовъ
Неаполь пробудился и пилъ кофе—
Смѣющійся явился съ поздравленьемъ
Къ счастливой Коломбинѣ первый—Пеппо,
Съ огромнѣйшимъ букетомъ. День прошелъ
Какъ праздникъ. Были гости. На обѣдъ
Поѣхали на Капри. Пеппо точно
Торжествовалъ великую побѣду...
Потомъ все потекло своимъ порядкомъ,
Какъ прежде. Онъ для Коломбины сталъ,
Пожалуй, что еще нужнѣе въ трудныхъ
Заботахъ по хозяйству и по мужу;
Онъ у нея дѣтей крестилъ и няньчилъ...
Но, какъ ни бился, счастья милой донны
Создать не могъ: худѣла все, худѣла
И наконецъ совсѣмъ она слегла.
Не ладно велъ себя ея супругъ.
Остепениться онъ не могъ и въ бракѣ
Не видѣлъ узъ для вѣтренаго сердца.
Почти и не жилъ дома. При больной
Безвыходно сидѣлъ лишь Пульчинелль...
Разъ ночью стало ей ужъ очень худо.
Съ усильемъ обратясь къ нему, она

Сказала: „Ты дѣтей моихъ не кинешь?“,
И руку подала, и улыбнулась...
Да! улыбнулась такъ она ему,
Какъ никогда! Быть-можетъ, началò
У ней въ глазахъ уже мутиться зрѣнье,
И ужъ не карло—нѣтъ! его душа
Ея очамъ духовнымъ предстояла—
И бѣдный Пеппо чуть не задохнулся
Отъ счастья... Но—о, Боже!.. вотъ ея рука
Въ его рукѣ хладѣетъ... взоръ недвиженъ...
Молчаніе... онъ ждетъ... она ни слова...
Свѣтъ лампы такъ лежитъ спокойно, тихо
На матовомъ лицѣ... не шевельнется
Ни волосокъ, ни локонъ въ безпорядкѣ
Разсыпавшихся на подушкѣ косъ...
Проворно пульсъ онъ щупаетъ; подноситъ
Къ устамъ ей зеркало... дыханья нѣтъ!
И нѣтъ сомнѣнья больше! Коломбина,
Жизнь, слава, божество его—скончалась!
И онъ вскочилъ, какъ бѣшеный. Свирѣпый
Какой-то вопль изъ груди испустилъ,
И бросился направо и налѣво
Все опрокидывать, все разбивать,
Все—канделябры, зеркала, сервизы,
И наконецъ среди опустошенья
Остановился передъ хладнымъ трупомъ
И, заломивъ въ отчаяніи руки,
Вдругъ прокричалъ: „Какъ я тебя любилъ!“,
И тутъ, въ ногахъ же у ея постели,
Упалъ безъ чувствъ—и найденъ былъ ужъ мертвымъ.

Неаполь плакалъ, но потомъ помалу
Всѣ успокоились, когда наука
Рѣшила, что скончались: Коломбина—
Отъ „phthisis“, онъ же—отъ „ruptura cordis“.
1871.

XI.

КНЯЖНА ***

ТРАГЕДІЯ ВЪ ОКТАВАХЪ.

„Какъ наши годы-то летятъ!“

I.

Давно ль, давно ль, на траурныхъ коняхъ,
Подъ балдахиномъ съ княжеской короной,
Богатый гробъ въ гирляндахъ и цвѣтахъ
Мы провожали... Поѣздъ похоронный
Былъ безъ конца... всѣ въ лентахъ и звѣздахъ,
Посланники, придворныя персоны
И духовенство высшихъ степеней,
И во главѣ его—архіерей...

Мы крестимся всегда при видѣ гроба,
Прощаемся, молясь за упокой,
Будь то бѣднякъ, будь важная особа...
Обычай, полный смысла, глубиной
И злѣйшаго плѣнявшій руссофоба...
И тутъ прощалась съ чьею-то душой
И дальше шла толпа... Но въ высшемъ свѣтѣ
Событьемъ были похороны эти...

Княжна... Но нѣтъ! Письму я не предамъ,
Нѣтъ, не предамъ я новому злословью
Фамиліи извѣстной съ дѣтства намъ!
Въ войну и миръ, и разумомъ и кровью,
Служилъ сей родъ отчизнѣ и царямъ.
И встарь почтенъ народной былъ любовью...
Онъ въ наши дни, съ достоинствомъ, одной
Представленъ былъ покойною княжной.
И видомъ—ахъ! теперь какъ исполины
Предъ нами тѣ герои старины!..

Видали ль вы временъ Екатерины
Ея штатсъ-дамъ портреты?.. Всѣ, полны
Величія полунощной Аѳины
И геніемъ ея осѣнены,
Онѣ глядятъ какъ бы съ пренебреженьемъ
Вослѣдъ идущимъ мимо поколѣньямъ...

Могучій духъ, не знающій оковъ,
Для подвиговъ не знающій границы,
Безъ похвальбы свершавшій ихъ, безъ словъ,—
Все говоритъ, что это тѣ орлицы,
Къ кому, изъ царства молній и громовъ,
Свершители словесъ своей царицы,
Ея орлы—съ поднебесья порой
Спускалися на мигъ вкусить покой...

Изъ этой же породы самобытной
Была княжна, хоть сгладился ужъ въ ней
Весь этотъ пылъ, весь пламень ненасытный
Подъ вѣяньемъ иныхъ, счастливыхъ дней.
Тамъ—гордый стражъ пустыни, сфинксъ гранитный,
Въ тысячелѣтней простотѣ своей;
Здѣсь—Пракситель или рѣзецъ Кановы,
Гдѣ грація и духъ ужъ вѣетъ новый.

Ей этотъ лоскъ былъ Франціею данъ!
Да, Франція—и Франція Бурбоновъ,
Что̀ пережить сумѣла, какъ титанъ,
Республику и гнеть Наполеоновъ,—
Она княжну—цвѣтокъ полночныхъ странъ,
Къ ней кинутый крылами аквилоновъ—
Съ любовію въ объятья приняла
И матерью второю ей была.

Ея пѣвцовъ она внимала лирамъ,
Ораторовъ волнующимъ рѣчамъ,
Все приняла, чтобъ властнымъ быть кумиромъ
И первою звѣздой въ созвѣздьѣ дамъ,
И даже Онъ, пришедшій къ людямъ съ миромъ
И взоры ихъ поднявшій къ небесамъ,
Ей просіялъ какъ свѣтъ и какъ защита
Въ проповѣдяхъ отца іезуита...

Что̀?.. Странно вамъ слова мои звучатъ?..
Народность—все же изъ понятій узкихъ,
И въ этомъ шагъ мы сдѣлали назадъ,
Отъ образцовъ отрекшися французскихъ..

Но—вѣкъ таковъ! и всѣ теперь хотятъ
Преобразиться въ православныхъ русскихъ,
Межъ тѣмъ какъ многіе едва-едва
Осилить могутъ русскія слова...

Вонъ—князь Андрей на это, лобъ нахмуря,
Глядитъ, какъ на опасную игру!
И говоритъ, что ужъ „глаза зажмуря
Давно живу и вѣчно на-юру“,
Что „впрочемъ, насъ бы не застала буря,
А тамъ—все пропадай, когда умру!..“
Онъ въ этомъ видитъ признаки паденья
И нравственныхъ началъ и просвѣщенья...

И до сихъ поръ упрямый старый тузъ
Твердитъ одно: „Европа есть обширный
Салонъ, гдѣ всякій—нѣмецъ иль французъ—
Своя семья! у всѣхъ одинъ, всемірный,
Тонъ, образованность, и умъ, и вкусъ!
Насъ только *терпятъ* тамъ, пока мы смирно
Сидимъ себѣ, какъ дѣти за столомъ,
On nous subit—à contre coeur притомъ...“

Но князь чудакъ! онъ парадоксъ ходячій!
Онъ отрицалъ Россію! И съ княжной
У нихъ всегда, бывало, споръ горячій.
Патріотизмъ княжны былъ огнь живой!
Россіи честь, побѣды, неудачи,
Воспринимала все она душой,
Все обсуждая, безъ предубѣжденья,
Съ высокой, европейской точки зрѣнья...

И вотъ съ такой душою и умомъ,
Все воспринявъ, что̀ Западъ просвѣщенный
Взрощалъ вѣками въ цвѣтникѣ своемъ,
Она явилась съ ношей благовонной
Въ нашъ свѣтъ—и такъ поставила свой домъ,
Что самъ Кюстинъ, вторично занесенный
Судьбой въ нашъ край, ужъ бы не написалъ,
Что къ медвѣдямъ и варварамъ попалъ!

Свидѣтели—опять-таки французы!
Да! изъ французовъ—сливки, высшій слой,
Твердили въ хоръ, что Граціи и Музы
Изъ Франціи, отъ черни бунтовской,
Какъ отъ Персея съ головой Медузы,
Умчалися на сѣверъ ледяной,

Перенеся въ салонъ княжны, въ Россіи,
Весь умъ французской старой монархіи.

И это зналъ и оцѣнилъ нашъ свѣтъ,—
И передъ нею все въ немъ преклонилось...
И хоть прошло событій много, лѣтъ,
И хоть княжна давно ужъ устранилась
Отъ поприща успѣховъ и побѣдъ,
Но все ея звѣзда не закатилась—
Отшельница изъ своего угла
На мнѣнія вліяла и дѣла.

Къ обычному стремились поклоненью
Къ ней Несторы правительственныхъ сферъ;
Вступая въ свѣтъ, къ ея благословенью
Являлися искатели карьеръ;
Къ ней шли, къ ея прислушаться сужденью,
Творцы реформъ по части новыхъ мѣръ,
И отъ княжны имѣть имъ одобренье
Бывало то жъ, что̀ выиграть сраженье...

Всѣ знали, что ея словцо одно
Имѣло вѣсъ и слушалося мнѣнье
Въ такихъ предѣлахъ, гдѣ не всѣмъ дано
Имѣть и смѣть сказать свое сужденье...
Конечно, умъ тутъ много значилъ... но
Одинъ ли умъ?.. У васъ ужъ и сомнѣнье?
О, жалкій вѣкъ! Какъ скоръ твой приговоръ!
Мерещится тебѣ лишь грязь да соръ!

Нѣтъ-съ! Ужъ Парижъ, знатокъ по этой части,
Видавшій цвѣтъ сыновъ своихъ, княжной
Отвергнутыхъ, со всѣмъ ихъ пыломъ страсти,
Клялся богами, небомъ и землей,
Что нѣжныхъ чувствъ она не знаетъ власти,
Что передъ ней, въ досадѣ плача злой,
Самъ Купидонъ, лукавый богъ и смѣлый,
Разбилъ колчанъ и изломалъ всѣ стрѣлы.

Хоть хроника паденій и побѣдъ
Для свѣта служитъ легкой лишь забавой,
И не педантъ онъ въ нравственности, свѣтъ,—
Но высоко и достодолжной славой
Почтитъ онъ ту, въ которой пятенъ нѣтъ!
Всегда въ виду весталки величавой,
Какъ въ о̀но время развращенный Римъ,
Разступится съ почтеніемъ нѣмымъ!..

Княжна всю жизнь, какъ съ кованой бронею,
Гдѣ каждая блеститъ на солнцѣ грань,
Сквозь этотъ міръ соблазновъ, предъ толпою
Чиста какъ день прошла... и отдалъ дань
Ей гордый свѣтъ, упрочивъ за княжною
До позднихъ дней названье chaste Diane...
Былъ этотъ титулъ ей всегда дороже,
Она гордилась имъ... и вдругъ... о, Боже!..

Нѣтъ! не могу!.. Ея вступленья въ свѣтъ
Я не засталъ—но съ перваго мгновенья,
При первой встрѣчѣ, юноша-поэтъ
Былъ пораженъ!.. Серьезность выраженья
(Ее встрѣчалъ я не на балѣ, нѣтъ!
Въ прогулкахъ, по утрамъ, въ уединеньи),
Задумчивость, вдаль устремленный взоръ—
По небу ль грусть, землѣ ль нѣмой укоръ?..

О, дальнія дорожки Монплезира...
Или тѣнистый Царскосельскій садъ...
И вдругъ—видѣнье неземного міра...
Чуть слышно кони быстрые летятъ...
О, Пушкинъ!—думалъ я:—твоя бы лира...
Ты лишь умѣлъ, твой вдохновенный взглядъ,
Вмигъ указать, гдѣ божество во храмѣ,
Вмигъ разгадать Мадонну въ свѣтской дамѣ!..

Признанье позднее... Княжна была
Моимъ надолго тайнымъ идеаломъ...
Трагической кончиной умерла—
Трагедію жъ смѣшали со скандаломъ!
Она всегда извѣстнаго числа
Давала балъ, и передъ самымъ баломъ
Упалъ кумиръ, и, что̀ страшнѣй всего:
Съ нимъ рухнулъ образъ нравственный его...

Да, падаютъ имперіи—но слава
Переживаетъ. Упадаетъ храмъ,
Но богъ, въ немъ жившій, составляетъ право
На память и почетъ тѣмъ племенамъ,
Что̀ съ именемъ его прошли какъ лава,
Какъ Божій бичъ по сушѣ и морямъ...
Но человѣкъ, въ которомъ уважались
Достоинства, котораго боялись

Лишь потому, что онъ былъ совершенъ,
Со всѣхъ сторонъ великъ и безупреченъ—

И вдругъ внутри его лишь гниль и тлѣнъ!..
Но нѣтъ! Я не сужу!.. Кто безпороченъ?
Въ паденіи, быть-можетъ, сокровенъ
Глубокій смыслъ и, можетъ-быть, уплоченъ
Имъ страшный долгъ... а мы съ своимъ умомъ
Въ чужой душѣ что̀ смыслимъ? что̀ прочтемъ?..

II.

На мѣстѣ я изъ первыхъ былъ. Успѣли
Едва лишь подхватить ее—куафёръ,
Модистка и сложили на постели.
На головѣ богатый былъ уборъ,
А между тѣмъ глаза ужъ потускнѣли.
А тутъ, кругомъ, блескъ лампъ, трюмо, приборъ
Помадъ, духовъ и надо всѣмъ—незримый
Изъ вѣчности посолъ неумолимый.

Да, этотъ гость былъ всѣми ощутимъ...
Взглянулъ онъ всѣмъ въ глаза мертвящимъ взглядомъ,
Всѣмъ, въ ужасѣ стоявшимъ тутъ живымъ...
И дрогнули подъ праздничнымъ нарядомъ
У всѣхъ сердца... Эхъ! шутимъ мы, трунимъ
Надъ смертію, надъ судищемъ и адомъ,—
А покажись чуть-чуть она—ей-ей,
Раскланяться забудемъ даже съ ней!

Конечно, все, какъ при внезапномъ громѣ,
Что̀ было дворъ, что̀ около двора,
Что̀ приживало въ старомъ барскомъ домѣ,
Все—въ будуаръ! Явились доктора,
Но, главное, при этакомъ содомѣ,
Швейцаръ, безъ ногъ и впопыхахъ съ утра,
И невдомёкъ, чтобъ, при событіи этомъ,
Отказывать являвшимся каретамъ.

И бальною разряженной толпой
Весь домъ наполнился. Толпа врывалась
И въ будуаръ. При вѣсти роковой
Цвѣты, брильянты, гасло все, казалось.
Но надъ померкшей этой пестротой
Одна фигура рѣзко отдѣлялась:
Недвижно, руки на груди сложивъ
И—точно съ вызовомъ на бой—вперивъ
Въ покойную упорный взглядъ, стояла
Одна предъ ней дѣвица. Все кругомъ

Ее какъ будто въ страхѣ обѣгало.
Чужимъ для всѣхъ, казалось, существомъ
Она была и точно предвѣщала
Что̀ роковое... Такъ передъ судомъ
Господнимъ ангелъ, можетъ-быть, предстанетъ
Намъ возвѣстить, что—се грядетъ и грянетъ...

Сравненье это, впрочемъ я схватилъ
Такъ, на лету... Передо мной ихъ много
Въ тотъ мигъ какъ будто вихорь проносилъ.
То вспоминалъ дельфійскаго я бога,
Когда стрѣлу въ Пиѳона онъ пустилъ,
То Каина мнѣ чудилась тревога,
Когда онъ смерть увидѣлъ въ первый разъ,
Оставшись съ мертвымъ братомъ глазъ на глазъ...

Въ разрѣзъ со всѣмъ была дѣвица эта.
Одѣта—самый будничный нарядъ—
Въ суконномъ черномъ платьѣ, безъ корсета,
И волосы откинуты назадъ
А l'étudiant. Ни брошки ни браслета.
Всѣмъ уловить ея хотѣлось взглядъ,
Хотѣлось угадать, что̀ въ ней творится,
Что̀ на челѣ высокомъ отразится?

Но ничего—все тщетно!—не прочли!
Княжнѣ судьба какъ будто услужила,
Чтобъ угадать у мертвой не могли,
Какая мысль въ послѣдній мигъ застыла
У ней въ лицѣ, подъ дымкой poudre de riz,—
Но та, живая, юная, таила,
Пожалуй, глубже чувства, и вездѣ
Держалъ ихъ умъ въ натянутой уздѣ...

А между тѣмъ хотѣлося такъ страстно
Ихъ допросить... Не смерть ужъ тутъ видна,
Тутъ шопотъ пробѣгалъ еще ужасный...
„Какъ? Эта самая... она... она—
Воспитанница эта—вотъ прекрасно!
Она ей—дочь?.. Возможно ли! Княжна,
La chaste Diane?.. И такъ все скрыто было?
И вотъ она-то, дочь, ее убила?..“

III.

И матери увозятъ дочерей
Скорѣе прочь. Во всѣ концы столицы

Летитъ толпа распугнутыхъ гостей;
Вѣстовщики помчались, вѣстовщицы,
Заволновался свѣтъ, и князь Андрей
Уже къ восходу розовой денницы,
Сообразя всѣ факты и слова,
Доказывалъ, что все—какъ дважды два...

„Во-первыхъ—сходство. Чудными глазами,
Извѣстно, отличался весь ихъ родъ.
Глаза княжны воспѣты и стихами,
И очень мѣтко: „Въ нихъ гроза живетъ.
Когда въ душѣ все тихо—то надъ нами
Зарницами играетъ—все цвѣтетъ,
Смѣется вкругъ; но мысль одна иль слово —
И молнія разрушить міръ готова!

„И счастье, что надъ этою грозой
Сильна такъ власть ума и сердца“.—Это
Едва ль не самъ Гюго своей рукой
Вписалъ въ альбомъ княжны—два-три куплета.
У дѣвочки точь въ точь: и взглядъ такой,
Зрачки того жъ измѣнчиваго цвѣта,
Рѣсницы только больше и острѣй,
И та же складочка между бровей.

„Засимъ—характеръ. Помните сравненье—
Вѣдь ваше—та была еще дитя—
Другъ противъ друга станутъ въ изумленьи,
Ужъ больше словъ какъ бы не находя—
Ну, такъ похожи, какъ изображенье
Большого Я и маленькаго я!
Въ обѣихъ та жъ непогрѣшимость, вѣра
Въ себя и то жъ произношенье *эра*...

„Ну-съ, а когда, бывало, та поетъ,—
Вѣдь у княжны, мы помнимъ, на всю залу,
Бывало, сердце просто тактъ ей бьетъ!
Ну-съ, а когда“...—„Да будетъ! Ну, пожалуй,
Будь такъ, по-вашему!.. Мы послѣ счетъ
Сведемъ грѣхамъ и всякому скандалу!..
Теперь же вспомните—вѣдь кто угасъ?
Кого не стало?.. Лучшей между васъ!..“
О, человѣкъ! о, слабое творенье!

За честь княжны я обнажаю мечъ,
А въ самого ужъ крадется сомнѣнье,

И падаетъ на полусловѣ рѣчь...
А если—да?.. Какое откровенье!..
Но какъ же узелъ Гордіевъ разсѣчь?!.
Сравненье съ „Я“ мое; безъ мысли всякой —
Княжна тогда вся вспыхнула однако!

Но пусть какъ знаютъ и рѣшатъ вопросъ!
Одно я помню: сколько счастья, свѣта
Съ собою въ домъ ребенокъ этотъ внесъ!
Что̀ красоты, гармоніи, привѣта
Въ самой княжнѣ Богъ вѣсть отколь взялось!
Ахъ, это былъ вѣнецъ ея расцвѣта!
Всѣ думали тогда: „ну! влюблена!
Да! наконецъ-то!“... Бѣдная княжна!..

Но маленькое „я“ все подрастало
И начало тѣснить большое „Я“,
И выше все головку подымало.
Тутъ нуженъ сталъ ужъ высшій судія,
И миротворцемъ няня выступала—
Старушка крѣпкая, хоть житія
Подъ пятьдесятъ тогда ей, вѣрно, было:
Она княжну вскормила и взрастила.

Она, внизу заслыша только „бой“,
Взойдетъ да покачаетъ головою,
Да на княжну посмотритъ—какъ водой
Ее обдастъ, и ласково рукою
Потреплетъ дѣвочку: „ну, ты, герой,
Поди-ка повинись передъ княжною“,—
И та на шею къ нянѣ, а потомъ
Ужъ и къ княжнѣ, и плачутъ всѣ втроемъ...

Но эти бури только лишь скрѣпляли
Союзъ сердецъ. Уютна и тиха
Текла ихъ жизнь, и въ ладъ сердца стучали,
Какъ два съ богатой риѳмою стиха.
Одна росла; глаза другой читали
Въ ея душѣ, и не было грѣха
(Какіе же грѣхи!) ни мысли тайной,
Чтобы отъ нихъ укрылись хоть случайно!

И дивный міръ ихъ души наполнялъ,
И все вокругъ сіяло чистотою,
И, къ нимъ входя, порой я ощущалъ,
Что вотъ сейчасъ же, спугнутый лишь мною,

Отъ нихъ какъ будто ангелъ отлеталъ...
Княжна умѣла совладать съ собою,
И хоть входилъ я къ нимъ съ доклада слугъ,—
Въ ней точно легкій пробѣгалъ испугъ...

IV.

Ахъ, эти дни! Ужъ какъ они далеко!
Я молодъ былъ... я принятъ былъ княжной
Такъ, запросто... О, какъ стоитъ высоко
Она, всегда казалось, предо мной!
Нѣтъ, свѣтъ ея не зналъ, я былъ глубоко
Въ томъ убѣжденъ: плѣняясь красотой,
Героя видитъ только въ полѣ боя!
Нѣтъ, какъ онъ дома, посмотри героя!

И этотъ дѣдовскій, старинный домъ
Въ одинъ этажъ какимъ-то властелиномъ,
Съ задумчиво нахмуреннымъ челомъ,
Стоялъ съ своимъ высокимъ мезониномъ,
Съ колоннами... два льва передъ крыльцомъ...
Теперь—увы!—запаснымъ магазиномъ
Иль складомъ служитъ, съ улицы же онъ
Другимъ большимъ совсѣмъ загороженъ...

Внутри же эти залы—точно храмы
Исторіи... Портреты вамъ твердятъ:
Бендеры, Куннерсдорфъ, гдѣ самъ упрямый
Великій Фридрихъ былъ разбитъ... весь рядъ,
Все служитъ историческою рамой
Жилымъ покоямъ, гдѣ „Армидинъ садъ“,
Какъ говорили, гдѣ ужъ шло движенье
Вокругъ самой, при новомъ освѣщеньи...

Но этотъ старый міръ въ пыли, въ тѣни,
Изъ сумрака вѣковъ какъ бы глядящій
Разумнымъ окомъ, въ шумѣ болтовни
И смѣха строгій видъ одинъ хранящій,
Лишь съ глазу на глазъ намъ про наши дни,
Про насъ самихъ свой судъ произносящій—
Княжна ихъ понимала ль?.. Да!.. Но какъ?
По-своему... Одинъ тамъ былъ чудакъ,

Чудакъ совсѣмъ особеннаго рода,
Не дѣдъ и не отецъ—послѣдній былъ
Лихой гусаръ двѣнадцатаго года
И декабристъ—въ Парижѣ больше жилъ;

Дѣдъ—вольтерьянецъ: вѣкъ такой ужъ, мода
Тогда была. Нѣтъ; тотъ, который слылъ
При жизни чудакомъ,—глубоко чтила
Его княжна, хоть часто говорила:

„Il me fait peur parfois, мой прадѣдъ—тотъ,
Что̀ съ Фридрихомъ сражался. Онъ желѣзный
Былъ человѣкъ; фантастъ во всемъ, деспо̀тъ;
Какъ на войнѣ ни пропасти ни бездны
Ему ничто, и самъ всегда впередъ,—
Онъ для солдатъ былъ идолъ ихъ любезный,—
Таковъ и въ мирѣ! Ужасъ наводилъ
На цѣлый край! Чего ужъ ни творилъ!

„Въ дому—гаремъ; дѣла по всѣмъ приказамъ,—
И вдругъ онъ всю губернію зоветъ
На пиръ. Всѣ ѣдутъ. Всѣ къ его проказамъ
Привыкли. Ждутъ. И вотъ двѣнадцать бьетъ,
И въ черной ризѣ входитъ попъ. Все разомъ
Смолкаетъ, музыканты, пиръ. Встаетъ
Съ сидѣнья князь и—въ ноги всѣмъ, прощенья
Прося за всѣ грѣхи и преступленья,

„Гостямъ, женѣ и людямъ, въ ноги всѣмъ.
Приносятъ гробъ—ложится. Попъ читаетъ
Надъ нимъ отходную, и онъ затѣмъ
Какъ бы совсѣмъ изъ міра исчезаетъ...
Дверь на запоръ—и двадцать лѣтъ ни съ кѣмъ
Не говоритъ, не видится. Вкушаетъ
Лишь хлѣбъ съ водой. Когда же умеръ, тутъ
На немъ нашли вериги слишкомъ въ пудъ.

„En v'là un homme!..“ Да, въ человѣкѣ этомъ
Та крѣпкая сказалась старина,
Что̀ вынесла Россію... Предъ портретомъ
Подолгу такъ стоитъ порой княжна...
На немъ онъ былъ изображенъ атлетомъ,
Генералъ-аншефъ. Живопись темна,
И лишь глаза, ихъ взглядъ невозмутимый,
Ихъ каждый чувствовалъ, кто шелъ лишь мимо.

„Смирился, нянька говоритъ о немъ,
И спасся... и въ ея понятьяхъ это
Возможно и теперь... прійти—во всемъ
Покаяться—и умереть для свѣта!
Въ Ерусалимъ уйти, одной, пѣшкомъ...
Какъ просто все у нихъ! Все кѣмъ-то. гдѣ-то

Уставлено...“—сказала разъ она...
Я думалъ: эй, хандрите вы, княжна!

А въ Крымъ поѣздка?.. Жажда ль искупленья
Во дни войны туда ее вела?
Тамъ весь дворецъ она въ своемъ имѣньи
На берегахъ Салгира отдала
Подъ госпиталь... Что̀ ангелъ воскресенья
Для страждущихъ у ихъ одра была...
Охъ, узнаю! подъ бранной лишь грозою
Становишься ты, Русь, сама собою!..

Геройскій духъ, что̀ тамъ осуществилъ
Великую въ народахъ эпопею,
На всѣхъ свой отблескъ славный положилъ,
Всѣхъ озарилъ поэзіей своею...
Генералъ-аншефъ—что̀ жъ, доволенъ былъ?
Доволенъ былъ и очень, думать смѣю!
Когда княжна, изъ Крыма воротясь,
О тамошнихъ дѣлахъ вела разсказъ,

О томъ, какъ подъ огнемъ, на бастіонахъ,
Шутя со смертью, смѣхъ не умолкалъ;
Какъ наконецъ, въ виду враговъ смущенныхъ,
Нашъ старый вождь имъ городъ оставлялъ.
„Въ развалинахъ твердынь окровавленныхъ,—
Суровый аншефъ точно повторялъ:—
Парижскій миръ—не велика проруха!
За нами главное: побѣда духа!..“

Съ загаромъ на лицѣ, душа полна
Невѣдомыхъ дотолѣ впечатлѣній,
Какъ хороша тогда была княжна!
Что̀ въ этотъ міръ ничтожныхъ треволненій,
Въ салонный свѣтъ свой принесла она
И новыхъ чувствъ и новыхъ откровеній,
Душой святому подвигу ужъ разъ
Со всѣмъ народомъ купно причастясь!..

V.

А если—дочь?.. Такъ вотъ она, изнанка
И тайный смыслъ тревогамъ и слезамъ!
Такъ вотъ она какая „итальянка“!
Въ Италіи подобрана вишь, тамъ!
Вотъ для кого нужна и англичанка,
Француженка и нѣмка—языкамъ,

Предметамъ обучать, а тамъ, съ годами,
Учителя—и что̀ съ учителями!..

„Вотъ за дѣтей кто Богу дастъ отвѣтъ!—
Княжна, бывало:—ужъ не то что̀ Жени,
Большому оглупѣть!.. j'en perds la tête!
Тотъ буквы *ѣ* и *ъ*, а тотъ спряженій
Не признаётъ!.. Поэзіи—ужъ нѣтъ!
Одинъ, такъ вмѣсто всякихъ упражненій
Въ грамматикѣ, сталъ дѣвочку учить—
Да нѣтъ! о томъ *мнѣ* стыдно говорить!

„Взяла другого. Чѣмъ же началось?
Читать стихи далъ Пушкина „Поэтъ“,
И сдѣлалъ двѣсти тридцать два вопроса,
Чтобъ дѣвочка на всѣ дала отвѣтъ.
На этомъ—годъ ученье уперлося!
Да всѣ поэты опротивятъ!.. Нѣтъ,
Они—о, прелесть!—сдѣлали открытье,
Что нужны намъ не знанья, а—развитье!“

Развитье, впрочемъ, удалось,—хотя
Въ ущербъ грамматики, и Музъ, и Грацій.
Но что-то въ насъ проснулося, свѣтя
Огнемъ въ глазахъ; мы все, безъ апелляцій,
Рѣшили вмигъ; всѣ силы посвятя
Развитью смертныхъ безъ различья націй,
Мы стали „женщиной“ въ осьмнадцать лѣтъ,
Въ которой все новò отъ *A* до *Z*.

Въ то время всѣ, севастопòльскимъ громомъ
Отъ гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ломомъ
Все старое, за всѣ его вины;
Вдругъ очутились въ мірѣ незнакомомъ,
Гдѣ снились всѣмъ блистательные сны,
Свобода, правда, честность, просвѣщенье
И даже—злыхъ сердецъ перерожденье...

И у княжны сіялъ тогда салонъ;
Сужденья были пламенны и смѣлы,—
Но умѣрялъ ихъ вкусъ, хорошій тонъ,
И знала мысль разумные предѣлы.
Потомъ все въ стройный облеклось законъ,
И жизнь пошла, и началося дѣло,
Корабль былъ спущенъ—лозунгъ кормчимъ данъ—
И мы вошли въ безбрежный океанъ...

Все Женя слушала—и не бѣда бы...
Но тутъ къ княжнѣ племянничекъ ходилъ,
Блондинъ и золотушный мальчикъ, слабый
И въ золотыхъ очкахъ. Онъ подружилъ
Своихъ „сестричекъ“ съ Женей: „то-то бабы,
Да-съ, Новая Россія!—онъ твердилъ:—
Не нѣженки, не шваль, не сибаритки!
Все вынесутъ, и казематъ и пытки!“

Смѣшные были: сядутъ все кружкомъ,
Какъ заговорщики; такъ смотрятъ строго
Изъ-подъ бровей и шепчутся тайкомъ.
На все отвѣтъ короткій, словъ не много,
Отрубятъ разъ и ужъ стоятъ на томъ.
Княжна терялась: рѣзкость мысли, слога,
„Ужасный тонъ“ и эта брань на свѣтъ,
Что это міръ фразерства, лжи, клеветъ...

„Откуда это? что̀ это такое?
Послушать ихъ, такъ всѣ мы только лжемъ,
Живемъ, чтобы жуировать въ покоѣ
И праздности! свой „комфортъ“ создаемъ
На крови и костяхъ! а остальное—
Народъ, le peuple, держимъ подъ ярмомъ
Въ невѣжествѣ, чтобъ намъ покорны были,—
Народъ, который мы жъ освободили!..

„А о себѣ что̀ думаютъ! какой
При этомъ фанатизмъ! Въ огонь и въ воду
Сейчасъ готовы! *жертвуютъ* собой!
Увѣрены, что бѣдному народу
Въ нихъ лишь спасенье! Вѣкъ, вишь, золотой
Откроютъ, братство, равенство, свободу!
Ну—пусть племянникъ—онъ ужъ изъ пажей
Былъ исключенъ,—но Женя? съ ней что̀, съ ней?“

Княжна терялась, и что̀ день, то, видитъ,
Все хуже. Началось молчанье. Споръ
Лишь вспышками, бывало, только выйдетъ.
И помню разъ: „Всѣ эти толки вздоръ!—
Княжна сказала съ жаромъ:—ненавидитъ
Она меня—вотъ въ чемъ весь разговоръ!“
И разрыдалась. Мнѣ досадно стало:
Вѣдь малодушье только оказала!

VI.

Пропало все веселіе у насъ!
Весь домъ затихъ, и пѣнье замолчало,
И музыка какъ бы оборвалась;
Какъ будто два хозяина въ немъ стало
И на-двое душа разодралась,
Что̀ въ немъ жила и жизнь всему давала,
И стало двѣ, и каждая съ враждой
Слѣдитъ упорно всюду за другой...

„Хоть кто-нибудь придите, ради Бога,
Да помогите!..“ Слава въ дни тѣ шла
Про одного въ столицѣ педагога—
Княжна тотчасъ его и позвала,
Про умъ его наслышавшися много,
А главное, что велъ свои дѣла
Онъ безъ педантства, дѣйствуя съ успѣхомъ
На молодежь ироніей и смѣхомъ.

Ужъ былъ въ чинахъ и въ гору вдругъ пошелъ,
Благодаря проекту пересадки
Какихъ-то къ намъ изъ-за границы школъ.
Введись-ка планъ и всѣ его порядки,
Онъ, увѣряютъ, чудо бъ произвелъ!
Вся бъ наша Русь, отъ Прута до Камчатки,
Однообразіемъ плѣняя взглядъ,
Вся бъ обратилась въ чудный дѣтскій садъ!

Прекрасная и смѣлая попытка
Уравновѣшенья духовныхъ силъ!
У насъ въ умахъ не стало бъ ни избытка
Ни недостатка: все бъ онъ устранилъ,
Всѣ бъ ровно шли, не вяло и не прытко.
И вотъ свой планъ онъ въ общемъ изложилъ;
Потомъ, когда ужъ по его расчетамъ
Была пора, онъ ловкимъ поворотомъ

На главный пунктъ направилъ разговоръ,
Что, молъ, хаосъ вездѣ, раздоръ, тревога:
Мальчишки—даже тѣ вошли въ задоръ,
Учителямъ толкуютъ, что нѣтъ Бога,
Отечество, религія—все вздоръ!
Что требуютъ отъ нихъ ужъ слишкомъ много
И, съ важностью взъерошивши вихры,
Шипятъ: „одно спасенье—тополы!

„Пусть мальчики бъ одни, молокососы,—
Нѣтъ съ барышнями справы! Покидавъ
И музыку и пяльцы, рѣжутъ косы
И, какъ-то вдругъ свирѣпо одичавъ,
Въ лицо кричатъ намъ: вы, молъ, эскимосы,
У женщинъ все украли! Правъ намъ! правъ!
Работы намъ, разбойники, работы!..
Какъ будто мы-то трудимся съ охоты!..“

Онъ былъ доволенъ. Думалъ—удалось.
Смѣялся больше всѣхъ, но не смѣялась
Лишь молодежь; и только поднялось
Все общество, какъ Женечка подкралась
И показала педагогу „носъ“,
И съ хохотомъ на верхъ къ себѣ помчалась;
Блондинъ же хамкнулъ: „въ полдорогѣ, братъ,
Глупцы да подлецы одни стоятъ“.

Какъ полководецъ, потерявъ сраженье,
Стоялъ нашъ риторъ... Но грустнѣй всего,
Что вывело такое заключенье
Потомъ княжна по поводу его:
„Пусть Жени неприлично проявленье,—
Но въ сущности и стоитъ онъ того:
Они всѣ—красные! кто такъ, изъ моды,
Отъ глупости, кто плутъ ужъ отъ природы“.

VII.

А занимала Женечка меня!
Былъ у княжны обѣдъ—кой-кто изъ свѣта
И, между знаменитостями дня,
Ея друзья, извѣстныхъ два поэта.
Одинъ—онъ чудная душа! огня,
Любви исполненъ, жаждалъ мира, свѣта,
Могъ все имѣть, но презрѣлъ блескъ и шумъ
И предпочелъ свободу чистыхъ думъ...

Онъ горячо душой скорбѣлъ за долю,
Что̀ русскому народу суждена.
Разбросанъ по лѣсамъ, прикованъ къ полю,
Онъ искони и самъ и вся страна
Обречены на вѣчную неволю...
Сперва—Орда!.. Едва низложена,
Встаетъ Москва—съ ней батоги и плаха,
И какъ Молохъ царитъ лишь силой страха...

„Чѣмъ можемъ мы гордиться? Гдѣ тутъ честь?
Гдѣ рыцарство? Крестовые походы?
Гдѣ революціи святая месть?
Гдѣ истины исканье и свободы,
Что человѣчеству могла принесть
Россія въ даръ, чтобы ее народы
Благословить могли? Что создала?
Угрозой лишь для нихъ всегда была!

„А жаль! Народъ съ душой какъ міръ широкой,
Съ поэзіей, со страстью и умомъ!..“
Всѣ поняли порывъ души высокой,
И князь Андрей воскликнулъ съ торжествомъ:
„Я говорю, поплатимся жестоко
За гордость мы и бѣды наживемъ:
Дождутся эти наши самоучки,
Что насъ возьмутъ, да въ Азію подъ ручки!“

Тутъ вышелъ споръ... Не чудно ли, ей-ей!
Россія! ты—съ заоблачной главою
Разлегшійся между пяти морей
Чудесный сфинксъ,—а мы передъ тоою,
Предъ вѣчною загадкою твоей,
Кружимъ, жужжимъ, подобно мошекъ рою,
И споримъ,—ты же, въ думу углубясь,
Глядишь куда-то... только не на насъ...

Другой поэтъ—онъ, голову понуря,
Сидѣлъ и слушалъ, но въ душѣ его
Ужъ видимо накапливалась буря...
О, полное видѣній существо!
Я какъ теперь гляжу: глаза зажмуря,
Какъ бы помимо зримаго всего,
Ты въ глубь вѣковъ уносишься душою
И говоришь какъ будто самъ съ собою:

„Да, бѣдная Россія!.. Лѣсъ и боръ,
А съ юга—степь! Не обозрѣть равнину!
И въ людяхъ: *родъ возста на родъ*, раздоръ,
Живяху бо по образу звѣрину...
И вотъ туда идетъ съ Аѳонскихъ горъ
Смиренный инокъ, что *во челюсть львину*,
И дикарямъ являетъ идеалъ,
Что на крестѣ Распятый міру далъ...

„Идетъ одинъ—въ лѣса, въ мѣста глухія—
До Соловковъ—и край преображенъ!..

Нахлынули народы кочевые,
Встаетъ Исламъ и папа, съ трехъ сторонъ
Крушится все, крушится Византія,
Но ужъ въ Москвѣ оплотъ сооруженъ,
И пробилъ часъ изъ мрака ей изыти,
Какъ третій Римъ, четвертому жъ не быти...

„И сталъ отсель ея народовъ духъ
Единъ хранитель истины Христовой...
Что жъ? Продолжать?..—смотря съ улыбкой вкругъ,
Спросилъ поэтъ:—Одно лишь, впрочемъ, слово!
Мы—высшій свѣтъ—мы спрашиваемъ вдругъ,
Что создала Россія, и намъ нòво,
Въ чаду чужихъ идей забывъ свое,
Припомнить то, что создало ее!..

„Тамъ—силой міръ былъ сплоченъ феодальный
И пестрый сбродъ племенъ въ одинъ народъ;
Здѣсь весь народъ, дотоль какъ бы опальный,
Великое призванье сознаетъ,
И ради той идеи колоссальной
Онъ весь—отъ смерда до царя—идетъ
И государству въ крѣпость отдается,
И терпитъ все, лишь вѣра да спасется!

„И вотъ предсталъ онъ въ образѣ Петра
Предъ міромъ вдругъ, какъ грозный тріумфаторъ...
Содрогся міръ: ужъ не пришла ль пора,
И ужъ идетъ Восточный императоръ?..
Но тутъ и блескъ Версальскаго двора
И Запада профессоръ и ораторъ
Плѣнили насъ, повѣрили мы имъ,—
Да на раздумьѣ грустномъ и стоимъ!..“

Поэтъ умолкъ. Въ его горячемъ словѣ
Послышалась такая глубина,
Что смолкли всѣ... „E pur se muove.—
Послышалось,—и все идетъ она,
Все та жъ *святая* Русь, своей основѣ,
Сама того не вѣдая, вѣрна!
И все ей въ прокъ! Что нынче такъ оставитъ,
То завтра взять само себя заставитъ“...

То высказалъ какой-то старичокъ,
Когда-то бывшій консулъ на Востокѣ.
Онъ продолжалъ: „Востокъ—намъ свѣтъ, Востокъ!
Въ Россіи—всѣ несемся мы въ потокѣ;

Намъ не видать, куда летитъ потокъ,
Что̀ океанъ могучій и широкій!
Нѣтъ! встань на Гималай, смотри съ Балканъ,
Лишь тамъ поймешь ты этотъ океанъ!..“

Его слова затронули поэта,
Онъ подхватилъ: „И только бъ раздалось
Съ высотъ Кремля и до высотъ Тайгета
Одно словцо,—и разрѣшенъ хаосъ!
Словцо—Восточный императоръ“... Это
Я потому привелъ, что весь вопросъ
Тогда же предложилъ на обсужденье
Дѣвицъ, и Женя высказала мнѣнье:

„Нашъ вѣкъ,—слова чеканила она,—
Вѣкъ личности. И разумъ и свобода—
Его девизъ. Былая жизнь должна
Окончиться для всякаго народа;
И будетъ жизнь людей вездѣ одна,
Безъ государствъ и безъ различья рода
И племени“.—„Коммуна, такъ сказать?“—
„Какъ вамъ угодно можете назвать,

„А ужъ такъ будетъ“.—„Это ваша вѣра?“—
Спросилъ я.—„Математика,—отвѣтъ:—
Я не люблю ханжи и лицемѣра,
Но искренни тотъ и другой поэтъ,—
Да старики!.. Для нихъ свята химера
Ихъ государства!.. Тысячи вѣдь лѣтъ
Уходятъ на него умы, таланты...
А про святыхъ онъ—ну, ужъ обскуранты!“

VIII.

Потомъ я видѣлъ Женю только разъ.
Кой-кто собрался. Свѣтская, живая
Шла болтовня, и Женя, наклонясь
Въ углу между своихъ надъ чашкой чая,
Ну—отпускать „словца“ на всѣхъ на насъ
И вслухъ. „Какая же вы нынче злая“,—
Сказалъ я ей, смѣясь, какъ всѣ ушли.
Она жъ запальчиво:—„Жгу корабли!“

Тотъ вечеръ былъ рѣшительный. Пропала
Она изъ виду съ этихъ поръ. Княжна
Старалась скрыть отъ свѣта все сначала.
Все вышло такъ: оставшися одна,

Ужъ проводивъ гостей, она послала
Позвать къ ней Женю. Въ этотъ разъ она
Явилася тотчасъ же предъ княжною.
Но—Боже!—какъ?.. Съ обрѣзанной косою!..

Княжна лишь ахнула. И вдругъ, въ сердцахъ:
„Вонъ, стриженая, вонъ!“ Не дрогнувъ бровью,
Та повернулась и пошла. Въ слезахъ
Легла княжна въ постель. На утро—кровью
Въ ней сердце облилось: нѣтъ Жени! Страхъ,
Двоякій страхъ: и поприще злословью,
Да и жива ль?... И какъ она могла?
И отчего, зачѣмъ, куда ушла?..

Куда ушла!.. Въ невѣдомое море!
Какъ утлый челнъ, оторванный волной!
Что жъ манитъ такъ тебя въ его просторѣ?
Какую пристань видишь предъ собой,
Безумная!.. Нѣтъ пристани! Лишь горе
Да вѣчное скитанье предъ тобой!
И часъ прійдетъ—очнешься ты надъ бездной
Разбитая, одна, во тьмѣ беззвѣздной...

Я говорилъ, но ужъ трещалъ канатъ,
Ужъ вѣтеръ дулъ; она лишь улыбалась!
Гремѣлъ громовъ далекихъ перекатъ,
Въ ея глазахъ лишь пламя разгоралось,
И, на меня поднявъ съ насмѣшкой взглядъ,
Она хотѣла высказать, казалось:
„Ты слышишь ли, что сердце мнѣ поетъ?
Звучнѣе ль пѣснь мнѣ разумъ твой найдетъ?..“

О, если бы да нашъ не зачерствѣлый
Въ сомнѣньяхъ умъ иную тему далъ,
И сами бъ мы увѣренно и смѣло
Держали путь на свѣтлый идеалъ,—
Иную пѣснь тогда бъ ей сердце пѣло,
Иной бы вѣтеръ челнъ ея помчалъ!..
Но развѣ въ насъ душа такъ обнищала,
Что у самихъ у насъ нѣтъ идеала?

И, цвѣтъ народа, мы бредемъ впотьмахъ,
И мечемся въ кругу какъ эфемеры,
Безъ вѣрной цѣли, безъ любви въ сердцахъ,
Безъ корня, безъ плода?.. Для насъ—химеры
Добро и зло? И для всего въ рукахъ
У каждаго свои вѣсы и мѣры?

Нѣтъ идеала, нѣтъ того у насъ,
Что̀ живо такъ въ инстинктѣ темныхъ массъ?

Нѣтъ, много ихъ, но служатъ лишь отзывомъ
Всѣ на чужой! Побрежный людъ, должны
Бороться мы безъ устали съ приливомъ
Къ намъ издали катящейся волны...
Взлетитъ къ намъ всплескъ неистовымъ порывомъ
Богъ знаетъ гдѣ взмущенной глубины,
Зальетъ поверхность, и, до новой смѣны,
Уйдетъ, оставя гнить здѣсь клубы пѣны...

IX.

Отъ Жени, впрочемъ, на столѣ у ней
Нашлась записка: „Рано или поздно
Мы разойтись должны, и чѣмъ скорѣй,
Тѣмъ лучше. Вмѣстѣ жить, глядѣть же розно—
И тяжело и подло. Изъ дѣтей
Я вышла. Въ жизнь давно смотрю серьезно.
Иду. Вамъ не понять, чего ищу.
Ищу я *правды*; правды лишь хочу“.
И все . . . . . .

X.

О, какъ съ тѣхъ поръ всѣ измѣнились лица!
И какъ неправъ къ княжнѣ я былъ! Она,
Видалъ я, то какъ бѣшеная львица
По комнатѣ металась: „Я сильна,
Скажу лишь слово, и она, срамница,
Ужъ будетъ здѣсь!.. Я ѣзжу къ ней, княжна!
Прошу, молю... и что̀ жъ я ей? Забава?
Наладила одно:—У васъ нѣтъ права!“

Не то, такъ слезы, малодушный стонъ.
Лицо въ подушку, и рыдаетъ страстно...
Я изумленъ бывалъ и возмущенъ.
Я думалъ: вотъ онъ, деспотъ самовластный!
Привыкла жить и не встрѣчать препонъ,
И вдругъ теперь отъ сироты несчастной
Нашла отпоръ!.. Конечно, права нѣтъ!
Не дочь тебѣ и вышла ужъ изъ лѣтъ...

Но... если бъ знать, что въ этихъ мукахъ лютыхъ
Больное сердце матери скорбитъ;
Что это—львица въ собственныхъ же путахъ
Захлестнута, безсильная, лежитъ;

Что въ этихъ горькихъ дняхъ, часахъ, минутахъ
Всей жизни ложь несчастную казнитъ...
О, какъ теперь все кажется иначе!
Любви что̀ было въ гнѣвѣ томъ и плачѣ!..

Любви!.. И вотъ чего ей не понять:
„Такъ измѣниться вдругъ!.. И отчего же?
Ребенкомъ безъ меня не шла и спать,—
Откуда жъ ненависть? за что? за что же?“
Да, да, княжна! теперь могу сказать:
Въ госпиталѣ вамъ легче было (Боже!),
Гдѣ, вольный крестъ на рамена взложивъ,
Вы въ воздухѣ вдыхали кровь и тифъ!..

Такъ съ лишкомъ годъ прошелъ. О бѣгствѣ Жени
Узнали всѣ, жалѣли о княжнѣ.
Сама она отъ первыхъ потрясеній
Ужъ успокоилась, и даже мнѣ
О ней ни слова. Впрочемъ, на̀ домъ тѣни
Какъ будто пали. Въ мертвой тишинѣ
Княжна какъ будто погреблась. Часами
Сидитъ, охватитъ голову руками,

Не слышитъ ничего, не говоритъ...
Или въ огромномъ залѣ ходитъ, ходитъ...
Поѣдетъ вдругъ въ соборъ и тамъ стоитъ,
Спустивъ вуаль; съ Пречистой глазъ не сводитъ,
И руки жметъ, душа вся къ Ней летитъ,
И шепчетъ Ей, и точно не находитъ
Словъ, наконецъ на помостъ упадетъ...
А вкругъ—кадилъ бряцанье... хоръ поетъ...

Такъ подошелъ и балъ. И какъ все было,
Мнѣ куафёръ разсказывалъ потомъ.
Княжна казалась въ духѣ и шутила,
Прической любовалась и вѣнкомъ...
Вдругъ входитъ та, да разомъ и хватила:
„Позвольте документы о моемъ
Рожденьи. Замужъ выхожу. Желаютъ
Читать попы. Иначе не вѣнчаютъ“.

Княжна глядитъ недвижна и нѣма.
Та жъ, глазъ не опуская, безъ смущенья:
„А не дадите, такъ пойду сама
И разскажу все въ Третьемъ Отдѣленьи.
Я знаю, чья я дочь“.—„Да ты съ ума
Сошла! Чья дочь?“—„Да ваша“. Въ то жъ мгновенье,

Глядимъ, княжна шатнулась: „Эдуаръ,—
Кричитъ,—воды!“—И кончилась. Ударъ.

Тутъ шумъ и гвалтъ. Никакъ уже скандала
Не избѣжать. Прихлынули толпой.
Очнулась няня первая и стала
Всѣхъ просто гнать. Тотчасъ, сама собой,
Ставъ выше всѣхъ, онъ уже вступала
Въ безспорныя права надъ трупомъ той,
Что̀ ей младенцемъ, съ Божья изволенья,
Была дана въ любовь и береженье.

Осталась только Женя какъ была,
Да я промѣшкалъ нѣсколько мгновеній.
Крестясь, старуха къ трупу подошла.
„Чего жъ стоишь, простись!“—сказала Женѣ.
Та только тутъ какъ будто поняла.
Въ лицѣ невольныхъ нѣсколько движеній,
И вдругъ—что̀ вижу?—Женя—Боже мой!..
Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, какъ будто ледяная,
Обрушилась внезапно надъ княжной
И, страстно трупъ холодный обнимая,
Къ княжнѣ на грудь прижалась головой
И плакала... и, плакать не мѣшая,
Взглядъ на нее кидая лишь косой,
Кругомъ старушка стала прибираться...
Мнѣ долѣе не шло ужъ оставаться...

XI.

О, тутъ романъ и интересъ огромный
Я чувствовалъ... Но нить ужъ порвана!
Одинъ источникъ, но источникъ темный,
Старушка-няня, и притомъ она
Къ княжнѣ пристрастна, вѣрный, не наемный,
Старинный человѣкъ, и хоть умна,
Но гдѣ жъ понять ей высшихъ сферъ волненье,
И тонкость чувствъ, и даже словъ значенье!..

Весь вѣкъ съ княжной, и странствовала съ ней
И на̀ воды и по столицамъ міра,
Видала жизнь народовъ и людей
До береговъ почти Гвадалквивира,
Фортуны прихоти, игру страстей,
Всего видала на вѣку, но мира

Души ея ничто не потрясло,
И, какъ миражъ, все мимо лишь прошло...

Ничто ее не подчинило игу
Ни чуждыхъ формъ ни вѣяній чужихъ;
Неся свой крестъ, какъ вольную веригу,
Она жила все въ мірѣ душъ простыхъ,
Гдѣ набожно одну читаютъ книгу,
Одной лишь вѣрятъ: Житія святыхъ,
Какъ встарь еще, въ блаженные тѣ вѣки,
О внутреннемъ радѣя человѣкѣ...

Но какъ же быть! Всѣ бросилися къ ней,
Какъ на медовый цвѣтъ шмели и осы.
„И каково жъ! Представьте (князь Андрей
Разсказывалъ потомъ): на всѣ разспросы
Насупилась, молчитъ, глядитъ темнѣй,
Чѣмъ изъ-подъ тучъ Каламовы утесы!
Ужъ я просилъ, все ставилъ ей на видъ,
И соблазнялъ, и уличалъ,—молчитъ!..“

Я спрашивать не думалъ ужъ нимало
И вообще жалѣлъ лишь о княжнѣ.
„Вотъ подивись,—она мнѣ разсказала:—
Вхожу къ ней утромъ. Вижу—вся въ огнѣ,
И говоритъ—какъ разъ канунъ былъ бала:—
Я видѣла прадѣдушку во снѣ.
Что жъ? говорю.—Да приходилъ за мною.—
Ну, полно, я опять, Господь съ тобою!

„Перекрестила, ну, молъ, ничего!
Анъ—вотъ и сонъ!“ Межъ тѣмъ ужъ въ ходъ пустили
И телеграфъ и почту; до всего
Дошли и все какъ должно разъяснили,
И князь Андрей скакалъ (о, торжество!)
Разсказывать, какія вѣсти были
Получены имъ первымъ: въ мигъ одинъ
Онъ просіялъ и выросъ на аршинъ!

Я, кажется, безъ очерка оставилъ
Вамъ князь-Андрея? Впрочемъ, про него
Что жъ и сказать? Себя онъ не прославилъ
Ничѣмъ, хотя честили всѣ его;
Ни чертъ лица особенныхъ ни правилъ...
Милѣйшее былъ, впрочемъ, существо!
Княжна его, хоть въ шутку, называла
Le Prince Tout le Monde, но очень уважала.

„Cette pauvre princesse!—онъ говорилъ:—какъ разъ
Tout est connu! Теперь все очень ясно!
Экстазъ, религіозный былъ экстазъ—
И—оскорбленье! Переходъ ужасный!
Душа искала пищи, а у насъ
Гдѣ эта пища—да съ такою страстной
Притомъ натурой?.. Ну-съ, въ Парижѣ былъ
Тому лѣтъ двадцать проповѣдникъ. Слылъ

„Онъ за святого. Дѣлалъ обращенья
Во множествѣ. Un saint François собой,
Аскетъ, траппистъ. Княжнѣ какъ откровенье
Онъ свыше былъ. Всей бросилась душой
Въ католицизмъ. Ужъ всѣ приготовленья
Окончены, и вдругъ какъ громовой
Ударъ—уѣхала!.. И вотъ теперь—разгадка!
Faut convenir, что сдѣлано все гладко!“

И радъ былъ, радъ и счастливъ князь Андрей.
Свѣтъ былъ не то что радъ, но злоязычью
Дать пищу радъ; радъ каждый былъ пигмей
Подставить ножку падшему величью
(Самоуслада маленькихъ людей),—
Но внѣшнему не измѣнилъ приличью,
Въ глубокомъ траурѣ и въ орденахъ
На пышныхъ весь онъ былъ похоронахъ...

Шли рѣчи въ группахъ... образъ величавый
Еще въ сердцахъ у всѣхъ былъ какъ живой.
И кто ее замѣнитъ: столько здравой
Въ ней было мысли, этотъ взглядъ прямой,
Возвышенный характеръ, вкусы, нравы...
Вопросъ же насчетъ Жени судъ людской
Такъ порѣшилъ: „Да! анекдотъ скабрёзный,
Но ей вольно же брать все такъ серьезно!..“

„Что̀ анекдотъ, ну лопнула струна,
Не въ этомъ дѣло!—слышалось сужденье:—
Тутъ—историческій моментъ! Княжна—
Полнѣйшее его лишь выраженье.
Въ исторіи нѣтъ личностей. Одна
Идея смыслъ даетъ имъ и значенье“,—
Сказалъ одинъ адъюнктъ,—конечно, вздоръ,
Но, подхвативши этотъ приговоръ,

Москвичъ извѣстный—борода большая—
Припомнилъ вотъ что̀: кто-то разъ весной,

Княжну въ края чужіе провожая,
Сказалъ ей вслѣдъ: „поѣхала домой!..“
О Женѣ тоже, что она „такая,
Какъ и княжна, но только вѣкъ иной,
Въ нихъ въ каждой книжка говоритъ чужая,
Въ княжнѣ—одна, а въ дѣвочкѣ—другая“.

О Женѣ, кстати, отзывъ привелось
Иной мнѣ слышать. Встрѣтились „сестрички“
И въ голосъ прокричали на вопросъ:
Что̀ Женя?—„Сволочь! барскія привычки!
Разнюнилась, какъ дѣйствовать пришлось!“
И вдаль помчались, стайкою какъ птички,
Какъ будто несъ ихъ вихорь-богатырь,
Что̀ по Руси гуляетъ вдоль и вширь...

XII.

Итакъ—княжна... Но—миръ во гробѣ спящимъ!
И грѣхъ живымъ, идущимъ къ ихъ гробамъ
Съ своимъ судомъ, лишь въ злобѣ дня судящимъ
И въ похвальбѣ своимъ дѣламъ и днямъ!
И мы, чредой, и съ нашимъ настоящимъ
Предстанемъ всѣ къ такимъ же судіямъ...
А кто безгрѣшенъ? Всѣ мы—человѣки!
Миръ праху твоему, княжна, вовѣки!

Два слова, впрочемъ. Няня сорокъ дёнъ
Служила панихиды, все какъ надо.
По случаю какихъ-то похоронъ
Я съ нею встрѣтился. Казалось, рада,
Что видитъ, ласковый, спокойный тонъ.
Рѣчь о княжнѣ, конечно,—вотъ—отрада
Была ей Женя, да и та... „Да, да,—
Вздохнувъ, она сказала:—молода,

„Еще глупа; ни что̀ къ добру, что̀ къ худу—
Понятья нѣтъ!.. Вонъ—замужъ-то идетъ:
Я только такъ, молъ, съ нимъ и жить не буду!..
Всѣ на нее теперь, что вотъ, молъ, вотъ!..
Дивятся дѣтской дури, словно чуду!
Эхъ, другъ! *и небо и земля пройдетъ*,
А дурь-то нешто вѣчная? Минуетъ!
Духъ у нея большой. Вотъ и бушуетъ...

„Княжна, бывало, по ночамъ не спитъ,
За что, молъ, на меня-то держитъ злобу!

А, чай, теперь въ нуждѣ какой сидитъ!
Снеси-ка, денегъ дастъ мнѣ, да попробуй,
Пообразумь. Прійду: нѣтъ, говоритъ,
И не моги! Нога моя до гробу
Не будетъ къ вамъ. А денегъ—хоть умру,
А не возьму.—Ну въ этакомъ жару,

„Гляжу, что̀ дѣлать? Время только трачу!
А бѣдность-то кругомъ: диванчикъ, столъ
Да стулъ—и все!.. Вѣдь забрала жъ задачу?
Гостей встрѣчала у нея. Пришелъ
Разъ цѣлый сонмъ. Галдятъ! А я-то плачу;
Въ уголушкѣ сижу. Да съ кѣмъ те свелъ
Непутный, говорю. Она жъ:—Да, путныхъ мало!
Сама, поди жъ ты, это понимала...“

„А что̀ теперь она?“—„Да какъ сказать!
Не кто какъ Богъ! Захочетъ, сердце тронетъ.
Что̀ гордость-то людская? Благодать,
Земныхъ владыкъ, и тѣхъ главу приклонитъ!..“
Тутъ, признаюсь, не съ тѣмъ, чтобы болтать
Ее заставить, я сказалъ: „прогонитъ
Всю эту дурь, какъ разглядитъ, она—
Какъ прогнала жъ вѣдь патера княжна...“

Старушка на меня взглянула косо
И поднялася съ мѣста, отъ меня
Боясь прямого, можетъ-быть, вопроса.
Но обернулась... Изумился я:
Я чувствовалъ, что̀ скорби поднялося
Въ ея душѣ! И, голову склоня,—
„Коли судить, сказала мнѣ, берешься,—
Слыхалъ ли то: не падши, не спасешься?..

„Затѣмъ—прости!“ И тихими шагами
Вдаль побрела. Смотрѣлъ я долго вслѣдъ.
Тутъ свѣжій холмъ, усыпанный цвѣтами,
Ея любовь и гордость столькихъ лѣтъ,
Та, что̀ прошла побѣдными стопами
Свой въ мірѣ путь, вкругъ разливая свѣтъ,
Дѣля *со всѣми* блескъ, всѣ жизни розы,—
Съ *одной* лишь съ ней—страданія и слезы.

Но отчего жъ?.. И кто ей указалъ?..
Та, для кого великія стремленья
И всякій высшій вѣка идеалъ
Доступенъ былъ и близокъ,—утѣшенье

Нашла лишь тамъ, куда не проникалъ
Ни блескъ, ни шумъ всемірнаго движенья,
Гдѣ теплится лампада да однѣ
Лишь шепчутся молитвы въ тишинѣ..

Пылинка влаги, въ небеса взлетая,
Тамъ золотомъ горитъ и серебромъ,
То въ радугахъ цвѣта переливая,
То разнося и молнію и громъ...
Отбушевавъ и отблиставъ, кончая
Свой горній путь, теряется потомъ
Въ бездонныхъ глубинахъ, гдѣ отъ начала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шквала...

Счастливъ, тысячекратъ счастливъ народъ,
Въ чьемъ духѣ есть тѣ жъ глубины святыя,
Невозмутимыя и въ дни невзгодъ,
Гдѣ всякія страданія земныя
Врачуются, гдѣ разумъ обрѣтетъ
И нищій духомъ на дѣла благія,
Затѣмъ, что тамъ отъ искони вѣковъ
Царитъ всецѣло чистый духъ Христовъ.

1877.

XII.

КАССАНДРА.

Сцены изъ Эсхиловой трагедіи

АГАМЕМНОНЪ.

Два величайшіе идеала, созданные Эсхиломъ, это—Прометей и Кассандра. Къ тому и другому могутъ быть примѣнены слова, которыя Кассандрѣ говоритъ хоръ: „Великій духъ — твоя погибель!“. Прометею посвятилъ поэтъ цѣлую трилогію, т.-е. три пьесы, изъ которыхъ до насъ дошла только одна. Кассандра является только какъ дѣйствующее лицо въ одной изъ его трагедій: „Агамемнонъ“. Въ переведенномъ мною отрывкѣ переданы сцены, ей посвященныя, и изъ предыдущаго взято сколько нужно, чтобы служить достаточною рамкою этому образу.

Великое значеніе Эсхила для Греціи—это то, что всѣ его трагедіи — апоѳеозъ водворенія какого-нибудь высшаго начала въ жизни грековъ. Въ трилогіи, которой „Агамемнонъ“ составляетъ первую часть, „Молящіе о защитѣ“—вторую и „Эвмениды“—третью,—душу всего созданія составляетъ прекращеніе кровной мести, переходъ отъ варварскихъ нравовъ къ высшимъ понятіямъ въ жизни. Тутъ варварство стоитъ еще предъ читателемъ во всемъ его ужасѣ (картина жертвоприношенія Ифигеніи, видѣнія Кассандры и пр.), тутъ господство еще старыхъ боговъ, требовавшихъ крови за кровь. Предъ нами исторія дома Атридовъ — длинный рядъ злодѣйствъ. Освѣщеніе, которое бросаетъ на нихъ Эсхилъ — это, какъ выражаются старые эстетики, *спасительный ужасъ*, т.-е. отвращеніе къ злодѣйству: понятно, какое цивилизующее впечатлѣніе производила его трагедія на современниковъ, въ памяти которыхъ еще живы были эти дѣла и времена! Фокусъ, изъ котораго исходитъ это освѣщеніе въ „Агамемнонѣ“, слѣдовательно лицо самое высокое и любезное для читателя, это—Кассандра, ясновидящая, вдохновенная жрица Аполлона, дочь Пріама, доставшаяся, по раздѣлѣ плѣнныхъ, въ добычу вождю ахейцевъ. Она одна выше всего окружающаго ее міра; ни свои въ Троѣ, ни чужіе здѣсь, въ Аргосѣ, ея не понимаютъ. Хоръ сочувствуетъ ея несчастіямъ, указываетъ даже, что великій духъ—ея погибель, но открываемыхъ ею горизонтовъ будущаго обнять не можетъ. Она между тѣмъ возвѣщаетъ, что въ слѣдующемъ поколѣніи будетъ положенъ конецъ „крови“, и дѣйствительно, въ третьей части трилогіи Орестъ, сынъ Агамемнона, преслѣдуемый старыми богами за убійство

матери, убійство, которое онъ долженъ былъ совершить, мстя за убійство отца, приведенъ наконецъ Аполлономъ предъ аѳинскій ареопагъ, гдѣ, подъ внушеніемъ Паллады, произносится приговоръ надъ старымъ варварскимъ міромъ и торжествуется наступленіе новой лучшей эпохи, царство разумницы Паллады. Вотъ общая мысль трилогіи. Вотъ роль, какую въ ней играетъ Кассандра.

Для уразумѣнія переведеннаго мною отрывка напомню читателямъ только тѣ черты кровавой исторіи Атридовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашей трагедіи.

У элидскаго царя Пелопса было два сына: Атрей и Тіэстъ. Атрей, чтобъ отмстить брату своему, обольстившему его жену, захватилъ его сыновей, убилъ ихъ и приготовилъ Тіэсту изъ нихъ обѣдъ. У Тіэста былъ еще сынъ Эгистъ. Отецъ завѣщалъ ему отмстить Атрею и его дѣтямъ. Онъ убиваетъ Атрея и троихъ его сыновей. Изъ пятерыхъ остались только Менелай и Агамемнонъ. Парисъ, сынъ троянскаго царя Пріама, похитилъ жену Менелая, Елену. Цари-братья, во главѣ всего флота ахеянъ, отправились подъ Трою. Дорогой послала имъ бурю богиня Артемида, для умилостивленія которой, по слову прорицателя, жреца Калхаса, Агамемнонъ приноситъ въ жертву свою дочь Ифигенію. Эгистъ между тѣмъ, въ отсутствіе царей, вошелъ въ связь съ женой Агамемнона, Клитемнестрой, и, воспользовавшись ея злобой на мужа за жертвоприношеніе дочери, подвигаетъ ее на убійство Агамемнона. Къ этому въ ней присоединяется еще ревность, жертвою которой должна пасть Кассандра. По совершеніи убійства Эгистъ и Клитемнестра остаются властителями Аргоса. Этимъ кончается первая часть трилогіи.

Во множествѣ изданій текста и его переводовъ, бывшихъ у меня подъ рукою, во многихъ мѣстахъ встрѣчается поразительное разногласіе въ чтеніи. Въ выборѣ, которому изъ нихъ послѣдовать, я руководствовался не столько авторитетомъ ученыхъ издателей, сколько ищa соотвѣтствія внутреннему смыслу рѣчи.

1.

Площадка передъ царскимъ дворцомъ въ Аргосѣ. Вдали — горы, море. Ночь. На плоской крышѣ дворца стражъ, поглядывающій то вдаль, то на небо.

СТРАЖЪ.

Положатъ ли когда-нибудь конецъ
Моимъ мученьямъ боги!.. Вотъ, какъ песъ,
Валяюсь столько лѣтъ на этой крышѣ!
Со звѣздами бесѣдую!.. Ужъ знаю
Всѣ наизусть, которыя приносятъ
Намъ холода, которыя жары,
Когда онѣ восходятъ и заходятъ...
Да!.. Не взята ли Троя—жду сигнала,
И какъ увижу, тотчасъ доложить
Объ этомъ госпожѣ. Мужское сердце
У этой женщины!.. Вотъ и ходи
Вокругъ своей соломы, а прилечь

Бѣда: заснешь. Запѣлъ бы съ горя пѣсню
Иль такъ бы посвисталъ—противу сна
Всего бы лучше—такъ приходятъ мысли
Различныя: такой ужъ это домъ,
Давно ужъ здѣсь все дѣется не такъ,
Какъ слѣдуетъ. Охъ, показался бъ, право,
Скорѣй огонь!.. Покончились бы муки!..

(Вдали зажигается огонь).

Да это онъ никакъ? сигналъ... Да! да!
Ну, здравствуй, наконецъ! Вотъ ты, желанный!
Вслѣдъ за тобой такой восходитъ день
Для Аргоса, что будетъ все съ утра
Плясать и пѣть на долахъ и горахъ!..
(Кричитъ) Ого! Ого!
Будить ее скорѣе...
Соскочитъ съ ложа и весь домъ подыметъ...
Легко сказать: побѣда! взяли Трою!
Я первый торжество открою!.. Да,
Я выкинулъ счастливыя-то кости
Для госпожи, я первый! Да и разомъ
Всѣ три шестерки!

(Сходитъ съ крыши).

Первому бы тоже
Поздравить было мнѣ и господина,
Какъ онъ вернется,—а о всемъ о прочемъ —
На ротъ замокъ повѣсить, помолчать...
Пусть лучше сами стѣны говорятъ,
Когда сумѣютъ. Съ тѣмъ, кто знаетъ,
Поговоримъ, пожалуй, и посудимъ,
А кто не знаетъ—„ничего не знаемъ!“

(Уходитъ во дворецъ).

2.

Входитъ хоръ городскихъ старцевъ. Хоръ раздѣляется на двѣ стороны, у каждой свой корифей.

ХОРЪ.

Ахъ, десятый ужъ годъ на исходѣ теперь,
Какъ помчались войной
Менелай съ Агамемнономъ, братья-цари,
Отъ Зевеса двойнымъ
Надѣленные тономъ и скиптромъ двойнымъ,
На Пріамовъ помчались гралъ,

Далеко отъ родимой земли,
Во главѣ всего флота ахеянъ.
Они подняли кликъ боевой по землямъ,
Что̀ два коршуна, вдругъ въ разоренномъ гнѣздѣ
Не нашедши птенцовъ,
Въ перепугѣ замечутся въ воздухѣ, внизъ и наверхъ,
И зовутъ, и кричатъ на весь міръ
Объ ужасной потерѣ своей,—
И услышитъ ихъ Зевсъ, или Панъ, или Фебъ,
И укажетъ имъ слѣдъ,
И проклятье пошлетъ
По пятамъ въ наказанье злодѣю:
Такъ Зевесъ и Атридовъ послалъ
Звать Париса на судъ,
Ради правъ опозоренныхъ имъ очага—
И теперь изъ-за той вѣроломной жены,
Тамъ подъ Троей, вкругъ стѣнъ въ непроглядной пыли,
Неумолчная тянется брань,
И трещатъ и стучатъ и мечи и щиты,
Наступаютъ и падаютъ люди во прахъ,
При неистовыхъ крикахъ кругомъ
Разъяренныхъ троянъ и ахейцевъ;
И чѣмъ кончится споръ—то невѣдомо намъ,
Но ни слезы уже, ни сожженіе жертвъ,
Ни мольбы не смягчатъ пробужденныхъ войной
И слѣдящихъ за ратями фурій.

ОБА КОРИФЕЯ.

Подъ напоромъ годовъ одряхлѣвъ, старики,
Мы отстали отъ нихъ, отъ могучихъ бойцовъ,
И сидимъ по домамъ.
Бродимъ съ посохомъ вкругъ, словно дѣти—увы!—
Безпомо̀щны: у нихъ передъ кликомъ войны
Въ неокрѣпшей груди
Содрогается духъ, какъ и въ насъ, старикахъ,
И съ подпорой своей чуть плетется старикъ
По поблеклой листвѣ, угасая, какъ тѣнь
Передъ днемъ, разсвѣтающимъ въ небѣ!

(Изъ дворца по лѣстницѣ спускаются служанки съ чашками, сосудами, факелами и украшаютъ алтари.

ХОРЪ *(обращаясь къ открывшимся дверямъ дворца).*

О, царица, скажи,

Клитемнестра, Тиндарова дочерь,
Что̀ за праздникъ? Зачѣмъ убраны алтари
И готовятся жертвы богамъ
И небеснымъ, и адскимъ, и имъ, покровителямъ града?
И вездѣ поднимаются къ небу огни?
Изъ палаты твоей то елей, то вино
Въ драгоцѣнныхъ сосудахъ служанки несутъ безъ конца...
Если вѣсти къ тебѣ дорогія пришли,
Облегчи намъ сердца, неизвѣстность разсѣй!
Мы томимся въ тоскѣ,
А смотря на убранство твоихъ алтарей,
Предаваться ль надеждѣ—не знаемъ.

(Служанки продолжаютъ свое дѣло. Изъ дворца никто не выходитъ на моленіе хора).

КОРИФЕЙ.

Все же есть утѣшеніе намъ:
При отплытьи вождей
Были добрыя знаменья имъ—
А довѣрье къ богамъ, пѣснопѣній родникъ,
Не изсякъ еще въ насъ,
И побѣдѣ предсказанный срокъ—не насталъ!
Въ самый мигъ, какъ цари обнажили мечи,
Вдругъ отъ правой руки
Опустились на кровлю дворца два орла—
Бѣлоснѣжный одинъ, черноперый другой—
И въ когтяхъ ихъ живая зайчиха была,
И они принялися терзать и ее
И зайчатъ, ею тутъ же рожденныхъ...

ХОРЪ.

Плачьте, о, плачьте,
Но да будетъ побѣда добру!

КОРИФЕЙ.

Какъ увидалъ ихъ Калхасъ-прорицатель,
Тотчасъ на обоихъ Атридовъ взглянулъ:
Ихъ онъ призналъ въ двухъ орлахъ, и сказалъ:
„Будутъ Пріамовы стѣны добычей ахейцевъ.
И вѣковыя
Богатства отыметъ судьба у троянъ—
Лишь бы надъ Троею взвившійся бичъ,
Прежде чѣмъ пасть на нее,

Гнѣвомъ кого изъ боговъ не порвался.
Артемида не стерпитъ, что здѣсь
Зевса крылатые псы
Мать и дѣтенышей еле рожденныхъ заѣли.
Этотъ кровавый противенъ ей пиръ".

ХОРЪ.

Плачьте, о, плачьте,
Но да будетъ побѣда добру.

КОРИФЕЙ (*продолжая рѣчь Калхаса*).

„Только бъ она, Артемида, которой любезны
И львицы пустынной
И всякаго звѣря лѣсного
Сосущія мать порожденья,—только бъ она
Не мѣшала исполниться добрымъ обѣтамъ!
Будемъ молить отвратителя бѣдъ, Аполлона,
Чтобы намъ она бурю и вѣтръ не послала,
Требуя жертвы иной, нечестивой, ужасной,
Безъ пира и пѣсенъ,
Которая злобу убудитъ, и новую кровь уготовитъ,
И, памятью дочери, въ злой и коварной женѣ
Будетъ питать ежечасно о мщеніи мысль!"
Такъ усмотрѣлъ прорицатель Калхасъ
Изъ явленья орловъ для Атридова дома
И великое благо и зло.
Плачьте жъ, о, плачьте о злѣ,—
Но да будетъ побѣда добру!

ХОРЪ.

Плачьте, о, плачьте,
Но да будетъ побѣда добру!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Зевсъ! Кто бъ ни былъ ты, взываемъ
Этимъ именемъ къ тебѣ!
Ты одинъ намъ покровитель,
Вождь и помощь въ злой судьбѣ!
Палъ Уранъ, преградъ отъ вѣка
Не видавшій предъ собой,
Отъ такой же палъ онъ силы
Кровожадной и слѣпой.
Кроносъ свергнутъ сыномъ—Зевсомъ,
Зевсъ, владыкой ставъ среди
Міроздавья,—человѣку
Умъ и совѣсть далъ въ вожди—

Умъ—мужающій въ невзгодахъ,
Совѣсть—даже и во снѣ
Направляющую сердце
Къ правдѣ въ мирѣ и войнѣ.

КОРИФЕЙ.

Царь Агамемнонъ, въ заботахъ вождя,
И забылъ о Калхасовыхъ вѣщихъ словахъ,
И невзгоды и бѣды покорно сносилъ,
Но когда, послѣ мертваго штиля,
Изнурявшаго войско ахеянъ,
Противъ Халкиса праздно стоявшаго ночи и дни,
Въ водоворотахъ Авлиды,—
Вдругъ отъ Стримона буря ударила съ вихремъ и вѣтромъ,
Запирая изъ гавани выходъ,
И срывая кругомъ корабли съ якорей,
И о берегъ утесистый ихъ разбивая,
И погибалъ лучшій цвѣтъ ополченья ахеянъ;
И казалося, бурѣ не будетъ конца,
И Калхасъ вошелъ въ кругъ смущенныхъ вождей
И сталъ говорить,
И назвалъ ту жертву, которой желаетъ богиня,
Пославшая бурю,
И ударили въ скорби о землю жезломъ
И заплакали оба Атрида,—
„Горе!—воскликнулъ тогда Агамемнонъ:—
Горе, когда не исполню велѣнье богини,
И горшее, если, сокровище дома, дитя мое, дочь
Самъ заколю и невинною кровью ея
Отцовскія руки мои обагрю!
И тамъ злое горе—и здѣсь!
Воротиться домой—одному—бѣглецомъ—
Всѣми оставлену—все потерять—
А все войско—всѣ требуютъ жертвы—грозятъ—
И требовать право имѣютъ!“
И, всѣми кругомъ обступаемый, душу
Нечестивой, ужасной онъ мысли открылъ.
И скорый въ рѣшеньяхъ всегда
Приступить велѣлъ къ дѣлу тотчасъ.

ХОРЪ.

Ахъ, первый ошибочный шагъ
Въ насъ разжигаетъ упрямство и страсть!
Ради той вѣроломной жены.

Ради мести Парису,
На жертву обрекъ онъ любимую дочь!

КОРИФЕЙ.

И ни слезы ея, ни моленья къ отцу,
Ни младая дѣвичья краса
Не тронули сердца суровыхъ мужей.
Отецъ—лишь умолкли молитвы—
Словно лань молодую, велѣлъ,
Покровомъ окутавъ,
На жертвенникъ навзничь ее опрокинуть,
И крѣпче держать,
И ротъ завязать, чтобъ она
Проклятій отцовскому дому не слала.
И схватили ее, и завязанъ былъ ротъ.
Брызнула кровь подъ ножомъ,
И лишь взглядъ, какъ стрѣла,
Состраданьемъ сердца поразилъ...
Нѣма и прекрасна какъ мраморъ, казалось, она
Хотѣла еще говорить,
Какъ прежде, когда на пиры
Въ отцовскомъ дому выходила къ гостямъ
И пѣла хвалебный пэанъ
Благоденствію дома Атридовъ и славѣ отца.
Что было потомъ—то невѣдомо намъ,
Но исполниться должно пророчеству вѣщаго мужа!
Учитъ разуму Зевсъ изъ страданій и бѣдъ...
Не хотимъ проницать въ тьму грядущаго мы!
Преждевременно плакать не станемъ...
А въ грядущемъ зловѣщее чуется намъ...
Только молимъ—да все обратится на благо земли!

3.

Тотъ же хоръ и Клитемнестра, выходящая изъ дворца.

КОРИФЕЙ.

Пришли мы на твой зовъ, царица.
Когда царя нѣтъ дома, ты его
Намъ заступаешь мѣсто. Если ты
Извѣстіе какое получила,
Что заказала жертвоприношенья,
Благоволи сказать, когда возможно.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Скажу пословицей: счастливый день
Да народится отъ счастливой ночи!

Узнайте же теперь такую радость,
Какой едва и ожидать мы смѣли:
Взята ахейцами—и пала Троя!

КОРИФЕЙ.

Что̀ ты сказала?.. Вдругъ и не поймешь.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Палъ Иліонъ предъ эллинами. Понялъ?

КОРИФЕЙ.

Отъ радости я, кажется, заплачу...

КЛИТЕМНЕСТРА.

И вѣрю, что отъ искренняго сердца.

ХОРЪ.

Но вѣрны ли полученныя вѣсти?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Конечно, если боги намъ не лгутъ.

ХОРЪ.

Пріятный сонъ тебя не обольстилъ ли?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Не вѣрю я пустымъ мечтаньямъ сна.

ХОРЪ.

Быть-можетъ, только мимолетный слухъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты говоришь со мною, какъ съ ребенкомъ!

ХОРЪ.

Съ какого жъ времени? Когда взятъ городъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Сію же ночь,—на этотъ самый день.

ХОРЪ.

Да кто жъ такъ скоро передалъ извѣстье?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Огонь *): сперва—пылающая Ида,
А отъ нея, одинъ вслѣдъ за другимъ,
До Аргоса сигнальные костры.
Пожаромъ Иды озарился Лѣмносъ,
Оттуда пламя перенялъ Аѳонъ;
Съ его высотъ священныхъ, золотясь

*) Въ подлинникѣ: Гефестъ. Весь этотъ монологъ сокращенъ въ переводѣ.

По зѣркальному морю, побѣжало
Все дальше, дальше радостное пламя—
На Лесбосъ, на Мессану, Киѳеронъ;
Одно, блеснувъ, другое вызываетъ.
Вездѣ ихъ люди ждутъ и десять лѣтъ
Костры изъ вѣковѣчныхъ цѣльныхъ сосенъ.
Черезъ Саронскій наконецъ заливъ
Блеснулъ огонь на скалы Арахнея,
И ужъ оттуда къ намъ, на домъ Атридовъ.
И здѣсь теперь—послѣдній это отблескъ
Въ сей самый мигъ, теперь, горящей Трои.
Вотъ какъ мнѣ передалъ извѣстье мужъ.

ХОРЪ.

О, слава, слава вѣчная богамъ!..
Дивиться только, слушая тебя!
Хоть сызнова разсказывай, все бъ слушалъ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да, пала Троя!.. Наши тамъ ночуютъ.
Чай, стонъ теперь надъ городомъ стоитъ!
Перемѣшались и побѣдитель
И побѣжденный, какъ въ водоворотѣ.
И не сольются, что̀ вино и масло
Въ одномъ сосудѣ, какъ ихъ ни болтай!..
Да!.. Побѣжденные!.. Тамъ надъ тѣлами
Мужей и братьевъ стонутъ жены, сестры;
Надъ стариками плачутъ дѣти, всѣ,
Кто живъ остался, всѣ—рабы навѣкъ!..
А побѣдители, еще въ крови,
Истомлены и голодомъ и боемъ,
Изъ дома въ домъ перебѣгаютъ, жадно
Все поѣдая, что̀ найдутъ, кидаясь
Толпой и другъ у друга отымая!
Наѣвшись, гдѣ пришлось, въ домахъ, въ чертогахъ,
Валятся спать, ужъ не боятся больше
Ни росъ ночныхъ ни снѣга, и безъ стражи,
И мирно спятъ, какъ боги спятъ, всю ночь!..
И ежели боговъ, пенатовъ Трои,
И ихъ святынь они не оскорбятъ,
Побѣда ихъ останется за ними...
Не бросились бы только грабить храмовъ:
Имъ нужно счастье на обратный путь.
Какъ на бѣгу, на играхъ... Прогнѣвятъ
Они боговъ, то пролитая кровь

Проснется и на нихъ возопіетъ
О мщеньи къ небу...
Такъ я разсуждаю,
Какъ женщина... „Лишь повело бъ къ добру“, —
Безъ всякой, вѣрьте, затаенной мысли
Я говорю—за это пожеланье,
Охъ, дорого я—очень заплатила!

ХОРЪ.

Ты женщина, но говоришь, какъ мужъ.
Идемъ теперь принесть благодаренье
Богамъ безсмертнымъ: щедро насъ они
За долгое страданье наградили.

4.

За симъ пропускается мною сцена, когда пріѣзжаетъ Агамемнонъ на торжественной колесницѣ, везомой народомъ. Съ нимъ рядомъ сидитъ Кассандра, дочь Пріама, доставшаяся при раздѣлѣ плѣнныхъ Агамемнону. Хоръ привѣтствуетъ царя. Выходитъ потомъ изъ дворца Клитемнестра и въ длинной рѣчи выражаетъ, какъ ждала мужа, велитъ разостлать пурпурные ковры по лѣстницѣ во дворецъ, куда и уходитъ съ Агамемнономъ. Остается Кассандра на колесницѣ, неподвижная, молчаливая, и хоръ старцевъ. Клитемнестра возвращается и, стоя на верху лѣстницы, приглашаетъ Кассандру войти во дворецъ. Въ ея рѣчахъ презрѣніе, иронія и нетерпѣніе.

КЛИТЕМНЕСТРА.

И ты,—Кассандра, кажется?—войди.
Къ тебѣ Зевесъ былъ милостивъ, позволивъ
Предстать передъ алтарь свой въ нашемъ домѣ
И съ нашими рабами въ жертвоприношеньяхъ
Участвовать. Такъ отложи же гордость,
Спустися съ колесницы. Самъ Алкидъ
Былъ тоже въ рабство, сказываютъ, проданъ.
И если ужъ такой ударъ судьбы
Постигъ тебя, то въ древнемъ, славномъ домѣ
Рабою быть еще счастливый жребій.
Кто только началъ пожинать богатства,
Тотъ строгъ и жёстокъ со своей прислугой,
У насъ же, здѣсь, на все, что̀ справедливо,
Что̀ слѣдуетъ,—разсчитывать ты можешь.
(Кассандра молчитъ).

ХОРЪ *(къ Кассандрѣ).*

Царица правду говоритъ. Конечно,
Попавши въ сѣть, ужъ нечего тутъ биться,
Ужъ покорись, иди, куда зовутъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ну, ежели, какъ ласточка, она
На языкѣ лепечетъ неизвѣстномъ
И рѣчь мою не поняла, то все же
Хоть сердцемъ чувствовать могла бы,
Что я хочу сказать, и—покориться.

(Кассандра молчитъ).

ХОРЪ *(къ ней)*.

Иди за ней. Ужъ лучшаго не можетъ
Тебѣ быть ничего теперь. Иди же!

КЛИТЕМНЕСТРА.

А впрочемъ, ждать мнѣ некогда. Готовы
У очага стоятъ уже овны, и праздникъ
Ужъ начался—какого мы едва
Когда-нибудь и ожидать могли.
И ты не медли. Если жъ въ самомъ дѣлѣ
Не понимаешь словъ моихъ, то сдѣлай,
Какъ варвары, скорѣй хоть знакъ рукою.

(Сама дѣлаетъ пригласительный жестъ. Кассандра молчитъ).

ХОРЪ.

Она дика, что̀ пойманная лань,
Уговорить ее бы надо лаской.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Нѣтъ, бѣшенство въ ней дышитъ и безумство.
Еще вчера съ пылающихъ развалинъ
Родного города взята, она
Не покорится и не склонитъ выи,
Пока удилъ своихъ не окровавитъ.
Мнѣ нечего позориться съ ней больше!

(Уходитъ во дворецъ).

5.

КАССАНДРА И ХОРЪ.

КОРИФЕЙ.

Намъ жаль тебя, несчастная! Послушай,
Спустися съ колесницы, покорись
И свой удѣлъ безропотно прими.

(Пауза).

КАССАНДРА *(воздѣвъ очи къ небу)*.

О, горе! о, матерь Земля!
О, Аполлонъ! Аполлонъ!

КОРИФЕЙ.

Зачѣмъ же ты взываешь къ Аполлону?
Вѣдь съ жалобой къ нему не прибѣгаютъ!

КАССАНДРА.

О, Аполлонъ! Аполлонъ!

ХОРЪ.

Опять она взываетъ къ Аполлону,
Который слезъ не любитъ, не пріемлетъ!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня! мой погубитель!
Какой еще новый готовишь ударъ!

ХОРЪ *(тихо)*.

Свою судьбу пророчитъ... Не покинулъ
И въ рабствѣ духъ пророческій ее!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня!—въ какой привелъ домъ!

КОРИФЕЙ *(съ участіемъ)*.

Не знаешь развѣ? Это домъ Атридовъ.

КАССАНДРА *(внѣ себя, обступаемая видѣніями, съ возрастающимъ ужасомъ)*.

Домъ, ненавистный богамъ!.. Злодѣяній вертепъ!
Удушенье! убійство!.. Стѣны и полъ
Человѣческой политы кровью!

ХОРЪ.

Какъ добрая ищейка, тотъ же часъ
Послышала давнишній запахъ крови!..

КАССАНДРА.

Словно въ кровавый туманъ я гляжу...
Вонъ—душатъ дѣтей!..
Жарятъ—отцу подаютъ на обѣдъ...

ХОРЪ.

Охъ, это мы давно и вдосталь знаемъ!
Да не къ добру о томъ напоминанье.

КАССАНДРА.

Она... Что она замышляетъ?
Что тамъ готовитъ еще?
Новое горе! горе ужасное!

Неотвратимое!
Непоправимое!..
И нѣтъ спасенья кругомъ!

ХОРЪ.

Что̀ видится еще ей?.. Непонятно!
Иль новое пророчествуетъ горе!

КАССАНДРА.

Несчастная! ты приступила ужъ къ дѣлу...
Въ баню ведешь его, мужа-владыку...
Не успѣваю и говорить...
Такъ все быстро вершится... вонъ она, вся дрожа..
Протянула ужъ руки къ нему...

ХОРЪ.

Для насъ все это—темныя загадки...

КАССАНДРА.

Боги! Что̀ вижу еще?
Адская сѣть!
Это—брачное ихъ покрывало...
Фуріи! Фуріи!
Ненасытимыя кровью проклятаго этого рода!
Запѣвайте ужасную пѣснь...
Новую жертву встрѣчайте!

КОРИФЕЙ.

Какихъ зовешь ты фурій? О какой
Еще ужасной поминаешь пѣснѣ?..

ХОРЪ.

Къ сердцу вся кровь приливаетъ моя!
Точно пронзилъ кто мечомъ мою грудь!
Точно глубокая ночь погашаетъ кругомъ
Свѣтъ убѣгающей жизни...
Ждать намъ, о, ждать намъ бѣды!

КАССАНДРА.

Смотрите—ахъ! ахъ! удержите, держите ее!..
Накинула адскій покровъ..
Опутала... боги!.. ударъ!
Упалъ онъ—упалъ.

КОРИФЕЙ.

Не смыслю ничего въ разгадкѣ я
Оракуловъ,—но чую тутъ бѣду!

ХОРЪ.

Въ прахѣ рожденнымъ—развѣ когда
Скажетъ оракулъ, свѣтлую вѣсть?
Темное слово вѣщихъ боговъ
Лишь въ совершившихся ясно бѣдахъ!

КАССАНДРА.

Ахъ! вотъ и мнѣ, злополучной, конецъ!
Жребій мой связанъ съ его!
Что жъ ты привелъ меня въ домъ свой? Зачѣмъ?
Или затѣмъ, чтобъ одной смертью съ тобой умереть!

ХОРЪ.

Ты, вдохновенная! пѣснь о себѣ ты заводишь!
Скорбную пѣснь, какъ поетъ соловей,
Непонятную намъ изливая печаль
Въ сладкозвучныхъ рыданьяхъ своихъ!

КАССАНДРА *(успокоиваясь, съ грустью, какъ и всѣ послѣдующія строфы).*

Сладко поющая птичка дубравная!
Дали безсмертные крылья ей быстрыя,
Дали безслезную, вольную жизнь...
Мнѣ же двуострый ножъ впереди!

ХОРЪ.

О, какія видѣнья тебя обступаютъ?
Отчего этотъ ужасъ, отчаянья вопль?
Вопль этотъ, намъ раздирающій душу, зачѣмъ?
Что вызываетъ, скажи, въ откровеньяхъ боговъ
Безконечную скорбь въ потрясенной душѣ?

КАССАНДРА.

О, Парисъ! О, погибель! О, бракъ твой преступный!
О, Скамандра родимыя воды!
На твоихъ берегахъ я блуждала по днямъ,
Безъ заботъ пѣла дѣтскія пѣсни свои...
А теперь—Ахеронъ и угрюмый Коцитъ
Огласятся стенаньемъ моимъ!

ХОРЪ.

Вопли твои, о, несчастная,
Были бъ и дѣтямъ понятны!
Сердце сжимается, точно поешь
Ты передсмертную пѣснь надъ собой!

КАССАНДРА.

О, Иліонъ! Ты, во прахѣ лежащій теперь!
Дымъ отъ безчисленныхъ жертвъ, что̀ богамъ приносилъ,
Строя стѣны его, злополучный отецъ!
Безполезныя жертвы, увы!
Гордый палъ Иліонъ—и ведутъ на убой
Вдохновенную жрицу его!

ХОРЪ.

Тѣ же рѣчи... все тѣ же видѣнья...
Черный демонъ тебѣ, полныя смертной тоски,
Ужаса полныя рѣчи внушаетъ...
Что̀ предвѣщаютъ онѣ?..

(Хоръ, подъ впечатлѣніемъ рѣчей Кассандры, погружается въ раздумье. Краткое молчаніе).

КАССАНДРА *(совсѣмъ успокоясь).*

О, пусть же все теперь вамъ будетъ ясно!
И все, что̀ говорю я, потеряетъ
Видъ новобрачной, какъ она глядитъ
Изъ-подъ вѣнчальнаго покрова!.. Пусть
Мои слова, какъ предразсвѣтный вѣтеръ,
Вослѣдъ за бурной ночью, вамъ раскроютъ,
Что нѣтъ для васъ ужаснѣйшаго горя,
Какъ то, что̀ вынесетъ теперь волна
Изъ темныхъ безднъ и на̀ берегъ къ вамъ кинетъ!
Открою все я вамъ въ ужасной правдѣ...
Но прежде вы скажите мнѣ, что правда ль—
Всѣ ужасы, что̀ говорила я
Про этотъ домъ? Проклятія и стоны,
Какъ хоръ безумный, въ немъ не умолкаютъ.
До бѣшенства уже упившись кровью
Здѣсь поселились фуріи, какъ дома,
И пляшутъ и неистовствуютъ, славя
Злодѣйства дѣдовъ, и отцовъ, и внуковъ...
О, ежели неправда, уличайте,
Что на̀ вѣтеръ я говорю, подобно
По улицамъ шатающейся нищей!
Ну, поклянитесь, что все то неправда!

ХОРЪ.

Когда бы мы и поклялись, была ли бъ
Та клятва въ прокъ Атридамъ? Мы дивимся,

Какъ ты пришла изъ-за моря и знаешь,
Какъ будто видѣла, все, что здѣсь было!

КАССАНДРА.

Мнѣ даръ всевидѣнья данъ Аполлономъ.

ХОРЪ.

Онъ благосклоненъ былъ къ тебѣ? Любилъ?

КАССАНДРА.

Донынѣ—стыдъ мнѣ былъ бы въ томъ сознаться!

ХОРЪ.

Достоинство хранимъ мы въ счастьѣ строже!

КАССАНДРА.

Любилъ и—требовалъ моей любви!

ХОРЪ.

И ты его порывамъ уступила?

КАССАНДРА.

Дала обѣтъ, но не сдержала слова!

ХОРЪ.

Ужъ получивъ сперва даръ прорицанья?

КАССАНДРА.

Ужъ гибель я предсказывала Троѣ!

ХОРЪ.

И гнѣвъ его тебя не поразилъ?

КАССАНДРА.

Ужасный гнѣвъ: никто не сталъ мнѣ вѣрить!

ХОРЪ.

Межъ тѣмъ какъ ты предсказывала правду?

КАССАНДРА *(снова приходитъ въ изступленіе).*

Ахъ—боги! Вонъ,—все то жъ опять видѣнье...
Какъ будто вихрь кругомъ, и голоса... *(Быстро)*
Вонъ тамъ—передъ воротами—вонъ—двое
Сидятъ дѣтей—какъ блѣдныя двѣ тѣни—
Два мальчика—убиты дядей—держатъ
Въ рукахъ остатки собственнаго мяса—
Кишки и сердце... Ужасъ! боги! боги!..
Остатки отъ тѣхъ блюдъ, что на пиру
Отецъ ихъ ѣлъ!.. Они взываютъ къ мести—
И мстить за нихъ идетъ ублюдокъ льва,

Здѣсь на чужомъ упрятавшійся ложѣ
И броситься сбирающійся съ ложа
На господина моего... Да, да,
На господина моего—вѣдь я
Его раба!.. А онъ, ахейцевъ вождь
И разрушитель Трои, онъ не чуетъ,
Что̀ кроется подъ длинными рѣчами,
Подъ ласками собаки этой!.. Онъ
Не чуетъ, что̀ готовится ему
Отъ этой фуріи... Зарѣжетъ мужа
Она, жена!.. Да есть ли имя ей?
Змѣя двулицая! Въ глухихъ пещерахъ
Живущее чудовище! Къ своимъ
Она горитъ ненасытимой злобой!
О, какъ ликуетъ, точно собираясь
Плясать и пѣть на пиршествѣ побѣды!
Какъ притворяется, что это—радость
При встрѣчѣ мужа... Вѣрьте мнѣ иль нѣтъ,
Вѣдь все равно, все сбудется, вы всѣ
Увидите, всѣ скажете тогда,
Что точно даръ пророчества мнѣ данъ...

ХОРЪ.

Ты говорила про обѣдъ кровавый
Тіэста, страшно говорила, точно
Сама была при этомъ, но что̀ послѣ
Еще сказала, намъ пока темно.

КАССАНДРА.

Про смерть Агамемнона—я сказала!

ХОРЪ.

Уйми языкъ, несчастная, молчи!

КАССАНДРА.

Неотразимо все! ничѣмъ! никѣмъ!

ХОРЪ.

Покамѣстъ нѣтъ еще и—да не будетъ!

КАССАНДРА.

Вы мо̀литесь, а тамъ убійство зрѣетъ!

ХОРЪ.

Кто жъ тотъ злодѣй, что̀ мыслитъ объ убійствѣ?

КАССАНДРА.

Несчастные, не поняли меня!

ХОРЪ.

Не знаемъ, кто жъ убійцей можетъ быть!

КАССАНДРА.

А вѣдь на вашемъ языкѣ сказала!

ХОРЪ.

И Фебовыхъ пророчествъ теменъ смыслъ!

КАССАНДРА *(опять возбужденная послѣдними словами хора).*

Ахъ!.. точно все горитъ во мнѣ... вся грудь...
Фебъ! Аполлонъ! да пощади же ты!
(Быстро указывая на дворецъ)
Двуногая та львица, что̀ спала—
Когда былъ левъ далеко—съ волкомъ,—жребій
И мой рѣшитъ! Къ закоренѣлой злобѣ,
Какъ будто составляя ядъ, мѣшаетъ
Еще мнѣ месть и, ножъ точа на мужа,
Безстыдно хвалится, что умереть
Изъ-за меня онъ долженъ!.. О, къ чему
Онъ мнѣ теперь, мой жезлъ, моя повязка—
Прочь, прочь! сама его ломаю! прочь!

(Ломаетъ и бросаетъ жезлъ, вѣтвь лавра).

Повязка роковая, прочь! погибни!
Пускай другой достанется ихъ сила
Проклятая!.. На, Аполлонъ, иди,
Возьми назадъ мой жреческій покровъ!

(Кидаетъ мантію).

Ты самъ, своими видѣлъ ты глазами,
Какъ надо мной, въ одеждахъ этихъ, въ Троѣ—
Безумные!—свои же насмѣхались!
Ругали, какъ врага, ехидной нищей,
Обманщицей—голодную меня,
Несчастную, отвергнутую всѣми!
И наконецъ, всевидящій, меня
Всевидѣньемъ своимъ самъ одарившій—
Ведетъ теперь на смерть! Отъ алтарей
Отеческихъ ведетъ подъ ножъ убійцы,
Въ чужомъ краю!.. И все жъ тутъ не конецъ
Пролитой крови—и за насъ опять
Придетъ и будетъ мстить еще другой,
И матереубійствомъ онъ отвѣтитъ

На смерть отца!.. Скиталецъ возвратится,—
И только онъ—одинъ—конецъ положитъ
Проклятью, что̀ лежитъ на всемъ ихъ родѣ:
Такъ боги поклялися — смерть отца
Ему откроетъ въ Аргосъ путь *)...
Но что̀ же!
Чего стою я здѣсь? Чего я плачу!
Я видѣла погибель Иліона;
Теперь съ небесъ упасть готова кара
На побѣдителей!.. Чего жъ мнѣ медлить?
И мнѣ пора! Туда жъ со всѣми ими!

(Обращаясь къ воротамъ дворца)

Привѣтствую васъ, адскія врата!
Лишь объ одномъ молю: чтобы подъ вѣрнымъ
Мнѣ умереть ударомъ; чтобъ спокойно,
Покамѣстъ, тихо замирая, будетъ
Струиться кровь моя,—смежить глаза
Покорно мнѣ, безъ ропота, безъ стона...

(Сходитъ съ колесницы).

ХОРЪ.

Вотъ жребій-то!.. И вѣщій даръ при этомъ!
Зачѣмъ же, зная, что̀ тамъ ждетъ тебя,
Идешь ты къ нимъ, навстрѣчу лютой смерти,
Идешь сама, что̀ жертва на закланье?

КАССАНДРА.

Не избѣжать, друзья мои, судьбы!
Подходитъ время и—влечетъ меня!..

ХОРЪ.

Но для чего жъ его предупреждать?

КАССАНДРА.

Его избѣгнуть—тщетное старанье!

ХОРЪ.

Великій духъ—твоя погибель, дѣва!

КАССАНДРА.

Но есть вѣдь утѣшенье въ смерти!

---

*) Она разумѣетъ Ореста, сына Агамемнонова, котораго Клитемнестра, со своимъ любовникомъ Эгистомъ, удалила изъ Аргоса. Въ третьей части этой трилогіи Орестъ, преслѣдуемый фуріями, приходитъ въ Аѳины, и тутъ ареопагомъ, подъ вліяніемъ Паллады, полагается рѣшеніе о прекращеніи родовой мести, о чемъ здѣсь и пророчествуетъ Кассандра.

ХОРЪ.

Ахъ, тотъ, кто счастливъ—этого не скажетъ!

КАССАНДРА *(хочетъ итти ко дворцу).*

Пріамъ! Пріамъ! Одна съ тобой судьба
И всѣмъ твоимъ, тебя достойнымъ дѣтямъ.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ ко дворцу, но возвращается назадъ въ ужасѣ).

ХОРЪ.

О, что̀ жъ еще ее тамъ поразило?

КАССАНДРА *(съ отвращеніемъ).*

Ахъ...

ХОРЪ.

Что̀ съ тобой? Опять ты вся дрожишь?

КАССАНДРА.

Не пересилю запахъ крови—тамъ!

ХОРЪ.

Быть-можетъ, чадъ отъ жертвоприношеній?

КАССАНДРА.

Нѣтъ, тлѣнья, тлѣнья духъ, какъ изъ могилы!

ХОРЪ.

Увы! не сирскихъ ароматовъ запахъ!

КАССАНДРА *(дѣлая надъ собою усиліе).*

Иди! И тамъ наплакаться успѣешь
Еще о немъ и о себѣ... Иди!..

(Къ хору)

Довольно жить. Прощайте. Я дрожу,—
Но не какъ птичка передъ шумомъ листьевъ:
Вы это вспомните—уже тогда,
Когда давно въ землѣ лежать я буду,
Когда за кровь мою падетъ—другая,
За Агамемнона—другой... И это—
Привѣтъ мой за твое гостепріимство
И мой прощальный даръ, о, домъ Атридовъ!

(Поднимается по лѣстницѣ дворца).

ХОРЪ.

Ты намъ терзаешь сердце, чужестранка!

КАССАНДРА *(взойдя на лѣстницу)*.

Къ тебѣ теперь послѣднее воззванье,
О, Аполлонъ! Послѣднимъ заклинаю
Тебя лучомъ, который вижу,—сдѣлай,
Что такъ же бы легко мой мститель могъ
Моимъ убійцамъ отомстить, какъ имъ
Меня убить достанется—рабу
Ничтожную и слабую... О, жизнь,
Жизнь человѣческая! Счастливъ ты?
Тѣнь мимолетная найдетъ, и счастья
Ужъ нѣтъ!.. Несчастливъ?—вмигъ—прикосновенье
Лишь влажной губки—и исчезъ твой образъ—
И это, можетъ-быть, всего ужаснѣй!

(Входитъ во дворецъ).

1874.

Оглавленіе

III тома.

	стр.
Поэмы: Олинѳъ и Эсѳирь. Римскія сцены временъ V вѣка	3
Двѣ судьбы. Быль	31
Машенька	71
Три смерти. Лирическая драма.	107
Смерть Люція. Вторая часть лирической драмы „Три смерти“ . .	124
Странникъ	163
Сны. Поэма въ четырехъ пѣсняхъ	187
Изъ Апокалипсиса	203
Бальдуръ. Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды . .	211
Пульчинелль	227
Княжна***. Трагедія въ октавахъ	236
Кассандра. Сцены изъ Эсхиловой трагедіи „Агамемнонъ“	264

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ДЕВЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **П. В. БЫКОВА**

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

ПОЭМЫ.

I.

ДВА МІРА.

ТРАГЕДІЯ.

По поводу трагедіи „Два міра“ считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Давно, еще въ моей юности, меня поразила картина столкновенія древняго греко-римскаго міра, въ полномъ расцвѣтѣ началъ, лежавшихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принесшимъ съ собою новое, совсѣмъ иное начало въ отношеніяхъ между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее въ поэмѣ *Олинов и Эсвирь*. Затѣмъ слѣдовала поэма *Три смерти*, вторая часть которой, именно встрѣча съ христіанами, такъ и осталась недописанною. Въ 1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ *Смерти Люція*. Далѣе однако, углубляясь въ изученіе того и другого міра, я чувствовалъ всю недостаточность, всю внѣшность чертъ, какими характеризовалъ ту и другую сторону въ моихъ опытахъ, и къ 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. Въ *Смерти Люція* героемъ, представителемъ греко-римскаго міра, у меня являлся эпикуреецъ; но этого мнѣ показалось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что̀ древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреецъ остался далеко назади предъ этимъ о̀бразомъ. Вокругъ этого новаго героя, котораго я назвалъ Деціемъ, чтобъ порвать всякое отношеніе къ эпикурейцу, я сосредоточилъ все разнообразіе элементовъ современнаго ему римскаго общества временъ паденія, какъ фонъ, на которомъ должна была нарисоваться его фигура. Здѣсь я уже сдѣлалъ все, что̀ могъ, въ изображеніи языческаго міра. Но понять христіанскій міръ не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ о̀бразахъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ. Какое-то внутреннее неудовлетворенное чувство не давало мнѣ успокоиться, и я не пропускалъ ничего, что̀ могло познакомить меня ближе съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное, почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища прямо въ литературѣ, во главѣ которой стоитъ Св. Евангеліе. Такъ мало-по-малу безъ вѣдома для меня самого, съ какою цѣлью я это дѣлаю, у меня накопился матеріалъ, позволившій мнѣ теперь выполнить вполнѣ мою первоначальную идею и даже по тому плану, какой былъ составленъ до 1872 года. Планъ этотъ слѣдующій. Поэма должна состоять изъ трехъ частей (или актовъ). Первая часть—изъ двухъ сценъ, изъ коихъ одна должна была служить предверіемъ къ христіанскому міру, а другая—къ языческому. Обѣ сцены были написаны тогда же. Вторая часть должна ввести насъ

въ самый христіанскій міръ, имѣвшій свой центръ въ Римѣ, въ катакомбахъ. Она-то мнѣ и не давалась и является только теперь. Третья часть—пиръ Деція, явленіе къ нему друзей его, христіанъ Марцелла и Лиды, и смерть его. Такимъ образомъ въ трагедіи, какъ она появляется нынѣ, вся вторая часть новая; первая сцена первой части вся передѣлана, а заключительная сцена третьей части значительно измѣнена.

Можетъ-быть, многимъ покажется страннымъ, что человѣкъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественною идеей, или по крайней мѣрѣ столько разъ къ ней возвращается. Но, видно, я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что-нибудь одно, да „по мѣрѣ силъ“...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На одномъ изъ холмовъ Рима входныя ворота въ палаты Деція, знатнаго римскаго патриція временъ Нерона. По обѣимъ сторонамъ воротъ на цѣпи по рабу: старецъ Іовъ и молодой человѣкъ Дакъ. Іовъ въ забытьѣ, прислонясь къ стѣнѣ. Къ Даку подходитъ его однолѣтокъ Гетъ. Оглядѣвшись во всѣ стороны, онъ садится рядомъ съ Дакомъ. Весь разговоръ ихъ полушопотомъ, настроеніе ихъ таинственное.

Гетъ. Что, старецъ дремлетъ?
Дакъ. Тс! Молчи!
Какъ будто задремалъ немного,
А можетъ-быть, и нѣтъ. Въ ночи
Съ нимъ было чудо: видѣлъ Бога.
Гетъ. Какъ видѣлъ Бога?
Дакъ. Говорилъ
Онъ—какъ, да слабъ ужъ очень былъ,
Невнятно. Часъ, пожалуй, цѣлый
Лежалъ онъ словно помертвѣлый.
Такъ страшно было! Я будилъ,
Не слышитъ.
Гетъ. Бога видѣлъ!
А впрочемъ, если ужъ кому
И видѣть Бога, такъ ему!
Ну, есть ли кто, кого бъ обидѣлъ
Хоть словомъ онъ?.. Вотъ за кого
Я бъ душу отдалъ—понимаешь,
Такъ, чтобъ въ мученьяхъ!..
Дакъ. А ты знаешь,
У цѣпи онъ изъ-за чего?

Гетъ. Нѣтъ.
Дакъ. Видишь, прежде онъ въ почетѣ
Былъ въ домѣ. Ни къ какой работѣ
Не понуждали. Господинъ
Съ нимъ разговаривалъ. Одинъ
Вотъ этотъ Давусъ ненавидѣлъ,
И разъ сталъ бить его. У насъ
Былъ мальчикъ; это онъ увидѣлъ,
Да хвать за ножъ, и тутъ какъ разъ
Конецъ бы Давусу, да кто же
Его, какъ думаешь ты, спасъ?
Самъ старецъ Іовъ.
Гетъ. Боже! Боже!
Дакъ. Да, ухватилъ и удержалъ.
А Давусъ: „Это,—закричалъ,—
Твои дѣла! ты ихъ сбираешь,
Ты ихъ мутишь и развращаешь,
Да у меня коротокъ судъ“.
Ну, мальчика къ муренамъ въ прудъ,
А старца къ цѣпи!
Гетъ *(подумавъ)*. А кто знаетъ?
Вѣдь мальчикъ-то теперь въ раю!
Все жъ душу положилъ свою
За ближняго!.. Вотъ что бываетъ
Со мною: будто у меня
Есть врагъ; и я иль изъ огня,
Иль изъ воды его спасаю,
И на меня дивится онъ.
И вотъ ему я объясняю,
Что ужъ таковъ Христовъ законъ:
„Люби врага“... И такъ все живо,
И говорю, и самъ горю,
И даже плачу. . . . . .
(Молчаніе).
Дакъ. А ты во снѣ видаешь домъ?
Гетъ. Ужъ рѣдко.
Дакъ. Ну, а я видаю.
У насъ крутой былъ спускъ къ Дунаю,
А противъ поле, и на немъ
Становятъ станы: все кругомъ,
Все вѣжи... шумъ такой и ржанье...
Тутъ какъ-то снилось, что пришли
Съ войны и плѣнныхъ привели,
И ихъ готовятъ на закланье

Богамъ. И началъ я просить,
Чтобъ ихъ не трогали; хулить
Сталъ идоловъ, и—закричали
И на меня всѣ разомъ—взяли
И тащутъ, и хотятъ убить;
А я-то все за нихъ молюся...
И старецъ Іовъ вдругъ ужъ тутъ
Явился...

(Слышно хлопанье бича. Гетъ вскакиваетъ и смотритъ съ горы; возвратясь впопыхахъ)

Гетъ. Давуса несутъ...
Бѣгомъ да въ гору!
(Толкаетъ Іова).
Старче!
Проснися! Давусъ!..
(Убѣгаетъ).

Подбѣгаютъ десять рабовъ, несущіе золотыя носилки, и ставятъ ихъ передъ воротами. Какъ остановились, двое изъ нихъ упали безъ чувствъ, остальные съ трудомъ переводятъ духъ. Изъ носилокъ вылѣзаетъ толстый дворецкій Деціевъ, Давусъ.

Давусъ *(расправляя руку, держащую плеть)*.
Мерзавцы! Ломитъ вѣдь плечо!
Сегодня умирать изволитъ
Ихъ господинъ, а имъ еще
Прибавить шагу трудно!..
(Смотритъ на упавшихъ).
Пали
Собаки! слабосильны стали!
(Ударяя Дака плетью)
Ты что̀ глазѣешь? Отворяй!
(Къ носильщикамъ, увидѣвъ, что они хотятъ поднять упавшихъ)
Да бросьте: мало ихъ!.. Ступай
Вы всѣ впередъ бѣгомъ! стучите
Въ большую доску десять разъ;
Потомъ чуть-чуть повремените,
Опять ударить десять разъ!
Ширъ на весь Римъ!.. Ну, что̀ стоите!
(Рабы бѣгутъ; Давусъ имъ вслѣдъ)
Чтобъ вылѣзали всѣ изъ норъ!
Бѣжали бъ къ дѣлу всѣ, весь дворъ,
Чтобъ всѣ одѣты, чисты были.

Чего не позабылъ ли?.. Ну,
Не въ первый разъ! Римъ покормили
Въ свой вѣкъ, и кесари хвалили!
Хоръ, танцы; этимъ я начну.
Цвѣты ко всякимъ перемѣнамъ,
Бой гладіаторовъ—финалъ! *(Оглядываясь на рабовъ)*
Лишъ бы изъ нихъ кто не сплошалъ...
Да у меня тотчасъ къ муренамъ!
Не знаю все, что̀ мой народъ?
Ужъ смирны очень, терпѣливы...
Нѣтъ воровства совсѣмъ!.. Идетъ
Все въ струнку... Только молчаливы
И что-то шепчутся... И къ нимъ
Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ...
Охъ, на волканѣ мы стоимъ!
Спартакомъ пахнетъ, да! Спартакомъ!
(Уходитъ въ ворота).

Дакъ *(затворивъ двери, къ упавшимъ).*
Сс!.. Азіатикъ! Буривой!
Не слышатъ...

Входитъ Лида, молодая женщина, въ темной туникѣ, съ бѣлымъ покровомъ на головѣ, низко спускающимся на лицо; за нею нѣсколько человѣкъ христіанъ.

Лида *(увидя трупы).* Это кто?.. Кровь льется...
Несите внизъ туда къ больнымъ.
(Нѣсколько человѣкъ уносятъ тѣла).

Дакъ. Надорвались!.. Не жить ужъ имъ!..
Жаль Буривоя... Вмѣстѣ взяли
И привели насъ...

Іовъ *(съ тихою скорбью; вообще рѣчь его кроткая).*
Отстрадали
Свой вѣкъ и къ Господу предстали,
И предъ Его теперь лицомъ...
Святую кротость ихъ помянетъ
Всевышній на судѣ Своемъ!

Дакъ. И вотъ же, въ эту жъ ночь предстанетъ
И господинъ туда, и тамъ
Ихъ встрѣтитъ... Здѣсь собой надменный,
Великій, недоступный намъ,
А тамъ изъ огненной геенны
Смотрѣть онъ будетъ въ свѣтлый рай,
Къ своимъ рабамъ!..

Іовъ. Не упреждай
Господень судъ!

Лида. О господинѣ
Ты что̀ сказалъ?
Дакъ. А хочетъ нынѣ
Онъ умирать...
Лида. Онъ боленъ?
Дакъ. Нѣтъ.
Сказалъ тутъ Давусъ—умираетъ
Сегодня...
Лида *(про себя)*. Боже! И его
Я не спасу!..
Дакъ. Весь Римъ сзываетъ
На пиръ. И Давусъ оттого
Въ тревогѣ...
Лида. Децій умираетъ!
Онъ, Децій! Да вѣдь въ немъ весь Римъ,
Въ вѣкахъ держащійся корнями,
И сдвинуть слабыми руками
Мнѣ, женщинѣ?.. О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
Безумная! А ты обѣтъ
Себѣ давала... *(Къ Іову)* Отче, можетъ
Повѣрить онъ?
Іовъ. Чего не можетъ
Господь? Велитъ Онъ, и гора
Подвигнется...
Лида. Вѣдь онъ добра,
Онъ истины искалъ...
Іовъ. Помилуй
Всѣхъ, Господи! Всѣмъ даруй силу
Гордыни тяжесть превозмочь
И распознать, гдѣ день, гдѣ ночь!
Лида. Къ тебѣ я, отче; вотъ въ чемъ дѣло:
Поручено мнѣ отъ Марцелла
Сказать, что выйдетъ, можетъ-быть,
Декретъ сегодня жъ, объявить,
Чтобъ завтра утромъ мы явились
Къ властямъ, какъ Богу, поклонились
Статуѣ кесаря, а нѣтъ—
То смерть. Чтобъ обсудить рѣшенье,
Всѣхъ въ катакомбы на совѣтъ
Зоветъ Марцеллъ.
Дакъ *(восторженно къ Іову)*. Твое видѣнье!..
Лида. Предложатъ каждому одинъ
Вопросъ: ты кто? христіанинъ?
Отвѣтишь—да, и отбираютъ,

Къ звѣрямъ иль въ пламя назначаютъ,
И тутъ же всѣхъ пытать тотчасъ,
Чтобъ въ мукахъ вырвать подтвержденье
Всего, что̀ взводится на насъ.

Дакъ. Вотъ ангеловъ зачѣмъ видѣнье!

Лида *(къ Іову)*. О чемъ онъ, отче, говоритъ?

Дакъ *(живо, указывая на Іова)*. Сегодня ночью откровенье
Имѣлъ онъ свыше!..

Іовъ. Смыслъ сокрытъ
Видѣній... Врядъ ли подобаетъ
Объ этихъ тайнахъ говорить...
Хотя и то же можетъ быть:
Господь въ видѣньи возвѣщаетъ
Свою намъ волю...
Да! Со мной
Свершилось нынѣ то, что даже
Я и теперь, какъ самъ не свой...
Сидѣлъ я здѣсь, и надъ собой
(А время шло къ четвертой стражѣ)
Вдругъ слышу голосъ: „встань“; и вдругъ
Какъ будто что̀ меня подняло
На высоту, и только духъ,
А тѣло на землѣ лежало,
Что̀ риза снятая—его
Я видѣлъ: блѣдно и мертво,
И безъ движенья... Подивился
Я самъ въ себѣ и взоръ возвелъ
На небо, и какъ бы раскрылся
Тамъ облакъ... Вижу я: престолъ
И Нѣкто былъ, на немъ Сидящій,
И свѣтъ великій вкругъ Него,
Какъ бы отъ солнца исходящій
Въ пространство отъ лица Его;
И словно въ радужномъ туманѣ,
Съ блистаніемъ мечей и латъ,
Полки несмѣтные ко брани
Готовые кругомъ стоятъ;
И съ распростертыми крылами,
Внизу, на воздухѣ предъ Нимъ
Все были ангелы съ мечами
Въ рукахъ... И говоритъ Онъ имъ:
„Которые не поклонились
Кумирамъ идольскимъ, ни мукъ
Ни смерти злой не устрашились, —

Блюдите души ихъ..." И вдругъ,
Вспумѣвъ крылами, обернулся
Къ землѣ сонмъ ангельскій, и внизъ
Они въ пространство понеслись...
Я поглядѣть на нихъ нагнулся,
Но облакъ быстро запахнулся,
И скрылось все... Темно кругомъ.
И такъ мнѣ тяжко, страшно стало!
И я глаза открылъ съ трудомъ,
И все, какъ прежде: портикъ, домъ,
И цѣпь, все тутъ... Чуть-чуть свѣтало...

Одинъ старикъ *(благоговѣйно)*.

Господь ужъ это... по дѣламъ
Твоимъ... восхитилъ къ небесамъ
Твой духъ... Быть-можетъ, упреждаетъ
Черезъ тебя, что Самъ идетъ
Судить, и знаменье даетъ...

Іовъ. Когда Господь придетъ, не знаетъ
Никто!.. И міръ его узритъ
Внезапно во мгновенье ока,
Какъ молнія блеснетъ съ Востока
И разомъ небо озаритъ
До края запада...

Лида. ...Теперь, отецъ, прости,
Иду къ другимъ.

Іовъ. Всѣмъ повѣсти!

Дакъ *(ей вслѣдъ)*. Ужъ завтра встрѣтимся, быть-можетъ,
При гласахъ трубныхъ... день суда!

Лида *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается)*.

Сердца ихъ радуются... Да!
Но душу мнѣ еще тревожитъ
Обѣтъ, не совершенный мной...
(Оглядываясь на дворецъ Деція)
О, Деній, Деній... Боже мой!
Ужель и въ мигъ, когда надъ бездной
Теперь стоитъ онъ, Ты ему
Не бросишь лучъ Свой съ тверди звѣздной
Во всю имъ пройденную тьму!..

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ термахъ. Децій, богатый римскій патрицій, отдыхаетъ послѣ бани, окруженный кліентами. Вдали, у выходной арки, толпа рабовъ. Ювеналъ, молодой человѣкъ, заглянувъ въ комнату, поспѣшно входитъ.

ЮВЕНАЛЪ. Ахъ, Децій! на одно мгновенье!

(По знаку Деція кліенты и рабы удаляются).

Ужели правда?

ДЕЦІЙ. Жаль одно!
Задумалъ я уже давно,
Да отлагалъ все исполненье
И кесарю доставилъ честь
Напомнить! Вотъ что̀ мнѣ обидно!
Я знаю, сто̀итъ произнесть
Мнѣ только слово—съ тѣмъ безстыдный
И назвался ко мнѣ евнухъ
Миртиллъ на ужинъ: обнимаетъ
И ластится, какъ нѣжный другъ,
На всѣ лады мнѣ намекаетъ:
Скажи, молъ, слово, и тотчасъ
Все позабыто! Но ужъ насъ
Врасплохъ, надѣюсь, не застанетъ!

ЮВЕНАЛЪ. Ужель вся буря оттого,
Что декламаціей его
Ты не былъ тронутъ?

ДЕЦІЙ. Какъ кто взглянетъ!
Ему на чтеньи три лица
Своимъ присутствіемъ ужъ въ залѣ—
Помпоній, Руфъ и я—мѣшали,
И крикнулъ онъ: „Три мертвеца!“,
И вышелъ, въ насъ швырнувши свитокъ...
Что̀ жъ? Слово кесаря—законъ!
Въ немъ—Римъ!.. Я тутъ же на прощанье
На пиръ все пригласилъ собранье...
Но тотчасъ спохватился онъ:
Отъ казней, отъ убійствъ и пытокъ
Римъ отдохнуть успѣлъ едва;
Вездѣ читаются слова
Предсмертныя Сенеки; шопотъ
Еще идетъ, какъ умиралъ
Пизонъ и Люцій, даже ропотъ
Въ преторіанцахъ пробѣжалъ,—

И къ намъ клеврета за клевретомъ
Онъ шлетъ съ намекомъ иль совѣтомъ.
Руфъ и Помпоній, передъ нимъ
Тѣ извинились; *мы* молчимъ...
Весь анекдотъ, пожалуй, въ этомъ.
Ювеналъ. Въ какое время мы живемъ!..
И жизнь и смерть—всему значенье,
Цѣна утрачена всему!
Децій *(равнодушно, полушутливо).*
Что̀ значитъ жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснувъ на солнцѣ!.. Человѣкъ
Самъ по себѣ что̀ значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится... *(Вдругъ одушевляясь)* Но для насъ,
Для старыхъ римлянъ, для фамилій,
Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держитъ Римъ,—ужъ то нейдетъ
Сравненье!.. Въ Римъ теперь собрался
Со всей вселенной всякій сбродъ;
Въ курульныхъ креслахъ возсѣдаютъ
Чуть не вчерашніе рабы
И грязнымъ пальцемъ наклоняютъ,
Куда хотятъ, вѣсы судьбы...
Отъ этой сволочи презрѣнной
Мы устранились и смиренно
Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
Глядимъ извнѣ, какъ чужестранцы,
Или какъ трезвые спартанцы
На перепившихся рабовъ...
Мы ждемъ, и наша вся забота
Лишь въ томъ, чтобъ старый духъ отцовъ
Являлся требовать отчета
Въ палаты кесарей порой;
Чтобъ у поруганнаго трона
Онъ появлялся судіей,
Грозящимъ призракомъ Катона,—
А этотъ призракъ всякій разъ
Встаетъ, во всѣ дома стучится,

Лишь только новое свершится
Самоубійство между насъ!
Ювеналъ. Самоубійство, мечъ, отрава!
И въ этомъ—лучшихъ изъ мужей
Теперь величіе и слава!
Что жъ съ бѣдной музою своей
Поэтъ тутъ сдѣлаетъ?.. Не знаешь,
На чемъ стоишь! Почти теряешь
Ужъ и понятіе о томъ,
Что называть добромъ и зломъ!
Децій. Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!..
У дикихъ скиѳовъ и тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры:
Среди глухихъ, лѣсныхъ притоновъ
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долинѣ
И пьютъ меды, а посредине
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ, пожалуй, непріятенъ,
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ —
Пѣвецъ, иль слушатели сами?
Но эта ночь, въ лѣсу, съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ—
Все,—даже самые ихъ боги,
Что въ вихряхъ мчатся,—тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ. Все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То, что толпа ему давала...
А вы? Куда васъ повлекутъ,
И что вамъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли вамъ укажутъ
И въ ваши пѣсни что вольютъ?
Ювеналъ. И Римъ такой же былъ когда-то!
Такая жъ пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцинната!..

О, Децій, нѣтъ! съ собой самимъ,
Съ тобой къ чему мнѣ лицемѣрить?
Но я почти не вѣрю въ Римъ!

Децій. Кто вѣритъ въ разумъ, тотъ не вѣрить
Не можетъ въ Римъ!.. Аѳины? Въ нихъ
Искусства намъ явилось солнце;
Ихъ геній въ юномъ македонцѣ
Протекъ между племенъ земныхъ,
Съ мечомъ неся рѣзецъ и лиру.
Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
Законы далъ и міръ скрѣпилъ.
Находятъ временныя тучи,
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не никнетъ духъ... И сядь на тронъ
Философъ—съ трона свѣтъ польется,
И будетъ кесаревъ законъ
Закономъ разума. Вернется
Златой, быть-можетъ, вѣкъ. Твой даръ —
Сатира. Помни жъ, что сатира—
Дочь разума. Ея ударъ
Разитъ передъ глазами міра.
Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко!
Стрѣла тогда лишь бьетъ далёко,
Когда здорова тетива!
Вотъ что̀ тебѣ я на прощанье
Сказать могу!..

(По знаку Деція рабы и кліенты къ нему подходятъ и надѣваютъ на него верхнюю тогу).

Ювеналъ *(въ раздумьѣ).*
...Ужасное сознанье!
Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипитъ негодованье,
Подъ нимъ же, боги, пустота!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ КАТАКОМБАХЪ.

Большая зала въ катакомбахъ. Направо, налѣво внутренніе подземные входы. При нихъ лампады. По стѣнамъ нѣсколько нишъ для гробницъ и надъ ними надписи. Въ глубинѣ сцены вырубленная въ скалѣ лѣстница. На поворотѣ этой лѣстницы, въ половину ея высоты, сидитъ Дидима, дѣвочка слѣпая; тутъ же свѣтильникъ и свѣчки. Въ глубинѣ сцены, около стѣны, гдѣ лѣстница, значительная группа разныхъ лицъ, странниковъ и преимущественно рабовъ, слушающихъ Іова.

Дидима *(заслыша шаги приближающихся двоихъ, нараспѣвъ)*. Свѣчечкой, свѣчечкой
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!

Одинъ изъ проходящихъ. Мы къ старцу Іову... Господь
Съ тобой, Дидима!

Дидима. Съ вами тоже!

(Они сходятъ съ лѣстницы и присоединяются къ слушателямъ).

Дѣвочка *(сама съ собою, нараспѣвъ)*.
Мнѣ онъ не надобенъ,
Свѣточъ земной!
Все озаряетъ мнѣ
Свѣта небеснаго
Искорка малая
Въ сердцѣ моемъ...

Одинъ изъ группы слушающихъ Іова.
А послѣ женщинъ Онъ потомъ
Ученикамъ явился днемъ?

Іовъ. Да, ввечеру. Какъ прибѣжали
Къ ученикамъ онѣ, сказали,
Что̀ видѣли, тѣ все почли
За ихъ мечтанье. Съ этимъ двое,
Клеопа и Лука, пошли
Въ Эммаусъ. Мѣсто тамъ пустое
Дорогой. Шли они одни—
Вдругъ между нихъ явился Третій
И ихъ спросилъ: о чемъ они
Печалятся и плачутъ? Эти
Дивятся: какъ же это Онъ
Не знаетъ, бывъ въ Іерусалимѣ,
Что тамъ Іисусъ пророкъ казненъ!
Онъ рѣчь повелъ объ этомъ съ ними,
И слушать сладко было имъ,

И на слова Его горѣло
Ихъ сердце. Между тѣмъ стемнѣло.
Подходятъ къ дому. Дольше съ Нимъ
Побыть имъ хочется, и просятъ,
Чтобъ съ ними въ домъ и Онъ вошелъ.
Зажгли свѣтильникъ. Хлѣбъ приносятъ,
Вино. И, взявши хлѣбъ, возвелъ
Горѣ Онъ очи, преломляя
Его съ благословеньемъ: въ мигъ
Какъ бы открылись очи ихъ,
И оба вдругъ они признали,
Что это Самъ Онъ съ ними шелъ
И говорилъ, возлегъ за столъ,
И дѣлалъ такъ все, какъ видали
Онъ дѣлалъ, и взыгралъ ихъ духъ,—
„Равви“, хотѣли ужъ воскликнуть
И броситься къ Нему, какъ вдругъ,
Глядятъ, Онъ сталъ невидимъ...

Слѣпая *(у себя наверху)*. Свѣчечкой, свѣчечкой
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!
(Двое молодыхъ людей, Главкъ и Эвменъ, подходятъ къ ней, берутъ свѣчи).

Эвменъ *(спускаясь съ лѣстницы)*.
Отсюда безъ огня ужъ намъ
Нельзя итти.

Главкъ *(указывая на дѣвочку)*. Она слѣпая?

Эвменъ. Слѣпая; но по всѣмъ путямъ,
Свои примѣты наблюдая,
И здѣсь и въ городѣ пройдетъ
Вездѣ одна...

Главкъ. И раздаетъ
Намъ, зрячимъ, свѣтъ!

Эвменъ *(приближаясь къ авансценѣ)*. Да, но простая
Одна случайность... Видишь, тутъ
У насъ для стариковъ пріютъ
Ихъ первый отдыхъ. Издалёка
Приходятъ: съ запада, съ востока,
Изъ Африки. Отъ всѣхъ церквей
Приносятъ вѣсти, край отъ края,
Со всей земли. Вокругъ гостей
Всегда бесѣда.

Главкъ. Тутъ слѣпая,
Свѣтъ раздающая!.. Въ цѣпяхъ

У входа старецъ—руки, плечи
Изъязвлены, а въ небесахъ
Витаетъ духъ и на устахъ
Любви исполненныя рѣчи.
Все это точно чудный сонъ!

Эвменъ. Тотъ старецъ? Оглянись, вотъ онъ!
Какъ люди кончатъ трудъ, съ тяжелой
Онъ цѣпи смѣнится—всѣ тутъ!
Всѣ, какъ на цвѣтъ медвяный пчелы,
Послушать словъ его бѣгутъ...
Начитанъ древнихъ книгъ еврейскихъ,
Самъ онъ съ Востока, былъ вождемъ
Племенъ какихъ-то арамейскихъ
(Языкъ ихъ сходенъ), жилъ царемъ,
Полнъ гордыхъ замысловъ когда-то, —
И вдругъ разгромъ, всего утрата!
Плѣненъ и проданъ, дни влачитъ
Рабомъ. И что же?.. Говоритъ,
Что бытія позналъ онъ сладость
Лишь тутъ, по благости Творца;
Что тутъ вкусилъ и понялъ радость
Онъ вдругъ прозрѣвшаго слѣпца;
Что лишь въ цѣпяхъ, на жесткомъ ложѣ,
Обрѣлъ онъ то, что намъ дороже
Земного скиптра и вѣнца
И всѣхъ сокровищъ міра—Бога
И путь къ Нему! И съ этихъ поръ,
Какъ путникъ ночью у порога
Предъ освѣщеннымъ домомъ, взоръ
Онъ съ совершенствъ Его не сводитъ
И въ созерцаньи ихъ находитъ
Ту мудрость, силу и покой,
Чѣмъ всѣхъ невольно покоряетъ
И въ высоты, гдѣ пребываетъ,
Всѣхъ увлекаетъ за собой...

Главкъ. Не въ этомъ ли и все ученье
Христа, Эвменъ? Не все ль въ одной
Молитвѣ Отче Нашъ? въ моленьи
О царствѣ Божьемъ на земли?
Когда бъ мы всѣ постичь могли
Отца святое совершенство
И всѣ исполнились бы Имъ,—
Жизнь стала бъ вѣчное блаженство
И міръ сталъ раемъ бы земнымъ!

Его лишь волю бъ мы творили,
И зло исчезло бъ навсегда...
Не только кары, мы бъ суда
Названье даже позабыли!

Эвменъ. Ахъ, Главкъ, умомъ хоть и поймешь
И видишь дивные примѣры,
Да вдругъ ни силы нѣтъ ни вѣры,
И ты колеблешься и ждешь,
Какъ передъ пропастью: спасенье
Иль шагъ измѣнитъ—и паденье!
Примѣръ намъ старецъ Іовъ... Но...
Вотъ видишь, Главкъ, раздвоено
Все существо мое! тревожитъ
Меня сомнѣнье: дай совѣтъ.
На завтра бракъ мой, и, быть-можетъ,
На завтра жъ кесаревъ декретъ!
Быть-можетъ, страхъ мой и не къ мѣсту,
Но противъ воли трепещу,
Что поведу я вдругъ невѣсту
Не къ алтарю, а къ палачу,
И тутъ испугъ или невольный
Прочту укоръ въ ея глазахъ,
Самъ поколеблюсь... Вотъ мой страхъ!
И съ нимъ мнѣ тяжело и больно!
Такъ молода! почти дитя...
Вхожу вчера, въ душѣ такъ мрачно,—
Она, съ подругами шутя,
Спѣшитъ нарядъ окончить брачный,
И споръ у нихъ—изъ-за шитья!
Чтобъ я рѣшилъ—еще хотѣла!..
Потомъ другое: вечерѣло,
Въ саду сидѣла вся семья;
Два бѣлыхъ голубя надъ нами
Взлетали плавными кругами
Все выше въ синеву небесъ;
Она слѣдитъ, дохнуть не смѣя,
Какъ свѣтлой искрой, все слабѣя,
Въ лазури вдругъ ихъ слѣдъ исчезъ...
Она мнѣ крѣпко сжала руку
И шепчетъ: это мы съ тобой!
И улыбается... Какой,
Ну, какъ сказать?—восторгъ и муку
Въ тотъ мигъ я разомъ ощутилъ...
Что отвѣчалъ ужъ—и не знаю...

Прости мнѣ, Главкъ! хоть облегчилъ
Признаньемъ сердце...
Главкъ. Понимаю...
Но врядъ ли правъ ты передъ ней.
Всей новой жизнію моей—
А этой жизнью называю,
Когда Христа лишь началъ знать—
Я женщинѣ обязанъ. Мать
Меня взрастила въ нѣгѣ, въ холѣ.
Изъ этой роскоши потомъ
Вдругъ очутился я рабомъ,
Но роскошь та же и въ неволѣ:
Хозяинъ мой былъ меценатъ;
Поэтъ, пѣвецъ, надъ нимъ скорѣе
Я деспотъ былъ, и онъ былъ радъ
Служить любой моей затѣѣ,
Гордясь лишь правомъ надо мной.
Такъ я страстямъ не зналъ преграды
Отъ дѣтскихъ лѣтъ: всегда съ толпой
Друзей; гдѣ явимся—пощады
Ужъ нѣтъ, и нѣтъ на насъ суда!
Вдругъ воспылалъ я страстью—да!
Къ замужней женщинѣ... Бывало,
Полуспустивши покрывало,
Идетъ... ребенокъ иногда
За палецъ держится... Сгораю
Я, вспоминая отъ стыда...
Я тотчасъ планъ изобрѣтаю
Изъ дома выманить, увлечь
И обмануть. Обдумалъ рѣчь —
Уже заранѣ торжествуя—
(Друзья въ засадѣ) въ домъ вхожу я
И вижу: на густыхъ коврахъ
Она, ребенокъ на рукахъ,
Другой цѣлуетъ шею, третій
Изъ-за плеча, съ боковъ, въ ногахъ,
Кругомъ смѣющіяся дѣти,
И улыбается она,
Живымъ вѣнкомъ окружена
Изъ дѣтскихъ лицъ; всѣ во мгновенье
Прижались къ ней. Въ самой смущенье —
„Кто ты? зачѣмъ?“—порывъ души
Здѣсь, до меня безъ опасенья
Царившей въ тайнѣ и тиши

Своей святыни... Всѣ расчеты,
Вся ложь, съ какой вошелъ я къ ней,
Разбились въ прахъ. Что изъ дѣтей,
Окромѣ двухъ, тѣ всѣ сироты,
Что это христіанскій домъ,—
Я прежде зналъ. Стою, стыдомъ
Какъ бы прикованный на мѣстѣ...
Эвменъ, я то хочу сказать:
Мнѣ кажется, въ твоей невѣстѣ
Должна ужъ въ дѣвицѣ сіять
Такая жъ будущая мать
И то жъ для близкихъ провидѣнье,
Какъ та мнѣ сдѣлалась потомъ...
Ну, въ свой чередъ мнѣ извиненья
Просить: я задержалъ, идемъ.
(Уходятъ, засвѣтивъ свѣчи).

Съ лѣстницы между тѣмъ спускается слѣпой старикъ, ведомый мальчикомъ.

Слѣпой старикъ *(къ мальчику)*. Здѣсь и сберутся и объявятъ
Декретъ?.. Ну, вотъ! до своего
И дожилъ дня!.. Вѣдь я Его
Самъ близко видѣлъ... Запоздали
Въ пути мы и какъ разъ попали,
Какъ выводилъ Его Пилатъ
Къ народу... Помню этотъ взглядъ,
Слегка опущенныя вѣки,
Весь образъ—я былъ зрячъ тогда—
Ну—точно въ сердцѣ навсегда
Отпечатлѣлся ужъ навѣки...
Два факела по сторонамъ—
И Онъ въ вѣнцѣ изъ терній Самъ...
Ослѣпъ потомъ, и потускнѣло
Все въ памяти... Онъ, какъ живой,
Одинъ остался...
(Останавливается, прислушиваясь къ голосу Іова).
Іовъ. Не льститесь благами земными!
Вотъ ты сокровищъ пріобрѣлъ
И спряталъ; сердцемъ будешь съ ними
Вездѣ, куда бы ни ушелъ!
Сбирай сокровища для вѣчной
Лишь жизни...
Слѣпой старикъ. А! Іовъ тутъ!.. Пойдемъ къ нему!
Охъ, дивный мужъ!
(Присоединяются къ группѣ Іова).

Изъ галлереи справа выходитъ Лида, ведя подъ руку пожилую женщину Мениппу; сажаетъ ее на скамьѣ.

Лида. Пріотдохни, садись сюда,
Ты такъ устала, ослабѣла...
(Съ лѣстницы спускается нѣсколько человѣкъ дѣтей; съ ними женщина. Лида подходитъ къ нимъ, оправляетъ ихъ, ласкаетъ).
Мениппа *(одна)*. Все видѣла, все осмотрѣла,
И въ Римѣ нѣтъ... все нѣтъ!.. Куда
Еще теперь? куда? въ какіе
Еще края?.. И хоть бы слѣдъ!
(Къ Лидѣ, къ ней подходящей)
Какъ хорошо у васъ!.. Такіе
Всѣ добрые... Ко всѣмъ привѣтъ!
Пещеры... своды... лица эти—
Все мирно, тихо... Я бъ у васъ
Осталась...
Лида. Что же? въ добрый часъ...
(Указывая на дѣтей)
А эти дѣти—„Божьи дѣти“
Мы ихъ зовемъ—на площадяхъ
Подобраны, на пустыряхъ...
Кто бросилъ? чьи? Никто не знаетъ.
Вотъ „Божьи“ и зовемъ мы ихъ!
Мениппа *(содрогнувшись, сильно)*.
Злодѣи! Звѣрь дѣтей своихъ,
И дикій звѣрь не покидаетъ!
(Съ лѣстницы несутъ на носилкахъ раненаго).
Лида *(къ несущимъ)*. Ко мнѣ?
Носильщикъ. Ужъ перевязанъ. Раны
Не глубоки. Былъ принесенъ
Безъ чувствъ.
Мениппа *(бросается къ раненому, смотритъ и возвращается грустная. Дѣтей между тѣмъ уводятъ).*
Все нѣтъ! не онъ, не онъ!
(Возвращается на свое мѣсто).
А такъ же, можетъ, бездыханный
Подобранъ былъ... и былъ спасенъ...
(Къ Лидѣ)
Нѣтъ, я не въ силахъ... Нѣтъ, таиться
Я не могу—душа моя
Должна передъ тобой открыться:
Я васъ обманывала!.. Я—

Не христіанка... Изъ Милета
Я родомъ. Вѣкъ жила я тамъ—
И вотъ теперь шестое лѣто
Скитаюсь по чужимъ землямъ...
Я *сына* все ищу!.. Когда-то
Мы жили пышно и богато...
Но вдругъ война... свои враги...
Мужъ умеръ... Началась расплата—
И сынъ взятъ въ рабство за долги!..
Онъ былъ ученъ, игралъ на лирѣ,
Слагать гекзаметры умѣлъ...
Разъ господинъ ему велѣлъ
Въ честь Афродиты пѣть на пирѣ.
Онъ отказался! отчего—
Досель не знаю! Говорили,
Что христіане соблазнили...
Всѣ поднялися на него,
Вмѣшалась чернь—такіе нравы
У насъ ужъ! крики, брань и стонъ!
Бѣгу я, вижу слѣдъ кровавый,
Его разорванный хитонъ,
А онъ исчезъ!.. Одни вопили—
Убитъ и въ море трупъ стащили,
Другіе—кѣмъ-то унесенъ.
Что жъ? живъ иль нѣтъ?... Я больше году
Томлюсь! покоя ни на мигъ...
Иду разъ въ гавани. Народу
Толпа! Грузятъ товары. Крикъ!
Вдругъ предо мной остановился
Матросъ: „Онъ живъ!“—шепнулъ и скрылся.
Живъ!.. Гдѣ жъ искать его? Пошла
Я наудачу, гдѣ землею,
Гдѣ моремъ, къ Риму прибрела,
И тутъ... тутъ встрѣтилась съ тобою.
У васъ смотрѣла... Что жъ теперь?

Лида. Несчастный!.. Но надѣйся, вѣрь:
Есть Богъ!

Мениппа *(не слушая, сама съ собою).*
Шесть лѣтъ передо мною
Въ глазахъ—разорванный хитонъ
И площадь, лужа крови, или
Заливъ и корабли—и онъ,
Въ даль уходящій!.. и манили
Опять надежды, и я шла...

О, да! скажу, что полила
Слезами долгій путь...

Лида. Ты съ нами
Останься: можетъ-быть, найдемъ.
Скажи, какъ звать его. Потомъ
Разскажемъ старшимъ... Ахъ, путями,
Повѣрь, невѣдомыми намъ
Ведетъ насъ Богъ, и встрѣтишь тамъ,
Гдѣ и не чаешь... А слезами
Политый путь Онъ видитъ... Самъ
Христосъ прошелъ его...

Менинна. Ты добрая душа...

(Вдругъ отъ нея отпрянувъ)

А если... умеръ?

Лида. Умеръ... Боже!..
Ей, откровенья чуждой, что же
Скажу я?.. Что мои слова!

(Увидавъ вошедшую предъ тѣмъ и остановившуюся предъ одною въ стѣнѣ гробницей Камиллу, молодую женщину съ двумя дѣтьми, мальчикомъ 8—10 лѣтъ и другимъ 4, указываетъ на нее).

Смотри, вотъ мать съ дѣтьми, вдова.
Въ гробницѣ этой прахъ хранится
Отца ихъ... Видишь, подняла
Ребенка къ камню приложиться...
Гляди, какъ смотритъ, какъ свѣтла
Улыбка!.. Къ старшему нагнулась...
Тсс... слушай... говоритъ...

Камилла *(сыну)*. Такъ помни жъ, въ этой нишѣ прахъ,
Прахъ вашего отца. Онъ львами
Разорванъ былъ, и въ небесахъ
Теперь душа его и нами
Любуется, когда творимъ
Мы доброе и Бога чтимъ,
А нѣтъ, то плачетъ... Можетъ статься,
У васъ и маму Богъ возьметъ:
Съ нимъ вмѣстѣ съ голубыхъ высотъ
Мы вами будемъ любоваться...
Смотри же, помни, этотъ ходъ,
А подлѣ крестъ и надпись...

(Припадаетъ къ камню головой на руки и шепчетъ)

Милый!

Мальчикъ *(читаетъ надпись)*. Ж, Д, У—жду—васъ.

Камилла *(быстро вставая и отирая слезу и обращаясь къ гробницѣ).* О, прости!
Невольно измѣняютъ силы!..
(Становится съ дѣтьми на колѣни).
Моли, чтобъ намъ къ тебѣ пройти
Чрезъ всѣ земныя испытанья,
И суеты, и тяготы,
Такими жъ чистыми, какъ ты!
Чтобъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни воздыханья,
Ни слезъ, ни скорби, ни стенанья,
Ты насъ бы принялъ, веселясь
И духомъ радуясь о насъ...
Мениппа *(Лидѣ).* Они съ *нимъ* говорятъ?..
Лида. Онъ въ небѣ!
Онъ видитъ ихъ, ихъ слышитъ... Съ ней
Свести тебя?
Мениппа *(радостно, тихо, съ любопытствомъ).*
О, да!
Лида. Камилла!
Вотъ мать несчастная; тебѣ
Довольно, чтобъ принять участье...
Камилла *(подавая руку Менипп*ѣ).
Да кто же счастливъ здѣсь?.. Мнѣ счастье
Вотъ—дѣти. Я живу лишь въ нихъ...
А что до счастія другихъ,—
То вотъ намъ Лида провидѣньемъ
Ко всѣмъ несчастнымъ послана,
Какъ добрый ангелъ съ утѣшеніемъ...
Лида *(съ испугомъ и удивленіемъ).*
Камилла, что ты, что!
Камилла. Она,
Гдѣ только слышитъ—есть страданье,
Она ужъ тамъ, чужой ли, свой...
Лида *(быстро, съ упрекомъ).* Камилла!..
Камилла. Все существованье
Ея для ближнихъ!.. Боже мой!
А дѣти, сирыя, больныя...
Лида *(Менипп*ѣ *порывисто).* Не вѣрь!
Камилла. Въ заботахъ день-денской
Какъ неусыпная Марія...
(Лида отходитъ въ сторону, въ лицѣ слѣды внутренней тревоги).
Когда бъ ты видѣла ее
Средь заключенныхъ, средь страдальцевъ,

Въ тюрьмѣ, гдѣ сотни у нея
Хотятъ одеждъ коснуться, пальцевъ,
Услышать слово... *(Лида припадаетъ къ скамьѣ, закрывъ лицо руками).*
Все кругомъ
Благодаритъ, благословляетъ...
(Слышны рыданія Лиды).
Но, Боже мой!.. Она рыдаетъ...
(Къ ней съ тревогой и заботой)
Что, что съ тобой?

Лида. Оставь!

Мениппа *(тихо Камиллѣ).* Уйдемъ!

Камилла. Да что съ тобой?

Лида *(съ большимъ нетерпѣніемъ).* Уйди!

Камилла. Не знаю...
Что жъ я...

Лида *(почти въ отчаяніи).* Уйди же... умоляю...

Мениппа *(Камиллѣ тихо).* Знать, тоже горе...

Камилла. *Своего*
У Лиды горя не бываетъ!

Мениппа. Свое, чужое ли—кто знаетъ!
Одна пусть выплачетъ его! *(Уходятъ).*

Лида *(одна, сѣвъ на скамью).* Я—какъ вчера еще была—
Той, что теперь—и судъ и кара!
Оставилъ духъ!.. Что я могла
Сказать ей?.. Вдругъ не стало дара
Ни слезъ ни словъ, душа нѣма —
Что въ ней горѣло, погасаетъ...
Вошла и все растетъ въ ней тьма!
Два слова: Децій умираетъ,
Одни звучатъ въ ней...
Децій...
Изъ прошлаго лишь онъ одинъ
Мнѣ виденъ... Онъ лишь не разгаданъ...
Одинъ стоитъ, какъ властелинъ
Надъ этой тьмой...
Но что жъ влечетъ меня къ нему?
Тотъ міръ ужъ обреченъ во тьму!
Тому жъ, кто выше всѣхъ главою,
И первой молніи ударъ
Господня гнѣва...
Что же
Меня влечетъ къ нему?.. Любовь?

Любовь, но та ужъ, для которой
Въ мученьяхъ источить всю кровь,
Пройти моря, подвинуть горы,
Возможно—все, чтобы *спасти!*
Богъ указуетъ ей пути
И, можетъ-быть, чтобъ сдѣлать чудо,
Меня избралъ—и мнѣ велитъ—
И духъ пошлетъ—и совершитъ—
И дѣло здѣсь не до сосуда,
Куда Онъ влилъ воды живой
Для путника въ палящій зной... *(Падаетъ въ отчаяніи).*
Ты, Сердцевѣдецъ, прозираешь
Съ Твоихъ высотъ и въ глубь морей
И въ глубь сердецъ! Въ моемъ, Ты знаешь,
Нѣтъ мѣста для земныхъ страстей!
Даруй мнѣ, Сильный, да разрушу
Его гордыню! да спасу
И въ даръ Тебѣ да принесу
Его смирившуюся душу...
(Встаетъ спокойнѣе, но судорожно-отрывочно продолжаетъ)
Но время нечего терять;
Сегодня жъ этотъ пиръ безбожный!..
Тамъ быть и ждать. И написать
Марцеллу, „старый другъ, надежный“ —
Всегда звалъ Децій... А пойдетъ
Марцеллъ? Спасти—пойдетъ, пойдетъ!..
(Вынимаетъ таблетку и пишетъ. Въ это время слышны слова Іова).

Іовъ. Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано въ Писаніи: „не искушай Господа Бога Твоего“.

Молодой человѣкъ *(поспѣшно сошедшій съ лѣстницы, подаетъ Лидѣ таблетку).*

Вотъ отъ Марцелла.

Лида *(беретъ ее и вручаетъ свою).* А въ обмѣнъ
Отдай Марцеллу.
(Между тѣмъ зала все наполнялась христіанами. Одни присоединяются къ слушателямъ Іова, другіе группируются въ разныхъ мѣстахъ залы, между ними и Главкъ. Другіе садятся на скамьи у стѣнъ. Между прочими Павзаній).

Лида *(прочтя письмо, обращается къ присутствующимъ).*
Марцеллъ намъ пишетъ, проситъ васъ:
„Въ вину мнѣ братья да не ставятъ,
Что медлю; жду и тотъ же часъ

Прибуду, только лишь объявятъ
Декретъ, касающійся насъ"...
(Уходитъ вверхъ по лѣстницѣ).
Одинъ *(въ группѣ молодыхъ людей).*
И все еще не рѣшено...
Другой. И вдругъ отмѣнится рѣшенье...
Главкъ *(спокойно).* На все Господня воля!
(Вдругъ одушевляясь)
Но
За что насъ гонятъ? Озлобленье
На что—постичь я не могу!
И чѣмъ Христосъ, Онъ, отдающій
Динарій кесарю, врагу
Прощающій, Свой крестъ несущій
Покорно, учащій любить,
Любить безстрашно и безлестно,
И мірѣ совершенну быть,
Какъ совершенъ Отецъ Небесный,—
Чѣмъ ненавистенъ имъ? *(Помолчавъ)*
И все жъ
Къ Нему прійдутъ! И зло и ложь
Падутъ. Богатый и убогій,
Простой и мудрый—всѣ прійдутъ!
Со всѣхъ концовъ земныхъ дороги
Всѣхъ ко Христу ихъ приведутъ...
Людское горе и страданья,
Всѣ духа жажды и терзанья,
Источники горючихъ слезъ,—
Всѣ приметъ въ сердце ихъ Христосъ,
Всѣ канутъ въ это море!..
(Близъ группы этихъ молодыхъ людей сидитъ на скамьѣ, съ мрачнымъ видомъ, Павзаній. На послѣднія слова онъ отвѣчаетъ).
Павзаній *(мрачно и съ возрастающимъ отчаяніемъ).*
Братья!
Блаженъ, кто самъ пришелъ къ Христу,
Соблювъ красу и чистоту,
Какъ дѣва къ жениху въ объятья;
Къ кому же низошелъ Онъ Самъ
Его извлечь среди крушенья
Изъ волнъ кипящихъ,—о! спасенье
Тебѣ, быть-можетъ, тяжелѣй,
Чѣмъ смерть въ волнахъ... Въ душѣ твоей
Всѣ язвы прежнія огнями

Горятъ... и слышишь надъ собой:
„Кто понесетъ Мой крестъ, тотъ Мой“,
Но помнишь: чистыми руками
Онъ несъ Свой крестъ... а у тебя
Онѣ въ крови, и надъ тобою
Гремитъ проклятье...

(Опускаетъ голову на грудь. Молодые люди хранятъ благоговѣйное молчаніе, смотря на Павзанія съ участіемъ и недоумѣніемъ. Среди минутнаго молчанія слышенъ голосъ Іова).

Іовъ. Поистинѣ скажу вамъ: плачь,
Кому Онъ скажетъ въ осужденье,
Что ни студёнъ ты ни горячъ...
Любовь—огонь, а сердце—злато;
Лишь чрезъ огонь пройдя, оно
Свѣтло и чисто...

(Тѣмъ временемъ входятъ Эвменъ и Аркадій и останавливаются близъ Павзанія, мрачно сидящаго, склонивъ голову).

Эвменъ (*продолжая разговоръ*). Я часто думалъ о тебѣ.
Зналъ, ты несчастливъ—мать крестила
Меня, когда еще мнѣ было
Двѣнадцать лѣтъ—въ твоей судьбѣ,
Я думалъ—миръ и утѣшенье
У насъ, въ Христовомъ лишь ученьи,—
И вижу, ты идешь сюда!..
Аркадій! разскажи жъ, когда,
Какъ было это обращенье?

Аркадій. Какъ на вопросъ твой дать отвѣтъ?
Вѣдь человѣкъ, родясь на свѣтъ,
Не знаетъ, что былъ до рожденья!
Былъ слѣпъ я и сталъ видѣть; глухъ—
И слышать. Зналъ одно лишь тѣло —
И ощутилъ безсмертный духъ,
Живую душу. Просвѣтлѣло
Все предо мной, и я въ другихъ
Прозрѣлъ такую жъ душу. Всѣ же,
Хоть разны жребіи у нихъ,
Передъ Отцомъ Небеснымъ тѣ же
Возлюбленныя дѣти... *(Помолчавъ)*
Тьма
Та назади. И что въ ней?—скроетъ
Пускай навѣкъ, мертва, нѣма!.. *(Вздохнувъ)*

Да! Сердце иногда заноетъ,
Но вспомнишь...

(Обрываетъ рѣчь, вдругъ увидавъ Павзанія, отступаетъ назадъ и смотритъ съ ужасомъ).

Боже мой!.. Онъ! Онъ!

(Хватаясь за грудь)

Какъ бьется сердце... Онъ!.. И тоже
Къ Христу пришелъ... Чего жъ, чего же
Стою и медлю?.. Чѣмъ смущенъ?

(Пересиливъ себя, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Павзанію).

Павзаній! ты?

Павзаній *(содрогнувшись)*. Аркадій! Боже!

(Смотритъ на Аркадія и, не смѣя взять протянутую къ нему руку, медленно опускается передъ нимъ на колѣни. Молодые люди отъ нихъ незамѣтно отступаютъ).

Твой погубитель... Твой злодѣй...

Аркадій *(стараясь его поднять)*.
Забудемъ все, что̀ совершилось
Тамъ, тамъ, во тьмѣ!

Павзаній *(обнимая его колѣни)*. Охъ, истомилась
Душа моя...

Аркадій. Да будетъ въ ней
Покой и миръ!

Павзаній *(страстно)*. Шли вереницей
Года, а я живу все въ *томъ*,
Когда, какъ другъ, вошелъ въ твой домъ
И выбѣжалъ потомъ убійцей!

Аркадій. Оставь!

Павзаній. Дай говорить мнѣ, дай! *(Шопотомъ)*
Евфимія...

Аркадій *(съ болью)*. Не вспоминай!

Павзаній *(судорожнымъ шопотомъ)*.
Святая тѣнь!.. Она молила!..

Аркадій. Молчи!

Павзаній *(съ силой)*. Послѣднимъ словомъ было:
Будь проклятъ!

Аркадій *(живо)*. Нѣтъ! Какъ я, простила.

Павзаній. Какъ ты?.. И ты... простилъ?.. Простилъ...
И смотришь на меня, и плачешь...

Аркадій. Отъ радости: я побѣдилъ
Себя, себя, Павзаній!

(Обнимаетъ его и уводитъ въ глубину сцены).

Сцена между тѣмъ все наполняется. Приходятъ Мениппа и Камилла. Послѣднія къ авансценѣ.

Камилла. Мужъ мнѣ говаривалъ не разъ:
Не мы дѣтей, насъ дѣти учатъ
И довоспитываютъ насъ!
При нихъ не сдѣлаетъ, не скажетъ
Отецъ, не поглядѣвъ впередъ.
Вѣдь сѣешь сѣмя! то взойдетъ,
Что въ сердцѣ съ дѣтскихъ лѣтъ заляжетъ!
Ахъ, милая! съ дѣтьми воочью
Увидишь Бога!.. Разболится,—
Ты что тогда?.. Горитъ, томится,
Всю душу надорветъ твою,
И нѣтъ тебѣ ни дня ни ночи!
Ты чувства всѣ окаменишь,
Дохнетъ ли, двинется ль—слѣдишь,
Вся въ немъ! и наконецъ нѣтъ мочи!
Силъ, что осталось, соберешь
И вольешь всѣ въ одно ихъ слово:
„Спаси, спаси!“—и упадешь
Предъ Тѣмъ, Кто можетъ все...

Мениппа. Ужасно!
Охъ, знаю, знаю! поняла!
И все теперь мнѣ стало ясно!..
Ужъ ты-то очень мнѣ мила!
И скажешь-то такъ все понятно,
И рѣчь-то тихая твоя...
Ахъ, ты мой ландышъ ароматный,
Фіалка нѣжная моя! *(Обнимаетъ ее).*
Вѣдь я давно о вашемъ Богѣ
Ужъ помышляю! Всѣмъ богамъ,
Гдѣ только вижу по дорогѣ,
Всегда снесу къ ихъ алтарямъ
Я хоть цвѣтокъ. Да разъ попала
Вотъ такъ и въ христіанскій храмъ,
Въ горѣ, въ Θессаліи. Сначала
Мнѣ стало страшно: свѣчи, мракъ;
Жрецъ говоритъ въ толпѣ молящихъ.
Вдругъ онъ сказалъ, да ясно такъ,
Слова: „Нашъ Богъ—Богъ всѣхъ скорбящихъ!
И точно въ сердцѣ у меня
Что дрогнуло. Упала я
И стала этого я Бога
Молить, да плакать лишь могла.

Вдругъ слышу: „въ Римъ твоя дорога,
Тамъ все найдешь“. Я подняла
Глаза; какъ разъ передо мною
Какой-то старецъ былъ, но тутъ
Исчезъ. Всѣ, вижу, вонъ идутъ.
Я къ выходу; передъ собою
Всѣхъ пропустила,—старца нѣтъ!
Я въ путь, чуть занялся лишь свѣтъ,
И на корабль, и въ Римъ, и всюду
Какъ будто надо мной звучитъ:
„Богъ всѣхъ скорбящихъ возвратитъ
Его...“ И жду... и точно къ чуду
Готовлюсь... а ужъ какъ теперь—
Не знаю...

Лида *(поспѣшно сойдя съ лѣстницы)*.
Марцеллъ идетъ... декретъ объявленъ!
(Общее движеніе).

Іовъ *(сойдя со своего мѣста и выступая нѣсколько впередъ, какъ бы въ центръ полукруга всѣхъ присутствующихъ)*.
Се день блаженнѣйшій изъ дней!
Мы, церковь видимая, вступимъ
Ужъ въ сонмъ невидимой и съ ней
Сольемся въ общемъ восклицаньи:
„Господь нашъ Богъ благословенъ!“

Слѣпой старикъ. Господь нашъ Богъ благословенъ,
Да всякое гласитъ дыханье!

Всѣ *(наклонясь головами къ Іову)*.
Господь нашъ Богъ благословенъ!
(Послѣ минутнаго благоговѣйнаго молчанія, во время котораго около Іова смыкается кружокъ, между прочими начинаются полушопотомъ частные разговоры).

Дидима *(раздаетъ свѣчи, нараспѣвъ повторяя)*.
Готовьте свѣтильники,
Близокъ женихъ!
(Мениппа въ волненіи разсматриваетъ приходящихъ и присутствующихъ; Камилла близъ нея, около гробницы мужа, прижавъ къ себѣ дѣтей, взоръ на небо).

Эвменъ *(увидавъ между женщинъ Агнессу, свою невѣсту)*.
Агнесса!.. въ брачномъ одѣяньи!..

Агнесса. Да, нынче бракъ вѣдь нашъ, Эвменъ,
На небесахъ... и я невѣста...

Эвменъ *(восторженно)*. Агнесса! ты меня спасла!..

Павзаній *(схвативъ за руку Аркадія, съ порывомъ).*
Теперь душа ужъ не страшится
Стать передъ Нимъ лицомъ къ лицу!
Главкъ *(къ молодымъ людямъ, восторженно).*
Знать, что чрезъ мигъ душа помчится
Чрезъ океанъ лучей къ Отцу!..
И что же смерть христіанину?
Въ глазахъ у всѣхъ стоитъ Христосъ!
Скорбѣть о томъ ли, что покину
Обитель горечи и слезъ?
Что преступлю черезъ мгновенье,
Здѣсь кесарю отдавши дань,
Къ Отцу всего, въ Его селенья
Уже достигнутую грань?
Душа, Имъ полная, вѣдь знаетъ,
Что оболочка сихъ тѣлесъ
Ее едва лишь отдѣляетъ,
Какъ легкій завѣсъ, отъ небесъ!
Вдругъ этотъ завѣсъ упадаетъ...
Мениппа *(всматривается въ него, бросается къ нему съ крикомъ).* Главкъ, сынъ мой! Главкъ!..
Главкъ. Мать! Ты жива!..
(Кидаются другъ другу въ объятья).
Мениппа *(не выпуская его изъ объятій).*
Вотъ онъ, мой вдохновенный...
Мой *выстраданный*, вотъ онъ!..
(Ища взорами Камиллу)
Камилла!.. вотъ онъ... *(Беретъ ее за руку и вдругъ остановясь)*
Но какъ ты здѣсь?.. христіанинъ?..
Главкъ. А ты?..
Мениппа *(вдругъ вспомнивъ).* Богъ всѣхъ скорбящихъ...
(Опускается на колѣни).

(Нѣсколько человѣкъ поспѣшно сходятъ съ лѣстницы, тихо сообщая направо и налѣво: «Марцеллъ, Марцеллъ», всѣ передаютъ другъ другу это имя. Всѣ становятся полукругомъ, оставляя мѣсто Марцеллу. Онъ показывается на лѣстницѣ, наверху).
Марцеллъ *(спускается съ лѣстницы и со второй или третьей ступени).* Господне будь благословенье
И миръ вамъ, братія!..
(Всѣ тихо: «аминь!»).
Зоветъ
Насъ нынѣ Богъ на прославленье

Его любви, его щедротъ,
И на свидѣтельство предъ міромъ,
Что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ
Земли и неба властелинъ,
Что честь Ему, а не кумирамъ,
Кумиръ же, чей бы ни былъ онъ,
Рукою смертной сотворенъ.
Идемъ предъ кесаря. Поставленъ
Отъ Бога онъ царемъ племенъ.
Во всемъ, чѣмъ можетъ быть прославленъ
Онъ на землѣ и вознесенъ—
Побѣдой надъ неправдой, славой
Въ защитѣ сирыхъ, торжествомъ,
Хотя бъ меча и мзды кровавой,
Надъ буйной силой, надъ врагомъ
Ему повѣреннаго царства,—
Служить ему намъ Богъ судилъ
Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,
Безъ лжи, безъ всякаго коварства.
Все, что̀ у насъ земное есть,
Вся наша кровь, все достоянье
И все умѣніе и знанье
Готовы каждый мигъ принесть
Мы съ духомъ радостнымъ къ подножью
Его престола. Но чтобъ быть
Ему слугой, чтобы не ложью
Былъ нашъ обѣтъ, должны хранить
Мы душу чисту, только къ Божью
Суду внимательну во всемъ,
Что̀ Божье, что̀ стоитъ вовѣки
И въ чемъ должны всѣ человѣки
И кесарь самъ пре́дъ тѣмъ судомъ
Отдать отчетъ.

Повелѣваетъ
Намъ кесарь Бога въ немъ признать,
Его жъ кумиру честь воздать,
Какъ божеству лишь подобаетъ;
Ослушнымъ смерть. Пусть вашъ совѣтъ
Рѣшитъ, что̀ дѣлать. Наше тѣло
Есть кесаря. Нашъ духъ—всецѣло
Господень.

Одинъ изъ старцевъ. Двухъ рѣшеній нѣтъ—
Итти! Но какъ не налагаетъ
Христосъ ярма на душу,—ей

Данъ разумъ, воля,—то рѣшаетъ
По правдѣ внутренней своей *(обращаясь къ собранію)*
Пусть каждый самъ.
(Общее благоговѣйное движеніе).

Голоса *(тихіе, какъ бы каждый самъ съ собой; взоръ на небо).*
Итти, итти
Къ Отцу Небесному!.. Въ селенья
Его святыхъ!.. Изъ заточенья,
Изъ тьмы на свѣтъ!.. Итти, итти!

Слѣпой старикъ. Его узрѣть во славѣ!..

Навзаній. Сложить въ душѣ всѣ тяготы
У ногъ Его!..

Главкъ. ...Исчезнуть въ созерцаньи
Неизрекомой красоты...
(Пауза. Взоры обращены на Марцелла).

Марцеллъ. Итакъ, грядущая заря
Для насъ послѣдней будетъ въ мірѣ—
И первой тамъ!..

Іовъ *(отъ глубины сердца).* О, Ты, сѣдяй въ эѳирѣ,
Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
Прославленный и вознесенный
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятымъ крестомъ!
Ты пастырь, насъ въ едину паству
Овцу сбиравшій за овцой!
Ты ихъ вспоилъ живой водой
И тучную имъ подалъ яству!
Когда бы, гдѣ бъ ни прозвучалъ
Твой рогъ призывный, гдѣ преграды,
Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
Который ихъ бы удержалъ
На зовъ Твой ринуться мгновенно!
Свѣтъ бо свѣтяй намъ съ небеси,
Свѣтъ истинный, свѣтъ неистлѣнный,
Жизнь и спасенье Ты еси!

Слѣпой старикъ. Слава Тебѣ, побѣдившему міръ!
(Всѣ съ зажженными свѣчами становятся на колѣни. П
спускающемся занавѣсѣ слышно пѣніе заутрени).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Пиршественная зала на террасѣ Деціева дворца, выходящей въ садъ аркой. — Ночь. — Зала освѣщена канделябрами и висячими свѣтильниками. — Три длинные стола съ ложами. — Гости одни возлежатъ, другіе прогуливаются по залѣ и опять садятся на свои мѣста; вообще свободно группируются, сообразно требованіямъ минуты. — За однимъ столомъ Децій. — Рабы приносятъ и уносятъ кушанья. — Хоръ пѣвицъ, флейты и лиры. — Танцовщицы.

Хоръ. Ловите, ловите
Часы наслажденья!
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эѳирѣ роями
Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ,—
Ловите, ловите,
Не то улетимъ.

(Танцовщицы удаляются).

Клавдій *(молодой патрицій, вслѣдъ танцовщицамъ, мимо него проскользнувшимъ).*
Еще поймаемъ!.. Но пока
„Тѣмъ насладись, что̀ подъ руками“—
Насъ учитъ мудрость. А предъ нами

(указывая на яства)

Рогъ изобилья и рѣка
Забвенья—все естествознанье!
Я шелъ сюда на обонянье.
Одни ужъ запахи кричатъ
Тебѣ за милю: „здѣсь, прохожій!“.

Лелій *(другой молодой патрицій).*
Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи—
Все съѣшь за одного!

Клавдій. Ну, да!
Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!
А вотъ что̀ будетъ, какъ ворвется
Сюда весь женскій Римъ! Начнется
Вотъ тутъ-то оргія!..

(Декламируетъ)

„Опротивѣютъ ужъ яства...
Не измѣнитъ лишь вино!
Хлоя подъ руку иль Дафна—
Все равно!

Флейты! трубы! шумъ и грохотъ,
Пѣсни, пляски! Все вверхъ дномъ!
Въ головѣ хаосъ и въ чувствахъ,
И хаосъ—кругомъ!“

Лелій. Да, Децій молодецъ! и жаль,
Что только разъ онъ умираетъ!

Клавдій. А мой старикъ, моя печаль
И сокрушенье, процвѣтаетъ!
Въ одинъ обѣдъ съѣдаетъ три,
И съ астрологомъ до зари
Все гороскопы составляетъ!..
Боится смерти! Я жъ ему
Твержу, что смерть его боится...
У варваровъ не засидится,
Небось, старикъ! они отцовъ
Торжественно, въ виду боговъ,
При всемъ народѣ убиваютъ!
И это старики считаютъ
Себѣ за честь!

Лелій. Здѣсь старики
Законы пишутъ, тамъ же, видно,
Не старики!..

(Хохочутъ).

Галлусъ *(адвокатъ, прохаживавшійся съ другимъ адвокатомъ, Гиппархомъ, становясь близъ великаго жреца и указывая рукою на все собраніе, заключаетъ частный свой разговоръ самодовольною рѣчью).*

Вы посмотрите, сколько насъ:
Я галлъ, вонъ свевъ, ты ѳессаліецъ,
Онъ изъ Египта, тотъ сиріецъ, —
А что же общаго у насъ
Съ Египтомъ, съ Галліей, странами,
Гдѣ и взросли бъ мы дикарями,
Когда бъ не Римъ!.. Въ одно насъ слилъ
Его языкъ, законъ, свобода!
Міръ онъ въ жилище обратилъ
Для человѣческаго рода.
На общій мы сошлися пиръ,
И хоть мы всѣ разноплеменны,
Но всѣ, какъ граждане вселенной,
Чтимъ за отечество весь міръ!

Гиппархъ *(эффектно-адвокатскимъ тономъ).*

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ—кесарь. Отъ него прошли

Лучи во всѣ концы земли,
И гдѣ прошли, тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги!

Великій жрецъ Энній *(старикъ, оборачиваясь къ нимъ, внушительно, громко, чтобы всѣ слышали. Молодые патриціи, Клавдій, Лелій и другіе мало-по-малу подходятъ къ кружку).*

Все хорошо на первый взглядъ,
Да вотъ бѣда: уходятъ боги!
Вездѣ оракулы молчатъ!
Вотъ въ Дельфахъ: пиѳію насильно
Ввели въ святилище: молчитъ,
Блѣднѣетъ, льется потъ обильно.
Всѣ ждутъ, и вдругъ она бѣжитъ
Съ ужаснымъ крикомъ изъ пещеры,
И какъ упала, умерла!
Въ боговъ умалилося вѣры,
И боги покидаютъ насъ
На произволъ судьбы!..

(Адвокаты улыбаются).

Галлусъ *(насмѣшливо)*. Иные
Ужъ умерли!..

Великій жрецъ. И день и часъ
Въ анналы вписанъ городскіе:
При Августѣ, передъ концомъ,
Корабль шелъ. Заштилѣло море
Передъ какимъ-то островкомъ.
Всѣ вѣтра ждали. Вдругъ въ просторѣ
Небесъ и моря, съ островка
Раздался голосъ, при которомъ
Все потряслось—и облака
И водъ поверхность; точно хоромъ
Сто тысячъ мѣдныхъ трубъ заразъ
Провозгласили въ міръ: „скончался
Великій Панъ“... И повторялся
Три раза голосъ... Весь разсказъ
Я слышалъ самъ отъ морехода!
Его Тиверій призывалъ,
И я жъ дословно записалъ
Въ анналы римскаго народа!

Галлусъ. Не боги покидаютъ міръ,
А суевѣрья...

Клавдій *(своимъ товарищамъ).*
Люблю, чуть разгорѣлся пиръ—
И спорятъ!.. *(Увидавъ рабовъ, приносящихъ жареныхъ фазановъ)*
Впрочемъ, прилетаютъ
Фазаны, и молчатъ враги!..
(Возвращаются на свои мѣста).
Лелій. А факты иногда бываютъ,
Что съ толку васъ совсѣмъ сбиваютъ.
Клавдій *(не давая ему досказать).*
Еще бы! напримѣръ, долги!
Лелій *(продолжая).*
У насъ на прошлой же недѣлѣ
Былъ случай...
Клавдій *(вскакивая и со смѣхомъ указывая на Лелія).*
Жертвы приносилъ
На той недѣлѣ ты, и скрылъ!
Скрылъ, признавайся?
Молодые патриціи *(смѣясь).* Въ самомъ дѣлѣ?
Клавдій. Козленка, говорятъ.
Лелій *(сконфуженный, перебивая его).*
Да мать
Послала!.. Вотъ что разсказать
Я вамъ хотѣлъ. Какъ вамъ извѣстно,
У насъ въ саду есть гротъ. Чудесный
Тамъ для пировъ устроенъ залъ,
И я намедни угощалъ
Тамъ кой-кого...
Клавдій. А! Діонею!
А завтра я пирую съ нею!..
(Декламируетъ)
„Мирты Киприды мнѣ дай!
Что мнѣ гирлянды цвѣтныя!..“
Лелій *(не обращая вниманія на Клавдія).*
Вдругъ мы сидимъ и слышимъ стонъ...
Откуда жъ?.. и все ближе, ближе—
Изъ-подъ земли!..
Клавдій *(декламируетъ):*
„Прозерпину бьетъ Плутонъ,
Стонетъ Прозерпина!..“
Молодые патриціи. Ахъ, этотъ Клавдій! Нынче онъ
Невыносимъ!—Да замолчи же!
Теперь вездѣ, со всѣхъ сторонъ,
Всѣ говорятъ: то стонъ, то пѣнье

Послышится, то привидѣнье
Появится...

Лелій *(серьезно)*. Вѣдь въ старину,
Извѣстно, мертвыхъ хоронили
Въ подземныхъ склепахъ, и прорыли
Отъ склепа къ склепу ходы...

Клавдій *(таинственно)*. Ну,
Такъ это значитъ...

Всѣ. Что̀ такое?

Клавдій *(помолчавъ, съ притворно-серьезнымъ видомъ)*.
Гм!.. Предки наши...

Лелій. Ты въ смѣшное
Все обратишь.

Клавдій. Я не смѣюсь!
И не люблю, чтобы шутили
Надъ предками—самъ ихъ боюсь:
Такіе жъ аспиды всѣ были,
Какъ этотъ Фабій,—вонъ скелетъ!
Вонъ черепъ голый! вонъ таращитъ
Глаза на канделябры!.. Стащитъ
Онъ что-нибудь здѣсь, людоѣдъ!
Вздыхаетъ все по древнемъ правѣ,
По силѣ коего меня
Онъ могъ бы въ рабство взять...

За другимъ столомъ Фабій, изъ древнѣйшей римской фамиліи, своему сосѣду, квестору Теренцію:

Пойми, я Фабій—и въ сенатѣ
Мнѣ мѣста нѣтъ!.. Кто жъ тамъ сидитъ?
Иберецъ, грекъ, сиріецъ, бриттъ!
И что̀ же сталъ сенатъ? въ развратѣ
Всѣ чувства ихъ притуплены:
Въ особыхъ засѣданьяхъ судятъ,
Что̀ значатъ кесаревы сны!
Ну что̀ въ нихъ слово „Римъ“ пробудитъ?
Имъ лишь погрѣться бъ отъ казны!
Ты посмотри-ка, въ легіонахъ
Кто полководцы? Все изъ насъ.
А при дворѣ?.. Они! Въ поклонахъ
И лести мастера ужъ! Да-съ!
За то и откупъ и претура —
Все ихъ!.. Потомъ адвокатура:
За деньги за твои тебя жъ
Такъ оберутъ, что ты отдашь
Послѣднее, лишь бы отстали...

За главнымъ столомъ: Децій, по сторонамъ его философъ Харидемъ и старый проконсулъ Публій, беззубый, лысый и шепелявитъ. Далѣе среднихъ лѣтъ, мрачнаго вида, сенаторъ Аспицій и завитой, пышно одѣтый молодой патрицій Корнелій.

Публій. Ахъ, Лезбія!.. насъ принимала
За туалетомъ!.. Что за грудь!
Ну если бъ даже и скрывала,
То видно—дочь царей!.. Дохнуть
Не смѣли... трое насъ... сидѣли...
Все старички... потѣха... да!
Сидимъ.

Децій. Картина въ самомъ дѣлѣ
Преинтересная!

Публій. Бѣда!
Она, конечно, насъ дурачитъ:
То ножку вдругъ поцѣловать
Протянетъ и тотчасъ опять,
Какъ только бросимся мы, спрячетъ...
(Всѣ съ улыбающимися лицами).

Сенаторъ Аспицій *(довольно ѣдко).*
А дорого за посмотрѣнье?

Публій *(такъ же простодушно).*
Да что! Ужъ думаю просить
Провинцію на поправленье!
Она жъ поможетъ!..

Децій *(Харидему).*
Была иная между насъ...
Ты помнишь оду Сафо:
„Передъ жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелкомъ косъ и блескомъ ризъ.
Ты умрешь, и все въ мгновенье
Съ красотой твоей умретъ!
На землѣ твой слѣдъ забвенье,
Словно вихорь, замететъ!
Въ адскихъ пропастяхъ бездонныхъ
Пропадешь средь темноты,
Въ сонмѣ душъ, непросвѣтленныхъ
Вдохновеньемъ, какъ и ты!“
Вотъ это бъ Лезбіи сказать
Могла—ты угадалъ, кто?—Лида!

Харидемъ. О, Лида, то другая стать!

Но гдѣ она? Совсѣмъ изъ вида
Пропала!

Децій. Да!.. Она всегда,
Какъ безпріютная звѣзда,
Весь вѣкъ металась средь хаоса!
Не разъ съ Левкадскаго утеса
Хотѣла броситься; потомъ,
Глядишь, съ Изидинымъ жрецомъ
Умершихъ тѣни вызываетъ;
Потомъ опять, глядишь, блистаетъ
Въ Аѳинахъ, въ Римѣ...

Харидемъ. Знаешь ты
Экспромтъ, ей сказанный въ Аѳинахъ
Однажды на пиру?

„Съ зеленѣющихъ полей
Въ область блѣдную тѣней
Залетѣла разъ Психея,
На отжившихъ вдругъ повѣя
Жизнью, счастьемъ и тепломъ.
Тѣни вкругъ нея толпятся,
Одного онѣ боятся,
Чтобы солнце къ нимъ лучомъ
Въ вѣчный сумракъ не запало,
Чтобъ она не увидала,
И отъ нихъ бы въ тотъ же часъ
Въ свѣтлый лучъ не унеслась“.

Децій. Психея!.. Это къ ней идетъ...

Входитъ циникъ съ дубиной въ рукахъ, на плечахъ, сверхъ лохмотій, мѣхъ, какъ у Геркулеса; останавливается впереди залы и, указывая на Деція пальцемъ, говоритъ:

Циникъ. Э, да ты вотъ какъ!

Разные голоса. Ну, пропалъ
Веселый пиръ! Вѣдь затесался!

Циникъ. Пріятель! Умирать собрался
И не подумалъ, не позвалъ
Меня взглянуть на представленье!
Ишь вкругъ тебя какой букетъ!
Сенаторы, мое почтенье!
Философы, вамъ мой привѣтъ!
(Насмѣшливо кланяется на обѣ стороны).
Все жъ безъ меня букетъ не полонъ:
Въ срединѣ главной розы нѣтъ!
Вѣдь мудрости вѣнецъ и цвѣтъ
Во мнѣ!.. Зато я вамъ и солонъ!

Ужъ дальше моего нейдетъ
Умъ человѣческій! Помалу
Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу,
И больше некуда впередъ!

Децій. Прошу, садися!

Циникъ *(присаживаясь на ложе завитого, пышно одѣтаго щеголя Корнелія).* Другъ любезный,
Откинь-ка ноги! Мнѣ присѣсть
Вѣдь какъ-нибудь, лишь бы поѣсть.

Корнелій. Садись, не спорю!

Циникъ. Безполезно!
Такъ сяду!

Децій *(къ рабамъ).* Ложе, эй!

Фабій. Свинья!

Циникъ *(помѣстившись на ложѣ Корнелія, беретъ цѣльнаго фазана и ѣстъ, разрывая руками).*
Нерону я сказалъ, что двое
Людей на свѣтѣ: онъ да я.
Все прочее—такъ, тля, пустое!
Мы, что̀ хотимъ, то и беремъ
И ничего не признаёмъ!
Онъ тотчасъ понялъ, что свобода
Вся въ этомъ! Прочее все ложь!
(Къ Харидему)
Ну, что̀ ты морщишься? Все—ложь!
Будь счастливъ тѣмъ, что̀ дастъ природа!
Родился голъ и голъ умрешь!
Въ природѣ жъ, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
Бери, что̀ хочешь, все твое,
На что глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ!.. Вотъ вамъ и все!..
А то, глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочь пришлось! уныли
И ходятъ, высунувъ языкъ!
Неронъ поправитъ васъ: устроитъ
По Діогену! самъ возьметъ
Дубину, города сожжетъ
И всѣхъ васъ по лѣсамъ разгонитъ!

Децій *(смѣясь).* Что̀ жъ послѣ будетъ?

Циникъ. Ничего

Не будетъ!.. Главное, не будетъ
Философовъ!

Клавдій *(посреди общаго смѣха)*. Долговъ не будетъ—
Еще главнѣе!..

Провинціальный преторъ *(сидящій за столомъ съ Фабіемъ, къ своему сосѣду, квестору Теренцію)*.
Скажи, дружокъ, я здѣсь чужой,
Живу въ провинціи глухой,—
Кто этотъ господинъ съ дубиной?
И съ кесаремъ онъ говорилъ?

Квесторъ Теренцій. Съ дубиной? Этою скотиной
Не знаю, кто насъ подарилъ!
Рабъ, что ль, онъ бѣглый?.. Нѣтъ вѣдь знака
На рожѣ! Лаетъ, какъ собака,
На всѣхъ! И какъ сюда попалъ,
Такъ влѣзъ и къ кесарю: плѣнился
Имъ кесарь! Только онъ сказалъ,
Что ты, да я, и восхитился!
Дубину принести велѣлъ,
Всѣхъ напугалъ и озадачилъ!

Фабій. И насъ устраивать ужъ началъ
По Діогену: Римъ горѣлъ
Не спрòста!

Квесторъ Теренцій. Только онъ, по счастью,
Охотникъ строить: этой страстью
И отвлекли. А этотъ скотъ
Съ тѣхъ поръ и тѣшится, и кстати,
Некстати насъ ругаетъ, пьетъ
И жретъ...

Фабій. Ужъ будетъ онъ въ сенатѣ,
Какъ эта бестья, напримѣръ,
Миртиллъ...

(Вдругъ умолкаетъ при видѣ входящаго евнуха Миртилла, въ блестящей одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Публій и Харидемъ предлагаютъ ему свои мѣста. Онъ принимаетъ мѣсто Публія, который садится ниже. Цинику тоже подано ложе, но онъ то приляжетъ, то начнетъ обходить столы и чрезъ головы гостей беретъ кушанья).

Харидемъ *(Миртиллу)*. Здоровье кесаря?

Миртиллъ. Богамъ
Благодаренье, солнце свѣтитъ!

Провинціальный преторъ *(квестору Теренцію)*.
. . . А это кто же?

Квесторъ Теренцій. Тс! тише! если только кожей

Ты дорожишь!.. Евнухъ Миртиллъ,
Пѣвецъ и мимъ. Да вотъ въ чемъ сила:
Въ ногахъ у кесаря лежитъ
Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
У ногъ вотъ этого Миртилла!

Провинціальный преторъ. Такъ вотъ оно!..
Да, да, оно!

Квесторъ.
Такъ, genus neutrum...

Миртиллъ. Сегодня кесарю представленъ
Проектъ дворца. Позолочёнъ
Весь корпусъ, на горѣ поставленъ,
И цѣлый лѣсъ кругомъ колоннъ,
Все бѣлый мраморъ, заглядѣнье!
Внутри жъ, что̀ шагъ, то изумленье!
Хотя бы пиршественный залъ:
Онъ сверху будетъ окропляться
Духами. Стѣны изъ зеркалъ;
Плафонъ же будетъ раздвигаться,
И вдругъ средь пира съ высоты
На васъ посыплются цвѣты.

Разные голоса. Какъ это мило: вдругъ цвѣты!

Циникъ. А если бъ вдругъ весь залъ съ гостями
Насыпать до верху цвѣтами?
Ароматическій конецъ!
Шепни-ка кесарю, пѣвецъ!

Фабій *(тихо квестору)*. А надоумитъ вѣдь, подлецъ!

Миртиллъ *(смѣясь)*. Забавное соображенье!..
Ахъ, этотъ милый кесарь! онъ
Три дня въ великомъ восхищеньи:
Изъ Дельфъ намедни привезенъ
Былъ этотъ дивный Аполлонъ,
И кесарь передъ нимъ проводитъ
Все время!.. Даже ночью всталъ
И факелами освѣщалъ!..

Великій жрецъ Энній *(тихо адвокатамъ)*.
Какъ я сказалъ, такъ и выходитъ:
Вонъ пиѳія-то умерла!
Изъ храма взять, да въ залу оргій
Поставить бога!..

Сенаторъ Аспицій *(идетъ со своего мѣста и, подсаживаясь къ Децію, говоритъ ему тихо)*.
Я точно какъ въ глубокой тьмѣ!
Пойми ты кесаря Нерона:

Какъ совмѣщаетъ онъ въ умѣ
И циника и Аполлона?

Децій *(съ улыбкой смотря на него и не отвѣчая на вопросъ, декламируетъ два стиха).*

„Дельфійскій богъ! и онъ позналъ
Длань сокрушительную Рима!..“
Когда впервые увидалъ
Его я въ Дельфахъ, волны дыма
Отъ дорогихъ куреній храмъ,
Какъ легкій облакъ, наполняли.
На чудный образъ упадали
Лучи, и онъ по облакамъ
Какъ будто несся, быстробѣжный,
И передъ нимъ въ дали безбрежной
Отъ свѣтлыхъ стрѣлъ его толпой
Титаны тьмы бѣжали!..

Завитой патрицій Корнелій. Это
Эллады геній: по землямъ
Свершилъ онъ странствіе и къ намъ
Въ суровый Римъ лучъ бросилъ свѣта,
И сдѣлалъ насъ людьми!

Фабій *(со своего мѣста громко).* Людьми
Иль нѣтъ, а только перестали
Мы римлянами быть!

Корнелій. Узнали,
По крайней мѣрѣ, что звѣрьми
Дотолѣ были!

Фабій. Побѣждали
Зато враговъ! Развратъ, пойми,
У насъ отъ грековъ!..

Корнелій. Въ старину-то
Лишь полбу ѣли, да ячмень,
Да сыръ!

Фабій. Зато имѣли Брута,
Коріолана! Ночи въ день
Не обращали... Даже гадко
Ихъ слушать!.. Охъ, ужасный вѣкъ!
(Къ Децію)
Скажи ты, умный человѣкъ,
Кто лучше: римлянинъ, иль грекъ?

Циникъ *(который во время предыдущаго разговора лежалъ, разостлавъ свой мѣхъ на полу).*

Стой! разрѣшу одной загадкой:
Дуракъ болтунъ у дурака

Изъ простяковъ сидитъ на шеѣ
И погоняетъ простяка,
И ѣдутъ въ ровъ!.. Ну... кто умнѣе?..

(Всѣ принужденно смѣются. Между великимъ жрецомъ и адвокатомъ громкій споръ).

Великій жрецъ Энній *(кричитъ)*.
Отъ философіи!

Галлусъ. Тревоги
Напрасныя!

Великій жрецъ. Отъ новыхъ вѣръ!

Галлусъ. Отцеубійства и подлоги
Отъ новыхъ вѣръ! да, напримѣръ,
Какихъ же?

Великій жрецъ. Мало ль? Изъ Халдеи,
Изъ Персіи, изъ Іудеи!
Адонисъ! Митра!.. У рабовъ
Свой даже богъ-освободитель
Отъ всякой власти и оковъ—
Христосъ, всемірный, вишь, спаситель!

Публій *(со своего мѣста)*.
Тамъ тоже споръ у нихъ: о чемъ?..
Ученыхъ споровъ я любитель!

Галлусъ. Все о безбожьѣ и о томъ,
Что бога новаго открыли
Себѣ рабы, зовутъ Христомъ.

Публій. А, христіане! да, знакомъ,
Знакомъ я съ ними!.. Говорили,
Что Римъ они сожгли?

Великій жрецъ. Схватили
Тогда же многихъ ихъ съ огнемъ!

Сенаторъ Аспицій. Живутъ всегда особнякомъ,
Ужъ тѣмъ внушаютъ подозрѣнье:
Отъ всякихъ должностей бѣгутъ,
Ни кесаря не признаютъ,
Ни государства Рима!..

Великій жрецъ *(внѣ себя)*. Пьютъ,
Свершая жертвоприношенье,
Кровь человѣческую!

Сенаторъ Аспицій. Ихъ
Нельзя терпѣть!.. весьма опасно!
Мы терпимъ много сектъ дурныхъ,
Но эти...

Децій *(смѣясь)*. Вотъ ужъ страхъ напрасный!
Вѣдь это жители небесъ!

Галлусъ *(Гиппарху)*.
Отъ нихъ всю жизнь хоть бы процессъ,
Представь!
Гиппархъ. Да, да! Но... почему же?
Фабій. Ну-съ, эти ужъ и грековъ хуже!
Они работаютъ во мглѣ
Повсюду, что̀ ключи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ...
Миртиллъ *(вставая съ мѣста и жестомъ успокаивая общее движеніе)*.
Позвольте!.. Приняты ужъ мѣры!
Предписано по городамъ
И здѣсь, чтобъ завтра же явились
Всѣ къ квесторамъ и поклонились
Статуѣ кесаря, его
Признавши тутъ же божество,
Какъ признаётся всей вселенной.
А воспротивятся, пойдутъ
Одни для травли въ циркъ, другіе
Рубашки вздѣнутъ смоляныя,
Имъ въ глотки факелы воткнутъ,
Къ столбамъ привяжутъ ихъ, зажгутъ,
И кесарь въ пышной колесницѣ
Между пылающихъ ихъ тѣлъ
Проѣдетъ ночью по столицѣ!
Великій жрецъ. И боги воздадутъ сторицей
Ему за это...
Фабій. ...Прекрасно! я бѣ узнать
Желалъ, чья мысль?
Квесторъ. Да, безъ сомнѣнья,
Его, Миртилла! потѣшать
Умѣетъ Римъ!
Миртиллъ. А всѣхъ ихъ будетъ
Здѣсь въ Римѣ тысячъ сто!.. въ другихъ
Провинціяхъ мильоны...
Разные голоса. ...Боги! Пусть же ихъ
Огуломъ всѣхъ на смерть осудятъ!
Всѣхъ съ корнемъ вонъ!
Харидемъ *(встаетъ и поднимаетъ чашу)*. Благодаренье
Тому, кто бодрствуетъ за насъ!
Во здравье кесаря!
(Рабы наливаютъ вина въ чаши).
Общій кликъ *(всѣ встаютъ)*. Во здравье кесаря!

Циникъ *(вскочивъ съ полу)*. Онъ да я!
Всѣхъ прочихъ съ корнемъ вонъ!..
(Вырываетъ изъ рукъ Фабія чашу и пьетъ; Фабій за его спиной показываетъ ему кулаки).
Фабій *(обращаясь къ молодымъ патриціямъ)*.
Вы напоили бы его,
Чтобъ ужъ совсѣмъ онъ съ ногъ свалился!
(Молодые патриціи привлекаютъ къ себѣ циника и поятъ его).
Миртиллъ *(ласково Децію)*. А ты смѣешься и не пьешь,
И нашихъ мѣръ не признаёшь
Во благо Риму?
Децій. Мѣръ напрасныхъ!
Жечь неопасныхъ никому
Мечтателей!
Миртиллъ. Какъ, неопасныхъ? *(Указывая на всѣхъ)*
А гласъ народа?

Входитъ Лезбія въ одеждѣ восточныхъ царицъ; съ нею нѣсколько женщинъ и толпа рабовъ эѳіоповъ.

Клавдій. Метелла, Туллія! вы къ намъ!
Циникъ. Эванъ! эвое!
Мясцо живое!
Къ намъ! къ намъ!

Женщины присоединяются къ молодежи. Лезбія идетъ прямо къ Децію. Въ то же время съ другой стороны Лида и Марцеллъ являются и помѣщаются въ глубинѣ сцены за Децiемъ, маскируемые рабами

Лезбія. Герой мой, здравствуй! Очень рада,
Что ты еще не умеръ. Да!
Стремглавъ летѣла я сюда,
И главное затѣмъ, что надо
Тебя мнѣ очень побранить!
Децій *(къ рабамъ)*. Эй, ложе!
Лезбія. Можемъ раздѣлить,
Когда позволите, и ваше!
Лежи!
Децій. Рабъ вѣчной красоты,
Жду приказаній.
Лезбія *(садясь на его ложе, въ ногахъ его)*. Прежде ты
Скажи, какой не трогать чаши?
Децій. А вотъ—отъ дѣда.
Лезбія. Много лѣтъ
Живетъ на свѣтѣ! Золотая...
Съ волчицей крышка... небольшая...
А ядъ—стряпня Локусты?

Децій. Нѣтъ,
Съ Востока тоже вывезъ дѣдъ:
Одна парѳянка подарила.
Лезбія. Ну, имъ не соблазнишь меня!
Я жить хочу!.. *(Громко, чтобъ всѣ слышали)* Къ вамъ прямо я
Отъ кесаря!
(Общее движеніе. Публій, вставшій и поднявшій чашу, чтобы привѣтствовать Лезбію, поспѣшно садится на свое мѣсто).
Фабій *(тихо квестору Теренцію)*. Смотри, Миртилла
Какъ будто жаба укусила...
Она же смотритъ на него,
Какъ на Пиѳона Фебъ...
Лезбія. Имѣла
Я счастье въ первый разъ его
Услышать пѣнье... ничего
Подобнаго не знаю! Млѣла
И плакала я даже!.. Да!
А говорятъ, я никогда
Не плачу!.. Какъ онъ держитъ лиру!
Какъ смотритъ въ небо Аполлонъ!..
Да, римляне! вы храбры! Міру
Вы предписали свой законъ,
Но я скажу, что предъ искусствомъ
Вы—варвары! Не стоитъ Римъ
Такихъ художниковъ! Съ твоимъ,
Ужъ извини, изящнымъ чувствомъ
Ты бъ могъ одинъ его цѣнить!
Онъ это знаетъ...
Децій. Не за то ли
Меня и хочешь ты бранить?
Лезбія. Отчасти...
Квесторъ Теренцій *(провинціальному претору)*.
...Ты совсѣмъ растаялъ?
Провинціальный преторъ. Вотъ красота-то!.. И не чаялъ
Подобной встрѣтить отродясь!
Патриціанка?
Квесторъ Теренцій. Нѣтъ, иная
Генеалогія у насъ
Происхожденьемъ массильянка,
Отецъ былъ галлъ, а мать—гречанка.
Онъ былъ плясунъ. По городамъ
Таскалъ повсюду дочь съ собою.

Потомъ Изидинымъ жрецамъ
Ее онъ продалъ. Съ ихъ толпою
Чуть не во всѣхъ странахъ земныхъ
Перебывавъ, пришла къ Аѳинамъ,
Вездѣ попрыгавъ съ тамбуриномъ
И въ банделеткахъ золотыхъ.
Тутъ распрощалася съ жрецами
И появилась между нами
Прелестной внучкою царей
Понтійскихъ, и всѣ вѣрятъ ей:
Осанка, гордый видъ царицы,
Передъ крыльцомъ живыхъ два льва.
Гляди, какъ смотритъ: голова
Назадъ закинута, рѣсницы
Что̀ стрѣлы, молньеносный взглядъ,
А профиль?

Провинціальный преторъ. Голова Медеи!
И косы вкругъ чела лежатъ,
Что̀ перевившіяся змѣи!

Квесторъ Теренцій. Да, змѣи!.. Какъ сказала тутъ,
Что къ намъ отъ кесаря, такъ сжалось,
Другъ, сердце! Такъ и показалось,
Что змѣи всюду ужъ ползутъ
По Риму, бьютъ фонтаны ядомъ,
И подъ ея упорнымъ взглядомъ
Вокругъ все падаетъ и мретъ!

Провинціальный преторъ. Такая красота...
(Раздаются звуки трубъ. Общее движеніе).

Разные голоса. Э! гладіаторовъ трубятъ!
Бой будетъ, бой!..

Циникъ *(стоя среди залы и передразнивая всѣхъ).*
А! крови, крови!
Сказался звѣрь! а не хотятъ
По Діогену жить!..

Всѣ. Мѣста! мѣста!

Входятъ гладіаторы. Попарно проходятъ мимо Децiя, кланяются ему потомъ строятся въ рядъ въ глубинѣ сцены. Рабы сдвигаютъ ло очищая мѣсто для боя. Децiй и Лезбія остаются на своихъ мѣста

Лезбія. Вотъ это въ римскомъ вкусѣ! браво!
И ужъ за это честь и слава
Вамъ, римлянамъ!.. да, да... люблю!
Ты много держишь ихъ?.. Я знаю
Въ нихъ толкъ, сама ихъ покупаю,

Кормлю, учу и продаю
Превыгодно!

Децій. Ста два.

Лезбія. Такъ мало?

(Два гладіатора выходятъ на середину залы).

Лезбія. Недурны люди. Это—галлъ,
А этотъ... свевъ. Держу за галла,
А ты—за свева.

Гладіаторы наступаютъ другъ на друга. Галлъ съ мечомъ. Свевъ съ палицей. Сыплются удары на щиты.

Лезбія *(слѣдя за боемъ)*. Ну, пропалъ!
А! извернулся!.. Этотъ свевъ
Раскормленъ очень... впрочемъ, годенъ
Для палицы. Вотъ галлъ свободенъ,
Увертливъ, худъ и быстръ, какъ левъ
Ливійскій!..

Свевъ наноситъ страшный ударъ. Галлъ роняетъ щитъ.

Децій. Ну, ты проиграла!

Свевъ снова замахивается. Лезбія встаетъ на ложѣ. Децій смотритъ, приподнявшись на локтѣ.

Лида *(глухо)*. И Децій смотритъ!..

Но галлъ увертывается; тяжелый ударъ свева падаетъ на полъ. Галлъ быстро вонзаетъ свой короткій мечъ ему между реберъ. Свевъ падаетъ.

Лезбія. Угадала!
Ура! побѣда!.. *(Рукоплещетъ, и всѣ съ нею).*

Галлъ вопросительно смотритъ на Лезбію, наступивъ ногой на свева.

Лезбія. Ну, кончай!
Vae victis!

Общіе крики. Кончай, кончай!

(Галлъ закалываетъ свева подъ горло).

Лезбія *(спрыгиваетъ съ ложа, подбѣгаетъ къ свеву и смотритъ на рану. Около нея сбираются и другія женщины и молодые люди).* Ударъ на славу!
(Къ Децію, указывая на галла)
Ты, Децій, мнѣ его отдай!

Децій. Да всѣхъ бери!.. Хоть бы въ забаву,
Что удалось!

Циникъ *(шатаясь, подходитъ и толкаетъ ногой убитаго)*. Матерый звѣрь!

Туллія. Ужъ близокъ къ Стиксу, чай, теперь,
Такъ вотъ ему на переправу.

Кладетъ убитому въ ротъ монету. Всѣ смѣются. Туллія Децію:

Теперь что̀ жъ? Общій бой?..

Лезбія *(возвращаясь на свое мѣсто)*.

Нѣтъ, полно! некогда! Вина
Налей мнѣ! Жажда мучитъ. Рада
Всю ночь смотрѣть! до бѣла дня!..
Теперь къ дѣламъ. Вотъ что̀ мнѣ надо.
Во-первыхъ, ты поздравь меня
Съ другой побѣдою!.. Большого
Она мнѣ стоила труда,
Но безъ труда и нѣтъ плода!
Теперь сказать мнѣ только слово:
„Ты Деція мнѣ подари!“—
И ты живешь...

Децій *(прерывая съ закипающимъ негодованіемъ)*.

Не говори,
Не думай... это невозможно.

Лезбія. Не горячись. Мнѣ все возможно.
Ты выслушай. Дня черезъ три —
Я все обдумала — устрою
Я небывалый пиръ съ борьбою,
Родъ олимпійскихъ игръ—пѣвцы
И бѣгъ... Конечно, всѣ вѣнцы
Получитъ кесарь... И, мой милый,
Вѣдь мы живемъ въ чудесный вѣкъ!
Его понявши, человѣкъ
Всего добьется, только бъ силы
Достало и ума. А ты
Такой достигнуть высоты
И славы можешь... Я вѣдь знаю
Людей и въ будущемъ читаю,
Какъ пиѳія. Ты долженъ жить.

Децій. И въ жизни лишь тебя любить!

Лезбія. Да, да, союзъ. А цѣль тебѣ я
Могу лишь на ушко шепнуть:
Цѣль: „*Кесарь Децій*“, и ничуть
Не трудно. Надо лишь умѣя
За дѣло взяться. Ты богатъ
И дашь мнѣ средства...

Децій *(полунасмѣшливо)*. О, Цирцея!
Все, все за царственный твой взглядъ!

Лезбія *(обидясь)*. Упрямство, Децій, даже въ дѣтяхъ

Нехорошо! Съ такимъ умомъ,
Какъ ты...
(Увидѣвъ Публія, который приближается къ ней съ чашей въ рукахъ)
Да выгони мнѣ этихъ
Вралей! Останемся вдвоемъ,
Я убѣдить тебя сумѣю...

Децій. Довольно!.. Все, что я имѣю,
Твое, но съ тѣмъ, чтобъ не мѣшать
Мнѣ умереть...

Лезбія *(смутясь)*. Какъ понимать?

Децій *(въ полномъ разгарѣ гнѣва)*.
Да! не мѣшать!.. И передать
Нерону, что, собравши силы,
Я, издыхая, изъ могилы,
Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ,
Что съ легіонами рабовъ
Не сломитъ въ насъ онъ духъ отцовъ,
Что кесарь — самъ онъ забываетъ,
Что этотъ духъ въ лицѣ его
Себя лишь чтитъ за божество,
И кесарь онъ, пока лишь полонъ
Самъ этимъ духомъ!..

(Общее оцѣпенѣніе. Всѣ притаились на своихъ мѣстахъ).

Лезбія *(соскочившая съ своего мѣста во время рѣчи Деція, смотритъ на него съ испугомъ, потомъ съ озлобленіемъ; наконецъ, принимая повелительный видъ).*
Да заколите же его
Во имя кесаря!..

(Всѣ нерѣшительно поднимаются съ мѣста).

Децій *(указывая на чашу съ ядомъ)*.
Напрасно, не трудитесь!..
(Вполнѣ овладѣвъ собой, къ Давусу)
Эй! Давъ! открыть имъ галлереи,
Всѣ кладовыя, всѣ музеи,
Имъ всѣ сокровища открыть,
Подвалы съ золотомъ!.. берите
И виллу всю хоть разнесите
По камню!..
(Общее молчаніе; глухой радостный гулъ проносится въ толпѣ).

Квесторъ Теренцій *(про себя)*. Ухъ! Отлегло!..

Фабій *(тихо сосѣду)*. Все намъ даетъ?

Галлусъ *(хватаетъ чернильницу за поясомъ, тихо Гиппарху).* Актъ не составить ли? donantis
Mens ne mutata sit?
Гиппархъ. Ну, вотъ!
Ужъ тутъ jus primi occupantis!
Давусъ *(поднимая связку ключей, ко всѣмъ).*
Прикажете?.. *(Всѣ бросаются со своихъ мѣстъ).*
Сенаторъ Аспицій *(мрачно про себя).*
Чѣмъ кончится все это!..
(Уходитъ, опустивъ голову).
Фабій *(оглядывая столы).*
А это все — сосуды, кубки...
Харидемъ *(подлѣ него, беретъ одинъ кубокъ).*
Вотъ вещь изящная!.. голубки
Цѣлуются...
Фабій *(вырывая у него этотъ кубокъ).* Давай сюда!
Рабы растащутъ же!..
Публій *(беретъ разную утварь).* Да, да!
Въ гостинецъ внучкамъ!..
Великій жрецъ *(тихо).* Я богамъ!
(За ними всѣ, кромѣ Лезбіи и циника, который, совсѣмъ опьянѣвъ, развалился на ложѣ, хватаютъ сосуды, чаши и пр. Опрокидываютъ многіе канделябры).
Лезбія *(неподвижно смотрѣвшая на Децію, съ досадой).*
...Эхъ, Децій!..
(Къ эѳіопамъ, указывая на толпу)
Дорогу мнѣ! *(Къ Давусу, пропуская его впередъ)* Иди!
(Эѳіопы расталкиваютъ толпу).
Клавдій *(пропустивъ Лезбію, бѣгомъ возвращается съ молодежью и женщинами на середину сцены и, потрясая огромнымъ золотымъ сосудомъ).* Ты, Децій, богъ!
Вся толпа. Богъ! богъ!
(Убѣгаютъ, опрокидывая послѣдніе канделябры).
Децій. Стократъ проклятье вамъ!.. И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!
Циникъ *(безсознательно увлекаемый общимъ движеніемъ, пробуетъ встать, но падаетъ опять на ложе и кричитъ).*
Хозяинъ! будешь умирать,
Такъ разбуди! прелюбопытно!..
Все хорошо!.. Эй, вы!.. вы къ намъ,
Вы, самки!.. Туллія...
(Засыпаетъ).

Децій. Еще разъ всѣмъ проклятье вамъ!
(Зала остается съ опрокинутыми сѣдалищами и канделябрами, освѣщенная только висящими сверху свѣтильниками. Децій опускается на свое ложе, облокотясь на столъ предъ золотою чашей и глядя на нее).
Ну, что же?.. кончимъ „представленье“,
Какъ тотъ сказалъ!..
(Беретъ чашу; Лида и Марцеллъ къ нему приближаются).
Децій. Нужна не сила воли намъ,
Чтобъ жизнь порвать, а отвращенье,
Да, отвращенье къ жизни!..
(Сильнымъ движеніемъ поднимаетъ чашу, чтобы выпить ее).
Лида *(бросаясь къ нему и удерживая)*. Стой!
Стой, Децій!..
Децій *(быстро поставивъ чашу на столъ)*.
Лида... ты!.. Марцеллъ!..
Лида *(едва удерживая рыданіе)*.
Несчастный! видишь... видишь вотъ,
Что создала вамъ мудрость ваша!
Ты лучше всѣхъ, такъ яду чаша!..
Децій. Печально! да!.. *(Протягивая руку къ Лидѣ)*
Но гдѣ жъ исходъ,
Философъ милый, гдѣ жъ исходъ?
И если бъ былъ—то утѣшенья
Не много: поздно!..
Лида. Никогда
Не поздно!.. Одного мгновенья
Увидѣть разомъ свѣтъ, понять,—
Мгновенья одного довольно!
А тамъ, что дѣлать, что начать,
Само ужъ скажется невольно.
Увидя свѣтъ, ужъ никому
Назадъ не хочется во тьму!
Децій *(смотря пристально на Лиду)*.
Но что, скажи, съ тобою, Лида?
Ты какъ въ огнѣ! Какой нарядъ!
Простая, темная хламида,
Покровъ широкій... какъ горятъ
Глаза... Да гдѣ же ты скрывалась?
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой,
Сама конями управляла,
И оглянулась на меня...

Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку уроня!..
Лида. Я выплыла изъ этой бездны:
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя... Душа твоя,
Я знала, бьется безполезно,
Ища въ ней берега... и шла
Я указать тебѣ спасенье...
И сколько разъ!..
Децій *(въ недоумѣньи)*. Ты мнѣ несла
Спасенье, Лида?.. Ты нашла?
Лида. Ты знаешь христіанъ?
Децій *(озадаченный)*. Спасенье
Мнѣ въ христіанахъ? Ихъ ученье
Я знаю и не разъ слыхалъ
Ихъ проповѣдниковъ: худые
И загорѣлые, босые...
Ихъ въ Римѣ много... Одного
Я живо помню. Былъ забавенъ
Восточный выговоръ его,
И жестъ порывистъ и неплавенъ,
Но дикимъ паѳосомъ своимъ
Онъ поражалъ... Я помню, было
Внѣ Рима. Солнце заходило,
И онъ указывалъ на Римъ...
Самъ на горѣ стоялъ... Открытый,
Высокій лобъ... Народъ кругомъ...
И мы подъѣхали верхомъ
Съ прогулки... „Змѣй многоочитый,
Онъ восклицалъ,—ты міръ земной,
Обвивъ, сдавилъ его собой,
И здѣсь, на семихолмьѣ, въ Римѣ,
Въ златомъ вѣнцѣ и діадимѣ
Главой покоишься своей...“
Я оглянулся: блескъ заката,
Весь вѣчный городъ, блескъ огней,
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змѣй—
Великолѣпное сравненье!
Онъ разумѣлъ развратъ, паденье
И порчу нравовъ; говорилъ
Все въ апологахъ, но оставилъ
Въ насъ впечатлѣнье. Впрочемъ, былъ
Изъ римскихъ гражданъ...

Лида *(быстро).* То былъ Павелъ!
Децій. Ты знаешь ихъ по именамъ?
Лида. Я христіанка.
Децій. Какъ? давно ли?
Лида. Все дѣло въ истинѣ, а тамъ,
Какъ къ ней пришелъ, не все равно ли?..
Вотъ слушай...
Въ циркѣ разъ среди
Несчастныхъ, обреченныхъ казни,
Одна стояла—на груди
Сложивши руки, безъ боязни
Смотря на звѣря и кругомъ
На насъ, на кесаря—безъ гнѣва,
И чудо—красотою дѣва...
Къ кому-то вдругъ вверху поднявъ
Глаза и точно повстрѣчавъ
Кого-то тамъ, рукой взмахнула,
И улыбнулась, и взглянула
Такъ, какъ бы къ матери могла
Взглянуть невѣста... Шумъ и клики
Тутъ поднялись... но мнѣ ужъ дики
Казались люди... я ушла...
И съ той поры, три ночи рядомъ,
Та дѣва, съ тѣмъ же кроткимъ взглядомъ,
Ко мнѣ являлася и тѣ жъ
Слова мнѣ тихо повторяла:
„Иди и мать мою утѣшь“...
И я пошла... и все узнала...
И тамъ, средь тихихъ, свѣтлыхъ слезъ,
Я все нашла, чего искала,—
Я поняла, кто былъ Христосъ...
Децій *(уклоняясь отъ впечатлѣнія).*
Видѣнье... А, Марцеллъ, ты вѣришь,
Что Бруту Цезарева тѣнь
Являлась на разсвѣтѣ, въ день
Фарсальской битвы?...
Марцеллъ. Къ убійцѣ? Можетъ-быть. Не знаю...
Но я видѣнье понимаю,
Что было Павлу... Онъ скакалъ
Въ Дамаскъ, пустыней, въ злобѣ дикой
На христіанъ—онъ замышлялъ
Ихъ истребить—и вдругъ великій
Увидѣлъ свѣтъ и изъ него
Услышалъ голосъ: „Для чего

Меня ты гонишь, Павелъ, Павелъ!“
Предъ нимъ стоялъ Христосъ... И Павелъ,
Прійдя въ Дамаскъ, ужъ не къ врагамъ
Пошелъ Христовымъ, а къ друзьямъ.
Такая жъ, какъ о Павлѣ, повѣсть
И обо мнѣ. Мы всѣ пройти
Должны по Павлову пути.
Неумолимой правдой совѣсть
Перепытать—какъ онъ въ тотъ путь;
Такъ глубоко въ себя взглянуть,
Чтобъ въявь Христа увидѣть...

Децій *(въ изумленіи, почти въ испугѣ).*
Боги! *(Вскакиваетъ).*
И ты! ты, римлянинъ, ты, строгій
Патрицій, воинъ, жизнь свою
Проведшій въ лагерѣ, въ бою...
Да ты... Вѣдь этотъ Римъ Нерона,
Припомни, говорилъ ты самъ,
Что два иль три бы легіона,
И разнесли вы по клочкамъ...

Марцеллъ *(попрежнему спокойно и твердо).*
Да, думалъ я, вѣрна побѣда.
Но вдругъ былъ въ лагерь приведенъ
Ко мнѣ подъ стражей Павелъ. Онъ
Судьбу мою рѣшилъ!.. Бесѣда
Единой ночи!.. Весь раскрытъ
Я передъ нимъ стоялъ, разбитъ,
Какъ червь раздавленъ...

Децій *(съ возрастающимъ ужасомъ перебивая его).*
Озлобленье
Въ тебѣ, отчаянье...

Марцеллъ. Да! Да!
Все было: даже ядъ всегда
Съ собой носилъ...

Лида. Прозрѣнье,
Прозрѣнье внутрь себя!

Марцеллъ *(тономъ глубокаго убѣжденія).*
...Я понялъ, намъ
Не Богъ предметомъ поклоненья
Во храмѣ былъ, а самый храмъ!
Порядокъ въ людяхъ водворяя,
Цѣль жизни—мы открыли имъ?..
Одна случайность роковая
Являлась въ ней и намъ самимъ!..

Таковъ нашъ Римъ: что онъ ни строитъ,
Онъ строитъ на пескѣ морскомъ;
Прійдетъ волна, и зданье смоетъ
И всѣхъ, кто жизни чаетъ въ немъ...

Децій *(перебивая съ величайшею живостью).*

О, Римъ гетеръ, шута и мима—
Онъ мерзокъ, онъ падетъ!.. Но нѣтъ,
Вѣдь въ томъ, что носитъ имя Рима,
Есть нѣчто высшее!.. Завѣтъ
Всего, что прожито вѣками!
Въ немъ мысль, вознесшая меня
И надъ людьми и надъ богами!
Въ немъ Прометеева огня
Неугасающее племя!
Въ символъ побѣды это мной
Въ предѣлахъ вѣчности самой
Навѣкъ поставленное знамя,
Мой разумъ, предъ которымъ вся
Раскрыта тайна бытія!
И этотъ Римъ не уничтожитъ
Никто! Никто меня не можетъ
Низвергнуть съ этой высоты...

Марцеллъ *(горько, потомъ строго).*

И вотъ, одинъ передъ толпою,
На высотѣ всѣмъ чуждый, ты
Лишь самъ любуешься собою
И съ чашей яду лишь глядишь,
Въ красивой позѣ ль ты стоишь!..
Онъ, разумъ, значитъ, злая сила,
Когда, чтобъ въ высотѣ стоять,
Мильоны ближнихъ надо было
Ему себѣ въ подножье взять...

Децій *(въ высочайшемъ разгарѣ страсти).*

Мильоны ближнихъ!.. Что такое
Мнѣ эти ближніе?.. Рабовъ
Ты разумѣешь!.. О, пустое
Мечтанье этихъ мудрецовъ!
Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!
Какъ? Изъ того, что той порой,
Когда стихіи межъ собой
Боролись въ бурномъ безпорядкѣ,
Земля, межъ чудищъ и звѣрей,
Межъ грифовъ и химеръ крылатыхъ,
Изъ нѣдръ извергла и людей,

Свирѣпыхъ, дикяхъ и косматыхъ,—
Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?..
Да первый тотъ, кто возложить
На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
Кто жъ суевѣрья ихъ презрѣлъ
И мыслью смѣлою къ чертогамъ
Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ
И въ полномъ правѣ съ высоты
Глядѣть, какъ въ безотчетномъ страхѣ
Внизу барахтаются въ прахѣ
Всѣ эти темные кроты!..
Да! если есть душа вселенной,
Есть божество,—оно во мнѣ!
И если, чтобъ ему вполнѣ
Раскрыться, нужно непремѣнно,
Чтобъ гибли тысячи тупыхъ
Существъ, несмыслящихъ, слѣпыхъ,—
Пусть гибнутъ!.. такова ихъ доля!
Имъ даже счастіе неволя!
Лишь съ дня, когда онъ въ рабство впалъ,
Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ!

(Продолжаетъ ходить).

Марцеллъ *(строго и горько)*. Все знаю! Такъ насъ поучалъ
Нашъ славный разумъ! Онъ, который
Самъ о себѣ намъ говоритъ:
„Я истина“, и безъ опоры
На мечъ, блѣднѣетъ и дрожитъ!
Неронъ, онъ убѣжденъ, что тоже
Въ немъ истина!.. Великій жрецъ
И циникъ также... Отчего же
Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

Лида *(смотритъ на Децiя съ ужасомъ)*.
Какъ ночь, душа его мрачна!
Онъ, Боже, никого не любитъ...

(Плачетъ истерически).

Ихъ гордость римская... Она
Ихъ умъ мрачитъ... Она ихъ губитъ...

Децiй *(останавливаясь передъ нею)*.
Къ чему же слезы?.. Перестань...

(Смотритъ на нее внимательнѣе).

Но какъ ты, Лида, измѣнилась...
О, какъ ты стала хороша...

Лида *(послѣ сильнаго напряженія, голосомъ искренняго чувства и все болѣе одушевляясь).*

Я, Децій!.. Я давно простилась
Со всѣмъ земнымъ!.. Твоя душа —
Ты міръ обнять не можешь взоромъ
И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, предъ которымъ
Ничто твой жалкій, бѣдный міръ,
Гдѣ ты лишь самъ себѣ кумиръ!
Да, гордость, Децій!.. Ослѣпила
Она тебя!.. Въ земныхъ цѣпяхъ
Душа источникъ свой забыла,
А онъ, о, Децій, въ небесахъ!
Слова Христовы западаютъ
Мгновенно въ душу оттого,
Что намъ Его напоминаютъ
И возвращаютъ намъ Его...
И тутъ ужъ смерть, конецъ разлуки!
Побѣдный выходъ изъ тюрьмы,
И примешь все ты: смерть и муки,
Чтобъ къ свѣту вырваться изъ тьмы...
Ахъ, Децій! Міръ—одно терзанье!
И, къ свѣту разъ открывъ пути,
Ты будешь знать одно желанье—
Всѣмъ указать и всѣхъ спасти!..

Децій. Ты точно внѣ ужъ міра, Лида!
Куда умчалась ты? Изъ вида
Теряю... Точно отъ земли
Оторвалась, межъ звѣздъ носилась
И къ намъ на землю воротилась
Въ ихъ золотой еще пыли...
(Смѣясь)
Вотъ видишь, ты не ожидала—
Передъ тобой и я поэтъ!..

Лида. Онъ шутитъ!..

Децій. Бросимъ этотъ бредъ.
Прости, Марцеллъ, но только дѣтямъ
И можно увлекаться имъ...

Лида *(съ новымъ одушевленіемъ).*

Бредъ, говоришь ты? Но ужъ Римъ,
Ужъ міръ исполненъ бредомъ этимъ!
Ужъ мы на рубежѣ стоимъ,
И въ Римѣ ужъ теперь два Рима!

Здѣсь—этотъ Римъ; ужъ онъ—какъ тѣнь
Теперь, какъ призракъ... Близокъ день,
И онъ разсѣется... и новый
Откроетъ Римъ...

(Слышно издали пѣніе, и въ глубинѣ сада показываются медленно проходящіе въ сіяніи свѣточей христіане).

Пѣніе христіанъ. Ясный, немеркнущій,
Тихій свѣтъ утренній!
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному!

Децій. Кто это?

Лида *(торжественно)*. Новый Римъ!
Да! Здѣсь
У васъ пиры, а тамъ, подъ вами,
Въ землѣ, тамъ въ катакомбахъ весь
Всечасно молитъ со слезами
О васъ же христіанскій Римъ,
Чтобъ Вседержитель Богъ далъ силы
Ему спасти васъ...

Децій. Новый Римъ?!
Такъ христіане Новый Римъ?!
Тутъ, въ катакомбахъ, гдѣ могилы
Великихъ предковъ?!
(Съ судорожнымъ хохотомъ)
Новый Римъ!
Да развѣ можетъ быть два Рима?
Два разума! Двѣ правды! Два
Могущества, два божества!..

Марцеллъ. И тотъ, гдѣ ложь,—неотвратима
Его погибель!.. Пусть насъ жгутъ...

Децій *(порывисто)*. Ужель мильоны васъ?

Марцеллъ *(нерѣшительно)*. ...Не знаемъ...

Децій. Декретъ ты знаешь?

Марцеллъ *(указывая на идущихъ христіанъ)*. Исполняемъ,
Какъ видишь...

Децій. Какъ? Они идутъ
На смерть?

Лида. Что̀ смерть!

Децій *(мрачно, смотря на христіанъ)*. Глазамъ не вѣрю!
На казнь итти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть...

И кто жъ? Рабы!..
(Почти въ изступленьи)
Да кто жъ вы? Кто вы?
Марцеллъ! Вѣдь, строя Римъ твой новый,
Пойми, ты губишь Римъ отцовъ!
Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!..
Римъ, словно небо, крѣпкимъ сводомъ
Облегшій землю, и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ
Или отжившимъ, иль привычнымъ
Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?.. Тѣмъ, кто годенъ былъ,
Какъ вьючный скотъ въ цѣпяхъ, лишь къ носкѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того, что̀ мнѣ бъ и мулъ свозилъ!
Рабы!.. Марцеллъ, да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что̀ намъ позоръ, имъ не позоръ!
Они *(указывая на статуи)* предъ этими мужами
Не заливался слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И вдругъ, безъ всякаго преданья,
Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
Звѣрей, которымъ пропитанье—
Всей жизни цѣль, придутъ сюда!
И гдѣ жъ узда для дикой воли?
Что̀ ихъ удержитъ? Все падетъ!
И Пантеонъ и Капитолій
Травою сорной зарастетъ!..
Лида. Проходитъ зримый образъ міра,
Но, Децій, міръ не погубить
Пришелъ Христосъ, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить...
Марцеллъ. И жизнь вдохнуть въ него!
Децій *(къ Марцеллу, съ презрѣньемъ)*. Несчастный!
(Взглянувъ на чашу съ ядомъ)
О, умирать теперь ужасно!
Или игралищемъ судьбы
Я былъ досель? Съ врагами бился,
А злѣйшій врагъ межъ тѣмъ подрылся
Уже подъ самые столбы

Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма!
Я тѣни предковъ вызывалъ,
Противу моря зла упрямо
Средь ярыхъ волнъ его стоялъ
Живымъ укоромъ и проклятьемъ,
Непобѣдимъ, неколебимъ...

Циникъ *(проснувшись)*. Хозяинъ умеръ?

Марцеллъ. Вотъ твой Римъ
Тебя зоветъ: къ его объятьямъ
Стремись скорѣе. Что̀ нужды,
Что этотъ мужъ въ своемъ пареньи
Не видитъ далѣе ѣды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!

Между тѣмъ почти разсвѣло. Христіане, все въ возрастающемъ числѣ, продолжаютъ проходить вдали, при пѣніи гимновъ. Изъ нихъ выдѣляются группы рабовъ Деція, которые останавливаются предъ входомъ въ залу и потомъ, впереди Іовъ, входятъ въ залу, по окончаніи слѣдующей рѣчи Марцелла. Марцеллъ и Лида дѣлаютъ нѣсколько шаговъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ. Децій отступаетъ на другую сторону сцены. Къ нему присоединяется циникъ, со словами: „это что̀?“ указываетъ на христіанъ и прислушивается.

Гимнъ христіанъ. Ясный, немеркнущій,
Тихій свѣтъ утренній,
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному...

Марцеллъ. Ну, Децій! Время... Со своими
Я ухожу... Прощай...
(Хочетъ итти, но возвращается опять и говоритъ Децію, указывая на христіанъ)
...Ты видишь, вотъ живыя
Все души,—въ каждомъ разумъ свой,
Но всѣ любовію одной,
Какъ солнцемъ глубины морскія,
Озарены!.. Здѣсь нѣтъ вождей!
Творятъ дѣла здѣсь ужъ не люди!
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
Сокрыты цѣли! Безъ мечей
Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
Пойми жъ, что свыше лозунгъ данъ!
То Божій духъ по всей вселенной
Летитъ, какъ нѣкій ураганъ...
Что̀ было свѣтомъ, въ мракъ отходитъ!

Всѣ солнца гаснутъ! Новый день
И солнце новое восходитъ,
Все прежнее бѣжитъ, какъ тѣнь.
Что жъ, гордый человѣкъ, усильно
За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
Исчезнуть хочешь въ тьмѣ могильной,
Въ безумной гордости своей!
Себя поставивши судьею
Надъ всей вселенной, никогда
Ужъ не признаешь надъ собою
Глаголовъ Божьяго суда?..

Децій *(къ Марцеллу твердо и выразительно).*

Мой судъ—я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтелъ, далъ мнѣ Римъ;
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
И съ ними всѣ народы,—имъ
Не уступлю и упреждаю
Ихъ вызовъ...

(Беретъ чашу; Лида бросается къ нему, онъ ее останавливаетъ).

Прочь! *(Къ циннику)* А ты бѣги
И въ Римѣ всѣмъ кричи: враги
Въ его стѣнахъ! что умираю
Я на посту своемъ за Римъ!
За вѣчный Римъ!.. *(Выпиваетъ чашу).*

Лида *(закрывая лицо руками и падая на колѣни).*

Боже! Я
Имѣла вѣры не довольно!

Децій *(увидавъ вошедшихъ христіанъ).* Прочь!

Іовъ. Боже сильный! Отпусти
Ему грѣхъ вольный и невольный!

(Приближаясь къ Децію)

Ты жъ, господинъ, ты насъ прости,
Коль въ чемъ виновны предъ тобою!

Децій *(сурово).* Что надо вамъ?

Лида. Твои рабы
Идутъ на смерть и молятъ, Децій,
Чтобъ Богъ простилъ тебя и ты
Простилъ бы ихъ!..

(Децій быстро отъ нихъ отворачивается).

Циникъ. О чемъ хлопочутъ?
И вѣдь не плуты, не морочатъ!
Поди жъ, вѣдь создаютъ себѣ
Мученья!.. Мудрецы все!.. *(Уходитъ).*

Децій *(склоняясь на ложе. Марцеллу).*
А если всѣ насъ такъ разсудятъ,
Марцеллъ?
Лида *(искренно, страстно).* Судъ только Божій будетъ!
Ты, Децій, ты любилъ, что̀ зналъ:
Зналъ Римъ! Его любилъ ты много,
Собой пожертвовалъ, страдалъ...
О! Жертва всякая у Бога
Сочтется...
Децій *(съ ненавистью, грозно).* Лида! Я бъ васъ гналъ,
Когда бы жилъ еще! Терзалъ
Звѣрьми бъ, живого бъ не оставилъ!..
Лида *(слезы въ голосѣ).* Ты бъ гналъ, покуда бъ не узналъ,
Покуда бъ не прозрѣлъ, какъ Павелъ,
И больше насъ тогда бъ Христа
Великимъ разумомъ прославилъ!
Въ тебѣ была вѣдь прямота!
Прозрѣвъ, отдался бъ въ искупленье
Всѣхъ золъ, что̀ сотворилъ!.. Прощать
Ты бъ научился... Да!.. прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье, жизнь—прощенье,
Ежеминутное прощенье,
Прощенье вѣчное!..
Децій *(приподнимаясь и пристально смотря на Лиду).*
Не та!..
Не та!.. Такъ кто же ты?.. Видѣнье?
Дай руку... *(Съ ужасомъ)* Свѣтъ вокругъ тебя!
Что̀ жъ это? Что̀? *(Падаетъ и умираетъ).*
Лида *(опускаясь передъ нимъ на колѣни).* Онъ былъ одинъ,
Кто былъ еще мнѣ дорогъ въ мірѣ...
Марцеллъ *(смотря на Децiя).*
Сынъ вѣка! Свѣтъ былъ предъ тобой...
Не видѣлъ ты!
(Солнце полнымъ блескомъ озаряетъ сцену).
Марцеллъ. Ужъ солнце! Вотъ онъ,
Нашъ день!
Лида *(подымаясь).* Твоя теперь, Господь,
Вся, вся Твоя!
Іовъ. Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!
(Присоединяются къ христіанамъ и уходятъ съ ними съ пѣніемъ гимна: „Ясный, немеркнущій" и пр. Занавѣсъ падаетъ).

1872, 1881.

II.

БРИНГИЛЬДА.

ПРИ ПОСЫЛКѢ „БРИНГИЛЬДЫ“ ВЪ МАЛУЮ АЗІЮ.

Моя валкирія—дитя
Снѣговъ и сѣверныхъ сіяній,
Теперь внезапно залетя
Въ пору весеннихъ ликованій
Земли, и моря, и небесъ,
На свѣтлый берегъ Пропонтиды,
Нашла ль въ странѣ иныхъ чудесъ,
У сродной съ нею Артемиды
Привѣтъ и ласковый пріемъ?
Или воительница юга
Съ ней обошлась, какъ со врагомъ,
И стали другъ противу друга,
Движеньемъ безотчетнымъ рукъ
Схватясь за мечъ, а та—за лукъ,
И съ вызывающей осанкой
И, по обычаю, на бой
Духъ разжигая похвальбой
И благородной перебранкой?

1886.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

А. И. М—й.

Пусть—вся въ крови моя поэма;
Пускай Брингильды грозенъ видъ,—
Но изъ-подъ панцыря и шлема
Въ ней сердце нѣжное сквозитъ,
И душу ей святымъ крещеньемъ
Лишь озари, и освѣти
Ея высокимъ дерзновеньямъ
Христомъ открытые пути,—
Она бы образъ тотъ явила
Душевныхъ силъ и красоты,
Который намъ осуществила
Въ любви и жертвѣ вѣчной—ты...

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гудруна — жена убитаго Сигурда.
Брингильда — жена Гуннара, брата Гудруны.
Медди.
Гермунда.
Герварда.
Урлунда-Красавица.
Древняя Гильда.
} пять королевъ.

Время—миѳическихъ преданій Скандинавской Старшей Эдды.

Мертвый Сигурдъ на высокомъ помостѣ лежитъ.
Весь съ головы золотою покрытъ онъ фатой;
Факелъ горитъ въ головахъ, а въ ногахъ у него
Блѣдная, взглядъ неподвижный, Гудруна сидитъ.
Пять королевъ на ступеняхъ помоста вокругъ—
Древняя Гильда на креслахъ высокихъ одна:
Съѣхались съ разныхъ концовъ на ужасную вѣсть.
Воины въ шлемахъ стальныхъ оцѣпляютъ ихъ кругъ.
Сзади толпятся старѣйшины, дворъ и рабы.
Ропотъ въ чертогѣ и гулъ отъ толпы на дворѣ.
Утромъ съ шурьями на ловы поѣхалъ Сигурдъ.
Тотчасъ почти принесенъ былъ домой, весь въ крови.
Кровь изъ большихъ десяти изливалася ранъ.
Входитъ Брингильда въ чертогъ, дверь наотмашь раскрывъ.
Шуба соболья и волосы въ снѣжной пыли.
Холодъ за нею въ широкія двери пахнулъ.
Въ стороны съ факела пламя метнулось, вздымясь.
Дрогнулъ, заискрясь, Сигурдовъ покровъ золотой.
Глянувши быстро на всѣхъ, молча въ уголъ прошла.
Слушаетъ, пристально глядя, что вкругъ говорятъ.
Подлѣ Гудруны, у ногъ ея, Медди была.
Горе чужое—да чуткое сердце у ней!
Руку слегка на колѣни ея положивъ
Молвила: „Милая! Жалко смотрѣть на тебя!

Прим. для чтенія вслухъ... „Бога ради, читая вслухъ, не скандуйте стиховъ, какъ, къ сожалѣнію, у насъ принято при чтеніи греческихъ и латинскихъ поэтовъ и переносится также и на русскіе трехсложные размѣры; не надобно думать совсѣмъ о размѣрѣ: читайте какъ прозу, но выразительно, гдѣ требуется, и съ удареніемъ на тѣ слова въ стихахъ, на которыя слѣдуетъ по смыслу. Скандованіе убиваетъ всякое одушевленіе, всякій лиризмъ, всѣ переливы чувства, словомъ, пропадаетъ вся сила діалога. Въ рѣчахъ Гудруны и еще болѣе—Брингильды—скорѣе—декламація, а не скандованіе...“ *(Изъ письма автора).*

Словно ты каменной стала! Хоть слово скажи!
Еле ты дышишь, и то вѣдь вздрогнешь всякій разъ!
Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое!
Свѣтлый былъ свѣтъ на душѣ—темна ночь налегла!
Цвѣтикъ въ прогàлинкѣ—всякій затопчетъ тебя!
Елочка крàй-лѣску—всякій обидитъ тебя!
Лань ты моя круглоокая! серна моя!
Чуется, тяжко тебѣ одинокой-то жить!
Въ горы ль, бывало, олень твой бѣжитъ,—ты за нимъ!
Пьетъ ли въ ручьѣ,—ты ужъ скачешь и плещешься вкругъ!
Будь моя волюшка—охъ!—унесла бы тебя!
Холила бъ въ зàмкѣ своемъ... Здѣсь вѣдь ужасъ и мракъ!“
Молча Гудруна, въ отвѣтъ, лишь тихонько съ колѣнъ
Руку подруги сложила холодной рукой.
Молвитъ Гермунда: „И вправду ужъ лучше ты плачь!
Легче, какъ выплачешь горькое горе заразъ!
Слезъ еще много на первое горе найдешь.
Вотъ, какъ другія пойдутъ—такъ и рада бъ—да нѣтъ!
Высушатъ въ сердцѣ вконецъ всѣ живые ключи!
Я схоронила двоихъ—да какихъ вѣдь мужей!
Пять сыновей у меня въ одномъ пало бою!..
Съ факеломъ, въ бурную ночь я бродила межъ тѣлъ,
Всѣхъ собрала. Нагрузила тѣлами ладью.
Ѣду. Надъ ними стою—и ни словъ нѣтъ, ни слезъ.
Думаю: что же? зачѣмъ же осталась я жить?..
Только—живу. Двое внуковъ остались: рощу.
Домъ свой, народъ, все какъ было, во страхѣ веду.
Въ фòльстингъ старшинъ собираю. Суды имъ сужу.
Съ моря ли, съ суши ли врагъ—я встрѣчаю сама:
Всѣхъ впереди колесница моя иль корабль...
Внукамъ отцовскій вѣнецъ поклялась передать,
Въ женскихъ рукахъ не сломавъ ни едина зубца.
Такъ вотъ и ты поступай. У тебя вѣдь есть дочь“.
Молвитъ Герварда: „А я-то? Что вынесла я!
Было и царство, и войско, и слава у насъ!
Въ домѣ—большая семья, вѣчно гости, пиры!
На̀ берегъ выйдешь—и нѣту конца кораблямъ!
Словно безсчетно чудовищъ морскихъ на песокъ
Всплыли съ глубинъ и на солнцѣ рядкомъ улеглись,
Головы съ пастью драконовъ поднявъ высокò!
Нынче—волчецъ тамъ да верескъ: аланы прошли!
Все—сожжено!.. что побито, что угнано въ плѣнъ!
Я—королева—въ толпѣ очутилась рабынь!
Гнали насъ съ мѣста на мѣсто, голодныхъ, босыхъ...

Взялъ меня въ жены каганъ. У него на пирахъ—
Мужнинъ, отца, троихъ братьевъ,—всѣхъ пять череповъ—
Въ кубки обдѣлали ихъ—наливала виномъ,
Ихъ разносила съ поклономъ пирующимъ я!
Что же? привыкла! сжилась! и съ каганомъ сжилась!
Въ почестяхъ тоже, какъ слѣдъ... принимали царей...
Только его отравили... какой-то тамъ грекъ...
Вслѣдъ пришло войско... самъ кесарь... все бросилось врозь.
Я по болотамъ скрывалась, по дебрямъ—совсѣмъ
Думала—смерть!—да попала сюда, и еще
Мужа нашла,—королева опять, въ третій разъ!
Ты молода еще: что же крушиться тебѣ?
Мужа—постой—не такого найдешь! Ужъ повѣрь,
Знаю я—всѣ они каждый по-своему милъ!
Дикій аланъ—и по немъ даже плакала я!“
Словно не видитъ, не слышитъ, Гудруна сидитъ.
Взглядъ устремила впередъ. Ни кровинки въ лицѣ.
Молвитъ Урлунда-Красавица: „Годъ пожила
Съ первымъ я мужемъ, Гудруна. Какъ умеръ онъ,—я
Думала: кончено! больше ужъ нечего жить!
Бросилась даже за нимъ на костеръ: удержать
Люди насилу могли! Цѣлый годъ я была
Словно какъ мертвая: плачу, не ѣмъ и не пью.
Встрѣтился Оттенъ—и стыдно бъ признаться мнѣ въ томъ—
Стыдно—но я, государыни, вамъ признаюсь:
Встрѣтился Оттенъ—и сердце зажглось не спросясь!
Что впереди—я не знаю, но, слава богамъ,
Благами ихъ какъ цвѣтами осыпана я!
Дѣти—красавцы! а старшій ужъ правитъ рулемъ,
Знаетъ всѣ снасти, какъ парусъ поставить, когда.
Такъ ужъ его и прозвали Волчонкомъ Морскимъ!..
Развѣ мы знаемъ удѣлъ свой!.. Какъ ты родилась,
Норны связали ужъ въ узелъ твой жребій навѣкъ,
Намъ—ни распутать, ни вновь своего не скрутить!“
Древняя Гильда за ней пожелала сказать:
Жадно всѣхъ очи къ ея устремились устамъ.
Всюду какъ жемчугъ слова подбирались ея.
„Въ старые годы намъ слезы вмѣнялись въ позоръ.
Замужъ шла—знала, что мужнинъ конецъ—твой конецъ,
Шла съ нимъ на одръ—знала: такъ же пойдешь на костеръ
Чуть не сто лѣтъ я живу. Что жъ? въ радость мнѣ жизнь?
Сорокъ годовъ ужъ какъ въ море ушелъ мой король.
Я разсылала гонцовъ: возвращались ни съ чѣмъ.
Башню на крайнемъ утесѣ поставила я,

Стража на вышкѣ, а я на бойницѣ весь день.
Парусъ его покажись: я узнаю изъ ста!...
Вѣщій есть старецъ, вѣдунья-жена у меня.
Валка—вѣдунья: въ пещерѣ надъ Геллой *) живетъ,
Ходъ тамъ въ пещерѣ есть узкій и въ Геллу окно;
Всѣхъ истязуемыхъ тѣни тамъ видитъ она:
Нѣтъ до сихъ поръ между нихъ моего, говоритъ.
Вѣщій же—Снорро: являлся къ нему самъ Одинъ.
Травы онъ знаетъ. Нажжетъ ихъ—что снопъ упадетъ,
Духомъ же къ самой Валгаллѣ восходитъ тогда.
Тамъ, притаясь, онъ въ толпѣ челядинцевъ глядитъ:
Видѣлъ и свѣтлаго Бальдура, Брагги-пѣвца,
Фриггу, Одина—сидятъ за высокимъ столомъ.
Тѣни жъ сражаются, мчатся на бѣлыхъ коняхъ,
Жены, любуясь, стоятъ по сторонкамъ вокругъ—
Нѣтъ короля моего, нѣтъ Олафа и тамъ!
Такъ я его по тремъ царствамъ, по всѣмъ, сторожу,
Какъ гдѣ явился—узнаю—и тотчасъ къ нему!
Лодка съ горючей смолой наготовѣ всегда,
Царское платье, вѣнецъ. Въ тотъ же мигъ уберусь,
Сяду, спущуся въ открытое море сама,
Брачную пѣснь запою и смолу запалю,—
И—полечу голубицей вдогонку къ нему!“

Смолкнула Дивная: вспыхнувшій пламень погасъ.
Молча склонили главы королевы предъ ней.
Съ низкимъ поклономъ лишь Медди дерзнула сказать:

„Нынче, какъ ты, государыня, мало такихъ!
Гдѣ же намъ съ этимъ терпѣньемъ и вѣрой прожить!
Мужъ уѣзжаетъ... на годы пропалъ о немъ слухъ:
Ждешь ты, живешь—сирота—ни жена ни вдова;
Ждешь, узорочья ему вышиваешь, сидишь;
Подвиги тоже шелками рисуешь его:
Крѣпишься-крѣпишься, стелешь стежокъ за стежкомъ,—
Нѣтъ—да и капнетъ тебѣ на работу слеза...
Ты вѣдь весь вѣкъ на гнѣздѣ, а вѣдь онъ-то—кружитъ,
Такъ залетитъ, что, гляди, и забылъ обо всемъ!..“

Молча сидѣла Брингильда въ тѣни, на скамьѣ.
Умныхъ рѣчей королевъ ужъ не слышитъ давно.
Вдругъ она встала, на помостъ къ Сигурду взошла,
Сбросила шубу соболью съ крутого плеча,
На руку бѣлый спустила покровъ съ головы,
Черныя косы откинула быстро назадъ.

---

*) Гелла—адъ.

Ферязь на ней золотая; за поясомъ—ножъ;
Гладкое, низко на лбу, золотое жъ кольцо.
Сдернувъ съ Сигурда покровъ съ головы и груди—
Десять зіяющихъ ранъ обнажила на ней.
Вмигъ отскочила Гудруна и вскрикнула такъ,
Воплемъ такимъ, что гудѣньемъ тотъ крикъ отдался
Въ кованыхъ чашахъ на полкахъ кругомъ по стѣнамъ.
Точно мечомъ поразилъ ея сердце въ упоръ
Грозныхъ Брингильды очей торжествующій взглядъ.
Тутъ полились, что̀ потокъ, у Гудруны слова:
„Прочь, ненавистная! скройся, уйди ты отъ насъ!
Только ты горе и слезы приносишь съ собой!
Дѣло твое—эта кровь! неповинная кровь—
Къ крови ты съ дѣтства привыкла, что̀ къ сладкимъ медамъ!
Дикимъ аланомъ, не дѣвкой родиться бъ тебѣ!
Чѣмъ виноватъ онъ—Сигурдъ—предъ тобою, скажи?
Тѣмъ ли, что между мужей онъ что̀ солнце сіялъ?
Тѣмъ ли, что слава его облетѣла весь свѣтъ?
Видѣла ты, что, когда выходилъ онъ со мной,
Всѣ разступалися, съ радостью глядя на насъ:
Ты только черною тучей смотрѣла, одна!
Лѣтомъ, когда уѣзжали они на войну,
Я не хотѣла, чтобъ съ братьями ѣхалъ Сигурдъ,
Я, какъ надъ малымъ ребенкомъ, дрожала надъ нимъ,
Три дня, три ночи молила—и сдался бы онъ,
Если бъ не взглядъ твой, не сжатыя губы твои,
Это презрѣнье и вмѣстѣ насмѣшка въ лицѣ!
Сѣлъ ужъ когда на коня—я упала безъ чувствъ—
Помнишь—какимъ залилася ты смѣхомъ тогда!
Смерти его ты ужъ хочешь, ты ищешь давно!
Радуйся жъ—вотъ онъ!.. Твое это дѣло, твое!
Скажешь: ты дома была? Да твои ужъ глаза—
Взглядомъ убьешь, обернешься медвѣдемъ, орломъ,—
Прежде была—говорятъ же—Валкиріей ты!
Братья пріѣдутъ—постой!—старшину соберутъ,
Любъ ли Сигурдъ былъ народу—узна̀ешь тогда!“
Рѣчь перебить ей хотѣла Брингильда: „Молчи!—
Вскрикнула снова Гудруна.—Оставь хоть на мигъ!
Дай хоть въ послѣдній-то разъ поглядѣть на него!
Ахъ, государыни! горькая доля моя!
Только какъ вспомню... вотъ нынче—поднялся чѣмъ свѣтъ,
Ходитъ на цыпочкахъ, самъ снарядился, одинъ,
Бережно крался къ дверямъ, чтобъ меня не будить—
Я притаилась—лежу—и все вижу—молчу—

Только онъ къ двери,—вскочила, его обняла,—
Поднялъ меня какъ ребенка,—опять уложилъ—
И—уходилъ и смѣялся, кивнулъ головой,—
Только и видѣла!.. Встала, во дворъ выхожу—
Вижу—бѣжитъ его конь, его Грани, одинъ
Гдѣ жъ твой хозяинъ?—я въ шутку спросила его:
Конь палъ на землю—и слезы изъ глазъ полились—
Плакалъ слезами,—а мнѣ еще все невдомекъ!
Только вдругъ вижу—несутъ!.. Что тутъ сталось со мной!
Я и теперь даже въ разумъ прійти не могу!
Гдѣ я? съ какой я упала теперь высоты?
Вотъ ты хотѣла, ехидна, чего—моихъ слезъ:
Радуйся жъ! хватитъ тебѣ ихъ на всю твою жизнь!
Пей ихъ, соси ихъ, суши мое сердце, змѣя!
Ишь, нарядилась какъ! золото, камни, янтарь...
Точно не смерть у насъ въ домѣ, а свадебный пиръ!
Бѣдный мой, бѣдный!..“ И, сильно руками всплеснувъ,
Голосомъ стала рыдать и упала на одръ,
Жаркой къ колѣнямъ Сигурда прижавшись щекой.
Сжалося сердце у всѣхъ у пяти королевъ
Искоса взглядъ на Брингильду бросаютъ порой.
Стража сурово глядитъ, на щиты опершись.
Тихія женщинъ рыданья въ толпѣ раздались.
Тихо Брингильда Гудрунѣ въ отвѣтъ начала:
„Слушай, Гудруна. Теперь, сколько хочешь, кляни,
Все, что есть злобы въ душѣ, изливай на меня!
Прежде... вчера еще... голосъ твой—имя твое—
Кровь подымали во мнѣ и мутили глаза,
Кажется—такъ бы тебя растерзала сейчасъ!
Только въ желѣзной уздѣ я держала свой духъ.
Руки сжимая,—ногтями ихъ рѣзала я!
Нынче жъ спокойно, безъ злобы, отвѣчу тебѣ!..
„Нынче, когда принесенъ былъ убитый Сигурдъ,—
Въ полную грудь мнѣ хотѣлось вздохнуть въ первый разъ!.
Въ горы ушла я, блуждала по бѣлымъ снѣгамъ,
Пѣла во всю свою волю побѣдную пѣснь—
Пѣла, какъ въ дѣтствѣ пѣвала по раннимъ зарямъ,
Розовымъ блескомъ ихъ тѣшась на горныхъ высяхъ!..
„Крошкой-Валкиріей“ звали тогда ужъ меня—
Послѣ ужъ „Грозной Валкиріей“ прозвали... Да!
Бросила прялку я, броню одѣла и шлемъ,
Грозной Валкиріей—вправду являлась въ бояхъ:
Мечъ мой, къ кому я хотѣла, побѣду склонялъ!

„Ахъ, эти годы мои—золотые года!
Я, что̀ орлица, жила въ недоступной выси!
Мелкую тварь, что̀ ютится въ норахъ, по землѣ,
Въ жалкой враждѣ—и не знала, не видѣла я!..
Ахъ! для чего имъ хотѣлось, чтобъ замужъ я шла!..
„Былъ у насъ замокъ—спасенье, я думала, тамъ!
Замокъ—и въ лѣто на снѣгомъ покрытой горѣ.
Только подъемный надъ пропастью подняли мостъ—
Въ замокъ и доступу нѣтъ... Царство вѣчной зимы!
Только одинъ и цвѣтетъ тамъ минутный цвѣтокъ—
Подлѣ оттаявшей глыбы—фіалокъ семья.
Вкругъ—клокотанье ручьевъ—водопадовъ грома,
Радуги всюду надъ ними въ алмазной пыли,
Синее небо и—міръ безпредѣльный кругомъ!
„Я и сказала своимъ, что туда удалюсь.
Только тотъ смѣлый, кто въ замкѣ добудетъ меня,—
Только одинъ онъ и будетъ мнѣ мужъ. И ушла.
„Сколько тамъ дней—и не помню, не знаю—прошло.
Разъ—открываю глаза—свѣтозарный ли богъ,
Горній ли духъ-повелитель льдяныхъ этихъ странъ,
Въ чистомъ эѳирѣ рожденный, въ нетлѣнной зарѣ,
Смертный ли чудной, невѣдомой мнѣ красоты,—
Шлемъ золотой—изумленный и радостный самъ—
Мечъ обнаженный опущенъ—стоитъ предо мной...
Онъ—этотъ витязь—онъ здѣсь!.. Вотъ онъ—мертвый—
Сигурдъ—
Вотъ,—продолжала, касаясь Сигурда рукой:—
Вотъ эти волосы—въ кудряхъ вились по плечамъ...
Блѣдныя щеки—румянцемъ пылали тогда...
Сжаты уста—но съ приподнятой верхней губой,
Какъ отвѣчали они изумленью въ очахъ,
Ясному взору, что̀ вмѣстѣ и грѣлъ и ласкалъ!
Мигъ—и зажглися сердца наши тѣмъ же огнемъ;
Вотъ на рукахъ его обручи—видите—вотъ
Эти три—бѣлаго золота—это мои!
Краснаго—вотъ на рукахъ моихъ—это его!
Тутъ же, предъ ликомъ небесъ, обручилися мы,
Въ вѣчной любви поклялись и на жизнь и на смерть!“
Слушали всѣ, удивленно къ ней очи поднявъ:
Только Гудруна смущенный потупила взглядъ.
Сердце смиряя съ трудомъ, та опять начала:
„Знали, Гудруна, вы съ матерью—чей былъ Сигурдъ!
Знали, что ѣдетъ онъ сватовъ за мной посылать!
Зельемъ ли вы опоили его на пиру,

Чарами ль память отшибли,—но въ этотъ же день
Дочь обручила, Гудруну, съ нимъ нѣжная мать!
„Что? Вы подумали, что же со мной будетъ, что?
Жизнь мою, сердце мое—пожалѣли тогда?
Смѣрили бездну, куда вы втоптали его,
Бездну, гдѣ въ вѣчной ночи нѣтъ ни солнца ни звѣздъ,
Развѣ изъ ада лишь жгучее пламя пахнетъ,
Слышны лишь стоны, проклятья, да скрежетъ зубовъ—
Муки осмѣянной—чистой какъ небо—любви!
Съ нимъ—когда ластилась съ подлой ты страстью къ нему,
Въ нѣгѣ постыдной гася въ немъ божественный духъ,
Лаской кошачьей геройство въ немъ тщась усыпить,—
Думала ль ты, что тутъ подлѣ же, о-бокъ съ тобой—
Та, чьи обманомъ украли вы честь и права,
Та—для которой любовь—это подвигъ и долгъ?!
Думала, да!.. но судила о ней по себѣ:
„О, покорится!.. Не тотъ, такъ другого нашла!
Родомъ не ниже, красавецъ, Морской же Король“—
Душу, несчастная, въ разумъ-то взять ли тебѣ,
Душу—небесный тотъ свѣтъ, что намъ свѣтитъ въ богахъ,
То, что въ Валгаллѣ насъ вводитъ въ ихъ радостный кругъ!
„Слушайте жъ всѣ теперь. Да! это дѣло—мое!
Все, какъ задумала, все довела до конца.
Сватовъ Гуннара заставила выслать ко мнѣ.
Въ домъ ихъ, въ семью ихъ—невѣсткою ей—я вошла.
Въ мужѣ—и въ братьяхъ ея—стала зависть будить.
Стала имъ зло на Сигурда нашептывать я.
Стала пророчить имъ тяжкую долю и стыдъ.
Будетъ, твердила, Сигурдъ здѣсь одинъ королемъ.
Мужу Гудруна покоя не дастъ ни на мигъ—
Со свѣту всѣхъ насъ сживетъ или пуститъ съ сумой.
„Въ рунахъ стоитъ: „На Сигурда—Сигурдовъ лишь
мечъ“.
Мечъ его надобно было тихонько достать.
Ночью—вы спали—въ свѣтлицу прокралась я къ вамъ...
Мѣсяцъ тебя освѣщалъ у него на груди,
Мечъ же высоко надъ вами висѣлъ на стѣнѣ:
Черезъ тебя я ступила, чтобъ снять его тамъ...
Мысль: „не тебя ль заколоть?“ промелькнула—но вмигъ,
Какъ отъ шмеля, отъ нея отмахнулася я!..
Въ ночь это было вчера—а съ зарей этотъ мечъ
Сдѣлалъ ужъ дѣло свое—у Гуннара въ рукахъ!
Да,—у Гуннара—и всѣ твои братья съ нимъ—всѣхъ
Я натравила и въ волю свою привела...

Волчью срубила имъ печень съ кусками змѣи,
Въ крѣпкую брагу—изъ жабы имъ желчь подлила—
Ѣли и пили всю ночь—и озлились въ конецъ!“
Въ ужасѣ Медди къ Урлундѣ прижалась плечомъ.
Ждутъ съ любопытствомъ Герварда съ Гермундой конца;
Съ дрожью всѣмъ тѣломъ провидица-Гильда сидитъ,
Пристальный взоръ свой соколій въ Брингильду вперивъ.
Тихо рыдала Гудруна, закрывши лицо.
Къ ней обратила Брингильда послѣднюю рѣчь:
„Слушай. Теперь въ моемъ сердцѣ нѣтъ зла на тебя.
Все, что̀ давило—какъ снѣгъ растопилось съ души—
Ей и легко и свѣтло—какъ тогда—на горѣ,
Въ замкѣ въ тотъ мигъ, какъ Сигурда увидѣла я.
Даже... тебѣ утѣшенье могу я сказать...
Взоръ мой въ грядущее видитъ теперь далеко...
Крòви тамъ... крòви... Въ кровѝ вашъ погибнетъ весь
родъ...

Этли отмститъ за Сигурда... но ты... ты найдешь
Въ мстителѣ счастье свое... и забудешь о насъ...
Развѣ какъ сонъ какой вспомнишь, какъ будто твой духъ
Въ чудное царство взлеталъ—гдѣ все чуждо ему,
Гдѣ все давило, какъ вѣчныя горы, его—
Люди, ихъ облики, души и замыслы ихъ—
Вспомнишь—душа содрогнется, какъ робкій пловецъ,
Вдругъ очутясь въ океанѣ на утлой ладьѣ—
И пожелаешь домой, поскорѣе домой,
Къ дѣтямъ и мужу, къ рабынямъ и прялкѣ своей.
„Будетъ ужасенъ на первое время мой образъ тебѣ!
Злой и холодной Валкиріей буду казаться я вамъ—
Новое жъ счастье тебя и со мной примиритъ.
Этого счастья—ты скажешь—она бъ не могла
Здѣсь ни себѣ ни другому кому-либо дать,
И—скажешь правду!.. Не здѣшнее—счастье мое!
Счастье мое—и не здѣшняя мѣра ему—
Счастье мое—безъ конца, безъ предѣла и—съ нимъ!“
Властно перстомъ на Сигурда при семъ указавъ,
Радостнымъ вся торжествомъ просіяла она,
И—какъ бы взоромъ во глубь проницая небесъ,
Медленно голосомъ твердымъ сказала еще:
„Боги съ престоловъ своихъ ужъ взираютъ на насъ.
Мчатся навстрѣчу Валкиріи къ новой сестрѣ,
Въ славу героя герои мечами стучатъ о щиты—
Брачный въ Валгаллѣ готовитъ намъ пиръ“.
И, обратившись къ рабынямъ: „подайте вѣнецъ“—

Словно на пиръ, непоспѣшно, надѣла его.
Встала колѣномъ къ Сигурду на одръ, и—еще
Слово сказала: „Послѣдняя воля моя—
Вы на одномъ насъ съ Сигурдомъ сожгите кострѣ“.
Тутъ же, на ферязи съ петель застежки разнявъ,
Грудь обнажила и, сердце ощупавъ рукой,
Къ мѣсту межъ реберъ приставила ножъ остреемъ,
Сильно ударила правой рукой рукоять
И, пошатнувшись, упала Сигурду на грудь.
Вскрикнули Медди съ Урлундой. Гудруна глядитъ,
Въ страхѣ широко прекрасныя очи раскрывъ,
Словно не въ силахъ все бывшее мыслью обнять.
Древняя жъ Гильда, порывисто съ креселъ вскочивъ,
Прядями бѣлыхъ волосъ потрясая, одна,
Руки воздѣвъ, восклицала въ наитьи святомъ:
„Слава, Брингильда, тебѣ,
Мужа обрѣтшей навѣкъ въ безразлучную жизнь!“

1888.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ).

„Не понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ „Слово о полку Игоревѣ“,—говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель, услыхавъ, что я занимаюсь этимъ памятникомъ.— Что бы тамъ ни толковали филологи о его подлинности, все-таки противъ нихъ есть аргументъ посильнѣе всѣхъ ихъ доказательствъ: это—то уединенное мѣсто, которое оно занимаетъ во всей нашей древней литературѣ Кіевской Руси. Ну, судите сами: съ какой стати на полѣ, засѣянномъ пшеницей, вдругъ выросъ бы розанъ?“

Вотъ одно изъ очень старыхъ возраженій, на которое до сихъ поръ не отвѣтила критика, отстаивая и побѣдоносно доказывая принадлежность „Слова о полку Игоревѣ“ къ двѣнадцатому столѣтію. Дѣйствительно, „Слово“ не имѣетъ ничего общаго ни съ лѣтописями ни съ другими памятниками письменности того времени: оно какъ будто вышло изъ совершенно другой среды жизни, съ другими воззрѣніями и преданіями, нежели та сфера, гдѣ велись лѣтописи, писались поученія и житія. Какая же это среда? Вотъ ее-то я и постараюсь намѣтить въ этомъ очеркѣ.

Кромѣ письменной литературы, лѣтописей, житій и поученій, мы имѣемъ еще устные памятники творчества нашей старины — народныя былины. И въ нихъ, повидимому, мало общаго со „Словомъ о полку Игоревѣ“, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, принимая былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, записанныя съ голоса народныхъ пѣвцовъ, и притомъ весьма недавно: старѣйшій списокъ Кирши Данилова сдѣланъ былъ въ началѣ XVIII столѣтія. Передъ нами былины явились уже чисто, такъ сказать, въ московской редакціи и въ этомъ видѣ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ „Слову“... Но если бы можно было снять съ нихъ московскій слой, то, я увѣренъ, онѣ оказались бы гораздо ближе къ „Слову о полку Игоревѣ“, чѣмъ къ намъ, и еще болѣе уяснили бы намъ среду, изъ которой оно вышло. Поэтому, хотя въ общихъ чертахъ, надобно напомнить читателямъ, до чего дошла новѣйшая филологія, изучая древнѣйшіе памятники поэзіи народовъ, происшедшихъ изъ одного съ нами корня, а между ними и наши былины.

Строгіе историки прежнихъ временъ отвергали эти памятники, называя ихъ баснословными. Но, изучая и сравнивая ихъ, изучая и сравнивая языки, на которыхъ они записаны, филологія проникла въ такую глубину временъ, о какой и мечтать не смѣли историки. Она не только возстановила родословное древо народовъ, по крайней мѣрѣ пока тѣхъ, къ семейству которыхъ принадлежитъ большая часть европей-

цевъ, — огромная вѣтвь, простирающаяся отъ Индіи, черезъ Персію и Россію, до Атлантическаго океана, — но и поставила себѣ задачей возстановить первобытную жизнь, вѣрованія, степень образованности того народа, изъ котораго, какъ изъ древнѣйшаго улья, строились всѣ эти племена. Сравнивая языки этихъ племенъ, санскритъ, зендъ и нынѣшній персидскій, греческій, латинскій, кельтскій, древне-германскій, литовскій и древне-славянскій, филологія намѣтила тотъ языкъ, которымъ говорили предки этихъ народовъ до выхода ихъ, одинъ за другимъ, изъ общаго ихъ первоначальнаго отечества—съ Иранской возвышенности. Всѣ эти языки, очевидно, имѣютъ одинъ общій корень, весьма ощутительный изъ сходства въ этихъ языкахъ мѣстоимѣній, именъ числительныхъ, многихъ глаголовъ и существительныхъ, означающихъ явленія природы или касающихся родства, одежды, земледѣльческаго быта. Засимъ, сравнивая древнѣйшія преданія и пѣсни этихъ народовъ, отъ ведъ индійскихъ до исландскихъ сагъ, мы узнаёмъ, что всѣ онѣ имѣютъ своимъ источникомъ однѣ и тѣ же ѳеогоническія пѣсни, сложившіяся еще тамъ, на Иранской возвышенности, и отразившія въ себѣ всѣ представленія о мірѣ и жизни, какія составилъ себѣ этотъ народъ-праотецъ, эти наши далекіе предки, называвшіе себя аріями, т.-е. лучшими, благородными. У всѣхъ ихъ потомковъ, у новѣйшихъ народовъ, сохранилась память о далекой родинѣ, какъ преданіе о золотомъ вѣкѣ, о раѣ, о свѣтломъ Иріи (названіе, сохранившееся у насъ въ пѣсняхъ и въ завѣщаніи Мономаха): чудная страна, куда имъ возвратиться нельзя, но куда на зиму улетаютъ птицы. Вынесенныя уходившими оттуда, одна за другой, толпами, эти пѣсни, на мѣстахъ новой осѣдлости, видоизмѣнились сообразно съ судьбами этихъ выходцевъ, съ ихъ бытомъ, нравами, языкомъ, подъ вліяніемъ мѣстности, новаго образа жизни и разныхъ особенностей, вслѣдствіе которыхъ въ этихъ толпахъ выработались ихъ племенныя и національныя черты. Всѣ эти пѣсни вытекали изъ вѣры арійцевъ, что они — дѣти Солнца и великой Матери Земли, что находятся подъ его покровительствомъ, что судьба ихъ тѣсно связана съ судьбою свѣтоноснаго бога, давшаго имъ жизнь. Происхожденіе ихъ отъ Солнца и дало, вѣроятно, право этимъ земледѣльцамъ назвать себя аріями, т.-е. благородными, сравнительно съ кочевниками, ихъ врагами, по ихъ представленію, сынами Тьмы. Считая источникомъ жизни Солнце, они постоянно къ нему устремляли свою мысль и всѣ явленія на небѣ истолковывали, по отношенію къ нему, своимъ земнымъ бытомъ: день и ночь, времена года объясняли сномъ, смертью, пробужденіемъ, воскресеніемъ или нарожденіемъ Солнца, или плѣномъ его у его враговъ. Весеннее его появленіе, сопровождаемое благотворными грозами и пробужденіемъ могучей растительности, праздновалось какъ брачное торжество бога, дорвавшагося до обладанія своею любою — Землею. По этимъ представленіямъ и люди, какъ дѣти Солнца, устроили свою жизнь, установили обряды чествованія своего великаго Прародителя — хороводы, пляски, жертвы, игрища, сопровождаемыя музыкою и разными припѣвами; въ эпическихъ гимнахъ воспѣвали о славѣ Солнца, о борьбѣ его съ недругами, гигантами мрака, холода. Тучи и облака, безпрестанно измѣняющія свой видъ—отъ крылатыхъ змѣевъ и драконовъ, грозящихъ поглотить свѣтоноснаго бога, до среброрунныхъ овецъ, пасущихся на лазурныхъ небесныхъ пажитяхъ; вѣтры и вихри всезнающіе, скитающіеся по всему свѣту; громъ, съ своими огненными стрѣлами или палящимъ мечомъ-кладенцомъ, являющійся, какъ вѣрный слуга, освобождать бога отъ демоновъ и чудовищъ; заря, царица огненная, отворяющая Солнцу врата міра, Земля-красавица, Солнцева лада, поро-

ждающая отъ его огненныхъ объятій все живущее,—все это олицетворялось въ видѣ духовъ или боговъ, гигантовъ, великановъ, чудовищъ, миѳическихъ существъ добрыхъ или злыхъ, смотря по тому, въ дружбѣ или во враждѣ были они съ Солнцемъ.

Ближе всѣхъ къ этой первобытной эпопеѣ считаются ведическіе гимны Индіи, изъ которыхъ потомъ развивается цѣлая литература съ колоссальными, то страшными, то роскошными образами; во всѣхъ этихъ созданіяхъ отражается могучая природа Индіи, ея цвѣтущихъ долинъ и грозно-величественнаго, таинственнаго царства ея горъ, гдѣ рождаются ея священныя рѣки, то пѣнными водопадами біющія изъ нѣдръ ихъ, то скрывающіяся подъ сводами скалъ... У племенъ иранскихъ тотъ же первобытный миѳъ лежитъ въ основѣ ученія Зендъ-Авесты, въ которой тьма и свѣтъ получили нравственное значеніе добра и зла, и пѣсенъ, собранныхъ и устроенныхъ поэтомъ XII вѣка Фирдуси въ поэму, извѣстную подъ названіемъ „Шахъ-Наме“, гдѣ солнце является въ образѣ шаха, а вѣрный слуга солнцевъ, громъ,—въ образѣ народнаго героя персовъ, въ Рустемѣ. Изъ того же миѳа развилась миѳологія грековъ и римлянъ, видоизмѣнявшаяся въ разныя эпохи ихъ развитія: боги Гомера еще живутъ патріархально-героическою жизнью грековъ, боги Лукіана ясно отражаютъ на себѣ цинизмъ современнаго ему общества. У германцевъ и особенно у скандинавцевъ, въ пѣсняхъ Эдды, древне-арійскіе боги являются суровыми и воинственными; они какъ будто окрѣпли и возмужали, одѣлись въ желѣзо, въ суровомъ климатѣ, въ воображеніи людей, обреченныхъ на борьбу со стихіями, на необходимость оружіемъ добывать себѣ пропитаніе *). У славянъ тотъ же миѳъ лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ древнихъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и доселѣ еще живыхъ; но въ болѣе богатой, эпической своей формѣ онъ сохранился у сербовъ, у которыхъ онъ слился съ пѣснями о Маркѣ Кралевичѣ, и у насъ—въ нашихъ былинахъ. Черты, которыя онъ принялъ у насъ, особенно замѣчательны и оригинальны. Это — черты быта народа-земледѣльца. Въ глубинѣ всѣхъ былинныхъ сказаній стоитъ величавый въ своей простотѣ, спокойно-могучій, домовитый хозяинъ земли—ратай. За этимъ ратаемъ три дня гонится Святогоръ-богатырь и не можетъ его настигнуть; попросилъ наконецъ остановиться; тотъ остановился и положилъ сумочку свою на землю. „Что у тебя въ сумочкѣ?“—спросилъ Святогоръ.—„Подыми и увидишь“. Ухватилъ Святогоръ, не могъ поднять, самъ по колѣно въ землю ушелъ. „Что жъ у тебя въ сумочкѣ?“ Оказывается, что это тяга земная (кольцо или столбъ **), ухватясь за которую только этотъ ратай можетъ поднять всю землю... Встрѣчается этому ратаю князь Вольга съ дружиною:

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ,
Съ края въ край онъ бороздки пометываетъ,
Коренья, каменья вывертываетъ...

Зоветъ Вольга ратая съ собою; тотъ говоритъ: „Надо сошку прибрать“. Кидается вся дружина сошку приподнять и не можетъ:

Подъѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой,

*) Попытку возстановить древнѣйшій скандинавскій миѳъ о солнцѣ читатели могутъ видѣть въ моемъ „Бальдурѣ“.

**) Аѳанасьева, „Поэтическія воззрѣнія славянъ“, т. II, 680.

Бралъ онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земли повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

И Святогоръ и Вольга спрашиваютъ ратаюшку, какъ же звать его по имени, какъ величать по изъ-отчеству; онъ отвѣчаетъ:

А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, мужиковъ напою;
Станутъ мужички меня покрикивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ.

Вотъ въ какомъ образѣ явился у насъ этотъ богъ, въ рукахъ котораго вся тяга земная; и хитрый Вольга, который волкомъ обертывался, да всѣхъ звѣрей изъ лѣсу выганивалъ, рыбой прикидывался, да всю рыбу изъ рѣкъ выловливалъ, яснымъ соколомъ вылетывалъ и всю птицу выбивалъ, не могъ его перехитрить, и богатыри входятъ въ семью его, женятся на его дочеряхъ и даютъ зарокъ не воевать съ его родомъ, а защищать его отъ всякаго недруга, собираясь въ дружину вокругъ свѣтлаго князя, Красна-Солнышка, ласкова Владимира. И силы имъ дается въ мѣру, столько, чтобы ихъ могла „земля держать“. Старый вѣрный слуга Солнцевъ, Громъ, или Громовникъ, или Перунъ, обращается въ земскаго героя Илью Муромца: другіе миѳическіе герои принимаютъ черты сословій, сложившихся на Руси: Добрыня Никитичъ боярскій сынъ, Алексѣй Поповичъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ первобытнаго миѳа, у всѣхъ народовъ, враги Солнца получаютъ черты народныхъ враговъ племени; такъ и у насъ мало-по-малу Змѣи Горынычи, Идолища поганыя, чуда-чудища, т.-е. всѣ олицетворенія зимы, мрака и смерти, принимаютъ виды разныхъ поганыхъ толковинъ (кочевниковъ), печенѣговъ, половцевъ, татаръ. Когда совершилось у насъ это перерожденіе пѣсенъ о богахъ въ былины о народныхъ богатыряхъ — опредѣлить трудно; но ясно, что это могло случиться только тогда, когда въ народѣ міросозерцаніе языческое, основанное на обожествленіи силъ природы, было вытѣснено міросозерцаніемъ библейскимъ. По многимъ отзывамъ святыхъ мужей мы въ правѣ заключить, что христіанство въ Кіевской Руси въ XI и XII столѣтіяхъ еще почти совсѣмъ не коснулось массъ народныхъ; если духовенство и имѣло вліяніе въ городахъ, зато въ селахъ оно было почти безсильно. Преподобный Несторъ (въ XI—XII вѣкѣ) жалуется, что и нарицающіеся христіанами живутъ по-поганьски, справляютъ всѣ языческія требы, а церкви стоятъ пусты. Долгое время еще царство бѣсовъ (т.-е. старыхъ боговъ) обширно и сильно было на Руси, и съ нимъ приходилось бороться проповѣдникамъ христіанства, и къ чести послѣднихъ надо сказать, — бороться мѣрами кроткими, безъ пытокъ и костровъ, безъ вмѣшательства свѣтскаго меча! Исподволь увеличивалось стадо Христово, но, разъ вкусивъ сладости новаго свѣта, новопосвященные уже порывали все со стариной. И что они тогда видѣли вокругъ себя? Языческіе обряды, чествованіе старыхъ боговъ — въ полной силѣ! Сердце переполнялось скорбью... „О, во тьмѣ блуждающіе! — восклицалъ инокъ, смотря изъ нагорной обители своей на видѣющійся ему городъ, на разбросанныя тамъ и сямъ села.— Кумиры повержены, но вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами

нарицаете стихіи, и солнце, и огнь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичій грай, и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ вся блага: вы же Его не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ имѣти мните—и обиліе плодовъ земныхъ и раствореніе воздуховъ! Вмѣсто призыванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, рядитесь во звѣриныя шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганаго Ярилу (Ярило—яръ, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдныя доски, брянча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и мракъ прогоняти, не вѣдая того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли васъ Господь, посушитъ поля и нивы, дабы сердца ваши окаянніи подвиглись къ Нему,—вы яко слѣпы и глухи пребываете, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаете: обовьете дѣвку цвѣтами и травами, водите ее по полямъ, обливая водою, а сами, переряженные въ звѣриныя шкуры, бѣгаете кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями, съ плясаніемъ и скаканіемъ *). Отъ рожденія до самыя смерти бѣсамъ токмо служите; зачинаетесь въ скверне и грѣхѣ: бракъ ли то есть, когда собираетесь на игрища и, дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станетъ увѣщевать васъ служитель Божій, въ продерзости отвѣщеваете: христіанскій-де обрядъ вѣнчанія годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ, какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О, горе горькое! о, прелесть сатанинская! И паки скажу: какъ вы пастыря душъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтясь со святымъ отцомъ, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй встрѣчи назадъ ворочаетесь! А волхвамъ, и скоморохамъ, и гудцамъ, и пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганыя требы и волхованія творятъ и басни о бѣсахъ баютъ со струннымъ гудѣніемъ,—ихъ послушаете и ихъ ублажаете и чествуете, и на праздникахъ своихъ все ими указанное творите, и на кладбища съ ними съ огнемъ ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашаете, и скаканіемъ и плясаніемъ святое мѣсто оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не могуще, развѣ кто „Господи помилуй“ со страхомъ скажетъ, заклятій знаете множество—и къ вѣтрамъ, нарицающе ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ—яко къ нѣкоей женѣ, сидящей на морѣ на Окіянѣ, въ палатахъ красна золота да чиста серебра, и къ огню-Сварожичу, и къ печкѣ, и къ инымъ, иже стихіи суть, или руками дѣланная!

„Когда же, о, Господи, смилуешься надъ народомъ симъ и отверзешь очи его—да познаетъ Тя?.. На кого возложу упованіе мое? на князя ли и бояре? Но и въ ихъ дворахъ не многимъ лучше: видали святые мужи, какъ изъ палатъ княжескихъ ангелъ Господень, плачучи, удаляется, а бѣсы поганые съ шумомъ и веселіемъ въ оныя врываются... На пастыри ли духовные? Но и тѣ на сихъ дѣйствіяхъ, въ объяденіи и опьяненіи присутствуютъ, не внявъ прещенію владычнему, отъ отца нашего митрополита Іоанна. Гдѣ и во владыкахъ ревность Ѳеодосіева! Пришедъ къ великому князю Святославу Ярославичу, узрѣлъ святой мужъ у него въ гридницѣ и поющихъ и на гусляхъ играющихъ, яко обычай есть предъ княземъ. И сѣлъ блаженный и долу очами поникъ. И вопросилъ потомъ князя: „Сіе ли будетъ на томъ свѣтѣ?“... **)

---

*) Г. Аѳанасьевъ думаетъ, что переряживаніе въ звѣриныя шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка—алчущую землю.

**) Эта рѣчь составлена мною изъ сводки разныхъ отрывковъ духовныхъ писателей, приводимыхъ г. Аѳанасьевымъ, и изъ нѣкоторыхъ его объясненій. Вотъ еще любопытный отзывъ изъ позднѣйшей эпохи: Посланіе Елеазарова монастыря игумена

Такова общая картина, которая рисуется намъ изъ отзывовъ духовенства вплоть до времени татарскаго ига. Нашествіе татаръ разбило весь старый строй жизни на Руси. Народъ увидѣлъ кару Господню, воочію надъ нимъ разразившуюся; увидѣлъ посреди себя исшедшихъ изъ обители своей погребсти мертвыхъ и утѣшить живыхъ святыхъ мужей—и сердца открылись словесамъ ихъ: въ долгіе годы бѣдствій и рабства, въ тяготахъ своихъ, онъ обрѣлъ у духовныхъ пастырей и утѣшеніе, и защиту, и даже пропитаніе на обширныхъ земляхъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ: тогда только христіанство пустило болѣе глубокіе корни въ массы. Не упразднились, впрочемъ, окончательно и въ тѣ времена и позже, во дни Стоглаваго собора, обычаи и торжества стараго язычества, но ужъ цѣлость его воззрѣній была утрачена. И подобно тому, какъ разные языческіе обряды стали окрашиваться мало-по-малу въ христіанскій цвѣтъ, и на извѣстныхъ святыхъ стали незамѣтно переноситься атрибуты старыхъ языческихъ боговъ, по совпаденію дней чествованія этихъ святыхъ съ днями торжествъ языческимъ богамъ, или по сходству ихъ легендъ,—такъ и языческо-религіозныя пѣсни стали сливаться съ пѣснями объ этихъ святыхъ или о дѣйствительно жившихъ князьяхъ и богатыряхъ. Подобно тому, какъ, напримѣръ, источники и колодцы, о которыхъ думали, что они пробиты громомъ и потому назывались Перуновыми, стали посвящаться Ильѣ пророку или Ильинской Пятницѣ (а въ Муромѣ о такомъ колодцѣ говорятъ, что конь Ильи Муромца вышибъ его копытомъ), — такъ и въ пѣсняхъ на витязей солнечной эпопеи перенеслись личныя имена святыхъ или богатырей; явились духовные стихи и историческія былины, въ которыхъ новые герои наслѣдуютъ всѣ дѣла и подвиги миѳическихъ героевъ и всю ихъ фантастическую обстановку. Имя князя Владимира, прославленное двумя князьями, жило въ памяти народной, какъ символъ лучшихъ, когда-то бывшихъ временъ, и заступило мѣсто Солнца или Дажьбога въ этихъ былинахъ: миѳическія сказанія получили колоритъ историческій. Въ дальнѣйшемъ развитіи эпическихъ характеровъ богатыри явились представителями разныхъ классовъ общества — земства, боярскаго и духовнаго чина: этому способствовало болѣе усложнившееся общественное развитіе Руси въ Московскій періодъ.

Справедливость этого мнѣнія о времени перерожденія былинъ изъ миѳическихъ въ историческія (высказаннаго, впрочемъ, гораздо прежде меня) подтверждается и тѣмъ, что бо́льшая часть этихъ богатырей жили гораздо позже Владимира: напримѣръ, объ Ильѣ Муромцѣ есть положительное свѣдѣніе, что онъ жилъ въ XII столѣтіи (около 1188 года), и что именно XII вѣкъ и начало XIII представляютъ у насъ и по лѣтописямъ сильное развитіе богатырства...

Такимъ образомъ все заставляетъ насъ думать, что цѣлость языческаго, основаннаго на арійскихъ преданіяхъ, міросозерцанія въ народѣ на Руси, въ XII вѣкѣ, еще не была разбита. Таинственные странники, люди вѣщіе, являющіеся намъ въ былинахъ каликами перехожими, люди съ поэтическимъ и мистическимъ настроеніемъ, уходившіе изъ

Памфила псковскому намѣстнику 1505 г. говоритъ: „Зѣло не престала здѣсь еще лесть идольская, кумирное празднованіе, радость и веселіе сатанинское... Тому (сатанѣ, т.-е. языческимъ богамъ) яко же жертва приносится всяка скверна и беззаконное богомерзкое празднованіе. Егда бо приходитъ великій праздникъ день Рождества Предтечи, тогда во святую ту ночь мало не весь градъ взмятется и взбѣсится бубнами и сопѣлями, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими непотребными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ... Возстучитъ градъ сей, и возгремятъ въ немъ люди сіи беззаконіемъ и погибелью лютою; женамъ же и дѣвамъ плесканіе (ударенie въ ладоши), и плясаніе, и главамъ ихъ покиваніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и воплъ, всесквернены пѣсни, бѣсовскія угодья совершаются, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе" (Аѳан. т. I, стр. 341).

семьи и избравшіе, подобно самому Дажьбогу, обтекающему землю, или вѣчному скитальцу Стрибогу (вѣтру), странническій посохъ, да суму переметную, да гусли звонкія, ходили по всей Руси, по селамъ и городамъ, по стогнамъ и торжищамъ, входили въ терема и хаты и пѣли старыя, безначальныя пѣсни о страшныхъ тайнахъ, о богахъ и людяхъ, о жизни и смерти... И въ этихъ городахъ, несмотря на то, что надъ ними, на горѣ, возвышался уже монастырь, откуда исходилъ уже иной свѣтъ, гдѣ жили люди, совсѣмъ отрѣшившіеся отъ языческаго воззрѣнія, гдѣ велось книжное ученіе, писались лѣтописи, перелагались на славянскій языкъ творенія отцовъ церкви, — въ этихъ селахъ, въ которыхъ еще рѣдко гдѣ виднѣлись церкви, да и тѣ, по свидѣтельству Нестора, стояли пусты,—этимъ странникамъ былъ радушный пріемъ, и ихъ слушали съ благоговѣніемъ, страхомъ и полною вѣрою. Изъ этихъ перехожихъ странниковъ были, вѣроятно, и тѣ трое пѣвцовъ, которыхъ въ VI вѣкѣ захватили войска греческаго императора, воевавшаго съ аварами, и которые на вопросъ его: кто они?—отвѣчали: „Мы славяне, къ аварамъ попали въ плѣнъ, обходиться съ оружіемъ не умѣемъ, а пѣсни да гусли—все наше занятіе“. Этихъ же пѣвцовъ рисуетъ народная пѣсня во всемъ ихъ таинственномъ значеніи, какъ людей вѣщихъ... Въ этой пѣснѣ такъ и видишь ихъ, расположившихся ночлегомъ въ полѣ, около деревни, славящихъ возвращеніе солнца и заклинающихъ смерть или зиму; такъ и слышишь, про какія страшныя тайны они поютъ:

На крутой горѣ высокоей
Кипятъ котлы кипучіе...
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоятъ старцы старые;
Поютъ тѣ старцы старые
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчь...
Сулятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе.
Какъ на ту ли злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятьице великое (Сахарова „Сказанія“ II, 13).

Изъ этихъ же странниковъ образовались впослѣдствіи толпы скомороховъ, которые ходили по Руси, по ярмаркамъ и по празднествамъ въ селахъ и богатыхъ домахъ, и противъ которыхъ издавались строгіе законы даже при Алексѣѣ Михайловичѣ; изъ нихъ же вышли и тѣ пѣвцы, которыхъ мы видимъ и теперь около монастыря, пѣвцы, которые скитаются по Руси и распѣваютъ духовные стихи; и между этими стихами многіе, напримѣръ, стихъ о Егоріи Храбромъ, суть тѣ же пѣсни о богахъ, что̀ пѣли далекіе предшественники этихъ пѣвцовъ, только пѣсни эти, въ теченіе вѣковъ, получили духовный характеръ. И не только въ народѣ, въ XII вѣкѣ, да и у тѣхъ мірянъ, которые назывались христіанами, міровоззрѣніе христіанское не обнимало всего міра человѣческихъ понятій; между тѣмъ какъ лѣтописецъ-христіанинъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, выводитъ изъ потомства Ноева, изъ колѣна Яфетова, Словеньскій родъ,—изъ словъ пѣвца Игорева мы видимъ, что храбрые русичи, его современники, смотрятъ на себя еще какъ на сыновъ Солнца и князей своихъ называютъ Дажьбожьими внуками; русичи подъ предводительствомъ ихъ продолжаютъ свою борьбу съ исконнымъ врагомъ Свѣта, съ Тьмою, или съ ея чадами, Дивовыми сы-

нами, всею Русскою землею ходятъ на землю Троянову *); Велесъ, пасущій среброрунныхъ небесныхъ овновъ Солнцевыхъ, съ своею пѣснію и свирѣлью, считается праотцемъ русскихъ пѣвцовъ XII вѣка; Стрибожьи внуки, бездомные скитальцы, рѣютъ по полю половецкому; герои историческіе принимаютъ черты облачныхъ героевъ (Всеславъ-кудесникъ). Въ томъ же смыслѣ и земля, занимаемая храбрыми русичами, есть свѣтлая земля русская, земля сыновъ свѣта (впослѣдствіи, въ Москвѣ, свято-русская); земля враговъ ихъ — земля темная, незнаемая, Дивья земля, земля Троянова. Дажьбогъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ упреждаетъ внука объ опасности затменіемъ, „заступаетъ тьмою путь Игорю“; но Черный Дивъ ополчается на него всѣми силами, созывая дѣтей своихъ и съ Сулы, и съ Волги, и съ Сурожа, и съ Поморья. Очевидно, міросозерцаніе былинъ въ ихъ первобытномъ видѣ — вотъ тотъ поэтическій міръ, вотъ воззрѣнія на природу и на свой народъ, въ которыхъ вращалась фантазія пѣвцовъ Кіевской Руси и оттуда почерпала свои краски. Вся эта поэзія вытекала изъ основного арійскаго мѳа о Солнцѣ, раздробляясь и продолжаясь въ устахъ этихъ пѣвцовъ, въ ихъ пѣсняхъ объ отдѣльныхъ князьяхъ, потомкахъ того же Дажьбога.

Одна изъ такихъ пѣсенъ о Дажьбожьихъ внукахъ есть „Слово о полку Игоревѣ“. Но и отъ современныхъ ей былинъ, при всемъ своемъ духовномъ родствѣ съ ними, она должна была сильно отличаться, ибо возникла не въ народѣ, но въ другой, высшей сферѣ общества. Это листокъ отъ того же дерева, но съ другой вѣтви. Пѣвецъ, ее сложившій, былъ не изъ тѣхъ пѣвцовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Завязавшаяся на Руси государственная жизнь тоже требовала пѣвцовъ, но дала другой предметъ для ихъ пѣсенъ.

Около княжескаго двора сосредоточивались люди, которые и въ языческій еще періодъ были, вѣроятно, развитѣе остальной массы народа, пахарей и звѣролововъ, уже вслѣдствіе своего политическаго положенія, приводившаго ихъ въ столкновеніе съ народами Азіи и Европы. Эта была — дружина, дворъ князя, и почетные гости — купцы. Купцы издревле ходили большими караванами, вооруженные, по всѣмъ внутреннимъ рѣкамъ Россіи и въ Біармію для торговли съ далекимъ чудскимъ сѣверомъ, и на Волгу для торговли съ болгарами и арабами, и за моря Балтійское и Черное. Въ дружину и дворъ князя новыя понятія, новыя удобства жизни входили черезъ походы, браки, посольства, пріемъ разнородныхъ гостей. Съ принятіемъ христіанской вѣры, которое было слѣдствіемъ этихъ столкновеній, эта среда, вѣроятно, одна и воспользовалась ея благами и, главное, школами. Кіевъ становится центральнымъ политическимъ пунктомъ Руси и перепутьемъ торговли сѣвера и юга, запада и востока. Латинская пропаганда въ немъ долго не уступаетъ господства грекамъ, судя по посланіямъ первыхъ нашихъ митрополитовъ и святыхъ мужей, старавшихся оградить свою паству отъ козней латинства: „Исполнися и наша земля тыя злыя вѣры людій“,—писалъ св. Ѳеодосій великому князю Изяславу. Германскій императоръ не спускаетъ глазъ съ Руси, чтобъ обратить ее въ вассальное свое владѣніе. Болеславъ польскій получаетъ отъ папы королевскую корону съ тѣмъ, чтобъ устремить свои силы на подчиненіе папскому престолу „русскихъ язычниковъ“. Королевскую же корону предлагаютъ и нашимъ князьямъ—за отступничество. Князья Ярославова дома женятся на иностранныхъ принцессахъ, съ которыми разный заморскій людъ входитъ въ русскія семьи. Княжны выходятъ замужъ за иностранныхъ

*) См. ниже прим. 5.

владѣтелей; назовемъ хотя трехъ дочерей Ярослава, вышедшихъ за королей французскаго, венгерскаго, норвежскаго; сестру Мономаха (неизвѣстно—родную или двоюродную), бывшую за германскимъ императоромъ Генрихомъ IV, бѣжавшую къ графинѣ Матильдѣ въ Каноссу, судившуюся съ мужемъ передъ папою и соборомъ и умершую монахиней въ Россіи... Въ Кіевѣ видимъ пеструю толпу иностранцевъ, греческихъ художниковъ, сирійскихъ и армянскихъ врачей, хозаръ, евреевъ изъ Тавриды, нѣмцевъ и всякаго рода наемныхъ дружинниковъ датскихъ и свейскихъ. Всѣхъ привлекала въ Кіевъ—кого работа, ибо изъ Кіева требовались мастера всякаго рода и въ другіе города, кого торговля, кого щедрость и радушіе князей, кого веселая, вольная жизнь; чаровницы-жены кіевскія славились повсюду: Капуей для двухъ армій двоихъ польскихъ королей былъ этотъ свѣтлый Кіевъ... И слава о немъ разнеслась между народами: о немъ пишутъ арабы и нѣмцы; Адамъ Бременскій, знавшій его по наслышкѣ, называетъ его столицей, соперницей Константинопольскаго престола, краеой и славой Греціи. О русскихъ мѣхахъ, которыми щеголяла современная знать въ Европѣ, онъ говоритъ, что ихъ жаждали всѣ такъ же пламенно, какъ и царствія небеснаго. Въ „Нибелунгахъ“, въ ихъ обработкѣ XII вѣка, между народами Атиллы упоминаются кіевляне. Какъ бы въ отвѣтъ имъ, пѣвецъ Игоря говоритъ: „нѣмци и венедици (вѣроятно, венеціане), греки и морава поютъ славу Святославу“ (Всеволодовичу Кіевскому). При тѣсныхъ сношеніяхъ всякаго рода съ Венгріей, Польшей и другими славянскими землями, Русь—т.-е. ея высшее общество—какъ бы входитъ въ общую семью европейскихъ народовъ: Галичъ скоро потомъ въ ней запутывается... Поставленное въ такое положеніе, это общество должно было выдвинуться своимъ образованіемъ и развитіемъ изъ народа; потребности, вкусъ, понятія его развивались: мы видимъ въ немъ моды, заимствуемыя не только изъ Греціи, но и съ Запада, напримѣръ, латинскіе шлемы въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, какихъ-то шпилеровъ *) посреди гудцовъ и сопѣльниковъ. Но образованіе это, приливаясь изъ другихъ источниковъ, должно было отличаться отъ того, какое было въ монастыряхъ. Хотя въ XII вѣкѣ на Руси уже давно зажглись и сіяли эти свѣтильники вѣры и науки, но на свѣтскомъ обществѣ лучи ихъ еще скользили, такъ сказать, по поверхности. При появленіи духовнаго лица въ княжескую гридницу, князь убиралъ поспѣшно и плясуновъ, и „шпилеровъ“, и всѣхъ своихъ потѣшниковъ, „иже въ басни баютъ и въ гусли дудутъ“ и пѣсни поютъ. Съ точки зрѣнія святыхъ мужей, дворъ княжескій былъ полонъ соблазна не только въ томъ смыслѣ, что тамъ царствуетъ прелесть міра и обуреваютъ душу погибельныя страсти, но и потому, что онъ исполненъ былъ всякаго „поганьства“, т.-е. язычества и иноземщины, и въ писаніяхъ своихъ они горько сѣтуютъ на то, что внѣ монастырскихъ стѣнъ господствуетъ еще полное двоевѣріе, т.-е. что рядомъ съ христіанскими вѣрованіями уживаются вѣрованія и обычаи языческіе. На разныхъ княжескихъ семействахъ XI и XII вѣковъ можно прослѣдить степени этого двоевѣрія, сравнивъ характеръ и судьбы князей, напримѣръ, дома Мономаха, сына греческой царевны, Святополка, женатаго на половецкой княжнѣ, Всеслава-кудесника, правнука гордой язычницы Рогнѣды, выросшаго въ Кривской землѣ, сосѣдней съ таинственнымъ литовскимъ язычествомъ. Къ сожалѣнію, по лѣтописямъ намъ трудно уловить истинную картину и колоритъ этого высшаго свѣтскаго общества, ибо лѣтописи

*) См. И. И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка, въ „Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ“, т. X, стр. 548.

ведены людьми, вполнѣ отрѣшившимися отъ языческаго преданія, смотрѣвшими на событія своей земли съ точки зрѣнія христіанской догмы и византійской учености и притомъ писавшими лѣтописи не безъ назидательной цѣли. Но одна уже двойственность именъ князей (исчезающая только въ татарскій періодъ) указываетъ наглядным образомъ на это двоевѣріе: церковь знаетъ Георгія, Михаила, Гавріила, Василія, а въ дружинѣ и въ народѣ это—Ярославы, Святополки, Всеволоды, Владимиры. О самихъ князьяхъ въ дружинѣ и въ монастырѣ судятъ различно. Житія упоминаютъ укорительно, напримѣръ, о князѣ Ростиславѣ (братѣ Мономаха), который застрѣлилъ инока, за что послѣдній и предрекъ ему лютую смерть: князь утонулъ; пѣвецъ же Игоря посвящаетъ этому князю нѣсколько весьма сочувственныхъ словъ... Наконецъ самъ Игорь въ „Словѣ“ и тотъ же Игорь въ лѣтописи—это два совершенно разныхъ лица.

Въ этомъ-то обществѣ, выдѣлившемся изъ почти совсѣмъ языческаго народа, но съ нимъ тѣсно связанномъ преданіями и обычаями, развитомъ вслѣдствіе своего политическаго положенія, озаренномъ сверху христіанствомъ; въ обществѣ, вѣроятно, большею частью грамотномъ (князья пишутъ другъ другу письма, собираютъ книги, многіе, по извѣстіямъ, собранныхъ у Татищева, знаютъ по-гречески и по-латыни)—пѣвцы съ незапамятныхъ временъ были необходимыми членами. Еще М. П. Погодинъ выразился, что съ самыхъ древнихъ временъ мы видимъ нашихъ князей, окруженныхъ баянами-пѣвцами, какъ сѣверныхъ конунговъ, окруженныхъ скальдами. Какъ и калики перехожіе, эти пѣвцы тоже проводили жизнь свою въ странствованіяхъ, но или въ свитѣ князей, или переѣзжая отъ двора къ двору, отъ князя къ князю, знали такъ же русскую землю, какъ и калики, но съ другой стороны: они знали Русь политическую, всѣхъ князей современныхъ и прежнихъ, ихъ дѣла и ихъ исторію, но опять не по лѣтописямъ, а по пѣснямъ баяновъ стараго времени, по разсказамъ дружинниковъ — по памяти народной.

Отъ этого взглядъ ихъ и лѣтописцевъ на этихъ князей часто расходился, и едва ли же не на ихъ сторонѣ было вѣрное пониманіе дѣлъ на Руси—судя по тому, какъ этотъ взглядъ выражается у пѣвца Игорева. „Славить, пѣть славу“ хозяину и гостямъ — старинный обычай славянскихъ народовъ; хвалиться славой отца и дѣда, т.-е. подвигами ихъ, воспѣтыми пѣвцами (побѣждаютъ, „звонячи въ прадѣднюю славу“), вотъ на что нужны были князьямъ пѣвцы, они переманиваютъ ихъ въ свой дворъ, честятъ ихъ, ссорятся съ ними. Пѣвцы эти, разумѣется, находятся въ тѣснѣйшей зависимости съ опускающимся или подымающимся уровнемъ образованія среды, въ которой живутъ,—и вотъ въ XII вѣкѣ ихъ пѣснь достигаетъ уже той высоты, какой мы дивимся въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Мы видимъ въ немъ, что пѣвецъ выражается о соловьѣ стараго времени, о Баянѣ, какъ о пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно другому литературному періоду, и относится къ знаменитости прежняго времени съ уваженіемъ, но уже какъ къ знаменитости устарѣвшей, подобно тому какъ Пушкинъ относился къ барду Екатерининскаго вѣка—къ Державину. По описанію пѣвца Игорева видно, что пѣснь Баяна была въ родѣ пѣсни скальда или сербскаго гусляра, импровизовавшаго ее тотчасъ по совершеніи подвига, который предстояло воспѣть: возлагалъ Баянъ персты на вѣщія струны, и струны сами рокотали славу князьямъ; мыслью своею онъ, какъ орелъ, ширялъ по поднебесью и сѣрымъ волкомъ рыскалъ по чистому полу. Баянову творчеству пѣвецъ противополагаетъ свой литературный періодъ, „былины сего времени“, и изъ его „Слова“ мы можемъ видѣть, каковы

эти былины. Пѣвецъ, очевидно, уже силенъ въ книжномъ ученіи; не чуждъ, можетъ-быть, знакомства съ какими-нибудь классическими твореніями,—если не изъ первыхъ рукъ, то, можетъ-быть, чрезъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Это явствуетъ изъ его введенія—обращенія къ Баяну, напоминающаго классическія обращенія къ музѣ: изъ отступленій, не мѣшающихъ однако ст ойному расположенію частей; можетъ-быть, изъ болѣе осмысленнаго олицетворенія миѳическихъ существъ (въ дѣвѣ Обидѣ); изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Игоря, одареннаго имъ всею прелестью образа Гектора, Святослава Кіевскаго—этого Пріама его пѣсни; изъ грамматическаго строя рѣчи, и наконецъ изъ самой внѣшней формы поэмы, которая, очевидно, *писана*, и писана мѣрною прозой, приспособлявшеюся, вѣроятно, къ пѣнью, по образцу, можетъ-быть, церковныхъ каноновъ и псалмовъ, только на другіе мотивы *).

Эта пѣснь — есть одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней Кіевской Руси, дошедшій до насъ, и вотъ почему она занимаетъ такое уединенное мѣсто посреди другихъ памятниковъ письменности этой эпохи, большею частью исходившихъ изъ другой среды. Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, погибла, и, конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія хранилища, былъ главною причиною ея гибели, хотя, разсматривая лѣтописи, мы видимъ въ числѣ источниковъ лѣтописца во многихъ мѣстахъ и эти свѣтскія сказанія **), сквозящія сквозь общій монастырскій лакъ, который на нихъ наводилъ инокъ въ своемъ пересказѣ. Лѣтопись о древнѣйшихъ временахъ—о Рюрикѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ и пр., очевидно, написана по пѣснямъ, которыя сложены были въ свое время пѣвцами дружины ***). Вѣкъ Ярослава и дѣтей его—вѣкъ знаменитаго Баяна... Гг. Буслаевъ и Шевыревъ воспользовались всѣми данными, чтобы возстановить образъ этого Державина древней Руси: нельзя ли въ лѣтописи найти еще нѣсколькихъ чертъ? Всматриваясь въ лѣтопись объ его временахъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ ней тамъ и сямъ мелькаютъ чудныя поэтическія черты и цѣлыя картины. Вспомнимъ хоть бой Мстислава съ Редедей, или бой того же Мстислава съ Ярославомъ при Лиственѣ,—ночью, во время грозы: это блистаніе молніи и блистаніе оружія, этотъ красавецъ Якунъ, потерявшій въ битвѣ свою луду златую (золотой плащъ)—все это, можетъ-быть, сквозь мракъ вѣковъ, сквозь монашескую призму лѣтописца, сгладившаго въ этой пѣснѣ все языческое, замѣнившаго въ ней воззванія къ Перуну, къ Дажьбогу и пр. воззваніями къ Пресвятой Богородицѣ, все это, можетъ-быть, дошедшіе до насъ отблески Баянова пѣснотворства... Чѣмъ дальше идетъ лѣтопись, тѣмъ, очевидно, все полнѣе и шире матеріалъ подъ рукой лѣтописца. Попадаются цѣлыя мѣста, просто переписанныя имъ съ свѣтскаго пѣвца, напримѣръ, прелестный разсказъ о гудцѣ, загнанномъ за Кавказскія горы съ толпой половцевъ Владимиромъ Мономахомъ; многія мѣста въ разсказѣ войнъ послѣдняго; въ разсказѣ о Липецкой битвѣ; объ Изяславѣ Мстиславичѣ, и пр.

Но, кромѣ лѣтописей, слѣды этой литературы княжескихъ пѣвцовъ

---

*) Высказываю здѣсь мое предположеніе о внѣшней формѣ „Слова“, потому что вопросъ, какъ оно писано, прозой или стихами, долго занималъ нашихъ критиковъ, и всѣ строили множество догадокъ: собственно тутъ ни проза ни стихи. Мнѣ кажется, что если читать „Слово“ нараспѣвъ, то мы болѣе всего подошли бы къ настоящему дѣлу

**) См. Бестужева-Рюмина „О составѣ русскихъ лѣтописей“.

***) Не странно ли видѣть восхваленіе Ольгиной мести въ христіанскомъ лѣтописцѣ, цѣликомъ переносимое и въ учебники, какъ доказательство ея мудрости.

ощутимы еще въ пѣсняхъ народныхъ. Въ Сборникѣ Рыбникова есть цѣлый отдѣлъ пѣсенъ удѣльнаго періода или княжескихъ. Это, безъ сомнѣнія, творенія княжихъ пѣвцовъ, перешедшія позже въ уста пѣвцовъ народныхъ, въ которыхъ они потеряли свой литературный типъ, приблизясь къ общебылинному складу, перепутались въ собственныхъ именахъ и вообще въ теченіе вѣковъ сгладились въ своихъ особенностяхъ, какъ круглятся и сглаживаются камни, катимые водою. По одному отрывку Волынской лѣтописи мы можемъ, напримѣръ, заключить, что Романъ Галицкій, современникъ Сѣверскихъ князей, воспѣтыхъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, былъ воспѣтъ въ такой же поэмѣ, къ которой принадлежитъ, вѣроятно, и отрывокъ о гудцѣ половецкомъ, и что многое изъ этой поэмы вошло въ лѣтопись. Въ Сборникѣ Рыбникова есть былина „о двухъ Ливикахъ“, въ которой сквозь общія былинныя краски ясно проглядываетъ ея основа—эта пѣснь, и очень еще живо сохранился грозный образъ Романа, хотя онъ вмѣсто Мстиславича и названъ Дмитріевичемъ, и вмѣсто волынскаго или галицкаго, названъ княземъ московскимъ. Наказавъ литовскихъ князей, онъ отпускаетъ ихъ и говоритъ:

„Скажите Цимбалу, королю литовскому,
Что московскій князь Романъ Дмитріевичъ
Старостью не старѣетъ,
Голова его не сѣдатѣетъ,
Сердце его не ржавѣетъ,
Слава ему вѣкъ по вѣку не минуетъ!“

Таково же, вѣроятно, происхожденіе и пѣсни „о Настасьѣ, королевишнѣ Политовской“ и тоже „о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой“, подновленныхъ потомъ въ пѣсни „о Ванькѣ Ключникѣ и князѣ Волконскомъ“; пѣсенъ: „о князѣ Михаилѣ“ (которую г. Чаевъ воспроизвелъ въ своей драмѣ „Свекровь“), „о смерти княгини Михайловны“, и пр.

Нельзя довольно нарадоваться, что хоть одна пѣснь изъ этой литературы—„Слово о полку Игоревѣ“—дошла до насъ! Въ ней одной, можетъ-быть, больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоцѣнныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій! Это голосъ самой жизни, а не судъ наблюдателя надъ ея бурнымъ кипѣніемъ! Одинъ языкъ „Слова о полку Игоревѣ“, кованый, сжатый, сильный, живописный, рисуетъ намъ цѣлое поколѣніе, къ которому принадлежитъ пѣвецъ. И какое это было поколѣніе! Правда, государственная связь областей въ то время рушилась, но не оттого ли и рушилась она, что то былъ вѣкъ могучихъ личностей? Болѣе могучіе между ними не поддались однако, не дали погибнуть государственной идеѣ; одни, какъ Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое-Гнѣздо, о которомъ пѣвецъ говоритъ: „ты можешь Волгу веслами раскропити, а Донъ шеломами выльяти“, уходятъ на лѣсной сѣверъ и, укрѣпляясь тамъ, борются за государственное начало, пытаясь подобрать подъ свою руку князей удѣльныхъ. Другіе, какъ, напримѣръ, Романъ галицкій, „высоко возлетающій въ замыслахъ своихъ, что̀ соколъ, ширяяся на вѣтрехъ, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“, по выраженію пѣвца,—то же замышляетъ на югѣ. Зоркій папа Иннокентій III, ревностнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ стремившійся къ покоренію подъ десницу свою всего христіанскаго міра, разглядѣлъ издали этого Романа и, льстя его честолюбію, обѣщалъ, лишь бы онъ призналъ главенство папы, вѣнчать его королевскою короною и вознести надо всею Русскою землею посредствомъ меча св. Петра: „А такой ли мечъ у папы? — отвѣчалъ Романъ, обнажая свой мечъ и указывая

на него:—доколѣ ношу его при бедрѣ, не нуждаюсь въ иномъ". Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Остромыслъ галицкій, что̀ „горы Угорскія подперъ своими желѣзными палками", и отъ златого престола котораго „по землямъ текутъ грозы"... За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), который навыкъ „отъ юности своея не бояться никого, кромѣ Бога единаго"... За этими князьями стоятъ, пожалуй, менѣе талантливые, но не менѣе крѣпкіе мужи—какъ Святославъ Кіевскій, который возобновилъ времена и славу Мономаха, явясь грозою половцевъ: налетѣвъ словно вихрь, онъ исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ ихъ когана, поганаго Кобяка, и упалъ Кобякъ въ золотую гридню его въ Кіевѣ плѣнникомъ; или какъ Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, со злата стола его былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясу и добылъ-таки опять Кіевъ... Далѣе подрастаетъ Данiилъ галицкій, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой. Этотъ Мстиславъ, между всѣми князьями XII и начала XIII вѣка, какъ-то выходитъ изъ общаго княжескаго склада, является всегда какимъ-то странствующимъ витяземъ земли Русской туда, гдѣ надобно кого-нибудь защитить. „Кланяюсь святой Софіи, гробу отца моего (Мстислава Храбраго) и всѣмъ новгородцамъ: я пришелъ къ вамъ, слыша, что вы терпите насиліе отъ князей: жаль мнѣ стало своей отчины",—говоритъ онъ, являясь въ Новгородѣ. Устроивъ побѣдами дѣла новгородцевъ, онъ уходитъ отъ нихъ, говоря, что „у него есть дѣла на Руси". То идетъ ратью возстановлять попранное право старѣйшинства въ Суздальской землѣ, то ѣдетъ на югъ вырывать Галичъ изъ рукъ венгровъ... Званія великокняжескаго не ищетъ, побѣждаетъ, но волостей не беретъ; воюетъ наконецъ въ Польшѣ и погибаетъ отъ ранъ Богъ знаетъ за какое дѣло!.. Имя этого князя въ лѣтописяхъ часто попадается рядомъ съ именами богатырей. „Вы знаете, каковъ есть Мстиславъ Мстиславичъ, — говорилъ старый бояринъ Андрей Станиславичъ молодымъ князьямъ Юрію и Ярославу Всеволодовичамъ:—вы знаете, что ему отъ Бога храбрость дана паче всѣхъ, и есть у него мужи храбрые зѣло, и великіе богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слышатъ на себѣ ранъ". Между этими богатырями находятся и Александръ Поповичъ со слугою Торопомъ, и Добрыня Рязаничъ Златой Поясъ (которые позже и появились въ былинахъ подъ именами Алеши Поповича со слугою же Екимомъ Ивановичемъ, и Добрыня Никитичъ *). Богатырей особенно много встрѣчается въ лѣтописяхъ этой эпохи; кромѣ двухъ названныхъ, ихъ семьдесятъ человѣкъ убито на Калкѣ. Не по образу ли ихъ сложился этотъ князь? Не связанъ ли былъ съ ними побратимствомъ? И жизнь его не подаетъ ли намъ повода къ разъясненію и того, что̀ такое были эти богатыри, люди Божіи, какъ ихъ называли, богатыри, воспѣтые въ свое время пѣвцами и передавшіе потомъ свои имена миѳическимъ героямъ Солнечной эпопеи?

Вотъ современники „Слова о полку Игоревѣ" и его пѣвца, въ кругу которыхъ приходилось ему пѣть... Я говорилъ только о князьяхъ; но духъ князей жилъ и въ ихъ дружинѣ. Понятно, чтобы пѣть этимъ богатырямъ, чтобы заставить ихъ себя слушать, надобно было имѣть и сродную имъ душу, самому быть этого закала, а закалъ этотъ такъ и звенитъ въ кованомъ языкѣ „Слова"... Но сколько еще чертъ въ этомъ

---

*) Никита—родовое имя любимыхъ народомъ свойственниковъ Іоанновыхъ, бояръ Романовыхъ: не съ этихъ ли временъ оно и привязалось къ Добрынѣ и породнило его съ Владимиромъ? Не Романовы ли вообще послужили къ созданію типа былиннаго боярина, сподвижника Ильи Муромца, такъ какъ вообще та редакція былинъ, въ какой онѣ дошли до насъ, болѣе всего отражаетъ на себѣ время Іоанновъ.

„Словѣ“, которыя возвышали умъ и сердце пѣвца, можетъ-быть, надо всѣмъ его поколѣніемъ.

Кто же такой былъ этотъ пѣвецъ? Увы—извѣстій о немъ нѣтъ... Но вся біографія его — въ его пѣсни... Нерѣдко у нашихъ критиковъ, рядомъ съ этимъ вопросомъ: кто былъ пѣвецъ?—встрѣчается такое размышленіе: „Странно, что пѣвецъ для своей пѣсни избралъ незначительный и несчастный походъ Сѣверскихъ князей, когда, желая воспѣть бои русскихъ съ половцами, онъ могъ бы взять предметомъ своего пѣснопѣнія войны Владимира Мономаха, болѣе громкія и болѣе дающія разгула фантазіи“. Но, во-первыхъ, пѣвецъ, можетъ-быть, и сдѣлалъ очеркъ или поэтическую характеристику войнъ Мономаха въ той же пѣсни объ Игорѣ, судя по его словамъ: „почнемъ же, братіе, пѣснь сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря“, но эта часть его поэмы для насъ потеряна *). Во-вторыхъ, эти войны были, безъ сомнѣнія, въ свое время воспѣты: въ разсказѣ о нихъ лѣтописца сквозятъ и свѣтскія сказанія **). Но главное вопросъ, почему пѣвецъ выбралъ для пѣснопѣнія своего походъ Игоревъ, разрѣшается самою поэмой. Вѣрность, реальность красокъ—эти стаи птицъ, провожающихъ войско; эти клекчущіе орлы, лисицы, брешущія на червленые щиты; эта чудная идиллія бѣгства Игоря, его рѣчь къ Донцу; эти дятлы, ползающіе по вѣтвямъ и тектомъ путь ему указующіе; этотъ вѣтеръ, шатающій вежи половецкія; этотъ скрипъ телѣгъ кочевниковъ, ночью, подобный крику всполошенныхъ лебедей; битва, этотъ буй-туръ Всеволодъ, въ свалкѣ посвѣчивающій своимъ золотымъ шеломомъ, — вся эта живая обстановка, взятая прямо съ натуры — ясно говоритъ, что пѣснь объ Игорѣ не есть риторическое упражненіе на заданную тему. Вы чувствуете, пѣвецъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ похода, да и плѣна, и тамъ, въ плѣну, въ степи, и сложилась въ умѣ его вся поэма. Только тамъ, вдали отъ родины, и долженъ былъ выработаться въ душѣ пѣвца, просвѣтленной несчастіемъ, тотъ объективный, высокій взглядъ на дѣла Руси, страдающей, при единствѣ народа, отъ розни князей; тамъ должно было такъ живо заговорить его чувство любви къ родинѣ и сообщить душу его пѣснѣ. И въ какой же моментъ вдругъ въ его поэмѣ прорывается эта мысль и это чувство? Полки разбиты, Игоря ведутъ въ плѣнъ, и вотъ надъ полемъ битвы появляется миѳическая дѣва-Обида, какъ вопль павшихъ, преслѣдующій князя, увлекаемаго въ плѣнъ. Ясно, что въ этомъ образѣ олицетворены терзанія и укоры Игоря самому себѣ, все, что сказалось въ долгихъ бесѣдахъ у пѣвца съ княземъ въ ставкѣ половецкой, чѣмъ князь такъ полюбился пѣвцу и чѣмъ такъ привлекателенъ въ его пѣсни. Той же мыслью и тѣмъ же чувствомъ освѣщенъ у пѣвца и образъ представителя Руси, великаго князя старца Святослава, на котораго издали устремлены очи плѣнниковъ и отъ котораго они ждутъ себѣ спасенія. „Старику бъ помолодѣть не диво,—говоритъ Святославъ:—да бѣда—въ князьяхъ мнѣ нѣтъ по-

---

*) См. прим. 3.

**) Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ разсказѣ встрѣчаются выраженія, обороты и образы, напоминающіе нашего пѣвца, т.-е. манеру свѣтскихъ пѣвцовъ, напр.: „Половце выступиша яко борове велиціи и тьмами темъ обступали полки русскіе... Полки сразившимися челома тресну акп громъ (*тресну* — вспомнимъ: „кликну, стукну земля“ въ „Сл. о П. Иг.“), и бывшу сступу бранп крѣпце, *Богъ вышній возгрѣ* на иноплеменниковъ съ гнѣвомъ“... Такъ и видишь, что въ мірской пѣснѣ это былъ тотъ же свѣтъ въ борьбѣ со тьмой, его окружившей, и явившійся Богъ вышній былъ Дажьбогъ, помогающій своему внуку... Картина русскихъ плѣнниковъ, влекомыхъ въ степь половцами, изнуренныхъ и уязвляемыхъ на пути терніемъ, спрашивающихъ другъ друга: „ты изъ какого града, ты изъ какого села?“... и множество другихъ мелкихъ чертъ заставляютъ подозрѣвать твореніе княжаго пѣвца предъ глазами лѣтописца, который переводилъ его на свой монастырскій языкъ.

моги". Онъ заклинаетъ ихъ всѣхъ подняться за русскую землю, за Игоревы раны, напоминаетъ имъ идеалъ временъ Мономаха, умѣвшаго направлять всѣхъ князей, всѣ силы Руси, на варваровъ. Во имя этого идеала онъ произноситъ судъ надъ тѣми князьями, которые, какъ полоцкіе, какъ бы выдѣлились изъ единой Руси... Эпизодъ о Ярославнѣ, какъ видѣлъ ее Игорь въ послѣдній разъ на стѣнѣ въ Путивлѣ,—даетъ поводъ пѣвцу очертить ея образъ въ трогательныхъ жалобахъ, въ обращеніяхъ къ вѣтру, къ водѣ и солнцу (замѣтимъ мимоходомъ, что лѣтописецъ заставилъ бы ее обращаться съ молитвой къ Пречистой Дѣвѣ и Божьему заступничеству). Словомъ, все заставляетъ насъ думать, что вся эта пѣснь возникла изъ міра мыслей и чувствъ, тамъ, въ степи, въ плѣну достигшихъ своей высшей напряженности и тѣмъ сдѣлавшихъ для пѣвца этотъ походъ важнѣе всѣхъ прежнихъ, болѣе счастливыхъ войнъ русскихъ князей съ половцами...

Намъ „Слово о полку Игоревѣ" стало извѣстно съ 1795 года, когда отыскалъ его въ одномъ сборникѣ почтенный любитель старины графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Въ 1800 году графъ издалъ текстъ и свой переводъ. Недавно академикомъ Пекарскимъ найденъ въ бумагахъ Екатерины II другой списокъ, сдѣланный графомъ же для императрицы. Къ несчастію, самый сборникъ сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ 1812 года, и мы должны довольствоваться только этимъ спискомъ и изданіемъ Мусина-Пушкина; оригинальный списокъ принадлежалъ XIV столѣтію. Появленіе „Слова" въ печати сдѣлало эпоху въ нашемъ литературномъ мірѣ, особенно когда подлинность этой пѣсни скрѣпилъ своею подписью тогдашній нашъ историческій оракулъ въ Геттингенѣ — Шлецеръ. „У насъ свой Оссіанъ, у насъ были свои барды",—повторялось на тысячи ладовъ. Писались статьи и трактаты, и доказывалось, что „Слово о полку Игоревѣ" удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ героической поэмы; отдѣльно толковали „о чудесномъ", необходимомъ элементѣ героическихъ поэмъ, объ умѣньи пѣвца пользоваться имъ. Но посреди хвалителей явились и скептики, отрицавшіе и Оссіана, и бардовъ, и всякую возможность такого литературнаго произведенія въ древней Руси, и видѣвшіе въ „Словѣ" позднѣйшую поддѣлку; полякъ Годебскій, не обинуясь, объявилъ, что Мусинъ-Пушкинъ самъ сочинилъ эту пѣснь. Находили въ ней анахронизмы. Позже, Сенковскій видѣлъ въ ней даже галлицизмы. Война изъ-за „Слова" особенно разгорѣлась, когда во главѣ скептиковъ сталъ человѣкъ, богатый знаніями—Каченовскій—и перенесъ споръ изъ области эстетики въ область исторіи. Долго споръ былъ неравенъ. Неравенъ онъ былъ, когда Каченовскій царилъ на каѳедрѣ московскаго университета, а графъ Уваровъ привезъ на лекцію его Пушкина. „Вотъ, господа,—сказалъ онъ студентамъ, указывая на Каченовскаго:—вотъ передъ вами наука, а вотъ, — указывая на Пушкина, — само искусство!" Каченовскій сталъ читать лекцію о „Словѣ о полку Игоревѣ" и уничтожать его. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своимъ стихомъ, не выдержалъ и пустился защищать. „Помню,— сказывалъ мнѣ очевидецъ, тогдашній студентъ *), тотъ мой пріятель, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого очерка:—помню, какъ сквозь сѣдины Каченовскаго проступалъ яркій румянецъ, и какъ горѣли глаза Пушкина"... Бой былъ неравенъ, судя по впечатлѣнію пріятеля: онъ и теперь еще, кажется, на сторонѣ профессора,—и немудрено! Пушкинъ угадывалъ только чутьемъ то, что̀ уже послѣ него подтвердила новая

*) Ив. Ал. Гончаровъ.

школа филологіи неопровержимыми данными; но этого оружія она еще не имѣла въ его время, и поэтъ не могъ разорвать хитросплетенной паутины „злого паука“.

Не безъ робости рѣшаюсь напечатать свой трудъ, не смѣя самъ себѣ сказать, что я его кончилъ. Взглядъ, который я рѣшился выразить въ этомъ очеркѣ, взглядъ, ставящій „Слово“ въ гармонію съ его временемъ, мнѣ кажется—единственный, устраняющій возраженія противъ случайности его появленія въ XII вѣкѣ: не знаю, довольно ли ясно и убѣдительно сумѣлъ я его высказать. Рѣшаюсь печатать въ надеждѣ: не удостоятся ли мои четырехлѣтнія занятія „Словомъ“ вниманія и замѣчаній отъ людей болѣе меня знающихъ. Мною принятъ былъ за основаніе сводный текстъ обоихъ списковъ, сдѣланный г. Пекарскимъ. Онъ писанъ въ строку, безъ красныхъ строкъ, безъ дѣленій на главы, введенныхъ прежними издателями. Я старался по возможности сохранить слова и выраженія подлинника; если допускалъ прибавку лишнихъ словъ, то имѣя въ виду одно: вызвать въ умѣ нынѣшняго читателя тотъ образъ, который имѣлъ въ виду пѣвецъ и который возбуждался въ воображеніи его слушателей XII вѣка; пѣвцу для того довольно было двухъ-трехъ чертъ, ибо онъ говорилъ ихъ языкомъ, ихъ метафорами, ихъ понятіями и преданіями. Впрочемъ, эти прибавки касаются почти только однихъ „темныхъ“ мѣстъ „Слова“, которыя каждый толкуетъ по-своему.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Не начать ли нашу пѣснь, о, братья,
Со сказаній о старинныхъ браняхъ,— (1)
Пѣснь о храброй Игоревой рати
И о немъ, о сынѣ Святославлѣ!
И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гоняясь мыслью за Бояномъ!
Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
Быстрой векшей по лѣсу носился, (2)
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орелъ, ширялъ подъ облаками!
Какъ воспомнитъ брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пуститъ
Десять быстрыхъ соколовъ вдогонку:
И какую первую настигнетъ,
Для него и пѣсню пой та лебедь,—
Пѣсню пой о старомъ Ярославѣ ль,
О Мстиславѣ ль, что въ бою зарѣзалъ,
Поборовъ, Касожскаго Редедю,
Аль о славномъ о Романѣ Красномъ...
Но не десять соколовъ то было;
Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
И князьямъ, подъ вѣщими перстами,
Сами струны славу рокотали!..

Поведемъ же, братія, сказанье
Отъ временъ Владимировыхъ древнихъ,
Доведемъ до Игоревой брани,
Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
Наострилъ отвагой храброй сердце,
Распалился славнымъ ратнымъ духомъ
И за землю русскую дружину
Въ степь повелъ на хановъ половецкихъ. (3)
* У Донца былъ Игорь, только видитъ—
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрѣлъ на свѣтлое онъ Солнце—
* Видитъ: Солнце—что двурогій мѣсяцъ,
* А въ рогахъ былъ словно уголь горящій;
* Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;
* У людей въ глазахъ позеленѣло.
* „Не добра ждать,—говорятъ въ дружинѣ.
* Старики поникли головами:
* „Быть убитымъ намъ или плѣненнымъ!“

Князь же Игорь: „Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!
* Но кому пророчится погибель—
* Кто узнаетъ, намъ или поганымъ?
А посядемъ на конѣй на борзыхъ,
Да посмотримъ синяго-то Дону!“
Не послушалъ знаменья онъ Солнца,
Распалясь взглянуть на Донъ великій! (4)
„Преломить копье свое,—онъ кликнулъ,—
Вмѣстѣ съ вами, русичи, хочу я,
На концѣ невѣдомаго поля!
Или съ вами голову сложити,
Иль испить златымъ шеломомъ Дону!“

О, Боянъ, о, вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ бъ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орломъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ долъ на горы, (5)
Воспѣвать бы Игореву славу!

То не буря соколовъ помчала,
То не стаи галчьи побѣжали
Чрезъ поля-луга на Донъ великій...
Ахъ, тебѣ бы пѣть, о, внукъ Велесовъ!..

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги *) красные въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:
„Игорь, братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
А мои осѣдланы ужъ въ Курскѣ!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты подъ бранною трубою,
Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены! (6)
Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
Луки туги, тулы отворёны,

---

*) Стягъ—знамя.

Остры сабли крѣпко отточёны,
Сами скачутъ словно волки въ полѣ,
Алчутъ чести, а для князя славы!..“

И вступилъ князь Игорь во златъ стремень,
И дружины двинулись за княземъ.
Солнце путь ихъ тьмою заступало:
Ночь пришла—та взвыла, застонала,
И грозою птицъ поразбудила.
Свистъ звѣриный всталъ кругомъ по степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая (7)
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебѣ, болванъ Тмутороканскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отвсюду
Отъ телѣгъ ихъ скрипъ пошелъ,—ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Донъ великій держитъ,
А надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками:
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, своимъ зловѣщимъ клектомъ,
По степямъ звѣрье зовутъ на кости...

А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила! (8)

Ночь рѣдѣетъ. Бѣлъ разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекотъ соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

И въ пятокъ то было; спозаранья
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю разсыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, паволокъ и злата,
А мѣшковъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,

Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебряное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.
Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далеко, родное, залетѣло!
„Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебѣ, быстръ соколъ, пестеръ кречетъ,
Ни тебѣ, золъ вòронъ половчанинъ...“
А ужъ Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ навстрѣчу...
И въ другой день, полосой кровавой,
Повѣщаютъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца... (9)
Синія въ нихъ молніи трепещутъ...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы половчанъ поганыхъ!
А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!..
Чу! Ст ибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужъ наносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уже знамена плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ...
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду! (10)
Отовсюду бѣсовы исчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ:
Молча Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны. (11)
Ярый туръ ты, Всеволодъ! Стоишь ты
Впереди съ курянами своими!
Прыщешь стрѣлами на вражьихъ воевъ,
О шеломы ихъ гремишь мечами!
Гдѣ ты, буй-туръ, ни поскачешь въ битвѣ,
Золотымъ посвѣчивая шлемомъ,—
Тамъ валятся головы поганыхъ,

Тамъ трещатъ аварскіе шеломы
Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
Не считаетъ ранъ ужъ онъ на тѣлѣ!
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы княгини,
Той ли свѣтлой Глѣбовны, утѣхи,
Милый ликъ и ласковый обычай! (12)
Были вѣки темнаго Трояна, (13)
Ярослава годы миновали;
Были брани храбраго Олега...
Тотъ Олегъ мечомъ ковалъ крамолу,
Сѣялъ стрѣлы по землѣ по Русской...
Затрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани:
Слышалъ трубы Всеволодъ Великій, (14)
И съ утра въ Черниговѣ Владиміръ
Самъ въ стѣнахъ закладывалъ ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одръ его сложила
На зеленомъ полѣ у Канина... (15)
Палъ младъ князь, палъ храбрый Вячеславичъ,
За его жъ, за Ольгову обиду!
И съ того зеленаго же поля,
На своихъ угорскихъ иноходцахъ,
Ярополкъ увезъ и отче тѣло (16)
Ко святой Софіи въ стольный Кіевъ
И тогда жъ, въ тѣ злые дни Олега,
Сѣялось крамолой и ростилось
На Руси отъ внуковъ Гориславы; (17)
Погибала жизнь Дажьбожьихъ внуковъ,
Сокращались вѣки человѣкамъ...
Въ дни тѣ рѣдко ратаи за плугомъ
На Руси покрикивали въ полѣ;
Только враны каркали на трупахъ,
Галки рѣчь вели между собою,
Далекò почуя мертвечину.
Такъ въ тѣ брани, такъ въ тѣ рати было,
Но такой, какъ Игорева битва,
На Руси не слыхано отъ вѣка!
Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны,

Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси—горемъ!..
Что шумитъ-звенитъ передъ зарею?
Скачетъ Игорь полкъ поворотити...
Жалко брата... Третій день ужъ бьются.
Третій день къ полудню ужъ подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялѣ быстрой разлучились...
Ужъ у храбрыхъ русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Попоили сватовъ да и сами
Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились...
Невеселый часъ насталъ, о, братья!
Ужъ пустыня скрыла поле боя,
Гдѣ легла Дажьбожья внука сила—
Но надъ ней стоитъ ея Обида...
Обернулась дѣвою Обида
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещущи у Дона,
Въ синемъ морѣ плеща, громкимъ гласомъ
О годахъ счастливыхъ поминала: (18)
„Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорятъ: то мое и это!
Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе!
„Залетѣлъ далече ясный соколъ,
Загоняя птицъ ко синю морю,—
А полка ужъ Игорева нѣту!
На всю Русь поднялся вой поминокъ, (19)
Поскочила Скорбь отъ веси къ веси
И, мужей зовя на тризну, мечетъ
Имъ смолой пылающіе роги...
Жены плачутъ, словно причитаютъ:
Ужъ ни мыслью милыхъ намъ не смыслить!

Ужъ ни думой ладъ своихъ не сдумать,
Ни очами намъ на нихъ не глянуть,
Златомъ, серебромъ намъ уже не звякнуть!
„Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ, (20)
Широко печаль течетъ по Руси;
А князья куютъ себѣ крамолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дыму...
А все храбрый Всеволодъ да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпилъ-было его могучій
Святославъ, князь кіевскій великій...
Былъ грозой для хановъ половецкихъ!
Наступилъ на землю ихъ полками,
Притопталъ ихъ холмы и овраги,
Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
Изсушилъ потоки и болота!
А того поганаго Кобяка,
Изъ полковъ желѣзныхъ половецкихъ,
Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья —
И упалъ Кобякъ во стольный Кіевъ,
Въ золотую гридню къ Святославу...
Нѣмцы, греки и венеціяне,
И морава хвалятъ Святослава,
И корятъ всѣ Игоря, смѣются,
Что на днѣ Каялы половецкой
Погрузилъ онъ русскую рать-силу,
Рѣку русскимъ золотомъ засыпалъ,
Да на ней же самъ съ сѣдла златого
На сѣдло кощея *) пересаженъ“.

Въ городахъ затворены ворота. (21)
Пріумолкло на Руси веселье.
Смутенъ сонъ приснился Святославу.
„Снилось мнѣ,—онъ сказывалъ боярамъ,—
Что меня, на кипарисномъ ложѣ, (22)
На горахъ, здѣсь въ Кіевѣ, охъ, чернымъ
Одѣвали съ вечера покровомъ;
Съ синимъ мнѣ виномъ мѣшали зелье;
Изъ поганыхъ половецкихъ туловъ
Крупный жемчугъ сыпали на лоно;

---

*) Кощей—рабъ, плѣнникъ.

На меня, на мертвеца, не смотрятъ,—
Въ терему жъ золотоверхомъ словно
Изъ конька повыскочили доски,—
И всю ночь прокаркали у Плѣнска,
Тамъ, гдѣ прежде дебрь была Кисаня, (23)
Проносясь несмѣтной тучей къ морю"...
Отвѣчали княжіи бояре:
„Умъ твой, княже, полонило горе!
Съ златъ-стола два сокола слетѣли,
Захотѣвъ испить шеломомъ Дону,
Поискать себѣ Тмуторокани.
И подсѣкли половцы имъ крылья,
А самихъ опутали въ желѣза!
Въ третій день внезапу тьма настала!
Оба солнца красныя померкли,
Два столба багряные погасли,
Съ ними оба тьмой поволоклися
И въ небесныхъ безднахъ погрузились,
На веселье ханамъ половецкимъ,
Молодые мѣсяцы, два свѣта—
Володимиръ съ храбрымъ Святославомъ! (24)
На Каялѣ Тьма нашъ Свѣтъ покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнѣзда!
Ужъ хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Дивъ повергнулся на землю,
Радъ, что дѣвы готскія запѣли
По всему побрежью синя моря!
Золотомъ позваниваютъ русскимъ,
Прославляютъ Бусовы побѣды (25)
И лелѣютъ месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тутъ дружинѣ!"
Изронилъ тогда, въ отвѣтъ боярамъ,
Святославъ изъ устъ златое слово,
Горючьми слезами облитое:
„Дѣтки, дѣтки, Всеволодъ мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогіе! (26)
Не въ пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни побѣдой ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалыя
На огнѣ искованы на лютомъ,

Во отвагѣ буйной закалёны!
Что̀ теперь вы, дѣти, сотворили
Съ сѣдиной серебряной моею?
Нѣтъ со мной ужъ брата Ярослава! (27)
Онъ ли сильный, онъ ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!—
А его могуты и татраны,
Топчаки, ревуги и ольберы,
Тѣ съ ножами, безъ щитовъ, лишь кликомъ,
Бранной славой прадѣдамъ ревнуя,
Побѣждаютъ полчища и рати...
Вы жъ возмнили: сами одолѣемъ!
Всю сорвемъ, что̀ въ будущемъ есть, славу,
Да и ту, что̀ добыли ужъ дѣды!..
„Старику бъ помолодѣть не диво!
Вьетъ гнѣздо соколъ и птицъ взбиваетъ,
Своего гнѣзда не дастъ въ обиду,
Да бѣда — въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помоги!
Времена тяжелыя настали: (28)
Крикъ въ Ромнахъ подъ саблей половецкой!
Володимиръ ранами изъязвленъ,
Стонетъ, тужитъ Глѣбовичъ удалый...
Что̀ жъ ты, княже, Всеволодъ великій! (29)
И не въ мысль тебѣ перелетѣти,
Издалека поблюсти столъ отчій?
Могъ бы Волгу веслами разбрызгать,
Могъ бы Донъ шеломами расчерпать,
Будь ты здѣсь, да половцевъ толпою
Продавали бъ—дѣвка по ногатѣ,
Смердъ-кощей по рѣзани пошелъ бы!
Вѣдь стрѣлять и по суху ты можешь—
У тебя живые самострѣлы—
Двое братьевъ, Глѣбовичей храбрыхъ! (30)
„Ты, буй Рюрикъ, ты, Давидъ удалый! (31)
Вы ль съ дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычатъ по степи,
Словно туры, раненые саблей!
Ой, вступите въ золотое стремя,
Распалитесь гнѣвомъ за обиду
Вы за землю Русскую родную,
За живыя Игоревы раны!
„Остромыслъ ты вѣщій, Ярославе... (32)
Высоко на золотомъ престолѣ

Возсѣдаешь въ Галичѣ ты крѣпкомъ!
Подперъ ты своей желѣзной ратью,
Что̀ стѣной, Карпатскія угорья,
Заградивъ для короля дорогу,
Затворивъ ворота на Дунаѣ,
Черезъ тучи сыпля горы камней
И судя до самаго Дуная!
И текутъ отъ твоего престола
По землямъ на супротивныхъ грозы...
Отворяешь въ Кіевѣ ворота,
Мечешь стрѣлы за земли въ салтановъ!..
Ахъ, стрѣляй въ поганаго кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живыя Игоревы раны!..
„Ты, Романъ, съ своимъ Мстиславомъ вѣрнымъ! (33)
Смѣло мысль стремитъ вашъ умъ на подвигъ!
Ты, могучій, въ замыслахъ высоко
Возлетаешь, что̀ соколъ ширяя
На вѣтрахъ, надъ вѣрною добычей...
Грудь у васъ изъ-подъ латинскихъ шлемовъ
Вся покрыта кольчатою сѣткой!
Передъ вами трепетали земли,
Потрясались Хиновскія страны,
Деремела жъ, половцы съ литвою
И ятвяги палицы бросали
И во прахъ кидались передъ вами!
Свѣтъ, о, князь, отъ Игоря уходитъ! (34)
Не на благо листъ спадаетъ съ древа!
По Роси, Сулѣ врагъ грады дѣлитъ,
А полку ужъ Игорева нѣту!
Донъ зоветъ, Романъ, тебя на подвигъ,
Всѣхъ князей сзываетъ на побѣду,
А одни лишь Ольговичи вняли
И на брань, на зовъ его, доспѣли...
„Ингварь, Всеволодъ, и вы, три брата,
Вы, три сына храбраго Мстислава, (35)
Не худа гнѣзда птенцы крылаты!
Отчинъ вы мечомъ не добывали—
Гдѣ же ваши шлемы золотые?
Аль ужъ нѣтъ щитовъ и ляшскихъ палицъ?
Заградите острыми стрѣлами
Ворота на Русь съ широкой степи!
Потрудитесь, князи, въ полѣ ратномъ,

Всѣ за землю Русскую родную,
За живыя Игоревы раны!..
„Ужъ не той серебряной струею
Потекла Сула къ Переяславлю,
И Двина уже пошла болотомъ,
Взмущена врагомъ, подъ грозный Полоцкъ!
Услыхалъ и Полоцкъ крикъ поганыхъ!
Изяславъ булатными мечами
Позвонилъ одинъ о вражьи шлемы,
Да разбилъ лишь дѣдовскую славу,
Самъ сраженъ литовскими мечами
И изрубленъ на травѣ кровавой
Подъ щитами красными своими!
И на томъ одрѣ на смертномъ лежа, (36)
Самъ сказалъ: „Вороньими крылами
Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину,
Полизать звѣрямъ ея далъ крови!“
И одинъ, безъ брата Брячислава,
Безъ другого Всеволода-брата,
Изронилъ жемчужную онъ душу;
Изронилъ, одинъ, изъ храбра тѣла,
Сквозь свое златое ожерелье!..
И поникло въ отчинѣ веселье,
Въ Городнѣ трубятъ печально трубы...
„Всѣ вы, внуки грознаго Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И въ ножны мечи свои вложите:
Вы изъ дѣдней выскочили славы!
Въ вашихъ сварахъ первые вы стали
Наводить на отчій край поганыхъ!
И отъ васъ не лучше половецкихъ,
Таковы жъ насилья были Руси! (37)
Загадалъ о дѣдинѣ любезной
Тотъ Всеславъ, на Кіевъ жребій бросилъ,
На коня вскочилъ онъ и помчался,
Да лишь древкомъ копія добился
До его престола золотого! (38)
Въ ночь бѣжалъ оттуда лютымъ звѣремъ,
Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
Утромъ билъ ужъ стѣны въ Новѣградѣ,
Ярослава славу порушая...
Проскочилъ оттуда сѣрымъ волкомъ,
Отъ Дудутокъ на рѣку Нѣмигу... (39)
Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ,

Человѣчьи головы кидають!
Не цѣпами молотятъ, мечами!
Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
Охъ, не житомъ сѣяны, костями
Берега кровавые Нѣмиги,
Все своими русскими костями!..
Днемъ Всеславъ суды судилъ народу
И ряды рядилъ между князьями,
Въ ночь же волкомъ побѣжитъ, бывало,
Къ пѣтухамъ въ Тмуторокань поспѣетъ,
Хорсу путь его перебѣгая! (40)
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонятъ у полоцкой Софіи,
Онъ же звонъ у кіевской ужъ слушалъ.
А хотя и съ вѣщею душою
Былъ, великій, въ богатырскомъ тѣлѣ, (41)
Все жъ бѣды терпѣлъ-таки не мало!
Про него и спѣлъ Боянъ припѣвку:
Будь хитеръ-гораздъ, летай хоть птицей,
Все суда ты Божьяго не минешь!
„Охъ, стонать землѣ великой Русской,
Про князей воспоминая давнихъ,
Вспоминая прежнее ихъ время!
Да нельзя жъ вѣдь было пригвоздити
Ко горамъ ко Кіевскимъ высокимъ
Старика Владимира навѣки!
По рукамъ пошли его знамена (42)
И ужъ розно машутъ бунчуками,
Розно копья пѣть пошли по рѣкамъ!“ (43)

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ, въ землѣ незнаемой, поутру
Ранымъ-рано ласточкой щебечетъ: (44)
„По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ,
Оботру кровавы раны князю
На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ!..“
Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ-рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
„Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!

Въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь, вѣешь—развѣваешь
На ковыль-траву мое веселье...“
Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ-рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
„Ты ли, Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой Славутичъ!
По землѣ прошелъ ты Половецкой,
Пробивалъ ты каменныя горы!
Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
До земли Кобяковой носилъ ихъ...
Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
Чтобъ мнѣ словъ не слать къ нему съ тобою
По сырымъ зорямъ на сине море!..“
Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
„Свѣтлое, тресвѣтлое ты Солнце, (45)
Ахъ, для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
Что жъ ты, Солнце, съ неба устремило
Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...“

Сине море прыснуло къ полночи.
Мглой встаютъ, идутъ смерчи морскіе:
Кажетъ богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.
Погасаютъ сумерки сквозь тучи...
Игорь спитъ, не спитъ, крылатой мыслью
Мѣритъ поле ко Донцу отъ Дона.
За рѣкой Овлуръ къ полночи свищетъ,
По коня онъ свищетъ, повѣщаетъ:
Выходи, князь Игорь, изъ полона.
Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи, (46)
И шатаетъ вежи половецки:
Шелеститъ-шуршитъ ковыль высокій,
И шумитъ-гудитъ земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстра добра коня садится;
По лугамъ Донца что волкъ несется;

Что̀ соколъ летитъ въ сырыхъ туманахъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.
Что̀ соколъ летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что̀ сѣръ волкъ Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужъ лихихъ коней давно загнали.
Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ, (47)
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тѣктомъ путь къ рѣкѣ казуютъ.
Соловьинъ свистъ зори повѣщаетъ...
Говоритъ Донецъ: „Охъ, князь ты Игорь!
Величанья жъ ты себѣ да добылъ,
А Кончаку всякаго проклятья,
Русской всей землѣ свѣтла̀ веселья!“
Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь:
„Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебѣ да будетъ величанье,
Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
Зелену траву мнѣ стлалъ въ постелю
На своемъ серебряномъ побережьѣ,
Теплой мглою на меня ты вѣялъ
Подъ темно̀й зеленою ракитой;
Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,
На струяхъ—чиркомъ, на вѣтрахъ—чайкой...
Вотъ Стугна, о, Донче, не такая! (48)
Какъ пожретъ-попьетъ ручьи чужіе,
По кустамъ, по доламъ разольется...
Ростислава-юношу пожрала,
На Днѣпрѣ жъ, на темномъ побережьѣ,
Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ;
Пріуныли съ жалости цвѣточки,
Дерева съ печали приклонились...“

Не сороки—чу!—застрекотали:
Ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ въ злу погоню.
Молвитъ Гзакъ Кончаку на погонѣ:
„Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
Ужъ млада̀ сокóлика не пустимъ,
А поставимъ друга въ чистомъ полѣ,
Разстрѣляемъ стрѣлами златыми“.
И въ отвѣтъ Кончакъ ко люту Гзаку:

„Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
Сокольца опутаемъ потуже
Крѣпкой цѣпью—красною дѣвицей". (49)
Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку слово молвитъ:
„Коль опутать красною дѣвицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной намъ дѣвицы;
А ихъ дѣтки бить почнутъ насъ въ полѣ,
Здѣсь же, въ нашемъ полѣ половецкомъ".

Стародавнихъ былей пѣснотворецъ, (50)
Ярослава пѣвшій и Олега,
Такъ-то въ пѣснѣ пѣлъ про Святослава:
„Тяжело главѣ безъ плечъ могучихъ,
Горе тѣлу безъ главы разумной".
И землѣ такъ горько было Русской
Безъ удала Игоря, безъ князя...
Анъ на небѣ солнце засвѣтило:
Игорь-князь въ землѣ ужъ скачетъ Русской.
На Дунаѣ дѣвицы запѣли;
Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.
Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держитъ,
Ко святой иконѣ Пирогощей.
Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
Всѣ князей поютъ и величаютъ,
Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ;
Воспоемъ и мы: свѣтъ-Игорь—слава!
Буй-туръ-свѣту-Всеволоду—слава!
Володимиръ Игоревичъ—слава!
Святославу Ольговичу—слава!
Вамъ на здравье, князи и дружина,
Христіанъ поборцы на поганыхъ!
Слава князьямъ и дружинѣ!
Аминь.

Объяснительныя примѣчанія къ тексту „Слова о полку Игоревѣ“.

(1) См. прим. 3.

(2) *Растекается мыслію по древу.* Я принялъ толкованіе тѣхъ, которые читаютъ здѣсь *мысью*, а не *мыслью*, и по *древу* перевелъ: по лѣсу. Но это, кажется, не такъ. *Во-первыхъ:* что̀ касается до *древа*, я думаю, что здѣсь должно разумѣть не лѣсъ, не дерево, а совсѣмъ другой образъ. По всей вѣроятности, пѣвецъ тутъ имѣлъ въ виду то миѳическое дерево, которое, по преданіямъ всѣхъ арійскихъ народовъ, росло въ царствѣ боговъ, наверху небеснаго свода, вѣтвями внизъ. По скандинавскимъ сагамъ, по этому дереву бѣгала съ земли на небо бѣлка (молнія), принося Одину вѣсти изъ сего міра. На вѣтвяхъ этого дерева растутъ золотыя яблоки (звѣзды), съ листьевъ каплетъ благотворная влага (роса), изъ-подъ корней бьютъ источники мѣдный, золотой и серебряный. Это преданіе лежитъ въ основѣ всѣхъ сказокъ о золотыхъ яблокахъ (см. Аѳанасьева „Поэтич. воззр. славянъ на природу“, т. II, гл. XVII). Въ одномъ изъ великорусскихъ заклинаній встрѣчается тотъ же образъ: „На морѣ на Окіянѣ (на небѣ), на островѣ на Буянѣ, стоитъ бѣлая береза, внизъ вѣтвями, вверхъ кореньями“... („Зап. Геогр. Общ.“ по отдѣленію этнографіи, т. II, 1869, стр. 479).

То же миѳическое древо слѣдуетъ понимать и тамъ, гдѣ говорится о Дивѣ: *„Дивъ кличетъ врху древа“* и *„уже вржеся Дивъ на землю“*. Взлетѣвъ на это древо, ночью, Дивъ кличетъ на всю незнаемую землю (степь), на Сулу и Волгу, на весь Новороссійскій, Донской и Прикаспійскій край, на все свое царство. Чтобы передать то, что̀ воображалъ пѣвецъ въ этомъ кликѣ Дива, я передалъ это мѣсто такъ:

Высоко поднявшися по древу.

Точно также и въ характеристикѣ пѣсни Бояна было бы согласнѣе съ представленіемъ пѣвца перевести такъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
Бѣгалъ векшей, на небо, по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что̀ орелъ ширялъ подъ облаками.

Во-вторыхъ: едва ли слѣдуетъ считать за описку въ фразѣ: *растекается мыслію по древу* слово: *мыслію* и поправлять: *мысью*, т.-е. *бѣлкой*, векшей. Если понимать, что древо есть то миѳическое древо, о которомъ я говорилъ, то не мудрено, что пѣвецъ сказалъ: Боянъ мыслію возносился въ царство боговъ по этому небесному древу; это тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ пѣвецъ прямо называетъ это древо *мысленымъ*, *„скача словію по мыслену дрезу“*.

При такомъ толкованіи было бы еще вѣрнѣе выразить мысль пѣвца стихомъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
Мыслью въ небо возлеталъ по древу, и пр.

(3) Что въ дошедшемъ до насъ спискѣ XIV вѣка въ этомъ мѣстѣ есть пропускъ, и весьма значительный—замѣчено уже г. Соловьевымъ (Ист. Россіи, т. III, стр. 110 и прим. 226, 3-го изд.). Пѣвецъ хочетъ начать *повѣсть сію* отъ стараго *Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истяну умъ* и пр., а о Владимирѣ далѣе ни слова, и тотчасъ послѣ общаго риторическаго приступа *(иже истяну умъ)* начинается: *Тогда Игорь взрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты и рече*... Когда же это *тогда?* послѣ чего? Ясно, что здѣсь не только недостаетъ разсказа о Владимирѣ, но и повѣствованіе объ Игорѣ начинается не съ начала: его слова, непосредственно за симъ слѣдующія, *„и рече: лучежъ бы потяту быти, неже полонену быти“*, очевидно, тоже отвѣтъ на что-то. Въ лѣтописи разсказъ дополняется. Въ дружинѣ—безпокойство; говорятъ Игорю, что затменіе—худое знаменіе. Тогда отвѣтъ его понятенъ. Поэтому въ переводѣ своемъ я это мѣсто дополнилъ изъ лѣтописи нѣсколькими стихами, обозначивъ звѣздочками это заимствованіе. Не былъ ли весь этотъ эпизодъ изложенъ слишкомъ по-язычески (не являлся ли тутъ самъ Дажьбогъ)?—отчего онъ и могъ быть выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XIV вѣка.

Фразу: *начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню*, г. Соловьевъ объясняетъ такъ: сочинитель не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода Сѣверскихъ князей, но хочетъ предпослать ему старыя слова; эти же слова хочетъ изложить такъ, какъ пишутъ повѣсти теперь, т.-е. въ его время (по былинамъ сего времени), а не „по замышленію Боянову“, т.-е. не такъ, какъ замышлялъ, задумывалъ, сочинялъ Боянъ.

(4) *Спала умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго.* Спала—т.-е. охватила, древне-чешское spadnosti; похоть—страсть, жалость—рвеніе.

(5) *Рища въ трону Трояню.*

Что̀ такое Трояпъ, упоминаемый четыре раза въ „Сл. о п. И.“,—вопросъ, еще не разрѣшенный нашими учеными. Изъ множества толкованій я остановился на тѣхъ данныхъ, которыя приводятъ г. Буслаевъ и г. Аѳанасьевъ, и вывелъ слѣдующее заключеніе:

Разсматривая „Слово“ и ища въ немъ самомъ какихъ-нибудь оттѣнковъ или намековъ, которые пояснили бы сколько-нибудь это выраженіе, я остановился на одномъ признакѣ, который можно принять уже за нѣчто положительное. Это именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, говоря, что дѣва Обида вступила *на землю Трояню*, пѣвецъ продолжаетъ: она восплескала лебедиными крыльями *у Дону* плещучи...—Изъ этихъ словъ ясно географическое указаніе, что земля Трояня находится у Дона; вся эта мѣстность въ другихъ мѣстахъ „слова“ называется *поле незнаемое, земля незнаемая;* она же есть и поле Половецкое, по-нынѣшнему, степь. Посмотримъ далѣе, какими красками она описывается. При выступленіи въ походъ тамъ *„Дивъ кличетъ вьрху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ*—Вълзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый болванъ“... что̀ дополняетъ объемъ земли Трояновой. Далѣе: идутъ *черныя тучи*, хотятъ *прикрыть четыре солнца* (князей); вѣтры, *Стрибожьи внуки*, вѣютъ съ моря; дѣти *бѣсовы* кликомъ поля прегородиша... Бояре Святославовы говорятъ, что тамъ два солнца *померкли* и съ ними молодые мѣсяцы: на рѣкѣ Каялѣ *тьма* свѣтъ покрыла; повергнулся *Дивъ* на землю... Изъ

всѣхъ этихъ признаковъ видно, что въ „незнаемой“ (она же Трояня) землѣ царствуетъ тьма, черный Дивъ, рыщутъ бѣсовы дѣти — половцы, вѣютъ Стрибожьи внуки, словомъ, что тамъ все враждебно руси, тамъ все злое, темное: по нынѣшнему народному выраженію, тамъ живетъ нечистая сила, всяческіе страхи, это дивья земля. Въ противоположность ей, этой землѣ, эпическіе эпитеты Русской земли рисуютъ послѣднюю *свѣтлою* Русской землей, гдѣ царствуетъ свѣтлый князь Красное-Солнышко, впослѣдствіи — бѣлый царь. Таковою, т.-е. свѣтлою, представлялась въ языческій періодъ земля Дажьбожьихъ внуковъ, но принятіи христіанской вѣры сдѣлавшаяся крещеною, православною землею. Точно такой взглядъ на всѣ чуждыя, языческія, „дивіи“ земли сохранился у русскаго народа и гораздо позже, и очень опредѣленно высказался онъ въ житіяхъ святыхъ, удалявшихся въ мѣста дикія, гдѣ они вели борьбу съ царствовавшею тамъ нечистою, темною силою.

Итакъ, Трояня земля будетъ незнаемая, обитаемая погаными дѣтьми бѣсовыми, исполненная враждебныхъ Руси темныхъ силъ. Это разъясненіе поможетъ намъ понять и вѣка Трояновы. Тутъ можетъ быть два толкованія. Во-первыхъ: до поселенія своего на Руси славяне могли считать занятую ими землю тоже дикою, тѣмъ же царствомъ Дажьбожьяго врага Трояна, и *вѣки Трояни* будутъ означать темныя времена, предшествовавшія ихъ пришествію въ эту землю. Вспомнимъ въ стихѣ о Егоріи храбромъ его пришествіе на Русь, представляющуюся ему дикою и не устроенною: онъ раздвигаетъ лѣса дремучіе, горы толкучія, велитъ рѣкамъ течь, вмѣсто людей встрѣчаетъ чудовищъ, волковъ съ человѣческими лицами, дѣвъ, обросшихъ древесною корою... Это темное царство, куда входитъ свѣтъ-Егорій. Въ этой картинѣ должно, я думаю, видѣть, какъ представлялась Русь славянамъ до ихъ пришествія, въ видѣ темнаго царства, гдѣ царилъ Троянъ.— Другое толкованіе можетъ быть такое: если въ эпоху пѣвца Игорева начали перепутываться языческія понятія съ христіанскими, то царство темныхъ силъ на Руси онъ могъ считать продолжавшимся до крещенія земли и, говоря: „были вѣки Трояни, минули лѣта Ярославли“, различаетъ такимъ образомъ языческую эпоху съ христіанскою. Въ сущности оба толкованія разнятся только опредѣленіемъ пункта, съ котораго считать свѣтлыя времена, съ пришествія ли славянъ или съ Ярослава, но, вѣроятно, и пѣвецъ не имѣлъ тутъ яснаго представленія.—Все доселѣ сказанное, безъ всякой, кажется, натяжки, вытекаетъ изъ воззрѣній пѣвца: но, не имѣя какихъ-нибудь еще положительныхъ указаній о томъ, какое было у славянъ лѣтоисчисленіе до христіанства, по одному наведенію невозможно опредѣлить, что̀ значитъ выраженіе: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни“, тѣмъ болѣе, что и самое мѣсто, гдѣ оно приводится, очевидно, весьма плохо разобрано и самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ: въ Екатерининскомъ спискѣ, въ этомъ мѣстѣ, вмѣсто *Трояни* стоитъ *Золни*. Зато: „рыща въ *трону Трояню* чрезъ поля на горы“ объясняется ужъ очень легко: пѣвецъ обращается къ Бояну и говоритъ: „тебѣ бы воспѣть эти полки, свивая славы обаполы сего времени, т.-е. тебѣ бы, Боянъ, пѣть эти полки, съ древнею славою свивая новую, и рыща по дорогамъ незнаемымъ, рыща по степи, изъ края въ край, обозрѣвая всю степь, все, что̀ тамъ происходило, и что̀ дѣлалъ Игорь, и какъ ополчалась на него темная сила“.

Кто̀ же такой этотъ Троянъ, именемъ котораго называется незнаемая, дикая земля? Въ отвѣтъ на это есть два толкованія, наиболѣе серьезныя. Во-первыхъ, въ сербскихъ легендахъ, приведенныхъ г. Буслаевымъ и поясненныхъ г. Аѳанасьевымъ, Троянъ представляется духомъ тьмы, а именно владыкой подземнаго царства, убѣгающимъ отъ Солнца: разъ онъ не успѣлъ укрыться и растаялъ... Сближая эти сказанія со сходными съ ними греческими и скандинавскими, г. Аѳанасьевъ выводитъ, что у славянъ имя

Трояна обозначаетъ великана—мракъ. „Какъ воплощеніе ночного мрака и тумановъ, Троянъ является съ захожденіемъ солнца и обнимаетъ землю, прекрасную супругу свѣтлаго Неба (или Солнца), но при разсвѣтѣ дня... онъ исчезаетъ“ („Поэт. воззр. сл.“, ч. II, стр. 644). Кромѣ нашего „Слова“ и сербскихъ и болгарскихъ преданій, Троянъ упомянутъ у насъ въ двухъ другихъ памятникахъ—въ „Словѣ и откровеніи святыхъ апостолъ“ (по рукописи XVI вѣка) и въ „Хожденіи по мукамъ Пресв. Богородицы“ (по рукописи XVII вѣка): тамъ между нашими языческими божествами исчислены: Перунъ, *Троянъ*, Хорсъ, Велесъ. Вообще такое пониманіе Трояна, какое изложено выше, какъ нельзя болѣе подтверждается смысломъ всего „Слова о п. Иг.“. Это борьба свѣта, Дажьбожьихъ или Солнцевыхъ внуковъ, храбрыхъ русичей, съ тьмою, съ погаными, съ Чернымъ Дивомъ, съ бѣсовскими сынами.

Другое мнѣніе: полагаютъ, что этотъ Троянъ есть не кто иной, какъ римскій императоръ Траянъ. Но историческимъ Траяномъ объясняются ли всѣ четыре мѣста „Слова“, гдѣ упомянутъ Троянъ, и соотвѣтствуетъ ли онъ тому представленію земли Трояней, вѣковъ Троянихъ, которое я старался возстановить изъ словъ самого пѣвца? Во-первыхъ, земля Трояня у Дону и вѣка Трояни на Руси до Ярослава—заставляютъ допустить фактъ, никогда не бывалый, именно—вѣру въ пѣвцѣ и его современникахъ, русскихъ, въ то, что римскій Траянъ господствовалъ въ южной Россіи вплоть до рѣки Дона и дальше, до Каспія, надъ всею незнаемою землею и по Сулѣ, и по Волгѣ, и пр.; что это владычество тянулось очень долгое время, которое пѣвецъ обозначаетъ вѣками Трояновыми, продолжая это господство и до Всеслава или, по крайней мѣрѣ, до Брячислава Полоцкаго, ибо къ которому-нибудь изъ нихъ относится выраженіе: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни“. По этому толкованію тропа Трояня будетъ via Trojana или валъ Трояновъ въ Бессарабіи и въ Кіевской губерніи: зачѣмъ рыскать по этому валу, чтобы воспѣть Игоря, ходившаго въ другую сторону, не понимаю.

Впрочемъ, можно согласить оба толкованія: отъ историческаго Траяна, пожалуй, могло перейти въ славянскій эпосъ только его имя (какъ позже у насъ имя Вольги (Олега), Ильи Муромца, Егорія Храбраго); какъ имя враждебнаго лица, оно попало не на божество свѣтлое, а на темное. На имя это можно, пожалуй, смотрѣть, какъ на слѣдъ столкновенія славянъ въ землѣ даковъ и гетовъ съ Римомъ или съ Траяномъ; но въ воображеніи современниковъ „Слова“, безъ сомнѣнія, съ его именемъ не соединялось ничего римскаго, оно представлялось просто названіемъ темнаго бога, враждебнаго Дажьбогу, какъ противоположность Чернобога Бѣлбогу.

(6) Въ Старшей Эддѣ, во второй пѣснѣ о Гельгѣ, этотъ герой, говоря о своихъ подвигахъ, между прочимъ, выражается такъ: „я сдѣлалъ это, когда въ Брагалундрѣ недавно травилъ медвѣдей и орловъ кормилъ съ копья“, т.-е., по изъясненію Гримма, „билъ враговъ и тѣлами ихъ насыщалъ орловъ“. Гриммъ, изъясняя это мѣсто, вспоминалъ выраженіе о курянахъ „Слова о п. И.“:—„Конецъ копья въскорѣмлени“, и прибавляетъ: „такъ какъ въ походѣ копья употреблялись вмѣсто вплокъ“.

(7) *Дивъ кличетъ връху древа:*—см. пр. 2. Все это мѣсто представляетъ великолѣпную картину Тьмы (или Трояна), ополчающейся на сыновъ Солнца, на Дажьбожьихъ внуковъ. *Болванъ Тмутороканскій:* изъ словъ бояръ Святославовыхъ (см. ниже) можно заключить, что цѣлью похода Игорева было завоеваніе Тмуторокани, города на Таманскомъ полуостровѣ: подъ именемъ же Болвана Тмутороканскаго не разумѣется ли какая-нибудь статуя въ этомъ городѣ, остатокъ временъ, когда по всему Черноморію процвѣтали греческія поселенія?

(8) *О Русская земле! Уже за Шеломянемъ еси долго: ноль мрькнетъ, заря свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ*

галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, и проч.

Слово *шеломя*—въ Архангельской губерніи и теперь означаетъ холмъ. Г. Вельтманъ полагаетъ, что здѣсь разумѣются Гребенныя горы, по правую сторону Донца, противъ рѣки Калитвы. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не опредѣленъ путь Игоря. Ни рѣки Сальницы, ни Каялы, ни Сюурлія на картахъ не находится. Подъ общимъ именемъ Шеломя здѣсь не слѣдуетъ ли разумѣть водораздѣлъ между рѣками, текущими на востокъ въ Донъ и на западъ въ Донецъ, до сліянія послѣднихъ?

Ночь мркнетъ и пр. Обыкновенно эту картину принимаютъ за изображеніе ночи; мнѣ кажется, напротивъ, здѣсь собраны признаки ранняго утра. Померкнуть—говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значитъ угаснуть; но вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ и потерять свой цвѣтъ, полинять, поблѣднѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражаетъ убыль, ущербъ. Слѣд. „ночь меркнетъ“ значитъ, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, т.-е. стало свѣтать. *Заря-свѣтъ запала*—переводятъ: заря медлитъ; скорѣе занялась, какъ мы говоримъ: лучъ запалъ въ этотъ мракъ. *Мъгла поля покрыла*—поднялся утренній туманъ (ниже: обѣсися синѣ мглѣ). *Щекотъ славій успе:* соловьи поютъ ночью,—тутъ же май мѣсяцъ, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки ранняго утра.

Поля прегородиша. Что хотѣлъ нарисовать пѣвецъ словами: „прегородиша поля“ здѣсь и ниже: „дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша, а храбрые русичи чрълеными щиты“,—лучше всѣхъ объяснено Шишковымъ. Перегородили поля, т.-е. раздѣлили, разрѣзали поле на двѣ части, направо и налѣво, растянувшись по полю красною полосой—красною отъ своихъ червленыхъ щитовъ. Вѣроятно, смотрящему издали, съ высоты, на тогдашнее русское войско болѣе всего бросался въ глаза красный цвѣтъ его щитовъ. Щиты же въ походѣ везли на возахъ и, только изготовляясь къ бою, разбирали ихъ. Здѣсь мы и видимъ, что они съ утра выстроились къ бою, который сейчасъ же и послѣдовалъ: *потопташа русичи поганыхъ.*

(9) *Четыре солнца*, т.-е. четыре Дажьбожьи внука, четверо князей, участвовавшихъ въ походѣ: Игорь и Всеволодъ Святославичи, Владиміръ, сынъ этого Игоря, и Святославъ Ольговичъ, его племянникъ.

(10) *Отступиша.* Вм. отступиша должно быть обступиша (Снегиревъ, Вельтманъ).

(11) Ср. прим. 7. Шишковъ такъ изъясняетъ это мѣсто: „Половцы, прегради поле, т.-е. растянувшись по всему оному, съ крикомъ бросились на русскихъ, которые въ молчаніи противопоставили имъ щиты свои“.

(12) Изображая подвиги Всеволода, пѣвецъ вездѣ говоритъ: прыщеши *стрѣлами,* гремлешь *мечами;* поскреблены шеломы аварскіе *саблями отъ тебя...* Съ перваго разу странно, отчего сабли, мечи стоятъ во множественномъ числѣ? Но тутъ слѣдуетъ понимать такъ, что Всеволодъ рыщетъ посреди сражающихся, окруженный храброю дружиной. *Кая раны дорога, братіе* и пр. Выраженіе не легко объяснимое. Эрбенъ полагаетъ, что слѣдуетъ читать здѣсь не *раны*, а *рать*, и передастъ такъ все мѣсто: какой же былъ то дорогой бой, что про него забылъ онъ (Всеволодъ) и „чти и живота и града Чернигова“, и пр. Но это едва ли можно принять.

(13) Все это отступленіе есть одно изъ темныхъ и наиболѣе запутанныхъ толкованіями мѣстъ „Слова“. Чтобы его понять, я старался прежде всего опредѣлить отношенія пѣвца къ княжескимъ родамъ, и пришелъ къ заключенію, что онъ въ своемъ воззрѣніи стоитъ гораздо выше, чѣмъ составитель лѣтописи, который, сводя разныя сказанія сторонниковъ Мономаховичей и Ольговичей, выписываетъ изъ тѣхъ и другихъ какъ бы механически—отчего у него и выходитъ, что Богъ и Пресвятая Богородица помогаютъ то Ольговичу, то Мономаховичу. Пѣвецъ же безъ особеннаго

пристрастія смотритъ на всѣ поколѣнія князей; онъ не сторонникъ Мономаховичей, да и не сторонникъ Ольговичей. Онъ упоминаетъ о старомъ Владимирѣ (въ которомъ, по всѣмъ наиболѣе достойнымъ уваженія изслѣдователямъ, какъ, напр., г. Соловьевъ, разумѣютъ Мономаха), говоритъ о немъ, какъ объ идеалѣ князя: „того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы“ (его внуковъ). Во-вторыхъ, въ характеристикѣ князей (см. ниже) пѣвецъ восхваляетъ его потомковъ: Всеволода Суздальскаго, Рюрика и Давида, троихъ сыновей Мстислава храбраго, Романа Волынскаго. Точно также прославляетъ и Ольговичей за храбрость: Святослава Кіевскаго, его брата Ярослава, наконецъ Игоря и Всеволода, героевъ поэмы, Олега же положительно винитъ въ бѣдствіяхъ Русской земли: онъ мечомъ ковалъ крамолу, сѣялъ стрѣлы по землѣ. Такимъ образомъ мы видимъ у пѣвца взглядъ на дѣла Руси широкій и осмысленный; точка его опоры, съ которой онъ произноситъ судъ свой—есть благо земли, единство народа, страдающаго отъ княжескихъ усобицъ (см. прим. 16).

Что̀ касается собственно до эпизодовъ изъ жизни Олега, пѣвецъ здѣсь имѣетъ въ виду слѣдующее событіе: по смерти братьевъ Всеволодъ и Изяславъ Ярославовичи подѣлили, какъ старшіе, ихъ удѣлы и посадили тамъ своихъ сыновей, устранивъ племянниковъ. Изъ послѣднихъ двое, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, пошли изъ Тмуторокани добывать себѣ своихъ отчинъ у дядей. Въ происшедшемъ сраженіи при Нежатиной нивѣ, по разысканію гг. Снегирева и Максимовича, близъ села Канина, были убиты Борисъ и великій князь Изяславъ (см. ниже 13, 14, 15 и 16).

Были вѣци Трояни: т.-е. были вѣки, когда Троянъ, мракъ, царствовалъ до прихода сыновъ солнца-Дажьбога по всей землѣ, которая уже по занятіи ими и сдѣлалась свѣтлою. До тѣхъ поръ и она была темная, незнаемая, Троянова (см. подробнѣе прим. 5).

(14) *Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволодъ: а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ...* Для большей ясности я, вмѣсто общаго выраженія: *ступаетъ въ златъ стремень* (Олегъ), сказалъ: „протрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани“. Всеволодъ, сидѣвшій въ Переяславѣ, ближе къ Тмуторокани, слышалъ *звонъ*, т.-е. вѣсть о походѣ Олега, а Владимиръ, занимавшій Черниговъ, на который претендовалъ Олегъ, съ утра *уши закладаше.* Обыкновенно толкуютъ, что онъ зажималъ свои уши; выходила безсмыслица. Здѣсь *уши* не означаютъ органъ слуха, а малыя калитки, какія дѣлывались въ стѣнахъ, по бокамъ большихъ воротъ. Въ такомъ смыслѣ толкуется извѣстный текстъ: „скорѣй верблюдъ пройдетъ въ иглиныя уши, чѣмъ богатый внидетъ въ царствіе небесное“, т.-е. скорѣй пройдетъ верблюдъ въ малыя калитки, которыя у евреевъ и назывались „игольныя уши“, а эти ворота закладывались закладками, что̀ дѣлалъ и Владимиръ, ежеминутно ожидая нападенія Олега.

(15) *И на канину зелену паполому постла.* Г. Снегиревъ въ объясненіе приводитъ изъ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1152 г.: „поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновь, и сташа у Гуричева, близъ города, перешедше Канинь“.

(16) Еще спорное мѣсто, которое объясняется открытіемъ значенія слова Канина. Въ текстѣ ошибочно постановлено вм. Канины или Канини—Каялы, и, кромѣ того, вм. Ярополка поставленъ Святополкъ: подобное смѣшеніе именъ весьма часто встрѣчается въ текстѣ, на что я укажу въ своемъ мѣстѣ (см. прим. 24). Эти очевидныя теперь ошибки переписчиковъ подали поводъ къ толкованію, которое нарушаетъ связь и цѣлость всей рѣчи объ Олегѣ, а именно думали, что здѣсь говорится будто бы о Святополкѣ Изяславичѣ, который увезъ тѣло тестя своего Тугоркана съ битвы на Каялѣ; но эта битва была гораздо позже. Здѣсь идетъ рѣчь все

о той же битвѣ при Каяпнѣ; Изяславъ былъ убитъ, и сынъ его Ярополкъ былъ при немъ въ сраженіи; другой же сынъ Святополкъ въ это время находился въ Новгородѣ.

(17) *Тогда при Олеѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами.* Я принялъ толкованіе г. Вельтмана, что здѣсь слово Гориславличи означаетъ потомковъ Рогнѣды отъ ея сына Изяслава, полоцкихъ князей Брячислава, Всеслава и его потомковъ. Гориславою, по словамъ лѣтописи, названа Рогнѣда за то, что много горя *приняла сама*; Олегъ же, какъ именно утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе землѣ Русской (см. прим. 13). Одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Невозможно сказать, напр., многострадальный и о томъ, кто много страдалъ, и о томъ, кто много причинилъ страданій другимъ. Какого вѣка логика позволитъ сказать: Іовъ многострадальный и многострадальный Неронъ?.. Поэтому мѣсто это правильнѣе передать: „при томъ же Олегѣ еще и Гориславичами (т.-е. и отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами, губилось добро Дажьбожьихъ внуковъ, сокращались вѣки человѣковъ“ и пр. Но, возразятъ мнѣ тѣ, которые задались мыслью, что пѣвецъ нашъ—черниговскій пѣвецъ, и Олега онъ назвалъ Гориславичемъ, сочувствуя его бѣдамъ. Но тогда зачѣмъ же пѣвецъ винитъ его въ бѣдствіяхъ земли (см. прим. 13)? Да и почему онъ черниговскій сторонникъ? Если онъ и былъ изъ княжьихъ пѣвцовъ, то у сѣверскихъ князей, а это ужъ другая, младшая линія Ольговичей, не очень дорожившая черниговскими интересами и вообще державшаяся какъ-то въ сторонѣ. Черниговскимъ же сторонникомъ и сочли пѣвца, главное, на основаніи этого худо понятого слова „Гориславичи“, отнеся его къ Олегу.

(18) Этотъ эпизодъ явленія Дѣвы-Обиды до сна Святославова есть, на мой взглядъ, одно изъ самыхъ капитальныхъ мѣстъ поэмы; но сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія его я до сихъ поръ не видалъ. Предлагаю свою догадку, основанную на психологическомъ значеніи этого прекраснаго поэтическаго образа. Текстъ гласитъ такъ: „Уже пустыня силу прикрыла, встала Обида въ силахъ Дажьбожья внука. Вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ у Дону плещущи, убуди жирня времена; усобица княземъ на поганыя погыбе“ и пр. Что̀ такое это за великолѣпный образъ Дѣвы-Обиды? Что̀ она выражаетъ и для чего выведена?—Во-первыхъ, ясно, что она принадлежитъ не къ темному міру Трояна, не къ враждебному Диву, нѐ къ половецкой сторонѣ, а является на сторонѣ русичей, ибо встала „въ силахъ Дажьбожья внука“. Далѣе сказано, что она вступила въ землю Трояню *у Дону*, т.-е. на половецкую землю у Дона, а у Дона (или близъ Дона) послѣ сраженія была только одна сила-рать Игорева, и то побитая. Слѣдовательно дѣва является надъ полемъ битвы, гдѣ лежало побитое войско Игоря. Какое же значеніе имѣетъ образъ лебединой дѣвы? Обращаясь къ источнику нашей древней миѳологіи, къ арійскимъ преданіямъ, мы находимъ въ нихъ вѣрованіе, что души умершихъ возносятъ въ царство свѣта, въ звѣздные предѣлы, дѣвы съ лебедиными крылами. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ тоже лебединыхъ дѣвъ, но значеніе ихъ опредѣлить трудно; можно догадываться только, что древнее значеніе ихъ, какъ крылатыхъ духовъ, народъ перенесъ потомъ на ангеловъ, приносящихъ и уносящихъ на небо души людей. Въ памятникахъ скандинавскихъ образъ этихъ дѣвъ является гораздо опредѣленнѣе и имѣлъ свое развитіе: небесныя дѣвы, прилетавшія принимать души павшихъ героевъ, являются тамъ въ образѣ дѣвъ-воительницъ, валкирій, олицетворявшихъ самую битву и разные ея моменты, отъ которыхъ и получили разныя названія, напр., Гильдра-Битва, Рандгрита и пр. Кажется, объясненіе Дѣвы-Обиды слѣдуетъ искать въ рядѣ представленій этого рода, т.-е. какъ дѣвы, явившейся надъ

давшею ратью и олицетворявшей чувство ея позора, ея вопль о мести, ея укоры виновнику пораженія. Но кто же могъ болѣе чувствовать этотъ позоръ? Конечно, переживший виновникъ онаго — Игорь. Такимъ образомъ эта дѣва получаетъ уже характеръ личный; психологическая сторона этого образа будетъ дума Игоря, ведомаго въ плѣнъ, дума, преслѣдующая его, дума о томъ, что тамъ, за нимъ, лежитъ эта погубленная имъ сила-рать, которую уже не для него *пустыня прикрыла*, т.-е. она скрылась уже изъ глазъ его. И въ самомъ дѣлѣ, все послѣдующее мѣсто до сна Святослава звучитъ укоромъ Игорю, слѣдовательно все тѣсно связано съ образомъ Дѣвы-Обиды и тѣмъ даетъ ему смыслъ и объясняетъ ее. Да и въ текстѣ нисколько не отдѣляется явленіе дѣвы отъ этой тирады. Никто не оспариваетъ, что фраза: „убуди жирня времена“ относится къ ней; слѣдующая за ней: „усобица княземъ на поганыя погыбе“ и пр. непосредственно съ нею вяжется, какъ дальнѣйшее ея развитіе. Вложена ли пѣвцомъ въ уста этой дѣвы вся эта укорительная тирада, или перефразируетъ ее пѣвецъ своими словами,—угадать трудно, но смыслъ ясенъ, что она, т.-е. эта тирада, относится къ Игорю; иными словами, что это его дума, его укоры себѣ: „далече зайде соколъ, птицъ бія, къ морю!.. Тіи бо два храбрая Святославича Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди... Нѣмцы и Венедицы... хвалятъ Святослава... каютъ игоря, иже погрузи жиръ въ Каялѣ“... да тутъ же „и высѣде изъ злата сѣдла въ сѣдло Кощіево“... Это все звучитъ горькою ироніей, все это долженъ былъ думать Игорь, влекомый въ плѣнъ.

Сравненіе этого мѣста съ соотвѣтствующимъ ему въ лѣтописи еще болѣе убѣждаетъ меня въ лирическомъ значеніи этой тирады; тотчасъ за разсказомъ о плѣненіи князей лѣтописецъ помѣстилъ у себя длинную рѣчь Игоря, укоры, которые онъ себѣ дѣлаетъ, только лѣтописецъ излагаетъ ихъ, конечно, въ религіозномъ духѣ: „помянухъ азъ грѣхи своя передъ Господомъ... не мало зло подѣяша безвинніи христіане отлучаеми отъ отецъ роженій своихъ, братъ отъ брата“ и пр.

Обращаю еще вниманіе на художественное значеніе этой тирады, придающей драматическій интересъ Игорю: не разъ замѣчали, что пѣвецъ больше хвалитъ Всеволода, чѣмъ Игоря, и Всеволодъ потому скорѣе могъ бы быть названъ главнымъ героемъ поэмы, ибо игорь какъ бы совсѣмъ въ ней пропадаетъ. Пѣвецъ однако назвалъ свою поэму пѣснью объ Игорѣ, значитъ, считалъ его главнымъ лицомъ; это такъ и выйдетъ, если мы возвратимъ его герою все, чѣмъ возвысилъ его поэтъ, вложивъ главную мысль своей поэмы въ душу Игоря. Такимъ образомъ возстановляется плѣнительный, осмысленный образъ Игоря, передъ которымъ блѣднѣетъ храбрый Всеволодъ... Въ томъ мѣстѣ, которое называютъ плачемъ Ярославны, окажется еще другая, нѣжная, сердечная сторона этого князя, сообщающая ему особенную привлекательность, и, прочтя поэму, мы поймемъ, почему она названа пѣснью объ Игорѣ.

(19) Это мѣсто такъ стоитъ въ текстѣ: „*за нимъ* (за падшимъ полкомъ Игоревымъ) *кликну Карнаижля* (въ Екат. спискѣ: Карна и Жля) *поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ*“ (въ Екат. сп.: *смагу людямъ мычючи*). Обыкновенно понимаютъ, что за ними (т.-е за побитыми полками?) половецкіе ханы карна и Жля кликнули и поскочили по Русской землѣ, стрѣляя греческимъ огнемъ... Уже г. Вельтманъ разбилъ этихъ хановъ, показавъ, что лѣтописи почти слово въ слово повторяютъ выраженіе пѣвца; а тамъ сказано: „и тако въ день Воскресенія (Господь) наведе на ны *плачь* и *жаль* на рѣцѣ Каялѣ“. Въ Ипатьевской лѣтописи: „въ радости мѣсто наведе на ны плачь, а веселье мѣсто *желю*“. Итакъ, одинъ изъ хановъ пропадаетъ съ объясненіемъ словомъ *жля*, которое есть то же, что лѣтописное *желя*, *жаль*, жалость, скорбь. Но, если Жля—не ханъ, то очевидно и товарищъ его Карна тоже не изъ половец-

кихъ кагановъ. И въ самомъ дѣлѣ, вм. *Карна* должно читать: карья или карьба, отъ глагола *карити*, плакаться, причитать по умершимъ (см. Востокова „Ц.-Слав. словарь"). Слѣдовательно и выйдетъ: кликнули поминанія и жалость, плачъ, печаль, скорбь поскочила по Русской землѣ. Остается теперь покончить съ греческимъ огнемъ. Сдѣлавъ предположеніе, не разумѣется ли здѣсь какой-нибудь обычай при поминкахъ или тризнахъ языческихъ, оставшійся еще въ XII вѣкѣ отъ временъ сожиганія тѣлъ, я въ эту сторону направилъ свои поиски и нашелъ у Терещенка слѣдующее: „Въ Силезіи, въ Польшѣ, въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ народъ ходилъ марта 1-го съ зажженными факелами на кладбища и приносилъ жертвы усопшимъ". У г. Аѳанасьева этотъ обычай лужичанъ поясненъ: „Весною въ воскресенье четвертой недѣли поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, лужичане ходятъ на Тодесбергъ, съ зажженными факелами, поминаютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: „смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!" Славонцы ходятъ 1-го марта. Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія, запаливаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и употребленіе свѣчъ при поминкахъ извѣстны съ глубочайшей древности" (Аѳан. Воззр., т. III, стр. 205, 206). Прибавлю къ этому еще, что въ Бѣлоруссіи, какъ мнѣ сказывали, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ день поминовенія всѣхъ усопшихъ, 1-го ноября (по католическому обряду), совершались процессіи на кладбища послѣ службы, причемъ каждый изъ прихожанъ несъ зажженную свѣчу. Извѣстно, что въ древности тѣла мертвыхъ у насъ сожигали: вывелось сожженіе тѣлъ, но присутствіе съ огнемъ на похоронахъ и поминкахъ осталось. Поэтому разсматриваемое мѣсто въ „Словѣ" надо понимать такъ: „По падшимъ кликнули поминки, причитанія, и скорбь поскочила по Русской землѣ, меча людямъ (т.-е. мужамъ) зажженные факелы". Въ текстѣ стоитъ: *смагу* мычучи: не описка ли это вмѣсто *смолу?* Впрочемъ, и *смага* означаетъ жаръ. Такимъ образомъ Карья и Желя олицетворены здѣсь въ образахъ, родственныхъ Дѣвѣ-Обидѣ, и изображаютъ разные виды бѣдствія, какъ у скандинавовъ валкиріи изображаютъ разные моменты боя.

Принявъ это, найдемъ строгую послѣдовательность рѣчи и красокъ въ этомъ мѣстѣ у пѣвца, ибо, вслѣдъ за картиной мужей съ факелами, о женщинахъ говорится: „жены въсплакашась, аркучи"... Остановлю вниманіе читателя на красотѣ всей этой языческой картины скорбныхъ поминокъ по падшимъ воинамъ храбраго полка Игорева и на томъ, что вся эта картина рисуется въ воображеніи Игоря...

(20) Въ текстѣ: *„а въстона бо, братіе, Кіевъ"*... Я выше сказалъ (въ прим. 17), что вся эта тирада объясняетъ смыслъ или характеръ Дѣвы-Обиды, влагаетъ ли пѣвецъ ее въ уста самой дѣвы, или разъясняетъ ее своими словами. Если бы здѣсь не было слово *братіе*, я, не усомнясь, утверждалъ бы первое, т.-е., что тирада говорится отъ лица ея.

(21) Забрало, кромѣ извѣстной части шлема, значитъ еще: *стѣна, башня.*

(22) *На кроватѣ тисовѣ.* Это не тесовая кровать, а изъ тиса (taxus if). Въ подлинникѣ: *нѣгуютъ мя;* по толкованію г. Прахова, здѣсь должно быть: негодовахуть мя. Въ извѣстномъ евангельскомъ выраженіи: *камень, его же небрегоша зиждущіи, той бысть во главу угла*, вмѣсто словъ: *его же небрегоша,* стоятъ въ древнихъ спискахъ: *его же негодоваша*—на который не обращали вниманія, котораго не считали достойнымъ вниманія, на который и не смотрѣли; въ лѣтописяхъ нашихъ также попадается выраженіе: негодовать кого-либо—пренебрегать кѣмъ, не обращать на него вниманія; предложеніе это стояло, очевидно, подъ титломъ и притомъ, вѣроятно, невѣрно было написано (ѣ): него(х)уть мя или нѣго(х)уть мя; смыслъ, слѣдовательно, былъ: не обращали на меня никакого вниманія,

какъ будто бъ меня и нѣтъ совсѣмъ въ гридницѣ. Князь разсказываетъ сонъ дурного знаменованья: одѣвали меня (одѣвахуть мя),—говоритъ онъ,—погребальнымъ покровомъ, сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ (сыпахуть ми жемчугъ—слезы) и распоряжались (т.-е. всѣ эти зловѣщія тѣни сна) въ моемъ покоѣ, какъ будто бъ меня тутъ и не было, какъ это бываетъ съ находящимся при послѣднемъ издыханіи, если не совсѣмъ мертвымъ (и негодовахуть мя). *(Объясненіе М. В. Прахова).*

Сыпахуть ми тьщими тулы поганыхъ тлъковинъ женчюгъ на лоно. Толковины—кочевники: здѣсь разумѣть должно половцевъ, ибо отъ нихъ пришли Святославу слезы, прообразуемыя жемчугомъ.

(23) Многочисленныя толкованія этого выраженія: *дебрь Кисаня*, помоему, всѣ неудовлетворительны: я оставилъ его, какъ оно стоитъ въ подлинникѣ. *Босуви врани* сближаю съ босымъ или бусымъ волкомъ (см. ниже)—темные, черные. *И не сошлю къ синему морю*—по зам. А. Ѳ. Гильфердинга, *и несошася.*

Болѣе всѣхъ остроумно чтеніе М. А. Максимовича: „Всю ночь съ вечера на Бусовицѣ (Бусова гора) враны каркали; у Плѣньска на болони (т.-е. на заливномъ лугу) сдѣлалась дебрь (провалы, овраги), а Кіяне (вм. Кисаня) сошли къ синему морю", т.-е. ушли, бросили городъ. Въ этомъ смыслѣ послѣдніе четыре стиха Святославова сна можно бы измѣнить такъ:

„Во всю ночь на Бусовицѣ враны
До утра прокаркали; у Плѣньска
Вмѣсто луга стала дебрь, провалы,
Кіевляне жъ внизъ ушли всѣ, къ морю".

(24) Въ текстѣ стоитъ: *Олегъ* и *Святославъ*, и названы они молодыми мѣсяцами, въ означеніе младшихъ князей: это ошибка. Два солнца—Игорь и Всеволодъ; два мѣсяца — Владиміръ (а не Олегъ) Игоревичъ и Святославъ Ольговичъ. Фразу: „и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинови", стоящую въ подлинникѣ непосредственно за предложеніемъ: „По Русской земли простошася половци, акы пардруже гнѣздо",—я перенесъ выше, къ словамъ о Владиміръ и Олегѣ, по соотвѣтствію времени глаголовъ: *поволокоста, погрузиста* (указаніе г. Прахова). *Море* же понимать здѣсь надобно, думаю, въ смыслѣ *неба*, т.-е. въ небесныхъ безднахъ (Аѳан., т. II, гл. XVI).

(25) *Бусовы* побѣды: Бусъ или Боусъ—предводитель половцевъ въ первое ихъ нашествіе въ 1054 г.; *Шаруканъ* былъ разбитъ русскими князьями въ 1111 году. Выраженіе—*Готскія дѣвы* напоминаетъ о томъ, что внутренняя часть Крыма называлась Готіей, такъ какъ тамъ жили еще остатки готовъ, зашедшихъ сюда около VI-го вѣка.

(26) Сыновцы: Всеволодъ и Игорь были двоюродные братья Святославу Всеволодовичу Кіевскому, но онъ, какъ старѣйшій, былъ имъ „во отца мѣсто".

(27) „Нѣтъ со мной ужъ брата Ярослава" и пр. Такъ я передалъ слова текста: „А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава". *Власть* здѣсь не значитъ *область;* его Черниговская область не пропадала, онъ не терялъ ея; кажется, здѣсь разумѣется могущество, сила, войско. По заключенію г. Максимовича, здѣсь имѣется въ виду двукратный отказъ Ярослава итти вмѣстѣ съ братомъ (Святославомъ) на половцевъ въ 1184 и въ 1185 годахъ. Смыслъ тотъ, что „Ярославъ мнѣ не помощникъ, что̀ очень жаль великому князю, ибо дружина Ярославова, состоящая изъ черниговскихъ былей и другихъ удальцовъ, беретъ въ храбрости примѣръ съ дѣдовъ, а вы, Игорь и Всеволодъ, возмнили: сдѣлаемъ все сами". Слово *были* производятъ отъ боляринъ и полагаютъ,

что имъ означалась знатная молодежь, отправлявшаяся служить какому-нибудь князю, туда, гдѣ война. Вѣроятно, такого рода удальцы стекались подъ знамена князей изъ разныхъ мѣстностей: таковы, вѣроятно, и названные въ текстѣ вслѣдъ за черниговскими былями Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги, Ольбѣры. Названія эти не объяснены.

(28) См. прим. 43.

(29) Владимиръ Глѣбовичъ Переяславскій—сынъ Глѣба Юрьевича, слѣдовательно племянникъ Всеволода Юрьевича Суздальскаго; вотъ почему Святославъ и обращается прямо къ послѣднему, какъ къ родному дядѣ Владимира. *Аще бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Чага*—плѣнница; *кощей* — плѣнникъ, рабъ, но, кажется, преимущественно изъ половцевъ. *Ногата* и *рѣзана*—монеты. (Прим. г. Тихонравова).

(30) „Ты бо можеши по суху живыми *шереширы* стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы". Это дѣти Глѣба, рязанскіе князья, бывшіе уже въ зависимости отъ Всеволода Суздальскаго; сказавъ уже о его походахъ по рѣкамъ, пѣвецъ говоритъ: „ты можешь и по суху стрѣлить". Живыми *шереширы:* шереширъ—слово не объясненное. По персидски шере-ширъ значитъ *левъ свирѣпый.* Я принялъ толкованіе, помѣщенное въ „Изв. Моск. Унив." 1866 — 67 года, № 2, стр. 168, что „Не есть ли это греческое σαρίσσα, что̀ значитъ *стрѣла,* съ византійскимъ уменьшительнымъ окончаніемъ ἀρι, ἀριον. Въ средневѣковой латыни есть слово saresa, saresonium—копье".

(31) *Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша. Ваю:* это родит. пад. двойств. числа, личнаго мѣстоимѣнія второго лица. *Плаваша*—третье лицо множ. числа. Не должно ли подразумѣвать подлежащее „дружины"?

Оба эти Рюрикъ (ум. 1195 г.) и Давидъ (ум. 1197 г.)—сыновья Ростислава Мстиславича, правнуки Владимира Мономаха.

(32) Ярославъ (ум. 1188 г.) Галицкій, сынъ Владимира Володаревича; Володарь—братъ ослѣпленнаго Василька, внука Владимира, старшаго сына Ярослава Великаго. Онъ названъ въ „Словѣ" Осмомысломъ: г. Вельтманъ полагаетъ, что это худо прочтенное слово Остромыслъ, что̀ гораздо правдоподобнѣе. Въ обращеніи къ Ярославу есть одно непонятное выраженіе: меча *времени* черезъ облаки. Г. Вельтманъ читаетъ „бремены", такъ принято и г. Тихонравовымъ; чешскій ученый г. Яромиръ Эрбенъ въ своемъ чешскомъ переводѣ понимаетъ здѣсь метаніе камней пращами; мною принято его толкованіе. *Стрѣляеши солтани за землями;* г. Дубенскій замѣчаетъ, что галичане могли участвовать къ крестовыхъ походахъ вмѣстѣ съ уграми.

(33) „А ты, буй Романе и Мстиславе!" Все обращеніе къ Роману есть мѣсто, наиболѣе затруднявшее переводчиковъ; поэтому считаю нужнымъ подробнѣе высказать, какъ я его понялъ. Первое, что̀ сбивало съ толку, это то, что пѣвецъ говоритъ здѣсь то въ двойственномъ, то въ единственномъ числѣ, отчего нѣкоторые полагаютъ, что стоящее въ единственномъ числѣ должно быть переставлено выше, въ воззваніе къ Ярославу, а именно, фраза: *высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.* Но образъ, рисующійся здѣсь, никакъ нельзя отнести къ Ярославу, довершившему уже свое дѣло, а напротивъ, онъ скорѣе всего подходитъ къ мужу въ разгарѣ силъ; и именно скорѣе виденъ здѣсь намекъ на планы Романа, который хотѣлъ въ южной Руси сдѣлать то же, что̀ Всеволодъ на сѣверѣ, т.-е. собрать ее подъ одну свою руку („см. Исторію" Соловьева и еще письмо Романово у Татищева). Но, кромѣ этого внутренняго несоотвѣтствія, мнѣ кажется, и надобности нѣтъ въ этой перестановкѣ; стоитъ только опредѣлить, кто этотъ Мстиславъ, поставленный рядомъ съ Романомъ. Это не Мстиславъ Храбрый, умершій

до похода Игорева, въ 1173 году: не сынъ его Мстиславъ Удалой, вышедшій на арену позже похода: первое о немъ извѣстіе относится къ 1193 году. Г. Максимовичъ весьма основательно указываетъ на Мстислава Пересопницкаго; первое о немъ извѣстіе встрѣчаемъ въ 1183 году по поводу участія его въ половецкомъ походѣ; умеръ же онъ въ 1226 г., двумя годами раньше Мстислава Удалого и двадцатью однимъ годомъ позже Романа. О немъ Волынскій лѣтописецъ говоритъ, что на Калкѣ онъ устремился спасать Даніила Романовича: „бѣ бо мужъ крѣпокъ...“ и „велику любовь имѣя къ отцю его“, т.-е. къ Роману. Изъ этихъ данныхъ видимъ, что онъ былъ моложе Романа. Въ „Словѣ“ онъ является его товарищемъ въ войнахъ съ Деремелой, ятвягами, Литвою и половцами: очевидно, это былъ храбрый князь, но великихъ замысловъ въ немъ не замѣтно, и скорѣе онъ похожъ на подручника Романова. Вотъ почему, когда говорится о храбрости, о военныхъ дѣлахъ, пѣвецъ обращается къ обоимъ; когда же говоритъ о замыслахъ, о починѣ—къ одному, и именно Роману. Такъ, похваливъ храбрость обоихъ, пѣвецъ обращается уже къ одному Роману, призывая его искать славы на Дону: „Донъ ти, княже, кличетъ“.

„*Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многы страны хинова*“. Папорзи—г. Тихонравовъ объясняетъ: верхняя часть брони, которую надѣвали на перси, на грудь. Шевыревъ и Максимовичъ говорятъ, что это крылья (отъ слова: папоротокъ). Но въ томъ и другомъ случаѣ предлогъ *подъ* возбуждаетъ сомнѣніе: можно ли сказать подъ шеломомъ нагрудникъ? Этакъ можно сказать, что и шпоры подъ шеломомъ; крылья тоже — какъ могутъ быть подъ шеломомъ? Очевидно, что папорзи—это какая-нибудь принадлежность шелома: мнѣ кажется, что желѣзная сѣтка, прикрѣпляющаяся къ нижней части шелома и падающая на грудь, ближе всего удовлетворяетъ смыслу. Латинское вооруженіе у Романа не объясняется ли тѣмъ, что онъ воспитывался при дворѣ Казимира Справедливаго, польскаго короля, жена котораго Елена была дочь Всеволода Бельзскаго? Съ помощью же поляковъ онъ овладѣлъ Галичемъ. Но является еще сомнѣніе. Папорзи—точно ли это часть вооруженія? Сообразимъ первое предложеніе: „суть бо у ваю желѣзныя папорзи...“ со слѣдующимъ за нимъ: „Тѣми тресну земля... Литва, Деремела и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ *тыи* мечи харалужныи“. *Тѣми тресну земля:* подъ папорзами? Подъ частью брони? Не особые ли латники въ желѣзной бронѣ здѣсь разумѣются? Да и мечи харалужные какъ будто бы ихніе, т.-е. что подъ ихъ мечами главы свои преклонили Литва, Деремела и пр.

(34) „Нъ уже, княже, Игорю утрпѣ солнцу свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе сронило“. См. прим. 43.

(35) Ингварь (ум. 1202 г.) и Всеволодъ—сыновья Ярослава Изяславича Луцкаго, внука Мстислава I. У Ярослава Луцкаго было четверо сыновей, но въ то время (въ 1185 г.) двое были, вѣроятно, еще малолѣтніе, судя по годамъ, когда всѣ они женились: Всеволодъ—въ 1167 г., Ингварь—въ годъ смерти отца—въ 1180, Изяславъ—только въ 1195, а Мстиславъ—въ 1224 г. Вотъ почему пѣвецъ призываетъ только двоихъ старшихъ. „Три Мстиславичи“ составляли некомое, которое различно опредѣлялось изслѣвателями. По-моему, здѣсь разумѣются три сына Мстислава Храбраго: Мстиславъ, впослѣдствіи названный Удалымъ (ум. 1224 г.), Владиміръ и Давидъ (ум. 1214 г.), князья еще молодые. „*Не худа гнѣзда шестокрильцы*“: кажется, пѣвецъ употребилъ это слово шестокрыльцы вмѣсто *птенцы*.

(36) „И схотию на кровать, и рекъ: Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ“. Мѣсто очень темное. Трудно опредѣлить: сочувственно относится пѣвецъ къ Изяславу Васильковичу, или не исключаетъ и его изъ общаго нерасположенія своего къ полоцкимъ князьямъ? Этотъ вопросъ рѣшится

только въ томъ случаѣ, когда будетъ опредѣлено, самъ ли Изяславъ говорилъ о своей дружинѣ, въ видѣ укора себѣ, или посторонній то приговоръ надъ нимъ. Въ первомъ случаѣ—пѣвецъ за него, во второмъ—противъ. Я принялъ въ первомъ смыслѣ, основываясь на словѣ *рекъ*—3-е лицо ед. ч., и на трогательномъ изображеніи его смерти. *И схоти ю:* я принялъ по толкованію г. Вельтмана: *схити и*, взяли его, положили на кровать.

(37) Мѣсто, очевидно, плохо разобранное: *Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седмомъ вѣцѣ Трояни* (въ другомъ спискѣ Зояни). *На седьмомъ вѣцѣ Трояни:* въ прим. 5 я сказалъ, что безъ особенныхъ данныхъ о лѣтосчисленіи на Руси языческой этого мѣста объяснить нельзя. Г. Дубенскій такъ переводитъ текстъ: „ибо вы своими крамолами наклікали поганыхъ на землю Русскую на время Всеславово: и отъ нихъ то же насиліе, которое терпятъ на Руси отъ земли половецкой", объясняя его такъ: „отъ восточныхъ границъ заднѣпровскихъ княженій поэтъ обращается къ сѣвернымъ и тамъ указываетъ на другихъ враговъ—литовцевъ".

(38) *„Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кіеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго"*. Г. Вельтманъ полагаетъ, что въ рукописи было *клюками*, и читаетъ подколѣпками. Г. Соловьевъ и Шевыревъ принимаютъ „клюками", говоря, что это деревянныя стремена, хотя у князей всегда видимъ въ Словѣ златъ-стремень. Что бы ни значило это слово, картина не выясняется. Точно также и *„стружіемъ дотчеся"*. *О дѣвицю любу* г. Вельтманъ читаетъ: *о дѣдину любу*, разумѣя дѣдовское наслѣдство, что мнѣ кажется весьма правдоподобно.

(39) *Нѣмига* принимается за Нѣманъ; но г. Вельтманъ полагаетъ, что это рѣчка Нѣмига, впадающая въ Свислочь въ Минскѣ. Дубенскій думаетъ, что здѣсь разумѣется не битва Ярославичей со Всеславомъ, а вообще битвы русскихъ съ Литвой и западомъ.

(40) Въ текстѣ „Великому Хрсѣви", Хорсу.

(41) „Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ" я принялъ чтеніе *въ дрзѣ тѣлѣ*.

(42) „Сего бо (Владимира) нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидови". Я выпустилъ собственныя имена, оставивъ только общій смыслъ. Въ слѣдующей фразѣ: „нъ рози нося имъ хоботы пашутъ" я послѣдовалъ чтенію Л. А. Мея: розно у нихъ хвостами машутся. *Копіа поютъ на Дунаи:* Дунай я принялъ въ общемъ значеніи рѣки, какъ у насъ поется въ пѣсняхъ.

(43) Здѣсь оканчивается „злато слово слезами смѣшено" старца Святослава. Такъ его понимали всѣ первые издатели, переводчики и толкователи. Но впослѣдствіи времени вздумали его укорачивать и ограничили однимъ приступомъ. Л. А. Мей оканчиваетъ ее тамъ, гдѣ у меня стихъ:

Стонетъ-тужитъ Глѣбовичъ удалый.

Г. Гербель—тоже. Г. Вельтманъ. Максимовичъ (въ малороссійскомъ переводѣ) и Деларю еще ранѣе, по моему тексту, стихомъ:

Времена тяжелыя настали!

Князь П. П. Вяземскій прерываетъ на стихѣ:

А полка ужъ Игорева нѣту!

За симъ все послѣдующее воззваніе къ князьямъ неизвѣстно кѣмъ говорится и является какъ лирическое мѣсто, которое объясняютъ тѣмъ, что тутъ пѣвецъ „въ порывѣ лирическаго одушевленія" забываетъ и оставляетъ уже своихъ героевъ, и самъ отъ своего лица начинаетъ взывать къ

князьямъ. При этомъ гг. Гербель и Вельтманъ прерываютъ и этотъ лиризмъ, чтобъ объявить въ двухъ строчкахъ, что наступила осень, и что уже „Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе сронѝ“ (причемъ г. Вельтманъ въ текстѣ поправляетъ, вм. *не бологомъ*, читая *по болотамъ*). Послѣ краткаго объявленія о наступленіи осени опять продолжается воззваніе. Такой перерывъ органически невозможенъ. Эта осень—не болѣе, какъ фигуральный языкъ пѣвца, именно, чтобы побудить Романа, онъ говоритъ устами Святослава: Игорь погибаетъ, не на благо отпадетъ листъ отъ древа, т.-е. однимъ такимъ княземъ меньше, и всѣмъ будетъ хуже. Такъ это было понято и Шишковымъ и Дубенскимъ.

Такое урѣзаніе рѣчи Святослава есть существенная порча памятника. Началось оно, какъ кажется, вслѣдствіе сомнѣнія Карамзина, который находилъ неприличнымъ достоинству великаго князя обращеніе къ другимъ князьямъ словомъ: господинъ („Ты, буй Рюриче и Давиде!.. вступиста, господина, въ злата стремень“, и къ Ярославу Галицкому: „Стрѣляй, господине, Кончака“). Но сомнѣніе это нельзя было принять серьезно; во-первыхъ: такое ли значеніе въ XII вѣкѣ имѣло слово „господинъ“, какъ, напримѣръ, при Іоаннѣ III, въ его преніяхъ съ новгородцами? Можетъ-быть, это была обыкновенная форма учтивости между князьями. Во всякомъ случаѣ гораздо важнѣе слова самого пѣвца: онъ торжественно открываетъ рѣчь Святослава, назвавъ ее златымъ словомъ, со слезами смѣшаннымъ. Гдѣ жъ эти золотыя слова? Въ томъ, что̀ оставляютъ за Святославомъ, не болѣе, какъ жалоба на Всеволода и Игоря, да сѣтованіе на свою старость. Воззваніе же проникнуто тѣмъ духомъ любви къ Русской землѣ, чувствомъ народнаго единства, въ чемъ и есть задушевная мысль пѣвца, его идеалъ того, что̀ бы должно дѣлать князьямъ и чего они не дѣлаютъ. Это-то воззваніе и можно назвать золотымъ словомъ, слезами окропленнымъ, и все оно логически вытекаетъ изъ капитальной мысли: князья мнѣ не помога!—Непонятно, какъ С. П. Шевыревъ, обладавшій такимъ поэтическимъ тактомъ, настаиваетъ, что все равно, отъ лица ли Святослава это воззваніе, или отъ лица пѣвца. Совершенно не все равно! Если мы возвратимъ эти слова Святославу, то посмотрите, что̀ за величественный, Пріамовскій образъ выходитъ изъ этого старца! Подобное-то раздробленіе слова на множество отдѣльныхъ мѣстъ и особенныхъ главъ, сдѣланное въ первый разъ, кажется, Сахаровымъ, и обратило этотъ цѣльный поэтическій памятникъ въ простой сборъ красивыхъ выраженій, повтореній, безъ всякой органической связи! Это были жемчугъ и камни, вырванные изъ драгоцѣннаго оклада; картина пропала; поставьте ихъ на мѣсто, и все получитъ смыслъ.

Прим. 1888 г. Съ гордостью могу указать, что въ открытыхъ недавно опытахъ перевода „Сл. о П. И.“ Жуковскаго и Пушкина все это мѣсто, т.-е. рѣчь Святослава, понято ими совершенно такъ же, какъ мною.

(44) Знаменитый плачъ Ярославны я старался передать, по возможности, сохраняя всѣ выраженія подлинника и избѣгая всякихъ ненужныхъ прибавленій словъ, развѣ только необходимыхъ для уясненія нынѣшнему читателю о̀браза, который долженъ былъ рисоваться въ воображеніи читателя XII вѣка. Вникая въ текстъ, я понялъ такъ, что все дѣло происходитъ въ воображеніи Игоря, находящагося въ плѣну. Въ текстѣ открывается эта сцена предложеніемъ безъ подлежащаго: *Ярославнынъ гласъ слышитъ*. Кто слышитъ? Да кому же и слышать, кромѣ Игоря? *Зегзицею незнаемъ:* должно-быть, „незнаемѣ“ мѣстный падежъ, то-есть: зегзицею въ незнаемой (такъ называлась степь) землѣ „рано кычеть“. Игорь вспоминаетъ жену на стѣнѣ въ Путивлѣ, какъ видѣлъ ее, вѣроятно, въ послѣдній разъ, уходя въ походъ: тоже черта глубоко психологическая! Разставаясь съ близкими сердцу, вы въ разлукѣ всегда вообра-

жаете ихъ въ томъ видѣ, при той обстановкѣ, какъ это было въ моментъ разставанія:

Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать...

Слово „зегзица“ обыкновенно у насъ принято переводить „кукушкой“. Но въ живомъ народномъ языкѣ слово „зегзица“ и теперь еще употребляется, г. Погосскій переводитъ его „ласточкой“ и ссылается на то, что слышалъ въ Новгородской губерніи это названіе за ласточкой. Многіе изъ Вологодской губерніи удостовѣряли меня, что зегзицею тамъ называютъ черныхъ ласточекъ, стрижей. Наконецъ въ „Причитаньяхъ Сѣвернаго края“, собранныхъ г. Барсовымъ, ч. I, стр. 73, есть мѣсто:

И настанетъ весна красная,
Разольются быстры рѣченьки.
Налетятъ да птички *ластушки*,
Сѣры-малыя *заюзочки*.

(45) *Въ поль безводнѣ жаждею имъ лучи, тугою съпраже имъ тулы затче.* Палицынъ въ своемъ переводѣ шестистопнымъ ямбомъ такъ развиваетъ эту мысль:

О, солнце красное! . . . . . .
Почто ты знойный лучъ, почто простерло свой
Супруга моего на рать въ безводномъ полѣ,
Томиму жаждою и не могущу болѣ
Ни луковъ напрягать, ни стрѣлъ пускать отъ мукъ?
Съ гортанью пламенной, изъ ослабѣвшихъ рукъ?

Какой же образъ представляла себѣ Ярославна (или пѣвецъ) въ этомъ обращеніи къ Солнцу или Дажьбогу, лучше всего можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ одного изъ великорусскихъ заклинаній (которыя, замѣтимъ кстати, нагляднѣе всего рисуютъ намъ, какъ наши языческіе предки воображали себѣ боговъ своихъ):

„Пойду я къ Окіянъ-морю: на томъ Окіянъ-морѣ стоитъ столъ-престолъ, на престолѣ стоитъ золотое блюдечко, и на томъ золотомъ блюдечкѣ стоитъ самъ... матеръ человѣкъ, тугимъ лукомъ подперся, каленными стрѣлами подтыкался... Помолюсь ему о любимой скотинкѣ: И стрѣли ты, батюшко... въ мою любимую скотинку своимъ тугимъ лукомъ и каленымя стрѣлами въ ясныя очи, въ сырую кость“ и пр. (Зап. Геогр. Общ. по отд. Этногр. 1869, т. II, 494). Сообразно этому представленію, вѣрнѣе было бы это обращеніе Ярославны къ Солнцу передать такъ:

„Солнце ты, Тресвѣтлое ты, Солнце!
Ахъ, для всѣхъ тепло, красно ты, Солнце!
Что ѫ разишь палящими стрѣлами
Лады воевъ на безводномъ полѣ,
Сушишь, гнешь“ и пр.

(46) *Кликну. стукну земля; въшумѣ трава; вежи половецкія подвизашася.* Кажется, Шишковъ правильнѣе всѣхъ видитъ здѣсь не всполохъ половцевъ по поводу бѣгства Игоря (которое еще и не свершилось), а бурю, которою открывается эта картина: „прысну море полунощи, идутъ смерчи мьглами“. „Богъ кажетъ Игорю дорогу, именно воздвигши бурю, подъ шумъ которой ему легче уйти“, говоритъ Шишковъ. Прибавлю къ этому изъясненію одно: здѣсь, кажется, должно разумѣть Дажьбога, указующаго дорогу. *Смерци:* нѣкоторые полагаютъ, что это не смерчи, какъ

стоитъ у Востокова въ словарѣ, а сумерки. Но сейчасъ же будетъ: „погасоша вечеру зари“—зачѣмъ два раза одно и то же?

(47) Картина, выраженная мною въ этихъ пяти стихахъ, въ текстѣ стоитъ ниже, при погонѣ Гзака и Кончака; но туда, очевидно, она приставлена переписчикомъ; настоящее ея мѣсто здѣсь, по мнѣнію многихъ.

(48) Стугна впадаетъ въ Днѣпръ повыше Триполя. Въ 1095 г. половцы разбили тутъ русскихъ князей. При переправѣ черезъ разлившуюся тогда рѣку утонулъ Ростиславъ, братъ Мономаха, который чуть не погибъ тутъ самъ, спасая его. „Рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожрѣвши чужи ручьи, и струги простре по кусту“—г. Максимовичъ замѣчаетъ, что здѣсь разумѣются не *струги*, водоплавныя суда, а „струга“ (женск. р.), уменьшительное *стружка:* такъ и теперь въ поднѣпровской Украйнѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнями, или островами, заросшими кустами, деревьями или камышомъ... Пѣвецъ Игоря изображаетъ наводненіе Стугны, простершей тогда быстрыя струги (протоки) по кустамъ и потопившей юнаго князя“ (Укр. 112).

Въ словахъ Игоря къ Донцу говорится о *сребреныхъ* брегахъ этой рѣки. Этотъ эпитетъ взятъ отъ ковыля, которымъ покрытая степь кажется серебряною, или отъ мѣловыхъ горъ берега.

(49) Намекъ на дочь Кончака, на которой, дѣйствительно, будучи въ плѣну, Владиміръ Игоревичъ женился.

(50) „Рекъ Боянъ, и ходы на Святослава пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти“... Мѣсто не объясненное: я прямо отнесъ слова Бояна къ частымъ отлучкамъ стараго Святослава Игоревича (отца Владимира Святого) изъ своей земли.

ПРОЗА.

I.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕСНА.

(Разсказъ. Посвящается гг. ученымъ).

ЭПИГРАФЪ:

Одинъ ученый: А что, мм. гг., вы скажете о тиверцахъ?
Другой: По Нестору, они жили...
Третій: Да что по Нестору, мы знаемъ, гдѣ они жили. Но откуда же они вышли? Не скрывается ли въ ихъ названіи какого-нибудь указанія?
Первый: Не указываетъ ли оно на Тавръ: народы около Тавра—таверцы; а таверцы и тиверцы—одно и то же.
Четвертый: Не владѣли ли тиверцы нынѣшнимъ Крымомъ, который греки и наименовали Тавридой, по имени владѣтелей, т.-е. Тивридой.
Пятый: Позвольте: по-итальянски Тибръ—Tevere, слѣдовательно народы, живущіе по Тибру, будутъ теверцы; ergo: тиверцы въ Россіи — выходцы съ береговъ Тибра, римляне. Если принять въ соображеніе аналогію громадности древнеримской имперіи и нынѣшней россійской, то эта догадка болѣе, чѣмъ несомнѣнна.
(Засѣданіе одного ученаго общества).

I.

Однажды весною... но позвольте, петербургскій читатель, вы знаете, что такое петербургская весна; но это надобно объяснить для иногородныхъ читателей. Иногородный читатель, можетъ-быть, воображаетъ у насъ весну иначе, и ему покажется дико, если скажутъ, что у насъ весна—это рокс-

вое время для трудныхъ-больныхъ и зародышъ болѣзней для здоровыхъ... онъ этому не повѣритъ... При словѣ „весна“ ему представляется чистое, голубое небо; журчащіе ручьи, холмы, покрывающіеся зеленью; избы, которыя какимъ-то темнымъ, но теплымъ колоритомъ рисуются на живой дали; заборъ и плетни, около которыхъ уже подымается темною зеленью молодая крапива, а изъ-подъ крапивы выглядываетъ уже золотая головка цикорія; ему представляется и стадо, выгоняемое всѣмъ селомъ въ поле, и по вечерамъ хороводы дѣвокъ подъ звуки волынки, и удалая пѣсня фабричнаго, и старуха, сидящая, поджавъ руки на колѣняхъ, на завалинкѣ передъ избою; и кучки рѣзвыхъ ребятъ, играющихъ въ свайку и въ бабки, и лихая тройка дружекъ и сватовъ, которая вдругъ съ гиканьемъ и съ свистомъ, съ пѣснями, бубенчиками и колокольчиками промчится чрезъ село и исчезнетъ за горой, или пріостановится дать вздохнуть конямъ передъ кабакомъ, и какой-нибудь дядя Авдей угощаетъ честную компанію за здоровье молодыхъ... Какой тутъ зародышъ болѣзней! Какое тутъ трудное время для больныхъ! Если иногородный читатель вмѣстѣ съ тѣмъ втихомолку и писатель, то онъ весну олицетворитъ въ граціозныхъ стишкахъ, въ видѣ кроткой богини, подъ стопами которой родятся розы и подснѣжники, и явятся у него амуры, разсыпающіе букеты передъ колесницей, влекомой длиннорогими волами съ толстой шеей, волочащейся почти по землѣ, колесницей, набитой народомъ, во главѣ котораго возсѣдаетъ первая красавица деревни въ вѣнкѣ изъ первыхъ травъ и цвѣтовъ, а кругомъ прыгаютъ и бьютъ въ бубны молодые парни... А вы, петербургскій читатель, вы изобразите весну иначе... у васъ будетъ, пожалуй, и колесница, но покрытая чернымъ балдахиномъ, въ которой будетъ тоже, можетъ-быть, первая красавица, увѣнчанная искусственными цвѣтами, но закрытая вѣчною крышкою гроба... Въ кортежъ весны войдутъ у васъ страшныя, закоптѣлыя лица старыхъ инвалидовъ, одѣтыхъ въ черныя мантіи со старинными широкополыми шляпами, съ которыхъ развѣваются разноцвѣтныя ленты; и суетливые лакеи въ треугольныхъ шляпахъ, во фракахъ, обшитыхъ плерезами; и толпа плачущихъ родственниковъ, и мать, которую ведутъ подъ руки, и длинная цѣпь каретъ черныхъ, бутылочныхъ, двумѣстныхъ и четырехмѣстныхъ, съ бойкими конями или съ двумя тощими клячами, отслужившими честно свои годы отечеству подъ какимъ-нибудь широкораменнымъ кирасиромъ... Народъ радуется солнцу и, скрѣпивъ сердце, кланяется покойнику, привѣтствуя въ то же время и новую гостью весну.

Вопросы о здоровьѣ теряютъ свой обыкновенный недѣльный характеръ, а становятся кстати и вызываются необходимостью, чувствомъ самосохраненія, участіемъ въ судьбѣ другихъ, ближнихъ или дальнихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Да, въ Петербургѣ весна—плохая шутка...

Однажды, когда свирѣпствовала здѣсь эта эпидемія—весна, не знаю, въ какомъ видѣ,—въ видѣ кашля или гриппа, или еще хуже, она между прочими своими жертвами насчитывала и двухъ молодыхъ чиновниковъ, Кровлина и Самарова. Эти господа и составляютъ именно предметъ моего разсказа.

Кровлинъ и Самаровъ были университетскіе товарищи. Несмотря на чрезвычайное несходство характеровъ, они очень сблизились и сдѣлались необходимы одинъ другому еще во время курса. Служеніе въ одномъ департаментѣ не разстроило ихъ связи и по выходѣ изъ университета. Кровлинъ былъ рожденъ артистомъ и звалъ своего пріятеля Самаровымъ; Самаровъ былъ болѣе практикъ и звалъ товарища своего Иваномъ Николаичемъ. Кровлинъ въ продолженіе курса не слѣдилъ прилежно за всѣми науками, а занимался какъ бы по вдохновенію какимъ-нибудь однимъ предметомъ, изучалъ его до мелочей, принимая идею съ жаромъ и болью; а потомъ наскучалъ имъ и брался за другой, переходя такимъ образомъ вдругъ отъ философіи къ лѣсоводству, отъ лѣсоводства къ комментаріямъ на Горація, и т. п. Самаровъ съ равнымъ стараніемъ и аккуратностью слѣдилъ за всѣми лекціями, записывалъ ихъ каждую съ означеніемъ числа и аудиторіи, когда и гдѣ она была читана, и къ экзамену имѣлъ всѣ тетради въ исправности. Кровлинъ по экзаменамъ вышелъ кандидатомъ, но въ департаментѣ занималъ мѣсто младшаго помощника столоначальника; Самаровъ вышелъ дѣйствительнымъ студентомъ, но былъ по службѣ старшимъ помощникомъ. Кровлинъ всегда былъ одѣтъ плохо, имѣя, впрочемъ, всегда какую-нибудь отличную вещь на себѣ, или дорогой бархатный жилетъ, или новый шарфъ, или цѣнную булавку, и любилъ гулять по пустыннымъ улицамъ Петербурга или по Апраксину двору, по Сѣнной и пр. Самаровъ всегда былъ одѣтъ пристойно, не богато, но прилично, и предпочиталъ гулять по Адмиралтейскому бульвару и по Невскому проспекту. Кровлинъ постоянно сбирался ходить чертить въ Академію Художествъ; Самаровъ мечталъ жениться, когда ему пойдетъ двадцать осьмой годъ. Кровлинъ очень любилъ восточныя преданія, переходъ ихъ во II и III вѣкѣ въ Европу, Крестовые походы, въ эпоху возрожденія итальянскія республики и дворъ Медичи; горячо любилъ отече-

ство и полагалъ, что для блага Россіи нужно бы было основать цѣлое министерство для перевода, напримѣръ, всѣхъ книгъ, какія только есть на иностранныхъ языкахъ, а также помышлялъ объ изданіи особеннаго рода огромной энциклопедіи—и ничего не предпринималъ по этой части, потому что средствъ не имѣлъ, а трудиться одному, казалось ему, не стоитъ. Самаровъ исторіи не любилъ, потому что она представлялась ему не иначе, какъ въ формѣ гимназическихъ записокъ, которыми учитель пополнялъ скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя „Исторіей“ Кайданова о Нинѣ, Семирамидѣ и пр.; объ Россіи мечталъ и для блага ея перевелъ на русскій языкъ дѣтскія повѣсти мадамъ Гизо. Кровлинъ цѣлый день курилъ дорогія иностранныя сигары, жертвуя на нихъ суммы въ ущербъ, напримѣръ, своего туалета; Самаровъ каждое утро вынималъ изъ ящика четыре сигары (по три съ полтиной серебромъ сотня внутренняго приготовленія), укладывалъ ихъ для дневного продовольствія въ свой porte-cigare и еще пятую, чтобы попотчевать ею кого-нибудь. У Кровлина денегъ никогда не было, но послѣ каждаго письма съ пятью печатями отъ отца, жившаго безвыѣздно въ деревнѣ, онъ непремѣнно давалъ пирушки, на которыхъ присутствовали человѣкъ пять товарищей съ дамами. Самаровъ пирушекъ не давалъ, но всегда былъ готовъ ссудить пріятеля вздоромъ, какъ называлъ Кровлинъ деньги.

Несмотря на это различіе, пріятели какъ-то не могли существовать другъ безъ друга. Кровлинъ любилъ развивать свои идеи при Самаровѣ, который удивлялся имъ и уважалъ умъ Кровлина; вымещать на немъ всѣ свои неудовольствія, и Самаровъ все сносилъ терпѣливо; Самаровъ съ ревностью дѣлалъ все, что бы могло быть полезно для Кровлина: въ университетѣ всегда занималъ мѣсто на первой скамейкѣ и для Кровлина покупалъ, что ему надобно, провожалъ его къ портному, смотрѣлъ, когда съ него снимаютъ мѣрку, сговаривался и торговался, точно маменька, приводящая къ мужскому портному семнадцатилѣтняго сына, на котораго еще нельзя положиться. Зато Самаровъ называлъ разные предметы и дѣйствія словами, которыми вдругъ неизвѣстно почему назоветъ ихъ Кровлинъ; напримѣръ, вмѣсто денегъ, говорилъ вздоръ; большой его пузатый самоваръ, въ отличіе отъ маленькаго, называлъ генераломъ; одного профессора звалъ Сальви, другого, читавшаго какой-то практическій курсъ хозяйственныхъ наукъ, звѣздочетомъ, и пр.

Кровлинъ занималъ небольшую комнату въ квартирѣ, нанимаемой и устроенной въ родѣ hôtel garni нѣмкою, госпо-

жою Фуксъ. Самаровъ жилъ у дяди; потомъ дядя уѣхалъ, и племянникъ былъ радъ случаю поселиться въ одномъ домѣ съ пріятелемъ, очень сожалѣлъ, что у г-жи Фуксъ нѣтъ порожнихъ квартиръ, и нанялъ двѣ комнаты,—но отъ хозяина въ томъ же домѣ, только этажомъ выше; и хотя эта квартира не принадлежала къ hôtel garni, однакожъ подговорилъ нѣмца, служившаго жильцамъ г-жи Фуксъ, чистить ему сапоги и забѣгать раза два въ день привести въ порядокъ его вещи и платье. Онъ разсчитывалъ, что ему нѣтъ никакой нужды разсылать по пустякамъ и держать какого-нибудь шалопая, который будетъ вѣчно спать на ларѣ и котораго еще надо учить, да смотрѣть, чтобы чего не укралъ.

Случилось, что однажды весною Кровлинъ и Самаровъ были въ одномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ, на вечерѣ у одного статскаго совѣтника, гдѣ много танцовали и подъ конецъ вечера (который, при патріархальномъ образѣ жизни этого семейства, кончился довольно рано) затѣяли пройти польскій въ саду, т.-е. между четырьмя липами, одной яблонью, множествомъ тычинокъ (будущіе цвѣты) и вокругъ зеленой рѣзной бесѣдки. Отъ этого-то польскаго пріятели и слегли. Часу въ первомъ побрели они къ своему дому, и, пока Самаровъ расплачивался съ извозчикомъ, Кровлинъ сказалъ ему:

— А что, Самаровъ, ты еще не ляжешь спать?

— Нѣтъ, а что?

— Да вотъ что: напьемся-ка чаю. Я велю генерала поставить.

— Вѣдь спать не будешь послѣ чаю.

— Ну что жъ, повертимся-повертимся да и заснемъ, а то, знаешь, эти тартинки, что намазывала Дашенька, очень некапитальная пища; только аппетитъ возбуждаютъ.

— Ну, да ты пей, пожалуй, чай; я такъ посижу съ тобою.

— Право, напейся.

Съ этими словами Кровлинъ отворилъ дверь подъѣзда и вошелъ; за нимъ Самаровъ; они начали подыматься по лѣстницѣ, освѣщенной жестяной лампой съ зеркальными стеклышками.

— Мнѣ что-то ужасно нехорошо,—сказалъ Кровлинъ:—по спинѣ мурашки; точно какъ будто бы я прокутилъ ночь въ какомъ-нибудь...

Кровлинъ брякнулъ очень дурное слово. Вдругъ въ эту минуту отворилась дверь у подъѣзда, и раздался заманчивый шелестъ шелковаго платья и легкіе, скорые шаги, какъ будто бы торопливо бѣжали по лѣстницѣ женскія и, должно-быть, хорошенькія ножки. Пріятели остановились подъ самой лампой и дали дорогу молодой женщинѣ въ соло-

менной съ голубой лентой шляпкѣ; лицо ея было немного полузакрыто слегка откинутымъ вуалемъ, изъ-подъ конца котораго имъ сверкнули прямо въ глаза два огненные черные глаза, и ихъ обоихъ какъ будто озарила граціозная улыбка пунцовыхъ устъ въ награду за ихъ учтивость, что они дали дорогу. Красавица подобрала немного свое платье и бурнусъ, обнаруживъ еще болѣе граціозно обутую въ прюнелевый башмачокъ маленькую ножку, чуть-чуть нагнулась, еще быстрѣе побѣжала по лѣстницѣ, позвонила гдѣ-то и скрылась. Пріятели услыхали только ея голосъ, который показался имъ чрезвычайно пріятнымъ и звучнымъ, но не могли разобрать словъ, которыя она сказала, входя, тому, кто отворилъ ей дверь. Самаровъ щелкнулъ языкомъ и посмотрѣлъ на Кровлина, который съ поднятыми глазами слѣдилъ утихающій шумъ башмачковъ и шелестъ платья.

— Я не зналъ, Иванъ Николаичъ,—сказалъ онъ,—что у насъ водятся такія штучки, а ты ничего и не скажешь.

— Недавно, видно, переѣхала. Я видѣлъ, какъ таскали мебель...

— А ты еще,—продолжалъ Самаровъ,—Богъ знаетъ какія слова и такъ громко говоришь на лѣстницѣ. Ну, какъ она слышала, да если она порядочная, что̀ о насъ подумаетъ?

— Она не слыхала.

— А если слышала?

— Скверно, коли слышала... въ самомъ дѣлѣ, нехорошо, если слышала: чортъ знаетъ, какъ надо быть осторожну.

— Пора тебѣ, а то вѣдь совѣстно, право, съ тобой ходить.

— Ну, ну, ну!.. Если она слышала и спроситъ, я скажу на тебя...

Пріятели вошли къ Кровлину. Кровлинъ велѣлъ дать коньяку и поставить генерала.

Самаровъ очистилъ мѣстечко на волосяномъ черномъ диванѣ, заваленномъ книгами, рисунками, съ табачнымъ пепломъ, и закурилъ сигару. Кровлинъ преобразился въ халатъ и сталъ передъ пріятелемъ.

— Самаровъ,—сказалъ онъ,—а вѣдь хороша?

— Недурна.

— Что̀ ты объ ней думаешь?

— Да что̀ же объ ней думать?

— Отчего она такъ поздно домой воротилась? гдѣ она была?

— Мало ли гдѣ? Могла быть въ гостяхъ, у родныхъ, у знакомыхъ, а можетъ-быть...

— Да, можетъ-быть... чортъ возьми.

— А что̀ жъ?

— Да такъ, скверно...

— Ты всегда однако думалъ иначе.

— Да я и теперь думаю, какъ думалъ всегда.

— Однако тебѣ досадно? Вотъ то-то, вы толкуете объ эмансипаціи женщинъ, а непріятно, если женщина поступитъ по-вашему, то-есть вы ей простите это только тогда, когда она васъ выберетъ; вотъ отчего я не люблю этихъ теорій.

— Ты ихъ не понимаешь. Только вотъ что̀: она не можетъ быть замужняя. Это видно. Знаешь ли что̀,—сказалъ онъ, походивъ по комнатѣ,—можетъ-быть, съ нею можно познакомиться. Я просто къ ней пойду

— А коли выгонитъ?

— Не выгонитъ; я скажу, что... Надобно найти предлогъ.

— Надобно спросить у Франца.

— Спросимъ у Франца.

Францъ принесъ самоваръ, но его не спросили о красавицѣ, потому что каждый изъ пріятелей хотѣлъ произвести этотъ допросъ особенно, одинъ безъ другого.

— Я однако думаю отдать назадъ Клеменцу свои шотландскіе,—сказалъ Самаровъ, вытянувъ ноги и осматривая свои панталоны:—онъ хорошо шьетъ, только у него нѣтъ этого шика, вотъ какъ у французскихъ портныхъ; перетяжки онъ мнѣ высоко поставилъ, тальи не выходитъ. Ты видѣлъ сегодня панталоны и жилетъ у Суровцева? Вотъ это портной! Шито у Марбріе; я всегда буду у него шить. Лучше пять или десять рублей заплатить дороже, но вещь имѣть хорошую и прочную. А ты еще не взялъ свои? вѣдь ужъ недѣли двѣ, какъ заказано?

Кровлинъ промычалъ что-то въ отвѣтъ, потому что давно былъ занятъ другимъ: онъ, наливъ чайникъ и поставивъ его на самоваръ, чертилъ карандашомъ профиль попавшейся имъ молодой женщины. Первый очеркъ вышелъ удачно, и онъ, тая дыханіе, щуря глаза и морща лобъ, старался обозначить его еще лучше, главное, соблюсти эту грацію поворотовъ головы и хитроватую мягкость взгляда, всю живость этой физіономіи, которая отзывалась какъ-то югомъ.

— Ты возьми, завтра же возьми; пожалуй, и я съ тобой пойду, — продолжалъ Самаровъ,—а то выйдетъ та же исторія, что̀ прошлаго года съ жилетомъ: сначала не возьмешь, а послѣ посовѣстишься итти, что долго, а потомъ и встрѣчаться съ портнымъ избѣгаешь, какъ будто бы съ нимъ сдѣлалъ какую-нибудь мерзость. Вѣдь жилетъ твой пропалъ за Луи? Стоило платить за матерію!

— А это кто? — перебилъ его Кровлинъ, бросивъ ему передъ глаза рисунокъ, и сталъ наливать чай.

— Похоже-то похоже... только удивляюсь я, право, Иванъ Николаичъ, какъ тебя можетъ такъ долго занимать вздорная встрѣча. Я, признаюсь, и самъ кое-что подумалъ, когда она прошла мимо насъ, но вѣдь пересталъ. Мнѣ не нужно. Да и зачѣмъ? Вѣдь ты посмотри: — ну, положимъ, что ты завелъ связь; что жъ изъ этого? Лишнія траты, больше ничего.

— Да когда ты отстанешь отъ этого гнуснаго взгляда на женщинъ, Самаровъ? Пожалуйста, по себѣ хоть не суди о другихъ! Ты въ женщинѣ ничего не видишь, ничего не ищешь, кромѣ... Богъ знаетъ чего...

— Не знаю, кто изъ насъ больше уважаетъ женщину.

— Да, уважаешь ты... потому что не смѣешь быть неучтивъ съ нею. Ты, Самаровъ, очень хорошій человѣкъ, добрый малый; но, признаюсь, я бы не желалъ быть твоею женою... А отчего? оттого, что ты мелокъ, ты еще считаешь женщину твоей *половиною*, или даже *четвертью* тебя, потому что вѣдь ты эгоистъ и третью-то четверть за собой оставишь... По-твоему, женщина и родится только половинчатою, а если у нея талантъ, напримѣръ, страсть къ наукѣ, или способности, которыя составляютъ личность и самостоятельность мужчины и даютъ ему характеръ, то это что по-твоему? Надо все убить или прокоптить у тебя на кухнѣ...

— Зачѣмъ же? Зачѣмъ же? Иванъ Николаичъ! Съ тобой нельзя говорить! Ты сейчасъ найдешь талантъ, талантъ... да много ли талантовъ и у мужчинъ, у которыхъ все больше средствъ развить таланты?..

— Ну, да къ чему талантъ?.. Возьмемъ просто..

— Хорошо, хорошо, я согласенъ.

— Нѣтъ, постой. Возьмемъ просто женщину; неужели ты не чувствуешь, что ты въ ея обществѣ становишься лучше, чувствуешь себя лучше, чище? Словомъ, ты становишься рабомъ, но только рабомъ такого господина, который тебя развиваетъ и совершенствуетъ самымъ пріятнымъ образомъ. Если ты этого не чувствуешь, то ты не человѣкъ, ты Богъ знаетъ что такое, дерево, растеніе, животное... или ты глупъ...

— Дай-ка мнѣ чаю, Иванъ Николаичъ; я съ тобой спорить не стану; у тебя всегда крайность: кто съ тобой не согласенъ, тотъ, по-твоему, глупъ.

— Чаю-то я тебѣ дамъ, — продолжалъ Кровлинъ, довольный тѣмъ, что Самаровъ уступилъ ему поле битвы, — а все-таки ты глупъ.

Самаровъ продолжалъ между тѣмъ разсматривать портретъ красавицы.

— Отчего ты не занимаешься серьезно живописью? По вечерамъ времени много, отчего ты не ходишь въ академію?

Кровлинъ вздохнулъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Однако пора,—сказалъ Самаровъ, зѣвая:—ужъ свѣтаетъ. Вонъ ужъ голуби поднялись. Это самое непріятное время, особенно какъ не спалъ еще. Второй часъ, а не то день, не то ночь... Меня что-то всего разломило; это отъ чаю.

— Ну, ужъ вѣрно не отъ чаю. Я самъ себя дурно чувствую.

— Прощай.

Самаровъ поднялъ воротникъ пальто, спряталъ руки въ карманы, вышелъ-было, но вернулся и, просунувъ голову въ дверь, сказалъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Однако, Иванъ Николаичъ, ты завтра сходи въ Клеменцу. Чай, у него готовы. Не забудь, а то будетъ опять, какъ прошлаго года съ жилетомъ.

— Схожу, не забуду.

— То-то, не забудь.

Самаровъ исчезъ, думая про себя: „Иванъ Николаичъ — голова славная, только ребенокъ. Ему нужно няньку“. И онъ безсознательно наслаждался чувствомъ, что можетъ быть нянькою Ивана Николаича.

II.

У Кровлина всю ночь изъ головы не выходила незнакомая женщина, встрѣтившаяся имъ на лѣстницѣ. Не знаю почему, но ему казалось, что она незамужняя, а если и замужняя, то въ разводѣ съ мужемъ. Голова его горѣла, онъ метался въ лихорадочномъ жару; отъ этого внѣшнія чувства его сдѣлались гораздо острѣе и тоньше; можетъ-быть, тишина ночи этому много способствовала. Воображеніе разгоралось. До тѣхъ поръ незамѣчаемыя имъ происшествія теперь вдругъ обратили на себя его вниманіе. Онъ слышалъ здоровый храпъ за сосѣднею стѣной и отличилъ его отъ другого, болѣе ровнаго, хотя и звучнаго дыханія спящаго за другой стѣной; первый былъ, очевидно, мужской храпъ, второй — женскій, и оба эти храпа перемежалъ третій, неровный, безъ мѣры и каданса, храпъ съ присвистомъ. Этотъ онъ приписалъ непремѣнно старухѣ, да притомъ еще старухѣ, нюхавшей табакъ... Потомъ за стѣною кто-то кашлянулъ, плюнулъ; онъ все это слышалъ. Кто-то потомъ налилъ воды, постучалъ стаканъ о графинъ. Онъ на все обратилъ вниманіе и сердился. Слы-

шалъ звонокъ у воротъ; слышалъ, какъ громко и съ потяготой зѣвнулъ и крякнулъ пробужденный дворникъ, погремѣлъ ключами и тяжелою стопою пошелъ отпирать ворота, и ворчалъ что-то, прибирая ключъ; слышалъ потомъ, какъ перекликались коты, крадясь по крышамъ, и вдругъ кричали голосомъ плачущаго ребенка, у котораго прорѣзываются зубы; потомъ слышалъ, какъ въѣхала на дворъ чья-то карета, какъ потомъ устанавливали ее въ сарай и топотали по этому случаю лошади, покрикивалъ кучеръ, потомъ кучеръ ушелъ, вѣрно, раздѣлся самъ, потомъ воротился, разговаривалъ съ конями и одного за другимъ отвелъ въ стойло и заперъ въ сарай, и замолкъ... Слышалъ онъ потомъ, какъ ѣздили по улицѣ, и сердился на себя, зачѣмъ на все это онъ обращаетъ свое вниманіе, и что̀ за надобность ему по стуку экипажей догадываться, что̀ это ѣдетъ: карета или дрожки, или даже позднія сани... Но, несмотря на множество подобныхъ развлеченій, несмотря на то, что въ собственной его комнатѣ раздавался отъ времени до времени шорохъ, и онъ подымалъ голову посмотрѣть или хоть опредѣлить, гдѣ и что̀ грызетъ мышь, и что, можетъ-быть, и не мышь забралась къ нему, а кошка, или даже воръ сидитъ подъ кроватью... несмотря на все это, — онъ не могъ оторваться отъ мечтаній о незнакомкѣ. Промучась такимъ образомъ часа два, онъ убѣдился окончательно, что она незамужняя... Уже ему казалось, что онъ съ нею познакомился, что онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ: она уронила платокъ, и онъ бросился стремглавъ подымать его и отдалъ ей, сказавши комплиментъ по-французски, и сравнилъ ее съ какою-то миѳологической богиней; она будто бы отвѣчала, что очень тронута его обязательностью, именно *тронута* — touchée de votre obligeance... Ему казалось, что у него на этотъ случай былъ какой-то французскій романъ, романъ Занда, и онъ уронилъ его въ свою очередь и, подымая его, сказалъ, что романъ Занда упалъ изъ его рукъ оттого, можетъ-быть, что собственный романъ его жизни только-что начинается... Она будто бы спросила, какой это романъ его жизни?—и онъ съ нѣкоторой смѣлостью объяснилъ ей, что это романъ, въ которомъ она, безъ сомнѣнія, будетъ героинею... Она на это отвѣчала со вздохомъ, что онъ ее еще не знаетъ, что есть много въ жизни человѣческой непонятнаго, что ее многіе не понимаютъ... „Но я понимаю,—отвѣчалъ онъ съ жаромъ,—вы женщина не настоящаго, а будущаго; женщина, которая только будетъ при исправленіи рода человѣческаго и при преобразованіи коренныхъ основъ его жизни, когда я, если васъ люблю, то могу смѣло прійти къ вамъ и сказать

передъ вами, что я васъ люблю...“ Ему казалось, что она отъ этого впала въ какое-то раздумье; что черныя очи ея выразили безконечно-симпатическую грусть, а щеки покрылись яркимъ румянцемъ; что онъ хотѣлъ броситься поцѣловать ея руку, но она ее отдернула и скрылась въ своихъ дверяхъ, сказавши что-то, чего онъ не разслышалъ...

— Нѣтъ, непремѣнно надо разспросить Франца, — громко произнесъ онъ, перевертываясь на другой бокъ.

На утро Францъ принесъ ему въ одной рукѣ сапоги, а въ другой подносъ съ чайникомъ и чашкой. Кровлинъ привсталъ на постели и, не отвѣчая на обычное „gut morgen“, спросилъ съ нетерпѣніемъ:

— Кто это тамъ переѣхалъ, наверху?

— Не знаю.

— Да ты видѣлъ, переносили мебель?

— Видѣлъ.

— Ну, кто же это переѣхалъ? Я знаю, что тутъ есть молоденькая...

— Я видѣлъ старуху.

— А я знаю, что есть молоденькая: кто она такая?

— Не знаю. Вамъ больше ничего не угодно? Мнѣ надобно подать чай господину Самарову.

— Да ты не слыхалъ ли, не замѣтилъ ли, кто она такая? Какого поведенія, какого состоянія? богато живетъ?

— Не знаю.

— А отчего она вчера одна воротилась? Она всегда одна ходитъ?

— Я не видалъ.

— Ну, а старуха? она такъ, что ли, съ нею живетъ?

— Можетъ-быть, и такъ живетъ; это не мое дѣло. Вамъ ничего не надобно?

— Или это, можетъ-быть, мать ея? Она живетъ съ матерью?

— Можетъ-быть.

— Или тетка?

— Можетъ-быть, и тетка.

— Да ты бы это узналъ отъ дворника, отъ людей.

— Это не мое дѣло. Времени нѣтъ.

— Да ты разспроси.

— Не моя профессія.

— Мнѣ это нужно, понимаешь, очень нужно; всѣхъ разспроси, узнай, кто у нихъ бываетъ? куда она ѣздитъ?

— Если вамъ меня будетъ нужно, вы позвоните.

— Проклятая нѣмчура! Нѣтъ хуже прислуги нѣмца! Уби-

райся ты къ чорту... Дуракъ я, право, что присовѣтовалъ госпожѣ Фуксъ взять нѣмца въ услуженіе... Аккуратность! аккуратность!.. Къ чорту мнѣ твоя аккуратность!..

Францъ давно уже вышелъ. Кровлинъ еще продолжалъ разсуждать, что у нѣмца-слуги нѣтъ никакой симпатіи къ барину, что онъ несносенъ, потому что за черту своихъ обязанностей не перейдетъ; что вообще фамильныя патріархальныя отношенія господъ къ слугамъ гораздо лучше, нежели просто основанныя на договорѣ; что русскій лакей даромъ, что проваляется весь день въ передней, и комната стоитъ не вычищена, и что вообще нечистоплотенъ, однако радъ тотчасъ пойти, провѣдать, посидѣть на чужой кухнѣ и потомъ разсказать, спросятъ ли его или не спросятъ; что русскій лакей, хотя и съ лѣнцой, но всегда радъ услужить господамъ какимъ-нибудь, только бы необыкновеннымъ образомъ...

Францъ принесъ чай Самарову.

Самаровъ лежалъ въ постели, завязавъ голову мокрымъ платкомъ, закутанный по горло одѣяломъ и халатомъ. Онъ не велѣлъ Францу подымать сторы и потомъ, когда Францъ хотѣлъ уйти, сказалъ ему:

— Францъ, вотъ гривенникъ: дайте это дворнику и велите ему снести записку къ доктору, недалеко, тутъ на углу; адресъ написанъ.

— Хорошо-съ.

— А что, любезный, вы больше никому не служите, какъ только жильцамъ госпожи Фуксъ и мнѣ?

— Никому больше.

— А что, не знаете ли, кто эта молодая дама, которая недавно сюда переѣхала?

— Не знаю.

— Она, кажется, остановилась здѣсь подлѣ меня, за стѣною... стѣна-то капитальная; это прямо надъ квартирою Ивана Николаича. Вы не знаете, она не замужняя?

— Я ничего не знаю. Вамъ ничего не угодно?

— Ничего; да не можете ли вы узнать что-нибудь объ этой дамѣ?

— Я ничего не знаю. Вы позвоните...

— Хорошо. Францъ, носили вы сегодня чай къ Ивану Николаичу?

— Носилъ.

— Онъ ничего не говорилъ?

— Ничего.

— Они нездоровы?

— Лежатъ въ постели.

— Пожалуйста, записочку-то, отошлите съ дворникомъ...

Самаровъ подумалъ, что отъ Франца ничего не добьешься: что, впрочемъ, это означаетъ хорошія свойства, что онъ не сплетникъ, не болтунъ и знаетъ только свое дѣло.

Кровлинъ никакъ не хотѣлъ признать себя больнымъ. Онъ подошелъ къ зеркалу, посмотрѣлся, и, хотя глаза были красны, щеки горѣли, онъ произнесъ: „Видно только, что не спалъ; да и не спалъ-то я не отъ болѣзни, а оттого, что мѣшали спать. Оттого я всю ночь и продумалъ... А вѣдь ужасный вздоръ я продумалъ. Скверное это у насъ у всѣхъ романтическое направленіе: это нравственный развратъ: надо жить на дѣлѣ—это будетъ жизнь; а раздувать свои чувства воображеніемъ... Отъ этого нравственнаго изнуренія и настоящее чувство въ насъ гораздо тупѣе... Очень нехорошо. Надобно отъ этого освобождаться“...

Надъ его комнатой въ это время раздались легкіе женскіе шаги. „Она ужъ, вѣрно, встала: девять часовъ. Сегодня воскресенье, не пойдетъ ли она къ обѣднѣ?.. Ахъ, чортъ возьми, и мнѣ надо итти сегодня... право, совѣстно Самарова: надобно что-нибудь для него сдѣлать. Схожу къ Клеменцу, возьму у него брюки. Въ самомъ дѣлѣ, Самаровъ хлопочетъ обо мнѣ болѣе, чѣмъ о самомъ себѣ... Но еще рано. Пойти часу въ одиннадцатомъ“.

Кровлинъ одѣлся и находилъ себя совершенно здоровымъ, хотя колѣна его дрожали и какъ будто развинтились. Онъ даже подошелъ къ зеркалу въ своей сѣрой, съ мѣховымъ воротникомъ, шинели, хотя апрѣль былъ на дворѣ и погода стояла теплая.

— А теперь вовсе и не замѣтно, чтобы я не спалъ, — сказалъ онъ и подумалъ, что на женщинъ обыкновенно дѣйствуетъ нѣсколько утомленное, интересное лицо, и, продолжая смотрѣться въ зеркало, въ первый разъ почувствовалъ, что ему надобно сшить пальто изъ англійскаго толстаго трико, такое, какъ у Самарова.

Хотя онъ былъ совсѣмъ готовъ итти къ портному, но прислушивался къ шороху, шагамъ и голосамъ наверху, надъ своею комнатою... Вдругъ послышались ему шаги отъ одного конца комнаты въ другой и будто бы стукъ дверей. Онъ опрометью бросился на лѣстницу: никого не было на лѣстницѣ. Онъ сошелъ внизъ и началъ искать, не забылъ ли чего взять, и дошелъ до заключенія, что ему надобно надѣть перчатки получше, хотя обыкновенно ходилъ безъ перчатокъ; но тутъ ему представилось, что вѣдь могутъ встрѣтиться знакомые, очень почтенные люди, которые Богъ знаетъ что̀ о немъ по-

думаютъ. Онъ вернулся, дошелъ до своей двери, потомъ въ комнату, посидѣлъ съ четверть часа и опять медленно началъ спускаться по лѣстницѣ, поглядывая кверху. Внизу его остановило другое размышленіе: „Зачѣмъ мнѣ сегодня итти къ Клеменцу? Вѣдь нынче заперто, а между тѣмъ мочи нѣтъ“. И въ самомъ дѣлѣ, онъ едва-едва сталъ подыматься въ другой разъ наверхъ. Въ это время гдѣ-то начали отворять дверь. Онъ вдругъ оживился; кто-то тихо спускался внизъ... она, точно, она. Кровлинъ потерялся, все позабылъ, что̀ хотѣлъ сказать, едва достало въ немъ духу поклониться; она взглянула на него, чуть-чуть пошевелила губами и пошла далѣе, держа въ рукахъ книжку; но отъ взгляда ея какъ будто повело бархатомъ по сердцу Кровлина.

Кровлинъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ ей вслѣдъ; вопросъ о портномъ былъ совершенно забытъ, и, когда она сошла съ подъѣзда, онъ чрезвычайно скоро отправился за нею, съ сильно бьющимся сердцемъ, не сводя съ нея глазъ. Въ то же время онъ размышлялъ, что ему не должно показывать ей виду, что онъ о ней заботится, что, владѣя собою и выказывая равнодушіе, мужчина всегда болѣе выигрываетъ у женщины; но, говоря это самъ съ собою, онъ отправился вслѣдъ за красавицей безъ цѣли, безъ сознанія—что̀, и какъ, и зачѣмъ, и готовый остаться совершеннымъ дуракомъ на улицѣ, когда она куда-нибудь войдетъ... Но для него довольно было видѣть, какъ перескакиваетъ маленькая ловкая ножка съ камешка на камешекъ посреди лужъ и грязи, какъ обнаруживается на этой ножкѣ удивительно обточенная, кругленькая щиколотка, точно у правой ножки Венеры Медичи; какъ мелькаетъ съ солнца въ тѣнь, изъ тѣни на солнце соломенная съ голубой лентой, уютная шляпка; какъ изгибается рука и какъ граціозно одутловатые пальцы этой ручки, искусно подбирая платье, слагаются по тѣмъ законамъ движеній ручной кисти, которыхъ красоты постигали древніе и изображали руки женщинъ въ своихъ статуяхъ—четвертый палецъ вмѣстѣ съ третьимъ, пятый и второй нѣсколько врозь...

Но едва Кровлинъ дошелъ до угла улицы, какъ его остановила рука какого-то господина въ медвѣжьей шубѣ.

— Куда вы? Вы больны. Пріятель вашъ прислалъ за мною сегодня; пишетъ, что вы опасно занемогли, и въ самомъ дѣлѣ, у васъ жаръ. Глаза очень дурны. Покажите языкъ... О, какъ же можно выходить! Пойдемте домой: вы знаете, какое нынче время“.

Кровлинъ ничего не могъ сказать доктору и только улыбкой хотѣлъ увѣрить, что онъ ничего. Но тотъ рѣшительно

велѣлъ ему воротиться, уложилъ въ постель, прописалъ лѣкарство и объявилъ, что нѣсколько дней ему нельзя выходить.

Кровлинъ, въ самомъ дѣлѣ, едва дотащился до своей комнаты и убѣдился, что боленъ; пока докторъ щупалъ ему пульсъ и прописывалъ лѣкарство, онъ пристально смотрѣлъ на его физіономію, желая убѣдиться точно, не очень ли серьезная у него болѣзнь и не грозитъ ли чѣмъ-нибудь очень непріятнымъ, пожалуй, и смертью. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень нехорошъ, гораздо хуже, чѣмъ поутру. Одушевленіе страсти, которая приводила въ движеніе его организмъ и наполняла его душу за минуту передъ тѣмъ, прошло: болѣзнь вступила въ свои права безпрекословно; вдругъ даже лицо осунулось, глаза сдѣлались мутны и блестѣли болѣзненнымъ огнемъ, ноги дрожали, и вообще онъ ужасно ослабѣлъ.

Весь этотъ день прошелъ безъ особенныхъ событій. Приходилъ Францъ. Кровлинъ пытался добиться отъ него еще чего-нибудь о незнакомкѣ, которая жила надъ нимъ, но безполезно. Послѣ обѣда онъ забылся часа на два, но тревожный полусонъ его былъ вдругъ прерванъ вечеромъ звукомъ фортепіано, на которомъ заиграли наверху. Вслѣдъ затѣмъ раздалось пѣніе, пѣлъ женскій голосъ. Кровлинъ приподнялся на постели. „Сопрано, чистое сопрано... — повторялъ онъ, устремивъ глаза въ потолокъ и наостривъ уши...— Каватина изъ „Лючіи“... Теперь, кажется, изъ „Лукреціи“... Жаль, что плохо слышно... а кажется, голосъ большой... Что если бъ можно было провертѣть въ потолкѣ дырочку... въ самомъ дѣлѣ бы хорошо... все бы слышалъ, что она говоритъ, что она дѣлаетъ... Мы женщину знаемъ только, когда она съ нами... но при насъ выскажется ли она вся? будетъ ли такъ, какъ у себя дома, près de son foyer?.. А вѣдь она артистическая натура! Это я замѣтилъ съ перваго взгляда; но знаетъ ли она, что ее слушаютъ, что ее понимаютъ?.. Какъ бы ей это дать знать? Какъ бы установить посредствомъ знаковъ, звуковъ, сообщеніе съ нею, цѣлый разговоръ?!“ Онъ присѣлъ на постели и очень громко запѣлъ изъ „Ломбардцевъ“: „Dove morta-al non va-a-a-a...“, остановился и сталъ прислушиваться, не отвѣтятъ ли тѣмъ же наверху... Тамъ не отвѣчали ничего. „Нѣтъ, лучше не пѣть,— подумалъ онъ:—голосъ у меня... вообще, мнѣ при женщинахъ лучше не пѣть. Впрочемъ, это и лишнее. Неужели она меня не замѣтила?.. ...Не можетъ быть: у женщинъ есть инстинктъ, и этому инстинкту я гораздо больше вѣрю, чѣмъ всѣмъ ученымъ физіономистамъ“.

Пѣніе между тѣмъ замолкло. Кровлинъ слышалъ, какъ съ шумомъ отодвинулся стулъ... легкіе шаги... изъ угла въ уголъ и опять, и опять, и отъ времени до времени тотъ же голосъ повторялъ или мотивъ, или руладу... „Видно, она обрабатываетъ голосъ... Это хорошо... Это показываетъ, что она въ душѣ артистка...—думалъ Кровлинъ, прислушиваясь къ тому, что̀ дѣлается наверху.—Я это понялъ сразу, что она существо не совсѣмъ обыкновенное... Кто же она такая? Если бы, впрочемъ, она была какая-нибудь знаменитость, то это не осталось бы тайной, и дуракъ Францъ это бы зналъ; онъ нѣмецъ и читаетъ „Allgemeine Zeitung“... Можетъ-быть, она только готовитъ себя къ сценѣ, и будущее ея впереди... Славная женщина! Ужасно люблю высокіе порывы въ женщинѣ!.. Но сейчасъ видно, что она не русская. У русскихъ дѣвъ не можетъ быть поползновенія къ славѣ. Имъ только бы домашній кружокъ, да если есть голосишко, то чтобы вмѣсто объясненія въ любви на словахъ, пропѣть: „Si tu savais combien je t'aime“... Онѣ въ искусствахъ дошли только до того, что обожаютъ какого-нибудь тенора за красивыя ноги; баса не понимаютъ, а на пѣвицу смотрятъ какъ-то враждебно, съ предубѣжденіемъ, какъ на существо падшее... Въ этомъ участвуетъ, можетъ-быть, безсознательно зависть и сожалѣніе, что общество наше не даетъ имъ той же арены... Натуры человѣческой нельзя же совершенно убить, можно ее исказить, и изъ прекрасныхъ порывовъ, если имъ не дать развитія, образуется зависть, нетерпимость и преслѣдованіе тѣхъ, кому не было подобныхъ преградъ... Судя по глазамъ, она должна быть итальянка, непремѣнно итальянка... можетъ-быть, впрочемъ, она пріѣхала сюда давать концерты и еще здѣсь неизвѣстна... Жаль мнѣ ее, если она думаетъ составить свою славу здѣсь, въ Петербургѣ; она не знаетъ Россіи... Это все оттого, что распространилась слава о Петербургѣ, будто онъ музыкальный городъ... Да, насъ спросили бы; знаемъ мы, какой онъ музыкальный городъ: пять-шесть знатоковъ, сотня любителей на пятьсотъ тысячъ душъ населенія — удивительная пропорція! Охъ, если бы познакомиться съ нею, я бы ей описалъ Петербургъ... Да, музыкальный городъ!.. Составитъ она здѣсь свою славу, если поетъ, не стоя на галопирующей лошади!“

Поздно вечеромъ все начало мало-по-малу стихать въ домѣ и на дворѣ. Говоръ у сосѣдей замолкъ; ребята перестали плакать; стихла даже цѣлый день ворчавшая кухарка госпожи Фуксъ; холостые жильцы разбрелись по гостямъ. Кто-то уже храпѣлъ... Все, что̀ дѣлалось наверху, стало слышнѣе Кров-

лину, котораго все вниманіе было обращено туда... Онъ слышалъ, какъ кто-то ходилъ по комнатѣ; потомъ опять раздалось пѣнье, потомъ замолкло... Легли спать...

Прошло два дня. Кровлинъ слышалъ, какъ пропѣли то же „Dove mortal non va“, и былъ очень доволенъ, принявъ это за поздній отвѣтъ себѣ. Въ эти два дня онъ обдумалъ, что, какъ встанетъ, то просто пойдетъ къ итальянкѣ, скажетъ, что очарованъ ея голосомъ до того, что рѣшился нарушить всякое приличіе, и что, влекомый, сверхъ того, истиннымъ желаніемъ помочь, можетъ-быть, еще неопытной артисткѣ, явился къ ней начертать вѣрную картину той публики, которой приговору она хочетъ себя подвергнуть... Эти фразы онъ перевертывалъ разъ сто, сопровождая ихъ разными учтивыми жестами. Главное затрудненіе — какъ начать, а тамъ ужъ, думалъ онъ, пойдетъ... тамъ извѣстно что: коснется и первыхъ рядовъ нашей музыкальной публики, пріѣзжающихъ въ оперу для сваренія желудка, или чтобы показать, кому слѣдуетъ, что и они поощряютъ таланты и являются въ театръ такъ же исправно, какъ и къ должности; коснется и бель-этажа, начинающаго стучать стульями во время финальной аріи, на которую и композиторъ и артисты налагаютъ всѣ свои силы; не обойдетъ второго и третьяго яруса, занимаемыхъ цвѣтомъ бюрократическихъ семействъ, подражающихъ бель-этажу и шумящихъ еще болѣе, чтобы и ихъ приняли за важныя лица; и отнесется снисходительно только о неистовыхъ крикахъ четвертаго яруса, впрочемъ, раздающихся часто и невпопадъ... Уже онъ описывалъ всѣ причины успѣховъ разныхъ пѣвицъ и постояннаго преслѣдованія ихъ со стороны болѣе незначительной публики, которая рада-рада случаю выказать свое неудовольствіе на особенныя протекціи, какъ на зло, отъ котораго каждый болѣе или менѣе страдаетъ... „Нѣтъ, — заключалъ онъ, — вы имѣйте въ виду болѣе массу, а не личности, тогда вы будете истинно велики“.

Онъ получилъ въ эти дни отъ Самарова записку:

„Лучше ли тебѣ, любезный другъ и товарищъ Иванъ Николаевичъ? Пожалуйста, не пренебрегай никакими мѣрами, чтобы возстановить свое разстроенное здоровье. Докторъ не велитъ ничѣмъ заниматься; пожалуйста, исполняй его предписанія. Что дѣлать! Докторъ въ этихъ случаяхъ маленькій деспотъ, но вѣдь это къ добру. Онъ мнѣ сказывалъ, что ты выходилъ. Какъ это можно! Мнѣ не велѣно писать, а потому извини, что пишу мало и нехорошо.

„Твой товарищъ по университету, по сердцу и по болѣзни Ѳедоръ Самаровъ“.

Кровлинъ отвѣчалъ:

„Мнѣ гораздо лучше, а ты какъ? Скверно, что нельзя ничѣмъ заняться. Впрочемъ, я не такъ скучаю, какъ могъ бы скучать. Къ Клеменцу я не сходилъ, потому что заболѣлъ. Не даютъ ничего ѣсть.

„И. К.“

О сосѣдкѣ не было писано ни слова. Кровлинъ обратилъ на это вниманіе и сказалъ, что Самаровъ плутъ.

III.

Въ продолженіе этого времени случилось еще одно происшествіе. Кровлинъ слышалъ, какъ часовъ въ девять подъѣхала къ крыльцу карета, какъ отворились дверцы, кто-то вошелъ въ подъѣздъ. Въ то же самое время наверху вдругъ прервалось пѣніе среди неконченной аріи. Послышались легкіе, извѣстные ему шаги артистки и потомъ чьи-то тяжелыя стопы, очевидно, гостя; потомъ звонъ чашекъ, звяканье серебряныхъ ложекъ, говоръ и смѣхъ—звучный смѣхъ итальянки и здоровый, самодовольный смѣхъ гостя. Кровлинъ, къ великой досадѣ, ничего не могъ разслышать изъ разговора; потомъ послѣдовало совершенное молчанье, стало-быть, говорили вполголоса, или, что̀ еще хуже, вовсе ничего не говорили... Подъ конецъ около полуночи слѣдовало пѣніе; потомъ отодвинулся стулъ, и все опять замолкло. Около двухъ часовъ ночи кто-то звалъ дворника; дворникъ позвонилъ ключами, нехотя шелъ и сквозь зубы ворчалъ. Потомъ отворились дверцы кареты, и карета уѣхала чрезвычайно быстро.

На слѣдующій вечеръ опять стукъ кареты, опять наверху тяжелыя стопы, смѣхъ, говоръ. „Что̀ бы это значило?—думалъ Кровлинъ.—Что̀ это за гость, который былъ вчера, а пріѣхалъ и нынче? Да развѣ это прилично? Развѣ это можно дѣлать, не имѣя на то какихъ-нибудь особенныхъ правъ?.. Особенныхъ правъ!.. А какія это права?..“ Онъ вскочилъ съ постели, бросился прямо къ окну, открылъ форточку, чтобы посмотрѣть на карету; при свѣтѣ фонаря, который горѣлъ у самаго входа, онъ разсмотрѣлъ красивую, на низкихъ рессорахъ, щегольскую карету, съ короной на сукнѣ, покрывающемъ козлы. Пара круглошеихъ коней постукивали копытами о мостовую и силились мордой достать одинъ другого съ тѣмъ, чтобы укусить, или съ тѣмъ, чтобы поцѣловаться. Кучеръ, замотавъ вожжи о правую руку, опрокинулся ничкомъ на кузовъ, поглядывалъ на звѣзды въ ожиданіи сна и покрикивалъ на лошадей. „Въ этакихъ каретахъ молодые люди не ѣздятъ,—замѣтилъ Кровлинъ,—развѣ аристократъ... да и тотъ пріѣхалъ

бы въ пролеткѣ“... Онъ закрылъ форточку и устремилъ все свое вниманіе наверхъ, а наверху слышались голоса и шаги... „Въ этихъ шагахъ отзывается санъ, крестъ на шеѣ, большой крестъ... нѣтъ, походка тяжелостопная... Четырехстопный!“—вдругъ воскликнулъ онъ, довольный своею остротою, и засмѣялся. „Это старый селадонъ! тоже съ своей протекціей къ пріѣзжей артисткѣ!.. или журналистъ; нѣтъ, не журналистъ, карета не такая, да онъ бы и пѣшкомъ пришелъ... знаемъ мы, какъ эти журналисты судятъ сердцемъ о музыкѣ... Коли мурашки по тѣлу не побѣжали, такъ не хорошо, а побѣжали, такъ и говоритъ, любя правду, хорошо... Чу! хохочетъ... какъ обидно, тяжело онъ хохочетъ! У! четырехстопный!.. вѣрно, отпустилъ знаменитую плоскость и радуется дуракъ!.. А вѣдь эти старики развратнѣе насъ... Что для нихъ искусство? Вздоръ; они въ артисткѣ видятъ только женщину, да и то съ какой стороны!.. Будто мало имъ другихъ женщинъ! Неужели непремѣнно надобно мозглявому селадону, у котораго все лицо на пружинахъ, а отъ жизни осталось только немощное воспоминаніе, непремѣнно осквернить святыню красоты и таланта, плюнуть на жертвенникъ, гдѣ въ священной чистотѣ горитъ дѣвственный огонь искусства? И это у нихъ называется покровительствовать юнымъ талантамъ!“ На талантъ вообще Кровлинъ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ; но особенно теперь благоговѣніе это было оскорблено тѣми размышленіями, которыя проходили въ его головѣ. Можетъ-быть, сочетаніе таланта и женщины было для него особенно высоко. „Нѣтъ, я не вытерплю“,—произнесъ онъ, вскочивъ на постели, и, поднявъ къ потолку глаза, одушевленные негодованіемъ, готовъ былъ убить этимъ взоромъ стараго волокиту. Послѣ этого порыва онъ опять прилегъ на подушки. „Нужно же мнѣ заболѣть именно въ такое время, когда я могу быть на что-нибудь полезенъ! А то живешь, живешь, и ничего-то, ни къ чему негоденъ! вѣдь случая нѣтъ!.. Вотъ бы теперь я явился бы къ ней и предостерегъ... Можетъ-быть, утромъ будетъ мнѣ лучше... Но если она приметъ въ дурную сторону мое предостереженіе? Если она подумаетъ, что я хочу только перебить мѣсто этого волокиты... О, Боже! и это мы, люди, такъ устроили общество, что не можемъ довѣрчиво принять самаго безкорыстнаго поступка одинъ отъ другого! не можемъ принять добра, потому что считаемъ его маскою зла, и даже нѣтъ средства сдѣлать добро безъ того, чтобы о васъ не говорили невообразимыя нелѣпости!.. Но развѣ нельзя письмомъ? Именно! анонимное письмо! Завтра же напишу и все ей открою, и подпишусь какъ-нибудь особенно, такъ,

чтобы она не имѣла никакихъ предубѣжденій, такъ: ваш ъ добрый геній... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! не добрый геній! просто— истинно желающій вамъ добра, или L'innominato..."

— Дворникъ, а дворникъ, отвори!—кричалъ голосъ.—Да гдѣ же ты? отвори!

— Отвори, отвори, — отворю!—ворчалъ дворникъ, побрякивая ключами и медленно идя къ подъѣзду.

Кровлину какъ будто стало легче; онъ сталъ обдумывать письмо, которое напишетъ завтра, и заснулъ.

На другой день онъ довольно спокойно принялся сочинять письмо; написалъ уже съ полстраницы, что „міръ состоитъ изъ добра и зла, и что зло разставляетъ вездѣ сѣти красотѣ и невинности" и пр., какъ вниманіе его было отвлечено новымъ событіемъ наверху.

Кровлинъ услыхалъ опять незнакомые шаги надъ собою; напрягъ все вниманіе, чтобы различить голоса, но въ это время гдѣ-то у сосѣдки заливалась пѣснью канарейка, обрадовавшаяся весеннему солнышку, заглянувшему ей въ клѣтку, а кухарка госпожи Фуксъ бранилась съ Францемъ и трещала не хуже канарейки, только на другой тонъ. Кровлинъ могъ только по шагамъ отличить, что это не тотъ гость, который былъ вчера: походка гораздо легче, но все-таки мужская. Черезъ нѣсколько времени послѣдовало пѣнье. Знакомый голосъ его итальянки пѣлъ дуэтъ съ теноромъ... Онъ задумался; сердце его сжалось; мысль не смѣла далѣе проникнуть въ отношенія итальянки къ молодому человѣку, потому что теноръ, поющій съ нею дуэтъ, не можетъ быть не молодымъ человѣкомъ. Дуэтъ прерывался смѣхомъ, но веселымъ, непринужденнымъ смѣхомъ... Кровлинъ долго сидѣлъ въ странномъ окаменѣніи, какъ человѣкъ, предчувствующій странное горе и не имѣющій силъ отвратить его. Наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ онъ произнесъ:—„Ce sont de vieux amis qu'on reçoit si matin", упалъ въ совершенномъ отчаяньи на подушку,—„et c'est ainsi qu'on les trompe!"—прибавилъ онъ потомъ съ нѣкоторой злобой. Онъ чувствовалъ себя чрезвычайно нехорошо. Какая-то убійственная пустота вдругъ водворилась въ его душѣ. Онъ обводилъ безпокойными глазами свою комнату, отыскивая въ ней какой-нибудь предметъ, который бы его занялъ; но ничто не обратило на себя его вниманія: ни старая шинель, висѣвшая на гвоздикѣ, ни намалеванный имъ портретъ Самарова, который былъ изображенъ въ байронической позѣ, безъ галстуха, въ рубашкѣ и въ голубыхъ подтяжкахъ, ни кресла, ни зеркало, въ которомъ отражался кусочекъ сѣраго неба, ни сапоги, стоявшіе

въ углу длиннымъ рядомъ и блестѣвшіе заботливостью Франца. Онъ закрылъ глаза и предался размышленіямъ о томъ, что вообще человѣческія привязанности непрочны, и тѣмъ болѣе привязанности женщинъ; что „общество между тѣмъ такъ устроено, что новая страсть, самое естественное движеніе сердца считается измѣною, преступленіемъ“... Но и эта мысль не заняла его, хотя обыкновенно онъ любилъ развивать ее до малѣйшихъ подробностей: ухо было постоянно навострено слушать, что̀ дѣлается на верху, у итальянки. Изъ разныхъ звуковъ, до него долетавшихъ, изъ стука мебели, шаговъ, рѣчей, можно было понять, что тамъ идетъ разговоръ очень крупный; возвышается то тотъ, то другой голосъ, то мужской, то женскій; высказываются сильные упреки... „А что̀, вѣдь, можетъ-быть, онъ сюда съ нею пріѣхалъ?.. Можетъ-быть, любовь ихъ началась еще тамъ, въ какомъ-нибудь маленькомъ итальянскомъ городкѣ на Lago di Garda, и онъ извлекъ ее изъ неизвѣстности, положилъ себя всего первою ступенью ея къ славѣ... Неблагодарная!“ — произнесъ Кровлинъ, оборотясь лицомъ въ другую сторону, какъ бы рѣшившись болѣе не слушать, что̀ дѣлается наверху. Но это было невозможно. Голоса становились все рѣзче, то вотъ—вспышка со стороны мужчины, нетерпѣливая, обидная выходка; то вотъ его старается пересилить женскій звучный голосъ, драматическій голосъ. Онъ все говоритъ... она прерываетъ его нѣсколькими словами, прерывающимися рыданьемъ...

— Чего же онъ отъ нея хочетъ, наконецъ! — воскликнулъ Кровлинъ: — ну, она его болѣе не любитъ—это фактъ! Вѣдь сердце... ахъ, какъ они этого не понимаютъ! Попробуй-ка кого-нибудь кормить недѣлю одними жареными голубями, захочется куропатокъ, а на голубей смотрѣть будетъ противно.

Онъ надѣлъ туфли и рѣшился-было пойти наверхъ вразумить ослѣпленнаго любовника, который радъ-радъ для удовлетворенія жалкаго самолюбія тиранить сердце бѣдной женщины... Но голоса наверху дѣлались слабѣе, утихали; рѣзкій тонъ спалъ... тише, тише... Все замолкло... Заключенъ миръ...

Кровлинъ провелъ рукой по лбу; глубоко вздохнулъ... „Уфъ! нехорошо...“ — прошепталъ онъ и легъ опять въ постель. Молчанье наверху было для него всего убійственнѣе. „Что̀ они дѣлаютъ!“—воскликнулъ онъ, и не могъ дать отвѣта; лихорадка усилилась; голова горѣла; онъ метался въ жару. Всѣ предметы принимали какое-то враждебное расположеніе; ему было страшно.

— Францъ, Францъ!—закричалъ онъ.

Явился Францъ.

— Что̀ прикажете?

— Пожалуйста, Францъ, заходи ко мнѣ почаще.

— Хорошо-съ. Что̀ же теперь прикажете?

— Да теперь ничего. Только заходи.

Францъ привелъ въ порядокъ склянки на столикѣ, поставилъ на него свѣчку и коробочку со спичками и вышелъ.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ докторъ. Кровлинъ едва сдѣлалъ ему движеніе головой. Привстать въ немъ не достало силъ.

— Ну, какъ наши дѣла?—спросилъ докторъ.

— Плохо, очень плохо, докторъ.

— Ничего, покажите языкъ. Гм...

— Я не знаю, переживу ли я, докторъ.

Вздоръ переживете. Пульсъ... неровный, это ничего; а аппетитъ?

— Никакого.

— Гм... Вамъ не хочется ли чего особенно, селедки, напримѣръ, винограду?

— Ровно ничего; все противно. Право, докторъ, скажите откровенно, что̀ вы обо мнѣ думаете: переживу ли я?

— Переживете. У васъ то же, что̀ у всѣхъ теперь.

— А вѣдь Прутиновъ не пережилъ.

— У него была гнилая горячка.

— Мнѣ кажется, у меня тоже.

Нѣтъ, у васъ не гнилая горячка. Гдѣ у васъ перо и чернильница? Да есть ли чернила,—иногда не бываетъ?

— Тутъ, на столѣ... И Андрюшинъ умеръ.

— Да, лѣтъ десять чахотка.

— Знаете что̀, докторъ, не чахотка ли у меня? Посмотрите, какъ я трудно перевожу дыханье... какъ сипитъ въ горлѣ.

— Нѣтъ, не чахотка. А вотъ вы пошлите въ аптеку; вамъ принесутъ этакую скляночку. Вы взболтайте хорошенько и принимайте по ложкѣ черезъ два часа. Можете послѣ водой запить и ротъ выполоскать, если не вкусно. Прощайте.

— Вы къ Самарову, докторъ?

— Къ Самарову. Ему гораздо лучше.

— Такъ вы думаете, докторъ, что я переживу?

— Переживете, только принимайте черезъ два часа.

— Я вѣдь, докторъ, смерти не боюсь; если бы я желалъ пожить, то только изъ любопытства.

— Да чего вы безпокоитесь? Вѣдь у васъ долговъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Вы не влюблены несчастно?

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, я не влюбленъ.

— Ну, такъ переживете.

„А вѣдь я влюбленъ, — подумалъ Кровлинъ, оставшись одинъ,—слѣдовательно не переживу. Въ самомъ дѣлѣ, не воспаленіе ли у меня въ сердцѣ? Эти доктора часто ошибаются... Какъ стучитъ сердце, вотъ будто съ минуту совсѣмъ не бьется; вотъ опять, какъ молотокъ, колотитъ... И голова... виски ужасно болятъ... Пожалуй, жилы лопнутъ... Впрочемъ, что жъ? Вѣдь все равно, одинъ конецъ... Написать бы ей только, что вотъ „жилъ себѣ человѣкъ, видѣлъ ее мелькомъ, любилъ истинно и остальное все ей прощаетъ...“

Это открытіе, на которое навели Кровлина слова доктора, т.-е. что онъ влюбленъ, было роковое открытіе для спокойствія больного. Теперь онъ зналъ, чѣмъ онъ страдалъ, и весь предался чувству, которое опредѣлилъ въ себѣ какъ бы случайнымъ образомъ. Не скажу, чтобы это открытіе было ему не совсѣмъ пріятно: человѣкъ всегда получаетъ какое-то облегченіе, когда опредѣлитъ, что его мучитъ, хотя этимъ нисколько не уменьшилось мученій. Но все какъ-то лучше. Кровлинъ тоже сдѣлался будто спокойнѣе: по крайней мѣрѣ, онъ лежалъ безъ движенія, безъ опредѣленной мысли. Но образъ итальянки былъ постоянно передъ нимъ; то ему казалось, что она сидитъ подлѣ него, больного, и прикладываетъ руку къ его горячему лбу, и ему какъ будто легче дѣлается отъ этого прикосновенія; то мысли его впадали въ странную неопредѣленность; онъ закрывалъ глаза и сжималъ губы, и будто бы чувствовалъ прикосновеніе къ нимъ другихъ, свѣжихъ, страстныхъ устъ... И по лицу его разливалось странное упоеніе, онъ улыбался и шепталъ тихо: „Милая, милая!“

Это блаженное забвеніе нарушалось какимъ-нибудь звукомъ наверху, и дѣйствительность представлялась ему въ своемъ печальномъ видѣ... Ему же было извѣстно все, что тамъ происходитъ. Онъ объ этомъ заключалъ изъ періодически повторяющихся однихъ и тѣхъ же явленій. Тутъ пріятныя мечтанія превращались въ думы самыя черныя; онъ ругалъ судьбу, общество, селадона, тенора, итальянку и себя самого. Разъ въ такомъ расположеніи онъ взглянулъ на портретъ Самарова и ни съ того ни съ сего сдѣлалъ ему преобидную гримасу. Замѣчательно однако, что вечерній визитъ господина съ тяжелой походкой былъ для него менѣе непріятнымъ, нежели дуэтъ съ теноромъ, тѣмъ болѣе, что какъ-то послѣ дуэта вдругъ протанцуютъ польку прямо надъ его головой. Онъ при этомъ замѣтилъ, что полька—самый развратный танецъ, и что, если бъ онъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ, то запре-

тилъ бы ее непремѣнно. Теноръ обыкновенно являлся поутру и уходилъ къ обѣду. Но вотъ однажды онъ, кажется, остался обѣдать, потому что, когда часа въ четыре отодвинулись съ громомъ отъ стола стулья, протанцовали галопадъ изъ угла въ уголъ и назадъ, и назадъ... и вообще онъ былъ слышенъ по шагамъ, по голосу, имѣлъ какую-то нравственную тягость, и нервы Кровлина постоянно страдали подъ его вліяніемъ и успокоивались только тогда, когда онъ уходилъ... Кровлину приходило въ голову, что часу въ девятомъ должна подъѣхать карета и тяжелостопный господинъ явится, пожалуй, съ букетомъ алыхъ розъ и массивнымъ комплиментомъ... Успѣетъ ли она выпроводить тенора?.. и какъ выпроводитъ?.. Если они встрѣтятся? Должна быть ужасная сцена... Если онъ спроситъ: „а по какому вы праву?“ И тяжелостопный тоже спроситъ: „а вы по какому праву?“—„А вотъ по какому праву“,—скажетъ итальянецъ и выхватитъ ножъ.

Въ девять часовъ подъѣхала карета. Наверху послышался разговоръ довольно живой, поспѣшные шаги въ разныя стороны. У Кровлина выступилъ холодный потъ; онъ будто чувствовалъ за собой что-то бурное и какъ бы желалъ укрыться отъ кого-то. Тяжелый господинъ идетъ по лѣстницѣ—слышно, какъ онъ кашляетъ. Наверху передвигаютъ мебель. „Не предупредить ли хозяевъ?“—думалъ Кровлинъ. Тяжелый господинъ шелъ уже по комнатѣ; ужъ говоритъ; но не слыхать его обычнаго смѣха. Но вотъ голоса живѣе, тонъ рѣзче, горячится теноръ, горячится онъ, ея голосъ, она плачетъ, рыданіе...—„Ужасно“,—едва слышно пробормоталъ Кровлинъ, присѣвъ на постели, одной рукой опершись о кровать, другою закрывъ глаза. Голоса все сильнѣе и сильнѣе, споръ жесточе; движенія, шаги тяжеле, наступаютъ и отступаютъ, что-то опрокинулось, что-то стеклянное упало и разлетѣлось въ дребезги, раздался пронзительный женскій визгъ, и въ ту же минуту какое-то тяжелое тѣло глухо брякнулось объ полъ...

— „Боже мой!... что̀ такое!..“ — воскликнулъ Кровлинъ, вскочивъ съ постели... „Убилъ!.. убилъ!..“ — повторялъ онъ внѣ себя, бѣгая по комнатѣ... „Бѣдная женщина... Куда дѣнутъ тѣло?.. Душка!.. душка!.. что̀ съ нею!..“—Силы его ослабѣли; онъ опустился на стулъ, закрылъ лицо руками... Нѣсколько минутъ прошло въ этомъ тягостномъ положеніи: онъ плакалъ... „Нужно же, чтобы я не могъ ничего для нея сдѣлать...“ Но ему блеснула счастливая мысль; онъ собралъ всѣ силы, поднялся и кликнулъ свою хозяйку.

— Клара Ивановна! Мадамъ Фуксъ, Францъ! — кричалъ онъ,—пріидите сюда!..“—Мадамъ Фуксъ, маленькая, добрая

старушка-нѣмка, въ старомъ чепчикѣ, который никогда не завязывался и съ котораго ленты развѣвались, когда она шла по комнатѣ своими мелкими скорыми шагами, просунула голову въ дверь къ Кровлину и отступила два шага назадъ, увидя передъ собою исхудавшую, какъ Уголино въ Башнѣ Голода, фигуру Кровлина, едва одѣтаго, посреди комнаты, съ блуждающимъ взоромъ, съ блѣднымъ, осунувшимся лицомъ, съ бородой, не бритой нѣсколько дней, и съ растрепанными волосами. „Jesus, Maria!“—воскликнула она, всплеснувъ руками.

— Послушайте, мадамъ Фуксъ, — говорилъ слабымъ голосомъ Кровлинъ:—вѣдь вы слышали...

— Liebes Kind! ай, ай, ай! что̀ съ вами?..

— Вы слышали тамъ, наверху?

— Что̀ такое?

— Убитъ... убитъ человѣкъ.

— Бѣдняжка!—повторяла нѣмка, натягивая на Кровлина халатъ:—надѣньте хоть туфли... Посмотрите, вы голыми ногами стоите на полу, а полъ-то холодный... Какъ же это можно... и никто-то за вами не присмотритъ, и Францъ-то мнѣ ничего не скажетъ...

— Оставьте меня, заботьтесь объ ней, объ той, что̀ наверху живетъ... Подите, скажите, что пусть она на время перейдетъ въ мою комнату; а я къ Самарову... А то понимаете, слѣдствіе будетъ... полиція... Пойдите же, пожалуйста, мадамъ Фуксъ, я прошу васъ, идите поскорѣй, такъ, какъ есть, такъ и идите.

— Куда пойти? О, liebes Kind, вамъ бы горчицы къ ногамъ поставить.

— Ступайте же, скажите отъ меня, что пусть она перейдетъ на время...

— Пойду, пойду; а вы горчицы привяжете?

— Бросьте горчицу, не то я самъ отправлюсь. Францъ! одѣнь меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы останьтесь, я ужъ все сдѣлаю, будьте спокойны. Вы только лягте.

У подъѣзда раздался шумъ. Кровлинъ бросился къ окну. При свѣтѣ фонаря онъ разсмотрѣлъ господина въ пальто, должно-быть, молодого, потому что онъ былъ строенъ, высокъ и тонокъ, длинные черные волосы, лица не видать. Онъ поговорилъ горячо съ кучеромъ, потомъ отперъ дверцы, сѣлъ въ карету, кучеръ ударилъ по лошадямъ, карета умчалась что̀ есть духу.

— Ускакалъ! — прошепталъ задыхающимся голосомъ Кровлинъ.

Мадамъ Фуксъ пошептала съ Францеммъ; сказала Кровлину, что она сейчасъ пойдетъ исполнить его приказанія, а онъ пусть покамѣстъ полежитъ и не раскрывается.

Кровлинъ совершенно ослабѣлъ и сдѣлался покоренъ, какъ ребенокъ; его уложили въ постель; онъ говорилъ одни безсвязныя слова; мадамъ Фуксъ приходила къ нему нѣсколько разъ, давала питья и прислушивалась къ его бреду, всякій разъ ругала Франца за флегматизмъ, что онъ ничего не сказалъ ей о болѣзни Кровлина, что такъ, пожалуй, безъ попеченія женщины онъ бы и умеръ, и никто бы о томъ не зналъ.

Болѣе Кровлинъ ничего не слышалъ, что̀ дѣлалось въ эту ночь въ комнатахъ итальянки.

IV.

Попеченія Клары Ивановны, питье и потомъ нѣсколько часовъ забытья успокоили нервы Кровлина. Утромъ онъ проснулся и чувствовалъ себя гораздо легче. Одно за другимъ припомнилъ онъ всѣ обстоятельства вчерашняго ужаснаго происшествія и, несмотря на свою слабость, подошелъ къ окну посмотрѣть, что̀ дѣлается на улицѣ, потому что вниманіе его обратила на себя необыкновенная ѣзда экипажей, которые останавливались у ихъ дома. Въ самомъ дѣлѣ, уже двѣ кареты и нѣсколько дрожекъ стояли у подъѣзда. Первый предметъ, кромѣ этихъ экипажей, который поразилъ его, былъ краснощекій городовой, съ мѣдной бляхой на фуражкѣ съ надписью: „за отличіе“, съ тесакомъ на черной глянцовитой портупеѣ. Онъ имѣлъ что-то карательное въ своей физіономіи; стоялъ, держась прямо и протянувъ правую, здоровую руку такъ, что, если бы пришлось ему схватить за воротъ и поднять на воздухъ какого-нибудь мерзавца, онъ бы такъ его и схватилъ и поднялъ, все стоя въ струнку, а лѣвую руку приложивъ къ тесаку, и держалъ бы до тѣхъ поръ, пока бы ему не скомандовали: „Опусти“. Онъ съ озабоченнымъ видомъ говорилъ что-то дворнику ихъ дома, который стоялъ передъ нимъ съ обнаженной головой, почесывая затылокъ, а другою рукою разводя въ сторону. Тутъ же былъ и подчасокъ, и гарнизонный солдатъ въ киверѣ... „Это, видно, надзирательскія дрожки, — подумалъ Кровлинъ, разсматривая старыя, но крѣпкія дрожки, запряженныя отличной лошадью, на какихъ ѣздятъ купцы.—А это, видно, частнаго“,—сказалъ онъ, взглянувъ на дрожки съ дышломъ, запряженныя парою рысистыхъ вятокъ, которымъ такъ и хочется разбить экипажъ.

Францъ вошелъ въ комнату, поставилъ чайный приборъ на столъ и хотѣлъ уйти; Кровлинъ подозвалъ его къ окну и спросилъ:

— Что это тутъ? Полиція?

Францъ взглянулъ на городового и отвѣчалъ:

— Полиція.

— А что тамъ? — сказалъ Кровлинъ задыхающимся голосомъ и указалъ наверхъ.

Францъ пожалъ плечами и ушелъ.

Послѣ первой чашки чаю Кровлинъ почувствовалъ въ себѣ нѣкоторыя силы, рѣшился одѣться и выйти къ итальянкѣ, пользуясь суматохой, которая тамъ происходила, потому что въ самомъ дѣлѣ наверху возня была необыкновенная: ходили и стучали, передвигали мебель, щелкалъ ключъ и звенѣлъ замокъ...

— Ну, братъ, перепугалъ ты насъ...

— А, Самаровъ!.. Что, братъ?..

Кровлинъ обратился-было къ Самарову съ тѣмъ, чтобы сообщить ему свои чувства по поводу того, что случилось наверху, но остановился, увидя пріятеля своего, стоявшаго передъ нимъ въ шинели, которую онъ не рѣшался снять, не узнавъ навѣрное температуры комнаты Кровлина; подъ шинелью на немъ было надѣто теплое пальто, на головѣ мѣховая зимняя шапка со спущенными ушками, а шея была обмотана краснымъ гаруснымъ шарфомъ. На ногахъ мѣховыя калоши сверхъ сапогъ.

— Да что ты, въ дорогу, что ли, одѣлся? — спросилъ Кровлинъ.

— Да, въ дорогу — къ тебѣ. Ну, какъ ты сегодня? Вчера, говорятъ, собирался умирать?

— Сегодня мнѣ гораздо лучше.

— Чего лучше: у тебя глаза бѣгаютъ, какъ у сумасшедшаго. Тебѣ надобно беречься.

— Это не отъ болѣзни. Да ты отчего поднялся нынче?

— Да такъ; ты еще очень, очень плохъ. Тебя разсердили, что ли?

— Да, разсердили. Францъ меня ужасно бѣситъ.

Самаровъ посмотрѣлъ на него пристально и спросилъ съ нѣкоторой ироніей:

— А что Францъ?

— Скотина, больше ничего. Да ну его къ чорту! Разсказывай мнѣ свои новости. Я ничего не знаю, что дѣлается на свѣтѣ. Свидѣтельствовалъ тебя докторъ изъ департамента?

— Нѣтъ. Вчера сидѣлъ у меня вечеромъ Горевaловъ. Смѣшилъ ужасно.

— Гм!.. А еще?

— Да что жъ еще? Ничего.

— Ты давно выходишь?

— Сегодня въ первый разъ, и то только къ тебѣ.

— А слышалъ наверху?

— Что такое?

— Да ну, разсказывай! Узналъ ли что-нибудь о ней... о сосѣдкѣ?.. Помнишь?

— Нѣтъ, ничего.

— Врешь, по глазамъ вижу, что врешь... А вчерашняя исторія?

— А ты знаешь?

— Да тебѣ, можетъ-быть, слышнѣе?

— Ну, братъ, признаюсь, я было не хотѣлъ тебѣ сказывать, да сегодня, вслѣдствіе одного визита, передумалъ.

— Что жъ ты объ ней узналъ?

— Я скажу тебѣ: le champ est libre, ты можешь ею заняться... Можешь итти познакомиться, и... тебя не прогонятъ... Да что съ тобою?

— Ничего, ничего, говори... Это такъ; дай, я лягу, я еще очень слабъ.

Самаровъ подумалъ, что надобно занять товарища, и сказалъ:

— Ты лежи спокойно. Дай, я тебѣ ноги закутаю. Ты еще, душа моя, Иванъ Николаичъ, очень нехорошъ. Ты меньше говори. Ну, вотъ видишь, какъ я догадываюсь, сосѣдка-то наша... того... Только она, кажется, не нѣмка... Къ ней ѣздитъ по вечерамъ какой-то важный господинъ. Что ужъ они тамъ дѣлаютъ, не знаю; да и что имъ дѣлать... Должно-быть, и квартиру-то онъ ей нанимаетъ; съ ней живетъ старуха. Только, видно, старуха знаетъ свое дѣло, и у нихъ бываютъ другіе гости... Вчера они однакожъ встрѣтились, была ужасная возня. Кажется, драка. Я даже думаю, что старикъ-то ее поколотилъ, потому что я слышалъ, какъ она упала на полъ... Впрочемъ, она ли, старуха ли, не знаю; только, кажется, она, потому что она визжала и плакала... Что жъ, если хочешь, онъ въ своемъ правѣ; все-таки онъ на нее тратился; зачѣмъ же обманывать? Вѣдь оно хорошо, хорошо говорить о сердцѣ женщины; ну, да вѣдь не о такой же твари, какъ эта. Представь себя на его мѣстѣ; сдѣлалъ бы то же самое, то-есть, можетъ-быть, только бы не побилъ.

Кровлинъ сильно перевернулся на постели лицомъ къ стѣнѣ.

— Старикъ-то послѣ того, кажется, уѣхалъ, потому что я слышалъ, какъ поскакала его карета. Тутъ ужъ я не знаю, что̀ было, потому что пришелъ Гореваловъ. Смѣшилъ ужасно. Да, я думаю, послѣ той встрепки ей было нехорошо. Чай, отбило охоту играть и пѣть... А ты слышалъ, у нея голосишко не дуренъ. Не знаю, гдѣ она могла выучить аріи, а распѣваетъ ихъ очень недурно. Да она вообще славная бабенка... Ахъ, ну, что̀ же это, Иванъ Николаичъ, ты опять раскрылся; въ самомъ дѣлѣ, ты дитя. Тебѣ нужна нянька... Какъ этакъ выздоровѣешь? Дай, я тебѣ закрою ноги...

— Не тронь меня! Убирайся!—закричалъ Кровлинъ, обернувшись со сверкающими глазами къ Самарову.

Самаровъ подумалъ, что ужъ не съ ума ли онъ сходитъ, и молча накрылъ ему ноги халатомъ. Потомъ онъ сѣлъ поодаль, смотря на больного, какъ смотритъ собака на хозяина, который ударилъ ее въ сердцахъ не за ея вину, а вслѣдствіе посторонняго огорченія, и по первому его милостивому знаку готова подползти къ нему и повиниться, вертя хвостомъ, опустивъ уши и умильно щуря глаза.

— Не пора ли тебѣ принять лѣкарство?

— Нѣтъ, спасибо, я не хочу принимать этой дряни.

Самаровъ пожалъ плечами. Въ это время растворились двери, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ пальто, съ длинными волосами и бакенбардами.

— А, да вонъ они гдѣ, пріятели!

— Тсс! — прошепталъ, бросившись къ нему, Самаровъ и, указавъ пальцемъ на Кровлина, прибавилъ:—онъ боленъ.

— Кровлинъ? А что̀ съ нимъ?

Кровлинъ посмотрѣлъ на вошедшаго молодого человѣка.

— Дубровинъ! Ты ли это? Весь обросъ волосами...

— Вѣдь сказывали, ты былъ за границей?—спросилъ Самаровъ.

— Да вотъ года два, какъ вернулся. Я часто спрашивалъ объ васъ у товарищей.

— А ты кого видалъ?—спросилъ съ живостью Самаровъ.— Знаешь ли, что мы съ тобой не видались съ послѣдняго комержа?

— Не видались. Я не многихъ встрѣчаю,—вотъ Мишу Бочкина.

— Онъ ужъ столоначальникъ; получилъ двѣ награды и третій чинъ. Вотъ счастливъ-то! Чертовски счастливъ!

— Еще видѣлъ Руслякевича, Гонорія.

— Руслякевича?.. Старшимъ учителемъ въ Перми; недавно пріѣхалъ; ужъ онъ выслужилъ свои года.

— Кого еще? Моргенблума...

— А! Секретаремъ при министрѣ... Какъ же! Читалъ ты въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“, что онъ произведенъ за отличіе въ коллежскіе асессоры? Вотъ, братъ, какъ нѣмцы-то. Ты знаешь, Иванъ Николаевичъ, въ третьегоднишнимъ номерѣ?

Кровлинъ посмотрѣлъ на него и ничего не отвѣчалъ.

— Ты-то что, скажи лучше?—спросилъ онъ, обратясь къ Дубровину.

— Да ничего. Служу... А что, братъ, твое министерство переводовъ?

Кровлинъ улыбнулся. Дубровинъ потрепалъ его по плечу.

— А энциклопедія?

— Объ энциклопедіи еще подумываю.

— А издалъ ли ты повѣсти мадамъ Гизо?—сказалъ онъ, съ улыбкой обратясь къ Самарову.

— Это для него труднѣе, чѣмъ мнѣ учредить мое министерство переводовъ,—перебилъ Кровлинъ.

Самаровъ засмѣялся и покраснѣлъ.

— Юность, юность!—произнесъ онъ со вздохомъ.

— Я часто бываю въ этомъ домѣ, — сказалъ Дубровинъ, окинувъ глазами комнату:—не зналъ, что вы здѣсь живете, а то бы давно къ вамъ зашелъ.

— А у кого ты бываешь? — съ живостью спросилъ Кровлинъ.

— Да тутъ живетъ одна моя тетка.

Кровлинъ опустилъ голову.

— Вотъ, господа, оригиналка-то. Я только-что присутствовалъ при уморительной исторіи. Представьте себѣ, старая русская барыня. Весь вѣкъ жила въ деревнѣ и была очень добрая женщина. Отецъ мой, тоже простой человѣкъ, служилъ сначала во флотѣ, ну, знаете, потомъ ужъ лѣтъ двадцать, какъ не выѣзжаетъ изъ помѣстья. Они всегда были очень дружны и не ссорились. Только однажды изъ-за чего, я ужъ и не знаю, ужъ и они сами не помнятъ, побранились. Имѣніемъ они владѣли нераздѣльно; то-есть вотъ какъ: батюшка получилъ, правда, отцовское небольшое имѣнье, да оно лопнуло по откупамъ въ залогахъ; и жилъ онъ все время въ помѣстьѣ сестры. Это материнское имѣнье. Они никогда и не дѣлились. Батюшка получалъ доходы съ того имѣнья, гдѣ жилъ; тетушка—съ другой вотчины, гдѣ жила. Даже она не хотѣла дѣлиться и тратиться на это, потому что, оставшись вдовой, дѣтей не имѣла, да и стара. Ну, вотъ только они поссорились. Она пошла судомъ и жалуется, что братъ у нея захватилъ имѣніе. Уѣздный судъ рѣшилъ по праву давности;

она на апелляцію. Дошло дѣло до сената; вотъ здѣсь живетъ она ужъ третій годъ; разстроилась ужасно на процессъ, и несмотря на то, что ее и параличомъ хватило, и голосъ у нея пропалъ, и сама едва движется,—не унялась. Я у нея бывалъ-таки частенько; каждый день бывалъ, и со мной она очень хороша, очень любитъ меня, но только о дѣлѣ не смѣй при ней пикнуть. На-дняхъ какъ-то я заговорилъ довольно горячо, вступился за отца; мнѣ помогла тутъ у нея воспитанница, премиленькая дѣвочка... Что жъ вы думаете! Она своимъ сиплымъ эхомъ наговорила ей такихъ вещей, что та расплакалась, и я вышелъ изъ себя. Ну, не могъ... Представьте же себѣ теперь, что не далѣе, какъ вчера, рѣшено дѣло въ ея пользу и получено извѣстіе; она прочитала бумагу, потомъ залилась слезами, что изъ-за нея родного брата ея отдаютъ подъ судъ за неправое завладѣніе чужой собственностью. Я вамъ говорю, такая сцена, что этакой больше, можетъ-быть, мнѣ не прійдется увидѣть. „Дура, говоритъ, что я сдѣлала! Кровнаго брата теперь по міру пустила нищимъ, да еще засудятъ его, какъ вора“. Что жъ вы думаете? Какъ сидѣла, такъ и упала на полъ безъ чувства.

— Постой, Дубровинъ, постой... гдѣ живетъ твоя тетка?

— Да вотъ съ этого же подъѣзда, этажомъ выше.

— Прямо надо мной?

— Я думаю.

Кровлинъ взглянулъ на Самарова.

— Ну, что жъ далѣе?

— Да ничего особеннаго... Я представляю это, какъ фактъ характеристическій нашихъ родовыхъ отношеній. Это совершенно въ томъ же духѣ, какъ было съ Шаншинымъ—знаете его процессъ съ тещей?

— Знаю, знаю; чѣмъ же у васъ-то кончилось?

— Да ничего, все слава Богу. Я поѣхалъ скорѣй за докторомъ въ дядюшкиной каретѣ—это другой дядя, по матери; хорошій человѣкъ; онъ у нихъ бываетъ каждый день.

— Ну, ну,—говорилъ Кровлинъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:—ну, а эта... воспитанница?..

— А вотъ: тетушка, прійдя въ себя, сейчасъ составила духовную, по которой все имѣніе отказала мнѣ и этой дѣвушкѣ... на которой, друзья, давно думаю жениться, а теперь оно и кстати, для округленія владѣній.

— А это она поетъ?—спросилъ Кровлинъ.

— Она.

— Она не русская?

— Нѣмка здѣшняя.

— Ну, видишь, какъ ты глупъ, Самаровъ!

Самаровъ покраснѣлъ, какъ ракъ вареный.

— Скажи, пожалуйста, еще одно, Дубровинъ. Отчего еще была тамъ сегодня полиція?

— Были свидѣтели тетушкинаго акта, а полиціи не было.

— И частнаго не было?

— Не было.

— И надзирателя не было?

— Не было.

— А городовой?

— Ну, братъ, и городового не было.

— Какъ же это городовой...

На этомъ пунктѣ Кровлинъ очень задумался.

1847.

II.

СТАРУШКА.

(Отрывокъ изъ записокъ празднаго человѣка).

Прошло уже три дня, какъ я былъ у Бобровыхъ, т.-е. три мучительныхъ дня, какъ я не видалъ Вѣры Александровны Бобровой. Приличіе, казалось мнѣ, довольно соблюдено, и я думалъ, что ужъ никто не оскорбится моимъ посѣщеніемъ, и не будутъ говорить о немъ вкривь и вкось ни тетушки Вѣры, ни разныя приживалки, питающія свой духъ сплетнями и готовыя, ни съ того ни съ сего, опорочить поведеніе бѣдной женщины... Оставалось только мнѣ отыскать благовидный предлогъ, подъ которымъ бы можно было имѣть право и даже обязанность явиться въ это семейство. Непремѣнно нуженъ предлогъ, потому что если меня примутъ, то это значитъ, что нестерпимый Алексѣй Васильичъ дома; иначе онъ велитъ отказывать всѣмъ и каждому, когда супруга его одна. Бѣдная женщина! Но какой же предлогъ? Взять послѣдній номеръ „Иллюстраціи“ и показать картинки, или дать разгадать ребусъ... но этихъ ребусовъ я еще никогда не отгадалъ самъ, да и картинки не такія, чтобы возить ихъ показывать изъ дому въ домъ. Взять „Ералашъ“... но Вѣра Александровна живетъ вдали отъ свѣта, и карикатуры на наши знаменитости ей будутъ вовсе чужды и лишены интереса, потому что она этихъ знаменитостей не видала и не знаетъ... Наконецъ я вспомнилъ, что она не разъ обнаруживала желаніе „учиться“, просила серьезныхъ книгъ, просила дать ей понятіе объ исторіи, о литературахъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, говорила, что французскіе романы ей надоѣли давно, и ей хочется имѣть болѣе полное, болѣе дѣльное понятіе о наукахъ..

Вотъ я заѣхалъ въ лавки и купилъ Вильменя „Курсъ литературы“, „Иліаду“ и „Божественную комедію“ во французскомъ

переводѣ, и съ этими предлогами отправился въ Коломну, къ большому каменному дому, гдѣ занимали квартиру Бобровы. Въ третьемъ этажѣ свѣтъ. „Дома!“—подумалъ я и съ трепетомъ вбѣжалъ по лѣстницѣ. Позвонилъ: долго не отпирали; наконецъ послышались мнѣ легкіе шаги: Вѣра Александровна сама отворила дверь.

Сердце мое забилось отъ радости, потому что теперь ужъ нечего было опасаться, что мнѣ откажутъ.

— Это вы?—спросила Вѣра Александровна.

Голосъ ея мнѣ показался нетвердымъ: я льстилъ себя надеждою, что она почувствовала нѣкоторое смущеніе при моемъ появленіи, тѣмъ болѣе, что съ какою-то недовѣрчивостью и безпокойствомъ поглядѣла кругомъ, на дверь, которая вела въ кабинетъ ея мужа, на коридоръ, который велъ въ кухню, даже на вѣшалку, на которую я вѣшалъ свою шинель.

— Вы это сами отворили мнѣ дверь?—спросилъ я, рѣшительно потерявшись и не зная, что̀ спросить.

— Да, Сашенька заснула на рукахъ у Θеклы, а Дмитрія я услала. Алексѣя Васильевича нѣтъ дома...

У меня съ языка уже готово было сорваться слово, которое было бы прилично сказать въ этомъ случаѣ, что—очень жаль, но я опомнился и былъ столько честенъ, что не сказалъ.

— А вотъ я привезъ вамъ книги,—сказалъ я, дѣлая шагъ къ дверямъ залы, обнаруживая этимъ рѣшительное намѣреніе остаться, несмотря на то, что Алексѣя Васильевича нѣтъ дома. Это движеніе заставило и Вѣру Александровну выйти изъ нерѣшимости: принять меня или не принять.

Никогда Вильменъ, Гомеръ и Дантъ не были для меня такъ велики, какъ въ эту минуту.

— Вы одни,—началъ я говорить:—что̀ же вы дѣлали?

— Играла.

Фортепьяно было открыто: на немъ стояли двѣ свѣчи. Но я вспомнилъ, что, идя по лѣстницѣ, я не слыхалъ, чтобы играли въ покояхъ Вѣры Александровны; это заставило меня взглянуть на нее попристальнѣе: я увидѣлъ, что у нея глаза красны и щеки горѣли.

Она поняла, что я догадался, и отвернулась.

Мнѣ было невыносимо тяжело видѣть ее въ такомъ положеніи... такъ бы и бросился къ ея ногамъ, осыпалъ бы поцѣлуями ея руки, такъ бы вымолилъ у нея признаніе, о чемъ она плакала, такъ бы умолилъ, чтобы она забыла горе, что если любви недостаетъ ей въ жизни, то это напрасно она говоритъ,—что есть человѣкъ, которому ни минуты нѣтъ

покойной безъ нея, что есть сердце, которое отдалось ей совсѣмъ, навсегда, навѣки... Но, думая все это, я говорилъ:

— Вы хотѣли читать что-нибудь серьезное: вотъ Вильменева „Иліада“, вотъ Дантовъ „Потерянный рай“... у Гомера найдете превосходную оцѣнку, критическій разборъ Вильменевой поэмы...—И я говорилъ и перелистывалъ книги, а исподтишка взглядывалъ на бѣлыя, какъ алебастръ, руки несравненной женщины, на пальцы, на которыхъ блестѣли золотыя кольца, на полуоткрытую шейку ея. Она была удивительно хороша: тонкая талія, прямая, какъ флейта, гибкая, какъ камышъ; густая каштановая коса, завязанная на затылкѣ, безъ всякихъ обдуманныхъ соображеній, просто, чтобы только не расцалась на плечи и на спину, чуть не до самыхъ колѣнъ... и она облокотилась на фортепьяно и наклонилась къ книгамъ, которыя я раскрывалъ и закрывалъ... и я былъ такъ близокъ отъ нея, что моя щека чувствовала жаръ ея щеки и теплое ея дыханіе... и она слушала меня и не замѣчала, что я говорю ужаснѣйшій вздоръ...

Прошло нѣсколько минутъ; я замѣтилъ, что наконецъ мы оба давно молчимъ и Богъ знаемъ о чемъ думаемъ. Тогда я вынулъ изъ кармана сигару, закурилъ ее и сѣлъ на диванъ. Вѣра Александровна перебирала еще книги, повидимому, успокоилась и подошла ко мнѣ.

— Знаете, о чемъ я думалъ, когда мы смотрѣли книги — сейчасъ?

— О чемъ?

— О томъ, что въ одной изъ нихъ разсказывается исторія, какъ однажды нѣкоторый рыцарь Ланцолетто и прекрасная Франческа ди-Римини читали одну повѣсть и при этомъ чтеніи признались другъ другу въ любви. До тѣхъ поръ они ничего не говорили. Это точно мы, т.-е. вы и я.

— Какое же сходство вы нашли между ними и... мной съ вами?

— Большое сходство. Она—была жена другого и любила Ланцолетто; а Ланцолетто обожалъ ее... не то ли же самое? Я—люблю васъ; вы—жена другого..

— Такъ что жъ изъ этого?

— Вы никогда не любили вашего мужа, вы вышли за него почти насильно, и вы любите меня!..

— Пожалуйста, бросьте шутки, я прошу васъ. Я вовсе не расположена шутить сегодня. Я не понимаю, зачѣмъ я васъ приняла: вы знаете, что мужъ не любитъ, чтобъ я безъ него кого-нибудь принимала.

— Я не думаю шутить; я только удивляюсь, какъ вы

можете говорить серьезно о томъ, что почтеннѣйшій супругъ вашъ самъ не живетъ дома и хочетъ васъ держать, какъ въ монастырѣ на покаяніи, и вы не смѣете никого принимать...

— Онъ знаетъ, что можетъ на меня положиться, и вотъ въ этомъ особенно я не похожа на вашу Франческу; она боялась только мужа, а я — если бы кого-нибудь полюбила, то не страхъ удержалъ бы меня...

— О, Вѣра, Вѣра Александровна! вы—божественная женщина!..—воскликнулъ я и поймалъ ея руку.

— Не страхъ,—продолжала она:—а сознаніе своего долга, сознаніе того, что я мать, что у меня есть обязанности, которыя выше какого-нибудь минутнаго увлеченія... Вѣдь это все проходитъ! Это все пройдетъ,—говорила она, печально качая головой и пристально глядя на меня: — а чувство матери остается вѣчно!

Рука Вѣры Александровны выпала у меня изъ рукъ.

— Какія ложныя понятія!—сказалъ я, чувствуя, что надо изобрѣтать софизмы, чтобы поколебать ея простыя и здоровыя убѣжденія. Положеніе непріятное.

— Послушайте,—прервала она меня: — не трудитесь мнѣ доказывать того, въ чемъ вы сами не убѣждены порядочно. Вѣдь вы меня уважаете теперь за то, что я свято исполняю, что̀ считаю своими обязанностями; если же я ихъ нарушу, вы будете уважать меня меньше; такъ смотрите, къ чему же вы стремитесь: къ тому, чтобы самимъ погубить меня въ своемъ мнѣніи... Но я признаюсь вамъ, мнѣ было бы больно терять ваше уваженіе, потому что ваша дружба для меня очень дорога, можетъ-быть, дороже, нежели сколько бы слѣдовало... и если вы хотите мнѣ доказать ее вполнѣ, то продолжайте быть мнѣ полезнымъ совѣтами, вашими указаніями, вашими познаніями, потому что... для меня только тогда и есть жизнь, когда я займусь музыкой и книгами...

Я сдѣлалъ-было движеніе нетерпѣнія, но она взяла меня за руку.

— Не правда ли,—сказала она:—вы будете умны... только съ этимъ условіемъ я могу принимать васъ.

Она говорила это съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью въ себѣ и во мнѣ, что я рѣшительно не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать.

— Разскажите-ка мнѣ объ „Иліадѣ“; какъ это вы разъ говорили, что Гомера не было...

Я съ какимъ-то болѣзненнымъ жаромъ разсказалъ все, что̀ зналъ о Гомерѣ; она сдѣлала мнѣ еще нѣсколько вопросовъ; я говорилъ съ увлеченіемъ. Удивительно пріятное чувство въ

самомъ дѣлѣ испытывалъ я, передавая свои свѣдѣнія женщинѣ, которая прекрасна и которая принимаетъ ихъ отъ васъ съ благодарностью и довѣренностью!.. И мнѣ было пріятно освобождать ихъ отъ всѣхъ схоластическихъ формъ, которыя какъ будто необходимы сдѣлались ученымъ предметамъ!..

Бесѣда наша была прервана только приходомъ Θеклы, исправлявшей должность кухарки, горничной и вмѣстѣ няньки у Бобровыхъ; Вѣра Александровна быстро на нее взглянула и просила меня подождать ее.

Въ ея отсутствіе я позабылъ объ исторіи и поэзіи и началъ обдумывать, что у насъ съ Вѣрой Александровной престранныя отношенія.

Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась и сѣла на прежнее мѣсто. Кажется, и она не думала объ исторіи и поэзіи. Она была ужасно блѣдна. Руки ея дрожали. Несмотря на легкость своего стана, она, какъ камень, опустилась на диванъ. Я не смѣлъ ни спросить ее, ни двинуться, ни даже показать, что я замѣтилъ ея разстройство. Поняла ли она это и сочла деликатностью, которая требуетъ награды, или ужъ ей въ самомъ дѣлѣ было очень тяжело, только она сказала:

— Вотъ этакъ почти четыре года!.. Третій день нѣтъ извѣстія объ Алексѣѣ Васильичѣ; ни знакомые ни родные— никто не знаетъ! Хоть это и часто повторяется, но я не могу привыкнуть... Человѣкъ, съ которымъ связанъ, съ которымъ вмѣстѣ живешь... у котораго есть дочь · наконецъ (рыданіе начало прерывать ея голосъ)... Человѣкъ, который довелъ насъ до крайности... и постоянно не быть увѣренной еще, живъ ли онъ... Ну, можетъ-быть, онъ лишилъ себя жизни... отъ него все станется... онъ говоритъ часто, что если я вотъ на шагъ отступлю отъ своихъ обязанностей, то онъ убьетъ себя... потому что, говоритъ, это онъ будетъ причиною всему...

Что мнѣ тутъ было дѣлать! Я зналъ, что она несчастна, что эта красота, молодость, этотъ свѣтлый умъ и нѣжное сердце принесены въ жертву человѣку безъ сердца и безъ правилъ, эгоисту и сластолюбцу и, главное, тщеславному и высокомѣрному!.. Это была такая минута, что если бы онъ, этотъ самый мужъ, находился при насъ, я при немъ бросился бы предъ ней на колѣни и плакалъ бы въ ея колѣняхъ, или бы убилъ негодяя.

И какія утѣшенія могъ я привести ей? Я говорилъ много; но ни одинъ доводъ, если разобрать хорошенько, не достигалъ вполнѣ цѣли; таковы, впрочемъ, женщины даже и теперь: какой-нибудь принципъ, что-нибудь ясное, какъ майскій день,

вырывало у нея печальную улыбку и качаніе головой; какой-нибудь вздоръ, вовсе не логическій и не правдоподобный, былъ ей гораздо утѣшительнѣе... Я молилъ ее не плакать, говорилъ, что это раздираетъ мое сердце, что она наконецъ напрасно безпокоится, что онъ, вѣроятно, живъ, здоровъ и веселъ, и очень хорошо сдѣлалъ, что не вернулся домой, потому что тогда у насъ бы бесѣда была втроемъ, а я рѣшительно не нахожусь вести разговоръ съ нимъ или при немъ; что, наконецъ, она обязана болѣе думать о тѣхъ, кто ее любитъ, кому, слѣдовательно, она болѣе принадлежитъ, чѣмъ тому недостойному человѣку, что она должна беречь себя для дочери и... для меня, потому что я чувствовалъ, что наше существованіе тѣсно связано, что рождены ли мы, нѣтъ ли одинъ для другого, но я не могу быть счастливъ, зная, что она несчастлива.

— Вы очень добры,—говорила она, отвѣчая пожатіемъ руки на мои слова. Я видѣлъ однако, что слова мои дѣйствовали: она смотрѣла на меня такъ нѣжно, такъ грустно, что какъ будто бы въ первый разъ услышала, что̀ такое рѣчь, внушенная любовью, и что̀ такое блаженство быть любимой... Какъ будто бы передъ нею раскрылась вся картина бѣдствія, которое тяготѣло надъ ихъ семействомъ; и на минуту передъ ней просіяла другая картина, но не сонъ, не созданіе воображенія, а сама дѣйствительность, полная любви, симпатіи, вниманія и преданности. Но это была только минута... потому что потомъ, едва я замолчалъ, она отвернула голову и закрылась платкомъ: слезы задушили ее...

— Вѣра Александровна, ангелъ мой, жизнь моя! вы опять плачете!..—воскликнулъ я, пораженный этимъ переходомъ. Я обнялъ руками ея станъ, отвелъ руку отъ заплаканныхъ глазъ, привлекъ къ себѣ ея голову и цѣловалъ ее въ уста... Она силилась избѣгнуть моихъ поцѣлуевъ, шептала: „Ради Бога... оставьте меня... не обижайте меня... для меня... для дочери...“ Но, готовый каждую минуту моей жизни жертвовать ей своею жизнью, дорожа ея спокойствіемъ, убѣжденіями, уважая даже ея убѣжденія, несходныя съ моими, я готовъ былъ нанести ей всѣ оскорбленія, жесточе, чѣмъ палачъ, хладнокровно карающій жертву; ни усилія, ни голосъ ея, всегда меня обезоруживавшій, не помогали ей.

Но... въ этотъ самый мигъ раздался голосъ маленькой Саши, которая кричала изъ своей колыбельки: „Мама, мама! поди ко мнѣ!“

И едва раздался этотъ голосъ, она уже была у колыбели ребенка, обнимала его, судорожно прижимала къ сердцу и

обливала слезами...—„Саша, другъ мой,—говорила она:—не я тебѣ, а ты мнѣ нужна; мать твоя дрянная, слабая женщина; она не любитъ тебя, она о себѣ думаетъ... Не правда ли, Саша, не надо о себѣ ей думать... ей надо умереть для всѣхъ, только для тебя жить... и я буду, другъ мой, только для тебя жить, только ты не покидай меня... будь моей мамой...“

Какъ я ни любилъ Вѣру, а слѣдовательно и все, что она любила, однако я не могъ не прошептать о младенцѣ: „негодная дѣвчонка!..“

Я съ полчаса просидѣлъ одинъ въ залѣ, наконецъ рѣшился уйти, взялъ шляпу и пріотворилъ дверь въ дѣтскую.

Вѣра Александровна сидѣла у маленькаго столика, кормила бѣлымъ хлѣбомъ, размоченнымъ въ молокѣ, маленькую Сашу и разсказывала весело и смѣясь что-то ребенку для того, чтобы онъ не плакалъ. Но я очень хорошо понялъ, что этотъ смѣхъ—не натуральный и веселость—судорожная, что вотъ, если сейчасъ нянька возьметъ у нея ребенка изъ рукъ, за этимъ весельемъ и смѣхомъ послѣдуетъ припадокъ страшнаго отчаянія.

— Вы не сердитесь на меня, Вѣра Александровна?—сказалъ я, остановясь передъ нею.

Она продолжала говорить съ ребенкомъ.

Я повторилъ вопросъ.

Дѣвочка, замѣтя мое присутствіе, уставила на меня большіе голубые глаза, опушенные большими, частыми и острыми рѣсницами, и смотрѣла, стиснувъ зубами серебряную ложку, на которой маменька подавала ей хлѣбъ. Потомъ она откинулась головкой къ матери, засмѣялась и протянула ко мнѣ ручку, перебирая всѣми пальчиками, какъ будто хотѣла ими щелкнуть или захватить меня всего въ свой маленькій кулачокъ.

Тогда только Вѣра Александровна рѣшилась взглянуть на меня.

— Вы не сердитесь на меня?—спросилъ я шутливо, обратясь къ ребенку.

Саша засмѣялась и подала мнѣ кусочекъ размоченнаго въ молокѣ хлѣба, съ которымъ я не зналъ, что дѣлать, боясь огорчить ребенка и мать.

— Кушай! кушай! лепетала дѣвочка.

Вѣра Александровна поняла юморъ моего положенія. Это меня спасло: я не съѣлъ хлѣба.

— И на меня не сердишься?—шопотомъ, стараясь, чтобъ я не слыхалъ, спросила Вѣра Александровна малютку. Саша обняла ее своими ручонками, выпачканными въ молокѣ и хлѣбѣ.

Кажется, это движеніе ребенка расположило Вѣру Александровну на меня не сердиться.

— Скажи дядѣ, душенька, что онъ гадкій,—шептала она дѣвочкѣ: — скажи, что ему пора итти домой, что мамашѣ надобно одной остаться...

Но я не уходилъ, просидѣлъ весь вечеръ, былъ веселъ и старался говорить такъ, чтобы занять и мать и дитя. Я былъ веселъ оттого, что узналъ, что любимъ, и успѣлъ поцѣловать любимую женщину; Вѣра Александровна была весела оттого, что Саша на нее не сердилась; Саша была весела наконецъ потому, что хорошо выспалась и еще не понимала, отчего веселы и мать ея и я.

Я ушелъ только тогда, когда мнѣ это было велѣно, и когда Сашенькѣ надоѣли всѣ игрушки и мои розсказни, и она начала неизвѣстно о чемъ думать на груди у матери и для того закрывать глазки.

„На первый разъ довольно“,—думалъ я.

Въ этотъ вечеръ я оставилъ дѣла мои въ такомъ положеніи у Бобровыхъ, что мнѣ все-таки нельзя было показаться къ нимъ по крайней мѣрѣ дня два или три. Скажу мимоходомъ, что эти дни ожиданія и разлуки были для меня не такъ уже тягостны, какъ прежде бывало, потому что въ прошедшемъ было у меня пріятное воспоминаніе, а въ будущемъ пріятная надежда. Въ эти два дня я былъ вообще добрѣе обыкновеннаго, снисходительнѣе и ласковѣе къ людямъ и сдѣлалъ множество дѣла, которое было запущено въ черную эпоху моей жизни, предшествовавшую описанному вечеру. Я даже посѣтилъ нѣсколько знакомыхъ, которыхъ было совсѣмъ забылъ и которыхъ до того избѣгалъ. На третій день я рѣшился наконецъ съѣздить по одному дѣлу къ одному нужному человѣчку.

Такъ какъ въ прихожей возвѣстили, что нужнаго человѣчка нѣтъ дома, а онъ скоро будетъ, я рѣшился подождать. Слуга зажегъ въ темной гостиной двѣ свѣчи и поставилъ ихъ передо мной на столѣ.

Оставшись одинъ, я отчасти радъ былъ тому, что хозяевъ не было дома; я принялся обдумывать и повторять въ своемъ воображеніи все, что случилось со мной у Вѣры Александровны. Мнѣ казалось,—не знаю, что именно мнѣ казалось,—только я очень задумался и опомнился только тогда, когда передо мною, прямо между двумя свѣчами, явилось странное сморщенное лицо, бѣлое и матово-прозрачное, какъ воскъ, обрамленное старинымъ чепчикомъ изъ нѣкогда дорогихъ, а теперь пожелтѣвшихъ кружевъ. На мѣстѣ глазъ поразили

меня два большія темно-зеленыя стекла, какъ будто заслонившія двѣ впадины, а на мѣстѣ бровей—двѣ серебряныя дуги. Это восковое лицо оканчивалось острымъ подбородкомъ и выходившимъ впередъ, въ срединѣ, орлинымъ носомъ. Оно какъ будто бы одно пришло, безъ туловища, стало неподвижно и глядѣло на меня двумя зелеными стеклами. Въ первую минуту я почувствовалъ смущеніе и ничего не видалъ, кромѣ этого лица, потомъ ужъ замѣтилъ, что лицо это принадлежало туловищу, одѣтому въ черное платье, которое было незамѣтно на темной стѣнѣ комнаты. Не вдругъ узналъ я, что это — не видѣніе, а Марья Васильевна, старушка, жившая въ семействѣ „нужнаго человѣчка“ и извѣстная подъ названіемъ „бабушки“.

— Давненько вы у насъ не были, — сказала старушка. Когда она говорила, она жевала каждое слово, какъ гвоздику.— Петруша скоро воротится и Юленька съ нимъ же: поѣхали въ пансіонъ за Катенькой. Изъ наукъ экзаменъ у нихъ держатъ сегодня, такъ они и запоздали.

Я отвѣчалъ что-то старушкѣ и сказалъ, что подожду.

— А мнѣ какъ сказали,—продолжала жевать старушка:— что вы пожаловали, я подумала, что вы давненько не были, да и говорю себѣ: пойду, посижу, молъ, съ нимъ; можетъ статься, и скучно ему одному дожидаться.

Я поблагодарилъ старушку и сталъ разспрашивать о хозяевахъ.

Старушка на все отвѣчала: „слава Богу“. И Петръ Андреичъ слава Богу. „Вотъ вечоръ къ чаю пришелъ и колачъ принесъ, и мнѣ кусокъ отрѣзалъ; вы, говоритъ, тетенька, любите колачи, такъ вотъ покушайте“.—А я люблю колачи. Только не здѣшніе колачи, а вотъ московскіе. Когда мы на Лубянкѣ жили, Матвѣй Ильичъ покойникъ, — послѣ французовъ на другой годъ скончался,—всегда приносилъ, бывало, колачъ горячій. Онъ часто къ намъ хаживалъ и всегда, бывало, колачъ принесетъ...—Старушка замолчала, и я молчалъ. Только и слышно было легкое движеніе ея спицъ да маятникъ въ сосѣдней комнатѣ.—Да что это они не ѣдутъ, право, не знаю. Ужъ не случилось ли чего на дорогѣ?.. Юленька же трусиха такая, отъ самой малости испугается. Это ужъ она по матери пошла, по Марьѣ Алексѣевнѣ. Она вѣдь ее преждевременно и родила отъ испугу. Двадцать второго числа нынѣшняго мѣсяца ѣхали съ рожденія отъ Настасьи Петровны, съ Арбата. Какъ повернули у Никитскихъ воротъ, лошади понесли. Ѳедоръ-то Алексѣичъ кричитъ на кучера: „держи, держи“; я подумала, что долго ли до грѣха: Машенька беременна была Юленькой въ

восьмомъ мѣсяцѣ. Оттого и родилась она раньше. Мѣсяцъ цѣльный въ тепломъ бульонѣ купали. Какъ же!—произнесла старуха, взглянувъ на меня изъ-за зеленыхъ очковъ: — на двадцать второе число было. У меня записано.

Я спросилъ о дочери хозяина, бывшей замужемъ и, какъ мнѣ извѣстно было, неладно жившей съ мужемъ.

— Сонюшка? А Богъ ее знаетъ; признаться сказать, рѣдко бываетъ. Да ужъ нынче это все не такъ, какъ въ старину. Такого почтенія и чувствъ такихъ къ родителямъ не имѣютъ. Да и не требуютъ нынче старые люди. Нынче умнѣе стали. Да, признаться сказать, и не рады, какъ пріѣдетъ. Вертушка такая: все вверхъ дномъ поставитъ; и никому-то отъ нея спокою нѣту. Все по баламъ да по собраньямъ; дома не посидитъ. Съ мужемъ, чай, по недѣлѣ не видится.

Старушка покачала головой и взглянула на меня опять изъ-за очковъ. Какая-то странная, нѣсколько злая насмѣшка выразилась у нея на лицѣ. Она опять принялась вязать и продолжала съ прежнимъ равнодушіемъ, не понижая, не возвышая голоса:

— Вѣдь ужъ нынче и мы, старые люди, мѣняемся. Кабы и меня спросили, такъ я бы ничего не сказала; живи себѣ, матушка, какъ знаешь; вотъ Богъ приведетъ до старости дожить, то и уважать не будутъ, хоть ты распредобродѣтельною будь и веди себя, какъ слѣдуетъ. Можетъ статься, еще лучше о тебѣ скажутъ. Что прошло, то за тысячу верстъ ушло; съ другими людьми живешь, будто въ другое государство переѣхалъ. Старики-то повымрутъ, такъ некому о тебѣ и порассказать. Самъ станешь говорить—не повѣрятъ.

Въ этихъ словахъ, показалось мнѣ, мелькнуло что-то, похожее на смыслъ. Я сталъ пристальнѣе разглядывать старуху. Я видалъ ее прежде довольно часто, но никогда отъ нея не слыхалъ ни одного умнаго слова, а только вещи, которыя всѣмъ казались глупостью; она была предметомъ шутокъ и насмѣшекъ всей семьи. Даже всѣ считали ее полоумною. Дѣйствительно, ее можно было увѣрить во всемъ. Самъ Петръ Андреичъ нерѣдко забавлялся за чаемъ, увѣряя бабушку, что, напримѣръ, пруссаки Москву взяли, или что вышелъ указъ, по которому женщины должны тоже въ военной службѣ служить. И бабушка вѣрила. Разъ показали ей какую-то бумагу съ печатью и увѣрили, что она сдѣлана турецкою подданною. Хотя, собственно говоря, она передала все свое имѣніе Юліи Ѳедоровнѣ и Петру Андреичу, однако, по старой памяти и по ея упрямой настойчивости, сохраняла нѣкоторый видъ независимости въ ихъ домѣ. Настойчивость эта выражалась осо-

бенно въ чрезвычайной регулярности ея жизни. У нея на все были назначены свои часы. Какъ встанетъ и напьется чаю, сядетъ въ свою комнату и занимается переводомъ. Разъ ее застали за письмомъ. „Что вы дѣлаете, бабушка?“ — Перевожу. Вотъ „Элоизу“ кончила, принялась за Вольтера.—„Да зачѣмъ вы это переводите?“ На это она никогда не отвѣчала, или ужъ, если ее разсердятъ, то закричитъ:—„А тебѣ на что?“. Это продолжалось до двѣнадцати часовъ; въ двѣнадцать часовъ она садилась за фортепьяно и цѣлый часъ разыгрывала вѣчно одинъ и тотъ же матрадуръ, потомъ экосезъ и еще увертюру изъ „Двухъ слѣпцовъ“, дѣлала гаммы и кой-какіе трудные пассажи. И что бы въ это время вокругъ нея ни происходило, ей было все равно; гости ли у дочери, дѣловые ли люди у Петра Андреича, она неминуемо проиграетъ свой матрадуръ, экосезъ и „Двухъ слѣпцовъ“. Вечеромъ она удалялась и писала журналъ. Все остальное время сидитъ въ углу въ гостиной въ своемъ черномъ платьѣ и кружевномъ чепчикѣ и движетъ двумя огромными спицами. Въ разговоръ никогда не вмѣшивалась и вообще представляла крайнюю степень неразвитости, доходившей до идіотизма; она одинъ разъ коечто поняла, обратила все это въ форму и застыла на этомъ, подобно минералу, по системѣ вулканистовъ.

„Неужели нѣтъ ни капли человѣческаго смысла въ этой глыбѣ?“—думалъ я, смотря на старуху, что случилось въ первый разъ въ десять лѣтъ, какъ я ее знаю.

Прежде всего меня въ ней поразили ея семьдесятъ лѣтъ.

— А вѣдь вы много пожили на свѣтѣ?—спросилъ я.

Старуха взглянула на меня изъ-за очковъ.

— Семьдесятъ первый годъ пошелъ въ маѣ мѣсяцѣ. Да, пожила-таки, нечего сказать.

— Чай, много помните?

— Все помню, батюшка.

— О Павлѣ Петровичѣ и говорить нечего?

— Какъ же, помню Павла Петровича. Сама видала. Тогда въ каретахъ ѣздили; высокія были кареты, не нынѣшнія. Приказъ былъ, коли встрѣтится государь, остановиться; откроютъ карету, всѣ вылѣзаютъ и книксенъ дѣлаютъ. Теперь ужъ это перестали дѣлать.

— И Екатерину помните?

— Какъ же. Въ Петербургѣ мы жили тогда, у Синяго моста нынѣшняго. Тутъ нанимались и стояли мужчины, а у Полицейскаго женщины.

— Женщины-то и теперь стоятъ, только у Справочнаго мѣста.

— Да, а ужъ мужчины не стоятъ. Еще какъ съ шведомъ война была, мы у Синяго моста жили; окна дрожали отъ пальбы, у насъ тогда шведка кухарка была. Такъ ей отказалъ батюшка: измѣны боялся, и въ часть отослалъ.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, Марья Васильевна, какъ прошла ваша жизнь?

— Эхъ, батюшка, на что это! Вы, молодые, нынче смѣяться станете. Въ старину мы не такъ живали, какъ нынѣшніе.

— Помилуйте, какъ же можно смѣяться: жизнь человѣческая — не шутка, и, право, ничего нѣтъ смѣшного въ жизни. Только развѣ чего не понимаешь, то и смѣшно.

Я вспомнилъ, какъ я вчера долженъ былъ съѣсть бѣлый хлѣбъ съ молокомъ, и задумался о томъ, что это смѣшно и не смѣшно. Это, можетъ-быть, придало моей физіономіи очень кроткое выраженіе, такъ что старуха почувствовала ко мнѣ довѣренность и сказала:

— Теперь все это прошло, какъ сонъ; станешь разсказывать, пожалуй, не повѣрятъ, а я могу хоть журналъ свой показать. Дѣвочка я тоже была прежде капризная и своенравная. Матушка безъ ума меня любила и баловала. Не знаю только, что бы изъ меня вышло, кабы не попалась хорошему человѣку въ руки. Въ домѣ у насъ, знаете, всякаго народу биткомъ, бывало, набито. Батюшка при графѣ *** служилъ; графъ былъ въ силѣ, батюшку жаловалъ, такъ, знаете, придворные всѣ къ намъ ѣздили. Только насъ рѣдко выпускали; только какъ сталъ графъ самъ пріѣзжать, то всегда батюшка насъ выводилъ. Графъ мнѣ, бывало, конфетъ привозилъ и подарилъ саксонскаго фарфору сервизъ. Тогда мода была. Хорошій сервизъ; только какъ бѣжали потомъ отъ французовъ, до половины чашекъ разбилось; да чайникъ одинъ послѣ разбился, какъ изъ деревни ужъ съ покойнымъ вотъ Петра Андреича папенькой ѣхали. Теперь всего двѣ чашки остались.

— Вы, значитъ, нравились графу?

— Да, таки-нравилась... да ужъ тогда у вельможей такіе нравы были. Не знаю, какъ теперь. Давно не слышу.

— А батюшка-то вашъ позволялъ этакъ графу ухаживать?

— Батюшка хоть строгъ былъ, только графу, разумѣется, не могъ же сказать; бывало, похвалитъ графъ: „славная, говоритъ, Василій, у тебя дочечка“, батюшка кланяется, разумѣется. „Мы ее, — говоритъ графъ, — ко двору представимъ, а хочешь, говоритъ, жениха найдемъ? я ужъ самъ посовѣтую“. И въ самомъ дѣлѣ посваталъ адъютанта своего, Назара Петровича. Онъ, правду сказать, не понравился мнѣ: такой солидный, молчаливый, а я-то вѣтеръ была. Только ударили по

рукамъ; батюшка прекословить графскому сватанью, разумѣется, не сталъ; только кланяется да благодаритъ. Съ тѣхъ поръ графъ еще внимательнѣе и ласковѣе сталъ ко мнѣ. Я ужъ не знаю, что̀ бы со мной сталось, если бы не хорошій человѣкъ вышелъ Назаръ Петровичъ. Онъ первый соблюлъ мою нравственность, потомъ ужъ я сама ее берегла. Вотъ что̀ вышло у насъ. Одинъ разъ вечеромъ... у насъ маскарадъ былъ лѣтомъ на дачѣ; были костюмы всѣхъ народовъ, какіе есть на землѣ; графъ взялъ меня подъ руку, и долго ходили мы по аллеямъ въ саду; онъ просилъ меня снять маску; я, знаете, сняла. Уже чего онъ ни наговорилъ мнѣ, да такъ и водитъ около бесѣдки... И я не знаю, до чего бы вѣтреность не довела меня, если бы не попался прямо навстрѣчу Назаръ Петровичъ, адъютантъ-отъ его, а мой женихъ. Онъ вдругъ такъ идетъ и остановился, какъ столбъ, передъ нами. — „Вы, говоритъ, извините, ваше сіятельство, а я не позволю вамъ погубить эту дѣвицу“. Графъ вспыхнулъ. — „Что̀ ты, что̀ ты говоришь? Да я тебя, мальчишка!.. да развѣ ты не доволенъ мною?“ А графъ его къ чину представилъ да обѣщалъ разныя милости. „Да я тебя, говоритъ, знаешь куда упрячу!“—„Куда, говоритъ, хотите упрячьте, а я не позволю. Это, говоритъ, не служба. Я знаю свой долгъ и знаю свои правила чести. По службѣ я исправенъ, и совѣсть моя чиста. А здѣсь другое. Здѣсь мы ровны, и я не дамъ вамъ уху заварить да мнѣ дать расхлебывать“. — „Пошелъ вонъ, бездѣльникъ!“—закричалъ графъ.—„Коли я бездѣльникъ“—сказалъ Назаръ Петровичъ, подойдя подъ самый носъ графу: — то вы, говоритъ, подлецъ!“ Графъ отступилъ на два шага. Я, какъ была, такъ и окаменѣла. Графъ, вижу, провелъ рукой по лбу и отвѣчалъ Назару Петровичу: „Коли такъ, говоритъ, твоя правда; правда, это не служба, такъ извольте, государь мой, я отвѣчу вамъ, не какъ начальникъ, а какъ частный человѣкъ. Извольте выбрать время и мѣсто“. Тогда, знаете, такія времена были. Сколько этакихъ примѣровъ въ старину бывало. Послѣ потише стали и начальству грубить не смѣютъ.

Старушка поглядѣла на меня изъ-за зеленыхъ очковъ какъ бы съ хвастливымъ вопросомъ: „каковы въ старину люди бывали?“ Я спросилъ ее, стрѣлялись ли они?

— Нѣтъ, — отвѣчала она: — не стрѣлялись. Назаръ Петровичъ протянулъ графу руку и сказалъ, что уважаетъ его, и радъ, что узналъ въ немъ благороднаго человѣка; графъ тоже протянулъ руку и тоже говоритъ:—„Радъ я, братъ Назаръ что и въ тебѣ тоже благороднаго человѣка узналъ. Ты, говоритъ, достоинъ этого сокровища, своего счастья“. Я была еще глупа

и не могла тогда понять ни того ни другого; только что я чрезъ это самое много потомъ горя приняла... Признаться сказать, я къ Назару Петровичу никакой склонности не имѣла, а графъ-то, пожалуй, такъ что и нравился мнѣ. Глупость была; только потому и польстилась я, что до него съ мужчинами не обращалась. Насъ хорошо держали дома. На мужчинъ мы и глазъ поднять не смѣли. За стыдъ считалось говорить съ мужчиной. Это теперь ужъ дѣвицамъ такая воля дана. Куда, бывало!

Старушка вздохнула — объ испорченности нравовъ, вѣроятно.

– Да что̀ жъ тутъ, матушка, хорошаго-то держать взаперти? — спросилъ я. — Вѣдь вы не этому обязаны своей нравственностью.

— Нѣтъ, батюшка, не этому: нравственность я ужъ сама себѣ составила.

— Такъ отчего же не хорошо дѣвицамъ до замужества говорить съ мужчинами?

— А все не хорошо, какъ ни перевертывайте. Балуются.

— Да вѣдь отъ скуки-то, чай, Богъ знаетъ какой вздоръ однѣ-то вы тамъ придумывали.

— Все не годится.

Старуха плоха была на доводы. Я воротилъ ее къ разсказу.

— Какъ вышла я за Назара Петровича замужъ, онъ тотчасъ подалъ въ отставку, и батюшка тоже отъ графа долженъ былъ выйти, скоро онъ и умеръ. Да и съ Назаромъ Петровичемъ я пожила не долго. Надо вамъ сказать, что человѣкъ онъ былъ образованный, прожилъ въ Парижѣ еще долго до женитьбы и всегда мнѣ твердилъ, чтобы я старалась, успѣвала въ наукахъ, заставлялъ меня переводить съ французскаго; учителя на клавесинѣ взялъ; говоритъ, музыка всегда пригодится; порядокъ во всемъ завелъ! По часамъ у насъ все дѣлалось; какъ встанетъ, займется со мной языками, потомъ на клавесинѣ; вечеромъ заставлялъ обдумывать, что̀ я дѣлала въ цѣлый день, да коли что̀ замѣтила, или мысль какую встрѣтила въ книгѣ, то, говоритъ, запиши. Я, говорилъ онъ, хочу изъ тебя сдѣлать такую женщину, чтобы могъ во Францію повезти и показать съ честью своимъ знакомымъ дамамъ, тамошнимъ маркизамъ. Только я по глупости своей не умѣла цѣнить, чего онъ отъ меня хочетъ, и всегда умѣла отдѣлаться отъ занятій: то подговорю знакомыхъ, чтобы пріѣхали въ то время, какъ у меня занятія, то скажусь больной, то ужъ, наконецъ, просто дѣлала сцены Назару Петровичу. Онъ сердился,

увозилъ меня въ деревню, всѣмъ отказывалъ; я плакала, жаловалась. Онъ сталъ скучать, скучать, да и умеръ, царство ему небесное!

Старушка перекрестилась и вздохнула.

— Такъ вѣдь все-таки вы не любили Назара Петровича? — спросилъ я.

— Я боялась его скорѣе, хоть онъ часто говорилъ и плакалъ, отчего я такая. Ну, ужъ послѣ я постаралась искупить грѣхъ свой за все, что̀ потерпѣлъ покойникъ отъ моей легкомысленности.

Образъ Вѣры Александровны мелькнулъ передо мною; я спросилъ старуху:

— А не любили ли вы кого другого?

— Сохрани меня Боже! Я была вѣтрена, правда, только ужъ бы сраму въ домъ мужа не принесла. Я знала свою и его честь... А не ѣдутъ,—сказала она, поглядывая на часы и взявъ опять свои спицы.

— Что̀ жъ потомъ, однако, было, Марія Васильевна?

— А было то, что, какъ померъ Назаръ Петровичъ, тогда я поняла, чего отъ меня хотѣлъ и какъ любилъ меня этотъ человѣкъ. Тогда я почувствовала, что у меня просто будто что-то оторвалось отъ сердца, чего я прежде и не замѣчала. Такой ужъ онъ былъ человѣкъ, что просто онъ умѣлъ какъ-то наполнить всю мою жизнь; какъ пришлось самой распоряжаться за себя и за дочь,—у меня дочь одна осталась тоже, Юленька: перваго-то я выкинула по шестому мѣсяцу,—какъ пришлось, знаете, самой говорить и дѣлать, то глядь да хвать, и ищу да припоминаю, какъ покойный Назаръ мой Петровичъ говорилъ и дѣлалъ. Стала я соображать да припоминать всѣ-то его наставленія, слова̀ и рѣчи, все, что̀ прежде я мимо ушей пропускала, такъ я вамъ говорю, просто, будто съ глазъ завѣса упала. Умница былъ покойникъ. Словомъ сказать, сдѣлался онъ моимъ божествомъ по смерти; влюбилась я въ покойника, словно въ живого; изъ головы не выходилъ онъ у меня. Куда ни обращусь, вездѣ онъ да онъ. Никогда при жизни такъ я его не любила, и это мучило и грызло меня, и положила я себѣ, что если съ небесъ онъ смотритъ на меня, то пусть чистая душа его за гробомъ утѣшится, когда увидитъ, что я искупила передъ нимъ свое неразуміе. Вотъ тогда, батюшка, и положила я, чтобы такъ жить, какъ будто и не умиралъ мой Назаръ Петровичъ. Какъ онъ однажды расположилъ жизнь мою, мое время и всѣ мои занятія, такъ чтобы это продолжалось и безъ него. Я увѣрена была, что душа его отъ меня до сихъ поръ не отлетѣла и

всегда присуща при мнѣ съ правой стороны, всегда, какъ ангелъ-хранитель, оградаетъ отъ зла и внушаетъ благія мысли.

Марья Васильевна перекрестилась, оглядѣла кругомъ комнату и уставилась глазами вправо, въ темный уголъ, какъ будто тамъ, знала она, находится душа Назара Петровича. Меня, признаюсь, охватило немного холодомъ при видѣ изступленія, въ которое пришла старуха. Это безотвѣтное существо, предметъ всеобщихъ шутокъ, прославленное за свое слабоуміе, прослывшее чуть не сумасшедшей или по крайней мѣрѣ дурочкой, такъ выросло и возвысилось въ глазахъ моихъ, что я не понималъ просто, что̀ предо мной творилось. Она продолжала:

— Какъ покойникъ хотѣлъ, чтобы я занималась науками и знала языки, такъ я и поставила себѣ зарокомъ, какъ встану, такъ сѣсть за переводъ; ужъ я всего Вольтера перевела, Руссо „Эмиля“ тоже перевела. Покойникъ мнѣ далъ тогда переводить „Семирамиду“ Вольтера; а за „Семирамидой“ все и пошла ужъ такъ подъ-рядъ. „Эмиля“ тоже при немъ начала. Какъ кончу Вольтера, опять примусь во второй разъ за „Эмиля“. Онъ положилъ мнѣ потомъ музыкой заниматься; что̀ я знала при немъ, то ужъ я и безъ него каждый день проигрываю, а вечеромъ журналъ пишу...

— Позвольте спросить,—перебилъ я:—отчего же вы ничего новаго не разучивали, какъ я слышалъ? Правда это?

— Правда. Я хотѣла, чтобы какъ я была при немъ, такъ чтобы и осталась, и исполняла бы только то, что̀ онъ хотѣлъ еще при жизни.

— А много вы читали?

— Всегда читала; только то читала, что̀ при немъ; то, что̀ онъ мнѣ далъ читать, то я и до сихъ поръ читаю; кончу и опять сначала. Теперь ужъ все почти наизусть знаю.

— И такъ вы всю жизнь прожили?

— Всю жизнь свою такъ провела, какъ дала себѣ заклятіе на могилѣ покойника; я велѣла образъ принести, отслужила панихиду, и отцу духовному поклялась на крестѣ все исполнить. И могу сказать, что исполнила.

Она взглянула на меня, сжавъ губы, съ такою увѣренностью и стойкою гордостью, что, несмотря на то, что я тогда находилъ и теперь нахожу ея поступокъ отчасти смѣшнымъ и нелѣпымъ, я не могъ не почувствовать нѣкотораго уваженія къ этой странной развалинѣ, оживленной сознаніемъ исполненнаго, хотя и нелѣпо понятаго долга.

Мнѣ хотѣлось знать, какое вліяніе имѣлъ Вольтеръ на

образъ мыслей Марьи Васильевны, и я спросилъ ее, что она, начитавшись Вольтера, должна быть большая вольтерьянка. Но изъ отвѣта ея оказалось, что она ровно ничего не поняла изъ Вольтера. Наконецъ я ее попросилъ показать мнѣ свой журналъ. Она принесла нѣсколько огромныхъ тетрадей, гдѣ день въ день было записано цѣлое полустолѣтіе. Это перечень того, что дѣлала Марья Васильевна днемъ, сколько перевела, кто былъ въ гостяхъ, дни рожденія родственниковъ и тому подобный вздоръ, изрѣдка обращеніе къ покойнику и нѣкоторыя его изреченія. Меня поразила эта пустота. Она же показывала все это съ гордостью.

— Вотъ,—говорила она:—я могу сказать, что исполнила свои обязанности!..

— Скажите, пожалуйста, вы не любили потомъ никогда? Замужъ не хотѣли выходить?

— Ни-ни!

— Вѣдь вы были хороши и молодая вдова... Многіе были, вѣроятно, въ васъ влюблены.

— Были многіе, да всѣхъ я умѣла заставить себя уважать. Я показала, какъ женщина должна себя вести. Графъ-то при Павлѣ Петровичѣ долженъ былъ въ отставку выйти и жилъ въ деревнѣ, недалеко отъ насъ. Онъ сватался—отказала: въ Москвѣ потомъ я жила, Матвѣй Ильичъ каждый день прихаживалъ...

— Какой Матвѣй Ильичъ?

— Ѳедоровъ, вотъ, что колачъ-то приносилъ горячій... Ужъ покойникъ: вы и не родились, какъ онъ умеръ. Онъ тоже сватался; но я ему сказала, что имѣю свои правила и свои обязанности.

„Правила! обязанности!“ — подумалъ я и съ болью въ сердцѣ вспомнилъ Вѣру Александровну.

— Только Матвѣй Ильичъ, можно сказать, и понималъ и зналъ меня. Тоже, какъ мой покойникъ, любилъ „Двухъ слѣпцовъ“ слушать, когда я играла. Въ старину, таки нечего сказать, цѣнили обязанности и имѣли уваженіе къ нравственности. Нынче только ихъ знать не хотятъ. Про себя молчи да сама себѣ только цѣну знаешь. Другимъ и дѣла нѣтъ, и знать не хотятъ, что коли человѣкъ свою задачу исполнилъ... Правду говорилъ Александръ Семеновичъ (царство ему небесное!),—передъ французами еще скончался,—что къ чему вамъ ваша добродѣтель: плевать на нее станутъ. И точно: плюютъ, да еще хуже. Только ужъ мнѣ все равно... пусть ихъ!..

Послѣднія слова ея обратились просто въ ворчанье. Я не

могъ оторваться отъ идеи этой старухи; въ самомъ дѣлѣ: вотъ олицетвореніе добродѣтели, вотъ блистательный примѣръ соблюденія всей ея формальности въ теченіе всей жизни, съ рѣдкимъ постоянствомъ, съ дивнымъ самотверженіемъ... и что же изъ этого вышло?.. Нѣтъ, это славный примѣръ. Завтра же приведу его Вѣрѣ Александровнѣ. Непремѣнно покажу ей, что ей принесутъ ея правила...

Ворчанье старухи и мое размышленіе были прерваны пріѣздомъ хозяина съ женой и дѣтьми. Дѣти съ шумомъ бросились къ бабушкѣ: одинъ цѣловалъ ее и тихонько сдернулъ чепчикъ; другой здоровался съ нею и стянулъ съ носу очки; третій повисъ на шеѣ такъ, что уронилъ старуху и самъ покатился съ нею...

— Бабушка! а когда я родился? — спрашивалъ одинъ мальчикъ.

— Отстань!—кричала бабушка.

— Когда я родился?

— Отстань! говорятъ... четвертаго іюля; только поди...

— Бабушка! а Машенька когда родилась?

— Двадцать второго марта... пошелъ прочь!

— А Катенька? а Васенька?.. Вы все знаете.

Шуткамъ и смѣху дѣтей конца не было. Какъ будто бы старуха была тотъ пророкъ, что у Лермонтова:

Смотрите, какъ онъ худъ и блѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!

Самъ „нужный человѣкъ“, поздоровавшись со мной, обратился съ шуткой къ бабушкѣ.

— Хороши! хороши! — сказалъ онъ: — вотъ нынче какъ! Только выглянь изъ дому, а вы и съ молодымъ человѣкомъ амуритесь! Прекрасно! Пятьдесятъ лѣтъ хранили супружескую вѣрность, да на пятьдесятъ первомъ году и того!..

Старуха, стиснувъ десны, ворочала спицами и не отвѣчала ни слова. Лицо ея было совершенно безстрастно, по крайней мѣрѣ повидимому.

— Каково же! Ну, честь вамъ и слава! Вы первый побѣдили, взяли крѣпость!—продолжалъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ.—Вы ея не знаете? Что-то теперь вашъ Назаръ Петровичъ скажетъ? Или какъ еще тамъ въ Москвѣ-то у васъ любовникъ былъ, что колачи-то вамъ носилъ?

— Никогда не было у меня любовниковъ,—отвѣчала сквозь зубы старушка.

— Нѣтъ, батюшка, я вѣдь шучу,—говорилъ хозяинъ:—а

въ сущности это примѣрная добродѣтель... Да только толку въ томъ нѣтъ... Куда передъ ней римскія матроны!

— Да ужъ Римъ-то теперь анахронизмъ,—замѣтилъ я.

— Анахронизмъ!—отвѣчалъ хозяинъ:—однако я имѣю кое-что сообщить вамъ по дѣлу...

И мы пошли въ кабинетъ нужнаго человѣка; но, слушая его, я все мысленно составлялъ докладъ, который предполагалъ завтра же представить Вѣрѣ Александровнѣ обо всемъ мною слышанномъ и видѣнномъ.

1848, 1859.

III.

Завѣщаніе дяди племяннику.

Любезный племянничекъ!

Я хочу сдѣлать въ твою пользу завѣщаніе. Ты знаешь, а можетъ-быть, и не знаешь, что я, Иванъ Петровъ сынъ Чумковъ, братъ твоей матери и твой дядя, нажилъ въ теченіе своей шестидесятилѣтней жизни тысячъ двадцать капитала, который лежитъ въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ, и, кромѣ того, еще выстроилъ здѣсь въ ***, гдѣ провелъ бо́льшую половину своей жизни, двухэтажный деревянный домикъ, очень чистенькій (въ страховомъ актѣ Второго Общества найдешь полное описаніе всѣхъ его принадлежностей, бумажныхъ обоевъ, мѣдныхъ ручекъ, бляшекъ на окнахъ и проч., которые ко Святой и къ Рождеству блестятъ удивительно, благодаря просыпающейся любви къ опрятности въ кухаркѣ моей Катеринѣ и служителѣ Павлушкѣ); при немъ садъ съ яблонями и вишнями, которыхъ, за собственнымъ моимъ продовольствіемъ, еще продаю я въ годъ рублей на семьдесятъ. Это все я хочу передать тебѣ. Конечно, оно было бы короче и для тебя пріятнѣе, если бъ я просто сдѣлалъ духовную, что вотъ-молъ *такой-то*, находясь въ здравой памяти и въ полномъ употребленіи своихъ способностей, отказываю такому-то моему племяннику то-то и то-то... Это такъ и будетъ, не безпокойся; акты законные и въ законныхъ выраженіяхъ ты получишь, какъ слѣдуетъ. А что́ теперь тебѣ пишу, такъ это только болѣе для собственнаго удовольствія. Ради Бога, тоже не думай, чтобы я взялся за перо и бумагу для того, чтобъ преподать тебѣ кой-какія наставленія; знаю я, какъ пріятно получать въ твои года наставленія отъ дяди, котораго ты не знаешь почти, потому что я, помню, видѣлъ тебя лѣтъ двѣ-

надцать тому назадъ, когда еще ты былъ порядочный сусликъ, въ зеленой курточкѣ съ кружевнымъ воротничкомъ, который маменька твоя безпрестанно поправляла, разсказывая мнѣ о твоихъ необыкновенныхъ способностяхъ. Я ничего этого, разумѣется, не замѣтилъ въ тебѣ, тѣмъ болѣе, что ничего отъ тебя иного не видалъ, окромѣ нѣкоторой ловкости и силы, съ какою ты во время ея панегирика, вертясь у меня въ колѣняхъ, оборвалъ ключикъ и печатки съ моихъ часовъ. Вздумалъ же я тебѣ написать мое завѣщаніе не потому, что старость людей словоохотными содѣлываетъ, а болѣе по той причинѣ, что великое облегченіе доставляетъ душѣ, удрученной болѣзнями, добровольное и нелестное о себѣ повѣствованіе. По сей причинѣ припало сильное ко мнѣ желаніе, чтобъ ты дядю своего хоть мало узналъ какъ съ хорошей, такъ и съ дурной стороны, потому что человѣкъ подобенъ тѣмъ кружкамъ, которыми играли древніе: одна сторона бѣлая, другая сторона черная. Если же не сумѣю себя изобразить вполнѣ, въ чемъ сильно отчаиваюсь, потому что давно уже ничего, кромѣ дѣловыхъ бумагъ, не писалъ, и на этой страницѣ уже перечеркнулъ строчекъ двадцать: въ слогѣ мѣшаюсь, потому что навыка къ литературному сочиненію не имѣю,—такъ желаю, чтобъ ты по крайности прочелъ, о чемъ я думаю, и потомъ, пожалуй, въ одномъ изъ писемъ твоихъ, которыя я получаю отъ тебя аккуратно къ Новому году, отвѣтилъ бы мнѣ, такъ ли это?

Что меня особенно тревожитъ теперь, такъ это вопросъ, отчего это такъ устроенъ свѣтъ... Охъ, вижу твою плутовскую мину, когда ты прочтешь этотъ вопросъ; да если еще читаешь мое письмо вслухъ пріятелямъ, вижу, вижу, злодѣи, какъ вы хохочете: пошелъ-молъ дядя на старости лѣтъ философствовать; мнѣ, право, и самому смѣшно, отчего это вспало мнѣ на умъ такъ взяться за дѣло и начать ужъ слишкомъ высоко. Но иначе нельзя; видно, у меня голова была философическая, и изъ меня могъ бы выйти философъ... Ну, да смѣйтесь себѣ; однако читай далѣе: отчего это такъ устроенъ свѣтъ, что жить скучно и тошно? Нашъ городничій говоритъ, будто отъ того, что купцы нашего города бѣдны, а что вонъ въ Торопцѣ другое дѣло: тамъ и енотъ переходитъ, а запахъ кожевенныхъ заводовъ не противенъ; станціонный смотритель Иванъ Прохоровичъ приписываетъ это худому воспитанію и запальчивости господъ проѣзжающихъ по казенной надобности; Марѳа Ивановна, находящаяся во второй разъ въ замужествѣ за судьею (а первый мужъ былъ тоже судья), относитъ это къ водворенію

большой нравственности и правосудія, а супругъ ея объясняетъ этотъ вопросъ тѣмъ, что постоянно находится между Сциллой и Харибдой: между супругою своею и строгостью законовъ. Всѣ эти объясненія для меня неудовлетворительны, потому что, видно, у меня философическая голова, и изъ меня могъ бы быть философъ. Однако нельзя же ихъ оставить совсѣмъ безъ вниманія, потому что и въ простодушныхъ басняхъ и сужденіяхъ въ слѣпотствѣ пребывающей черни мудрый находитъ золотую искру правды, а тѣмъ болѣе не могу я прейти молчаніемъ столь знатныхъ особъ нашего уѣзда, какъ сказанныя лица, и потому я дойду до нихъ послѣ и упомяну въ своемъ мѣстѣ, гдѣ и какъ слѣдуетъ. Отчего, когда внимательнымъ взоромъ взглянешь на грубую физическую природу, усматриваешь въ ней неукоснительно-правильное рожденіе, цвѣтеніе, оплодотвореніе и спѣяніе сѣмянъ, не токмо въ великолѣпной розѣ и другихъ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ флоры нашихъ садовъ, но и въ самыхъ ея низкихъ порожденіяхъ, въ злакахъ, не только не льстящихъ глазу, но печальнымъ видомъ своимъ даже отвращающихъ отъ себя взоръ человѣка? И все это совершается въ свое время, по своимъ натуральнымъ законамъ. Отчего же мы не можемъ сказать, чтобъ съ нами случилось тоже все въ свое время? Вотъ, любезный племянникъ, что̀ мнѣ теперь спать не даетъ; такъ и хочется разрѣшить эти вопросы. Много меня обяжешь, если тоже въ своемъ письмѣ, которое ожидаю получить отъ тебя на Новый годъ, увѣдомишь меня, не разрѣшилъ ли кто-нибудь изъ новыхъ писателей этихъ для меня теперь важныхъ тезисовъ, потому что, хотя письма твои и кратки и черезчуръ не выходятъ изъ границъ почтенія и уваженія, съ коими ты имѣешь честь пребывать ко мнѣ покорнымъ и любящимъ племянникомъ моимъ Ипполитомъ Ѳенинымъ, а все-таки изъ писемъ твоихъ я усматриваю, что ты человѣкъ не глупый и съ новой философіей знакомый (иначе, можетъ-быть, и не поздравлялъ бы меня съ Новымъ годомъ). Я же самъ признаюсь, что уже отъ книгъ не только на иностранныхъ языкахъ, но даже и отъ русскихъ давно отпалъ; изъ того же, чему выучился въ университетѣ, мало осталось въ памяти; кромѣ разныхъ латинскихъ словъ изъ римскаго права и слабаго воспоминанія о естественномъ правѣ, jus gentium, ничего не имѣю. Да, помнится, ничего тамъ и не говорится о томъ, что̀ меня занимаетъ. Больно мнѣ на старости, что прожилъ такъ безполезно, ни себѣ на радость, ни другимъ на утѣшеніе; больно, что изъ меня ничего не вышло путнаго; а еще боль-

нѣ́ то, что, какъ пораздумаешь да поприпомнишь, такъ и окажется, что могло бы выйти изъ меня что-нибудь годное, ужъ въ самомъ дѣлѣ, если ничто не лучшее, такъ, можетъ-быть, философъ, потому что у меня голова философическая, и еще въ школѣ обнаруживалъ я наклонность къ умозаключенію и пониманію вещей собственнымъ опытомъ. А вѣдь во всемъ я неукоснительно слѣдовалъ порядку, который не мной выдуманъ и заведенъ давно, и ужъ вѣрно людьми поумнѣе меня. Теперь, знаешь, какъ оглянешься, да подумаешь, что вѣдь выполнилъ весь этотъ порядокъ, такъ вѣдь чувствуешь не гордое сознаніе исполненнаго долга, а сердце переполняется горестью, и, какъ кошка, скребетъ угрызеніе, зачѣмъ это всю жизнь свою поступалъ не такъ, какъ бы хотѣлось, т.-е. не то, чтобъ хотѣлось, а какъ къ чему въ свою пору желаніе было, да чего по разнымъ препятствіямъ исполнить возможности не было; и что все вѣдь послѣ и совершилъ, да ужъ было не то, — именно все совершилъ, когда страстное желаніе-то или влеченіе прошло. А оттого только вышло зло, а ничуть не добро, къ которому и здравый умъ и чистое сердце указывали путь. Вышелъ я изъ университета; прежде университетъ былъ не то, что̀ теперь, и, конечно, мы выходили не такъ учены, какъ ты теперь, но все-таки въ свое время мы были достаточно и очень хорошо образованы, и какъ взялся за жизнь-то, Боже мой, какая ревность припала дѣйствовать ко благу ближняго! Любовь къ отечеству, благородство дышали во мнѣ и наполняли мою душу, какъ нѣкое тонкое электричество, когда къ тебѣ провели проволоку, а ты стоишь на стеклянной скамейкѣ; только прикоснись, бывало, къ тебѣ своимъ нечистымъ пальцемъ порокъ, такъ и отхватитъ его, какъ электричество иглой подъ ноготь. Помню я, разъ при мнѣ, когда меня опредѣлили служить въ столицѣ въ судебное мѣсто по одному дѣлу, которое я тогда только переписывалъ, — совершенно правое дѣло одного отставного капитана Минутина, — секретарь поправилъ: отъ неправой стороны принялъ прошеніе, въ которомъ усмотрѣлъ я мелькомъ въ числѣ документовъ двѣ сѣренькія бумажки; вотъ, какъ сталъ онъ докладывать, слышу — обвинилъ кругомъ моего Минутина, котораго я по дѣлу, которое переписывалъ, успѣлъ душевно полюбить, какъ невиннаго страдальца, обвинилъ, да подвелъ указъ, такъ что, сверхъ потери по иску, и остальное его имущество должно было пойти съ публичнаго торга. Я не выдержалъ и въ полномъ присутствіи, предъ зерцаломъ, изображающимъ эмблематическое нахожденіе посреди насъ высшей справедливости, обличилъ виновнаго, по-

добно Цицерону, обличавшему нечестивца Катилину, замыслившаго погибель римской республики. Какая же награда моей ревности? Былъ ли я, подобно великому спасителю римскаго государства, отличенъ, или, по крайности, былъ ли внятъ мой голосъ? Черезъ недѣлю я долженъ былъ просить о перемѣщеніи себя къ другимъ дѣламъ; итакъ, со срамомъ и обидою извергнутъ изъ судилища, какъ членъ вредный и строптивый. Такъ первое обнаруженіе души чистой, хотя еще опытомъ и знаніемъ въ поступкахъ не руководствуемой, было въ самомъ началѣ своемъ оскорблено и ввергло меня въ горькое существованіе, закрывъ надолго дорогу къ отличіямъ и почестямъ. А вышло бы изъ меня не то, что̀ я нынѣ: только познакомь меня съ дѣломъ, да и употреби, куда слѣдуетъ, не давъ остыть. Нѣтъ, судьба иначе судила: черезъ двадцать лѣтъ только послѣ того сѣлъ самъ на судейское мѣсто; да что̀ жъ? Каюсь, братъ, зналъ, что всѣ меня окружающіе воруютъ, что и повытчикъ воруетъ, даже и инвалидъ въ прихожей тоже деретъ гривенники съ просителей, коли не хотятъ замерзнуть въ сѣняхъ дожидаясь; что бестія нарочно не топилъ прихожей, хоть дрова и казенныя, а самъ зябнетъ, моря на холоду моихъ кліентовъ, — да ужъ силъ не было, охоты не было какъ-то во все это вступиться и враговъ себѣ нажить. Ужъ коли пошло на то, обнаружу тебѣ въ оправданіе еще больше; чего мнѣ скрывать? Пострадаетъ мое доброе имя? Да что̀ мнѣ теперь доброе имя, когда оно доброе имя только оттого, что формуляръ мой вышелъ чистъ? Что̀ мнѣ доброе имя, когда теперь и я, и жизнь моя прошлая, и все, что̀ меня окружаетъ, мнѣ противно и постыло? Что̀ у меня всего лучше, такъ это, опять-таки повторяю, философическая голова, да что̀ въ ней проку-то, въ моей философической головѣ, когда она, вмѣсто того, чтобъ утѣшать меня подъ старость какимъ-нибудь хоть рогатымъ силлогизмомъ, только задаетъ вопросы, которые меня тревожатъ, а разрѣшенія имъ не даетъ. Такъ, когда были въ самомъ корнѣ поражены мои добрыя наклонности, какъ зерно, захваченное морозомъ, я не могъ уже предостеречь себя отъ гибельнаго дыханія заразы, которая впивалась въ душу, какъ хитрый, льстивый царедворецъ, блестящими приманками обольщая духъ мой, изнемогающій въ когтяхъ бѣдности, обѣтами счастья и довольства. Я тоже сталъ брать... скажу, впрочемъ, что бралъ я сначала только съ праваго и отстаивалъ его уже съ жаромъ. Оттого-то и двадцать тысячъ у меня накопилось, и я ихъ тогда же простроилъ; и домикъ-то выстроилъ. Это, впрочемъ, не бѣда, хоть публикуй,—всѣ скажутъ, что, если только это

то дядя твой честный человѣкъ. Это взятка честная. А въ молодости попробуй-ка, бывало, предложить мнѣ что-либо подобное! Да такой бы поднялъ скандалъ, что упряталъ бы подъ судъ дерзновеннаго и на лапитахъ бы его отпечатлѣлъ за сомнѣніе въ моей честности. Я не знаю, что̀ бы я тогда сдѣлалъ! Послѣ сего перваго шага... но что̀ было послѣ, прочтешь въ своемъ мѣстѣ, потому что все это имѣетъ связь съ другими событіями моей жизни.

Ну, это, пожалуй, все объясняется испорченностью нравовъ тѣхъ городковъ, куда кинула меня слѣпая судьба. Отчего же и другое-то все въ моей жизни такъ вышло глупо? Отчего хоть бы собственно въ частной моей жизни тоже, какъ оглянешься, мерзость на мерзости? Было мнѣ лѣтъ двадцать шесть или двадцать восьмой годъ, полюбилъ я одну дѣвицу... Это, правда, не въ первый разъ: влюбленъ я былъ и прежде, когда былъ студентомъ, стихи читалъ, даже стихи писалъ, для того, чтобъ слышать ихъ изъ милыхъ устъ, чего, впрочемъ, тоже не могъ добиться, ибо барышни мои не хотѣли никогда читать моихъ стиховъ при мнѣ, говоря, что „какъ можно, вы сами такъ хорошо читаете“,—волочился уже послѣ того и за женщинами замужними, и мужей обманывалъ, и все сходило мнѣ съ рукъ хорошо. Познакомился я между этихъ продѣлокъ съ нею... тебѣ не надо знать ея имени, хоть противъ этого имени я ничѣмъ не виноватъ и оно не можетъ меня заставить покраснѣть: оттого-то, можетъ-быть, и не хочется мнѣ, чтобъ ты его зналъ. Такъ познакомился я съ нею. А это вотъ какъ было. Была она сирота, жила въ одномъ домѣ компаньонкой у одной дамы, съ которой я былъ въ весьма тѣсныхъ, по развращенности моей, отношеніяхъ. Мужъ этой дамы,—дѣло въ наше время не рѣдкое—преслѣдовалъ несчастную своими преступными замыслами. Не знаю, отчего у меня сердце сжалось, когда я это замѣтилъ, и хотя самъ былъ нисколько не честнѣйшихъ правилъ, чѣмъ этотъ господинъ, однако, не знаю почему, внушилъ *ей* довѣренность; она мнѣ никогда не говорила о преслѣдованіяхъ со стороны того, но мы поняли другъ друга, и я уже видѣлъ, что она стала какъ-то менѣе его бояться и позволяла себѣ сильныя противъ него выходки, чего прежде не было; даже открыто надъ нимъ смѣялась, чего тоже прежде себѣ не позволяла. Я очень хорошо понимаю теперь, что̀ придало ей бодрости сносить всѣ его гнусности, а равно и всю непріятность всего ея существованія,—то, что въ ней родилась увѣренность, что ее понимаютъ, и что въ случаѣ нужды есть человѣкъ, къ которому она можетъ обратиться. Она такъ мало

походила на тѣхъ женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ прежде и послѣ того, хотя многія превосходили ее и образованіемъ и красотою; у нея такъ было много врожденнаго такта; притомъ самая встрѣча ея съ жизнію лицомъ къ лицу такъ благоразумно сочетала въ ней идеализмъ, необходимый особенно въ женщинѣ, съ знаніемъ вещей, нѣжность чувства, проникавшаго ее всю, съ умѣніемъ владѣть собою, что просто, я тебѣ говорю, она ставила частехонько меня втупикъ, съ перваго взгляда угадывала людей и сказывала о нихъ свое сужденіе, да такъ вѣрно, что я потомъ, несмотря на мою философическую голову и на все мое знаніе римскаго и естественнаго права, пріобрѣтенное въ университетѣ, только повѣрялъ на опытѣ слова ея. Не помню, чтобъ я кого-нибудь такъ уважалъ въ своей жизни, какъ ее... Ахъ, жаль, право, навыка къ литературнымъ сочиненіямъ не имѣю и не могу тебѣ описать ни всѣхъ ея достоинствъ, ни того, какое благодѣтельное вліяніе производила на меня моя любовь. Я съ каждымъ днемъ видѣлъ, какъ она-то сама развивается, говоря со мною, и какъ я самъ тогда сдѣлался лучше. И, что̀ было странно, я всегда былъ съ женщинами смѣлъ и предпріимчивъ; съ нею, помню, только разъ во все наше знакомство ее поцѣловалъ... Я объ этомъ говорю, потому что не ставлю ни себѣ въ укоръ, ни ея памяти въ оскорбленіе.

Чего бы, кажется, лучше, какъ не бракомъ увѣнчать наши взаимныя страсти, освятивъ ихъ благословеніемъ церкви передъ ликомъ Того, Кто повелѣлъ мужу сердцемъ выбирать помощницу всей жизни? Но тогда двадцати-то тысячъ еще я не пріобрѣлъ и домика не выстроилъ; пробивался кое-какъ жалованьемъ да уроками. Всѣ мои близкіе, всѣ, кто любилъ меня, приняли во мнѣ участіе; матушка, рыдая, заклинала меня побѣдить себя; всѣ говорили, что, искренно желая моего счастія, никто не захочетъ, чтобъ я себя и ее погубилъ и дѣтей обрекъ бы на нищенство... Резоны были очевидные; главное въ нихъ то, что̀ касалось прямо моей чести. Я не женился; тянулись годы; разлюбить не могъ; чахъ себѣ понемножку, искалъ средствъ, мѣстъ, трудился—и попусту; она, бѣдняжка, не перенесла и переселилась въ лучшій міръ, въ который чистая душа ея такъ пламенно вѣрила,—переселилась подъ сѣнь Заступницы вѣрующихъ, которой молилась со слезами и отъ которой чаяла невидимой помощи въ этой трудной жизни, гдѣ, кромѣ скорби и слезъ, ничего отраднаго не встрѣтила. Какъ я ее пережилъ—не знаю; можетъ-быть, потому что уже духовно началъ умирать прежде ея видимаго преставленія. Что̀ было со мною послѣ плачевнаго событія

этого, описывать не стану, ибо для того не довольно одной философической головы, надобно еще сердце крѣпче моего,— ибо уже и отъ сихъ слабыхъ строкъ я умиленно плачу,— да и побольше, какъ я говорю, навыка къ литературному сочиненію.

Какъ бы то ни было, я однако пережилъ. Нѣтъ такихъ горестей и потерь, въ которыхъ бы не утѣшился человѣкъ, это правда; но правда и то, въ чемъ убѣдили меня долголѣтній опытъ и философія: послѣ самыхъ важныхъ потерь человѣкъ хотя и не умретъ, но онъ уже не тотъ, онъ уже хуже. Переломивъ свою натуру, думаешь, что восторжествовалъ, что проявилъ волю титанскую; можетъ-быть; но знай тоже, что это, какъ говорятъ, переломленіе себя и есть послѣдній твой доблестный подвигъ; болѣе ты никуда не годенъ: жизнь твоя точно переломлена, какъ береза, поваленная вихремъ и упавшая на сосѣднюю ель, которая поддерживаетъ ее своими поднятыми къ верху вѣтвями: сломанное до сердцевины весною дерево еще прозеленѣетъ до осени—но что въ немъ?.. Такъ ли говоритъ ваша новѣйшая философія? Желалъ бы я прочесть, какъ толкуютъ нѣмецкіе умники; отыщи, пожалуйста, мнѣ объ этомъ предметѣ какую-нибудь книгу, купи и пришли; право, хорошо бы ты сдѣлалъ; цѣну ея и что̀ пересылка будетъ стоить, я заплачу.

Все это привожу я къ тому, что, когда я былъ молодъ и крѣпокъ и любилъ—эта страсть тоже встрѣтила препятствія, достойныя уваженія; всѣ говорили, да я и самъ говорю, что я поступилъ благоразумно, не пойдя наперекоръ принятому порядку. Но что̀ дальше было, все уже имѣетъ связь съ этимъ моимъ благоразумнымъ и благороднымъ поступкомъ.

Небезызвѣстно тебѣ, что на сороковомъ году своей жизни, когда я уже пріобрѣлъ порядочный по моимъ нуждамъ достатокъ, я вступилъ въ законный бракъ съ Аделаидой Ивановной, съ твоей теткой. Дѣвочка была она молоденькая, только-что привезли изъ Петербурга, гдѣ она воспитывалась въ заведеніи. Вздумавъ на ней жениться, я думалъ найти себѣ подпору, и хотѣлось мнѣ имѣть подлѣ себя существо, которое бы могъ я образовать по своимъ понятіямъ такъ, чтобъ каждая ея мысль, каждое ея чувство прошло бы прежде чрезъ мое сердце и черезъ мою голову. Точно и ходилъ я за ней, какъ ходитъ садовникъ за дорогимъ растеніемъ: то выставитъ его на солнце, то, предвидя бурю, укроетъ въ натопленную теплицу. Но что̀ жъ, дорогой племянничекъ, изъ этого вышло? Разбери-ка ты хорошенько, какъ я,—теперь, правда, а не тогда,—обсудилъ свое поведеніе, и

назови-ка настоящимъ именемъ мои отеческія попеченія. Примѣръ великаго Руссо, какъ видишь, не остался безплоденъ. Я обнаруживаю передъ тобою много печальнаго и достойнаго смѣха и посрамленія въ моей жизни... Хочешь ли ты знать, какъ называла все это сама моя жена, а равно изъ этого увидишь, до чего довели ее мои отеческія попеченія? Вотъ перепишу тебѣ нѣсколько строкъ изъ ея писемъ, *перехваченныхъ* мною, писанныхъ... ты поймешь къ кому:

„...Наконецъ, послѣднія силы меня оставляютъ... Притворство, вѣчное притворство! Казаться любящей мужа и вѣчно думать о тебѣ... Ты не повѣришь, до чего доходитъ его подозрительность. Мнѣ не даютъ безъ себя и шагу ступить; дѣла приносятъ на домъ; если нельзя уже не итти въ присутствіе, то оттуда приходятъ безпрестанно подъ разными предлогами... Сердце мое переполнено; чувствую, оно надорвется само и безъ помощи гибельнаго оружія, которое я уже раза два пыталась унести изъ кабинета изверга, чтобъ найти средство окончить мои страданія... Но ты просилъ меня жить, и я живу, и это пусть будетъ тебѣ лучшимъ доказательствомъ того, какъ я тебя люблю... Представь себѣ, что не только хотятъ, чтобъ я любила его, хотятъ, чтобъ я думала, какъ онъ, чувствовала то, что онъ чувствуетъ. А есть ли у него въ сердцѣ что-нибудь, кромѣ чувства *собственности* жены его, не знаю! Если бъ не эта добрая нищая, которая по утрамъ кладетъ на окно мнѣ вѣсточку изъ рая, твое письмо, и передаетъ тебѣ мои письма, я не знаю, была ли бы возможность мнѣ какъ-нибудь подѣлиться съ тобою мыслью, чувствомъ и страданіемъ... Вчера я дрожала и смѣялась, добрая наша нищая стоитъ у окна; я съ мужемъ (фи, какъ противно это слово!) сижу у окна... мнѣ непремѣнно нужно было передать тебѣ мои слезы, я знала, что онъ къ должности не пойдетъ, слѣдовательно отъ меня не отстанетъ; я завернула въ записку свою мѣдный пятакъ и передала ему, чтобъ онъ кинулъ его несчастной“.

Такихъ писемъ я перехватилъ много; каждое изъ нихъ есть вопль души страдающей, которую я убивалъ и жегъ медленнымъ огнемъ, хотя отъ природы имѣю сердце доброе. Несмотря на то, нищая была представлена мною въ полицію, отправлена на поселеніе, а *тотъ*, котораго я называлъ обольстителемъ жены моей, убитъ на дуэли, которую я ему состряпалъ съ кой-какими хорошими людьми, впутавъ его въ споръ изъ-за картъ и напустивъ на него человѣка, который промаху не давалъ и котораго одинъ звѣроподобный видъ преисполнялъ сердце отвращеніемъ и ужасомъ. Неопытный

юноша его вызвалъ, вслѣдствіе моихъ клеветъ, и палъ... Да будетъ нынче миръ праху твоему! За гробомъ кончается злоба! Прости, тѣнь печальная, грѣшному старику, не разъ орошавшему пустынную могилу твою, одинокую, при опушкѣ лѣса, своими горькими слезами!.. Жена моя получила о смерти его извѣстіе, будучи уже въ восьмомъ мѣсяцѣ беременности, и умерла въ преждевременныхъ родахъ, произведя на свѣтъ мертваго младенца. Вотъ видишь ли, я сдѣлался изъ тирана-мужа коварнымъ убійцею, но такимъ убійцею, который чистъ по наружности и смѣло можетъ отвѣчать передъ человѣческимъ правосудіемъ, ибо дѣйствовалъ, не нарушая ничьихъ правъ! А вѣдь любилъ же я прежде, и ревность не закрадывалась въ мою душу; отчего это? Не оттого ли, что я чувствовалъ тогда, что имѣю право быть любимымъ? не оттого ли, что тогда вѣрилъ въ чистоту человѣческой природы, въ добродѣтель и любовь женщины? Послѣ это уже все утратилось. Отчего же эта разница? нѣтъ ли и на этотъ вопросъ отвѣта въ вашихъ книгахъ? Пришли, пожалуйста, если найдешь; я заплачу.

Смерть супруги моей хотя и была нѣкоторымъ торжествомъ для моего самолюбія, однако сильно подкосила меня. Хотя и прежде я давно уже потерялъ то безкорыстіе, съ которымъ вступилъ на поприще дѣятельности, но послѣднее событіе моей жизни какъ-то опьянило меня. Какъ солдатъ, въ бою ищущій смерти для того, чтобъ заглушить въ душѣ своей укоры совѣсти, кидается въ самый пылъ сраженія прямо подъ градъ пуль, или врывается въ средину непріятельскаго строя,— такъ и я бросился въ самыя отчаянныя продѣлки; внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что я не правъ, что мнѣ нужно искупить себя предъ собою и цѣлымъ обществомъ посредствомъ наказанія. Я жаждалъ наказанія, какъ отрады, какъ должнаго, какъ возстановленія своей совѣсти, и началъ, что̀ называется, *драть* съ праваго и неправаго, не разбирая, что̀ выйдетъ. Вышло то, что скоро я насчитывалъ до полутораста тысячъ капитала, а наконецъ вмѣстѣ со многими попался, по случаю ревизіи, наряженной надъ нашей губерніей. Тутъ, признаюсь, уже страхъ заступилъ мѣсто желанія наказанія; я принялъ всѣ мѣры, чтобъ оправдаться... Насъ было много... это было давно... я вышелъ чистъ, сохранилъ свое доброе имя, потерялъ только капиталы, едва успѣвъ сохранить прежнія 20 тысячъ, которыя и передаю тебѣ, ибо иного ближайшаго родственника не имѣю.

Вотъ тебѣ, любезный племянничекъ, весь твой дядюшка. Не знаю, пребудешь ли ты въ слѣдующемъ письмѣ твоемъ, которое имѣю получить отъ тебя при желаніи мнѣ всякихъ

благъ на Новый годъ, съ истиннымъ ко мнѣ почтеніемъ и уваженіемъ. Впрочемъ, почему же и нѣтъ? Меня всѣ почитаютъ и уважаютъ. Да притомъ, скажи-ка откровенно, виноватъ ли я самъ во всѣхъ гнусныхъ происшествіяхъ своей жизни? Виноваты люди... охъ, люди виноваты! то виновато, что обстоятельства жизни такъ слагаются, что какъ ни родись ты со всѣми наклонностями къ добру, а все кончишь тѣмъ, что подъ конецъ юдольнаго своего странствованія о прошломъ вспоминать прійдется съ горечью и злостью! Не тѣ ли виноваты, кто выдумалъ такіе обычаи, по милости которыхъ я, несмотря на то, что рожденъ былъ съ философической головой, не вышелъ философомъ,—по милости которыхъ еще я бывалъ больно сѣченъ въ школѣ учителемъ математики и латинской словесности, когда, будучи еще ребенкомъ, обнаруживалъ хотя и ребяческое, но часто дѣльное сужденіе о вещахъ и осмѣливался предлагать имъ часто свои замѣчанія на ихъ уроки, не принимая на-слово того, чего не понималъ? Не по ихъ ли милости обреченъ я былъ дальновиднымъ и расчетливымъ родителемъ моимъ къ практическому изученію положительныхъ законовъ и отвлеченъ отъ слѣдованія за курсомъ матери всѣхъ наукъ, къ которой я донынѣ сохранилъ живое стремленіе? Не они ли закрыли передо мною дорогу къ живому источнику, обновляющему и освѣжающему всѣ наши познанія, коего сладкозвучное журчаніе и до сихъ поръ раздается въ ушахъ моихъ, ибо близость его чувствую, хотя и отведенъ отъ него далеко въ пустынѣ, подобно путнику, который, по выраженію суевѣрнаго простолюдина, обойденъ лѣшимъ? Не по ихъ ли милости, говорю, брошенъ былъ я въ глушь, куда до меня не только свѣтъ наукъ, но и слабое ихъ мерцаніе не достигало? Не они ли виновники того, что чистота души моей, врожденное благородство и теплая ко благу отечества и правды любовь, не найдя привѣта, не устояли въ душѣ моей, и, по слабости натуры своей, я отклонился отъ добра, не обѣщавшаго мнѣ ничего въ жизни, и открылъ сердце свое сладкорѣчивой сиренѣ мздоимства и правдоторговли? Всѣ эти сѣмена добра, которыя вложены въ мою душу источникомъ всякаго добра, всѣ мои страсти, имѣвшія началомъ своимъ тѣ же благія внушенія добра, встрѣтивъ препятствія въ своемъ раскрытіи и обнаруженіи, обратились во зло не только мнѣ самому, не только всѣмъ близкимъ моимъ, двумъ женщинамъ, изъ которыхъ одну я любилъ и уважалъ, а другою владѣлъ,—юношѣ, котораго одна любила, несмотря на мое тиранство,—но и цѣлому обществу, покрывъ его срамомъ питать и поддерживать неправаго судью и лихоимца? Отчего, наконецъ,

тогда, когда я былъ въ силѣ дѣйствовать, средствъ у меня не было,—когда я могъ бы быть счастливымъ съ тою, которую любилъ и изъ любви къ которой готовъ былъ трудиться, ни труда ни достатка я не имѣлъ; а нынче, съ головой, убѣленной лѣтами, съ ногой, разбитой параличомъ, съ разстроеннымъ желудкомъ и съ философической головой, которая мнѣ не даетъ покоя, обладаю я двадцатью тысячами капитала, домикомъ, укрывающимъ меня отъ вреднаго дѣйствія стихій, и садомъ, отъ котораго получаю до 70 руб. дохода въ лѣто? Для того ли, чтобъ оставить это тебѣ? Все это тебѣ, можетъ-быть, нужно теперь и послужило бы, можетъ-быть, къ исполненію различныхъ плановъ, и спасло бы тебя въ будущемъ отъ ожесточенія на себя и на другихъ, но, другъ мой, можетъ-быть, проволочу я свои безрадостные дни еще много лѣтъ, ибо не могу иначе тебѣ завѣщать свое имущество, какъ mortis causa, и, когда оно прійдетъ къ тебѣ, будетъ, можетъ-быть, уже поздно. Вотъ отчего есть правда въ словахъ нашего городничаго, судьи или станціоннаго смотрителя и прочихъ людей безъ философическаго направленія, о чемъ упоминалъ я въ приступѣ къ своему предмету. Спрашивается, кто же мой злодѣй, мой развратитель? И тотъ, и другой, и третій... Поразмыслимъ обо всемъ этомъ прилежно, я дохожу до такого умозаключенія, что всѣ эти обычаи и случаи моей жизни обезобразили въ лицѣ моемъ вѣнецъ творенія Божія, человѣка, сорвавъ съ лучезарной природы его печать подобія Творцу своему, отчего, вмѣсто стремленія къ свѣту, онъ обратился къ темному міру зла, въ огонь ярости и скорби. Благородныя страсти наши въ лучшую свою пору находятся въ вѣчномъ стремленіи, но простора и направленія къ добру имъ нѣтъ. Человѣкъ, по ихъ милости, уподобляется луку со стрѣлою: онѣ натянули лукъ, но прикрѣпили стрѣлу; каждое мгновеніе стрѣлѣ хочется сорваться и летѣть къ цѣли, тетивѣ опуститься—нѣтъ, не тутъ-то было: распирай дугу привязанная къ луку стрѣла, натягивай тетиву, тебя не выпустятъ, еще не время. И лукъ, и стрѣла, и тетива силятся прійти въ натуральное положеніе; тетиву мочитъ дождь: она сжимается, какъ будто дѣлаетъ усиліе,—не тутъ-то было!.. Но время идетъ. Стрѣлокъ расчелъ, что пора; развязалъ стрѣлу у лука, спускаетъ тетиву... но, о, горе! тетива опустилась и мотается на двухъ концахъ лука: лукъ не рванулся выпрямиться и согнутъ, какъ будто его держитъ туго натянутая струна, а стрѣла не вьется, не свиститъ, не рѣжетъ воздуха и упадаетъ, лишившись подпоръ, къ ногамъ благоразумнаго стрѣлка. Такъ и наши силы: пока онѣ напряжены,—простора нѣтъ,

выжидай. Настанетъ срокъ—онѣ уже ослабѣли, онѣ уже не тѣ, онѣ уже стремятся не въ высь, къ солнцу, въ царство свѣта, а падутъ долу, во мракъ преисподней.

Вотъ тебѣ, любезный племянничекъ, моя философія; какъ-то ты ее найдешь? Согласишься ли со мною, или долженъ я буду сказать: „я совершилъ много и ничего“, какъ говоритъ Юлій Цезарь въ одномъ разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ... Ты, я думаю, знаешь этотъ разговоръ: въ восемьсотъ первыхъ годахъ выходили „Вѣдомости изъ Царства Мертвыхъ“ на нѣмецкомъ языкѣ. Прелестнѣйшія были вѣдомости! Теперь, я думаю, издаютъ ихъ и на русскомъ; не сдѣлаешь ли для дяди-старика удовольствія — пришли хоть одинъ номерокъ. Правда, слѣдовало бы мнѣ, по примѣру всѣхъ писателей, которыхъ случилось мнѣ прочесть въ лѣта моей юности, попросить извиненія въ томъ, если гдѣ я ошибаюсь; но этого я съ тобою не имѣю нужды дѣлать, ибо не систему какую-нибудь предлагаю, а только прошу тебя, такъ какъ ты живешь въ столицѣ, гдѣ занимаются всѣми науками и философіею, конечно, — написать мнѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что, если гдѣ моя глупая голова и соврала, такъ ли разсуждаютъ ваши писатели; и если гдѣ моя философія погрѣшила, то укажи. Также не нашли ли какого-нибудь средства помочь горю, ибо, говорю тебѣ, я не одинъ, насъ много грѣшныхъ; если уже для насъ поздно и прошедшаго перемѣнить человѣкъ не можетъ, то безотрадно думать, что и невинныхъ младенцевъ, нынѣ рѣзвящихся весело и беззаботно въ ангельскомъ своемъ подобіи на колѣняхъ нѣжной матери, ожидаетъ подъ старость то же горькое сознаніе и хула людская ляжетъ на ихъ маститыя сѣдины... Опять повторяю, коли есть по этой части какія книги, то пришли ихъ ко мнѣ. Одного я боюсь: если гдѣ неясно я высказалъ мою мысль, то ты меня объ этомъ просто спроси, потому что, если и произошла какая-либо неясность, то не отъ неразумія моего или малаго прилежанія къ заданной темѣ. Что же принадлежитъ до самаго изложенія, то очень хорошо вижу, что погрѣшаю въ слогѣ и не могу выдержать всего, какъ бы слѣдовало по правиламъ краснорѣчія, переходя частехонько отъ высокаго къ подлому штилю, каковой приличествуетъ только дружескому разговору; но все сіе произошло не отъ чего иного, какъ отъ того, что навыка къ литературному сочиненію не имѣю.

Прощай. Дядя твой Иванъ Чумковъ.

1847

IV.

ПРОГУЛКА ПО РИМУ

съ моими знакомыми.

„..E il più gentile
Terren non sei di quanti scalda ilsole?
D'ogni bell' arte non sei madre, o Italia?
Polve d'eroi non è la polve tua?..
„Не лучшая ли ты страна
Изъ всѣхъ странъ, согрѣваемыхъ солнцемъ?
Не ты ли мать прекраснаго искусства, о, Италія?
Прахъ героевъ не есть ли твоя почва?“
Silvio Pellico. Francesca di Rimini.
„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!“

Въ Римѣ ведется обычай къ полудню кончать всѣ дѣла, какого бы рода они ни были, и обѣдать. Можно навѣрное сказать, что въ двѣнадцать часовъ тамъ прекращены всѣ занятія, и все населеніе Рима питается, величая вовсе неправильно процессъ своего питанія обѣдомъ, ибо со словомъ обѣдъ сопряжено понятіе объ изящности и нѣкоторомъ разнообразіи вкушаемыхъ яствъ, нѣкоторой утѣшительной торжественности въ отправленіи этого процесса, что̀, разумѣется, какъ даръ вмѣстѣ и фортуны и природы, то-есть даръ средствъ и даръ умѣнія обѣдать, доступно не всякому... Въ двѣнадцать часовъ всѣ присутственныя мѣста закрыты: раздача писемъ прекращена; босоногіе монахи исчезаютъ со стогновъ всемірнаго града и поютъ предобѣденный канонъ, умильно посматривая на длинные столы, растянутые въ трапезной. Блистательные франты, которыхъ пріѣзжія сѣверныя дамы принимаютъ за графовъ и князей, потомковъ гвельфовъ и гиббелиновъ, стремятся въ подземелья трактирщика Табьіони и услаждаютъ потребность пищи за нѣсколько мѣдныхъ байоковъ. Красавицы, работающія въ магазинахъ у француженокъ, выбѣгаютъ изъ разныхъ угловъ, спѣшатъ по гладкой

мостовой Корсо, мѣняются быстрыми огненными взглядами и бѣглыми улыбками со встрѣчающимися имъ паинами, римскими денди, въ синихъ альмавивахъ, или съ художниками въ черныхъ бархатныхъ кватрочентахъ и бѣлыхъ широкополыхъ шляпахъ, и потомъ исчезаютъ въ какой-нибудь темный узкій переулокъ, гдѣ сторонятся, давая дорогу худому вислоухому ослику, несущему на спинѣ своей двѣ огромныя корзины съ апельсинами и лимонами, легко перепрыгиваютъ между разнымъ хламомъ, беззаботно валяющимися по улицѣ орудіями ремесленниковъ, работающихъ на воздухѣ, стружками, кучами дровъ, кучами сору, листьевъ капусты, салата-латуги, обрѣзковъ игловатыхъ брокколей и ярко-суриковой моркови съ желтой сердцевиной, выглядывающей изъ-за клочка мокраго сѣна или раздавленной неосторожно шагающимъ осломъ. Даже самое, повидимому, свободное существо въ мірѣ—художникъ, хотя и рожденный подъ другимъ небомъ и воспитанный въ другихъ обычаяхъ, да и по самой натурѣ своей несклонный къ регулярности въ образѣ жизни, ибо для него все значитъ счастливый моментъ, — а когда этотъ моментъ выдается, передъ обѣдомъ или послѣ обѣда — неизвѣстно, — художникъ тоже, живя въ Римѣ, долженъ подчиниться всемогущему обычаю. Неизвѣстный его идеалъ и цѣль, къ которой стремится его искусство, — природа, олицетворенная для него въ образѣ натурщика или натурщицы, къ двѣнадцати часамъ уже начинаетъ страдать позывомъ на пищу. Увѣщанія и прибавка платы ничего не значатъ: громоносный Юпитеръ, цѣлые два часа удерживавшій поднятою рукою громъ и съ презрѣніемъ взиравшій на копирующаго съ него художника (безпрестанно спрашивая: „такъ ли, довольно ли я величественъ?“, и отъ времени до времени разсказывая собранные налету сплетни и анекдоты), къ двѣнадцати часамъ забываетъ о громѣ и сходитъ со стола, изображавшаго Олимпъ. Тѣло только-что убитаго Гектора, лежавшее цѣлое утро въ самой изломанной, но для мертвеца весьма естественной позитурѣ, къ 12 часамъ оживляется, разверзаетъ уста словами: „Signor, e il tempo di *mangiar*“. Мальчишка-нищій, натурщикъ, котораго мы взяли съ площади, обожженный солнцемъ, черный, дикій, нечесанный, сверкающій глазами, къ 12 часамъ оставляетъ свою позу на колѣняхъ передъ чернобровой Лауретой и говоритъ вамъ: „Da mi duo paoli, ho fame“. Аскетъ аравійской пустыни къ 12 часамъ взалчетъ, и являющіеся ему демоны во образѣ длинныхъ-длинныхъ макаронъ окончательно надъ нимъ торжествуютъ. Начинаютъ приходить въ безпокойство роскошные члены какой-нибудь Венеры или Га-

латеи, доселѣ неподвижные, какъ бы каменные, съ которыхъ писалъ или лѣпилъ художникъ, съ трудомъ сдерживая дыханіе въ расширенной груди, съ сильно бьющимся сердцемъ и усиленно напрягающій зрѣніе, готовое каждый мигъ помутиться, по-моему, болѣе въ самомъ себѣ, нежели въ своемъ произведеніи, представляющій торжество искусства надъ природою... Но — конецъ вдохновенью! Конецъ труду! Галатея идетъ обѣдать, Юпитеръ идетъ обѣдать, аскетъ идетъ обѣдать, тѣло Гектора идетъ обѣдать, а вслѣдъ за ними и художникъ покрываетъ мокрой тряпкой вылѣпленную фигуру или сдаетъ кисти неизвѣстно откуда являющемуся факину, уже обѣжавшему десятокъ мастерскихъ и отобравшему вездѣ кисти, и тоже отправляется обѣдать.

Я сидѣлъ въ трактирной комнатѣ, за чашкою чернаго кофе, за которой уже два раза прибѣгалъ слуга изъ кофейной: онъ съ неудовольствіемъ возвращался назадъ, вѣроятно, не понимая, что̀ за наслажденіе долго сидѣть послѣ обѣда, куря сигару и попивая простывшій кофе. Комната уже почти опустѣла; художники всѣхъ націй, въ двѣнадцать часовъ являющіеся къ обѣденному столу, разошлись по своимъ мастерскимъ; оставались только: англичанинъ на одномъ концѣ стола, четыре раза спросившій себѣ бифстексу и на вопросъ слуги: „что̀ прикажетъ еще eccelenza“, отвѣчавшій: „еще бифстексъ“, я и одинъ художникъ, Ферязевъ, засидѣвшійся тутъ потому, что не предполагалъ болѣе работать, да еще другой... не то художникъ, не то туристъ, во всякомъ случаѣ другъ художествъ, а еще болѣе художниковъ, оставшійся за столомъ потому, что еще не всѣ ушли: онъ выходилъ не иначе, какъ послѣднимъ. Роль этого милаго господина была престранная: его звали не иначе, какъ Ѳедей, онъ былъ со всѣми на ты, искусствомъ никакимъ особенно не занимался, цѣли въ путешествіи не имѣлъ никакой, но самымъ фактомъ своего пребыванія въ одномъ и томъ же обществѣ получилъ значеніе необходимости: посреди артистовъ, народа большею частью эксцентрическаго, онъ былъ олицетворенная идея внѣшняго приличія и порядка. Припомнить праздники, торжествуемые православною церковью и при перемѣнѣ календаря, и при счисленіи времени по другому стилю, легко забываемые высокоторжественные дни, даже чьи-нибудь именины или день рожденья, устроить проводы отъѣзжающему соотечественнику, приказать подать по сему случаю шампанскаго, начать говорить спичъ и, не кончивъ вступленія, провозгласить тостъ—это было его дѣло и исполнялось имъ съ примѣрною торжественностью, дружескимъ, трогательнымъ выраженіемъ,

смотря по роду случая. Если безпокойный Вакхъ поссоритъ двоихъ, впрочемъ, всегда весьма дружныхъ товарищей, возникаетъ споръ, за споромъ брань, обоюдные улики и доводы, впрочемъ, въ вещахъ совершенно постороннихъ спорному пункту, а затѣмъ ругательства, яростные взоры, угрозы и движенія, вызывающія на ратоборство,—онъ является примирителемъ, со слезами на глазахъ становится на колѣни передъ каждымъ изъ ссорящихся, поодиночкѣ у каждаго проситъ прощенія за другого, сноситъ съ примѣрною кротостью выходки противъ себя самого съ обѣихъ сторонъ... и, наконецъ, слезами, увѣщаваніями, насильственнымъ сталкиваніемъ враждующихъ въ объятія успѣетъ примирить, говоря: „Хоть только для меня помиритесь: пусть онъ такой-сякой, пусть и ты тоже, или хоть ты только такъ скажи, и ты тоже скажи, вѣдь мы знаемъ, что вы славные ребята; ну, и помиритесь, хоть для меня“. Соперники стихаютъ, отъ брани и яростныхъ взоровъ переходятъ только къ жесткимъ взорамъ; онъ велитъ подать шампанскаго на свой счетъ; враги, съ обѣихъ сторонъ искажавшіе біографію другъ друга чернѣйшими красками и взводившіе одинъ на другого чуть не уголовныя преступленія, увѣнчиваютъ его старанія, потъ, слезы и издержки дружескими объятіями, поцѣлуями, слезами и клятвами въ вѣчной любви и дружбѣ.

Если же вино одолѣетъ какую-нибудь крѣпкую натуру или вступитъ въ законныя права свои надъ слабою, и жертва его не въ состояніи держаться на ногахъ, что̀ при большомъ стеченіи молодежи разныхъ націй случалось нерѣдко, то отводилъ его домой не кто иной, какъ Ѳедя. Даже если бъ онъ не былъ вмѣстѣ съ другими, а былъ въ театрѣ или въ гостяхъ, то, возвращаясь домой, онъ дастъ два большіе крюка, а ужъ зайдетъ въ три трактира, открытые до двухъ часовъ ночи, посмотрѣть, не надобно ли кого отвести. Если тамъ случится компанія трезвая или пьяная, онъ останется съ нею, зѣвая и говоря, что ему спать хочется, и на совѣтъ: „такъ иди ложись“—ничего не отвѣчаетъ, но посмотритъ на всѣхъ съ кроткою ироніей, какъ бы желая сказать: „А какъ же вы безъ меня дойдете?“ Навѣрное можно сказать, что онъ да папскій цирюльникъ, обремененный дѣлами, въ цѣломъ Римѣ ложились спать послѣдніе.

Мы всѣ трое находились въ раздумьѣ, куда дѣть время до Ave Maria, то-есть до сумерекъ: пойти ли въ мавзолей Августа, обращенный въ открытый циркъ, гдѣ ежедневно Гверра потѣшалъ римскую публику своими представленіями, или взять лошадей, поскакать въ окрестные городки, бѣлѣю-

щіеся на горахъ, на полдорогѣ. разумѣется, завернувъ для отдыха въ низенькую остерію съ двумя кипарисами, живописными видами и плохимъ, но не пренебрегаемымъ разгоряченнымъ всадникомъ виномъ, какъ вдругъ разсужденія наши были прерваны появленіемъ незнакомца, довольно полнаго человѣка, благонамѣренной наружности и почтенныхъ лѣтъ; лицо, которое, не поражая никакими особенностями, прошло бы незамѣтно, не произвело бы въ васъ ни удовольствія ни неудовольствія, если бы не поражали въ немъ толстыя красноватыя, съ чрезвычайно маленькими рѣсницами вѣки, въ которыя были вставлены маленькіе, сѣрые, зоркіе глаза.

Вмѣстѣ съ этимъ господиномъ, который вошелъ къ намъ, или, лучше сказать, вслѣдъ за нимъ появилась маленькая фигурка человѣка съ огромными бакенбардами, сходившимися подъ подбородкомъ, какъ у обезьяны, съ рѣзкимъ профилемъ и съ длинными всклоченными волосами. Онъ былъ въ черномъ истасканномъ фракѣ, съ грязной манишкой, а на шеѣ была повязана новенькая красная шелковая косыночка, предназначенная первоначально для ношенія женщиною. Поджавъ смиренно шляпу, имѣвшую претензію на лоскъ новизны и для того неоднократно тертую мокрой щеткой, онъ стоялъ, притаясь у дверей, желая придать и безъ того довольно незначительной физіономіи своей сколь можно болѣе униженія, съежиться и вобраться въ себя, сократиться, если можно, до нуля. Едва господинъ, котораго онъ сопровождалъ, переступилъ порогъ комнаты, какъ эта фигурка значительно подмигнула трактирному слугѣ, какъ бы желая сказать: „Вотъ каковъ я; вотъ вамъ еще добыча“; потомъ сдѣлалъ еще какой-то знакъ, приложивъ палецъ къ щекѣ подъ глазомъ, что, вѣроятно, значило: „Будетъ пожива“, ибо слуга опрометью бросился къ пришедшему, выхватилъ изъ рукъ его шляпу и палку, усадилъ его на стулъ и сталъ передъ нимъ, изогнувшись, съ вопросомъ на устахъ: „Что угодно его сіятельству?“, а глазами стараясь проникнуть чуть не въ его желудокъ, чтобы предупредить, если можно, его желаніе. Въ Италіи всѣхъ порядочно одѣтыхъ иностранцевъ величаютъ титуломъ eccelenza, „ваше сіятельство“, что многимъ, особенно не сіятельнымъ, очень льститъ.

Пришедшій господинъ, кажется, не былъ недоволенъ непринадлежащимъ ему титуломъ; онъ уткнулся носомъ въ явившуюся передъ нимъ карту кушаній, нѣсколько минутъ переходилъ глазами отъ одного къ другому, шевеля ноздрями и губами, почавкивая и пожевывая, какъ бы напередъ изъ

названія стараясь себѣ составить идею о поименованныхъ блюдахъ; наконецъ онъ указалъ пальцемъ на одну строчку. Слуга взглянулъ ему черезъ плечо на карту и исчезъ со словами: „Sarà servita“.

Тогда маленькая фигурка, уничтожавшаяся у дверей, выползла и начала говорить ломанымъ французскимъ языкомъ:

— Монсиньору, вѣроятно, угодно будетъ пробыть здѣсь съ полчаса; онъ отпуститъ меня пообѣдать?

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ тотъ довольно чисто по-французски.

— Его сіятельству угодно будетъ дать, чѣмъ заплатить за мой обѣдъ?

Господинъ бросилъ, не глядя на него, полъ-скуды и продолжалъ читать, обонять и обдумывать названія кушаній на картѣ, все почавкивая и пожевывая.

— Черезъ полчаса я явлюсь непремѣнно,—повторяла фигурка, выросшая и потолстѣвшая щедротами незнакомца.— О, намъ остается осмотрѣть еще много прекрасныхъ вещей,— продолжалъ онъ скороговоркой, какъ семинаристъ, выучившій послѣ третьихъ розогъ латинскія исключенія:—Колизей, Капитолій, храмъ Сатурна, храмъ Юпитера Громовержца, бани Тита, термы Каракаллы, арка Траяна, арка Константина, арка Александра Севера, потомъ галлереи: галлерея Орсини, Боргезе, Фарнезе, Доріа; потомъ виллы: вилла Памфили, вилла Медичи, вилла Боргезе...

— Хорошо, хорошо, ступай.

— Слушаю, eccelenza.

Оставшись одинъ, господинъ продолжалъ пересматривать карту, но уже пересталъ почавкивать и пожевывать, ибо черезъ карту однимъ глазомъ заглядывалъ на насъ. Во всѣхъ его движеніяхъ была замѣтна какая-то неловкость и недовѣрчивость; чего бы, кажется, не посмотрѣть на насъ прямо, бѣглымъ взглядомъ, но все-таки посмотрѣть; нѣтъ, положивъ карту, онъ окинулъ взоромъ всю компату: шкапъ, на которомъ пирамидой стояли чистыя тарелки и въ безпорядкѣ лежали грязныя; огромную оплетенную соломой бутыль съ виномъ и вокругъ нея фоліэтты (особеннаго вида бѣлаго стекла бутылки и полу бутылки); осмотрѣлъ внимательно стоявшую на окошкѣ, почернѣвшую отъ времени соломенную корзинку, гдѣ хранились въ двухъ отдѣленіяхъ ножи, вилки и штопоръ; посмотрѣлъ и на кирпичный полъ и на потолокъ, на которомъ съ давнихъ временъ запечатлѣвались удары пробокъ и слѣды жидкостей отъ раскупориваемыхъ бутылокъ; пострадалъ даже подождавшаго съ мурлыканьемъ и ворчаньемъ кота.

который, поднявъ голову и хвостъ и согнувшись въ дугу, потирался около его стула, — а насъ, людей, предметъ, по-моему, самый интересный въ комнатѣ, какъ будто не замѣчалъ, не удостоивалъ иного взгляда, какъ исподлобья, украдкой; точно онъ насъ боялся, или принималъ за уродовъ, на которыхъ не смотритъ, или только дѣлаетъ видъ, что не смотритъ—изъ вѣжливости.

Мы, изъ вѣжливости тоже, стали продолжать свой разговоръ.

— Что жъ намъ, къ Гверрѣ, что ли?—сказалъ Ферязевъ, возвращаясь къ оставленному безъ рѣшенія вопросу.

— Пожалуй, и къ Гверрѣ,—отвѣчалъ Ѳедя:—тамъ, вѣрно, будутъ Митя, Вася и Хорьковъ.

— Или поѣхать верхомъ?

— Пожалуй, и верхомъ... только куда?—подхватилъ Ѳедя.— Во Фраскати нынче посвящали новаго кардиналъ-губернатора: вѣрно, будетъ праздникъ.

— Что Фраскати! Я недавно былъ во Фраскати; лучше бы въ Тиволи.

— Ну, въ Тиволи, такъ въ Тиволи! Только ужъ не перемѣнять. Такъ въ Тиволи?

— А вотъ подумаемъ.

— Ну, подумаемъ! У васъ все такъ! Нѣтъ, я ужъ, если рѣшился, такъ и ѣду. Богъ знаетъ что... Этакъ, пожалуй, и никуда не поѣдемъ.

— Ахъ, Боже мой! Не поѣдемъ, такъ не поѣдемъ.

— Вотъ ты всегда такъ!

— Такъ что жъ! Будто насъ гонятъ ѣхать въ Тиволи. Ступай, если тебѣ хочется.

— Что жъ ты ко мнѣ пристадъ, и еще при чужомъ человѣкѣ,—продолжалъ съ нѣжнымъ укоромъ Ѳедя, понизивъ голосъ и указывая на незнакомца: — не хочешь никуда ѣхать, такъ и я не поѣду.

Въ продолженіе этого разговора путешественникъ приходилъ все въ бо̀льшее и бо̀льшее безпокойство, чаще и чаще поглядывалъ на насъ исподлобья, поднося ложку ко рту. Наконецъ онъ положилъ ее на тарелку, опрокинулся на спинку стула, посмотрѣлъ на насъ прямо, любовно сдвинулъ вѣки глазъ и съ самой добродушной улыбкой произнесъ:

— Господа, кажется, я нахожусь посреди соотечественниковъ... Пріятно на чужбинѣ слышать русскій языкъ.

— Очень пріятно, — подхватилъ Ѳедя, вставъ съ мѣста и присѣвъ поближе къ незнакомцу:—а вы давно изволите быть въ Римѣ?

— Всего другой день и усталъ, какъ собака. Я пріѣхалъ сюда съ женою и дочерью, жену и дочь оставилъ въ отелѣ, а самъ говорю своему domestique des places: ну, веди, говорю, къ ресторану, гдѣ обѣдаютъ русскіе... Нарочно говорю, гдѣ обѣдаютъ русскіе. Такъ, знаете, хочется слышать родной языкъ.

— Да-съ: я ужъ который годъ за границей, — отвѣчалъ Ѳедя:—а тоже, знаете, очень пріятно. Antonio! Date mi una mezza folietta.

— Позвольте себя представить — можетъ-быть, слышали, вѣдь слухами земля полнится — дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Иванычъ Благочинный...

Хотя никто изъ насъ не слыхалъ этой фамиліи, но, вѣроятно, незнакомецъ считалъ себя за очень важное лицо, и потому видимо непріятно отозвалось въ его ушахъ наше: гм!.. свидѣтельствовавшее, что мы въ первый разъ слышали его имя.

— А съ кѣмъ имѣю честь...

Ѳедя поспѣшилъ отвѣчать за себя.

— Зоричевъ.

— По имени?

— Ѳедоръ Павлычъ.

— Изволили служить?

— Въ Пензѣ, въ канцеляріи губернатора.

— Не при Иванѣ ли Петровичѣ?

— Точно такъ.

— Какъ же-съ, знаю... то-есть не лично знакомъ, хоть мы и сродни... Да вотъ какъ, позвольте: сестра мужа моей племянницы за его двоюроднымъ племянникомъ, то-есть седьмая вода на киселѣ; но очень знаю. Пріятно вспомнить о знакомыхъ. Тѣмъ-то у насъ и хорошо, что все родные; близкіе или дальніе, а все-таки какъ-нибудь да родня. И Ѳедора Андреича знаете?

— Какъ же-съ, тёзки-съ; Ѳедоръ Андреичъ, что̀ женатъ на Хрюкиной.

— Тотъ самый. Вѣдь онъ прежде служилъ въ Москвѣ, потомъ былъ прокуроромъ въ Рязани. Человѣкъ ходкій: онъ далеко уйдетъ. А Арсеній Иванычъ,—ужъ вѣрно знаете,—попался-было: тамъ скверное было дѣло, да спасибо добрымъ людямъ, помогли выпутаться; мнѣ, признаюсь, большихъ хлопотъ стоило. Только отставили отъ службы, а какое взысканіе было, такъ подвели подъ манифестъ.

— А вѣдь хорошій человѣкъ Арсеній Иванычъ?

— Да, хорошій человѣкъ, да дѣла не умѣетъ дѣлать по пословицѣ: шито да крыто... Да, скажите пожалуйста, вы не родня ли Зоричевымъ-Петровичамъ... кажется, Калужской губерніи имѣнье?

— Нѣтъ-съ, мы пензенскіе; а то, знаю, другіе Зоричевы: Валеріанъ Петровичъ, двоюродный братъ моего отца.

— Почтенный человѣкъ этотъ Валеріанъ Петровичъ: послужилъ отечеству..., вѣдь онъ морякъ, кажется, былъ?..

— Да, лѣтъ пятнадцать ластовымъ судномъ командовалъ.

— Съ достаточнымъ чиномъ въ отставкѣ; женился по любви, и съ состояньемъ взялъ; калужское-то имѣнье, это женино; жена-то хозяйка славная, не мотовка какая... и все... сынки въ службу опредѣлились, и молодые люди, могу сказать, прекрасные, безъ всякой этакой, знаете, дури...

Но я не въ силахъ слѣдить за дальнѣйшимъ перечнемъ именъ и лицъ. А жаль: если бы записывать всѣ подобные разговоры, особенно разсказы кумушекъ и дамъ, извѣстныхъ своимъ давнимъ знакомымъ только по имени и отчеству, переходящихъ у насъ изъ дому въ домъ, замѣняя собою листы газетъ разныхъ партій въ городахъ, гдѣ принята публичность дѣлъ и мнѣній, — какая бы вышла богатая пища для романиста и историка!

Въ этомъ перечнѣ были произнесены нѣкоторыя знакомыя мнѣ и Ферязеву имена; мы подсѣли къ Андрею Иванычу и общими силами занялись опредѣленіемъ родства и свойства людей, намъ вовсе чуждыхъ и извѣстныхъ только по наслышкѣ. Новаго не было сказано ничего: насъ сильно заняло возстановленіе фактовъ, какъ они есть. Должно отдать справедливость Ѳедѣ: онъ при семъ случаѣ развернулъ обширныя свѣдѣнія и достойно соперничествовалъ съ Андреемъ Иванычемъ. Этимъ онъ, кажется, заслужилъ болѣе насъ всѣхъ расположеніе гостя, который позволилъ себѣ съ нимъ пріятную небрежность въ разговорѣ, соблюдая всевозможную учтивость съ художникомъ, когда узналъ, что отецъ его не дворянинъ, и всячески старался, какъ подобаетъ благовоспитанному человѣку, показать ему, что, несмотря на его происхожденіе, онъ обращается съ нимъ какъ съ равнымъ. Наконецъ этотъ источникъ истощился. Оранжевый блескъ склонявшагося уже къ вечеру солнца, отражаясь отъ дома на противоположной сторонѣ улицы, блуждалъ яркими пятнами по закоптѣлымъ стѣнамъ, полу и потолку трактирной комнаты, отчего она казалась особенно душною. Несмотря на всю прелесть воспоминаній о далекой родной сторонѣ, это солнце напоминало намъ, что мы въ Римѣ, и Ѳедя, который тоже писалъ стихи, пробормоталъ два стиха изъ написанной имъ давно уже пьесы:

„А вѣчный городъ между тѣмъ
Дремалъ въ торжественномъ безмолвьѣ..."

Благочинный, кажется, тоже подпалъ вліянію этого солнца и сказалъ намъ:

— Я, кажется, засталъ васъ, господа, занятыми рѣшить вопросъ, какъ убить время. Если бы вамъ угодно было принять мое предложеніе, такъ сказать, мой проектъ, я бы, признаюсь, счелъ за особое удовольствіе. Не угодно ли вамъ поѣхать со мною осмотрѣть древній-то Римъ?

— Очень хорошо.

— Вамъ вѣдь все извѣстно; я только въ этомъ дѣлѣ профанъ.

— Ничего-съ, ничего-съ.

— Все утро протаскался сегодня. Петра видѣлъ. Экая громадина! Говорятъ, Пантеонъ весь уставится... Куполъ-то какой! Экій мастеръ этотъ Микель-Анджело: какую громадину, такъ сказать, повѣсилъ въ воздухѣ... Да-съ, славная штука! Немножко только на залу похоже: знаете, есть что-то такое бальное, праздничное.

Сдѣлавши счетъ съ трактирнымъ слугою, Андрей Иванычъ бросилъ ему два паола на водку, сказавши по-русски: „Вотъ тебѣ, братецъ“, что̀ значило въ его же переводѣ на французскій языкъ—c'est à vous, за что послѣдній изогнулся въ три погибели, весь превратился въ движеніе, чтобы подать щедрому ecceIenza пальто, величая его уже чуть не папскими титулами, стряхнулъ пыль съ его шляпы, почистилъ сюртукъ, провелъ рукавомъ по бархатному воротнику, отеръ грязь съ панталонъ, подышалъ на сапоги и ловкимъ взмахомъ неизвѣстно откуда явившейся щетки возвратилъ ихъ къ первоначальному блеску.

Чичероне уже дожидался Андрея Иваныча на улицѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Андрей Иванычъ остановился передъ выставленнымъ на улицѣ ящикомъ, въ которомъ подъ стекломъ разложены были разные камни съ головою Медузы, съ головою Юпитера Олимпійскаго, съ двумя голубками, сидящими на чашѣ, съ Сатиромъ, ласкающимъ козу, и quasi-портретами многихъ великихъ людей, отъ которыхъ исторія сохранила только одни имена. Вдругъ мы были поражены восклицаніемъ Ѳеди, увидѣвшаго издали троихъ художниковъ-пейзажистовъ, возвращавшихся обѣдать изъ-за города, съ папками подъ мышкой и толстыми палками, превращавшимися въ случаѣ нужды въ треножники.

— Митя, Вася и Хорьковъ!—восликнулъ Ѳедя:—вы откуда? Что̀ же вы мнѣ не сказали вчера, что хотите пойти сегодня писать съ натуры? Я бы пошелъ съ вами... Эхъ, какіе, право! Особенно тебѣ стыдно, Митя; а вѣдь я тебя еще вчера ночью доводилъ домой отъ скалинады.

— Да мы вчера и не думали...

— То-то не думали... Вы еще не обѣдали?

— Идемъ обѣдать.

Пейзажисты одни только свободнѣе прочихъ обывателей Рима въ выборѣ времени для пищи и вдохновенія, ибо ихъ модели слѣдуютъ по своему организму другому способу питанія, нежели модели скульпторовъ и историческихъ живописцевъ.

— А ты много начертилъ, Вася?

— Да, кое-что.

— Ну, братъ, я пойду съ тобой, покажи... а все-таки вамъ стыдно. Извините меня, милостивый государь,—сказалъ онъ, обратясь къ Андрею Ивановичу: — мнѣ надобно посмотрѣть рисунки—вотъ—ихъ. Славно чертятъ. Все равно, вѣдь вы воротитесь къ Ave Maria; я буду васъ дожидаться тутъ же въ трактирѣ и нарочно никуда сегодня не пойду.

— Какъ вамъ угодно.

— Мнѣ совѣстно, право... но, ей-Богу, очень нужно!..

Вся нужда Ѳеди состояла только въ его потребности къ перемѣнѣ лицъ. Долго онъ не могъ оставаться ни съ кѣмъ, по сангвиническому своему темпераменту.

— Помилуйте, между земляками что̀ за церемоніи!—Андрей Иванычъ и Ѳедя дружески и долго жали другъ другу руки.

— И ты придешь, Сережа?—спросилъ Ѳедя, обратясь къ художнику.

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ тотъ.

— И ты, Аполлонъ?

— Можетъ-быть.

— То-то же, приходите... а мнѣ, право, нужно.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ. Ѳедя опять закричалъ намъ:

— Смотрите же, не забудьте... Я знаю, ты не придешь, Сережа?.. Смотри же, не обманите.

Ферязевъ не отвѣчалъ ничего; я обернулся, готовясь отвѣчать Ѳедѣ не совсѣмъ учтиво, и увидѣлъ, что онъ уже подхватилъ подъ руки Митю и Хорькова, говорилъ имъ что-то и, обернувшись къ намъ, опять закричалъ:

— Приходите же къ Ave Maria.

Они исчезли въ трактирныхъ дверяхъ, мы повернули изъ Via Condotti на Корсо.

Отсутствіе Ѳеди произвело непріятное впечатлѣніе на Андрея Иваныча: онъ сдѣлался какъ будто не тотъ. Очевидно, Ѳедя понравился ему болѣе всѣхъ; изъ нѣсколькихъ словъ Андрей Иванычъ, какъ русскій человѣкъ, проникъ его насквозь и

полюбилъ за то, что чувствовалъ надъ нимъ нѣкоторое превосходство: съ Ферязевымъ онъ былъ вѣжливъ и не позволялъ себѣ искренней шутки—по извѣстнымъ причинамъ. На меня смотрѣлъ какъ-то недоброжелательно, натянуто, стараясь казаться умнѣе, чѣмъ онъ былъ. Вѣроятно, мое званіе литератора его сильно пугало: со званіемъ литератора эти господа соединяютъ непремѣнно идею человѣка очень ученаго и—главное—пересмѣшника: попасться подъ перо писателя, служить ему матеріаломъ для сатирическаго очерка,—для нихъ это сущее наказаніе, почти все равно, что̀ попасться нечаянно подъ судъ. Страшная вещь, въ самомъ дѣлѣ, узнать себя въ повѣсти или въ комедіи, даже подъ другимъ именемъ: такъ и кажется, что всѣ пальцемъ указываютъ; знакомые называютъ васъ по имени, кажется, думаютъ про себя другое и шепчутъ имя, которымъ назвалъ писатель своего героя; лакей вашъ, вовсе чуждый успѣховъ литературы, приходящій на вашу кличку, только-что продравъ глаза, изъ передней, гдѣ дремалъ въ весьма неспокойномъ положеніи,—тоже, кажется, хочетъ сказать: а баринъ-то мой то-то или то-то; даже незнакомая собачонка, которая, потерявъ хозяина и назябшись вдоволь на морозѣ, забѣжала на вашу лѣстницу и пригрѣлась въ углу на веревочномъ половикѣ, подымаетъ изъ любопытства, когда вы проходите мимо нея, свое остренькое рыльце, чтобъ посмотрѣть украдкой въ натурѣ на такое лицо, которое мастерски осмѣяно... Горе, да и только! Ну, собачонку толкнете ногой и накажете за дерзость; лакею тоже можно причинить непріятность; а вотъ со знакомыми-то плохо. Бѣда, да и только!

Вслѣдствіе всего этого, разговоръ нашъ принялъ оборотъ серьезный: о неудобствахъ, сопряженныхъ съ путешествіемъ вообще, о тихой ѣздѣ ветуриновъ, о воровствѣ въ отеляхъ и проч. Это бы продолжалось еще далѣе; Богъ знаетъ, распахнулся ли бы Андрей Иванычъ и сказалъ ли бы о чемъ-нибудь свое мнѣніе, если бъ новая встрѣча съ неизвѣстнымъ мнѣ дотолѣ господиномъ, который оказался впослѣдствіи Петромъ Сергѣичемъ Чупруновымъ, не возвратила ему прежняго расположенія и бодрости духа.

Петръ Сергѣичъ Чупруновъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Благочиннымъ изъ Милана до Флоренціи, гдѣ Благочинный оставался нѣсколько времени, а Чупруновъ прежде него пріѣхалъ въ Римъ. Съ первыхъ словъ его можно было судить, что это человѣкъ начитанный и горячо сочувствующій всѣмъ вопросамъ науки и жизни.

— Откуда вы, почтеннѣйшій, и куда?—спросилъ его Благочинный, заключая его въ свои объятія.

— Да вотъ-съ, глазѣлъ на вѣчный городъ-то.

— А не угодно ли вмѣстѣ съ нами, идемъ. Эти господа уговорили меня итти пѣшкомъ смотрѣть древности... Вы, чай, уже всѣ видѣли?

— Какъ же-съ. Впрочемъ, вѣдь это не то, чтобы посмотрѣть на какія-нибудь казармы,—отвѣчалъ Чупруновъ, окинувъ насъ проницательнымъ взглядомъ.

Вѣроятно, съ перваго разу онъ счелъ насъ образованными людьми, ибо принялъ совсѣмъ другое выраженіе лица, другой тонъ и слогъ, стараясь рисоваться передъ нами не только въ живописныхъ позахъ, но и самыми рѣчами придать себѣ поэтическій характеръ. Съ первыхъ словъ его видно было, что онъ корчилъ изъ себя либерала и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые ругаютъ русское, не умѣя различить ни добра ни зла и, разумѣется, довольствуясь желчными общими фразами. Онъ вообще говорилъ съ жаромъ; рѣчь его я всегда сравнивалъ съ заслуженнымъ конемъ, на которомъ выѣхалъ передъ толпу на площадь молодой всадникъ, который его безъ нужды горячитъ и шпоритъ, заставляетъ артачиться и становиться на дыбы.

— Молодецъ!—восклицаетъ, видя его, дама, питающая особенную склонность къ военнымъ.

— Дѣти, дѣти! Катя, Вася! Куда вы! Какъ разъ шарахнетъ!—кричитъ нѣжный отецъ семейства, идущій съ дѣтьми и женою обѣдать къ пріятелю или родственнику, вовсе не ожидавшему прибавленія полдюжины кувертовъ за скромнымъ столомъ своимъ.

— Еще не обжегся, дурень! — говоритъ здравый смыслъ, олицетворенный въ приземистомъ, плечистомъ мужичкѣ, съ окладистой русой бородой, въ синей рубахѣ, мимо проходящемъ тутъ съ топоромъ за поясомъ и безъ бережи ступающимъ своими непромокаемыми сапогами въ глубокую грязную лужу.

— Тутъ вѣдь,—продолжалъ Чупруновъ:—чѣмъ болѣе смотришь, тѣмъ болѣе вбираешь въ себя поэзію, чувствуешь, что становишься выше своей земной оболочки. Право, на васъ вѣетъ вдохновеньемъ Байрона и Шекспира.

— Да, — замѣтилъ я: — я чувствую, что только здѣсь, въ Римѣ, началось мое эстетическое воспитаніе, а вѣдь это именно та сторона, которая въ насъ не можетъ быть развита въ Россіи безъ какихъ-нибудь особенно благопріятныхъ обстоятельствъ.

— Ха-ха-ха! Вздумали искать эстетическаго образованія въ этой любезной странѣ, близкой къ морю Гиперборейскому,

въ мірѣ мелкаго чиновничества, скучной форменности, полудикихъ степняковъ.

Чупруновъ остановился, смотря, какъ поразилъ онъ насъ своимъ эффектомъ.

— Счастливы вы, — продолжалъ онъ: — если, углубясь въ самого себя, зарывшись въ библіотекѣ, питая свой духъ классическимъ чтеніемъ, устраняете себя отъ соприкосновенія съ грубой дѣйствительностью. Только тогда дѣвственная душа сохраняетъ свою чистоту, какъ дѣва свою непорочность. Только тогда въ душѣ вашей, какъ говоритъ этотъ мечтатель Руссо, который сказалъ такъ много правды, вы сохраните ce feu divin qui brûle sans cesse, et ne se consume jamais...

— Фу, какая красота!—воскликнулъ вдругъ Андрей Иванычъ, почти остолбенѣвъ, пораженный красотою шедшей намъ навстрѣчу молодой женщины въ аломъ спенсерѣ, въ легкомъ вуалѣ, прикрѣпленномъ золотой стрѣловидной булавкой къ черной съ сизымъ отливомъ, огромной косѣ. Яркія очи ея, полныя увѣренности въ своей красотѣ, блеснули молніей ему прямо въ глаза; легкая улыбка не то презрѣнья, не то насмѣшки, но полная веселья и гордости, оживляла уста ея; нельзя было ее увидѣть, не почувствовавъ крайняго смущенія... Боже мой! Какая смѣлость красокъ: коса, бровь ужъ черны, такъ черны! Уста—пурпуръ! Сквозь слегка загорѣвшую кожу румянецъ переливался бархатнымъ отливомъ во всю щеку, какъ заря на легкомъ облакѣ; бѣлизна зубовъ блестѣла сквозь граціозно открывшіяся губки... И не боялась она яркости цвѣтовъ костюма: алый спенсеръ не убивалъ алыхъ устъ, щеки какъ будто гордились свою жизненностью подлѣ бѣлоснѣжнаго покрова; яркія очи не пугались блеска золотыхъ серегъ и алмазоподобныхъ стразъ, какъ бы зная, что они поразятъ прежде металла и камней; а млечно-жемчужное, нѣсколько разъ около шеи обмотанное ожерелье только выставляло бѣлизну зубовъ; и, несмотря на эту роскошь цвѣтовъ и красокъ, ни одна не выдавалась впередъ, ни одна не рѣзала глазъ, а все было въ гармоніи, какъ въ ярко-колоритной и гармонической картинѣ Карла Дольче.

Мы остановились. Она опять оглянулась на насъ съ усмѣшкой, очевидно, замѣтя впечатлѣніе, которое произвела своимъ появленіемъ. И какъ смотрѣла она! Прямо, безъ наглости, какъ человѣкъ, въ своемъ правѣ находящійся, не исподлобья, не щурясь; смотрѣла, какъ будто бы хотѣла сказать: „Ну, ну, поглядите еще, глядите... вамъ вѣдь, чай, не случалось видѣть ничего подобнаго...“

Андрей Ивановичъ былъ совершенно уничтоженъ. Чичероне замѣтилъ это и поглядывалъ на него, закусивъ языкъ, очевидно, что-то задумывая. Въ эту минуту лицо его, окаймленное густыми бакенбардами, какъ у орангутанга, имѣло въ себѣ что-то сатанинское.

— Высочайшая поэзія! — повторялъ про себя Чупруновъ, провожая глазами красавицу.

Ферязевъ впалъ въ задумчивость; въ лицѣ его выразились глубокое страданіе и трогательная меланхолія, какъ будто бы онъ встрѣтился съ врагомъ, хамелеономъ, принимавшимъ передъ нимъ тысячу различныхъ формъ, одна другой неуловимѣе и прекраснѣе, съ врагомъ, съ которымъ онъ давно борется втайнѣ, побѣдить не можетъ и только съ каждымъ опытомъ чувствуетъ все болѣе и болѣе собственное безсиліе.

Чупруновъ и я, мы опомнились первые и пошли далѣе. Ферязевъ отсталъ, полный самъ собою; Благочинный шелъ тоже поодаль, вмѣстѣ съ чичероне, который говорилъ ему что-то съ таинственнымъ видомъ, отъ чего Андрей Иванычъ щурилъ глаза, ежился, подгибая затылокъ къ лопаткамъ, и облизывался.

— Такъ вотъ-съ, я продолжаю нашъ разговоръ, — говорилъ мнѣ Чупруновъ: — какъ же вы хотите эстетическаго образованія тамъ, когда ничего не возвышаетъ души вашей? Вѣдь вотъ-съ, напримѣръ, прошла эта мѣщаночка... Одни глаза ея могутъ васъ сдѣлать героемъ добродѣтели или величайшимъ злодѣемъ... Прошу покорно наглядѣться на сѣренькіе или свѣтло-небесные глазеночки какой-нибудь съ виду гётевской барышни и почувствовать въ себѣ силу на все великое и прекрасное!.. А вѣдь вы, тотъ же самый человѣкъ, почувствовали бы ее въ груди своей, упиваясь созерцаніемъ очей этой волшебницы, похищая молніи изъ нихъ, чтобы проявить ихъ потомъ міру въ геройскомъ подвигѣ. Изъ вашихъ устъ полилась бы пѣснь, достойная Тасса или Аріоста, которые не боялись яркихъ образовъ, рѣзкихъ словъ и громадныхъ сравненій, все оттого, что окружающая ихъ природа грандіозна и многоцвѣтна. Понятно, что мы должны быть, какъ сказалъ этотъ увѣнчанный бѣглецъ Дантъ, когда, проходя по аду, увидѣлъ проносившуюся передъ его глазами толпу, подобно песку, крутимому ураганомъ; они противны Богу, равно какъ и врагамъ его... не будемъ говорить о нихъ, взгляни и иди мимо...

Non raggioniam di lor, ma guarda e passa.

Ну, вотъ, напримѣръ, поглядите: идетъ другая фигура... Я прозакладываю голову, что это дорогой соотечественникъ... Печать отверженія на челѣ... Вы себѣ представить не можете, какъ гнететъ душу видъ жалкаго человѣчества, пресмыкающагося у ногъ вашихъ! Душа отвращается отъ этой грустной картины!

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ шелъ шалопай въ голубовато-сѣрой курткѣ изъ толстой холстины, въ такихъ же штанахъ, съ мѣдной сережкой въ ухѣ, бѣлокурый, курносый малый лѣтъ двадцати; то, разинувъ ротъ, смотрѣлъ онъ по сторонамъ, то принималъ какое-то насмѣшливое, хитроватое выраженіе, какъ будто бы что-то смекая. Увидя насъ, онъ посторонился, снялъ шляпу и значительно осклабился.

— Скиѳъ, скиѳъ! — говорилъ, глядя на него, Чупруновъ, котораго очень забавляло это явленіе на стогнахъ всемірнаго града. — Только онъ не похожъ на своего предка, умирающаго гладіатора... Желалъ бы я знать его впечатлѣнія въ путешествіи... какими глазами онъ на все смотритъ?.. Чего добраго! Можетъ-быть, эти развалины такъ же на него подѣйствовали, какъ и на меня: такъ бы и не разсталсясь ними!

Андрей Иванычъ принималъ слова Чупрунова съ принужденной улыбкою. Его насмѣшки ему не нравились, вѣроятно, потому, что смѣяться надъ простотою обнаруживаетъ въ человѣкѣ дурное сердце. Онъ не выдержалъ и успѣлъ шепнуть мнѣ:

— Какой языкъ у этого Чупрунова, а вѣдь подите-ка, какъ разсуждаетъ о добродѣтели и любви къ ближнему! Виноватъ ли этотъ малый, что онъ не такъ воспитанъ, какъ Чупруновъ... да и много ли онъ самъ-то понимаетъ! У него все слова да слова! И зачѣмъ раздражать его насмѣшкой!..

Эта черта добраго сердца, какъ мнѣ казалось, очень мнѣ понравилась. Вѣроятно, чтобъ приласкать бѣднягу, онъ ласково заговорилъ съ нимъ:

— Что, Ванька, тоже Римъ осматриваешь?

— Какъ же-съ.

— Хорошо?

— Помѣщеніе великое.

— Ну, ступай, ступай, дуракъ, съ нами. Надѣнь фуражку-то. Здѣсь вѣдь солнце не такое, какъ у насъ.

Ванька отправился за нами. Но Благочинный съ него глазъ не спускалъ и опять нѣсколько разъ оборачивался, спрашивая Ваньку: „Знаетъ ли барыня, что онъ отлучился, или самъ по себѣ онъ ушелъ“, и опять былъ озадаченъ, узнавъ, что

барыня почиваютъ, а Ванька думалъ-было выйти за ворота, да вотъ, сбившись съ дороги, очутился въ древнемъ Римѣ. Даже радость его при встрѣчѣ съ нами не разсѣевала неудовольствія Андрея Иваныча.

Между тѣмъ мы поднялись по лѣстницѣ, ведущей въ Капитолій, и, минуя постройки Микель-Анджело, подошли къ другому спуску съ горы, откуда открылся намъ видъ древняго Рима. Уже вечерѣло: искрасна-золотые лучи солнца освѣщали кирпичное зданіе Колизея, чертили яркую линію свѣта на почернѣлыхъ колоннахъ, оставшихся одинокими отъ древнихъ храмовъ; тутъ Палатинскій холмъ, на которомъ виднѣлись своды императорскихъ дворцовъ, увѣшанные массами темной зелени, поросшіе лабиринтомъ сухихъ колючихъ терновъ, изъ среды которыхъ свѣшивались свѣтло-зеленаго цвѣта гигантскіе листья алоэ или подымались игловатые кактусы; внизу темныя тріумфальныя арки, вросшія въ землю, отверстія которыхъ освѣщены изнутри яркимъ лучомъ солнца: тамъ форумъ, обстроенный хижинами и маленькими капеллами, въ стѣны которыхъ вмазаны торчавшія тутъ изъ земли, до половины ею засыпанныя мраморныя и гранитныя колонны, — форумъ, заслоненный тѣнью отъ окружающихъ его холмовъ... И все это: Колизей, обломки, домики, арки, колонны, зелень, двуколесныя телѣжки и волы, подъ ярмомъ стоявшіе у низкой темной остеріи, и мужикъ въ синей курткѣ, въ красной жилеткѣ, въ синихъ панталонахъ и въ конусообразной шапкѣ, и вдали, на холмѣ, профиль дѣвочки, въ бѣломъ покрывалѣ, смотрѣвшей въ даль и прикрывшей рукою глаза, заслоняя ихъ отъ лучей солнца, свѣтившаго ей прямо въ лицо, — все это рисовалось яркими, горячими красками на далекомъ холодномъ фонѣ римской пустыни, окаймленной лиловымъ силуэтомъ Сабинскихъ горъ.

— Когда я вижу эти священные обломки,—сказалъ Чупруновъ: — я всякій разъ сравниваю себя съ Освальдомъ; недостаетъ только Коринны, которая бы освѣтила ихъ передо мною новымъ свѣтомъ, ярче и теплѣе этого солнца.

Андрей Иванычъ глядѣлъ какъ-то равнодушно. Холоденъ ли онъ былъ вообще къ красотамъ природы и руинъ въ особенности, или забѣжала въ его душу какая-нибудь тревога, не знаю. Только, пользуясь тѣмъ, что всѣ занялись созерцаніемъ картины, онъ подошелъ къ Ванькѣ, который стоялъ въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи и съ участіемъ смотрѣлъ, какъ двое черноглазыхъ мальчишекъ, привязавъ за хвостъ кошку, хотѣли заставить ее взойти на ступени Капитолія задомъ напередъ, и сказалъ ему:

— Что, Ванька, а вѣдь у насъ дома-то все лучше?

— Какъ же можно-съ. Здѣсь народъ все такой, безъ обхожденія.

— Правда, правда.

— А это-съ словно послѣ пожара: кіятеръ это, что ли? Да у насъ новый и невпримѣръ лучше будетъ. Трухмальныя-то ворота наши будутъ супротивъ здѣшнихъ попригляднѣе. Ишь, тутъ рыцари налѣплены все какіе-то безносые, а нашего чугуна не скоро отковырнешь, да и не позволяютъ. А тутъ и присмотру нѣтъ никакого: швырнулъ камнемъ да и пошелъ себѣ.

— Такъ дома лучше?

— Какъ же-съ.

— А къ женѣ хочется?

— Какъ не хотѣться.

— Скоро, скоро воротимся; мнѣ ужъ и самому все здѣсь надоѣло.

Ванька въ эту минуту такъ посмотрѣлъ на Андрея Иваныча, что, будь они въ другихъ отношеніяхъ, онъ кинулся бы его обнимать.

Андрей Иванычъ, очевидно, успокоился насчетъ вкусовъ Ваньки и подошелъ къ намъ.

— Онъ хорошій малый и ко мнѣ привязанъ,—сказалъ онъ, ровняясь съ нами.—У иныхъ люди бѣгаютъ за границей... Я же могу быть покоенъ.

Мы спустились съ горы. Чупруновъ овладѣлъ мною, говорилъ о высокой доблести и добродѣтеляхъ древнихъ римлянъ, о превосходствѣ человѣка надъ прочими животными, и сыпалъ цитатами изъ старыхъ и новыхъ писателей. Андрей Иванычъ наткнулся на Ферязева, который остановился, разсматривая двѣ древнія колонны, служившія порталомъ маленькой капеллѣ, въ которой оставленъ былъ также по неразумѣнію строителей обломокъ барельефа, изображавшаго языческій обрядъ жертвоприношенія быка. Благочинный подошелъ къ нему и ласково сказалъ:

— Сейчасъ виденъ художникъ. Что, барельефъ разсматриваете?

— Вздорный обломокъ временъ паденія.

— Ну-съ, а колонны?

— Колонны чистаго стиля.

— А какого онѣ ордена: доминиканскаго или францисканскаго?

Ферязевъ посмотрѣлъ на него пристальнѣе и отвѣчалъ, скрывъ улыбку:

— Нѣтъ, коринѳскаго.

— То-то, вѣдь ихъ много; трудно ихъ различать: всѣ какъ-то между собою схожи. А скажите, пожалуйте, что же называется древнимъ Римомъ?

— Да вотъ, что вы видите.

— Только и есть? Эти обломки? Вѣдь правду сказать, всего хорошаго-то тутъ и есть Колизей, а то вѣдь смотрѣть нечего. Отчего же это здѣсь не подновляютъ ничего?.. Я совсѣмъ иначе представлялъ себѣ древній Римъ; во-первыхъ, я этихъ быковъ сюда бы не пустилъ, этой нечистоты тоже бы не потершѣлъ; зарости этому бы ничему не далъ... Во-вторыхъ, я думалъ, что въ самомъ дѣлѣ есть древній Римъ, что это особенный городъ, что это все дворцы, и что ихъ показываютъ, что и улицы есть.

— И древніе римляне, — подхватилъ Ферязевъ, видя, что Андрей Иванычъ никогда не представлялъ себѣ древняго Рима или не могъ себѣ отдать отчета въ своемъ представленіи. Замѣтивъ, что его шутка произвела непріятное впечатлѣніе на Благочиннаго, онъ прибавилъ: — Да-съ, воображеніе иногда Богъ знаетъ что создаетъ.

— Правда, правда, особенно вы, молодые люди, увлекаетесь Богъ знаетъ чѣмъ. Охъ, молодые люди, у васъ все какая-то фантасмагорія въ головѣ... Чай, и вы тоже, живя за границей, набрались Богъ знаетъ какихъ идей! Цивилизаціи... чортъ знаетъ чего еще!.. Что старики уважали, ужъ, чай, и знать не хотите!.. Вамъ все даромъ давай, мѣсто, почести, денегъ; звѣзды съ неба захотѣли — намъ и звѣзды давай. Вотъ вамъ мой совѣтъ, примите, пожалуйте, говорю вамъ отъ сердца, потому что всѣмъ желаю добра: вѣрьте мнѣ, это все пустяки, это все никуда не годится... бросьте!

— Да что бросить-то?

— Не хорошо, не хорошо... всѣ эти идеи... поживете, скажете: былъ добрый человѣкъ, говорилъ правду...

Ферязевъ, очевидно, былъ въ затрудненіи, отвѣчать или воздерживаться отъ отвѣта на эти наставленія, сказанныя съ такою искренностью и желаніемъ добра; Андрей Иванычъ былъ совершенно доволенъ своимъ, какъ онъ думалъ, преимуществомъ человѣка умнаго и опытнаго и, въ безмолвіи, съ минуту глядя на художника, наслаждался своимъ торжествомъ...

— А это что такое?—вдругъ спросилъ онъ, отвлеченный отъ своего предмета толпою выходившихъ изъ Колизея босоногихъ капуциновъ, громко и на одну басовую ноту [illegible] латинскій напѣвъ, сопровождаемыхъ множествомъ женщинъ, маль-

чишекъ, калѣкъ, нищихъ, праздныхъ гулякъ, набожныхъ стариковъ и двухъ чрезвычайно прямыхъ англичанъ, съ гидами подъ мышкой и съ чичероне.

— Это процессія, которая по пятницамъ всегда бываетъ въ Колизеѣ вечеромъ, передъ Ave Maria. Жаль, что мы не поспѣли къ проповѣди: живописная картина!

— Кто жъ говоритъ проповѣдь?

— Кто-нибудь изъ этихъ монаховъ.

— А какого они ордена?

Ферязевъ опять скрылъ улыбку и отвѣчалъ, стараясь сохранить безразличное выраженіе:—„Іоническаго“.

— Праздношатальцы!—произнесъ, покачавъ головою, Андреи Иванычъ. — Чай, у нихъ все притворство и истинной религіи ни на грошъ нѣтъ. Ишь, какіе здоровые и молодые! Если бы теперь былъ Наполеонъ, онъ бы всѣхъ ихъ въ алжирскую армію отправилъ! Да скажите, пожалуйте, отчего это здѣсь такъ много празднаго народу на улицахъ: нечего, что ли, имъ дѣлать? Ужели у нихъ нѣтъ никакой службы? Вѣдь, право, жаль, какъ убиваетъ себя молодежь. Охъ, кабы дали мнѣ все это въ руки, я бы все это поставилъ на ноги.

Между тѣмъ я шелъ вмѣстѣ съ Чупруновымъ.

— Скажите,—спросилъ я:—вы давно знаете Благочиннаго? Что это за человѣкъ?

— Какъ же-съ; вѣдь, шатаясь въ обществахъ въ столицѣ, кого-кого не знаешь. Дюжинная натура. Пришелъ въ Петербургъ съ двумя грошами за пазухой и разными средствами нажилъ до пятидесяти тысячъ годового дохода. Теперь всѣ ему кланяются; всѣмъ человѣкъ нужный. Женился на дочери человѣка очень хорошей фамиліи, передъ которой деньги его замѣнили титла... Говорятъ, жили счастливо: впрочемъ, кто ихъ знаетъ, это не наше дѣло... Такъ-съ Андрей Иванычъ дочку выкормилъ, ростомъ чуть не съ добраго гайдука: охотница полькировать и мечтать при лунѣ, лепечетъ по-французски и мѣтитъ выйти за князя или графа; какъ ни говорите, а пятьдесятъ тысячъ придаютъ ей и ума, и чувства, и всякаго совершенства... Женитесь-ка.

— Зачѣмъ же онъ поѣхалъ за границу?

— Да вѣдь всѣ ѣдутъ: вотъ и онъ; а возвратится, посмотрите, какія вещи будетъ разсказывать. Онъ ужъ и теперь говоритъ, что Микель-Анджело въ архитектурѣ хорошъ, а въ живописи — мужикъ, что Гвидо писалъ только одной вохрой!..

Хотя мы всѣ пріустали, но Андрей Иванычъ и Чупруновъ, изъ вѣжливости, что ли, или боясь показаться нелюбопытными, не предлагали возвратиться домой или подъ сѣнь гостепріим-

наго трактира, гдѣ дожидался насъ Ѳедя. Всѣ мы невольно отдались въ распоряженіе чичероне, разсчитывавшаго, что вознагражденіе его должно быть пропорціонально числу его шаговъ и сообразно съ усталостью путешественниковъ. Одинъ Ванька шелъ, какъ-то жалко понуря голову; думалъ онъ Богъ знаетъ о чемъ, или что, можетъ-быть, теперь бы онъ завалился на печку и посматривалъ бы оттуда, свѣсивъ голову, какъ его Авдотья, заткнувъ за поясъ конецъ платья, возится около дымящейся лохани и синитъ и мылитъ здоровыми красными руками бѣлье, а онъ съ своего Олимпа отпускаетъ на ея счетъ, говоря ей *вы*, разныя любезности и остроты, на которыя она отвѣчаетъ ему бранью; или, можетъ-быть, воображалось ему, что вотъ онъ пришелъ домой съ другого конца города, что онъ назябся и присѣлъ молча оттаивать у печки, и что Авдотья уже втихомолку мастеритъ ему кофеишко и разгорѣлась вся, возясь около накаленной плиты... А можетъ-быть, пораздумалъ онъ, что вотъ теперь и Авдотья его пригорюнясь гадаетъ, гдѣ-то онъ, ея голубчикъ, и куда-то повезли его, сердечнаго, и что тамъ ему хорошо, и что онъ забудетъ ее, горемычную, промѣняетъ на какую-нибудь интриганку заморскую, которая зачаруетъ его и ласковыми рѣчами и сладкими поцѣлуями, и кормитъ и поитъ всякими лакомствами и сластями... Да, сластями! Хороши сласти! Иди себѣ осматривать кирпичъ или мусоръ! И не съ кѣмъ слова перемолвить. Тѣмъ не менѣе однако Ванька смотрѣлъ и Колизей, и термы Тита, и слышалъ, что о нихъ что-то говорили, чего онъ не понялъ, да и понимать не хотѣлъ; и опять долженъ былъ невѣдомо куда поплестись за неумолимымъ чичероне; а чичероне взялъ отъ Колизея вправо, обѣщая показать намъ большой циркъ, домикъ Ріенци, храмъ Весты и еще множество, какъ говорилъ онъ, прекрасныхъ вещей. По счастью, дѣло приняло другой оборотъ. Едва обогнули мы холмъ Палатинскій, какъ увидѣли старичка высокаго роста, съ сѣдыми волосами, нѣсколько сгорбленнаго, одѣтаго въ пурпуръ и въ красной скуфеечкѣ на головѣ. По обѣимъ сторонамъ его шли два господина въ сюртукахъ: одинъ былъ молодой человѣкъ высокаго роста; но, несмотря на изящно скроенное платье, онъ имѣлъ что-то дубоватое въ своей фигурѣ: лицо открытое, съ рыжими, тонкими бакенбардами, подобранными волосокъ къ въ лоску; цвѣтъ лица и рукъ бѣлый, какъ у женщины; румянецъ во всю щеку; умные, свѣтлые глаза, счастливо образованный лобъ. Вообще его бы можно было назвать красивымъ молодымъ человѣкомъ, если бы нижняя челюсть и нижняя губа значительно не выдавались впередъ и не поглощали

верхней такъ, что каждую минуту казалось, что вотъ онъ такъ и скажетъ: *Yes*. Другой былъ маленькій, худенькій старичокъ, съ орлинымъ носомъ, съ блѣдными голубыми, хитрыми глазами, со звѣздой на сюртукѣ. Оба они, впрочемъ, рѣзко отличались отъ умнаго, но добродушнаго лица кардинала, съ его проницательнымъ, но мягкимъ выраженіемъ глазъ. Сзади ихъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, шли двое служителей, въ треугольныхъ шляпахъ, съ галунами, въ старинныхъ французскихъ камзолахъ, въ чулкахъ и башмакахъ. Замѣчательно, что они оба смотрѣли важнѣе и величавѣе своего господина, котораго черный съ алымъ подбоемъ плащъ несли на рукахъ. Сзади ихъ шагомъ ѣхала золотая карета. Народъ, попадавшійся навстрѣчу кардиналу, становился передъ нимъ на колѣни, и кардиналъ, продолжая разговоръ со своими спутниками, умѣлъ сопровождать благодушною улыбкою благословеніе, которое мимоходомъ давалъ народу.

Мы сняли шляпы. Кардиналъ посмотрѣлъ на насъ и, увидя Ферязева, сказалъ по-французски: „Кажется, это нашъ скіовскій Буонаротти. Здравствуйте, любезнѣйшій другъ мой! Я, признаюсь, чрезвычайно желалъ васъ видѣть; сегодня заѣзжалъ къ вамъ въ мастерскую и любовался вашею неоконченною мадонною... *bella fanciullina*... Вашъ плутишка-мальчикъ дѣлаетъ фуроръ... О немъ много у меня говорили... Зайдите ко мнѣ завтра вечеромъ, многіе желаютъ съ вами познакомиться: вы мнѣ позволите себя имъ представить“.

Оба спутника кардинала тоже пожали руку Ферязеву и сказали нѣсколько любезностей.

— Приходите же,—продолжалъ кардиналъ по-французски:— впрочемъ, чтобы обязать васъ непремѣнно исполнить мое желаніе, я выскажу его звуками, вѣроятно, пріятными для вашего слуха:—приходите, пожалуйста, я васъ ожидаю,—произнесъ онъ, съ нѣкоторою разстановкою, по-русски.

Ферязевъ почтительно благодарилъ, говоря, что онъ не преминетъ, и проч.

— Кто это?—спросили въ одинъ голосъ Андрей Иванычъ и Чупруновъ Ферязева, когда тотъ къ нимъ присоединился.

— Кардиналъ Меццофанти; а тѣ — британскій и австрійскій посланники.

Чупруновъ и Благочинный торопливо обернулись назадъ, чтобы посмотрѣть вслѣдъ удалявшемуся кардиналу, потомъ посмотрѣли на Ферязева, какъ бы желая удостовѣриться, тотъ ли это Ферязевъ: но онъ былъ дѣйствительно не тотъ въ ихъ глазахъ.

— Вы знакомы съ кардиналомъ?—спросилъ Чупруновъ и

отвѣчалъ самъ себѣ: — впрочемъ, вѣдь эти господа гоняются за популярностью, ловятъ всякаго... я думаю, у него бываетъ скука смертельная.

— Нѣтъ, нѣтъ, злодѣй вы, право, злодѣй! Такъ-таки ничего не скажете о своемъ талантѣ,—говорилъ Благочинный, обратясь къ Ферязеву съ добродушно-шутливымъ выраженіемъ:—молчитъ, какъ рыба!.. Позвольте по крайней мѣрѣ имѣть честь побывать въ вашей мастерской, тоже подивиться и намъ вашимъ произведеніямъ... Мы вѣдь профаны, знаете, не то, чтобъ разбирали умомъ, но все же чувствуемъ... Что̀ дѣлать! Богъ не далъ таланта!.. Да, такъ вотъ-съ, кардиналъ...—продолжалъ Благочинный, безъ опредѣленной мысли переминая слова: — да не угодно ли будетъ, когда не найдете ничего дѣлать лучше, такъ ко мнѣ пожаловать въ *Hôtel de France*. Жена и дочь моя будутъ въ восхищеніи съ вами познакомиться...

Ферязевъ обѣщалъ. Андрей Иванычъ взялъ его подъ руку и шелъ съ нимъ, стараясь быть какъ можно любезнѣе, въ припадкѣ шутливости даже снисходительно отнесся о томъ, что̀ называлъ *такими* и *этакими* идеями. Въ такомъ расположеніи онъ торжественно объявилъ, что усталъ, что не сдѣлаетъ болѣе двухъ шаговъ впередъ, хотя бы ему обѣщали показать самого папу или живого Цезаря, и приказалъ чичероне, котораго началъ называть Цицерономъ, вести насъ кратчайшимъ путемъ къ трактиру и, если можно, дорогой нанять коляску, тѣмъ болѣе, что уже вдругъ наступили сумерки, а сырой воздухъ ночи очень вреденъ, особенно для страдающихъ петербургскою, происходящею отъ сидячей жизни, болѣзнью, которую онъ называлъ, неизвѣстно почему, *сосѣдомъ*.

И вотъ мы обошли кругомъ мимо Тарпейскаго утеса, съ котораго преважно на насъ залаяла шершавая собачонка; тутъ пошли площади, площади съ обелисками, съ колоннами или съ огромнымъ слономъ, площадки, гдѣ сидѣли дюжія римскія матроны, съ зеленью, салатомъ, морковью, стручьями и лукомъ или жарили на дымящихся жаровняхъ кофе, а мальчишки, шнырявшіе около нихъ, подсовывали, несмотря на угрозы и брань, въ горячіе уголья сырые каштаны и вытаскивали ихъ потомъ руками, покидывали съ ладони на ладонь, посасывая обожженные пальцы, подувая на нихъ и пощелкивая ими. Тутъ же молодыя дѣвушки набирали воды въ кувшины, подставляя ихъ къ фонтанамъ, и громко переговаривались съ продавцами лимонаду, которые разбили около журчащаго ключа свои столы съ навѣсами, въ родѣ граціоз-

ныхъ готическихъ бесѣдокъ, украшенные узорно разложенными лимонами, виноградными листьями, игрушечными знаменами и зеленымъ попугаемъ; стояли группы поселянъ, и горожанъ, и транстеверинцевъ въ бархатныхъ курткахъ бутылочнаго цвѣта; похаживали ветурины, вербовавшіе попутчиковъ, факины, предлагавшіе безпрестанно всякаго рода услуги; кричали, съ черными зрачками, вставленными въ огромный бѣлокъ, обгорѣлые неаполитанцы, пригнавшіе на маленькихъ ослахъ своихъ въ тростниковыхъ корзинахъ кучи лимоновъ и сицилійскихъ апельсиновъ; похаживали около вонючаго товара своего, разложеннаго на мокрыхъ листьяхъ, продавцы рыбы, безъ куртокъ, съ засученными рукавами рубашки и въ красныхъ неаполитанскихъ колпакахъ... И посреди этой толпы, посреди этой душной тѣсноты, запаху и дыма жаренаго кофе, подгорѣлыхъ каштановъ, вони рыбы, среди хохота, брани, говора народа, рычанія взбалмошнаго осла, крика продавцовъ, плача дѣтей, визгу мальчишекъ, — трагически появлялась отъ времени до времени съ гробовымъ пѣніемъ процессія монаховъ, съ хоругвями и факелами, и поднималась по лѣстницѣ собора, который осѣнялъ площадку своимъ трехугольнымъ, огромнымъ, ломбардскаго стиля фронтономъ, и сквозь растворенныя двери котораго виднѣлись зажженныя тысячами у алтарей свѣчи, въ серебряныхъ затѣйливыхъ жирандоляхъ, и тускло рисовались, неясно освѣщенныя ими въ облакѣ ладану, бѣло-мраморныя статуи святыхъ... Минуя площадки, исчезали мы во мракѣ узкихъ черныхъ улицъ, гдѣ повторялось почти то же самое, что̀ на площадяхъ; тутъ встрѣчались намъ плащами скрывавшіе лицо до самыхъ глазъ молодые люди, вѣроятно, являвшіеся тамъ на призывъ любви; или сомнительной наружности худо одѣтые старички, лукаво глядѣвшіе на иностранцевъ и при видѣ ихъ таинственно начинавшіе шевелить губами,—тоже, косвеннымъ образомъ, служители Цитеры. Направо, налѣво окружали насъ лавки или магазины, преимущественно со старыми вещами: въ однихъ была мебель готическая, renaissance, рококо, съ полинялымъ штофомъ и слѣзшей позолотой, накупленная продавцомъ при распродажѣ съ аукціона всѣхъ движимостей, украшавшихъ дворецъ какой-нибудь нѣкогда знатной и громкой фамиліи, нынѣ угасшей или разорившейся. Тамъ разставлены были разныя мраморныя, чугунныя и малахитовыя вещицы, копіи въ миніатюрѣ съ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности, храмикъ Весты, обращенный въ чернильницы, колонны Траяна, разные presse-papier, каменная плиточка съ семействомъ зе-

леныхъ ящерицъ; этрусскія вазы, мозаики, камеи, камешки, кусочки цементовъ, verde antico, набранныхъ изъ открытаго гдѣ-нибудь древняго мозаика; между этимъ археологическимъ мусоромъ—лавки съ картинами, попавшими туда изъ распроданныхъ галлерей, или пріобрѣтенными какъ-нибудь нечисто, или поддѣланными, — куча вздору, который накупитъ потомъ какой-нибудь знатокъ-баринъ и который пойдетъ фигурировать подъ рубрикой знаменитыхъ мастеровъ, а тщеславному владѣльцу всѣ будутъ безсовѣстно лгать, что это не копіи, а оригиналы... Проходя мимо одной изъ такихъ лавокъ, мы не могли не остановиться передъ картиной, какой еще никогда не видали. Въ магазинѣ было еще темно; огня не зажигали, ибо съ Ave Maria, то-есть съ сумерками, прекращается всякая торговля; зато по другой сторонѣ переулка былъ разложенъ огонь, на которомъ старуха жарила каштаны. Изъ широкаго открытаго окна лавки, увѣшаннаго разными обломками древности, заставленнаго золотыми рамами картинъ, глядѣла дѣвушка. Хотѣла ли просто поглядѣть она, какъ старуха жаритъ каштаны, ожидала ли увидѣть какого-нибудь черноглазаго римлянина или интереснаго чужестранца, съ которымъ у ней начинались любовныя шашни, или просто, можетъ-быть, отъ дневной скуки,—только лицо ея было исполнено тихаго кроткаго выраженія сладостной меланхоліи, которая какъ-то особенно была хороша при правильности и нѣкоторой рѣзкости чертъ ея, при томномъ блескѣ нѣсколько впалыхъ глазъ. Озаренная слегка отсвѣчивавшимъ на нее пламенемъ, сверкавшимъ мистически огненными полосками на золотѣ рамъ, ее окружавшихъ, она казалась прозрачнымъ легкимъ созданьемъ, мечтою не юноши, но строгаго художника, призракомъ, какъ будто бы разливавшимъ отъ себя тихій фосфорическій блескъ. Мы долго на нее смотрѣли; она, кажется, насъ не замѣчала; потомъ, вѣроятно, кто-нибудь заговорилъ съ нею изнутри магазина,—капризная ли маменька, или невзрачный супругъ, — она медленно, какъ бы нехотя, обратилась назадъ и открыла нашимъ изумленнымъ взорамъ граціозный профиль и широкимъ узломъ завязанную на затылкѣ черную, какъ черная смола, косу... Особенно Андрей Иванычъ былъ пораженъ ею: едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ далѣе, какъ онъ подозвалъ чичероне и шопотомъ сказалъ ему, чего мы не разслушали; но чичероне отвѣчалъ ему: „Подороже будетъ... ма унъ буонъ филь!“ Андрей Иванычъ крякнулъ, потомъ подумалъ, вздохнулъ, потомъ махнулъ рукой, оглянулся еще разъ назадъ и сдѣлалъ утвердительный знакъ чичероне, который бы можно было перевести словами: „была—не была“.

— Ecceleuza дастъ мнѣ теперь скудій пятнадцать, и ничего нѣтъ легче,—отвѣчалъ чичероне.—Послѣ театра ecceleuza зайдетъ въ кафе, что подлѣ; я войду тоже и два раза кашляну: это будетъ знакъ, что все устроено къ его удовольствію, pour son buon plaisir.

Мы слышали звонъ червонцевъ, послѣ чего чичероне исчезъ и, вѣроятно, никогда болѣе не появлялся на глаза Благочинному, или, завидя его издали, прятался или въ ближайшую лавку, если нельзя ускользнуть въ темный переулокъ, или присаживался на корточки сзади какой-нибудь доброй матроны, продающей на улицѣ разный вздоръ и легко могущей своею дородностью и истинно древне-римскими размѣрами укрыть такую мелкую тварь.

Наконецъ мы выпутались изъ лабиринта переулковъ и подошли къ театру. Благочинный вдругъ объявилъ, что онъ непремѣнно хочетъ быть въ театрѣ, что обѣщалъ женѣ и дочери показать сегодня итальянскую сцену. Услышавъ это, Чупруновъ вызвался самъ достать билетъ и быть кавалеромъ его дамъ. Мы подошли къ окошечку, откуда раздавали билеты; передъ окошкомъ толпилась куча народу: бирбачоны и лакеи знатныхъ баръ, художники, отличающіеся своимъ костюмомъ, господа, порядочно одѣтые, и domestiques des places, достававшіе мѣста ai signori Inglesi. Чупруновъ сталъ сзади двоихъ или троихъ бирбачоновъ—мужиковъ или мелкихъ ремесленниковъ, которые въ Италіи судятъ о музыкѣ не хуже блестящаго принчипе; впереди стояло еще много народу. Рѣшившись пробиться впередъ, Чупруновъ началъ протискиваться между бирбачонами, которые, почувствовавъ толчки въ бока, обернулись, поглядѣли на Чупрунова и сдвинулись еще тѣснѣе. Онъ сунулся-было съ другой стороны: тамъ толпа еще гуще; онъ возвратился къ прежнему мѣсту, но оно уже было занято пришедшимъ еще бирбачономъ. Чупруновъ вздумалъ его оттолкнуть, но тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же:

— Подождите, мусью.

— Смотри, мужикъ,—закричалъ онъ, оскорбленный такимъ поступкомъ. — Да знаешь ли ты, грубіянъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло?

Бирбачонъ поглядѣлъ на него и отвернулся; стоявшіе впереди засмѣялись,

— Это мое мѣсто, я сейчасъ тутъ стоялъ,—воскликнулъ Чупруновъ.

— Когда я его занялъ, — отвѣчалъ бирбачонъ,—тутъ никого не было.

Въ толпѣ раздался хохотъ и „браво“...

— Я тебѣ говорю, что я не позволю надо мной подсмѣиваться,—кричалъ, задыхаясь отъ ярости, Чупруновъ.

Бирбачонъ молчалъ; въ толпѣ смѣялись, оглядывались и говорили:

— Гляди, гляди, какъ англичанинъ расходился.

— Какой англичанинъ, нѣмецъ, изъ Tedesco, un Tedesco.

— Я не позволю, чтобы надо мной издѣвалась всякая сволочь!—воскликнулъ Чупруновъ и кинулся на бирбачона съ поднятой палкой.

Толпа на минуту затихла. Бирбачонъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ...

Ферязевъ бросился между ними, сильною рукою оттолкнулъ Чупрунова и кинулъ итальянцу два червонца.

Итальянецъ поглядѣлъ на золото, опустилъ ножъ, подобралъ червонцы и спокойно сталъ дожидаться своей очереди взять билетъ.

— За вами два луидора,—сказалъ Ферязевъ Чупрунову.

— Негодяи! Негодяи! — повторялъ скороговоркою Андрей Иванычъ, быстро удаляясь отъ театра.—Да пошелъ же ты, дуракъ,—закричалъ онъ на Ваньку, толкая его ногою.—Ты чего тутъ буркала-то выпучилъ?

Онъ испугался не на шутку и за себя и за насъ.

Такъ я познакомился съ Благочиннымъ. Потомъ я встрѣчался съ нимъ и въ другихъ городахъ Италіи, и потому опять возвращусь къ нему. Вообще ужъ такая была моя судьба: онъ попадался мнѣ на каждомъ шагу въ моихъ переѣздахъ, отчего во впечатлѣніяхъ, которыя оставила во мнѣ Италія, Андрей Иванычъ играетъ не послѣднюю роль.

1848.

V.

ПИКНИКЪ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Въ одни изъ воротъ города Флоренціи выѣхала коляска съ двумя путешественниками. Одинъ былъ господинъ Синичкинъ, лѣтъ тридцати, бывшій съ какимъ-то порученіемъ въ Бельгіи и на обратномъ пути по дорогѣ заѣхавшій въ Италію. Другой былъ Горунинъ, пріѣхавшій нарочно въ Италію по своей надобности, господинъ вида мрачнаго, взора тусклаго, лица блѣднаго, волоса русаго. Съ виду онъ былъ старше Синичкина, но это только такъ казалось при противоположности его физіономіи съ румянымъ, нѣсколько полнымъ, нѣсколько счастливымъ лицомъ Синичкина, окаймленнымъ вѣнчикомъ бакенбардъ, сходившихся подъ подбородкомъ.

— Скажите, пожалуйста, мосьё Горунинъ,—спросилъ первый:—мы ѣдемъ на пикникъ, а вѣдь я не знаю, что̀ это за пикникъ и кто тамъ будетъ?

— Порядочно я и самъ не знаю. Устроилъ все Перуцци... Будутъ,—говорилъ онъ,—кое-кто изъ итальянцевъ и дамы, тоже итальянки... Онъ ручался, что будетъ весело.

— А изъ нашихъ-то, не знаете, кто будетъ?

— Ну, да вотъ вы, я, Тарнѣевъ...

— Вы знаете Тарнѣева?

— Я сошелся съ нимъ здѣсь, за границей; впрочемъ, мы были знакомы и прежде.

— Я какъ-то слышалъ эту фамилію по случаю одной исторіи въ Мюнхенѣ. Впрочемъ, это былъ, можетъ-быть, другой Тарнѣевъ. Этотъ господинъ и еще какіе-то въ этомъ родѣ артисты сидѣли въ трактирѣ, пили и такъ, на радости, выбили стекла въ окошкахъ. Явился хозяинъ, завязался споръ. Тарнѣевъ вынулъ пистолетъ и порядочно припугнулъ почтеннаго трак-

тирщика. Нѣмецъ жаловался, и они заплатили... Впрочемъ, пистолетъ не былъ заряженъ.

— Я думаю, что это тотъ Тарнѣевъ,—произнесъ Горунинъ со вздохомъ:—я его очень люблю: въ немъ много прекраснаго... Но это же не обязываетъ меня быть слѣпымъ къ его дурнымъ качествамъ. Впрочемъ, онъ всегда говорилъ, что это просто право дѣлать все, за что можешь заплатить. Онъ такія штуки и дома продѣлывалъ, и ему все счастливо сходило. Бывало, ни съ того ни съ сего ночью перебьетъ стекла по дачамъ... Его всегда вы могли видѣть на желѣзной дорогѣ въ веселой компаніи.

— Но вѣдь все это ужасно дико!

— Да, у него все выходитъ какъ-то дико, даже самыя его прекрасныя побужденія. Напримѣръ, его что-нибудь заинтересуетъ, вдругъ припадетъ ему охота учиться; онъ накупитъ книгъ и зароется въ нихъ. Разъ какъ-то онъ цѣлые полгода пропадалъ. Что жъ? Учился химіи. Тамъ онъ опять пропалъ, и оказалось, что онъ пошелъ странствовать съ какимъ-то цыганскимъ таборомъ: жилъ въ полѣ, въ лѣсахъ, по ярмаркамъ ѣздилъ, воротился настоящимъ цыганомъ; даже физіономія у него тогда сдѣлалась цыганская; выучился ковать лошадей, пѣть пѣсни... даже ворожить.

„А чай, и воровать“,—подумалъ Синичкинъ. — Хорошъ молодецъ: ну, какъ этакій цыганъ выскочитъ за границу?..— спросилъ онъ вслухъ.

— Да, онъ и здѣсь проявился. Въ Болоньѣ вотъ что было. Мы пріѣхали съ нимъ и сидѣли въ отелѣ. Вдругъ слышимъ шумъ на улицѣ. Къ намъ вбѣгаетъ хозяйка въ отчаяньи. За нею супругъ ея, маленькій, толстый, въ фартукѣ. Онъ кричитъ, зоветъ гарсоновъ, велитъ женѣ запереть отель, гарсонамъ вооружиться и итти за ними. На улицѣ выстрѣлы. Мы спрашиваемъ хозяина: что такое? Итальянцы, разумѣется, ни шагу безъ пафоса,—онъ гордо отвѣчаетъ: la patria ci chiama! „отечество призываетъ!“ Клянусь вамъ, несмотря на его квадратную фигуру, на огромный животъ, накрытый фартукомъ, онъ былъ великъ въ эту минуту: знаете, столько энергіи!..

— Очень вѣрю: итальянцы такіе же превосходные актеры въ жизни, сколько плохіе на театрѣ; очень понятно, тамъ— импровизація, здѣсь—обдуманность... Что жъ Тарнѣевъ-то?

— Хозяинъ выбѣжалъ, я началъ запирать окна и двери, Тарнѣевъ надѣлъ пальто, повязалъ голову платкомъ, схватилъ пистолеты и исчезъ. Я ужасно за него боялся; знаю, что человѣкъ безумный; да и сами посудите, зачѣмъ въ чужія

дѣла вмѣшиваться? Намъ-то что̀ изъ этого?.. Я провелъ мучительныхъ два часа, безпокоился о немъ, хотѣлъ пойти отыскать, образумить его; но вѣдь, знаете, въ незнакомомъ городѣ куда сунешься? Только вижу, хозяинъ съ гарсонами и цѣлой толпой несутъ на рукахъ моего Тарнѣева, кричатъ ему viva! Тарнѣевъ былъ въ крови: перевязали ему руку; легкая рана... не знаю, чѣмъ его ткнули. Только хозяинъ называлъ его спасителемъ своей жизни и въ честь его задалъ такую пирушку, какую можетъ задать только трактирщикъ на радости.

— Что̀ же это за драка была?

— Вздоръ какой-то: играли въ мору муниципалы, тамъ, что ли, съ швейцарцами и поссорились... Завязалась драка: нашлись защитники съ той и съ другой стороны... Вотъ и все. Вздоръ!.. Въ Романьѣ эти случаи бываютъ безпрестанно. Для Тарнѣева кончилось все, конечно, хорошо: жена хозяина приходила перевязывать ему руку... и очень плакала, когда мы уѣзжали.

— Скажите, пожалуйста, какъ это странно! Этакимъ сорванцамъ и счастье везетъ.

— Удивительное счастье! Въ игрѣ, напримѣръ. На водахъ онъ въ одинъ вечеръ все спустилъ, что̀ у него было. На другой день пришелъ съ однимъ червонцемъ — у меня же и занялъ—и все вернулъ, да и съ лишкомъ.

— При такомъ счастьѣ ему и времени нѣтъ, я полагаю, одуматься.

— Нѣтъ, не говорите! Послѣ той драки въ Болоньѣ, знаете, какъ онъ опѣшился: совсѣмъ упалъ духомъ. Онъ чувствуетъ, что ему недостаетъ многаго, недостаетъ образованія, что голова пуста; учиться поздно, а хочется. Вотъ онъ и читаетъ теперь газеты, вдался въ политику, все это его ужасно занимаетъ; онъ написалъ письмо къ О'Коннелю и, разумѣется, не послалъ, пишетъ разные протесты противъ Гизо, противъ... ну, тамъ по испанскимъ дѣламъ; не признаётъ разныхъ актовъ, разныхъ парламентовъ, и все это пишетъ... Оно и не глупо написано, есть много сердца и благородства, много строкъ, знаете, à la Heine, но вѣдь, согласитесь, къ чему это? Кому до него дѣло?

— Отчего же не употребить этихъ способностей въ пользу дома? Все губитъ его эта безпорядочность, а онъ бы пошелъ далеко.

— Нѣтъ, никогда! Не такая натура. Развѣ съ малолѣтства бы вести его совсѣмъ иначе, а то выросъ въ деревнѣ до шестнадцати лѣтъ. Онъ болѣе человѣкъ минуты; у него идея является вдругъ, а терпѣнья, усидчивости нѣтъ. Ему

нужно слово, онъ блещетъ, поразитъ, ударитъ, какъ молнія, охватитъ предметъ вѣрно и мѣтко, укажетъ, — а тамъ не его дѣло. Я, по крайней мѣрѣ, такъ понимаю Тарнѣева, а впрочемъ...

Мало-по-малу разговоръ путниковъ сталъ переходить на другіе предметы; они касались ихъ слегка, развлекаясь разсматриваніемъ того, что̀ имъ встрѣчалось по дорогѣ: то занимаетъ ихъ телѣга, нагруженная сельскими произведеніями, запряженная двумя рогатыми этрускими волами, которые всею силой своей шеи сдерживаютъ напоръ тяжести и бережно сносятъ ее съ горы, а погонщикъ идетъ въ сторонѣ и покрикиваетъ. Горунинъ при этомъ вспоминаетъ древнихъ этрусковъ и житницу Рима, древнюю Этрурію. То промчится мимо нихъ коляска съ англичанами, и кучеръ нашихъ путешественниковъ оборачивается непремѣнно къ нимъ и говоритъ: „Это тоже господа англичане: господа англичане—хорошіе господа“, на что господинъ Синичкинъ объясняетъ ветурину, что онъ имѣетъ счастье везти не англичанъ, а что они русскіе. За господами англичанами легкой рысцой въ кабріолетѣ на маленькой лошаденкѣ проѣдетъ въ свою винью, то-есть въ свой виноградникъ, какой-нибудь флорентинскій адвокатъ или судья, который улыбается встрѣчнымъ, какъ будто говоря, что у него нѣтъ причины не любить ихъ, и который съ почтительнымъ поклономъ снимаетъ соломенную шляпу передъ другой, черной, съ широкими полями, шляпой, покрывающей лысую голову.

Дорога идетъ по горѣ: съ обѣихъ сторонъ виноградники; бѣленькіе домики мелькаютъ съ обѣихъ сторонъ, оплетенные виноградными листьями, образующими передъ ними тѣнистые навѣсы: сочныя грозди поспѣвающаго винограда висятъ съ деревянныхъ жердей, какъ въ прихотливо убранной залѣ искусной рѣзьбы канделябры. За этими домиками, около которыхъ или работалъ трудолюбивый земледѣлецъ тосканскій, или играли дѣти, сады богатыхъ виллъ, кипарисы, лавры и каменный дубъ съ непроницаемой для солнца зеленью; высокія ограды, усѣянныя мелкими розанами или навьюченныя широкими гирляндами плюща, то чернаго въ тѣни, то зелено-золотистаго на солнцѣ. Тамъ загородные дворцы флорентинскихъ, нѣкогда знаменитыхъ купцовъ-феодаловъ, съ колоннами, галлереями и террасами, установленными этрусскими глиняными вазами, въ которыхъ растутъ, подымаясь полосами кверху, какъ пламень на жертвенникѣ, листья кактусовъ и алоэ.

— Боже мой, какъ все это хорошо!—сказалъ Горунинъ.

Онъ хотѣлъ говорить больше, но не могъ и молча рисовалъ передъ собою счастье людей, которые жили посреди этой богатой природы, такъ благодарно платящей за малѣйшій трудъ... Онъ думалъ и о счастьѣ этой женщины, которая несла на плечахъ связку сухихъ виноградныхъ сучьевъ для топки печи, и за которой малъ-мала меньше бѣгутъ человѣкъ пять ея черноглазыхъ ребятишекъ, тоже съ маленькой ношей; думалъ онъ о беззаботной жизни этого погонщика муловъ, идущихъ топотно со вьюками на спинахъ, и съ особенной любовью о счастьѣ этой дѣвушки, которая вдали съ террасы одной виллы смотрѣла въ зрительную трубку, можетъ-быть, кого-нибудь ожидая изъ отдаленнаго города, который улегся стройной, легкой громадой, окутанный голубыми парами полудня, въ лощинѣ, по берегамъ мутнаго Арно... Онъ думалъ, какъ долженъ быть счастливъ тотъ, кого она ждетъ и какъ будто вопрошаетъ о немъ этотъ городъ цвѣтовъ, широкія арки его мостовъ, его величественный куполъ собора, его дворцы, рынки, сады, ворота и отдаленныя синеватыя горы...

— Больно смотрѣть мнѣ на эту природу!—воскликнулъ онъ наконецъ: — на меня она дѣйствуетъ какъ-то болѣзненно! Чувствуешь присутствіе жизни и чувствуешь въ то же время, что въ самомъ себѣ она давно замерла!.. Посмотришь, вѣдь какая ты дрянь передъ этими именами Данта, Микель-Анджело, Савонаролы, эти кузнецы, сапожники, портные, которые повелѣваютъ своему архитектору Арнольфо ди-Лапо воздвигнуть храмъ, какому подобнаго человѣкъ не могъ бы вообразить: размахъ-то воли какой! Какой полетъ воображенія!.. Все это, все, и природа и исторія, — это тысячи укоровъ, на которые только отвѣчаешь, что во мнѣ нѣтъ этихъ порывовъ, этого нравственнаго величія! Не знаешь, за что такъ обиженъ, за что и отчего выпалъ этотъ жребій!.. Грустно, грустно и грустно!..

Горунинъ поникъ головою и сталъ смотрѣть въ сторону: онъ готовъ былъ заплакать. Синичкинъ, занимавшійся болѣе соображеніемъ, въ какое попадетъ онъ общество, не понялъ сразу Горунина и, смотря на его блѣдное лицо, которому грустныя думы придавали старческое выраженіе, хотѣлъ-было спросить, который ему годъ, но посовѣстился.

— Скажите, пожалуйста,—продолжалъ Горунинъ:—на васъ не производятъ особеннаго впечатлѣнія эти картины?

— Вижу, что хорошо. Но вѣдь посмотрѣлъ, и довольно. Съ собой не увезешь...

— И то хорошо, что хоть чувствуете; но вотъ какъ перестанешь еще чувствовать, одрябнешь совершенно подъ гне-

томъ дѣйствительности, утратишь даже способность страдать и сознавать свое ничтожество!

— Ваша правда,—отвѣчалъ, подтягивая перчатки, Синичкинъ:—человѣкъ примиряется и съ самой страшной нуждой... Только я не полагаю, чтобы вы себя подводили подъ этотъ разрядъ.

— Да не нужда, понимаете, не нужда, потому что я и не нуждаюсь,—проговорилъ Горунинъ съ досадой, думая про себя, какъ это могутъ быть у насъ молодые люди, учившіеся въ университетахъ, живущіе въ свѣтѣ и не только чуждые общихъ понятій вѣка, какъ называлъ Горунинъ свои слабости, но даже чуждые языка и терминологіи, которою они выражаются... Но это негодованіе не было продолжительно; онъ снова обратился къ себѣ, какъ больной къ своей болѣзни, вовсе не заботясь, понимаютъ его или нѣтъ:—Ну, что я такое въ сравненіи съ здѣшними людьми? Какой-то гномъ, слизнякъ, полипъ; и если у меня въ головѣ родится какой-нибудь идеалъ, то не Аполлонъ Бельведерскій, не Геркулесъ, не Лаокоонъ, а тоже какой-нибудь слизнякъ, какъ всѣ герои нашихъ повѣстей и поэмъ... А что всего хуже, такъ это то, что, если почувствовалъ, гдѣ зло, нашелъ его внѣ себя или въ себѣ, то вѣдь радъ его анатомировать, рѣзать его, копаться въ этомъ маленькомъ мірочкѣ, въ микроскопъ разсматривать ядовитую ранку въ душѣ, а не возвыситься надъ нею, какъ Дантъ, какъ Альфіери, какъ Байронъ.

Хотя господинъ Синичкинъ все не понялъ Горунина, какъ бы хотѣлось послѣднему, однако это признаніе, это „раскапываніе маленькаго мірочка, это разсматриваніе ядовитой ранки въ душѣ“ подѣйствовало благотворно на мрачное расположеніе духа Горунина; онъ повеселѣлъ и чувствовалъ странное самоудовлетвореніе.

Тутъ коляска, поднявшись на гору, повернула вправо по забору, и проѣзжихъ нашихъ поразили восклицанія, аплодисменты и хохотъ, которые раздавались немного въ сторонѣ отъ дороги около остеріи, въ толпѣ народа. Работники ли, вышедшіе на воскресенье погулять за городомъ и повидаться съ своими семьями, или поселяне, отдыхавшіе отъ недѣльныхъ трудовъ своихъ за кружкою вина, стояли, кто въ сѣрой, кто въ зеленой курткѣ, въ синихъ панталонахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, всѣ съ веселыми физіономіями, которымъ круглыя шляпы съ широкими полями придавали мужественное выраженіе; они толпились около, должно-быть, импровизатора; другіе, съ маленькою трубочкою въ зубахъ, лежали брюхомъ на травѣ и, оперши головы на локти, смотрѣли туда же;

сельскія маленькія дѣвочки, переплетясь руками, съ остренькими глазками своими и цвѣточнымъ вѣнкомъ на головѣ, тоже составляли маленькую публику, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, двѣ, вѣрно, хозяйскія дочери или служанки, принесшія на головѣ корзины съ золотыми апельсинами, сорванными съ вѣткой и листьями, всходя на лѣстницу, остановились, не снимая тростниковыхъ корзинокъ съ головы, смотрѣли туда, куда всѣ смотрятъ, улыбались и переглядывались между собою.

— Вотъ жизнь-то! Вотъ она! — сказалъ Горунинъ. — Смотрите, какъ она развернулась. Велимъ остановиться: поглядимъ на народную сцену.

— Пожалуй,—возразилъ Синичкинъ:—только не пойдемте къ народу; еще испачкаемся, а намъ предстоитъ вѣдь любезничать съ дамами... т.-е. какія бы ни были, а все-таки дамы. Вѣдь мы не знаемъ, кого приглашалъ этотъ черномазенькій Перуцци. А потому мое правило: на всякій случай быть порядочнымъ. Если позволить себѣ быть спустя рукава...

Но внезапный хохотъ въ толпѣ и восклицаніе Горунина прервали изложеніе правилъ Синичкина.

— Боже мой! Тарнѣевъ!—воскликнулъ Горунинъ, увидавъ посреди толпы молодого человѣка.—Ахъ, сумасшедшій! То-то онъ съ утра ушелъ, говоритъ: пѣшкомъ пойду, полюбуюсь видами! Вотъ они, его виды!

— Въ самомъ дѣлѣ! И отсюда-то онъ поровитъ къ дамамъ! Сойдите, Горунинъ, позовите его, а я васъ здѣсь подожду въ колескѣ.

Горунинъ съ видомъ человѣка, только-что пораженнаго великимъ несчастіемъ, поспѣшилъ къ Тарнѣеву, а Синичкинъ поправилъ закинутую за плечо альмавиву, потянулъ перчатки и бормоталъ про себя:

— Хорошъ будетъ!

Между тѣмъ Тарнѣевъ, безъ сюртука, безъ шинели, безъ галстука, въ бумажномъ колпакѣ въ видѣ треугольной шляпы, стоялъ на столѣ и *ломался*, какъ паяцъ, передъ публикою. Онъ сильно жестикулировалъ, дополняя знаками и жестами то, чего не могъ вполнѣ выразить на не совсѣмъ знакомомъ ему языкѣ, ломая и составляя разныя пословицы поитальянски, отчего толпа помирала съ хохоту. То вдругъ онъ сброситъ съ себя бумажный колпакъ и схватитъ тыкву, въ которой продолбилъ отверстіе, чтобы надѣвать на голову, возьметъ палку и вытянется въ струнку, какъ солдатъ, причемъ сдѣлаетъ жалкую, плаксивую, безсмысленную мину; публика не могла надивиться, что это одинъ и тотъ же человѣкъ. Браво и viva раздавались при каждой остротѣ.

„Ему бы итти въ паяцы!“ — думалъ Синичкинъ, сидя въ колясклѣ и смотря, какъ Тарнѣевъ пародировалъ разные извѣстные ему анекдоты, перелагая ихъ на итальянскіе нравы. Въ этомъ переложеніи досталось всѣмъ: и полиціи города Флоренціи, и почтеннымъ его торговцамъ, и тедескамъ, ненавистнымъ въ Италіи, и доминиканцамъ, и францисканцамъ.

Горунинъ подошелъ къ толпѣ въ то время, какъ Тарнѣева подняли на руки и начали качать.

Завидя его, Тарнѣевъ закричалъ ему:

— Ахъ, Горунинъ! Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ! Здѣсь ужасно весело! Эти итальянцы безподобный народъ.

— А ты давно здѣсь?

Горунинъ придумывалъ, какъ бы взяться за дѣло, чтобы уговорить скорѣе Тарнѣева ѣхать съ ними.

„Онъ вѣдь упрямъ,—думалъ Горунинъ,—когда что-нибудь заберетъ въ голову“.

— А вѣдь намъ пора, я думаю?—спросилъ онъ.

— Успѣемъ.

— Не хочешь ли, мы довеземъ тебя?

— Если ты не хочешь здѣсь остаться, то поѣзжайте... Покамѣстъ мнѣ и здѣсь весело! Наскучитъ, такъ и пріѣду.

— Э, Тарнѣевъ, ты знаешь, что безъ тебя будетъ скучно.

— Ну, вотъ!

— Право, поѣдемъ.

— Я буду послѣ...

— Тарнѣевъ!..

Но Тарнѣевъ обратился къ своимъ собесѣдникамъ, садясь за столъ посреди ихъ.

— Ступай своей дорогой,—сказалъ онъ по-итальянски Горунину: — ты не знаешь, съ кѣмъ ты говоришь. Теперь я алжирскій бей и хочу пировать мою тысяча первую свадьбу. Вина!—кричалъ Тарнѣевъ.—Гдѣ моя казна?

Какой-то виньеролъ подалъ ему его кошелекъ; другіе держали его сюртукъ, кто шляпу, кто часы, кто брильянтовую булавку.

Горунинъ ужаснулся такой ребяческой довѣрчивости своего товарища, подошелъ къ Синичкину и просилъ его сойти уговорить Тарнѣева ѣхать вмѣстѣ.

— Они оберутъ его до нитки,—говорилъ онъ.

— Что же намъ съ нимъ дѣлать?

— Необходимо увезти.

— Да гдѣ же онъ навострился по-итальянски?

— Здѣсь, въ Италіи... всего въ три-четыре мѣсяца... Удивительныя способности! Энциклопедическая натура!

Синичкинъ рѣшился выйти изъ экипажа.

Тарнѣевъ между тѣмъ уже засѣлъ между ремесленниками и поселянами въ тѣсномъ кружкѣ за столомъ, велѣлъ всѣмъ подать вина, поставилъ передъ собою фольетту, вмѣщавшую около двухъ бутылокъ, и началъ вызывать охотниковъ съ нимъ состязаться. Его очень бѣсило, что онъ не могъ перевести по-итальянски вопроса: кто кого перепьетъ? Все ему казалось, что смыслъ этого слова нехорошо передается всѣми извѣстными ему формами тосканскаго нарѣчія.

— Что̀ у нихъ за языкъ, — говорилъ онъ своимъ: — *кто кого побъдитъ*—chi vincerá? не то; *кто больше выпьетъ?* безъ всякой экспрессіи; нѣтъ, по-нашему, *кто кого перепьетъ*— вотъ слово непереводимое.

— Да знаешь ли что̀, — замѣтилъ ему Горунинъ: — что и понятіе-то, означаемое этимъ словомъ, отзывается чѣмъ-то особеннымъ... Брось-ка это, поѣдемъ съ нами. Вѣдь насъ будутъ ждать дамы.

— Пожалуйста, не мѣшай, Горунинъ, — отвѣчалъ тотъ: — видишь, какъ тутъ весело... Вы поѣзжайте, а часа черезъ два и я явлюсь. Мнѣ надобно освѣжиться и отдохнуть.

— Хорошъ явится, особенно какъ еще всѣхъ перепьетъ,— сказалъ Синичкинъ Горунину, который съ ужасомъ смотрѣлъ на стаканы, опоражниваемые Тарнѣевымъ и его собесѣдниками.

— Ну, если ты не поѣдешь, такъ мы и безъ тебя поѣдемъ.

— И поѣзжайте.

— Но, самъ согласись, какъ же мы безъ тебя пріѣдемъ? Какъ мы оставимъ тебя здѣсь и съ такими людьми; и всѣ твои вещи, деньги — все это у нихъ; а ты одинъ... да они убьютъ тебя.

— Не смѣютъ!

— Какъ не смѣютъ! Право, поѣдемъ.

— Да что̀ вамъ до меня за дѣло? Ну, пріѣду, такъ пріѣду; нѣтъ, такъ нѣтъ. Мнѣ же здѣсь веселѣе. Тамъ еще дамы будутъ... Здѣсь я съ хорошими людьми посижу. Вѣдь вы хорошіе люди, и ты хорошій человѣкъ, хоть плутъ, да что̀ съ тобой дѣлать?..—продолжалъ Тарнѣевъ по-итальянски, обратясь къ своимъ собесѣдникамъ вообще, а въ особенности къ какому-то кузнецу, сидѣвшему подлѣ него, и началъ его обнимать и цѣловать.

— Ну, дошло до сердечныхъ изліяній, — проговорилъ тихо Синичкинъ, пожимая плечами. — Право, Горунинъ, намъ остается только уѣхать. Пусть его дѣлаетъ, что̀ хочетъ. Наше дѣло его предупредить. Притомъ и то, какъ же мы его привеземъ въ такомъ видѣ?

— Послушай, Тарнѣевъ, для меня... ну, я прошу тебя, поѣдемъ съ нами. Будетъ очень весело. Ну, я прошу тебя, послушай хоть разъ... изъ дружбы...

— Ахъ, Боже мой! Я сказалъ, что я буду...

— Ты не поѣдешь?

— Теперь нѣтъ.

— Ну, намъ нечего дѣлать, Семенъ Васильичъ; отправимтесь.

— Конечно, поѣдемте. Потомъ пришлемъ за нимъ коляску и кого-нибудь, кого онъ послушается.

Они сѣли въ экипажъ и поѣхали; но долго грустный взоръ Горунина не могъ оторваться отъ бѣлой остеріи, съ ея черепичной кровлей, съ ея закоптѣлой трубой, и отъ высокихъ трехъ или четырехъ кипарисовъ, защищавшихъ своею тѣнью отъ солнца Тарнѣева въ кружкѣ его собесѣдниковъ, тѣсно обсѣвшихъ около стола съ виномъ и закуской. Мрачно глядѣлъ Горунинъ на этотъ домъ, на эту зелень, на этихъ людей: и они тоже, казалось ему, смотрѣли ему вслѣдъ такъ же мрачно и съ какимъ-то зловѣщимъ видомъ. Къ довершенію же непріятности его ощущенія, на дорогу передъ остеріей выбѣжалъ изъ конюшни хозяйскій оселъ и рычалъ благимъ матомъ на всю окрестность, точно имѣлъ объявить во всеуслышаніе міру какую-нибудь плачевную новость.

Такъ они проѣхали еще нѣсколько миль; наконецъ, коляска остановилась у высокихъ воротъ во вкусѣ рококо, украшенныхъ по обѣимъ сторонамъ головами львовъ, изъ пасти которыхъ лилась струя холодной ключевой воды. Направо и налѣво отъ воротъ тянулась выкрашенная розовой краской стѣна, изъ-за которой виднѣлась густая темная зелень сада и осѣняла розовыя глиняныя вазы съ кактусами и мраморные, почернѣвшіе отъ времени бюсты, разставленные по стѣнѣ. Это былъ въѣздъ къ виллѣ Антолини, которая была давно оставлена обѣднѣвшими хозяевами и которую Перуцци, распорядитель пикника, нанялъ на этотъ день у одноглазаго старика-смотрителя, носившаго еще истасканную ливрею прежнихъ владѣльцевъ. Синичкинъ вошелъ въ ворота за Горунинымъ, въ намѣреніи только взглянуть на садъ и палаццо и потомъ вернуться въ городъ.

На шумъ подъѣхавшей коляски изъ замка выбѣжалъ господинъ, казавшійся еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, и только при внимательномъ разсмотрѣніи его лица можно бы было прочитать въ немъ его тридцать пять лѣтъ. Онъ былъ разодѣтъ какъ на балъ, завитъ и раздушенъ, съ черными маленькими усиками, широкими бакенбардами и съ огромной

пунцовой съ бѣлыми разводами камеліей въ петлицѣ фрака. Это былъ Перуцци. Откуда онъ родомъ, сказать трудно; какую жизнь онъ велъ до сихъ поръ, тоже отгадать невозможно: онъ казался по крайней мѣрѣ чрезвычайно comme il faut. Онъ попадался вездѣ въ Италіи: видали его и въ Венеціи, сопровождающимъ семейство англичанъ и восхищающимся полувизантійской архитектурой святого Марка; и въ Неаполѣ засѣдалъ онъ съ нѣмецкими музыкантами въ café d'Europe; и въ Римѣ осматривалъ Колизей; и съ французскими дамами онъ ѣздилъ на ослахъ для прогулки въ Джепсано: вездѣ онъ встрѣчался. Но вездѣ итальянская молодежь его чуждалась; зато во всѣхъ городахъ блестящія женщины, актрисы, или пѣвицы, или просто оставленныя мужьями молодыя женщины, привѣтно ему улыбались, какъ *своему человѣку*. Онъ былъ не чичероне—какъ можно! Онъ довольно учился, знаетъ хорошо археологію, составляетъ книгу подъ заглавіемъ: „Археологическая и живописная (pittoresque) Италія для иностранцевъ“, и говоритъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ довольно порядочно. Онъ очень сожалѣетъ, что не знаетъ русскаго языка; часто спрашиваетъ русскихъ путешественниковъ, какъ называются разныя вещи по-русски, и записываетъ, а русскія путешественницы, вообще мало читающія по-русски, выхваляютъ ему богатство русскаго языка и русской литературы и обѣщаютъ ему прислать русскую грамматику на французскомъ языкѣ. Но никто еще ея не выслалъ. Сошедшись съ Горунинымъ и Тарнѣевымъ, онъ познакомилъ ихъ и съ Синичкинымъ и другими русскими, бывшими во Флоренціи, и взялся устроить пикникъ за городомъ, обѣщая пригласить и дамъ.

Онъ провелъ пріѣзжихъ черезъ темную миртовую аллею въ павильонъ, устроенный въ видѣ греческаго храмика съ портиками и террасами, весь убранный зеленью, цвѣтами и гирляндами и обставленный статуями. Тутъ были и Бахусъ, и Альфіери, и Венера, и бюстъ Маріи-Терезіи, и амуръ, и какой-то, не помню который, Пій.

Уже двое изъ участвовавшихъ въ пикникѣ сидѣли въ павильонѣ на старинныхъ, бархатныхъ съ позолотою диванахъ и креслахъ. Одного узнать было не трудно. На немъ было платье аббата: по одному его блѣдному, нѣсколько женоподобному и чрезвычайно нѣжному лицу, впрочемъ, носившему слѣды сильныхъ страстей, потому что глаза его сверкали, какъ уголья, можно было видѣть его аристократическое происхожденіе отъ какой-нибудь нѣкогда знатной, но теперь упавшей фамиліи, въ которой, однако, сохранился старинный

обычай опредѣлять одного изъ младшихъ сыновей въ духовное званіе, обѣщая ему въ будущемъ кардинальскую шапку. Другой былъ господинъ въ длинной бекешѣ, волосы съ просѣдью, что̀ было замѣтно, несмотря на то, что они красились; физіономія почтенная.

Вошедшіе церемонно поклонились этимъ лицамъ, которыя отвѣчали тѣмъ же, и продолжали на минуту прервавшійся разговоръ.

— Такъ вотъ видите,—говорилъ господинъ въ бекешѣ:— покуда все это не приведется въ порядокъ, то-есть не примутся мѣры, чтобы въ городахъ не обманывали, на дорогахъ не грабили, да пока не засадили вашу молодежь за дѣло, до тѣхъ поръ, повѣрьте, все у васъ ничего не будетъ въ Италіи. Суетность, праздность и пустота—это истинные бичи народовъ и государствъ. И противъ нихъ нужны мѣры строгости. Вотъ Наполеонъ умѣлъ васъ держать въ рукахъ; при немъ у васъ и конскрипція была, и все... Нѣтъ, что̀ ни говорите, Наполеонъ былъ великій человѣкъ. Одна его ошибка, зачѣмъ сунулся на Россію...

— Наполеонъ умѣлъ пробудить въ итальянцахъ энтузіазмъ,—отвѣчалъ аббатъ: — а тогда итальянецъ другой человѣкъ...

Горунинъ спросилъ что-то на ухо Синичкина, который отвѣчалъ ему шопотомъ:

— Благочинный, Андрей Иванычъ...

— Благочинный!—повторилъ Горунинъ съ удивленіемъ, какъ будто зналъ прежде эту фамилію, и, вѣрно, вспомнилъ что-нибудь непріятное, потому что измѣнился въ лицѣ и посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто думалъ про себя: неужели это и есть Благочинный?

Мало-по-малу, не то, чтобы разговоръ сдѣлался общимъ, но каждый говорилъ что-нибудь, какъ бы только для того, чтобъ говорить. Все какъ-то не вязалось. Перуцци безпрестанно выбѣгалъ отдавать приказанія и посмотрѣть, не подъѣхалъ ли кто: всѣ посматривали на часы, говорили о политикѣ и о кушаньяхъ; господинъ въ бекешѣ разсказывалъ аббату, что онъ былъ въ Римѣ, что въ Римѣ много замѣчательнаго въ разныхъ родахъ... кромѣ того, онъ сообщилъ, что въ лѣтнее время въ Россіи ѣдятъ ботвинью, научилъ его, какъ ее приготовляютъ, присовокупивъ, что она „лучше вашего мороженаго“... Горунинъ ничего не говорилъ, но Синичкинъ, увидя Андрея Ивановича, рѣшился остаться и не ѣхать въ городъ, успокоившись и повеселѣвъ оттого, что есть хоть одинъ порядочный человѣкъ.

— А дамы-то не ѣдутъ,—заключилъ протяжно Благочинный.

— Мосьё Перуцци, давайте дамъ, ужъ мы здѣсь два часа,— подхватилъ Синичкинъ.

— Будутъ, будутъ,—отвѣчалъ Перуцци и выглянулъ въ окно, какъ будто дамы такъ и ждутъ его знака.

Небольшое молчаніе.

— А все же ихъ нѣтъ,—сказалъ аббатъ, поглядывая на часы.

— А вы-то что! Вамъ зачѣмъ дамы; вѣдь вы того... должны быть, какъ красная дѣвушка,—шутливо замѣтилъ ему Андрей Ивановичъ и засмѣялся.

Аббатъ покраснѣлъ.

— Ну, не бойтесь,—продолжалъ Благочинный: — я не донесу!

— Видно, что аббатъ держитъ свой обѣтъ, потому что, какъ вы изволите говорить,—замѣтилъ Синичкинъ, почтительно обращаясь къ Андрею Ивановичу: — онъ краснѣетъ, какъ красная дѣвушка.

Плоскій каламбуръ произвелъ эффектъ: Андрей Ивановичъ засмѣялся и дружески и покровительственно пожалъ руку аббату.

Скоро стали пріѣзжать дамы. Сначала появились двѣ: signora Carolina, высокая, бѣлокурая флорентинка, бывшая въ дружбѣ съ какимъ-то знаменитымъ итальянскимъ поэтомъ и журналистомъ, эмигрировавшимъ во Францію; другая—Клара, маленькаго роста, нѣсколько полная, но, несмотря на то, чрезвычайно граціозная брюнетка; черные глаза ея ни на минуту не останавливались на одномъ предметѣ, но разомъ, казалось, обѣгали всю комнату, и каждый, на кого она взглянетъ, чувствовалъ что-то странное, чувствовалъ, что на него смотрятъ, и оборачивался, и ловилъ ея взглядъ, который уже, быстрый, какъ молнія, игривый, какъ амуръ въ воображеніи греческихъ поэтовъ, перенесся на другого... Въ одно только время можно было смотрѣть ей въ лицо и не чувствовать электричества ея глазъ, — это когда она сложитъ на груди руки, откинется спиною на спинку креселъ или софы, на которой сидитъ, опуститъ свои черныя рѣсницы, погружаясь въ то удивительное спокойствіе, грацію и прелесть, о которыхъ знали только древніе и которыя составляютъ принадлежность только итальянокъ: тогда такъ бы и бросился къ ней и сталъ бы страстно цѣловать полуоткрытыя уста, и не далъ бы ей времени открыть глазъ, полусомкнутыхъ подъ обаяніемъ какого-то сладкаго усыпленія...

Послѣ нихъ вошла стройная, высокая женщина, неся въ рукахъ соломенную шляпу, сопровождаемая мелкимъ, дробнымъ хохотомъ маленькаго, сѣденькаго, румянаго и веселаго старичка; этотъ старичокъ былъ почти закрытъ ея бурнусомъ и зонтикомъ, которые онъ держалъ съ какимъ-то подобострастіемъ.

— La nostra bella Maria Grazia! — провозгласилъ Перуцци, представляя ей каждаго изъ присутствовавшихъ. Синичкинъ раскланялся съ изысканною граціей, стараясь дать замѣтить хорошее воспитаніе и пріятныя манеры, пріобрѣтаемыя, по его мнѣнію, только въ высшемъ обществѣ; Горунинъ поклонился молча, но непріятное расположеніе духа, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ виллу, превратилось просто въ тоску при видѣ Маріи Граціа. Аббатъ сдѣлался чрезвычайно веселъ и съимпровизировалъ четыре стиха, изъ которыхъ два въ билліонный разъ риѳмовали на *cuore*, и *amore* а другіе два на неразлучныя — *sorte* и *morte*, неизбѣжныя риѳмы, какъ у иныхъ русскихъ поэтовъ — *кровь* и *любовь*, *Феба* и *неба*, *очи* и *ночи*.

Горунинъ воспользовался минутой, когда Перуцци выбѣжалъ изъ павильона, чтобы отдать приказаніе о подаваніи кушаній, и спросилъ, кто эта дама, что̀ вошла со старичкомъ.

— Oh, c'est une belle personne,—отвѣчалъ тотъ:—remplie de talents! Она скоро будетъ дебютировать здѣсь въ трагедіяхъ Альфіери. Она уже играла въ Веронѣ и въ Анконѣ и дѣлала фуроръ. Ея исторія очень занимательна. Она дочь одного бѣднаго хориста, и у нея есть голосъ, но главное — въ ней трагическій талантъ. Въ обществѣ артистовъ она получила первое развитіе, такъ, сама собою. Потомъ въ нее влюбился одинъ сицилійскій графъ, и она вышла за него замужъ. Мужъ, извѣстный графъ Rocca Aspra, думалъ довольно облагодѣтельствовать бѣдную дѣвушку тѣмъ, что съ пожертвованіемъ даже своихъ фамильныхъ связей женился на ней, и, разумѣется, не хотѣлъ слышать, чтобъ она играла на сценѣ. Но страсть къ благородному искусству превозмогла все; она бросила мужа, бросила его титулъ, его имя, приняла старую фамилію отца Джузеппе Граціа и бѣжала съ однимъ французомъ; года два училась у знаменитаго Б — ни и прошлаго года дебютировала въ Веронѣ, а потомъ въ Анконѣ. Изъ Флоренціи поѣдетъ въ Римъ, а тамъ ужъ въ Миланъ... О, у нея талантъ огромный!

— А этотъ французъ и теперь здѣсь?

— Французъ уѣхалъ давно.

— А этотъ старичокъ, отецъ или, или...

— О, вы не знаете нашихъ обычаевъ. Этотъ старичокъ

здѣшній адвокатъ; онъ постоянно при ней находится: влюбленъ въ нее страстно, безнадежно. Впрочемъ, это не мѣшаетъ его природной веселости, и онъ ея ни въ чемъ не стѣсняетъ... Если вы сумѣете обратить на себя ея вниманіе... но извините, ей-Богу, меня ждутъ... Вы понимаете, что, приглашая ее, я не могъ не пригласить и адвоката; она любитъ общество умныхъ людей, а адвокатъ долженъ же ее проводить...

Перуцци сдѣлалъ граціозный знакъ рукой Горунину, съ улыбкой склонилъ голову и побѣжалъ-было мелкими шагами отдавать приказанія, но опять вернулся на минутку, чтобы сказать Горунину съ таинственнымъ видомъ:

— Кажется, аббатъ къ ней неравнодушенъ, потому что выпытывалъ отъ меня, будетъ ли она...

Съ этими словами онъ исчезъ.

Горунинъ, преисполненный уваженіемъ къ этой, по его мнѣнію, необыкновенной личности, устремилъ задумчивый взглядъ на павильонъ, на балконъ котораго вышла прекрасная Марія Граціа. Оправляя свои густые черно-сизые волосы, причесанные à l'antique, она говорила съ Синичкинымъ, который, видно было по лицу, осыпалъ ее комплиментами и былъ ими очень доволенъ, подергивая отъ времени до времени жилетъ и выставляя на солнце свои палевыя перчатки.

— Да, это жизнь! — говорилъ Горунинъ самъ съ собою: — мужа бросила, отдалась искусству... сила-то какая!..

Увидя Синичкина, Горунинъ однако подумалъ, что жаль, что нѣтъ Тарнѣева, что жаль, что Тарнѣевъ ведетъ себя какъ чушка, а то бы, можетъ-быть, не далъ бы этому молодчику восторжествовать надъ сердцемъ прекрасной Граціа. Себѣ же, отъ привычки уничтожаться передъ личностями, которыя считалъ выше своей, онъ не позволялъ и думать вступить въ соперничество, хотя и имѣлъ такія же бѣлыя перчатки и чувствовалъ, что онъ умнѣе Синичкина. Припомнивъ однако, что надобно же „жить и веселиться“ и, главное, „ловить настоящее“, онъ сообразилъ, что другая дама, Клара, не внушаетъ къ себѣ такой робости, и что у нея въ лицѣ удивительное выраженіе доброты.

Рѣшено было не ждать Тарнѣева, тѣмъ болѣе, что пріѣхали еще двѣ дамы, и потому сѣли за столъ. Синичкинъ сѣлъ подлѣ Маріи Граціа.

Разговоръ за столомъ сначала былъ общій; говорили любезности дамамъ, съ помощью французскаго языка, который хорошо знала Марія Граціа: по-итальянски Синичкинъ и Горунинъ объяснялись довольно порядочно. Было довольно живо: Синичкинъ сказалъ нѣсколько удачныхъ фразъ, адвокатъ

пустилъ въ ходъ нѣсколько анекдотовъ, аббатъ доходилъ иногда до паѳоса. Дамы смѣялись... Но мало-по-малу разговоръ и остался за ними, за итальянцами и за Синичкинымъ; а Горунинъ впалъ въ меланхолію, разсуждая о жизни, объ успѣхахъ Синичкина, объ отсутствіи Тарнѣева, наконецъ о своей неспособности веселиться, тѣмъ болѣе, что вниманіемъ его дамы овладѣлъ адвокатъ, разсказывавшій ей какую-то исторію, которая тогда была въ ходу въ городѣ Флоренціи, объ одной англичанкѣ, похитившей какого-то юношу. Такъ силою обстоятельствъ долженъ былъ завязаться разговоръ у Горунина съ Андреемъ Ивановичемъ.

— Давно вы въ Италіи?—спросилъ Благочинный.

— Съ полгода.

— А вы не служите?

— Нѣтъ.

— Напрасно... въ ваши лѣта бы и дѣлать карьеру...

Горунинъ воспользовался макаронами, которыя ему подали, чтобы перейти къ другому предмету, а отъ макаронъ къ національности итальянцевъ вообще — одинъ шагъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что Андрей Ивановичъ, по его мнѣнію, ошибался въ своемъ сужденіи насчетъ итальянцевъ, — что въ нихъ, кромѣ энтузіазма, много энергіи, — что, наконецъ, по его мнѣнію, никто такъ не терпѣливъ въ достиженіи разъ задуманной цѣли. Онъ привелъ въ примѣръ великихъ художниковъ, которые терпѣли всѣ лишенія, стремясь къ цѣли своего искусства.

— Вотъ этого-то элемента, этой энергіи,—заключилъ онъ:— нѣтъ въ насъ,—этого элемента, который былъ въ Микель-Анджело, въ Сикстѣ Пятомъ...

Это очень обидѣло Благочиннаго, и справедливо.

— Въ нашемъ народѣ нѣтъ энергіи?—говорилъ онъ.—Да такая, батюшка, энергія, что дай Богъ другому кому. Что вы берете какихъ-нибудь выскочекъ—Сикстъ Пятый или Шестой...

— А Галилей... да этихъ выскочекъ не перечтешь...

— Что Галилей! Я вамъ покажу такихъ Галилеевъ въ нашихъ мужичкахъ. Да вотъ какъ. Объясните-ка мнѣ, что жъ это такое, какъ не сила, даже баснословная сила.

Замѣтивъ, что Синичкинъ начинаетъ прислушиваться къ ихъ разговору, Благочинный возвысилъ голосъ и сталъ разсказывать...

— Въ деревнѣ у сосѣда было. Небольшая деревенька: душъ пятьдесятъ; сторона лѣсная, въ Костромской губерніи, знаете, ближе къ Вятской. Были три мужика, три брата.

Промышляли они, какъ и всѣ, знаете, звѣремъ; ходили на медвѣдя; съ ружьемъ ходили, съ рогатиной. Разъ середній братъ пошелъ одинъ, да и младшаго взялъ, который на медвѣдя-то, знаете, еще не хаживалъ. Взялъ ружье, топоръ за поясъ—безъ топора русскій мужикъ не выходитъ изъ дому. Пошли. Ну, напали на звѣря: звѣрь *престрашенный*: сталъ на заднія лапы да прямо на нихъ. Мужикъ, середній-то братъ, выстрѣлилъ—мимо! Медвѣдь на него. Нечего и думать опять заряжать; топоръ-то онъ, знаете, тоже, какъ на зло, обронилъ. Медвѣдь на него: онъ ни шагу назадъ, выставилъ кулакъ впередъ и ждетъ, и, какъ голубчикъ подошелъ, онъ ему въ горловину-то всю руку: „На, Михайла Ивановичъ, подавись“, говоритъ. Младшій-то братъ совсѣмъ оторопѣлъ; ружья у него не было; руки такъ и опустились съ топоромъ вмѣстѣ. Братъ-то и кричитъ ему: „Что жъ стоишь! Огрѣй его по головѣ, да обухомъ валяй, да—говоритъ—мѣть по головѣ, а то шкуру пропорешь“. А медвѣдь знаетъ себѣ мнетъ руку-то. Тотъ опомнился и пошелъ его колотить: ну, и убилъ. Такъ вотъ-съ гдѣ ищите энергіи. А выпусти вашего Галилея...

— Вы, кажется, что-то очень интересное разсказываете, чего мы не понимаемъ,—сказала Марія Граціа.

— Прекрасная синьора,—отвѣчалъ разсказчикъ съ улыбкой:—гдѣ вы, тамъ только одно можетъ быть интересно: это вы... А я такъ разсказывалъ, какъ у насъ одинъ мужичокъ убилъ медвѣдя.

— Это, должно-быть, очень интересно... Мы же совсѣмъ не знаемъ вашего отечества...—продолжала Граціа.

– Фи, какія страшныя вещи!—воскликнули другія дамы.

— Я боюсь васъ напугать, а то бы повторилъ свой разсказъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь ужасовъ!—воскликнула Клара.

— Нѣтъ, разскажите.

Дамы раздѣлились на двѣ партіи: однѣ требовали повторенія разсказа, другія нѣтъ.

— Я не уступлю,—говорила одна сторона.

— И я не уступлю,—настаивала другая.

— Ну, какъ же быть, чтобъ всѣмъ угодить?—говорилъ, самодовольно посмѣиваясь, Благочинный, польщенный тѣмъ, что сдѣлался предметомъ спора хорошенькихъ женщинъ.—Какъ же быть?.. Ну, вотъ: въ которой рукѣ шарикъ?

— Въ правой.

— Ну, разсказывать! Хе-хе-хе!.. Вотъ видите ли, у сосѣда моего былъ мужичокъ...

— Я не хочу слушать, я запрещаю вамъ говорить,—кричала Клара:—у меня первы слабы.

— Нѣтъ, говорите, говорите... Мы разсердимся, если вы не разскажете...

— Былъ одинъ мужичокъ...—продолжалъ Благочинный.

— Ну, я встану, я уйду,—говорила капризная Клара, опрокидывая стулъ:—а вы разсказывайте, сколько хотите, о медвѣдяхъ... e di tanti brutti diavoli...

Она встала изъ-за стола, а за нею всѣ, потому что обѣдъ былъ конченъ, на лугу разостланъ коверъ подъ тѣнью деревьевъ: тамъ ожидали компанію плоды въ корзинахъ, обвитыхъ гирляндами цвѣтовъ, и замороженныя въ серебряныхъ вазахъ бутылки шампанскаго.

— Былъ одинъ мужичокъ,—повторилъ Благочинный, подавая руку Маріи Граціа, чтобы вести ее въ садъ.

Въ это время дверь съ шумомъ растворилась, и, весь въ пыли, съ хлыстомъ въ рукахъ и безъ всякихъ надлежащихъ приготовленій, чтобы войти въ общество, явился Тарнѣевъ.

— А, вы меня не ждали?.. И прекрасно сдѣлали, что не ждали. Прошу извинить меня,—сказалъ онъ дамамъ:—я непростительно виноватъ передъ вами... но что дѣлать! Увлекся. Чтобы поправить дѣло, я скакалъ все время маршъ-маршемъ и, думаю, принесъ вамъ, mesdames, въ жертву бѣднаго моего Россинанта... Кромѣ шутокъ, я думаю, кляча не выдержала русской ѣзды.

Служитель объявилъ, что лошадь не дышитъ. Тарнѣевъ оставилъ общество и, ругая слабосильную тварь, вышелъ посмотрѣть на несчастную лошадь. Видя, какъ бѣдное животное вытянуло ноги, откинуло голову и по временамъ судорожно вздрагивало, онъ потеръ ей носъ, обрѣзалъ подпруги, но, видя, что ничто не помогаетъ, махнулъ рукой.

Извѣстіе о замученной лошади подѣйствовало непріятно на все общество: Синичкинъ сдѣлалъ ироническую выходку противъ дурного обращенія съ животными, намекая на то, что это показываетъ дурное сердце и, ужъ Богъ знаетъ почему, неспособность питать высокое чувство истинной привязанности къ женщинамъ. Горунинъ отвелъ Тарнѣева, желая дать почувствовать всю нечеловѣчность его поступка, и сказалъ:

— Какъ это вы, батюшка! Какъ это въ самомъ дѣлѣ вести себя совсѣмъ какъ прилично какому-нибудь варвару?..

Но Тарнѣевъ не слушалъ; онъ быстро познакомился со всѣми дамами и умѣлъ даже обратить въ свою пользу непріятное расположеніе всѣхъ къ нему по случаю загнанной лошади. Онъ налилъ всѣмъ шампанскаго и провозгласилъ

тостъ за упокой души его Россинанта, говоря, что онъ долженъ почтить его память маленькой трогательной рѣчью.

— Ты палъ,—говорилъ онъ:—о, непрекраснѣйшій и небыстрѣйшій изъ коней! Ты палъ подъ ударами варвара, потомка тѣхъ варваровъ, которые *съ шумомъ и яростью* устремились на западную римскую имперію! И твой добрый хозяинъ, который далъ тебя, чтобы услужить неизвѣстному страннику, оплачетъ тебя и потребуетъ за тебя денегъ, и не будетъ болѣе посылать тебя въ городъ за какимъ-нибудь добрымъ знакомымъ, который въ благодарность за то строилъ бы куры его женѣ... А Анунціата его очень недурна, и cousin ея, за которымъ сегодня поутру посылали Россинанта, очень недуренъ и плутъ большой... Но мнѣ ли исчислять твои достоинства, описывать горесть твоего хозяина и радость его получить за твою шкуру втрое болѣе, чѣмъ ты самъ стоилъ при жизни твоей?! Мнѣ ли, говорю, описывать это, въ присутствіи особы (указывая на аббата), которая, можетъ-быть, краснорѣчіемъ своимъ изображала чуть не великими людьми тварей менѣе тебя достойныхъ...

Тостъ былъ выпитъ съ громкимъ хохотомъ и аплодисментами. Осушивъ свой бокалъ, Тарнѣевъ сказалъ, что онъ хоть и шутилъ, а все же ему жаль бѣдной скотины.

За этимъ тостомъ послѣдовали другіе. Потомъ раздались звуки оркестра; несмотря на то, что, по распоряженію Перуцци, тотчасъ послѣ обѣда оркестръ долженъ былъ играть разныя мѣста изъ оперъ, Тарнѣевъ потребовалъ сальтареллу. Мигомъ превратилась его кватрочента въ куртку; онъ подогнулъ набокъ свою широкую шляпу... какъ будто по какому-то волшебному призыву, Марія Граціа явилась передъ нимъ, полная блеска, полная жизни, граціозная и въ быстротѣ пляски и въ спокойныхъ па. Глядя на эту ловкую пару, на этотъ огонь въ глазахъ Тарнѣева, какъ у придворнаго итальянскаго кампаньола, адвокатъ, думавшій посидѣть спокойно послѣ обѣда, плясалъ, сидя на мѣстѣ, постукивалъ ногами въ тактъ и подергивалъ плечами. „Молодецъ, молодецъ!—восклицалъ онъ...—Oh, corpo di Bacco! настоящій транстеверинецъ, какъ я видалъ ихъ въ Дженсала, въ моемъ путешествіи въ Римъ... двѣнадцать лѣтъ тому назадъ“. Одна дама, Лоренцина, увлекшись своимъ роднымъ танцемъ, схватила адвоката, и онъ сталъ работать глазами, плечами и ногами, какъ юноша. За ними, въ какомъ-то безумномъ увлеченіи, послѣдовали всѣ другіе; даже Горунинъ не могъ отдѣлаться отъ донны Клары. Не плясали только аббатъ, Синичкинъ и Андрей Ивановичъ: аббатъ—потому, что онъ аббатъ; Синич-

кина не могли уговорить потому, что явленіе Тарнѣева произвело на него непріятное впечатлѣніе. Тарнѣевъ,—говорилъ онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ,—кончитъ тѣмъ, что превратитъ истинно-боккачіевское общество въ безобразную оргію Лукреціи Борджіа; даже дамы понизились очень въ его мнѣніи, потому что смѣялись остротамъ Тарнѣева: особенно бѣсили своими восклицаніями, по его мнѣнію, глупыми и неумѣстными, добрый адвокатъ, который говорилъ о Тарнѣевѣ, что у него голова геніальная, что самъ онъ, signor Gianni, нѣсколько лѣтъ не можетъ объяснить своихъ искреннихъ чувствъ къ Маріи Граціа, а онъ объяснился почти въ любви со всѣми. Къ довершенію окончательной побѣды надъ адвокатомъ, Тарнѣевъ показалъ ему фокусъ—разомъ завязать изъ платка узелъ въ двѣ петли, чего тотъ никакъ не могъ понять. Андрей Ивановичъ, разумѣется, не танцовалъ... Онъ спокойно и въ пріятномъ расположеніи духа подошелъ къ краю террасы и, любуясь видами, воображалъ о томъ, какой эффектъ произведетъ его анекдотъ о мужикѣ, который онъ намѣренъ былъ разсказать, улучивъ минуту, и о томъ, что сегодня въ первый разъ въ Италіи удалось ему хорошо пообѣдать, потому что въ отеляхъ подаютъ ужасную дрянь. „А зато, — продолжалъ онъ, потирая руки,—теперь и отдохнуть бы не мѣшало“. Въ такомъ самомъ счастливомъ расположеніи духа онъ оглянулся назадъ и сталъ разсматривать дамъ. Взглядъ его остановился на Маріи Граціа, которая, ощипывая листки розы, занялась съ Тарнѣевымъ рѣшеніемъ какого-то вопроса, вѣроятно, о любви.

„Добро, добро, ври пока!—подумалъ Андрей Ивановичъ, глядя на Тарнѣева:—не тѣмъ, братъ, имъ понравишься... Чай, тутъ-то свищи!“

Благочинный поднесъ руку, не знаю, къ сердцу ли, или къ боковому карману, въ которомъ лежалъ туго набитый бумажникъ.

— Любите... всѣмъ сердцемъ... всей душой... такъ... немного... нисколько...—говорила Марія Граціа:—видите, цвѣтокъ говоритъ правду.

— Можетъ-быть, онъ еще не успѣлъ узнать правды, потому что... вотъ видите, я не знаю, отчего это все, что случается въ моей жизни, не похоже одно на другое, не похоже на то, что случается съ другими... Встрѣча съ вами; вчера я васъ не зналъ; завтра, можетъ-быть, забуду, но... сегодня я всего какихъ-нибудь три часа съ вами и, клянусь, люблю васъ со всѣмъ жаромъ первой любви.

— Будто бы и первой любви?!..

— По крайней мѣрѣ для васъ я готовъ на всевозможные подвиги, на всякія глупости.

— А вы такъ прямо и называете глупостями подвиги во имя любви?

— Такъ обыкновенно называютъ ихъ, особенно говоря о первой любви. Возьмите-ка юношу, который въ первый разъ любитъ, и разсмотрите, что̀ онъ чувствуетъ, ка̀къ онъ чувствуетъ: вы найдете, что онъ никогда, можетъ-быть, не будетъ такъ благороденъ, такъ великъ, какъ тогда... Конечно, когда мы становимся старше, намъ смѣшно видѣть первую любовь въ другихъ, но оттого она и смѣшна и глупа намъ кажется, что сами мы чувствовали то же и знаемъ, что все, что̀ кажется влюбленнымъ вѣчностью, пройдетъ, и ничего не выйдетъ изъ плановъ, на которые потрачено много благородства и сердца... Но я не знаю, отчего я никогда не стыжусь своихъ прошедшихъ чувствъ и своей первой любви, когда мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ.

— Да, первая любовь! Первая любовь! Отъ нея много зависитъ въ жизни!—повторила Марія Граціа, какъ бы припоминая свою первую любовь.—А можете ли вы разсказать вашу первую любовь?

— Тутъ нечего разсказывать; тутъ фактовъ нѣтъ — одно чувство; съ этимъ чувствомъ я могу только сравнивать то чувство, которое бываетъ послѣ, напримѣръ, теперь.

— Однакожъ какой видъ, какой характеръ былъ этой первой любви?.. Я думаю, въ вашей первой любви было много поэзіи...

— Отчего это?

— Такъ я думаю.

— Напротивъ, голая проза. Я, пожалуй, вамъ разскажу, хоть тутъ нѣтъ ничего занимательнаго. Это было еще въ деревнѣ. Отецъ мой не выѣзжалъ изъ своего помѣстья, и до шестнадцати лѣтъ я жилъ при ннмъ. Въ это время я умѣлъ только читать, и то училъ только приходскій дьячокъ. Но это меня и не занимало, потому что у меня на умѣ было только какъ бы уйти въ лѣсъ ловить птицъ или за грибами; зимой—какъ бы на лыжахъ по сугробамъ уйти разставлять капканы для лисицъ и зайцевъ, а лѣтомъ—какъ бы урваться на рѣку, ловить рыбу... У насъ рѣки удивительныя, а наше имѣнье чрезвычайно живописно: оно стоитъ на обрывистомъ берегу, а съ другой стороны мелководье; весной на полверсты зальетъ поля и цѣлыя деревни... вотъ раздолье! У отца моего былъ дворовый человѣкъ, а у него дочь, годами двумя меня моложе. Она хоть и была какъ всѣ крестьянскія дѣвочки, но отлича-

лась отъ нихъ тѣмъ, что была немного избалована у насъ въ домѣ и ужъ выросла въ нѣкоторой роскоши. Мы съ ней часто играли, ходили за грибами; я ей дѣлалъ игрушки, мы говорили по цѣлымъ вечерамъ... Но, что̀ странно, въ лѣсу, или когда мы были въ комнатахъ одни, я никогда не смѣлъ ее поцѣловать...

— Вотъ это-то вы теперь и называете глупостью первой любви?

— Конечно, и въ этомъ отношеніи дѣйствительно первая любовь глупа... Такъ давно ужъ продолжалась эта любовь, какъ разъ въ темномъ коридорѣ я ее встрѣтилъ одну... Ужъ не помню, какъ это случилось, я ее обнялъ, какъ будто впился въ нее поцѣлуемъ. Меня била лихорадка. Я ничего не могъ говорить. Вдругъ идетъ отецъ. Мы стояли, какъ окаменѣлые, она заплакала. Мой отецъ строго смотрѣлъ, чтобъ я не баловался съ дѣвчонками. Я объявилъ, что я хочу жениться на этой дѣвушкѣ. Это была моя первая выходка; отца я ужасно боялся. Онъ взбѣсился. Сейчасъ позвалъ старика-служителя и отослалъ его въ дальній нашъ лѣсной боръ лѣсничимъ. Вотъ тутъ-то, собственно говоря, и началась любовь. Я еще, бывало, до свѣта уйду изъ дома въ этотъ боръ, верстъ за десять отъ усадьбы, иногда пѣшкомъ, иногда верхомъ, въ дождь, въ грязь, спѣшу на условное мѣсто, чтобы къ обѣду домой вернуться. Я какъ теперь помню это мѣсто, при самой опушкѣ сосноваго бора. Ахъ, синьора, вы себѣ представить не можете, что̀ такое наши лѣса, и именно сосновый боръ! Въѣдешь въ него какъ въ особое царство; темно, и шумитъ боръ далеко-далеко; если нѣтъ и вѣтру, все равно: въ немъ какъ будто какая-то музыка... Стоишь по цѣлымъ часамъ и слушаешь... и вдругъ какъ будто страшно станетъ, какой-то ужасъ найдетъ, и побѣжишь безъ оглядки, безъ памяти, пока не выбьешься изъ силъ и не остановишься: сердце бьется, точно убѣжалъ отъ опасности... и только какъ опомнишься, станетъ смѣшно и легко, и опять вернешься... удивительные лѣса! Ничего подобнаго нѣтъ въ мірѣ!..

— Какъ вы живо чувствуете! Какъ вы любите природу!— сказала Марія Граціа, смотря съ возрастающимъ вниманіемъ на Тарнѣева.—И то сказать, что мы, итальянцы, только себѣ приписываемъ возможность поэтическаго чувства!

— Да,—отвѣчалъ Тарнѣевъ въ раздумьѣ: — этихъ лѣсовъ никогда не забуду!

— Что̀ же любовь ваша?

— Любовь?.. Да что̀ же? Больше ничего. У насъ были свиданія въ этомъ лѣсу. Я носилъ ей гостинцевъ; она соби-

рала мнѣ земляникy... Мы ходили, сидѣли, говорили... были и поцѣлуи... но только поцѣлуи... Она была дѣвочка миніатюрная, немножко блѣдная брюнеточка, съ черными глазами... Какъ ужъ я сталъ часто отлучаться изъ дому, отецъ вспомнилъ, что пора меня учить, и отправилъ въ Петербургъ... Тѣмъ любовь наша и кончилась.

— А долго ли вы ее потомъ помнили?

— Нѣтъ, скоро позабылъ; а потомъ ужъ никогда и не вспоминалъ.

— Къ сожалѣнію, не всѣ любви кончаются такъ...—отвѣчала со вздохомъ Марія Граціа.—Другія любви, то-есть не первая любовь, часто переходятъ въ ненависть. Я бы вамъ разсказала одинъ случай, который, я знаю, окончился ненавистью и, пожалуй, обоюдной. Мнѣ даже хочется это разсказать... Я даже не могу объ этомъ не говорить, потому что это меня давитъ, мучитъ... Рѣдко тѣ, которые любили другъ друга, расходятся друзьями, а это должно быть такъ... Вотъ видите, это одно изъ лицъ, которыя здѣсь...

— И кого вы любили?

— Да.

— Кто же это?

— Такъ, одинъ человѣкъ... впрочемъ, отчего же и не сказать... вотъ смотрите, тотъ, который такъ слѣдитъ за мной, который бѣсится отъ ревности, что я говорю съ вами.

Тарнѣевъ обвелъ глазами все общество.

— Неужели Благочинный?—спросилъ онъ, видя Андрея Ивановича, который въ послѣобѣденномъ расположеніи духа не могъ оторваться отъ созерцанія красотъ Маріи Граціа.

— Нѣтъ!.. Другой... смотрите сюда... онъ сидитъ подлѣ вашего товарища, Горунина, и не слушаетъ, что̀ тотъ говоритъ ему...

— Аббатъ!..

— Да, дайте мнѣ руку, сойдемте въ садъ; я разскажу вамъ одинъ эпизодъ изъ его жизни... и моей...

Они хотѣли-было сойти съ лѣстницы на нижнюю террасу, какъ вдругъ раздался громкій, веселый хохотъ донны Клары, которая звала къ себѣ Марію Граціа, Тарнѣева и всѣхъ.

— Ай, ай!—кричала она:—мертвецы, мертвецы! Привидѣніе! Сюда, сюда! Аббатъ!

Съ появленіемъ Тарнѣева аббатъ какъ-то потерялъ свою прежнюю веселость: онъ сѣлъ въ отдаленіи на дерновую скамью и слѣдилъ съ негодованіемъ, какъ Марія Граціа оказываетъ столько вниманія этому чужестранцу. Горунинъ, симпатизируя задумчивости аббата, приблизился къ нему, завелъ

свой любимый разговоръ и пустился въ анализъ душевныхъ ощущеній.

— Въ нашъ вѣкъ,—говорилъ онъ: — анализъ довелъ насъ до совершеннаго уничтоженія возможности жить и наслаждаться: онъ въ насъ убилъ *плоть*, то-есть живость чувства, которую не могъ убить синтезъ. Въ самомъ дѣлѣ, я слѣдилъ за своимъ вѣкомъ. Я могу назвать себя сыномъ вѣка... но что я такое?—скелетъ! Я хорошо понимаю, что я отжилъ, не живши; развитіе ума опередило развитіе чувства; я мертвецъ передъ юношей, полнымъ жизни; я мертвецъ передъ старикомъ, который видитъ за собой пройденную жизнь... Я мертвецъ въ отношеніи ко всему, что чувствуетъ, наслаждается...

Донна Клара безпрестанно подбѣгала то къ аббату, то къ Горунину, вызывая ихъ на разныя затѣи; наконецъ, видя безуспѣшность своихъ усилій, она остановилась сзади ихъ скамьи и слушала ихъ разговоръ. Изъ него она поняла только то, что Горунинъ называлъ себя мертвецомъ; это ей показалось ужасно смѣшно, и она подняла страшную тревогу.

Всѣ окружили ее и Горунина съ аббатомъ.

— Представьте себѣ,—говорила Клара:—представьте себѣ, онъ говоритъ, что онъ уже когда-то жилъ, что онъ мертвецъ, что онъ... изъ гроба вышелъ... что въ двѣнадцать часовъ, какъ пропоютъ пѣтухи, изъ земли подымется пламя и сѣрный дымъ, и онъ разсыплется, какъ песокъ! Каковъ? Да это просто ужасъ!

Горунинъ хотѣлъ-было протестовать, что онъ не совсѣмъ такъ говорилъ, но женщины осадили его со всѣхъ сторонъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвалась,—говорила одна.

— Я тоже,—говорила другая: — но я не думала, чтобы мертвецы были такіе страшные!

— Вы изъ ада или изъ чистилища? Что тамъ дѣлаютъ наши знакомые?..

— Что мой мужъ?

— Что мой дядя, которѣй завѣщалъ мнѣ только фиговое дерево?

— Мой Дженнаро?

— А мой лордъ Гамберстонъ? Ха! ха! ха!..

— Да поворачивайся, разсказывай, житель мрака! Или хочешь вина? О, мы расшевелимъ и покойныхъ!..

— Онѣ становятся настоящими менадами,—замѣтилъ Синичкинъ:—пожалуй, растерзаютъ Горунина, какъ Орфея...

— Э, синьоръ!—отвѣчалъ адвокатъ, махнувъ рукой:—ужъ женщины у насъ такія: либо спятъ, какъ сурки, либо развозятся, какъ черти!

Перуцци, видя, что Горунинъ оглушенъ и озадаченъ, предложилъ тостъ въ честь крылатаго божка, но его не слушали.

Тарнѣевъ не могъ снести серьезной мины Горунина и кричалъ ему съ сердцемъ:

— Да ты шути, смѣйся!

— Нѣтъ, Тарнѣевъ,—отвѣчалъ Горунинъ, тронутый его участіемъ:—я не могу расходиться!

— Ну, напугай ихъ, по крайней мѣрѣ, какъ мертвецъ!

Горунинъ собирался завопить гробовымъ голосомъ, подражая мертвецамъ, которыхъ видалъ въ операхъ, но у одной изъ женщинъ, Каролины, мелькнула новая идея.

— Знаете ли что?—воскликнула она.—Въ старину, говорятъ, мертвецовъ убирали цвѣтами и ставили за столъ, когда хотѣли веселиться... Клара! Дай сюда гирлянды!.. Перуцци, ты антикварій: какъ это дѣлается?

— Дайте мнѣ, я увѣнчаю нашего задумчиваго жителя могилъ,—перебила Клара, которой стало жаль смущеннаго Горунина.—Зачѣмъ вы такъ скучны,—говорила она, вѣнчая его гирляндами:—постойте же, я возьмусь за васъ! Смѣйтесь же, будьте умный мертвецъ...

— Какъ вы добры,—произнесъ тронутый Горунинъ.

— То-то же! Слушайте меня, я васъ развеселю, тѣнь холодная! Расшевелю васъ, милый прахъ! Уберу какъ живого! Вы будете самая живая смерть!..

Горунинъ улыбался и чувствовалъ даже нѣкоторое удовольствіе, когда рѣзвая Клара поставила его на колѣни и своими бѣло-мраморными руками убирала его голову и касалась его лба; и слышалъ онъ ея горячее дыханіе, и прикасался ея платья, даже слышалъ біеніе ея сердца: такъ близко отъ его уха былъ корсетъ прекрасной Клары, обрисовывавшій роскошный станъ и тепло-воздымающуюся грудь. Онъ признался самъ себѣ, что былъ дѣйствительно глупъ съ своей меланхоліей, что не умѣлъ разомъ сообразить своего положенія, между тѣмъ какъ въ этомъ-то умѣньи и состоитъ умѣнье жить: „надо наслаждаться активно,—говорилъ онъ,—а не пассивно!“, но и это пассивное наслажденіе жизнью было для него уже много: онъ какъ будто ожилъ, точно выходя изъ обморока и усыпленія, подъ прикосновеніемъ бѣлыхъ рукъ, слыша трепетъ сердца и чувствуя на лицѣ своемъ горячее дыханіе красавицы. Подавленный этимъ впечатлѣніемъ, онъ дѣйствительно походилъ на скелетъ древнихъ эпикурейцевъ, неподвижный посреди кружка неистово и бѣшено пляшущихъ вакханокъ; Каролина, Лоренцина увлекли и дру-

гихъ дамъ, и Перуцци, и даже Андрея Ивановича, и при звукахъ музыки, съ громкими восклицаніями, вся эта толпа кружилась около блѣднаго Горунина, не понимающаго, что съ нимъ дѣлается, но повторяющаго про себя:

— Вотъ это жизнь!..

Марія Граціа и Тарнѣевъ смотрѣли на эту сцену. Тарнѣеву показалось, что Горунинъ глубоко страдаетъ. Марія Граціа тоже смотрѣла на него не безъ участія.

— Кажется, вашъ пріятель совсѣмъ нерасположенъ къ этой шуткѣ,—сказала она:—освободите—освободите его, онъ, право, жалокъ.

Тарнѣевъ бросился къ толпѣ.

— Нѣтъ, господа!—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, наша смерть нехороша! Дай мнѣ гирлянды, Горунинъ, я буду смертью!

И онъ снялъ гирлянды съ Горунина и накрылся скатертью, какъ саваномъ. Горунинъ еще такъ сильно находился подъ обаяніемъ своей раздраженной чувственности, что уступилъ цвѣты Тарнѣеву почти съ сожалѣніемъ, думая про себя:

„Вотъ, только-что было-пошло дѣло на ладъ... онъ все испортилъ“.

— Я ваша смерть,—произнесъ Тарнѣевъ глухимъ голосомъ,—и вы всѣ въ моей власти!.. Если кто хочетъ отъ меня избавиться, тотъ да поцѣлуетъ мои холодныя уста!

И онъ пошелъ цѣловать женщинъ, которыя ему говорили, что онъ „сладкая смерть“, другія, что онъ „гадкая смерть“.

Видя, что „неумолимая“ смерть приближается и къ Маріи Граціа, аббатъ вскочилъ съ своего мѣста, какъ бы ожидая громового удара. Глаза его сверкали, губы дрожали.

— Аббатъ хочетъ импровизировать!—провозгласилъ адвокатъ, страстно любившій поэзію:—по его глазамъ, по его вздымающимся ноздрямъ, какъ у Аполлона Бельведерскаго, я предчувствую, что на него находитъ вдохновеніе...

Это было сигналомъ новаго удовольствія: женщины бросились на новую жертву. Онѣ окружили аббата, требуя импровизаціи; всѣ предлагали свои темы; отказаться было невозможно; несмотря на всѣ усилія избавиться отъ импровизаціи, аббатъ долженъ былъ взять гитару. Адвокатъ спряталъ свой платокъ, изъ котораго силился завязать узелъ, показанный ему Тарнѣевымъ, и усаживалъ всѣхъ, говоря шопотомъ:

— Слушайте, слушайте... это просто сынъ Аполлоновъ.

Аббатъ сдѣлалъ прелюдію и началъ:

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ,
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ
За то, что грѣшную природу

Онъ умертвилъ въ себѣ какъ могъ,
Питался желудьми, пилъ воду
И весь какъ мумія изсохъ.
„Учитесь,—онъ вѣщалъ народу,—
Я жилъ средь васъ; я посѣщалъ
Вертепы роскоши порочной,
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно.
Смотрѣлъ на пляски нашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ,
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
Ходилъ по рынкамъ я богатымъ,—
Но нѣтъ, ни крови ни глазамъ
Души своей въ соблазнъ я не далъ:
И женъ и винъ тщету я вѣдалъ
И злато бросилъ нищимъ псамъ.
И, чистъ какъ духъ, иду я нынѣ,
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ".
И онъ пошелъ; и позабылъ
Весь градъ отшельника святого;
Въ пустынѣ онъ два года жилъ
И не видалъ лица живого.

На третій годъ разъ вспомнилъ онъ,
Какія зрѣлъ онъ вина, брашны,
Какъ былъ однажды приведенъ
Къ сатрапу онъ на искусъ страшный:
Жгли ѳиміамъ; чертогъ сіялъ;
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ:
Предъ нимъ лезбіянка плясала,
Кидая въ воздухъ покрывало,
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ поднесла съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Ее поилъ онъ, и въ уста
Ее лобзалъ, и какъ голубка
Къ нему ласкалась красота...
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье
И изнурительность поста.
Но что жъ? Въ его воображеньи
Какъ будто выжженъ ясный ликъ,—
Вездѣ гречанка молодая...
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ,
Косматый, рыщетъ онъ въ пустынѣ
Какъ чумный звѣрь, вопитъ, реветъ,
Въ пескѣ катаясь, міръ клянетъ
И въ ярости грозитъ богинѣ...

Разъ у ручья онъ между скалъ
Въ росистый вечеръ возсѣдалъ.
Синѣла степь... изъ степи синей
Какъ будто музыка неслась,
И съ тихой свѣжестью пустыни
Отрада въ грудь его лилась.
Въ семъ дальнемъ гулѣ, ужъ два года,

Доселѣ слышалъ онъ слова
И видѣлъ образъ божества.
„Богиня жизни, мать-природа!—
Теперь онъ стонетъ...—Пощади!
За то, что я софизма силой
Съ тобой связующія жилы
Хотѣлъ порвать въ своей груди—
Пылаетъ мозгъ во мнѣ, кичливый
Своею логикою лживой...
Ужель нѣтъ легче казни мнѣ,
Чѣмъ таять въ медленномъ огнѣ,
Блестящимъ призракомъ плѣняться,
Въ немъ видѣть чудо красоты,
Желаньемъ пламеннымъ терзаться,
Смотрѣть на милыя черты
И изучать ихъ совершенство,
Знать, гдѣ и что̀ мое блаженство —
И только думать про себя:
„Нѣтъ, нѣтъ, оно не для тебя!“

Послѣдніе стихи сильно потрясли импровизатора; онъ бросилъ гитару и быстрыми, неровными шагами отошелъ къ террасѣ: тамъ, облокотивъ голову на обѣ руки, онъ пробылъ нѣсколько минутъ почти въ безчувствіи. Его болѣзненный видъ удержалъ аплодисменты, которыми всѣ готовы были его осыпать... Только Горунинъ подошелъ къ нему и, молча, съ большимъ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Я васъ понимаю,—сказалъ онъ,—въ вашей импровизаціи я умѣлъ различить ваши собственные стоны.

— Какъ онъ скоро кончилъ,—сказала Клара:—что̀ же потомъ было съ этимъ жрецомъ?..

— Это я вамъ скажу, — отвѣтилъ Тарнѣевъ: — жрецъ возвратился въ городъ... нѣтъ, позвольте, попробую стихами...

Прошли года. Въ Изидинъ храмъ
Текли, какъ прежде, богомольцы
Внимать оракула словамъ
И покупать запястья, кольца,
Заклятья противъ злыхъ бѣсовъ.
Мудрѣйшимъ слылъ между жрецовъ
Тамъ жрецъ одинъ: носились слухи,
Что мертвъ лежалъ онъ на земли,
И замертво перенесли
Его во градъ благіе духи,—
Тамъ ожилъ онъ и славенъ сталъ;
Никто порокъ не поражалъ
Съ отвагой столь необычайной,
Никто за трапезою тайной
Такъ сочныхъ яствъ не пожиралъ.
Никто средь града вѣкового
Не зналъ, какъ онъ, во тьмѣ ночной

Пути къ еврейкѣ чернобровой
Иль къ баядеркѣ молодой.
И такъ, смѣяся надъ сатрапомъ,
Онъ жилъ, тучнѣлъ, спалъ звонкимъ храпомъ
И поровнялся предъ концомъ
Дородствомъ съ жертвеннымъ тельцомъ.

— Браво! Браво Тарнѣеву! Онъ побѣдилъ соперника!— провозгласили гости.

— Очень хорошо,—сказалъ ему Андрей Ивановичъ, когда Синичкинъ перевелъ ему смыслъ импровизаціи. — И даже это иначе не могло быть въ языческомъ мірѣ,—замѣтилъ онъ весьма основательно:— потому что язычество — само по себѣ величайшій развратъ... Я читалъ много объ этомъ... и эту исторію я точно читалъ у одного древняго писателя, не помню только—у котораго.

— У Гуго Гроціуса, можетъ-быть?—спросилъ Тарнѣевъ, единственно потому назвавъ это имя, что сейчасъ прочелъ его подъ бюстомъ Гуго, который между прочими стоялъ на террасѣ.

— Можетъ-быть,— отвѣчалъ серьезно Благочинный.

Вечерній воздухъ, казалось, успокоилъ нѣсколько аббата; онъ возвратился къ кружку собесѣдниковъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; лицо, горѣвшее дивнымъ огнемъ за минуту, осунулось; но безразличное выраженіе, которое онъ сохранялъ въ продолженіе цѣлаго дня и которое уступило только передъ вспышкой вдохновенья, не могло возвратиться: всякій могъ бы прочесть въ этомъ лицѣ глубокое, давно подавляемое страданіе. Слабость, нервическая женственность его организаціи не давали ему достаточно силы притворства; онъ, казалось, постарѣлъ пятью годами. Его безпокойство странно дѣйствовало на Марію Граціа. По мѣрѣ того, какъ онъ хмурился, ея веселость увеличивалась, подобно тому, какъ, когда на синемъ южномъ небѣ изъ-за горъ выплываетъ бурая громоносная туча и тѣнью своею покрываетъ половину долины, кажется, ярче освѣщается солнцемъ другая половина ея, зеленые кусты золотятся, красныя руины по холмамъ кажутся облитыми киноварью, а бѣлыя ограды и бѣлые домики городка, стоящаго на горѣ, походятъ на клочья снѣгу, озаренные полуднемъ. Видя, какъ аббатъ выходитъ изъ себя, Марія Граціа чувствовала особенное расположеніе шутить, смѣяться и быть любезною съ Тарнѣевымъ, и они говорили все, что придетъ на умъ, говорили ужаснѣйшія глупости, но эти глупости не промѣняли бы ни онъ ни она на лучшую рѣчь въ парламентѣ...

Улучивъ минуту, аббатъ подалъ руку Маріи Граціа и предложилъ сойти въ садъ. Марія нехотя пошла за нимъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—я все вижу.

Она молчала.

— Я все вижу,—повторилъ аббатъ.

— Поздно же...—прошептала она, но какъ будто не аббату, потому что на него не глядѣла, а миртовымъ листьямъ и сучьямъ, которые она, увлекаемая аббатомъ, срывала и трогала на ходу, чтобъ занять ими свое вниманіе. И если бъ эти листья, растертые въ ея рукѣ, могли истолковывать по прикосновенію къ нимъ человѣка, какія чувства его наполняютъ, они бы прочли въ Маріи Граціа два различныя чувства—и стыдъ и желаніе признаться въ чемъ-то, чтобы разомъ освободить и себя отъ муки притворства и отъ нѣкоторыхъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи къ аббату, и его вывести изъ непріятной неизвѣстности.

— Такъ все кончено? — спросилъ аббатъ, сжимая руку Маріи.

— Вы мнѣ ломаете руку, аббатъ.

— Отвѣчайте мнѣ,—воскликнулъ онъ, останавливаясь: — между нами все кончено?

Она молчала.

— Презрѣннѣйшая изъ женщинъ! — торжественно произнесъ аббатъ, отталкивая отъ себя ея руку.

— Не оскорбляйте меня, аббатъ, — воскликнула Марія съ негодованіемъ:—между нами давно все кончено, какъ вы говорите. Но,—продолжала она спокойнѣе,—я не хочу разставаться врагомъ съ людьми, которыхъ когда-то любила. А потому послушайте, что я хочу сказать вамъ,—не оправданіе, не урокъ, а такъ, дружеское повтореніе всего того, что я говорила вамъ и прежде. Помните ли, я не затруднялась сказать вамъ, что я васъ люблю, въ тотъ вечеръ, когда вы импровизировали, когда я васъ видѣла почти въ первый разъ, потому что прежде я васъ не замѣчала. Ваша импровизація меня сильно тронула. Я угадала сразу, что есть великаго въ вашей натурѣ, и полюбила это прекрасное. Я хочу и теперь быть такъ же чистосердечна съ вами и точно такъ же признаться вамъ, что первая страсть во мнѣ прошла. Вы умны, аббатъ, вы понимаете, что во сто разъ легче дѣвушкѣ, которая въ первый разъ любитъ, сказать „люблю“, нѣмъ сказать „не люблю“ людямъ такого возраста, какъ мы съ вами... Въ началѣ любви моей я въ васъ любила — какъ бываетъ всегда — новость, но эта новость скоро прошла. Вы не можете не повторяться, аббатъ. Понявъ васъ одинъ разъ, я уже могла предсказать всякое ваше движеніе, всякое ваше слово... Но въ вашей поэтической натурѣ — не сердитесь,

аббатъ — нѣтъ ничего, что бы составляло загадку, заставляло бы ожидать проявленія новой и новой силы... Кромѣ этихъ минутъ вдохновенія, вы такой же обыкновенный человѣкъ, какъ всѣ мы смертные... Вы велики, какъ поэтъ и тогда, когда вы поэтъ; но, какъ человѣкъ,—вы дитя, вы женщина... Я тоже женщина, Лоренцо, и могу покориться только мужеству... Вы поймите себя... въ вашей организаціи заключается тайна, почему вы не можете навсегда привязать къ себѣ женщину...

— Благодарю за урокъ, синьора.

— Прошу васъ, Лоренцо, не смотрите такъ на мои слова; и если вы точно имѣете ко мнѣ дружбу, какъ увѣряли не разъ, то изъ дружбы теперь поймите мое положеніе...

— О, понимаю, понимаю!... Когда мы уже становимся преступны даже въ своихъ глазахъ, мы отыщемъ доводы, чтобы оправдать себя, и, разумѣется, вину свалимъ на другихъ... Я васъ не удерживаю, идите своей дорогой, куда она васъ поведетъ. Но вы ошибаетесь, сударыня, если вы видѣли во мнѣ до сихъ поръ ребенка, какъ вы говорите; такъ знайте, что любовь моя къ вамъ дѣлала меня ребенкомъ. Когда вы сегодня явились, я сдѣлался веселъ, какъ младенецъ; вы опять истерзали меня, и я выстрадалъ всѣ муки ада. Но, я говорю вамъ, вы ошиблись. Я докажу вамъ, что я мужъ. Если я умѣлъ любить васъ, если я мечталъ о томъ, чтобы озолотить вамъ жизнь, я сумѣю ее отравить. Вамъ будетъ страшно мое имя. Вы будете несчастны — въ себѣ, во всѣхъ, кого будете любить, въ вашихъ дѣтяхъ, въ вашихъ любовникахъ. Со сцены вы будете видѣть меня; я отравлю вашъ успѣхъ. Я не скажу вамъ болѣе ни слова... но...

— Я вамъ говорила, аббатъ, что вы очаровательны, когда импровизируете...

— Нѣтъ, синьора, я не импровизирую теперь, а предсказываю.

— Если не импровизируете, то вы ужасно похожи на ребенка, который хочетъ казаться большимъ.

У аббата губы побѣлѣли отъ ярости. Увидя въ концѣ аллеи Благочиннаго, онъ направилъ шаги свои къ нему навстрѣчу.

— Я долженъ передать вамъ мою даму,—сказалъ онъ:— потому что мои обязанности призываютъ меня въ городъ.

Онъ посадилъ Марію Граціа на ступеньки темной бесѣдки, изъ мрака которой выглядывалъ, обставленный цвѣтами, мраморный сатиръ, поймавшій нимфу; аббатъ поклонился и исчезъ; Марія была взволнована. Сила негодованія, которая ее

поддерживала въ присутствіи аббата, казалось, ее оставила, глаза налились слезами... но Благочинный не замѣчалъ ея смущенія.

— Видно, прелестная Марія, — говорилъ онъ: — аббатъ боится... гуляя съ вами... я понимаю его... — Андрей Ивановичъ ложиралъ глазами прелести „соблазнительной сирены“.— Послушайте, Марія Граціа,—продолжалъ онъ, вдругъ оставивъ этотъ тонъ любезника и садясь подлѣ нея съ видомъ человѣка, говорящаго дѣло:—я, любя васъ, долженъ васъ предупредить... Вы, можетъ-быть, думаете, что эти господа, молодежь-то эта, какіе-нибудь путешествующіе лорды и богачи... я знаю ихъ—это все голь. Я вамъ говорю, какъ женщинѣ разсудительной... Если бъ человѣкъ съ вѣсомъ, съ состояніемъ повергъ бы передъ вами... все свое состояніе, свое сердце, конечно, только такая, можно сказать, побѣда можетъ польстить вамъ, и это ужъ не то... что̀ какой-нибудь мальчишка...

— Виновата, я не вслушалась,—отвѣчала Марія, которая едва могла опомниться отъ сцены съ аббатомъ.

— Плутовка!—произнесъ съ нѣжностью Благочинный, истолковывая молчаніе красавицы въ свою пользу.—Еще притворяется, что не понимаетъ...

— Вы, кажется, не очень веселитесь,—сказалъ Перуцци Горунину, который задумчиво сидѣлъ на балюстрадѣ террасы и смотрѣлъ по сторонамъ.

— Напрасно вы такъ думаете,—отвѣчалъ тотъ:—я только не шумлю, когда мнѣ весело.

Сумерки, или уже ночь, давно наступили. Около воротъ виллы собралось множество народу на звуки музыки. Тарнѣевъ велѣлъ отворить ворота, впустить зрителей въ садъ и открыть сельскій балъ. Терраса освѣтилась разноцвѣтными фонарями; начались танцы. Сельскія дѣвушки, въ своихъ коротенькихъ юбочкахъ, съ цвѣтами на головѣ, выплясывали граціозныя па своими маленькими ножками, красиво обутыми въ синіе высокіе шерстяные чулки и красные башмаки. Старики, оставя приличную своимъ лѣтамъ важность, которую римляне называли этрусскою неповоротливостью, тоже пустились въ плясъ наравнѣ съ юношами или сидѣли около маленькихъ столиковъ, попивали вино и курили изъ глиняныхъ трубочекъ. Тарнѣевъ—или былъ утомленъ своими шалостями въ продолженіе цѣлаго дня, или пришло ему на умъ какое дѣло—уже не принималъ такого дѣятельнаго участія въ балѣ. Онъ сдѣлался молчаливъ и удалялся отъ шуму; то вдругъ кидался опять въ толпу съ крикомъ и гиканьемъ, то кружилъ свѣженькую поселянку и, пользуясь быстротою танца,

срывалъ съ устъ ея поцѣлуй, то танцовалъ съ городскими дамами, импровизируя себѣ новый костюмъ, новыя роли: то соррентинскаго рыбака, то французскаго маркиза, то передразнивая кого-нибудь изъ присутствовавшихъ. Но послѣ такой продѣлки опять скрывался. Горунинъ, напротивъ того, развеселился и, ангажируя дамъ, говорилъ съ увлеченіемъ: „Надобно же жить!“. Синичкинъ одинъ негодовалъ, что впустили народъ, сидѣлъ на террасѣ и согласился только провальсировать съ синьорой Каролиной. Онъ поддернулъ перчатки, съ эффектомъ вышелъ на площадку и махнулъ бѣлымъ платкомъ музыкантамъ, чтобъ они прекратили тарантеллу и заиграли Aurora Walzer. Зато Перуцци и адвокатъ не отставали отъ общаго движенія, особенно адвокатъ, который однако, отдыхая между танцами, все возвращался къ таинственному узлу и говорилъ, что „въ сущности онъ его запамятовалъ... in sostanza dunque... Io perdei...“

Горунинъ, въ порывѣ своей необычной веселости, не разъ отыскивалъ Тарнѣева, стыдилъ его, что онъ не веселится. Но Тарнѣевъ оставался безотвѣтенъ на его воззванія. Онъ былъ радъ, что находился подлѣ Маріи Граціа, казался погруженнымъ въ непривычную думу, и прежняя легкая болтовня не шла ему болѣе на умъ. Онъ видѣлъ, какъ Марія Граціа сошла съ террасы съ аббатомъ, какъ возвратилась одна и казалась встревоженною. Руководимый нѣсколькими намеками Маріи Граціа, онъ не сомнѣвался, что аббатъ виною того, что она разстроена. Онъ составлялъ себѣ идею этого человѣка, и въ этомъ портретѣ участвовали, чего онъ не замѣчалъ, и ненависть и ревность. Ему становилось тяжело, душно.

Но Марія Граціа иначе поняла его задумчивость,—иначе потому, что сама думала о Тарнѣевѣ и старалась, противъ воли, изучить этого человѣка, который ей казался новъ и занимателенъ.

— Неужели вамъ не надоѣло бѣситься? — спросила она, когда Тарнѣевъ, увлеченный рѣзвой Кларой въ вихрь вальса, возвратился опять къ Маріи Граціа.

— Если бъ вы знали, какъ мнѣ все надоѣло, — отвѣчалъ онъ.—Я не понимаю, что со мной дѣлается... отчего на меня напала такая тоска...

Онъ взялъ руку Маріи, поцѣловалъ ее съ глубокимъ чувствомъ и склонилъ на нее свою голову. Грудь его тяжело дышала, сердце горячо билось.

— Что съ вами?—тихо спросила она.

— Ничего!.. Но, ради Бога, говорите мнѣ, говорите!..

— Скажите, — продолжала, глядя на него съ нѣжностью, Марія Граціа:—вы ничѣмъ особенно не занимаетесь? Вы не художникъ?

Тарнѣевъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Нѣтъ, не художникъ,—отвѣчалъ онъ.

— И не музыкантъ?

— Ни музыкантъ, ни художникъ, ни ученый, ничего! Совершенно ничего! Хоть я немного и рисую, и пишу, играю... танцую, дурачусь...

— Отчего же вы не художникъ? Вотъ это странно!

— Отчего? Этого я и самъ не понимаю... или, должно-быть, я не рожденъ художникомъ...

— Нѣтъ, стало-быть, въ дѣтствѣ въ васъ не развивали эстетическаго чувства... стало-быть, вы не выросли подъ вліяніемъ изящныхъ искусствъ, не слушали хорошей музыки, не посѣщали галлерей живописи и скульптуры... не слыхали споровъ объ искусствѣ, эстетическій восторгъ другихъ не сообщался вамъ и не пробуждалъ въ васъ восторга... Иначе вы были бы художникомъ...

Тарнѣевъ слушалъ Марію Граціа съ возрастающимъ удивленіемъ. Въ первый разъ онъ слышалъ о себѣ такое сужденіе и принималъ эти слова, какъ слова пиѳіи, которыя открывали для него совершенно новый міръ, давали новое значеніе ему самому въ собственныхъ его глазахъ. Никогда никакая другая женщина не пробуждала въ немъ такого свѣтлаго взгляда на будущее, на его дѣятельность; всѣ другія женщины, которыхъ онъ любилъ, заключали его дѣятельность, его мысль въ тѣсную сферу, въ которой онѣ вращались сами и вырвавшись изъ которой онъ чувствовалъ себя легче и свободнѣе. Теперь не то: горизонтъ его расширился. Онъ какъ будто яснѣе начиналъ видѣть вокругъ себя; мысль его какъ будто бы прежде бродила около предметовъ, теперь стала останавливаться на нихъ и открывать въ нихъ новые стороны и виды, которыхъ онъ прежде не подозрѣвалъ. Онъ приходилъ въ состояніе, которое называется у художниковъ вдохновеніемъ, когда всѣ впечатлѣнія проясняются, усиливаются, и ихъ смѣло и въ подробностяхъ окидываешь взоромъ, и хочется изобразить ихъ и дать имъ матеріальную форму. Тарнѣевъ сознавалъ въ себѣ присутствіе великой силы, и было въ немъ странное стремленіе проявить эту силу. Прошедшая жизнь его вся представилась ему въ иномъ свѣтѣ: ему казалось, что эта-то сила и бросала его въ разныя крайности, подвигала на разныя глупости, выражалась въ безобразныхъ фактахъ. Онъ смотрѣлъ на Марію Граціа, на

античное спокойствіе чертъ ея классически-правильнаго лица, чувствовалъ это благодушіе, сіявшее въ ея взорахъ, и ему казалось, что она только одна и можетъ сказать ему, какъ направить эту силу, и что̀ такое эта сила, эта странная жажда необыкновеннаго, это безпокойство, которое кидало его въ жизни изъ стороны въ сторону.

— Да,—говорилъ онъ:—можетъ-быть, я и художникъ... можетъ-быть, вы и не ошиблись... завтра же заведу краски и пойду въ ученики къ какому-нибудь хорошему мастеру.

— И вы мнѣ напишете ваши дикіе лѣса... и свиданія первой любви.

— О, Марія Граціа! Что̀ вы за необыкновенная женщина!

И Тарнѣевъ былъ въ восторгѣ, чувствовалъ себя совершенно инымъ; ласковая рѣчь Маріи, ея дружеское участіе совершенно изгладили въ немъ и образъ аббата, и тѣ движенія ревности и негодованія, которыя омрачили-было его ясный, беззаботный взглядъ на міръ и вещи. Онъ высоко цѣнилъ вниманіе женщины, которая такъ возвысила его нравственное чувство, которая указала новое поприще дѣятельной силѣ его духа, которая заставила его возродиться къ совершенно новой жизни... Надолго ли? И не ошибалась ли она? Этихъ вопросовъ ему и въ голову не приходило. Передъ нимъ воздвигались какъ бы въ туманѣ великіе образы греческаго искусства, великіе лики Микель-Анджело, Рафаэля, Веронеза, Рубенса, и этотъ туманъ манилъ его, освѣщаясь все болѣе и болѣе лучами восходящаго дня, по мѣрѣ того, какъ онъ его разглядывалъ; ему хотѣлось совсѣмъ его разсѣять, и онъ жаждалъ скорѣе призвать науку на помощь его непосредственному чувству, которое указывало на прекрасное, но ожидало приговора разума и опыта. Самая природа какъ будто иначе стала говорить съ нимъ, какъ будто все, что̀ его окружало въ этой природѣ, стремилось сказать ему свою тайну, тайну красоты своихъ линій, разнообразія и гармоніи красокъ и тоновъ, тайну жизни, которая одушевляла безчувственный міръ. Онъ увидѣлъ живую картину съ одной стороны—темный палаццо, на которомъ мерцаніе огней освѣщало розетки, каріатиды и аканѳные листья капителей; передъ нимъ мелькающія группы, то освѣщенныя огнемъ, то какъ темные силуэты на яркомъ фонѣ... Онъ задумался надъ другой картиной, гдѣ былъ темный садъ съ его фонтанами, которыхъ вѣчный шумъ, настроенный на одну густую басовую ноту, какъ-то особенно былъ торжественъ, возвышаясь въ интервалы, когда переставала музыка; тамъ долина, синія горы и въ небѣ—ночь, которой тѣнь казалась

чѣмъ-то матеріальнымъ, какъ будто она двигалась въ воздухѣ, и шла таинственнымъ полчищемъ, и занимала постепенно мѣста на землѣ и на небѣ, и на землѣ и на небѣ зажигала сторожевые огни.

Балъ кончился, когда уже было далеко за полночь. Толпы стали давно рѣдѣть. Благочинный и Синичкинъ давно уѣхали. Адвокатъ Gianni накинулъ бурнусъ на Марію Граціа, укуталъ ее шалью, которую захватилъ безъ ея вѣдома, по своей предупредительности, и на прощанье попросилъ Тарнѣева въ сотый разъ показать ему завязку таинственнаго узла.

Марія Граціа дружески пожала руку Тарнѣеву и звала его къ себѣ, приказавъ адвокату дать ему ея адресъ.

— А вы, caro diavoletto, меня совсѣмъ бросили,—говорила ему Клара, которой веселость развилась въ полномъ блескѣ, потому что между поселянами, бывшими на балѣ, замѣшались кой-какіе странствующіе нѣмецкіе пейзажисты, которые заставили забыть недостатокъ кавалеровъ на пикникѣ.—Постойте, я васъ еще завоюю у Маріи Граціа; я еще васъ найду, я отыщу васъ, я съ вами буду жестока, неумолима...

Садъ опустѣлъ; остались только Тарнѣевъ, Горунинъ да Перуцци, который наблюдалъ за слугами, убиравшими въ саду приборы, стаканы и пустыя фіаски и перетаскивавшими на мѣсто стулья, столы, ковры и скамейки.

— Ну, Тарнѣевъ,—сказалъ Горунинъ: — вотъ сегодня мы славно повеселились... Отчего ты пропалъ подъ конецъ вечера? Такъ это странно, что ты прежде всѣхъ опѣшился.

— Усталъ, цѣлый день бѣсился.

— Да кончимъ ужъ и ночь хорошенько... Мнѣ ужасно весело! Это такъ рѣдко бываетъ... выпьемъ еще бутылочку... а потомъ поѣдемъ.

— Пожалуй... только мнѣ бы ужъ хотѣлось скорѣе домой. Я усталъ...

— Не то, Тарнѣевъ, ты не усталъ...

— Я думаю, можно устать, кто столько бѣсился.

— Нѣтъ, ты не усталъ... а сказать ли, что въ тебѣ... я знаю... Новая любовь.

— А вотъ и не угадалъ. У меня особенная идея. Я хочу заняться живописью, и серьезно заняться.

— Ты... хочешь быть художникомъ?

— А отчего же нѣтъ?

— Ничего, учись, учись, это хорошо. Займись живописью.

Въ словахъ Горунина были недовѣрчивость и иронія, которыя сердили Тарнѣева.

Перуцци вполнѣ симпатизировалъ предложенію Горунина,

досталъ вина, сдѣлался очень любезенъ, разсказалъ множество легонькихъ исторій города Флоренціи. Они выѣхали домой, когда солнце уже сіяло на горизонтѣ.

Послѣдняя попойка не произвела никакого дѣйствія на Тарнѣева. Горунинъ повеселѣлъ, сдѣлался сообщительнѣе. Перуцци, какъ сѣлъ въ коляску, такъ и заснулъ.

— Какъ славно, Тарнѣевъ,—тихо и съ разстановкой говорилъ Горунинъ:—какъ славно мы провели день... Вотъ это жизнь... Какъ *ты* хорошъ былъ сегодня! Какъ я люблю тебя, когда ты встрѣчаешься лицомъ къ лицу съ жизнью... Ахъ, Тарнѣевъ! Тарнѣевъ! Да ты самъ себя не понимаешь! Хочешь учиться живописи, быть художникомъ а того не понимаешь, что и безъ того ты величайшій художникъ... тебѣ попалось въ руки самое многообразное искусство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ другія, и ты мастеръ въ томъ искусствѣ, и это искусство жизни!.. Ты ее находилъ и у цыганъ, и въ лѣсахъ твоей деревни, и въ Италіи... Ахъ, Тарнѣевъ, учись себѣ живописи: это благотворное вліяніе твоей новой любви...

— Да совсѣмъ не любви, а я точно чувствую, что я рожденъ художникомъ,—отвѣчалъ съ досадой Тарнѣевъ.

— Э, Тарнѣевъ, да что̀ тебя заставило это почувствовать? Или, лучше, что̀ же навело тебя на эту идею? Это оттого, что ты-то такой славный, и Италія-то на тебя дѣйствуетъ особенно, чудно, изящно дѣйствуетъ!.. Вѣдь у Синичкина такой идеи не родится?.. Учись,—продолжалъ Горунинъ, все болѣе и болѣе уступая дѣйствію вина и не заботясь, что Тарнѣевъ его не слушаетъ.—Теперь ты въ новомъ мірѣ! Живи въ немъ! Живи!.. Хорошо!.. Боже мой! Я-то какая дрянь передъ тобой! А вѣдь меня учили, образовывали! А ты вѣдь не ученъ... а понимаешь все... не гонишься за вѣкомъ... а дальше насъ всѣхъ, мыслителей!.. Чувствуешь раны, да не растравляешь ихъ въ себѣ воображеніемъ, какъ фонтенелью... Эхъ, вы, философія! Политическая экономія! Наша литература, которая разъясняетъ, что̀ во мнѣ дурно... а не укажетъ, что̀ хорошо... унижаетъ сознаніемъ недостатковъ, а не возвышаетъ сознаніемъ доблести... Эхъ, всѣ бы эти великія идеи, всѣ бы эти громкія фразы, которыя растлѣваютъ юную натуру,—все бы это прочь!.. Вотъ и прожили бы всю жизнь такъ, какъ прожили сегодня!

Долго Горунинъ говорилъ на эту тему; коляска подъѣзжала ближе къ городу; утро было блестящее; они проѣхали черезъ Ponte vecchio, выѣхали на Piazza Ducale...

— Ну, вонъ—стоитъ корпѣть съ этихъ поръ Богъ знаетъ надъ чѣмъ!—продолжалъ Горунинъ, указывая на Loggia dei

Lanzi, зданіе, выходящее на площадь портикомъ, подъ которымъ стояли статуи — Юдиѳь Донателло, бронзовый Персей Бенвенуто Челлини, Похищеніе Сабинки Іоанна Болонья...

Передъ этими статуями уже сидѣлъ одинъ сѣдовласый старикъ, въ бѣдномъ холстинномъ сюртукѣ, запачканномъ въ разныхъ мѣстахъ красками, и по частямъ срисовывалъ ножки, ручки, головы; далѣе молодой человѣкъ, небрежно одѣтый, тоже положа папку, подымалъ голову, смотрѣлъ на группу и чертилъ ее.

— Стоитъ убивать жизнь на пустяки, — говорилъ Горунинъ:—если бъ они пожили, какъ мы сегодня... вотъ это жизнь!

— А, синьоръ Джіакопо уже за работой,—сказалъ, зѣвая, проснувшійся Перуцци.—Посмотрите на этого человѣка: онъ былъ богатъ, истратилъ все свое состояніе на путешествія, чтобы видѣть произведенія живописи всѣхъ школъ, и на покупку дорогихъ картинъ. Его обманывали, онъ разорился, впалъ въ нищету. Всю жизнь онъ бьется произвести что-нибудь прекрасное, и хотя пользуется нѣкоторой репутаціей, какъ живописецъ, но вѣчно недоволенъ... Съ нѣкотораго времени онъ впалъ въ совершенное отчаянье и, я думаю, сойдетъ съ ума. Онъ никогда не исполнитъ того, къ чему стремится, и такъ, какъ, по его понятіямъ, должно бы исполнить.

Тарнѣевъ переглянулся съ Горунинымъ.

— Я пьянъ сегодня,—сказалъ Горунинъ.

1848.

VI.

МАРКЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕТРОВЪ.

Разсказъ *).

Горунинъ жилъ уже нѣсколько дней въ одномъ маленькомъ городкѣ, лежащемъ по дорогѣ изъ Болоньи во Флоренцію на отлогостяхъ Аппенинскихъ горъ. Онъ занималъ комнату въ небольшой гостиницѣ Горнаго Орла, которую содержала синьора Маріанна, дородная, съ двойнымъ подбородкомъ, женщина, съ легкими маленькими усиками, несмотря на то, въ свое время, очевидно, красавица. Онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, потому что, вслѣдствіе своей доброты, тотчасъ сдѣлался какъ бы членомъ семейства у сьоры Маріанны, понравившись и ей и сойдясь какъ нельзя лучше и съ двумя дочерьми, и съ большимъ чернымъ котомъ, и съ дворовой избалованной собакой. Его всѣ полюбили; даже молодой осликъ съ молочными розовыми губами, бродившій обыкновенно по двору гостиницы, подымалъ крючкомъ хвостъ и бросался къ нему скачками со всѣхъ четырехъ ногъ, когда Горунинъ сходилъ съ крыльца и выносилъ для него хлѣба или салату. Эти прыжки возбуждали большое неудовольствіе куръ, которыя кидались отъ разыгравшагося простодушнаго четвероногаго съ крикомъ и кудахтаньемъ; ихъ крику отвѣчалъ другой, который подымали изъ кухни служанки гостиницы, потому что тогда и Лучерта, собака, начинала заигрывать съ осликомъ, и они въ вознѣ своей стаскивали бѣлье, развѣшашое на дворѣ на веревкахъ, и топтали его безо всякой бережи. Горунинъ уже осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности городка:

*) По возвращеніи изъ перваго моего путешествія по Италіи я предположилъ высказать мои впечатлѣнія въ рядѣ разсказовъ. Первые два разсказа были напечатаны въ 1848 году. *(Примѣчаніе автора).*

и картину Августина Караччи въ соборѣ, и какую-то старинную арку, и двѣ колонны съ довольно хорошо сохранившимися капителями, вошедшія въ составъ стѣны какой-то конюшни—по изслѣдованію ученыхъ, остатки какого-то храма Сибиллы или Весты—и, наконецъ, какую-то яму или погребъ, гдѣ, сказали ему, найдено было нѣсколько этрусскихъ вазъ и золотыхъ украшеній, хранящихся въ музеѣ въ Римѣ.

Какія дальнѣйшія изслѣдованія по части искусствъ, древностей или народной жизни хотѣлъ здѣсь производить Горунинъ для своихъ ученыхъ цѣлей, въ точности онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета. Можетъ-быть, интимная жизнь хозяекъ гостиницы и сновавшаго около нея народа—конюховъ, факиновъ, ветуриновъ и проч.—могла представляться ему матеріаломъ для изученія нравовъ; но есть сильное подозрѣніе, что не послѣднюю въ этомъ отношеніи роль играла здѣсь одна удивительной красоты черноокая сьора Сусанна, дальняя родственница хозяйки. Едва ли не на ея счетъ должно отнести то, что онъ предложилъ сьорѣ Маріаннѣ не накрывать ему особо стола въ „чистой“ столовой для проѣзжающихъ, а дозволить, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ, раздѣлять общую транезу или во дворикѣ, подъ тѣнистымъ навѣсомъ старой виноградной лозы, или въ хозяйской столовой возлѣ кухни. Кромѣ того, заходилъ онъ, и не разъ въ день, въ самую кухню, огромную комнату съ закоптѣлыми сводами, съ вѣчно отворенными дверьми во дворъ, съ земляннымъ поломъ, съ очагомъ, находившимся прямо противъ дверей. Жизнь всего дома, главнымъ образомъ, сосредоточивалась тутъ: весь женскій персоналъ его тутъ и бѣлье гладилъ, и стряпалъ, и шитьемъ занимался. Горунинъ или перекидывался съ ними шутками, или молча сидѣлъ въ углу и мечталъ, какъ бы хорошо было провести всю свою жизнь здѣсь, посреди простыхъ людей, вдали отъ шума и волненій міра, причемъ невольно взглядывалъ на Сусанну, помогавшую хозяйкамъ въ ихъ домашнихъ работахъ. Намѣренія его были самыя чистыя и возвышенныя; къ сожалѣнію, не всѣ ихъ такъ понимали, и нѣкоторые проницательные люди полагали, что у него нѣчто недоброе на умѣ.

Первый, кто возымѣлъ это подозрѣніе, былъ нѣкто, извѣстный въ городѣ подъ именемъ „друга Меркуціо“, одинъ изъ обычныхъ посѣтителей кофейни, куда заходилъ Горунинъ отъ-нечего-дѣлать раза два въ день выпить чашку чернаго кофе. „Другомъ Меркуціо“ онъ назывался потому, что былъ еще „другъ Пьетро“, его неразлучный товарищъ, хотя совершенно противоположныхъ ему качествъ какъ физическихъ,

такъ и нравственныхъ, въ чемъ Горунинъ убѣдился съ перваго же знакомства съ обоими друзьями. Другъ Пьетро сидѣлъ всегда неподвижно на своемъ соломенномъ стулѣ, подъ сѣнью виноградной лозы, лицомъ къ собору, спиною къ наружной стѣнѣ кофейни, покуривалъ изъ своей коротенькой трубочки, говорилъ очень мало, но пользовался большимъ уваженіемъ своихъ согражданъ за совершенные имъ подвиги въ походѣ Наполеона въ Россію и за долгое пребываніе въ плѣну въ нашемъ отечествѣ. Ремесломъ былъ когда-то бочаръ и самъ отчасти походилъ на свои произведенія. Горунину онъ представлялъ тотъ интересъ, что хорошо относился о Россіи и очень былъ доволенъ своимъ плѣномъ. „Brava gente, brava gente, i Russi“,—вотъ формула, въ которую онъ заключалъ всѣ свои вынесенныя изъ Россіи воспоминанія и впечатлѣнія; впрочемъ, онъ болѣе ихъ продумывалъ, глядя на Горунина, а не высказывалъ вслухъ. За него говорилъ другъ Меркуціо,—всегда ли одинаково объ одномъ и томъ же событіи — неизвѣстно; онъ былъ вообще за всѣхъ говорящее лицо въ этой компаніи: только иногда присаживался на стулъ, а то всегда стоялъ передъ собесѣдниками, поминутно оглядываясь то въ ту, то въ другую сторону площади. Тонкій, худой, юркій малый,—чего-чего только онъ не зналъ! Слушая его разсказы и сужденія политическія, историческія и даже научныя, Горунинъ никакъ не могъ составить себѣ представленіе о томъ, какого рода жизнь провелъ этотъ субъектъ, какими ремеслами занимался, около какихъ общественныхъ сферъ онъ вращался. Не только всѣ тайны города, особенно по женской части, онъ сообщалъ Горунину по мѣрѣ того, какъ та или другая особа этого пола появлялась на площади, но и всѣ придворныя дѣла и сплетни Тосканскаго и Неаполитанскаго двора, а равно и губернаторовъ австрійскихъ Венеціи и Милана; тайны же Ватикана, кардиналовъ и ихъ племянницъ, папы Григорія и его цырюльника—разсказывалъ онъ, какъ будто былъ очевидцемъ или участникомъ этой жизни, для смертныхъ покрытой непроницаемымъ покровомъ. На языкъ нельзя сказать, чтобы былъ воздержанъ, за что получалъ или укоръ, или толчокъ отъ друга Пьетро.

О собственныхъ похожденіяхъ Меркуціо распространялся, впрочемъ, немного, развѣ что̀ придется къ слову. Такъ, оказалось, что папа хотѣлъ его разъ за что-то повѣсить, и Неаполитанскій король порядочно-таки выдержалъ въ тюрьмѣ, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы еще тогда кончилось, если бъ онъ не сумѣлъ выскользнуть изъ тюрьмы, вслѣдствіе чего и продолжаетъ еще „goder del lume di ciel“ (наслаждаться свѣтомъ

небесъ). Конечно, интереснѣйшимъ предметомъ разговоровъ для всѣхъ троихъ собесѣдниковъ были событія дня, современное состояніе Папской области и всей южной Италіи, еще не успокоившейся послѣ подавленія болонскихъ безпорядковъ; разумѣется также, что объ нихъ говорилось шопотомъ, и сьоръ Пьетро постоянно обводилъ глазами кругомъ площади и, какъ только на горизонтѣ появлялась шляпа въ родѣ донъ-Базиліевой или что-нибудь другое подозрительное, онъ стучалъ трубочкой по столу, и оба пріятеля смолкали и начинали креститься на соборъ. Дѣло въ томъ, что возставшая партія послѣ погрома разсѣялась въ горахъ, гдѣ не угасало исконное разбойничество, на нѣкоторое время усмиренное было французами, а теперь снова обнаружившееся съ особенною дерзостью. Безъ сомнѣнія, для Горунина эти разговоры представляли особенный интересъ, только опять-таки трудно ему было опредѣлить съ достовѣрностью, чьей стороны держатся его собесѣдники: паписты они, революціонеры, или, пожалуй, даже не разбойники ли? Что они ему иногда безсовѣстнѣйшимъ образомъ въ глаза лгали, это было несомнѣнно, особенно другъ Меркуціо; тѣмъ не менѣе онъ убѣдился, что инсургенты имѣютъ въ городѣ большую сочувствующую имъ партію, поддерживающую съ ними сношенія; предпринимались, напримѣръ, экспедиціи въ горы, о которыхъ знали, казалось, только кардиналъ-намѣстникъ да начальникъ отряда,—глядь, анъ въ горахъ тотчасъ же все извѣстно, тамъ принимались свои мѣры, и экспедиціи постоянно кончались — фіаско. По нѣкоторымъ признакамъ, другъ Меркуціо тутъ не былъ совсѣмъ въ сторонѣ, но Горунинъ изъ деликатности и отчасти осторожности никогда не касался этого пункта.

Такъ вотъ этотъ-то „другъ Меркуціо“ и возымѣлъ, повидимому, подозрѣнія насчетъ Горунина и чувствъ его къ сьорѣ Сусаннѣ: по крайней мѣрѣ онъ не пропускалъ случая при разговорѣ какъ-нибудь упомянуть ея имя, причемъ бросалъ быстрый, проницательный взглядъ на Горунина, нерѣдко его заставлявшій покраснѣть.

Такъ, въ тотъ достопамятный день, когда случилось происшествіе, о которомъ я хочу разсказать, всѣ они трое сидѣли у кофейни; въ городъ вступилъ отрядъ папскихъ войскъ, произвелъ на площади маленькое ученіе и спустился въ какой-то переулокъ. Друзья Пьетро и Меркуціо, вмѣстѣ съ высыпавшимъ отовсюду населеніемъ, оглушительнѣйшими голосами прокричали: „evviva“, подкидывая колпаки и шляпы въ воздухъ. Когда они возвратились къ своимъ мѣстамъ, Го-

рунинъ вздумалъ со своей стороны сконфузить друга Меркуціо и спросилъ:

— А вѣдь, если бъ это отрядъ инсургентовъ вступилъ въ городъ, вы такъ же бы кричали и шляпы подкидывали?

Другъ Меркуціо, всегда сопровождавшій, или, лучше сказать, иллюстрировавшій свою рѣчь извѣстными условными въ Италіи жестами и гримасами, вытаращилъ глаза, выпятилъ нижнюю губу, прижалъ ко рту палецъ, вздернулъ плечами и проговорилъ таинственно:

— Чего жъ вы хотите, синьоръ, живемъ на вулканѣ!.. Ничего не знаемъ, что̀ дѣлается въ мірѣ. Да и знать ничего нельзя. Изъ города ни выйти никто не смѣетъ, ни войти—развѣ пріѣзжіе иностранцы, да и то съ большими непріятностями. Я вотъ ужъ два дня посидѣлъ in carcere, въ кутузкѣ,—при этомъ Меркуціо приложилъ къ лицу кисть лѣвой руки ладонью наружу, разставивъ передъ глазами пальцы, долженствовавшіе изображать тюремную оконную рѣшетку,—и за что? За то только, что къ кумѣ хотѣлъ сбѣгать въ Кампанью, отнести ей пару башмаковъ! Скверныя времена, синьоръ. Да вотъ,—продолжалъ онъ, какъ бы спохватившись:—живетъ у насъ здѣсь женщина—вы ее знаете—у вашей хозяйки живетъ—сьора Сусанна: мужъ во Флоренціи, должна была бы ужъ давно къ нему уѣхать: не пускаютъ! За ней слѣдятъ, за женщиной!

И при этомъ онъ опять устремилъ свой пронзительный взглядъ прямо въ глаза Горунину и выпятилъ нижнюю губу.

Горунинъ опять покраснѣлъ, но и подумалъ:

„Однако что̀ жъ это онъ все объ Сусаннѣ да объ Сусаннѣ... Чортъ вѣдь ихъ знаетъ, эти итальянцы... Такъ всегда посмотритъ, точно что̀ сказать имѣетъ... Можетъ-быть, и ремесло его такое... Но Сусанна—неужели Сусанна совсѣмъ не то, что̀ я думаю!..“

Изъ этого затруднительнаго положенія, по счастью для Горунина и для его возвышеннаго образа мыслей, вывелъ его появившійся на площади нѣкоторый субъектъ, обратившій на себя вниманіе всѣхъ троихъ собесѣдниковъ.

Изъ переулка, изъ-за собора поднялся и, сгорбясь, медленно и большими шагами, черезъ площадь, по направленію къ остеріи, шелъ господинъ въ старой изъ чернаго плиса кватроченті̀ (родъ пальто, какія носятъ теперь художники въ Италіи, воскресивъ моду XIV столѣтія), въ сѣрой съ широкими полями шляпѣ, тоже во вкусѣ Возрожденія.

Меркуціо стремительно нагнулся къ Горунину.

— Вы его въ первый разъ видите?.. Не мудрено: спитъ,

когда люди бодрствуютъ, e vice versa. Теперь засѣдетъ въ остеріи, пожалуй, тамъ же и заснетъ до утра; развѣ кто отведетъ домой. А спитъ и дома такъ, не раздѣваясь. Весь оттого въ пуху. Кто такой—не можемъ узнать. Художникъ-то художникъ—это видно, ужъ такъ одѣтъ. Только какой націи—не признать навѣрное. Вотъ вы бы зашли, посмотрѣли бы въ остерію: не соотечественникъ ли вашъ, не русскій ли? Мнѣ что-то сдается, что русскій. Квартируетъ у Кіоруччи. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ—у тѣхъ ужъ извѣстно—утромъ café au lait, а этому—рюмку абсенту. У тѣхъ—чтобы всякій день прибрано было въ комнатѣ и окна отворены; этотъ не велитъ ни убирать ни оконъ отворять. Говоритъ по-итальянски чисто. Я ужъ около него и такъ и сякъ: обругалъ: „vatte ne al diavolo, anima dannata“ (убирайся къ чорту, проклятый), отчеканилъ, какъ нельзя лучше, чисто, какъ транстеверинецъ.

Мысль, что это русскій—и въ такомъ жалкомъ видѣ—поразила Горунина и не давала ему покоя. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и разспросовъ, которые не прибавили никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о заинтересовавшемъ его субъектѣ, Горунинъ рѣшился пойти въ остерію.

„Непремѣнно долженъ быть русскій“,—подумалъ онъ, войдя въ комнату и окинувъ взглядомъ художника. Онъ присѣлъ къ большому столу прямо противъ незнакомца. На поклонъ его тотъ не отвѣчалъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, углубленный въ глотаніе макаронъ. Видно было, что онъ давно не брился: борода, по крайней мѣрѣ, двухнедѣльная, рыжеватой щетиной высыпала на подбородкѣ и щекахъ; нѣсколько потемнѣе цвѣтомъ усы; онъ, очевидно, носилъ ужъ давно усы, но они безпорядочно торчали во всѣ стороны. Можно было заключить, что и безъ того небольшіе сѣрые глаза его еще болѣе сузились и помутились, потому что все лицо его вздулось, а щеки и вѣки отекли отъ продолжительнаго покоя и пьянства.

— Скверное вино въ этой сторонѣ,—сказалъ Горунинъ по-итальянски, чтобы какъ-нибудь завязать разговоръ.—Вы, кажется, не здѣшній?

Незнакомецъ посмотрѣлъ на него однимъ глазомъ и опять занялся макаронами.

— Вотъ я тоже живу здѣсь нѣсколько дней, и странно, что встрѣчаюсь съ вами въ первый разъ, а городокъ небольшой,—продолжалъ Горунинъ, но тотъ ужъ и глазъ не подымалъ. Горунинъ нѣсколько опѣшилъ. Вдругъ ему блеснула мысль: заговорить по-русски.

— Если я не ошибаюсь, мнѣ кажется, вы русскій?—спросилъ онъ.

Незнакомецъ опять поглядѣлъ на него однимъ глазомъ и отвѣтилъ съ чистымъ русскимъ произношеніемъ:

— Нѣтъ, не русскій.

— А какъ же, вѣдь вы говорите по-русски?

Незнакомецъ не подымалъ лица отъ своей тарелки.

Горунинъ попробовалъ еще что-то сказать, спросить, но, не получивъ никакого отвѣта, съѣлъ поданную ему котлету и рѣшился возвратиться къ „друзьямъ“, ожидавшимъ его у кофейни.

Они еще сидѣли тамъ, но съ ними оказалось еще третье лицо: красивый парень лѣтъ тридцати пяти. Хотя вообще можно было увидать съ перваго взгляда, что онъ принадлежитъ къ тому же сословію, какъ и друзья Пьетро и Меркуціо, но отличался отъ нихъ необыкновеннымъ благообразіемъ, спокойствіемъ и даже важностью своихъ манеръ, несмотря на нѣкоторую странность въ костюмѣ, который былъ какой-то сборный: обыкновенная въ народѣ въ Папской области плисовая бутылочнаго цвѣта полная куртка, а панталоны изъ тонкаго чернаго трико, составлявшія, очевидно, часть фрачной пары какого-нибудь свѣтскаго человѣка; на шеѣ какой-то щегольской, дорогой шелковый шарфъ яркаго краснаго цвѣта съ желтыми узорами, ужъ никакъ не гармонировавшій съ надѣтыми на босую ногу калошами. Главное же отличіе его физіономіи заключалось въ томъ, что онъ имѣлъ длинную, тщательно расчесанную бороду и длинные густые волосы, картинно ниспадавшіе на плечи, съ проборомъ по серединѣ головы. Это новое лицо само отрекомендовалось Горунину:

— Имѣлъ удовольствіе видѣть эччеленцу въ студіи del signor Iwanoff въ Римѣ... Маникуччи — можетъ-быть, слыхали? — пояснилъ онъ, приподымая шляпу съ легкимъ поклономъ, — faccio il modello — натурщикъ. Il celebre Ovrabecco di Monaco—Овербекъ, знаменитый мюнхенскій живописецъ, всѣ свои священные лики съ меня писалъ. Знаменитый французскій Деларосъ...

Но на „Деларосѣ“ (Деларошѣ) вдругъ остановился Маникуччи, снялъ съ головы широкую, перевязанную голубою съ развѣвающимися концами лентою шляпу и глядѣлъ, охваченный внезапнымъ изумленіемъ, по направленію къ остеріи. Въ дверяхъ остеріи показался заинтересовавшій Горунина незнакомецъ, постоялъ въ дверяхъ, какъ бы раздумывая, куда бы пойти, но, повидимому, ни на что не рѣшился и повернулъ опять назадъ въ остерію.

— Браво! Синьоръ Марко здѣсь!—воскликнулъ Маникуччи и бросился-было къ остеріи, но тотчасъ же остановился въ своемъ порывѣ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, возвращаясь къ друзьямъ. — Прежде надобно навести нѣкоторыя справки. Давно онъ здѣсь?

— Больше недѣли.

— Что же дѣлаетъ, пьетъ?

— Пьетъ.

— Ну, такъ тутъ надо осторожно. Когда онъ въ такой полосѣ, то лучше guarda e passa: „взгляни и иди мимо“, какъ говаривалъ, ходя по выставкамъ, знаменитый Корнеліушъ...

Меркуціо давно былъ самъ не свой, какъ только увидалъ, что отъ Маникуччи можно получить свѣдѣнія о художникѣ.

— Такъ ты его знаешь? Ah, che felicità! Какое счастье!

Маникуччи самодовольно улыбнулся.

— Я-то знаю ли! Могу спросить: кого я не знаю, и кто меня не знаетъ въ артистическомъ мірѣ? А сьоръ Марко, что есть натурщиковъ, только меня и цѣнитъ и признаётъ. Другого олуха ломаютъ, ломаютъ, „руку повыше, ногу отставь, гляди въ потолокъ, да будь повеселѣе“, установятъ какъ-нибудь, и стоитъ какъ деревянный манкенъ. Душу надо имѣть, геній — ingenio! Мнѣ только стоитъ взглянуть на эскизъ — сейчасъ понялъ. Преобразился весь. Встань Аполлономъ — ну, и Аполлонъ передъ вами: грація, свѣтъ, гармонія, однимъ словомъ, богъ! Короли, апостолы, пророки, напримѣръ, Илія — и грозное чело, и громы, и молніи!.. Въ каждомъ своя идея! Потомъ — страсти, аффекты души: гнѣвъ, ненависть, презрѣніе.—И съ величайшей быстротой послѣдовательно онъ придавалъ своему подвижному лицу всѣ эти выраженія.—Надобно, чтобъ не только лицо, каждый мускулъ тѣла стоялъ въ гармоніи съ выраженіемъ физіономіи... постановка ногъ, сгибъ рукъ, наклонъ туловища... Опять мимика...

Меркуціо терялъ терпѣніе.

— Ну, да про него-то, про него-то разсказывай! *Сьоръ Марко* ты назвалъ его,—жалобнымъ голосомъ перебилъ онъ вошедшаго въ азартъ Маникуччи.

— О! Un Michel Angelo russo! Русскій Микель-Анджело!— воскликнулъ послѣдній, замахавъ руками, и, какъ высшую степень своей похвалы, добавилъ, поднявъ вверхъ брови и указательный палецъ:—molto stimato dal' suo imperatore — весьма уважаемый своимъ императоромъ! Деньги и заказы

къ нему такъ и валятъ! Въ Римѣ всѣ его знаютъ. Выйдетъ изъ студіи — мальчишки, дѣвчонки, кто откуда:“ — „здравствуйте, сьоръ Марко, здравствуйте, сьоръ Марко! — „Ah! canaglia!“—и сейчасъ въ толпу горсть монетъ, что только захватитъ въ карманѣ. Доволенъ онъ тобою, понялъ ты его,— вонъ, говоритъ, въ комодѣ. возьми, сколько надо! Ну, а не потрафилъ, или вотъ этакая, какъ теперь, полоса найдетъ, такъ упаси Господи!

— Что же?

— Да что только подъ руку попало. Я одинъ разъ съ мѣсяцъ въ больницѣ пролежалъ: молоткомъ пустилъ прямо въ голову. Большой заказъ былъ. Эскизъ вышелъ—великолѣпіе. Глиной обложилъ, ужъ отдѣлывать началъ. Работаемъ весело. Только прихожу разъ, смотрю въ мастерской — гдѣ голова, гдѣ рука, самъ свирѣпствуетъ: каркасъ молоткомъ добиваетъ... „Сьоръ Марко! Что вы дѣлаете?“ — „И ты тутъ, говоритъ, мошенникъ“,—да и какъ пуститъ въ меня молоткомъ-то, темя проломилъ. Занепонравилась работа.

— Ну, что жъ ты-то?

— Что? Упалъ, кровью обливаюсь, а онъ-то ко мнѣ: „ахъ, ахъ, ахъ, Маникученько, миленькій... воды, доктора“,—въ больницу перевезли, дня три самъ просидѣлъ около меня, не отходилъ. Каждый день потомъ лакомства носилъ. Надо сказать, что этотъ случай намъ обоимъ къ счастью послужилъ.

— Ну, да, конечно, онъ тебѣ хорошо заплатилъ,—глубокомысленно замѣтилъ другъ Пьетро.

— Заплатить-то мнѣ, положимъ, заплатилъ, хоть я и не требовалъ по любви моей къ нему и изъ уваженія къ великому таланту, но самъ-то онъ послѣ этакого несчастія одумался, хлопоча около меня, а то недѣли бы на три запилъ, а это ему вредно, очень вредно, и такъ ужъ у него дурной кашель. А главное, какая потомъ группа, я вамъ скажу, вышла, вмѣсто разбитой—сама жизнь! И какъ разъ сюжетъ-то былъ „Смерть Гектора“.

„Интересная личность, — подумалъ Горунинъ:—жаль, что не удалось мнѣ въ нимъ сойтись. Впрочемъ, утро вечера мудренѣе...“ Горунинъ хоть терпѣть не могъ говорить пословицами, однако на этотъ разъ прибѣгъ къ поговоркѣ, потому что она оправдывала его желаніе пойти къ хозяйкамъ, которыя, вѣрно, ждали его ужинать. Колоколъ уже ударилъ къ Ave Maria. Другъ Пьетро и другъ Меркуціо перекрестились, преклонили колѣна передъ соборомъ и сѣли опять на свои мѣста, переговаривались съ проходившими женщинами, дѣвчонками и разными гражданами городка, освѣдомляясь, кто

откуда идетъ и куда, и зачѣмъ, обвиняя во лжи однихъ, подтрунивая надъ другими и сообщая другу другу замѣчанія о третьихъ. Развѣ только въѣдетъ запоздалый ветуринъ въ городъ, друзья встанутъ со своихъ мѣстъ и, заложивъ руки—другъ Пьетро въ карманы панталонъ, а другъ Меркуціо только большими пальцами въ карманы жилета,—подойдутъ къ его „миланскому“ экипажу, потрогаютъ шляпу, здороваясь съ ветуриномъ, и станутъ разсматривать его добычу—усталыхъ путешественниковъ, которые вылѣзаютъ разбитыми ногами изъ экипажа и съ зѣвотой распрямляютъ усталые члены.

Горунинъ съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время въ домѣ своихъ хозяекъ.

Двѣ дочери сьоры Маріанны были: одна, Аврора, уже совсѣмъ сформировавшаяся дѣвушка семнадцати лѣтъ, того типа итальянокъ, которыя такъ убѣждены въ побѣдоносности своей красоты, что не считаютъ нужнымъ дѣлать какое-нибудь умственное усиліе, сидятъ, апатично сложивъ на груди руки, и едва вамъ отвѣчаютъ, и то только жестами, поднятіемъ плечъ, прищелкиваніемъ языкомъ, односложными: „ma giusto ma chè!“ „Любуйся, молъ, мною и не заставляй говорить“. Зато сестра ея, дѣвочка лѣтъ десяти, была совершенная противоположность: къ ея дѣтской рѣзвости и живости уже присоединялась какая-то страстность; взоръ ея выражалъ, что она понимаетъ и способна чувствовать многое, что̀ еще очень темно для нашихъ, напримѣръ, дѣвочекъ ея лѣтъ. На сестру она уже смотрѣла съ нѣкоторой завистью и себѣ на умѣ. Когда Горунинъ или кто-нибудь другой говорилъ любезности Аврорѣ, маленькая Анджелика уходила въ уголъ, закусывала губки и, смотря на сестру, дѣлала ей презрительную гримасу: „Погоди, погоди! Еще годъ, еще два, увидимъ, кому будутъ больше говорить милыхъ вещей... Ишь вѣдь сидитъ, не улыбнется даже... телятина!“ Горунина она очень полюбила за то, что онъ говорилъ съ нею, какъ съ большой, но сажалъ къ себѣ на колѣни и цѣловалъ, какъ ребенка—и она, когда никого не было въ комнатѣ, крѣпко обвивала его шею своими загорѣлыми ручонками.

Насчетъ сьоры Сусанны едва ли ужъ въ это время не были основательны подозрѣнія друга Меркуціо, хотя совсѣмъ безъ того оттѣнка, который придавалъ онъ своимъ плебейскимъ воображеніемъ чувствамъ Горунина, впрочемъ, еще неяснымъ для него самого. Сусанна было чисто-римскаго типа молодая женщина. Строгій, правильный профиль, умные глаза, лицо, выражавшее твердую, непреклонную волю. Горунинъ въ ней

чувствовалъ могучее клокочущее пламя, не смѣющее вырваться наружу. Онъ сравнивалъ ее съ Агриппиной Старшей: но, чтобы дать ей почувствовать всю прелесть и остроуміе своего сравненія, долженъ былъ ей разсказать исторію Агриппины и обрисовать ея личность, потому что Сусанна никогда ничего не слыхала объ Агриппинѣ. Одно только въ ней не подходило подъ этотъ типъ: это ея природная веселость. Веселость эта рѣшительно противорѣчила идеалу, который онъ составилъ себѣ о древнихъ женщинахъ и древнихъ людяхъ вообще. Они всѣ представлялись ему цѣльными олицетвореніями добродѣтелей или пороковъ, какъ лица въ классическихъ трагедіяхъ. Агриппину онъ воображалъ себѣ не иначе, какъ одерживающею побѣду надъ германцами, мчащеюся на колесницѣ впереди своихъ легіоновъ, или какъ шествующею по городамъ и селамъ съ драгоцѣнною урной, съ пепломъ ея мужа, и однимъ своимъ видомъ возбуждающею народную скорбь. Онъ не могъ себѣ представить, чтобъ Агриппина смѣялась и шутила въ кругу близкихъ и знакомыхъ, и если есть свидѣтельства, что римскія матроны, въ челѣ своихъ рабынь, пряли ленъ, то это, казалось ему, онѣ дѣлали съ тою же важностью, съ какою сенаторы засѣдали въ сенатѣ. Но зато иногда бурная веселость Сусанны, ясная игривость ея характера питали въ душѣ его нѣкоторыя неопредѣленныя надежды. „Въ ней есть и новый элементъ,—говорилъ онъ себѣ,—можетъ-быть, примѣсь тевтонской или галльской крови“—и потому охотно пускался съ нею въ разсужденія о новѣйшихъ современныхъ открытіяхъ ума человѣческаго, что, напримѣръ, минутное увлеченіе, капризъ не есть измѣна долгу, и что святость супружескихъ отношеній отъ нихъ нисколько не пострадаетъ; это— бокалъ шампанскаго, маленькая оргія, въ которой художнику жизни даже грѣшно себѣ отказывать. Сусанна при этомъ смотрѣла на него такъ, какъ будто хотѣла сказать, что она „все сіе“ разумѣетъ лучше его. „Скрытое-то пламя“ давало себя чувствовать! Горунинъ ужъ немножко торжествовалъ. Онъ думалъ:

„Эти южныя натуры! Ихъ только надо умѣть увлечь, пробудить въ нихъ энтузіазмъ!“

И ему показалось, что въ этотъ вечеръ ему удалось и увлечь и пробудить энтузіазмъ: во время ужина она была необыкновенна задумчива; разсѣянный взглядъ ея постоянно на немъ останавливался... На прощанье она крѣпко сжала ему руку, казалось, хотѣла что-то сказать, но бдительная синьора Маріанна уже стояла подлѣ Горунина со связкой ключей и готовилась со свѣчой проводить своего постояльца въ его комнату.

— Пожелайте спокойной ночи синьору,—сказала она дѣтямъ,—и ступайте по угламъ.

Горунинъ удалился въ свою комнату. Онъ былъ въ необыкновенномъ состояніи духа... Рукѣ его все еще чувствовалось пожатіе нѣжной руки Сусанны. Передъ глазами ни на минуту не исчезали ея большіе черные глаза, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ устремлявшіе на него какой-то, какъ онъ толковалъ себѣ, „тоскливо призывающій“ взглядъ... Куда же они зовутъ его? Къ чему все это можетъ повести?.. О, что объ этомъ думать! „Настоящее, настоящее!—повторялъ онъ,—жизнь вдругъ такъ хорошо обстановилась... Я нахожусь теперь подъ вліяніемъ реальныхъ впечатлѣній—они идутъ въ меня извнѣ; это не созданіе болѣзненно настроеннаго воображенія, не фантасмагорія неудовлетворенной жажды жизни, это сама жизнь охватываетъ меня своей волною, какъ морской приливъ, и влечетъ, влечетъ... Но какъ человѣкъ, какъ существо разумное, какъ сынъ XIX вѣка, я все это чувствую, понимаю и осмысливаю...“ Это все онъ продумывалъ, ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ, и вдругъ остановился у отвореннаго окна... Закатъ еще не погасъ. На дальнемъ горизонтѣ, надъ цѣпью плавныхъ, пологихъ вершинъ Аппенинъ, точно высѣченныхъ изъ прозрачнаго лиловаго аметиста, сіялъ край неба полосами — внизу ярко-оранжеваго цвѣта, переходившаго потомъ въ желтый, потомъ зеленоватый, который сливался съ потемнѣвшей лазурью остального неба, плыли, принимая образы сфинксовъ, драконовъ или просто безконечной длинной линіей, въ родѣ меча-рыбы, обрывки облаковъ—тамъ, внизу темно-лиловаго цвѣта, а высоко надъ головою его—маленькими клочками розовой кисеи... Безконечно казалось пространство, отдѣлявшее Горунина отъ этого аметистоваго и золотого царства, мимо котораго какъ будто только проходила наша планета; безконечно казалось это пространство, затопленное холоднымъ туманомъ, изъ котораго подымались только профили холмовъ со своими кипарисами, пиніями и кое-гдѣ кучками домиковъ и башенокъ—какъ острова на этомъ сѣромъ морѣ... Горунинъ смотрѣлъ, Горунинъ слушалъ... Обычный шумъ городка, отходящаго ко сну, запоздалые шаги, плачъ осла и гиканье погонщика, звонъ бубенчиковъ и топотъ муловъ, переходившихъ съ вьюками гору, звучный плескъ городского фонтана. Мало-по-малу все исчезло передъ нимъ: онъ одинъ наполнялъ своею личностью, своей широкой симпатіей, этотъ дивный міръ. Онъ это понималъ, онъ это чувствовалъ, грудь его вздымалась медленнѣе, но сильнѣе... уста шептали... что-то гармоничное, даже по-

хожее на стихъ... да! шестистопный и очень недурной ямбъ: „вы спите въ тишинѣ, подъ сѣнью Аппенинъ“... Стихъ? Стихъ! А вотъ навертывался и слѣдующій: „потомки мирные воинственныхъ Омброновъ...“ „Омброновъ“, какъ хорошо!.. Мелькала и риѳма: „лимоновъ“... Старая привычка проснулась— онъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ бросилъ писать стихи... „Неужели опять Муза!.. Да! Муза и любовь... о, блаженство!..“ Поскорѣе зажегъ онъ свѣчу, вынулъ дорожную книжку, записалъ эти стихи. За ними пошло дальше, и черезъ полчаса вышло цѣлое стихотвореніе:

„Вы спите въ тишинѣ подъ сѣнью Аппенинъ,
Потомки мирные воинственныхъ Омброновъ!
Вы спите. Ночь тиха; съ темнѣющихъ долинъ
Несется ароматъ ясминовъ и лимоновъ...
Въ васъ нѣтъ шальныхъ страстей великихъ городовъ,
Ни безполезныхъ мукъ, ни козней хитрецовъ,
Вамъ чужды блескъ и шумъ, и цѣпи, и темницы...
А я—я бодрствую... Воспитанникъ столицы,
Одинъ за всѣхъ за васъ, одинъ я сознаю,
Что ночь ясна, что я—живу, что я... люблю!“

Хотя послѣдній стихъ и казался нѣсколько неловкимъ, непріятно ломающимся на три кусочка,—но онъ помирился съ нимъ: такъ ужъ, молъ, „вылилось“... Главное искренность и правда въ поэзіи... конечно, и звучный стихъ... Стихи же звучны?.. а я-то? Развѣ я не искренень? Развѣ настроеніе мое поддѣльное?.. Это сама жизнь вырываетъ изъ души моей такой аккордъ...

Не вините, читатель, Горунина! Большинство людей и даже очень глубокомысленныхъ критиковъ полагаютъ, что великія творенія рождаются тутъ же, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ и „выливаются“ какъ одинъ аккордъ, и что въ этомъ аккордѣ все хорошо: и лимоны, и хитрецы, и воспитанники...

Горунинъ такъ былъ погруженъ въ гармонію этого своего аккорда, что не слыхалъ, какъ отворилась дверь и кто-то къ нему подошелъ. Онъ замѣтилъ присутствіе въ комнатѣ другого существа только тогда, когда это существо слегка прикоснулось къ его плечу...

— Сусанна!

— Тсс! Молчите...—прошептала она, быстро кругомъ оглядываясь.

Она была безъ своего бѣлаго покрывала, которое всегда носила на головѣ, окутана въ темную шаль, завязанную концами назади и чудесно обрисовывавшую ея талію и высокую, полную грудь...

— Чего же вы испугались?—сказала она, какъ будто довольная удачею своей шалости и любуясь на испугъ Горунина, который вскочилъ со своего стула и смотрѣлъ на нее совсѣмъ растерянный.

— Сусанна... Сусанна... О, какое счастье!.. — задыхаясь, только и могъ произнести Горунинъ, приходя въ себя.—Я, признаюсь, писалъ и не думалъ.

— Такъ я уйду, если вамъ помѣшала...

Она сдѣлала движеніе по направленію къ двери.

Горунинъ схватилъ ее за руку.

— Ради Бога! Нѣтъ! Останьтесь!.. Какъ можно...

— Я пришла къ вамъ,—сказала она, садясь и вдругъ принимая серьезный видъ:—только сказать, чтобы вы не смѣли цѣловать эту гадкую Анджелику. Это нехорошо. Никто не цѣлуетъ дѣвочекъ ея лѣтъ. И ей стыдно.

— Я не зналъ, что это вамъ можетъ не нравиться,—отвѣчалъ Горунинъ, въ этомъ приступѣ къ разговору прозрѣвая нѣчто другое, болѣе для него лестное,—но я не буду—если вы не хотите...

— Я не могу у васъ оставаться долѣе одной минуты... За мной всѣ слѣдятъ... за мной всѣ смотрятъ. Каждый мой шагъ, каждое слово замѣчено и растолковано языками Богъ знаетъ какъ. Я окружена шпіонами... Я — несчастнѣйшая женщина!

Горунинъ приблизился къ ней, взялъ ее за руку, смотрѣлъ ей въ глаза. Она взглянула на него, потомъ отвела взоръ и устремила его въ окно на синюю даль.

— Боже мой!—говорилъ Горунинъ, все еще держа ее за руку и смотря на нее: — неужели и здѣсь, въ этомъ раю— тѣ же цѣпи на бѣдной женщинѣ...

— Вотъ что̀,—вдругъ какъ бы очнувшись, рѣшительно сказала Сусанна, вставая: — увезите меня къ мужу!.. То, что теперь я у васъ—это ужъ навѣрно всѣ узна̀ютъ,—за дверью, пожалуй, ужъ и подслушиваютъ. Вы — иностранецъ, вамъ выѣздъ свободенъ.

Горунинъ быстро взглянулъ за дверь, заложилъ задвижку, быстро подошелъ къ Сусаннѣ, поднесъ къ устамъ ея руку, обнялъ ея станъ и шепталъ:

— Никого нѣтъ! Никого нѣтъ!

— Хотите увезти меня во Флоренцію, къ мужу?

— Хоть на край свѣта!

— Такъ, не теряя времени, достаньте лошадей. Завтра, чѣмъ свѣтъ, я буду ждать за городскими воротами, на второмъ поворотѣ, гдѣ развалины старой башни. Выѣзжайте,

какъ только станетъ свѣтать. А здѣсь пусть говорятъ, что̀ хотятъ... что убѣжала съ вами... Мнѣ все равно... Устроите?

— Устрою, устрою!.. Все сдѣлаю... но не уходите теперь... Поговоримъ еще... всѣ спятъ...

— Нельзя!—прошептала она, граціозно погрозивъ пальцемъ и приложивъ его къ губамъ. — Такъ помните—второй поворотъ, старая башня.

Горунинъ цѣловалъ ея руку, хотѣлъ поцѣловать плечо, обнажившееся отъ сдернувшейся съ него шали, но она съ подавленнымъ смѣхомъ вырвалась изъ его объятій, оказавшись въ борьбѣ гораздо сильнѣе его — и со словами: „достаньте лошадей — ветуринъ, почта, что̀ хотите... Лучше, впрочемъ, ветуринъ“, отдернула задвижку и скрылась за дверью.

Горунинъ, задыхаясь, упалъ на диванъ... Что̀ это такое было?.. Онъ смотрѣлъ на стулъ, гдѣ она сидѣла, на то мѣсто, гдѣ стояла, тутъ подлѣ него... на всѣ предметы, которыхъ коснулась: всѣ они какъ будто повторяли ея слова, какъ будто были взволнованы отъ ея прикосновенія—и бумаги его грустно зашептали, когда она затворила дверь, и занавѣсъ кровати увлекся къ двери, чтобы ее опутать и удержать; особенно свѣча, огонь которой, видно наскучившись видѣть все одного Горунина и такъ любовно освѣтившій ея лицо, метался въ разныя стороны, точно готовъ былъ сейчасъ оторваться отъ свѣтильни и порхнуть за нею слѣдомъ... Но черезъ минуту все успокоилось: и листы его бумагъ, и занавѣсъ кровати, и огонь на свѣтильнѣ; не успокоился только Горунинъ... Волненіе его перешло мало-по-малу въ какое-то оцѣпенѣніе... Вдругъ въ головѣ его мелькнуло слово: „лошадей!“; онъ быстро вскочилъ, схватилъ шляпу и осторожно сталъ спускаться съ лѣстницы. По счастью, первый встрѣтившійся ему человѣкъ по выходѣ изъ гостиницы „Горнаго Орла“ былъ другъ Меркуціо. Онъ обѣщалъ клятвенно, что завтра до свѣта будетъ все готово.

„Или она любитъ меня, или любитъ мужа,—думалъ Горунинъ, одинъ направляясь къ площади, инстинктивно повинуясь потребности подышать чистымъ воздухомъ.—Если она любитъ мужа—я не оскорблю святой привязанности! Я долженъ такъ поступить, какъ благородный человѣкъ... Если же... если же любитъ меня... О, счастливѣйшій изъ смертныхъ... Въ обоихъ случаяхъ—это жизнь“.

И онъ какъ будто въ первый разъ на вѣку своемъ почувствовалъ въ груди своей присутствіе всѣхъ доблестей человѣка, поставленнаго въ необходимость дѣйствовать и проявить въ дѣйствіи силу своей личности.

Горунинъ, ходя вдоль по площади туда и назадъ, нѣсколько разъ, прошелъ мимо остеріи, гдѣ видѣлъ художника—и вдругъ вспомнилъ про эту встрѣчу. При томъ высокомъ строѣ души, въ которомъ онъ находился, онъ ужъ не задумался, не разсуждалъ, а смѣло и рѣшительно вошелъ въ локанду и прямо въ ту комнату, гдѣ былъ давеча. Художникъ сидѣлъ еще тамъ. Передъ нимъ стояла большая фольетта съ виномъ и стаканъ.

— Вотъ мы съ вами опять сошлись,—весело и развязно сказалъ Горунинъ, садясь напротивъ.—Что за чудная ночь! Что за чудная страна—эта Италія!

Смѣлый пріемъ Горунина, очевидно, произвелъ на художника впечатлѣніе, Онъ какъ будто даже смѣшался, посмотрѣлъ на Горунина внимательнѣе и отвѣчалъ:

— А вы тоже изъ Россіи?

— Уже съ полгода. Выѣхалъ на Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Гейдельбергъ, потомъ въ Парижъ, въ Женеву...

— Значитъ, все какъ слѣдуетъ,—пробормоталъ художникъ.

Интересъ, за минуту, какъ казалось, пробудившійся въ немъ къ Горунину, видимо погасъ; онъ откинулся на спинку стула, опустилъ голову и потухшимъ взоромъ какъ бы машинально смотрѣлъ на своего vis-à-vis и только повторялъ: „такъ, такъ“, когда тотъ описывалъ свой маршрутъ: на С.-Бернаръ, Домо д'Оссоло, Геную, Флоренцію, Римъ...

— И Римъ, конечно, больше всего понравился?—заключилъ свои „таки“ художникъ съ нѣкоторой уже ироніей.—Еще бы! Столица искусствъ! — и онъ захохоталъ.—Всѣ ѣдутъ!.. Вы, пожалуй, тоже акварели рисуете? Ну, пиніи тамъ, красныя развалины?

Горунинъ понялъ иронію и хотѣлъ выдѣлить себя въ представленіи художника изъ массы нашихъ обыкновенныхъ туристовъ и вызвать въ немъ къ себѣ уваженіе и симпатію.

— Видите ли,—сказалъ онъ спокойно и нѣсколько внушительно,—поѣхалъ я путешествовать, чтобы вообще познакомиться съ жизнью и бытомъ другихъ народовъ. Въ Германіи—наука. Во Франціи—жизнь парламента, мировые вопросы. Въ Италіи—древности и искусства. Хоть искусства и древности не моя спеціальность, но для образованнаго человѣка надо быть съ ними знакому. Я занимаюсь болѣе политической экономіей и философіей исторіи.

— Книги пишете?

— Еще не печаталъ; но у меня накопилось много матеріалу. Вотъ за границей-то я и надѣялся собственнымъ наблюденіемъ подкрѣпить выводы науки... такъ сказать, горизонтъ

расширить. У насъ этими предметами почти не занимаются, не интересуются. А между тѣмъ они теперь важнѣе всего— особенно политическая экономія. Тутъ, можно сказать, послѣднее слово вѣка, путь къ осуществленію его цѣлей... освобожденіе, обособленіе личности... проведеніе разумности въ отношеніяхъ людей и народовъ... А—въ концѣ концовъ—значитъ, единство и счастье всего человѣческаго рода... Ну, этого еще у насъ не понимаютъ!

— А не пишете ли вы стиховъ?—вдругъ спросилъ художникъ.

Горунинъ, говорившій съ увлеченіемъ о любимомъ предметѣ и при этомъ неожиданномъ вопросѣ вспомнившій о только-что имъ написанномъ стихотвореніи, смѣшался и даже обидѣлся.

— При чемъ же тутъ стихи?—спросилъ онъ.—То, что я говорилъ,—это плодъ моихъ долгихъ размышленій всей жизни, чтенія... а я ничего не пропускаю по этой части... Вы же вдругъ—стихи!..

Художнику стало его даже какъ будто жаль.

— Выпьемте-ка лучше,—сказалъ онъ, наливая Горунину изъ своей фольетты.—Это вино недурно. Я спросилъ васъ о стихахъ,—продолжалъ онъ, какъ бы желая поправиться,—оттого, что у насъ былъ товарищъ—вышелъ бы хорошій архитекторъ для гражданской архитектуры, да заѣла страсть къ стихамъ. Чушь ужасную пишетъ, а не учится, ничего не дѣлаетъ.

„Ну, часъ отъ часу не легче“,—подумалъ Горунинъ, но, замѣтя, что художникъ и самъ уразумѣлъ свой промахъ, потому что махнулъ рукой и самъ пробормоталъ: „ну, что я вру!“—съ добродушной улыбкой отвѣчалъ:

— Признаюсь, вы меня очень сконфузили. Но я увѣренъ, когда вы меня узнаете покороче, вы будете обо мнѣ лучшаго мнѣнія... Да впрочемъ, что же и скрывать? Я вамъ прямо скажу, что если теперь... я имѣю удовольствіе съ вами говорить... то это потому, что принялъ въ васъ горячее участіе!.. Мнѣ здѣсь сказали, что вы—нашъ, что вы художникъ. Изъ того, что я слышалъ о васъ, я подумалъ, не постигло ли васъ какое-нибудь несчастіе—не могу ли чѣмъ-нибудь вамъ быть полезенъ...

— Ну, меня-то ужъ вы оставьте въ сторонѣ,—перебилъ тотъ, нахмурился и опять протянулъ руку къ фольеттѣ.

— Мнѣ показалось очень страннымъ...—продолжалъ однако Горунинъ,—что-то такое болѣзненное... что вы поселились въ этомъ захолустьѣ, гдѣ, повидимому, ничто особенно васъ не занимаетъ.

Художникъ хмурился все болѣе и болѣе.

— Конечно, можетъ-быть, вы обдумываете какое-нибудь новое произведеніе...

— Ничего не обдумываю, да и нечего объ этомъ говорить.

— По крайней мѣрѣ, отсюда вы куда же располагаете ѣхать—въ Римъ, или, можетъ-быть, въ Россію?

— Ни въ Римъ ни въ Россію, никуда.

— Не навсегда же здѣсь останетесь!

— Можетъ, и навсегда.

— Не можетъ быть, чтобы вы все бросили!

Художникъ зѣвнулъ и потянулся.

— А если и все бросилъ?..

— А искусство?—понизивъ голосъ, какъ бы съ нѣкоторой осторожностью спросилъ Горунинъ, тѣмъ тономъ, какъ говорятъ о святынѣ.

— Коего чорта еще искусство!—какъ бы судорожно, со злобой воскликнулъ тотъ.

Горунинъ совсѣмъ изумился.

— Вы говорите такія вещи... Я не понимаю... Если вы бросили искусство... въ которомъ, какъ я слышалъ, достигли такой степени, должны же быть причины?

Художникъ разсердился и стукнулъ стаканомъ по столу.

— Чего тутъ причины! Захотѣлъ и бросилъ! И вся недолга. Говорите лучше о политической экономіи.

Но Горунинъ и подъ вліяніемъ вина, и подъ вліяніемъ удачи съ Сусанной, распахнулся во всю ширь своей любящей, симпатизирующей души. Онъ рѣшился прямо высказать мелькнувшую въ головѣ его мысль:

— Послушайте... Я васъ не знаю... не знаю даже вашего имени и отчества...

— Маркъ Петровичъ Петровъ — ничего не укралъ, слава Богу, нечего скрывать свое имя.

— Ахъ, Маркъ Петровичъ, вы опять сердитесь, ну, да это все равно. Самъ не знаю, почему мнѣ хочется вамъ быть полезнымъ. Вотъ что̀. мало ли что̀ случается въ жизни,—вамъ не надобны ли деньги?

— Не хотите ли?

И художникъ высыпалъ горсть всякихъ монетъ на столъ и смотрѣлъ на Горунина.

Но тотъ не сконфузился и пристально посмотрѣлъ на Марка Петровича.

— У васъ душа не спокойна,—сказалъ онъ.—Когда вы думаете вернуться въ Россію?

— А коего чорта я забылъ въ Россіи?

— Нѣтъ, вы чорта-то оставьте...

— Боитесь, что ли, его къ ночи?

— Не боюсь, да видите ли, въ чемъ дѣло-то. Развѣ вамъ было нехорошо въ Россіи?

— Хорошо ли, не хорошо ли, оставимъ это. Въ Россіи только шалопаямъ нехорошо, а я такой же шалопай, какъ и многіе другіе. И по-настоящему насъ слѣдуетъ оттуда выгонять палками, шалопаевъ-то.

— Есть у васъ семейство, родители, Маркъ Петровичъ?

Марку Петровичу какъ будто трудно было отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ упрямо молчалъ и злился. Горунинъ продолжалъ:

— И вы не вернетесь къ старикамъ?

— Да что вы меня исповѣдуете, что ли?

— Грѣшно, сударь, грѣшно!—произнесъ Горунинъ тихо, съ нѣкоторой торжественностью, вставъ со своего мѣста и потрепавъ художника по плечу: — стыдитесь — я вамъ прямо скажу: это, сударь, не по-русски.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Маркъ Петровичъ сидѣлъ, упрямо уставивъ глаза на прожженное пятнышко на столѣ, и прихлебывалъ изъ стакана.

Горунинъ наконецъ закурилъ сигару и сѣлъ на свое мѣсто.

— Маркъ Петровичъ,—сказалъ онъ,—вѣдь вы все противъ себя говорите. Вы бросили искусство оттого, говорите, что „захотѣли“ и бросили. Но отчего же вы захотѣли бросить? Ну, я согласенъ,—позвольте говорить откровенно,—что неудача можетъ насъ огорчить; но что же за малодушіе пасть при первой неудачѣ? Знаете ли, какъ начинали первоклассные художники? Вы, впрочемъ, это лучше меня должны знать. Неудача не убиваетъ, а удваиваетъ, утраиваетъ силы таланта на слѣдующія произведенія. Неудача—это тотъ же учитель: онъ крутенекъ, правда, онъ осмѣетъ, даже уязвитъ, но лучше всѣхъ укажетъ вамъ ваши силы, заставитъ найти свои недостатки. А вы вѣдь вашихъ силъ еще не знаете... Потомъ вѣдь и то: современники не всегда понимаютъ талантъ. У нихъ свои односторонніе теоріи—и поднесите этимъ аристархамъ произведеніе, созданное не по ихъ теоріи — у каждаго же таланта вѣдь *своя* теорія, которой онъ часто самъ не сознаётъ—закричатъ: вздоръ! дрянь! *не то*... *Не то*—а отчего? Помилуйте! Писали, писали, доказывали, громоздили свой принципъ, разбивали все по клѣточкамъ, въ такомъ отличномъ порядкѣ—и роды, и виды, и рубрики, и параграфы, и убили, можетъ-быть, сотни талантовъ, имъ повѣрившихъ на-слово... А тутъ вдругъ пришелъ Богъ вѣсть кто такой, гдѣ учился, съ какимъ

дипломомъ, да и бацъ—всю теорію вверхъ дномъ! Изъ одного самолюбія ужъ надобно унять такого выскочку... Вотъ, батюшка, судьи-то. Да и не у насъ у однихъ. Положимъ, они—сила, да вамъ-то ихъ ли слушать? „Ты самъ себѣ судья, взыскательный художникъ!“ — сказалъ Пушкинъ — и сказалъ великую истину!

Маркъ Петровичъ во все время рѣчи Горунина сидѣлъ, уставясь глазами на извѣстное прожженное пятнышко. Горунинъ хотѣлъ что-то еще прибавить, но Маркъ Петровичъ сдѣлалъ какъ бы судорожное движеніе и перебилъ его:

— Что вы мнѣ все это разсказываете! Ни въ какихъ судьяхъ я вашихъ не нуждаюсь, да и все, что говорите, знаю; дѣло только въ томъ, что надобенъ талантъ, чтобы что-нибудь сдѣлать—и вотъ этимъ-то дѣломъ и бить ихъ... А у кого нѣтъ таланта...

Дальше говорить онъ не могъ, легъ головой на руки, спрятавъ лицо. Горунинъ смотрѣлъ на него молча. Ему казалось, что художникъ рыдалъ.

— Маркъ Петровичъ! Ну, это еще что такое?—говорилъ Горунинъ, глубоко тронутый.

Маркъ Петровичъ овладѣлъ собой и продолжалъ порывисто, съ особенной силой:

— у кого нѣтъ таланта, да лѣзетъ въ геніи—тотъ подлецъ! Да какой еще подлецъ: маленькимъ не хочетъ быть, на что родился, а полѣзъ, гдѣ бы и духу его не должно быть... Не захотѣлъ Маркушка гусей да утятъ стеречь, свиней пасти, да какъ бы повыросъ, старику отцу помогать... Не захотѣлъ казачкомъ въ лакейской сидѣть, чулки вязать, съ дѣвками амуриться, тарелки облизывать. Хочу, молъ, художествомъ заниматься... Чтобъ ихъ тамъ чортъ всѣхъ побралъ, умниковъ-меценатовъ, выдрать бы его хорошенько, дурака: дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай—знай сверчокъ свой шестокъ,—а то нѣтъ! Въ академію его! И того мало: въ Италію! Чтобъ имъ ни дна ни покрышки! Въ Италію! Аполлона Бельведерскаго, Моисея поглядѣть, да Медичисовъ микель-анджеловскихъ, да бернініевскаго Христа у Богоматери на колѣняхъ... И поглядѣлъ, и сравнилъ свои мужицкія силы съ ихними, съ божескими! И казнись: теперь—залетѣла ворона въ высоки хоромы!.. И радуйся, Благодатная, Господь съ тобою!..

Горунинъ пораженъ былъ силою, съ которою сказаны были эти слова. Страшная драма развертывалась передъ его нѣжною душою при каждомъ намекѣ: въ каждомъ словѣ онъ видѣлъ тяжкое горе, жестокое испытаніе.

— Маркъ Петровичъ!—началъ онъ наконецъ, оправясь,— не вините себя, не вините никого! Вы себя не понимаете. Судя по вашимъ словамъ, вы уже много сдѣлали, чтобы было чѣмъ вамъ гордиться... Вы, значитъ, начали ваше поприще съ самаго начала, съ самаго низу... И сколько вамъ надобно было побѣдить препятствій, если вы изъ простого крестьянскаго мальчика дошли до того, что теперь въ Италіи и пользуетесь такой репутаціей. Я сейчасъ слышалъ тутъ же, въ кофейнѣ, какъ объ васъ судитъ народъ,—а у итальянскаго народа чутье врожденное,—значитъ, передъ вами великое будущее, и ваше прошедшее за него ручается. Вы, можетъ-быть, Маркъ Петровичъ, озлоблены... понимаю!.. Всю жизнь въ душѣ копились оскорбленія, копились, копились, и наконецъ стало тѣсно съ ними... Но вѣдь надо знать, отъ какихъ людей они исходятъ! Вы знаете, что̀ такое наше общество!.. Ахъ, Маркъ Петровичъ, да знаете ли вы, что я сколько ни видалъ у насъ талантливыхъ людей, всѣ они несчастны, всѣ они, какъ болѣзненные наросты на нашемъ обществѣ! Что̀ дѣлать! Вы не для публики, не для отечества должны трудиться, а только для искусства, для человѣчества, ждать признанія не отъ настоящаго, а отъ будущаго: онъ прійдетъ, этотъ судія, и разберетъ! Вотъ отчего у насъ пока не можетъ быть ни національнаго искусства, ни русской школы, ни русской науки... Именно оттого, что ни наука ни искусство не имѣютъ корня въ нашей исторіи, не въ потребностяхъ духа русскаго человѣка! Вы, художники, какъ и мы, ученые,—мы только продолжатели развитія той мысли, которая жила, какъ необходимый элементъ всей многосторонней жизни на Западѣ. И наше историческое значеніе вотъ какое: мы показываемъ собою, что эта мысль развилась такъ широко̀, что даже охватила собою самоё полудикую Россію... Что̀ дѣлать? Мы еще варвары, Маркъ Петровичъ! Россія долго еще будетъ Сатурномъ, пожирающимъ лучшихъ своихъ дѣтей...

— Нѣтъ, стой, братику, стой!—перебилъ его художникъ, приподымаясь,—а при мнѣ ты Россію ругать не смѣй!

Онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Да вы, Маркъ Петровичъ, сами эта жертва!

— Если пока жертвы такія, какъ мы съ тобой, такъ и жалѣть насъ нечего, и плевать на насъ. Россія—святое дѣло.

— Я совершенно понимаю васъ и вполнѣ согласенъ; отечество—святое дѣло; можетъ-быть, въ далекомъ будущемъ и намъ будетъ чѣмъ гордиться... Но, сами согласитесь, Россія еще на очень низкой степени цивилизаціи...

— Цивилизація!—прошипѣлъ сквозь зубы, со злобой и пре-

зрѣніемъ Маркъ Петровичъ.—Оттого, что ты самъ человѣкъ-дрянь, такъ и сваливаешь на Россію... Я знаю, что я тоже человѣкъ-дрянь, оттого и не хочу въ Россію, и не достоинъ быть въ Россіи...

— Вы меня не выслушали, Маркъ Петровичъ, я не ругаю Россію... и напрасно сердитесь, я люблю Россію не меньше вашего... Можетъ-быть, мы не сходимся только въ томъ, какъ понимать Россію.

— Чего тутъ понимать?—перебилъ художникъ.—Россія...—и онъ, съ полузакрытыми глазами, какъ будто самъ себѣ въ первый разъ уясняя то, что̀ коренилось въ глубинѣ души его, говорилъ сначала тихо и отрывисто, а потомъ съ возрастающимъ паѳосомъ:—Россія... это вотъ—кремль!.. Это—татары!.. Это—Дмитрій Донской!.. Это—Сергій Преподобный... до Ледовитаго океана разнесли ученики духъ его и *создали* русскій народъ!.. Это—Мининъ и Пожарскій... Это—Петръ Великій: полтавскій-то приказъ его—„а о Петрѣ не думайте, жива была бы Россія!..“ Это—Ломоносовъ: „и будетъ собственныхъ Невтоновъ земля россійская рождать!..“ Да что̀ тутъ говорить!.. Не „чувствуешь“—такъ и чортъ съ тобой!—заключилъ онъ, сильно махнувъ кулакомъ.

Молча потомъ пройдясь по комнатѣ, молча подошелъ онъ опять къ столу, взялъ фольетту и налилъ два стакана, поставилъ одинъ передъ Горунинымъ и, поднявъ свой, потянулся, чтобы чокнуться:

— За Россію!—произнесъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

Они чокнулись, и молча выпитъ былъ тостъ. Было что-то благоговѣйное, торжественное въ этомъ тостѣ, что̀ почувствовалъ и Горунинъ, отъ котораго не ускользнула особенная обстановка этого тоста—въ глуши Аппенинъ, въ безвѣстномъ маленькомъ городишкѣ... У него даже слезы навернулись. Маркомъ Петровичемъ онъ былъ совершенно подавленъ.

„Экая богатая, непосредственная натура!—мелькали въ его умѣ разные обрывки мыслей: — что̀ за сила!.. Вѣдь вотъ ею, этою необъяснимою и себѣ невѣдомой грубой силой и могуча Россія...“

Это онъ не произнесъ вслухъ, но, видя, что Маркъ Петровичъ успокоился и сѣлъ на свое мѣсто, сказалъ ему:

— Какой вы славный, Маркъ Петровичъ!.. Разскажите-ка мнѣ о себѣ, то-есть какъ вы стали искусствомъ-то заниматься?

— Какъ искусствомъ-то сталъ заниматься? Да какъ? Былъ я взятъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ во дворъ казачкомъ. Стали тутъ строить новый господскій домъ; выписали изъ

Москвы живописца потолки расписывать и по стѣнкамъ помпейскія фрески рисовать. Я былъ къ нему приставленъ краски тереть, наглядѣлся, да самъ сталъ марать. Онъ похваливалъ, поправлять сталъ. Ну, и пошла. Началъ со всѣхъ портреты писать. Пріѣзжаетъ къ барину одинъ знакомый, князь: да вы, говоритъ, его со мной отпустите, будетъ у меня жить, ходить въ академію. Князь потомъ померъ. Баринъ дозволилъ мнѣ продолжать учиться, а какъ сталъ я ужъ ученикомъ порядочно зарабатывать, оброкъ положилъ. На медаль работать мнѣ нельзя было, потому крѣпостной. Тутъ у меня завязалась съ нимъ исторія. Академія просила, чтобы онъ далъ мнѣ вольную. Онъ—ничего, говоритъ, очень радъ, только пусть мнѣ прежде поработаетъ, заслужитъ. Ну, и поѣхалъ я къ нему заслуживать. Оно, впрочемъ, было весело. Дали подъ мою команду крестьянскихъ мальчиковъ. Отыскали мы годной для лѣпки глины—въ академіи-то я на скульптуру перешелъ. Мальчишки таскаютъ, мнутъ, мелютъ, а я-то сущимъ Микель-Анджеломъ работаю. Баринъ не нарадуется, такъ за мной и ходитъ: ѣшь и пей чего хочешь, всего вволю. Всю церковь облѣпилъ барельефами; къ амбару каріатиды приставилъ въ родѣ аѳинскихъ, у Парѳенона-то маленькій храмикъ—дѣвушки съ такимъ загадочнымъ взглядомъ, какъ у сфинксовъ... На скотномъ дворѣ колоссальныхъ быковъ воздвигъ. Всей дворни, всѣхъ сосѣдей бюсты вылѣпилъ—все отливали изъ гипса... Что онъ денегъ потратилъ!.. Семейную группу сдѣлалъ. Самъ онъ велѣлъ себя изобразить римскимъ консуломъ въ тогѣ и туникѣ въ курульныхъ креслахъ (съ Анной на шеѣ), супруга, дочь, а надъ ними въ видѣ парящаго ангела—преждевременно, видите, рожденный, мертвый ребенокъ...

„Ну, годъ работаю, другой идетъ... Я ужъ говорю ему начисто: отпустите, кажется, заслужилъ!.. Нѣтъ, погоди, да погоди! Со стороны ужъ стали стыдить—губернаторъ. Ужъ и губернатору я былъ извѣстенъ—бюстъ сдѣлалъ... Потомъ чиновники—помѣщики... Разъѣзжаю на тройкахъ. Пропадаю по мѣсяцамъ. Многіе принимали меня ужъ совсѣмъ не какъ крѣпостного. Андрей Ивановичъ говоритъ, души не чаетъ во мнѣ: какъ я тебя отпущу! Что же со мной будетъ! А я ужъ, знаете, и книгъ поначитался; о товарищахъ слышу—успѣхи. Да что!.. Сама барыня и барышня меня подбиваютъ, обѣ, знаете, съ романизмомъ въ головѣ—всѣ мечтали о художникахъ. Я же былъ недуренъ собою, одѣвался хорошо, чисто, денегъ много. Началъ шалить—ужъ нарочно, авось выгонятъ; споилъ дворню—на все сквозь пальцы смотритъ. Одна штучка помогла. Была у него въ городѣ зазнобушка. Я пронюхалъ,

да и пріударилъ за ней. Ну, ужъ тутъ не выдержалъ, разсердился, неблагодарностью попрекалъ и прогналъ, далъ паспортъ и выкупъ назначилъ... десять тысячъ. Тутъ я и пріѣхалъ въ Петербургъ.

— Что жъ вы дѣлали въ Петербургѣ?

— Что дѣлалъ? Памятники — можете видѣть на Смоленскомъ и на Волковомъ. Въ годъ выкупился, получилъ вольную, устроилъ свои дѣла въ академіи — и вотъ теперь въ Италіи.

— Охъ, Маркъ Петровичъ, какой же вы путь прошли!..

— И чортъ знаетъ, къ чему все это!—сказалъ онъ, вдругъ погрузясь опять въ мрачную думу. — Не полный у меня талантъ! Весь израсходовался, пока добивался, или просто былъ да прошелъ.

— Да кто же вамъ это сказалъ? Съ чего вы это взяли?

— Ахъ, да я ужъ вамъ говорилъ! Мои судьи сказали: Микель-Анджело сказалъ, Донателло сказалъ... не ваши доморощенные судьи! Пока ихъ не понималъ, что они говорятъ, и работалъ, а понялъ—и послушался, и пересталъ работать.

— Это добрый знакъ, добрый знакъ,—повторялъ Горунинъ, потирая руки:—постоянное самодовольство, самоувѣренность въ художникѣ не есть признакъ таланта, а даже скорѣй напротивъ. Но вы сами согласитесь, что затѣяли недоброе дѣло. Вы должны меня послушаться.

— Вы опять за свое?—строго произнесъ художникъ, еще болѣе омрачаясь.—Эй, Антоніо! еще фольетту!

Горунинъ ужъ тверже прежняго прямо рѣшился увезти Марка Петровича. Правда, для этого ему надобно было пожертвовать Сусанной. Э, да что тутъ думать... Онъ залпомъ осушилъ налитый ему стаканъ и храбро приступилъ къ дѣлу:

— Ваша студія въ Римѣ?

— Въ Римѣ.

— Поѣдемте вмѣстѣ въ Римъ.

— Экую новость выдумали!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ужъ какъ ни говорите, вамъ здѣсь нечего дѣлать. Вы больны, у васъ нервы разстроены. Ну, я прошу васъ, Маркъ Петровичъ, поѣдемте вмѣстѣ. Я не прощу себѣ, если оставлю васъ такъ одного Богъ знаетъ гдѣ... Ну, прошу васъ, какъ другъ, какъ человѣкъ, который васъ любитъ...

— Будемъ лучше пить,—говорилъ художникъ и опять налилъ Горунину.

Горунинъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на каждый новый пріемъ. Пустыхъ фольеттъ выстроилась ужь цѣлая батарея на столѣ.

— Половина вашей жизни убываетъ отъ этого яда!—воскликалъ онъ.

Самъ онъ чувствовалъ, какъ слабѣлъ, голова разгоралась, но тѣмъ болѣе душа рвалась на доброе дѣло.

— Такъ завтра ѣдемъ?

— Мнѣ и здѣсь хорошо,—бормоталъ уже Маркъ Петровичъ, откинувшись на спинку стула и покачивая тяжело головой то направо, то налѣво.

— Такъ рѣшено? Вы даете слово?

— Ну, ужъ это скучно,—проговорилъ Маркъ Петровичъ, вставая.—Коли больше ни о чемъ не умѣете говорить, такъ лучше прощайте!.. Право, точно іезуитъ какой обращаетъ въ католичество,—добавилъ онъ ужъ въ видѣ общаго разсужденія, не смотря на собесѣдника.

— Если бы вы знали, Маркъ Петровичъ!—воскликнулъ Горунинъ, тоже вскочивъ со своего стула:—если бъ вы знали, чѣмъ я хочу пожертвовать, чтобы только спасти васъ!

— Не нужно мнѣ никакихъ жертвъ! Я самъ никогда и никому ничѣмъ не жертвую.

Онъ позвалъ камерьера (служителя), бросилъ ему, не считая, нѣсколько скуди за вино, поклонился Горунину и вышелъ изъ остеріи.

Горунинъ хотѣлъ-было броситься за нимъ, но подкосились ноги. Грустно опустилъ онъ голову на руки.

— Боже мой!—говорилъ онъ.—Ничего-то я не могу сдѣлать! Отчего это? Что это такое!.. Готовъ жертвовать, можетъ-быть, счастіемъ своей жизни, чтобъ спасти другого, который лучше меня... И все тщетно! Боже мой! Все напрасно!

Долго еще сидѣлъ онъ неподвижно въ остеріи, пока не успокоился. Успокоила его окончательно мысль: „Нечего однако дѣлать... Сама судьба толкаетъ къ Сусаннѣ...“

Горунинъ ужъ подходилъ къ гостиницѣ Горнаго Орла, какъ отъ нея отъѣхала тяжелая карета и стала спускаться съ горы. Толпа, обыкновенно собирающаяся глазѣть на проѣзжихъ и хотя за это сорвать съ нихъ la buona mani или buona grazia, расходилась въ разныя стороны. Человѣка три конюховъ разныхъ гостиницъ, приведшіе изъ разныхъ мѣстъ лошадей, дѣлили полученную буону-грацію: оставался одинъ недѣлимый байокко, они стали разыгрывать его въ мору (la mora)—игра, состоящая въ томъ, чтобы въ одно время обо-

имъ играющимъ открыть извѣстное число пальцевъ такъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣми, которые открылъ другой, вышло число, какое должны оба единовременно сказать; они буквально впиваются глазами другъ другу въ глаза и выкрикиваютъ въ одно время: cinque, sei и пр. Задоръ такой, что нерѣдко дѣло доходитъ до ножей. Какъ ужъ онъ подходилъ къ дому, Горунинъ замѣтилъ при лунномъ свѣтѣ, что изъ открытаго окна верхняго этажа высунулась головка Анджелики: она была въ одной рубашонкѣ, прибирала ручками круглый воротъ ея на складкахъ; распущенныя косы ея свѣсились внизъ, когда при его приближеніи она къ нему нагнулась и рукою дѣлала ему какіе-то знаки, какъ будто хотѣла что-то сказать,— но вдругъ появилась сьора Маріанна, отдернула дѣвочку отъ окошка; дѣвочка заплакала, а мать захлопнула окно. Онъ поглядѣлъ еще, не смотритъ ли откуда-нибудь Сусанна, но ея не было...

Было условлено, что съ первыми лучами зари другъ Меркуціо придетъ разбудить Горунина, принесетъ счетъ хозяйки и приведетъ ветурина. Подъ вліяніемъ сладкихъ мечтаній о Сусаннѣ, да и при содѣйствіи выпитаго противъ обыкновенія бо̀льшаго количества вина, Горунинъ очень скоро заснулъ.

Но не другъ Меркуціо разбудилъ его на другой день: онъ самъ проснулся, вспомнилъ все, вскочилъ. Солнце ужъ высоко, въ гостиницѣ все давно поднялось, какъ свидѣтельствовали разнородные шумы, сразу донесшіеся до его слуха. Онъ спустился внизъ: дѣвушки на обширной кухнѣ ужъ гладили бѣлье; сьора Маріанна сама своими бѣлыми руками разсѣкала большимъ ножомъ баранью грудинку и кроила котлеты; старшая дочь ея Аврора сидѣла передъ очагомъ, протянувъ ноги и поджавъ на груди руки, и наблюдала за варившимся для Горунина кофе. Конюхъ мелъ улицу. Не видно было только маленькой Анджелики и Сусанны.

Горунинъ спросилъ, не приходилъ ли за нимъ Меркуціо; оказалось—не приходилъ.

Онъ вышелъ на площадь къ кофейнѣ,—ни друга Меркуціо ни друга Пьетро у кофейни не было.

Онъ прошелъ въ городскія ворота, гдѣ его пропустили безпрепятственно, послѣ нѣкотораго допроса и „buona mani“, спустился съ горы до второго поворота, до старой башни; тамъ не было Сусанны.

Только какъ вернулся домой, къ нему подлетѣлъ другъ Меркуціо, весь запыхавшійся и обмахивавшійся платкомъ.

— Eccolo, questo caro signore! Вотъ онъ наконецъ, этотъ любезный господинъ! Соблаговолите поглядѣть на меня: точно

изъ воды вылѣзъ: всю ночь пробѣгалъ, никто не ѣдетъ, кто боится, а у кого нѣтъ лошадей. Сбѣгалъ ужъ въ Лойано—двѣ мили отсюда—тамъ у меня племянникъ—черезъ часъ пріѣдетъ, un bravo giovinotto, недавно женился, тоже веттуринъ, двѣ смѣны лошадей...

— Ну да! Миланская карета, останавливаться въ лучшихъ гостиницахъ—еще что?.. Эхъ, вы! La fede italiana! Итальянская вѣрность! „Никто не ѣдетъ, нѣтъ лошадей“—а для кареты вчера поздно вечеромъ нашлись лошади!—сердито проговорилъ Горунинъ.

Другъ Меркуціо на этотъ грозный окликъ сталъ изображать изъ себя на всевозможныя, неописуемыя манеры всѣ степени отчаянія; другъ Пьетро, смотря на него, только губы покусывалъ.

Въ ожиданіи племянника Горунинъ сѣлъ однако пить кофе, подлѣ кухни, въ обширной хозяйской столовой: велѣлъ тутъ подать себѣ, а не въ „чистыхъ комнатахъ“, въ надеждѣ увидѣть Сусанну. Онъ молчалъ. Молча также, глубоко понуривъ головы, стояли, какъ каріатиды, по обѣимъ сторонамъ двери, другъ Пьетро и другъ Меркуціо, тяжело вздыхая.

Наконецъ подъѣхалъ „племянникъ“. Уложили вещи. Горунинъ заплатилъ по счету, стали прощаться. Горунинъ не выдержалъ и спросилъ: а гдѣ же Анджелика и сьора Сусанна?

— Ахъ, я дура этакая!—всплеснувъ руками, воскликнула сьора Маріанна:—изъ головы вонъ совсѣмъ. Сусанна очень велѣла вамъ кланяться. Она уѣхала съ этими господами... Какъ же, бѣдняжка! По мужу скучала, сами видѣли, а теперь время такое... съ нашимъ братомъ строго. Ну, большіе господа, притомъ иностранцы—другое дѣло! Господинъ-то и сжалился, взялъ ее, голубушку, какъ бы служанку.

Горунинъ не могъ держаться на ногахъ и присѣлъ на скамейку.

— Какой господинъ?

— Что вчера проѣзжали—хорошій господинъ, какъ слѣдуетъ господинъ, и синьоръ и синьорина... вотъ онъ въ книгѣ расписался... да ужъ и вы потрудитесь кстати расписаться.

И сьора Маріанна поднесла Горунину раскрытую книгу съ именами путешественниковъ, и онъ прочелъ послѣднюю подпись: „André de Blagotschinnoy“; далѣе слѣдовалъ титулъ, котораго ужъ онъ не сталъ читать. Наскоро написалъ свою фамилію, сказалъ, что у него страшно болитъ голова, и, почти не отвѣчая на всеобщіе поклоны и пожеланія, сѣлъ на „дребезжалку“, каковою ему показалась „миланская“ карета, и грозно крикнулъ кучеру, чтобы ѣхалъ скорѣе.

„Какъ могъ сюда замѣшаться Благочинный?—не выходило у него изъ головы.—Не прельстилъ же онъ Сусанну своими напомаженными висками... Быть не можетъ...“

Вспомнилось ему еще одно обстоятельство. Анджелика разъ сказала ему: „Терпѣть не могу Сусанны!“. Горунинъ, дивясь, какъ въ этакіе годы дѣвочка, а ужъ ревнуетъ и такое чутье имѣетъ, сталъ добиваться—за что. „Гадкая! Вы знаете, у нея мужъ-то разбойникъ. Ихъ обоихъ навѣрно повѣсятъ...“

Экипажъ едва исчезъ на поворотѣ, какъ все оживилось: другъ Меркуціо подпрыгнулъ и вскинулъ шляпу на воздухъ и, къ общему удовольствію и хохоту, схватилъ сьору Маріанну за руки и сталъ около нея кружиться, повертывая ее за собою.

Почтенная матрона наконецъ высвободилась, оттолкнула Меркуціо и, пославъ его къ дьяволу, прибавила:

— Чему радуешься? Нешто твоимъ умомъ дѣло сдѣлалось? Возился, возился цѣлую недѣлю со своимъ дуракомъ, да еще что бы вышло—неизвѣстно; а мы, вотъ, своимъ бабьимъ умомъ въ полчаса все спроворили.

— О, sublime donna, божественная женщина!—воскликнулъ Меркуціо, подымая къ ней руки. — Какъ же вы это совершили?

— Просто: вижу, пріѣхалъ господинъ, глазъ не спускаетъ съ Сусанны, спрашиваетъ меня потихоньку: кто такая? Я тотчасъ сообразила, съ семействомъ-то безопаснѣе и спокойнѣе будетъ ей, чѣмъ съ этимъ недотыкой, и говорю: такъ и такъ, хочется къ мужу, а выѣзда изъ города нѣтъ, вотъ вы бы сдѣлали доброе дѣло, взяли съ собой, хоть только до границы, „служанка“, молъ. Научила Сусанну, та расплакалась,—ну, и синьоръ, и синьора, и синьорина сжалились, поговорили между собой и взяли... А вотъ эта негодница Анджелика,—добавила сьора Маріанна: — испортила - было все дѣло: такъ и рвалась разсказать ему все... Я ужъ слышала разъ, она ему что-то про разбойниковъ говорила... Ну, ужъ за то просидитъ у меня въ чуланѣ до вечера... Не прозѣвали бы только наши въ горахъ... Да не наткнуться бы имъ на карабинеровъ... Сплошаетъ Сусанна—многимъ придется посидѣть въ тюрьмѣ.

— Ну, ужъ за Сусанну я головой поручусь: Маккіавелли въ юбкѣ!—успокаивалъ другъ Меркуціо.

— А сплошаетъ, такъ ужъ твоей-то головѣ не быть на плечахъ...—замѣтила сьора Маріанна.—Однако за дѣло принимайтесь, дѣти, нечего тутъ раздабаривать...

1889.

VII.

ИЗЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ ГОРУНИНА ВЪ ИТАЛІИ *).

I.

Опять Маркъ Петровичъ.

Однажды Горунинъ возвращался изъ Ватикана, гдѣ провелъ все утро. Онъ шелъ очень погруженный въ свои думы, хотя по временамъ и уступалъ чувству изнеможенія и даже головной боли. Миновалъ уже Ponte degli Angioli, мостъ Ангеловъ, и повернулъ къ театру Торденоне, какъ вдругъ остановился, потеръ лобъ и произнесъ:

— Батюшка! Да какъ же это я—одинъ? Гдѣ же мои дамы и вся моя компанія?.. Вѣдь уговорились изъ Ватикана ѣхать потомъ обѣдать у Ponte Molle... Какъ же это я ихъ потерялъ? Въ картинной галлереѣ еще были вмѣстѣ... Въ длинной галлереѣ Амина Андреевна еще воскликнула: „Ахъ, мамаша, какой милашка мальчикъ!“, и бросилась смотрѣть Амура, натягивающаго лукъ, и тотчасъ возвратилась къ мамашѣ, вся красная. На кругломъ дворикѣ, гдѣ ванны и саркофаги, были вмѣстѣ... Потомъ обходили эти четыре святилища, гдѣ Антиной, Аполлонъ... Нѣтъ, чего бы тамъ ни натворили папы, но имъ многое простится за то, что они сдѣ-

*) Настоящій разсказъ находится въ непосредственной связи съ предыдущимъ. Оба они были набросаны вчернѣ еще въ сороковыхъ годахъ и должны были войти въ составъ цѣлаго ряда такихъ разсказовъ, связанныхъ съ личностью предполагаемаго путешественника, Горунина: онъ, казалось мнѣ, представлялъ собою совсѣмъ особый, занимавшій меня тогда типъ, и всей серіи этихъ разсказовъ я думалъ дать то названіе, которое выставлено теперь.

Прим. авт.

лали для искусства. Весь этотъ Ватиканъ—вѣдь это такой же храмъ они воздвигли великой пантеистической идеѣ красоты, воплощенной въ мраморъ античнымъ міромъ, такой же храмъ, какъ и храмъ Св. Петра—идеаламъ новаго міра!.. Гдѣ же, однако, я ихъ потерялъ?... Аполлонъ Бельведерскій... Онѣ еще тутъ были. Я говорилъ съ Чупруновымъ — вотъ болтунъ-то! Когда говоритъ чужія мысли — кажется очень уменъ: есть такіе люди... Все-таки съ нимъ больше разговору, чѣмъ съ почтеннымъ статскимъ совѣтникомъ Благочиннымъ и съ его „мамуней“ и съ „дочуркой“... Хорошо объ нихъ выразился Чупруновъ: „Какіе еще архаическіе представители человѣчества!“ Сколько еще его на свѣтѣ, этого архаическаго человѣчества... Да, все это такъ... Что же потомъ, однако? Больше ихъ не помню... Тутъ и завязался главный интересъ разговора. Онъ сказалъ, что искусство есть идеализированная природа. Я спорилъ, да такъ въ спорѣ мы вмѣстѣ и вышли изъ Ватикана. Онъ повернулъ къ San-Pietro, а я вотъ иду, не знаю куда“.

Все это быстро промелькнуло въ головѣ Горунина, но изо всего припомненнаго задѣло его за живое опять изреченіе Чупрунова, что искусство есть идеализированная природа, и опять онъ забылъ о своихъ дамахъ и продолжалъ путь, по обычаю весь погрузившись въ вопросы, преслѣдовавшіе его въ Италіи.

„Идеализированная природа!—думалъ онъ.—Конечно, ничего подобнаго Аполлону Бельведерскому я не видѣлъ въ природѣ. Да и художникъ, который его изваялъ, тоже, по всей вѣроятности, не встрѣчалъ такого созданія въ натурѣ. По крайней мѣрѣ того, что мы называемъ божественнымъ въ этой статуѣ. Между тѣмъ всякое художественное произведеніе тѣмъ и хорошо, что оно не нарушаетъ законовъ природы. Даже болѣе: тѣмъ оно совершеннѣе, чѣмъ въ немъ болѣе жизни, больше натуры, чѣмъ строже въ немъ выполнены ея законы. Какъ же это согласить? Кто же выше: художникъ, или природа? Природа ли, которая безсознательно производитъ прекрасное и разсѣиваетъ его во многообразныхъ формахъ въ своихъ твореніяхъ, или художникъ, который, будучи рабомъ природы въ своей техникѣ, творитъ самый идеалъ, къ которому она какъ бы стремится?.. А вѣдь сколько этихъ идеаловъ?.. Одинъ грекъ сколько ихъ зналъ: Зевсъ, Аполлонъ, Паллада, Афродита, богъ-міродержецъ, Геній, Мудрость, Любовь... Христіанскій міръ что ихъ открылъ! Тутъ Самъ Богочеловѣкъ — какая задача: Бого-Человѣкъ!.. Потомъ — Мадонна „Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ“! Эти

святые въ мукахъ, эти св. Франциски, эти Катерины Сіэнскія, святыя Микелины, въ экстазѣ душой своей уже прозрѣвшія въ самую глубину духовнаго міра, этотъ къ небу, къ красотѣ стремящійся человѣческій духъ... И художники дали намъ эти идеальные образы. Гдѣ же они ихъ видѣли на землѣ?.. Понятно становится Платоново ученіе о прототипахъ, въ созерцаніи которыхъ якобы пребывали души людей до ихъ воплощенія въ земное тѣло...“

Ему очень понравился этотъ міръ прототиповъ, и передъ нимъ нарисовался онъ какой-то чудною областью тонкаго свѣта, гдѣ въ какомъ-то воздушномъ чертогѣ пребываютъ какія-то, какъ бы изъ тумана образованныя фигуры, которыхъ очертанія онъ своимъ безсильнымъ человѣческимъ зрѣніемъ ясно различить не можетъ: только видитъ легкія очертанія ихъ призрачныхъ профилей и призрачныхъ же бѣлыхъ одеждъ...

Можетъ-быть, Горунинъ занесся бы куда-нибудь еще выше, какъ вдругъ почувствовалъ, что его дергаетъ кто-то за рукавъ.

Онъ почти съ испугомъ оглянулся и остановился, точно его разбудили и снова вернули изъ фантастическаго міра къ обычной земной жизни.

Ему прямо въ глаза смотрѣло свѣжее, блѣдноватое, смѣющееся личико дѣвушки, широко раскрытые большіе, черные, ласковые глаза, лукавая улыбка.

— О чемъ такъ задумались? — спросила она, заглядывая ему въ лицо. — Я ужъ три раза васъ обгоняла и останавливалась, и пропускала передъ собой... Разъ даже нарочно толкнула... Идетъ, ничего не видитъ и не слышитъ...

— Беттина!—наконецъ опомнился Горунинъ.

Это была девяти- или десятилѣтняя дочка хозяйки, у которой онъ нанималъ комнату. Онъ замѣтилъ въ ней что-то особенное на сей разъ.

— Отчего это у тебя волоса мокрые, ты такая блѣдная и вся дрожишь?

— Вы только ничего не говорите дома, что̀ я вамъ скажу. Я сказала маменькѣ, что мнѣ велѣли нынче пораньше прійти на натуру. А это неправда, велѣли попозже. Мы и сговорились съ подругами сбѣгать покупаться. Тамъ не велятъ купаться, гдѣ мы купались, и солдатъ за нами погнался и хотѣлъ изъ ружья застрѣлить. Мы только успѣли выскочить изъ воды, схватили свои платьишки и — дра̀ла... Перелѣзли черезъ заборъ, одѣвались ужъ въ какомъ-то саду. Хорошо, что еще насъ тамъ не увидали, а то бы почли за воровокъ...

Стали бы жаловаться. Маменька бы высѣкла. Только моя бѣда еще не кончилась. Я ужъ и рѣшила сегодня совсѣмъ не показываться дома. Буду ночевать гдѣ-нибудь на дворѣ и ужъ завтра скажу.

— Да что же съ тобой такое случилось?

— Я и вамъ не скажу, а то вы какъ-нибудь проговоритесь. Впрочемъ, пожалуй, скажу, только побожитесь, что маменькѣ ничего не будете говорить... Она меня прибьетъ и выгонитъ.

Горунинъ обѣщалъ.

— Ну, вотъ видите. На берегу ли оставила или выронила, какъ отъ солдата бѣжала, только я потеряла свою аленькую косыночку, которую повязываю на голову... Искала, искала — нѣтъ нигдѣ!

Вся игривость бѣдной дѣвочки пропала при этомъ разсказѣ. Глаза стали наполняться слезами.

— Ну, стоитъ ли тутъ плакать,—утѣшалъ ее Горунинъ. — Мы дѣло поправимъ. Я скажу, если спросятъ, что нечаянно захватилъ твою косыночку и потерялъ, а завтра куплю тебѣ новую. Я знаю какую... Дай мнѣ ручонку, пойдемъ вмѣстѣ.

— Ну, ужъ если это сойдетъ мнѣ счастливо, я за васъ вѣчно буду Бога молить!

Въ порывѣ чувства она бросилась къ Горунину, поднялась на цыпочки, нагнула его голову и поцѣловала. Потомъ просунула свою ручонку подъ его руку и шла, съ минуту потупивъ глаза. Но тутъ, на дорогѣ, попалась ей одна ея подруга, она гордо подняла голову и преважно, какъ какая-нибудь дукесса, посмотрѣла ей въ лицо: „Вотъ, молъ, съ какими кавалерами мы прогуливаемся!“ Потомъ, когда прошла мимо, оглянулась, показала подругѣ языкъ, и обѣ разсмѣялись.

— Да вы куда идете? — вдругъ спросила она Горунина. — Я вѣдь не домой. Я пойду на натуру къ одному скульптору; онъ дѣлаетъ съ меня статую. Тонину — вотъ эту самую, что сейчасъ встрѣтилась, не хотѣлъ взять. Говоритъ: глупа, не понимаетъ. Вы думаете, far' il modello легко и всякій можетъ? No, signore, тутъ надо имѣть un grand' intelletto! А ужъ если я *этому* синьору угодила, то ужъ это большая честь — un gran' scultore!

— А кто же такой этотъ скульпторъ? — спросилъ Горунинъ.

— Самый-самый знаменитый! Когда покажется на улицѣ, ему всѣ кланяются. Пріѣзжаютъ и большіе господа. Кардиналы ѣздятъ. Да вотъ что: къ нему всѣмъ можно, особенно форестьерамъ. Вы вѣдь тоже un forestiero. Теперь ужъ недалеко. Вотъ и piazza di Spagna; поднимемся по лѣстницѣ,

а тамъ ужъ два шага. Caro signorino, пойдемте, и меня тамъ увидите, въ глинѣ покамѣстъ, а потомъ ужъ будутъ рубить изъ мрамора.

Беттина твердо рѣшила показать себя Горунину „въ глинѣ“ и еще крѣпче, просто повисла на рукѣ его. Только на Испанской площади она бросила своего спутника, подбѣжала къ фонтану, находящемуся посреди, вспрыгнула на мраморный бассейнъ и, охвативъ обѣими руками голову льва, изъ пасти котораго лилась серебряная струя воды, подставила къ ней свой аленькій ротикъ; она на ходу и на болтовнѣ ужъ совсѣмъ согрѣлась отъ купанья, и румянецъ игралъ во всю щеку. Напившись, опять подхватила Горунина, вся забрызганная, смѣясь и отирая рукавомъ капли влаги съ сіяющаго лица и смуглой шеи.

Горунинъ сообразилъ, что посѣщеніе незнакомыхъ мастерскихъ совсѣмъ въ римскихъ нравахъ, и, хотя предположилъ къ обыденному часу взять коляску и отправиться на Ponte Molle по уговору со своей компаніей, но, подпавъ подъ вліяніе болѣе твердой воли, хотя и ребенка, покорился дѣвочкѣ и послушно шелъ съ нею, куда она его просто тащила.

Такъ они поднялись съ Испанской площади по знаменитой Скалинадѣ, лѣстницѣ, къ церкви Trinità dei Monti, гдѣ находится почтенная французская римская академія, повернули направо по via Felice, центральной улицѣ всего этого художественнаго квартала; направо и налѣво, внизъ и вверхъ по горѣ идутъ отъ этой улицы переулочки, и въ рѣдкомъ домикѣ нѣтъ приспособленной для мастерской художника комнаты съ освѣщеніемъ сверху или изъ окна тотчасъ подъ потолкомъ. Въ одинъ изъ такихъ домиковъ, побольше и опрятнѣе другихъ, они вошли по темной лѣстницѣ, потомъ въ темный коридоръ, гдѣ Беттина осторожно постучала въ дверь.

Горунинъ спохватился, какъ же онъ по крайней мѣрѣ не освѣдомился, кто этотъ скульпторъ, какой націи, какое его имя, и шопотомъ спросилъ свою спутницу: „да какъ же его зовутъ?“ Но за дверью послышался нетерпѣливый голосъ: „Chi è? Кто тамъ?“

— Это я, Беттина,—отвѣчала дѣвочка, дѣлая знаки Горунину, чтобы онъ молчалъ.

Послышался стукъ поднимающейся щеколды, приводимой въ движеніе изнутри комнаты веревочкой; дверь отворилась, Беттина проскочила, увлекши за собой своего спутника; затѣмъ дверь опять захлопнулась, дѣвочка юркнула куда-то въ уголъ, гдѣ исчезла въ разномъ хламѣ скульптурной мастерской, и Горунинъ очутился въ тѣневой части комнаты у

входа, никѣмъ не замѣченный и совершенно потерявшійся передъ зрѣлищемъ, которое передъ нимъ открылось.

Художникъ, очевидно, дернувъ веревочку, чтобы отворить дверь, тотчасъ принялся за работу, и Горунинъ видѣлъ только его спину.

Прямо передъ нимъ... но, впрочемъ, такъ какъ увидѣнное Горунинымъ произвело на него сильное впечатлѣніе, надобно представить себѣ обстановку главнаго предмета.

Мастерская была довольно обширная комната, освѣщенная сверху. По стѣнамъ и темнымъ угламъ стояло множество гипсовыхъ и глиняныхъ статуй, бюстовъ и пр. Однѣ терялись въ тѣни, на другія ярко упадалъ свѣтъ. Что это не музей эти статуи, ясно было изъ того, что онѣ, очевидно, примѣнялись къ житейскому дѣлу, и боги и богини Олимпа и великіе мужи классическаго міра несли домашнюю службу: на Юпитерѣ была надѣта бандитская шляпа художника, на плечи Венеры накинуто было его пальто; а какой-то ораторъ, Цицеронъ или Демосѳенъ, произносящій рѣчь и протягивающій къ народу руку, держалъ на этой рукѣ наброшенную на нее женскую юбку... Но самый сильный свѣтъ посредствомъ передвижныхъ на кольцахъ занавѣсокъ былъ сосредоточенъ на той части комнаты, гдѣ на какихъ-то подставкахъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ, находилась почти совсѣмъ обнаженная женщина. Первое впечатлѣніе Горунина было то, что она, испугавшись его прихода, какъ бы бросилась отъ него укрыться и окаменѣла въ этомъ испугѣ, упавъ на лѣвую руку, а правою стараясь схваченной съ земли одеждой закрыть грудь, и изъ-за приподнятаго плеча изумленными глазами смотритъ на него и не знаетъ, вѣрить ли его дерзости. Не укрылось отъ него, что на ея лицѣ загорѣлся яркій румянецъ, и руки и грудь тоже мгновенно вспыхнули, густые черные волосы разметались въ полномъ безпорядкѣ на лѣвое плечо, колебались на вздымающейся груди и широкимъ каскадомъ падали на-земь.

Горунинъ обомлѣлъ, не зналъ, что ему дѣлать: уйти? — нашумишь; оставаться?.. Надо по крайней мѣрѣ дать ей время броситься прочь и спрятаться отъ него... Въ нерѣшительности онъ стоялъ, какъ прикованный къ мѣсту. Она тоже не двигалась; и онъ только тутъ понялъ, что это была—натурщица, тѣмъ болѣе, что тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея было изображеніе въ той же позѣ тоже женской фигуры, только изъ зеленоватой глины.

Онъ отеръ холодный потъ, выступившій у него на лбу, и послѣ перваго смущенія сталъ спокойнѣе разсматривать

обнаженную женщину. Мало-по-малу вспыхнувшее отъ дѣйствія перваго стыда тѣло начало блѣднѣть и приняло свой обыкновенный цвѣтъ. Горѣло только лицо. Она даже подняла глаза, взглянула на Горунина очень спокойно и опять ихъ опустила. Переходя потомъ къ работѣ художника, Горунинъ, кромѣ этой уже знакомой ему фигуры, увидалъ еще другую — дѣвочки лѣтъ десяти, которая бросилась къ старшей и старается за нее спрятаться, закрыла лицо руками и только изъ-за пальцевъ взглядываетъ на предполагаемаго Актеона.

Художникъ въ синей блузѣ, весь перепачканный глиной, то отскабливаетъ, то налѣпляетъ и сглаживаетъ кусочки глины, взглядывая по временамъ на модель. Но вотъ совершенная блѣдность покрываетъ ея лицо; руки вздрагиваютъ: она то медленно ихъ опускаетъ, то опять подымаетъ. „Basta, basta! Довольно!“ — произнесъ наконецъ художникъ, бросая свои стеки и отступая нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы посмотрѣть на свою работу въ нѣкоторомъ отдаленіи, и Горунинъ увидалъ его въ лицо.

— Маркъ Петровичъ, вы ли это? — вырвалось у него невольное восклицаніе.

Художникъ тоже широко раскрылъ глаза и развелъ руками.

— Батюшки! Какими судьбами!—воскликнулъ онъ въ свою очередь, протягивая къ нечаянному гостю руки, какъ бы въ невольномъ порывѣ принять его въ дружескія объятія. — Да, да! Это вы тамъ... въ остеріи... простите, я даже забылъ, какъ васъ звать...

— Горунинъ, Александръ Васильевичъ,—поспѣшно проговорилъ послѣдній.—Ради Бога, извините меня!

— Чего тутъ извиняться, голубчикъ Александръ Васильевичъ, я вѣдь о васъ подумывалъ! Отлично, отлично сдѣлали, что пришли. Вотъ поглядите, какія мы тутъ штуки откалываемъ. Кажется, будетъ недурно?

— Молодецъ вы, Маркъ Петровичъ!—повторилъ Горунинъ, любуясь группой.

— Конечно, сюжетъ пустой, — говорилъ между тѣмъ художникъ. — По заказу дѣлаю. Да сталъ работать и заинтересовался. Столько тутъ открылось вдругъ задачъ. Ну, вотъ сегодня, напримѣръ, работалъ ноги. Надо, чтобъ и ноги тоже испугались, и каждый пальчикъ испугался. Вотъ посмотрите: спинка—искривленіе хребта какъ будто неестественное, судорожное, а не сдѣлайте этого, не натяните вотъ этихъ мускуловъ, и испуга не будетъ. Надо, чтобы душа-то, то, что она чувствуетъ, чтобъ это по всей фигурѣ проходило, чтобы пронизывало всю ее насквозь.

— У васъ хорошая натурщица,—замѣтилъ-было Горунинъ.

— Да что̀ натурщица! Всѣ эти натуры — дуры!—какъ бы съ нѣкоторой брезгливостью отвѣтилъ художникъ. — Это кто какъ понимаетъ натуру. Иному — и профессору даже — хоть самоё Клеопатру поставь на натуру, все выйдетъ дерево!.. *Мнѣ* нельзя безъ натуры обойтись. Школы настоящей не прошелъ. Дома лѣпилъ, скверныя привычки сдѣлалъ. Въ академіи—отвлекался посторонними денежными работами. Ну, и нужна натура, чтобы не наврать; чтобы она меня, понимаете, за локоть бы поддерживала или тумака бы дала, коли не туда лѣзу. У настоящаго мастера натура, то-есть вся эта анатомія, раккурсы, повороты, все это ужъ въ немъ самомъ должно сидѣть. У него не можетъ быть неправильной фигуры, хоть бы онъ все безъ натурщика дѣлалъ. Вѣдь вы когда сочиняете, не думаете, гдѣ ставить *яти* и *ести*, рука ихъ сама ставитъ, ужъ знаетъ гдѣ. Такъ и художнику эта техника, рисунокъ, краски. Ну, что̀ это, напримѣръ, за художникъ? Одинъ есть у насъ живописецъ. Ни черта безъ натуры не можетъ написать. Нужно было ему Тайную Вечерю рисовать; ходилъ, ходилъ, по извозчичьимъ дворамъ, по баркамъ, къ биржевымъ артельщикамъ, набралъ-таки мужиковъ для двѣнадцати апостоловъ. Только набралъ человѣкъ семь, пяти недоставало: такъ нѣкоторыхъ вдвойнѣ написалъ, по два апостола на одно лицо. А одинъ такъ въ трехъ видахъ, волосы только разныхъ цвѣтовъ сдѣлалъ. Развѣ это искусство?

— Да, — подтвердилъ Горунинъ, — творческой фантазіи ужъ тутъ не ищи въ немъ.

— Рабъ! Камеръ-обскура! Дагерротипъ! Какая тутъ творческая фантазія!—горячо проговорилъ Маркъ Петровичъ.

— А какъ же онъ Христа-то? — спросилъ, смѣясь, Горунинъ.

— Между попами и дьяконами искалъ.

— И нашелъ?

— Надо думать, что нашелъ. Комиссія одобрила картину и приняла.

Веселое настроеніе обоихъ бесѣдующихъ, вызванное этимъ оборотомъ ихъ мысли, было, однако, мимолетное. У Марка Петровича оно быстро смѣнилось серьезнымъ.

— Сдѣлалъ я, батюшка, разъ вотъ какое открытіе. Очень полюбилъ меня одинъ живописецъ. Когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, всегда у него останавливался. Сижу тамъ въ мастерской, книгу читаю, а онъ работаетъ. Такъ всегда приходилось, что сижу или лежу на диванѣ сзади его мольберта, такъ, наискось; видѣть могъ почти всегда его лицо.

Понимаете, не картину, что̀ онъ пишетъ, а его самого. Такъ по его лицу я всегда зналъ, что̀ онъ пишетъ. Разъ очень заинтересовался книгой, ну, совсѣмъ въ нее ушелъ. Онъ молчитъ, только вздыхаетъ. Тишина, знаете, полная. Только вздохи, слышу, ужъ что-то похожи становятся на всхлипыванье. Я поднялъ на него голову. Вѣрите ли, какъ теперь гляжу, никогда я такого страданья не видывалъ, даже испугался. Думаю: что̀ съ нимъ? Всталъ тихонько, подошелъ, не подавая виду, издали посмотрѣть—это онъ писалъ картину Несеніе Креста—такъ лицо Скорбящей Божіей Матери дѣлалъ... Я самъ обомлѣлъ, у самого у меня слезы потекли... Да-съ, а безъ натуры! Да и гдѣ бы ее взять! Ну, ясно, стало-быть: *самому надо чувствовать*. А натура—это *яти* и *ести!*.. Или справочный лексиконъ!

Горунинъ слушалъ Марка Петровича все съ возрастающимъ изумленіемъ.

— Какъ вы все это тонко понимаете, — сказалъ онъ наконецъ.

— Ничего нѣтъ тутъ тонкаго. Это азбука. Къ этому надо бы было все обученье направлять.

— По-вашему азбука,—перебилъ его Горунинъ,—а по-настоящему это центральный законъ эстетики, и я не знаю, кто изъ ученыхъ и критиковъ выразитъ его яснѣе, чѣмъ вы.

— Ну, голубчикъ, вы объ вашихъ ученыхъ со мной лучше и не говорите. Какъ ни бился, ничего понять не могъ, такъ мужикъ-мужикомъ и остался... Однако,—онъ посмотрѣлъ на часы, потомъ на натурщицу, которая, накинувъ на себя легкую блузу и поверхъ ея большой шерстяной платокъ, сидѣла на скамеечкѣ около своихъ подмостковъ и что-то жевала, и затѣмъ на Беттину, которая прислонилась къ кресламъ Марка Петровича и тихонько очищала кусочки глины, засохшей на его блузѣ, волосахъ и воротничкѣ рубашки, — однако,—сказалъ онъ,—намъ остался еще часокъ поработать сегодня. Я ужъ здѣшній обѣдъ пропустилъ: обѣдаютъ, канальи, здѣсь въ 12 часовъ, а въ два ужъ все съѣдено, ничего нигдѣ не найдешь. До ужина, то-есть до Ave Maria еще далеко... Вы ужъ сегодня обѣдали?

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ Горунинъ.

— Такъ вотъ что̀ мы сдѣлаемъ—все равно вы теперь нигдѣ ничего не найдете, ужъ поздно. Отобѣдаемъ у меня. Беттина! Пойди-ка къ сьорѣ Бабуинѣ, скажи ей, чтобы состряпала намъ обѣдъ, что-нибудь такое: gallinaccio или carretto, да fegato con cipole alla veneziana—по-нашему печенка съ лукомъ,—пояснилъ онъ Горунину,—макароны, разумѣется,

ну, что тамъ еще придумаетъ, она ужъ знаетъ... Иди же presto, presto! живо! А вы часокъ или погуляйте, или вонъ диванчикъ въ той комнатѣ, поспите; я тутъ кой-что додѣлаю, а тамъ ужъ и будемъ кутить. У меня сьора Бабуина молодецъ, обѣдъ, ей-Богу, почище Лепревскаго состряпаетъ, право, не раскаетесь.

Горунинъ, радуясь на Марка Петровича, явившагося передъ нимъ неожиданно совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели какъ онъ видѣлъ его въ Аппенинахъ, и пораженный, какъ онъ выражался, богатствомъ его непосредственной натуры, простотой и ясностью его идей, разрѣшавшихъ массу самыхъ темныхъ и спорныхъ занимавшихъ его вопросовъ эстетики, — разумѣется, находился въ полной власти художника. Его собственное *я* въ его собственныхъ же глазахъ пропадало въ обаяніи душевной силы художника, какъ свѣтъ свѣчи въ лучахъ солнца, и эта свѣча отвѣчала своему солнцу: „Ахъ, сдѣлайте милость, дѣлайте ваше дѣло: я, маленькая свѣчка, погорю гдѣ-нибудь тутъ незамѣтно въ уголку".

Маркъ Петровичъ принялся опять за свои стеки и глину, а Горунинъ, ходя на цыпочкахъ, сталъ разсматривать разные цѣльные и съ поломами гипсовые статуи и бюсты, эскизы изъ воска и высохшей уже глины, которыми была полна мастерская. Но вотъ, очевидно, бюстъ, еще свѣжій, накрытый мокрой тряпкой.

„Должно-быть, что-нибудь новенькое",—подумалъ Горунинъ.

По счастью, въ эту минуту художникъ нечаянно взглянулъ въ эту сторону, увидѣлъ Горунина передъ бюстомъ.

— Подымите, подымите тихонько тряпку,—сказалъ онъ:— тутъ есть еще одна вещица.

Горунинъ осторожно снялъ тряпку; открылась женская головка. На ней не было замѣтно слѣдовъ окончательной отдѣлки; глина не была еще сглажена; сильно были намѣчены нѣкоторыя черты, особенно характеризовавшія выраженіе лица, сильно намѣчены, очевидно, чтобы не потерять ихъ при дальнѣйшей работѣ.

— Вы отойдите немножко, сядьте на кресло и смотрите такъ, немножко издали, — проговорилъ еще художникъ, продолжая свою работу и не глядя на Горунина.

Сначала ничего особеннаго не поразило Горунина въ этомъ, еще, очевидно, не конченномъ произведеніи художника. Онъ подумалъ только: „Какой однако у него благородный стиль,— это ужъ вліяніе Рима, антиковъ". Затѣмъ, чѣмъ болѣе всматривался, тѣмъ болѣе и болѣе интереса открывалъ въ этой головкѣ.

„Это какъ въ Гвидовой Беатриче Ченчи, — подумалъ онъ,— но то — живопись, краски, здѣсь — ваяніе, матеріалъ одноцвѣтный, неблагодарный...“

Онъ смотритъ—и съ изображенія все болѣе и болѣе какъ бы совлекается эта грубая, безцвѣтная оболочка матеріи, и выступаетъ живой образъ, подъ нею скрывавшійся... Даже глаза, которые какъ-то всегда непріятны въ статуѣ, какъ будто и они оживляются, и подъ тѣнью нѣсколько выдвинутыхъ вѣкъ въ нихъ становится все выразительнѣе и выразительнѣе ихъ взглядъ, который какъ бы договариваетъ общее выраженіе лица, становится центромъ, куда сходятся всѣ движенія отдѣльныхъ личныхъ мускуловъ въ одну общую мысль, въ одинъ готовый сейчасъ вырваться вопль изболѣвшей души: „Да! Все кончено!“

Но ужъ тутъ художникъ, его твореніе совершенно исчезаетъ передъ Горунинымъ. Это ужъ не глиняный бюстъ, это ужъ образъ существа живого, знакомаго...

„Неужели это она?“—вопрошаетъ онъ, хватаясь за сердце, какъ бы почувствовавъ тамъ внезапную боль. „Она?.. И съ нея онъ лѣпилъ этотъ бюстъ?..“ Онъ смотрѣлъ прямо, смотрѣлъ въ три четверти, въ профиль. „Она! Глина сырая: неужели она здѣсь, въ Римѣ, была въ этой мастерской...“

Волненіе его слишкомъ сильно; онъ не можетъ преодолѣть себя и спрашиваетъ художника:

— Это не портретъ, Маркъ Петровичъ?

Маркъ Петровичъ не вдругъ отвѣтилъ, погруженный въ свою работу:

— Можетъ-быть, и портретъ... не знаю, какъ вамъ сказать...

II.

Бюстъ.

Сьора Бабуина дѣйствительно оправдала свою рекомендацію. Накрыла столъ на открытой террасѣ, осѣненной навѣсомъ густыхъ виноградныхъ лозъ и выходившей изъ спальни Марка Петровича въ небольшой садикъ. Садикъ шелъ подъ гору. За передней его каменной стѣной съ нѣсколькими почернѣвшими мраморными вазами съ жирными кактусами начинается уже болѣе крутой склонъ горы, такъ что видъ съ террасы выходилъ, какъ въ Москвѣ съ Кремля на Замоскворѣчье, на весь вѣчный городъ. Это было лиловатое, воздушное море домовъ, крышъ, куполовъ, кипарисовъ, зонтообразныхъ пиній,— море, горизонтъ котораго увѣнчивался чуднымъ силуэтомъ храма Св. Петра съ его величаво-спокойнымъ куполомъ. Солнце было еще высоко и косыми лучами своими какъ бы слегка

золотило низкіе слои атмосферы, всегда тяжелые и туманные надъ большимъ городомъ, зато яркимъ изумрудомъ и прозрачнымъ золотомъ зажигало мѣстами виноградные листья и цѣлыя вѣтки съ ихъ закрутившимися усиками, спускавшіяся по сторонамъ террасы, гдѣ совершали свою трапезу наши друзья.

Горунинъ, будь онъ въ другомъ настроеніи духа, пришелъ бы въ восторгъ отъ всего, что̀ его окружало, но все время обѣда онъ былъ какъ бы самъ не свой. Только когда Маркъ Петровичъ велѣлъ достать и подать хранившуюся у него бутылку Капри, какое „врядъ ли когда пивалъ“ Горунинъ и которое „конечно, будетъ получше той кислятины“, какой они „угощались“ въ остеріи въ Аппенинахъ,—онъ нашелъ возможнымъ направить разговоръ на предметъ, его занимавшій.

— Вотъ, Маркъ Петровичъ,—сказалъ онъ:—вы сами напомнили объ той остеріи. Я все еще не могу опомниться... видѣлъ васъ тамъ такимъ... огорченнымъ...

— Такою скотиной,—перебилъ его Маркъ Петровичъ, захохотавъ.—Что̀ дѣлать, батюшка, бываетъ! Вамъ тогда наговорилъ я грубостей и, должно-быть, чувствовалъ это, потому что послѣ васъ еще хуже сталъ пить. Одинъ сижу, пью и васъ ругаю. Такую желчь развелъ, что страхъ!

— Ну, что̀ объ этомъ, Маркъ Петровичъ! Скажите лучше, какъ вы оттуда уѣхали?

— Какъ уѣхалъ? Да очень просто: велѣлъ привести лошадей и уѣхалъ. Захотѣлось вотъ этотъ бюстъ сдѣлать, что̀ вы видѣли. Бюстъ-то это пока только такъ. Обдумываю группу. Надо только въ исторіи подыскать подходящій сюжетъ. Вертится этакъ образъ Іевфая и его дочери, или Агамемнонъ съ Ифигеніей, жертвоприношеніе, или, напримѣръ, сотникъ Виргиній съ трупомъ дочери, что-нибудь этакое, чтобъ были отецъ и дочь. Этакій трагическій мотивъ!.. Король Лиръ, пожалуй... Эти чувства-то ихъ въ натурѣ видѣлъ... Какъ будто самъ ими прожилъ...—Онъ нѣсколько подумалъ, потомъ прибавилъ:—Тамъ послѣ васъ случилось одно происшествіе...

— ...Которое и произвело на васъ сильное впечатлѣніе,—докончилъ Горунинъ фразу свою собесѣдника.—И изо всего этого результатомъ будетъ, можетъ-быть, великое произведеніе искусства! Ужасно интересно для науки наблюсти это первое зарожденіе художественной мысли, чисто личной, и какъ она потомъ будетъ принимать все болѣе и болѣе объективное выраженіе.

— То-есть случай-то былъ интересный,—отвѣчалъ Маркъ Петровичъ, не вполнѣ понявшій мысль Горунина.—Послѣ

васъ, этакъ дня черезъ три, черезъ четыре, сижу тамъ, въ остеріи. Входитъ господинъ. Сейчасъ вижу—нашъ русакъ, помѣщикъ. Отставной изъ военныхъ. Длинные усы, съ сильной просѣдью. Лицо такъ себѣ, доброе. Противъ меня сѣлъ, кофе спросилъ. На меня поглядываетъ, конфузится. Наконецъ говоритъ: „Узналъ, милостивый государь, что тутъ русскій сидитъ, осмѣлился побезпокоить — поговорить хоть немножко, имѣю честь рекомендоваться". Такой-то, говоритъ. Какъ себя назвалъ—не интересовался, не слушалъ, и теперь не знаю. А онъ, точно вѣкъ молчалъ, и пошелъ, и пошелъ расписывать и „семейныя горести", и „на чужой сторонѣ", да „по душѣ поговорить"... Я говорю: „Отъ меня утѣшенія много не получите". Думаю про себя: ну васъ къ чорту! Отшибить его разомъ, чтобъ не лѣзъ; говорю, тоже, молъ, имѣю честь рекомендоваться: „бывшій крѣпостной, нынѣ художникъ". Жду, что поморщится отъ „крѣпостного". Куда-те! „Художникъ, говоритъ,—значитъ, отъ Бога милости и отъ людей чести удостоены, какъ такой-то, такой-то", Тропининъ тамъ, да и меня называетъ... Оконфузилъ совсѣмъ. Не знаю, какъ и быть: сказать, что это я самый и есть—совѣстно; ну, ужъ, думаю, промолчу лучше, все равно, вѣдь никогда, можетъ, и не встрѣтимся. А онъ: „Да-съ, говоритъ, талантъ—это такой даръ Божій, который намъ, простымъ людямъ, во тьму свѣтитъ. И горе, коли его не уразумѣешь! У меня дочь: тоже данъ ей талантъ, да не дали мы ей простору, и вотъ теперь пріѣхали сюда... а привеземъ ли домой живую—Богъ вѣсть!" И смотрю: старикъ мой, какъ сидѣлъ противъ меня, облокотившись, за столомъ, схватился руками за голову и горько заплакалъ. Я, знаете, гляжу, выпуча глаза. Преодолѣлъ это онъ себя, походилъ по комнатѣ, обтеръ лицо платкомъ, опять сѣлъ. „Извините, милостивый государь, человѣческой слабости. Все-то время вмѣстѣ съ нею и въ отеляхъ, и въ экипажѣ крѣпишься, шутишь, стараешься веселымъ казаться, виду ей не подавать, что у тебя на душѣ... а увидалъ теперь вотъ васъ, добраго человѣка, хоть въ первый разъ, говоритъ, имѣю честь видѣть—не выдержалъ. Простите отцовскія чувства",—и руку мнѣ протягиваетъ. Ну-съ, знаете, свиньей я себѣ передъ нимъ показался.

— Вы его фамилію такъ и не помните и какъ зовутъ?— спросилъ Горунинъ.

— Ничего, голубчикъ, не помню. Сначала не разслышалъ, а потомъ спросить совѣстился, да и невдомекъ.

— Но онъ все-таки съ дочерью пріѣхалъ? Дочь-то вы видѣли?—опять спросилъ Горунинъ.

— Съ женой и дочерью. Всѣхъ видѣлъ. Дочь-то точно больная, чахоточная. И въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ доктора сказали отцу, что плоха надежда. И мать мелькомъ видѣлъ. Обошлась сухо. Должно-быть, характерная дама, княжескаго рода. Противъ воли родителей вышла замужъ, убѣгомъ.

— Вы говорите, Маркъ Петровичъ, ихъ всѣхъ видѣли: и мать и дочь.—гдѣ же это? Не въ остерію же онѣ пришли?—продолжалъ допрашивать Горунинъ.

— Гдѣ они остановились, у нихъ, въ гостиницѣ „Горнаго Орла“. Онъ меня затащилъ. Такъ, знаете, словно на веревочкѣ и повелъ, какъ у насъ какая-нибудь хромая гарниза въ часть цѣлую ватагу водитъ. Я, признаюсь вамъ, Александръ Васильевичъ, маленько суевѣренъ. Сколько въ моей жизни бывало такихъ случаевъ. Точно иногда кто насильно возьметъ тебя и поведетъ, и натолкнетъ именно на то, что̀ тебѣ нужно увидать, или что̀ услышать. Когда работаешь, иногда онъ словно подлѣ тебя стоитъ и рукой твоей водитъ, ты и самъ не знаешь, почему и какъ тутъ ткнешь, тамъ ткнешь; иной разъ только почти какъ ужъ къ концу подходишь, угадаешь, къ чему онъ клонилъ. Бьешься иной разъ, бьешься надъ работой, мучишься, злишься, бросишь все, а онъ тебя нечаянно подведетъ, возьметъ твою руку со стекой, да и направитъ. смотришь—и вышло то, чего искалъ. Охъ, объ этомъ долго говорить...

— Сократовъ δαίμων—демонъ, то-есть духъ,—пояснилъ съ легкой улыбкой Горунинъ.

— Нѣтъ, только не демонъ, а духъ чистый, никогда на дурное не наведетъ. Не будь въ насъ этого скотства ему помѣхой, то ли бы изъ насъ выходило!

— Какъ же вы полагаете, онъ къ вамъ и старика привелъ и потомъ повелъ къ дочери?—спросилъ Горунинъ, озадаченный странными откровеніями Марка Петровича, которыя еще не успѣлъ перевести на свой научный языкъ.

— Ужъ тамъ, какъ хотите, толкуйте, а ужъ изъ этого ада или скотства, какъ вы меня видѣли и куда я таки-попадаю отъ своей испорченности и отъ безобразной жизни, въ которой болтался, отъ своей необузданности, отъ скверныхъ привычекъ, конечно, только онъ меня выводилъ и теперь вывелъ. Вывелъ, да и поставилъ, словно передъ какой свѣтъ небесный... Знаете, въ этихъ чахоточныхъ что-то небесное просвѣчиваетъ. И румянецъ—не то, что̀ красныя щеки здоровой дѣвки, а, знаете, какъ заря изъ другого міра. И цвѣтъ кожи, лицо, руки какія-то сквозящія. Самая худоба тѣлесная, такъ

ей и слѣдуетъ быть у нихъ. А зато вся сила-то, жизнь, огонь-то небесный весь въ глазахъ сосредоточился. Только цвѣтами бы, розами да кринами ее окружать, пока она на землѣ. Тяжела, груба, грѣшна для нихъ наша земля!

— Маркъ Петровичъ! Маркъ Петровичъ! — воскликнулъ Горунинъ.—Это все у васъ выражено въ бюстѣ! Даже больше того: страданье, безнадежность! — Ему хотѣлось бы однако перевести скорѣе разговоръ на предметъ, болѣе его интересовавшій, и онъ прибавилъ:—Понимаю, какъ вамъ глупъ долженъ былъ показаться мой вопросъ, не портретъ ли это?

— Портретъ-то, можетъ-быть, и портретъ; я вамъ разскажу; только вотъ докончу мою мысль. Это я говорилъ о чахоточныхъ; но знаете, во всѣхъ этихъ статуяхъ и картинахъ великихъ-то мастеровъ есть вѣдь это самое, что я сказалъ, что духъ-то сквозитъ сквозь матерію, и мы именно это въ нихъ называемъ божественнымъ—въ Аполлонѣ, въ Мадоннахъ рафаэлевскихъ... А насчетъ того, портретъ ли это, скажу :можетъ-быть, и вышелъ портретъ — безъ натуры дѣлалъ. Эта вотъ именно дочка-то старика у меня въ головѣ засѣла. У дѣвочки, видите, съ малолѣтства страсть къ музыкѣ была. Все наигрывала и напѣвала по слуху. Потомъ оказался голосъ. Учителя наняли, нѣмца. Въ домъ взяли, въ деревню возили, чтобъ ей всегда аккомпанировать. Нѣмецъ вышелъ совершенно по ней. Пѣніе хорошо зналъ, молодость въ Италіи провелъ, около пѣвцовъ и пѣвицъ, въ оркестрѣ въ первыхъ скрипкахъ сидѣлъ. На свою барышню просто молился. Всѣ, разумѣется, радовались, гостей сзывали, концерты домашніе устраивали. Въ Петербургѣ къ нимъ все лучшее общество ѣздило, художники, писатели, Карлъ Павловичъ Брюлловъ, Кукольникъ; Глинка въ ней души не чаялъ, съ ней свои романсы проходилъ. У графа Віельгорскаго, — а вѣдь онъ какъ бы министръ по искусствамъ у государя, — у него всѣ знаменитости, свои и пріѣзжія, бываютъ, — все это передъ ней преклоняется. Всѣ жалѣютъ, что этакій талантъ пропадаетъ для сцены. Князь Одоевскій, чистая, благороднѣйшая душа, тонко понимаетъ искусство. Онъ ей прямо сказалъ: „Богъ вамъ далъ всѣ Свои лучшіе дары, да одинъ порокъ, который ихъ уничтожаетъ: вы слишкомъ высоко родились...“ А я вамъ скажу, что талантъ, батюшка, гдѣ онъ ни родись, вверху или внизу, такая штука, что, какъ растеніе, тянется къ свѣту, въ просторъ. Оно такъ и должно быть. Талантъ вѣдь не въ какое удовольствіе только *тебѣ* дается. Это, можетъ-быть, только орудіе, черезъ которое дѣйствуетъ Высшая сила на всѣхъ, и стремится онъ быть, аки городъ на горѣ, дабы всѣмъ виденъ

былъ. Мы сами тутъ, можетъ, и ни при чемъ, коли бы дѣло шло только о нашемъ удовольствіи. Ну, чѣмъ бы, напримѣръ, мнѣ не житье было въ деревнѣ? Лѣпи, что̀ угодно! Одно горе только было: мальчишки у моихъ фигуръ камнями носы отбиваютъ. Это, я вамъ скажу, первая страсть у дикаго человѣка — у статуи носъ отбить! Отчего и древнія статуи до насъ дошли почти всѣ съ отбитыми носами...

Горунинъ, который сперва съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ собственныя сужденія и воззрѣнія Марка Петровича, теперь сталъ уже изъявлять нетерпѣніе при его частыхъ отступленіяхъ. Онъ опять вернулъ его къ занимавшему его предмету:

— Она, стало-быть, захотѣла на сцену?

— Да, да, на сцену!.. Старикъ, знаете, вилялъ, когда говорилъ объ этомъ: все хотѣлъ жену выгородить, — а чортъ-отъ, по всему, въ ней сидѣлъ. Видитъ она, что ужъ дѣло идетъ на сурьезъ, что дочка прямо и на графа Віельгорскаго и на князя Одоевскаго ссылается, и что̀ дальше, то хуже; рѣшила барыня моя всему положить конецъ. Нѣмца какъ разъ по шеямъ, а сами — въ дальнюю деревню! Старикъ, знаете, все это затушевывалъ, больше на здоровье ссылался, что надо было въ деревню переѣхать, потому, видите, что ужъ стала покашливать... Можетъ, и стала покашливать? Съ чего же нибудь, однако!

— А про деревню что̀ онъ разсказывалъ?—спросилъ Горунинъ, который волновался все болѣе и болѣе: то воды стаканъ выпьетъ, то вина, то облокотится на столъ, то откинется на спинку креселъ.

— Ну, въ деревнѣ что̀?... Не знаю, право, — отвѣчалъ Маркъ Петровичъ.—Разумѣется, болѣзнь пошла хуже... Впрочемъ, въ деревнѣ,— вдругъ онъ вспомнилъ, — она разъ чуть было не убѣжала...

— То-есть какъ чуть было не убѣжала?—дрожащимъ голосомъ переспросилъ Горунинъ.

— Это старикъ разсказывалъ даже какъ-то забавно. Оказался тамъ у нихъ сосѣдъ, молодой человѣкъ; такъ, говоритъ, изъ фертиковъ. Уменъ, говоритъ, да безтолковъ... Разумѣется, влюбился. Уговорились, — лошадей достанетъ, уѣдутъ, гдѣ-нибудь обвѣнчаются—и въ Италію. Да, дуракъ, говоритъ, и этого не сумѣлъ устроить... „Я, говоритъ, свою супругу похищеньемъ добылъ, да еще отъ какого тестя — ого! Тесть нагналъ, да ужъ поздно было. Да-съ, говоритъ, это наши были, старыя гусарскія времена“. Понимаете: старый-то гусаръ чѣмъ обидѣлся? Не тѣмъ, что хотѣли дочь похитить, а тѣмъ, что не сумѣли! А отчего? „Срамникъ-то,

говоритъ. не явился. Дома его въ комнатѣ заперли! Любовница заперла. Знаете, про все пронюхала, да какъ ѣхать ему,—двери на запоръ, цѣлыя сутки подъ замкомъ держала и еще хвасталась потомъ: хотѣлъ, говоритъ, мой заинька убѣжать, анъ въ капканъ попался!.."

Маркъ Петровичъ, войдя въ роль стараго гусара, про котораго разсказывалъ, засмѣялся-было при своихъ послѣднихъ словахъ, но, взглянувъ на Горунина, остановился.

— Что съ вами?—спросилъ онъ, видя что тотъ, откинувшись на спинку кресель, находится какъ бы въ совершенномъ изнеможеніи.—Что съ вами?—повторилъ онъ.

— Ничего, ничего,—отвѣчалъ Горунинъ, пріободрясь.—Пожалуйста, продолжайте... Что потомъ съ нею было послѣ этого несчастнаго бѣгства?

— Видите, Александръ Васильевичъ, я не могу вамъ въ порядкѣ разсказывать; вѣдь я тамъ не былъ и не въ книжкѣ читалъ... Старикъ вѣдь тоже переходилъ отъ того къ другому, какъ къ слову придется. Она послѣ того сильно заболѣла. Ночь-то провела, ждала въ саду, на холодѣ, осенью. Мучить сталъ кашель. Тутъ старикъ, я вамъ скажу, былъ божественъ. Просто въ какомъ-то историческомъ образѣ просіялъ. Лицо—совсѣмъ другое. Рѣчь—другая. Откуда сила взялась: „Вы, говоритъ, молоды, вы понять не можете, что такое родное дѣтище, да еще такое, смѣло могу сказать, необыкновенное созданіе! Словно свѣтъ какой она съ собой принесла... У меня, говоритъ, просто второе зрѣнье открылось..." Оно понятно, и люди-то съ ней пришли другіе; говорятъ, судятъ объ искусствѣ, о наукахъ... И въ Эрмитажъ, и по выставкамъ... „И вдругъ, говоритъ, тебѣ объявляютъ, что этотъ свѣтъ для тебя долженъ погаснуть... Погаснетъ, и все кругомъ погаснетъ, и будетъ тьма!.. И какъ, говоритъ, засѣла эта мысль, такъ вотъ, словно у тебя въ мозгу одна точка, и ноетъ, и ноетъ, словно кто тебя въ эту точку буравомъ сверлитъ..." Или: „Въ болѣзни-то, говоритъ, сижу около ея постели: лежитъ, какъ мраморная, покойница, да и только. Смотрю и думаю: „Что же я-то живу!" Вѣрьте, говоритъ, скажи мнѣ тогда, на самыя адскія муки иди—пойду! Какъ Богъ святъ, пойду, чтобы только жива была!" И я вамъ скажу: пошелъ бы!.. Мнѣ даже на него жутко было глядѣть. Думаю про себя: да, Маркъ Петровичъ, есть, братецъ, горе на свѣтѣ почище твоего!.. Ты-то что? Изъ-за фантазіи! А тутъ — кровь говоритъ!

— Однако... потомъ она поправилась?—едва могъ произнести задыхающимся голосомъ Горунинъ.

— Должно-быть, только долго болѣла. Въ Москву переѣхали. Лѣчили. Да вѣдь что̀ жъ доктора? „Беречь надо, не раздражать, развлекать: такая болѣзнь, что малѣйшая простуда можетъ унести, хорошо бы въ теплый климатъ“. Старикъ говоритъ, что ужъ тутъ онъ ни на кого не сталъ смотрѣть. Говоритъ женѣ: „Такъ нельзя, мы, молъ, дочь губимъ. Надо ѣхать въ Италію, да чтобы въ ней духъ поднять, такъ и скажемъ, что мы на все согласны, на театръ, такъ на театръ. Что̀, въ самомъ дѣлѣ? Поправится, такъ и съ Богомъ на театръ, куда угодно. Только, говоритъ, надо, чтобы это она отъ тебя самой слышала. Пойди ты къ ней и сама скажи“. Мать-то, хоть и гордая дама, тоже вѣдь настрадалась. „Дѣлайте, говоритъ, что̀ хотите, лишь бы только была жива да здорова“, и пошла къ дочери. Онъ подождалъ немножко, говоритъ, не вытерпѣлъ, самъ пошелъ, потихонечку. Дверь-то пріотворена. „Вижу, говоритъ, сидятъ обѣ на постели, обнялись и плачутъ. Полно, говорю, нечего тутъ плакать! Поѣдемъ въ Италію, такую тамъ Зонтагъ покажемъ, что всѣ рты разинутъ“. Та: „Папочка, папочка!“—и ручку протянула, обняла папочку, правой-то рукой мать, а лѣвой-то его, старика, да то того, то другого цѣлуетъ.

— Удивительная это вещь, — заключилъ Маркъ Петровичъ,—я вотъ вамъ разсказываю, а у меня у самого опять слезы!..

Горунинъ всталъ со своего мѣста, прошелся раза два по террасѣ и, остановясь съ какимъ-то видомъ рѣшимости, спросилъ Марка Петровича:

— Неужели вы не запомнили, хоть какъ дѣвушку-то звали? Вѣдь отецъ поминалъ же ея имя, какъ разсказывалъ?

— Поминалъ, поминалъ,—отвѣчалъ Маркъ Петровичъ, потирая себѣ лобъ:—Соничка, Сашенька...

— Ниночка!..—подсказалъ тихо Горунинъ.

— Ниночка, Ниночка!—радостно воскликнулъ художникъ.— Такъ и есть! А я-то!..

— Ну-съ,—какъ бы съ рѣшительностью отчаянія произнесъ Горунинъ. — Значитъ, это она. Отецъ — Сергѣй Петровичъ Тарутинъ, мать — Марья Борисовна, дочь — Нина. А этотъ дуракъ, который хотѣлъ спасти ее, подбилъ бѣжать,— это я!..

Маркъ Петровичъ ошеломленъ былъ этимъ внезапнымъ откровеніемъ Горунина, котораго никакъ не ожидалъ. Онъ сталъ-было извиняться, что если бъ зналъ, что это такъ близко Горунина касается, то не сталъ бы говорить. Но Горунинъ его остановилъ:

— Что вамъ извиняться, дорогой Маркъ Петровичъ! Я знаю себѣ цѣну, и вы ее знаете! Сами видѣли... Духа у меня этого нѣтъ, что, вы говорите, васъ ведетъ, и сами не знаете куда, но всегда къ доброму и свѣтлому! Вѣры нѣтъ! Вы — художникъ, вы — идеалистъ, въ какой бы формѣ ни проявлялся этотъ идеализмъ, несмотря на всѣ ваши, какъ вы говорите, безобразія. У меня все это расшатано. Въ другихъ, въ исторіи, въ искусствѣ все понимаю. Мало того: у самого хорошіе порывы, благородные есть, вся жизнь моя изъ нихъ состоитъ, да нѣтъ воли, нѣтъ силъ отдаться всѣмъ существомъ своимъ вдохновенью минуты, со слѣпою вѣрою, какъ вы въ этого добраго духа вашего!.. И начнешь съ благороднаго порыва, а кончишь какъ дуракъ, какъ подлецъ!

— Да полно вамъ на себя клеветать,—хотѣлъ-было остановить его Маркъ Петровичъ.

— Нѣтъ, Маркъ Петровичъ, эта чудная дѣвушка, о которой вы говорите,—теперь умирающая: вотъ мнѣ мой вѣчный укоръ—не грозная Немезида, нѣтъ, еще ужаснѣе—кроткая, тихо и безнадежно страдающая, можетъ-быть, даже и вѣроятно, прощающая! Вотъ гдѣ мнѣ вѣчный приговоръ, вотъ кара за всю мою жизнь, за всю мою безхарактерность... Вѣдь и та, которая заперла меня и подъ замкомъ продержала, и ту я хотѣлъ тоже спасти, тоже жертва моего великодушнаго порыва: не выдержалъ и самъ не знаю ужъ, какъ попался ей въ цѣпи!.. Но, извините меня, бросимъ всю эту гадость; я ужъ думалъ, что все это порвалъ, уѣхалъ за границу, началъ новую жизнь... Эхъ, всѣ-то мы, праздные туристы, что шатаемся по Европѣ и ищемъ, чѣмъ бы наполнить умъ и сердце, всѣ мы — разбредшіеся актеры какой-нибудь драмы, которую не называю трагедіей потому, что въ ней замѣшана всегда какая-нибудь пошлость. Скажите лучше, какъ вы застали Нину, какое она произвела на васъ впечатлѣніе?

— Я ужъ вамъ разсказалъ, какое впечатлѣніе,—отвѣчалъ Маркъ Петровичъ.—Засталъ ее, впрочемъ, въ хорошемъ видѣ. Вышло, однако, съ самаго начала для меня не совсѣмъ ловко. Старикъ говорилъ-говорилъ, вдругъ всталъ, взялъ шляпу и говоритъ мнѣ: „Послушайте, хотите сдѣлать удовольствіе, можетъ-быть, умирающей? Пойдемте къ ней со мною. Съ художникомъ поговорить — это ея первая страсть! Пойдемте, доброе дѣло сдѣлаете“. Я, какъ по приказанію, поднялся и пошелъ. „Вотъ, говоритъ, Ниночка, гостя тебѣ привелъ, художникъ... извините, — ко мнѣ обращается, — не знаю, какъ назвать?“ — Петровъ, говорю. — „Какой Петровъ?... скульп-

торъ? — спрашиваютъ:—Дѣвочка, что голубей кормитъ, пшеничку сыплетъ—это ваша статуя была на выставкѣ?"—Моя! И отецъ и дочь: „ахъ, ахъ!" Я посмотрѣлъ на себя: квадрочента на мнѣ не чищена, въ пятнахъ вся, чортъ знаетъ на что похожъ. Мать вышла, на меня посмотрѣла, нѣсколько словъ по-свѣтскому сказала, ушла; думаю, похвалила мужа, что такого чучелу привелъ. Онъ тоже посидѣлъ-посидѣлъ, надо пойти похлопотать гостя попотчевать, тоже ушелъ, нарочно ушелъ, насъ вдвоемъ оставилъ. Разумѣется, разговоръ объ искусствѣ завели. Я ей кое-что про себя разсказалъ. Знаете, точно мы съ ней вѣкъ были знакомы. Весело было. Она даже смѣялась, какъ я ей разныя свои приключенія разсказывалъ, про профессоровъ, про „Великаго" — у Брюллова одинъ его ученикъ былъ, журналъ свой велъ, такъ тамъ Карла Павловича по имени не писалъ, а только „Великій". Такъ, напримѣръ: „Сегодня Великій пустилъ въ меня палитрой — всего перепачкалъ!", или: „Сегодня Великій вернулся съ проводовъ со Средней Рогатки; оказался жаръ. Поилъ малиной". Журналъ, впрочемъ, очень интересный: всѣ сужденья Великаго были записаны; вѣдь умница былъ Карлъ Павлычъ. Да вдругъ я ей какъ-то и говорю: „Вѣдь вы сами артистка!". Смотрю,— вся веселость съ лица пропала, подняла на меня глаза и долго смотрѣла. Вижу: проступаютъ на нихъ слезы. „Была бы", говоритъ, и опустила голову, а слезы такъ и закапали. Вотъ это въ бюстѣ я и хотѣлъ выразить!

1891

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

О святыхъ московскихъ митрополитахъ

ПЕТРѢ и АЛЕКСѢѢ

и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ.

Кто бывалъ въ Москвѣ, тотъ ужъ, конечно, первымъ дѣломъ считалъ пойти въ московскій кремль, помолиться въ соборахъ Успенскомъ и Архангельскомъ на гробахъ прежнихъ великихъ князей и царей русскихъ и приложиться къ мощамъ святыхъ чудотворцевъ московскихъ—митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Вотъ о первыхъ двухъ я и буду вамъ разсказывать.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ; на той горѣ, гдѣ теперь Кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что̀ нынче называется Спасъ-на-бору. Кругомъ горы были прикрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчищены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ и въ этомъ терему проживалъ одинъ князь, внукъ св. Александра Невскаго, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита. Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ, и митрополиты жили во Владимирѣ-на-Клязьмѣ, и Владимиръ былъ столицею великихъ князей. Объѣзжая свою паству, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ терему, надъ Москвою рѣкою, частенько долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ Русской земли, какъ всѣ-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются, татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ, и идетъ повсемѣстная война и разореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу:

— Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю; есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомысленны: въ даль не смотрятъ, а только думаютъ, какъ бы нынче прошло хорошо; думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ вся-то Русь пополамъ распалась: одна часть подъ Литву подпала, другая—подъ татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и вздыхаютъ, а о томъ и не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ дѣтямъ и внукамъ совсѣмъ отъ татаръ избавиться. Изъ всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума ве-

ликаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали „Калита", полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, задаромъ волости продаютъ. И устройся такъ, чтобъ у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей. Еще когда на родинѣ моей, въ землѣ Галицкой, удалился я въ пустыню, и потомъ помогъ мнѣ Господь устроить тамъ монастырь, и объѣзжалъ паству митрополитъ Максимъ, и въ нашу землю пріѣхалъ, вышли мы, иноки, отъ него благословиться; и поднесъ я владыкѣ моей рукой написанную икону Успенія Божіей Матери: а написалъ я эту икону, какъ она мнѣ явилась въ сонномъ видѣніи. И принялъ ее митрополитъ и облобызалъ, и потомъ украсилъ ее золотомъ и каменьями и всегда хранилъ въ кельѣ своей. По кончинѣ его выбрали меня, недостойнаго, митрополитомъ всея Руси, и поѣхалъ я къ патріарху въ Царьградъ на ставленіе. Оказалось, что въ то же время, попустилъ Господь, игуменъ Геронтій взялъ отъ того покойнаго владыки утварь святительскую, и жезлъ, и икону Успенія, и отправился тоже въ Царьградъ къ патріарху, думая обмануть его и получить митрополію всея Руси. Значитъ, сами того не зная, на разныхъ корабляхъ плыли мы къ Царьграду. Мнѣ былъ вѣтеръ попутный и плаванье тихое; я пріѣхалъ и былъ посвященъ съ санъ митрополичій патріархомъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ и Геронтій, и какъ вошелъ къ патріарху, такъ и палъ ему въ ноги, и началъ каяться и просить прощенія. И разсказалъ онъ, что, какъ плылъ онъ по морю, его постигла жестокая буря, и всѣ думали, что ужъ погибнутъ. И впалъ онъ, Геронтій, якобы въ забытье; въ этомъ забытьѣ явилась ему Божія Матерь и сказала: „напрасно трудишься, санъ святительскій достанется не тебѣ". И устрашился онъ, и положилъ, если Богъ его помилуетъ, жизнь оставитъ, то, какъ пріѣдетъ въ Царьградъ, во всемъ покается патріарху. И Господь помиловалъ, и вотъ онъ принесъ и похищенную имъ утварь святительскую, и жезлъ, и икону, да приметъ ихъ тотъ, кому они принадлежатъ по праву. И всѣ мы дивились неизреченному чуду: патріархъ простилъ Геронтія, видя слезы его, и всѣ мы купно прославляли Господа и молили, да не оскудѣетъ промыселъ Его надъ нами. Такъ икона моя опять перешла ко мнѣ, и ее-то хочу я поставить у тебя въ Москвѣ: да приметъ Царица небесная подъ святой покровъ Свой твои благія начинанія. Ты же построй, во имя Ея, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, соборный храмъ, и пророчу тебѣ, что, если ты меня во всемъ послушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ твой прославится надо всѣми русскими городами: святители послѣ меня будутъ жить въ немъ; руки его взыйдутъ на плещи враговъ его, и Богъ прославится въ немъ.

Такъ бесѣдовалъ святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ. И сталъ онъ скупать какъ можно больше земель отъ сосѣднихъ князей; иные, можетъ-быть, и знали его тайную думу объ освобожденіи отъ татаръ, и сами, умирая, отказывали ему свои владѣнія. Отъ этого при немъ и при сыновьяхъ его Московское княжество заняло всѣ земли между Окой и Бѣлымъ озеромъ и Сухоной, всѣ нынѣшнія губерніи Московскую, Ярославскую, Костромскую и части Новгородской и Нижегородской; а средняя Волга отъ Углича до впаденія въ нее рѣки Ветлуги вся протекала ужъ по московскимъ землямъ. По Волгѣ же, да по Окѣ, шла съ давнихъ временъ вся судовая торговля Россіи изъ-за Новгорода, отъ Балтійскаго моря въ Азію и обратно.

Иванъ Даниловичъ устроилъ въ Мологѣ большую ярмарку: а какъ онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбойниковъ, и по рѣкамъ учинилъ стражу, чтобъ не грабили товаровъ, тамъ проходившихъ, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ татарами велъ такъ, что они не показывались въ его владѣніяхъ, и была при немъ на Руси „тишина великая", — то въ земли его стало переходить много народу изъ другихъ княжествъ; и народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли; а самъ московскій князь сдѣлался черезъ то еще богаче и сильнѣе другихъ князей. И начали переѣзжать къ нему отъ другихъ князей самые знатные и умные бояре, и сдѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу, какъ избавиться отъ Орды. И умеръ Иванъ Даниловичъ Калита (1340 г.), а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Симеонъ уже сталъ именоваться великимъ княземъ всея Русіи и гордо держалъ себя съ князьями и татарами. Можетъ-быть, и готовился онъ нанести Ордѣ рѣшительный ударъ, какъ вдругъ въ 1353 году пришла въ Россію страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти; цѣлыя области опустѣли: въ нѣкоторыхъ городахъ не осталось ни одного человѣка. И самъ великій князь Симеонъ во цвѣтѣ лѣтъ и мужества заразился ею и умеръ. Но, умирая, передалъ престолъ брату Ивану Ивановичу и писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: „Слушайся старыхъ бояръ, они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобъ и — *свѣча не погасла*". А что разумѣлъ онъ подъ этою притчей, чтобы свѣча не погасла? А свѣча значитъ тутъ то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердце своимъ боярамъ, то-есть освобожденіе отъ татаръ.

Не погасла свѣча при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внукѣ его Димитріѣ Ивановичѣ. Димитрій послѣ отца остался младенцемъ, но именемъ его управляли Русью бояре московскіе и главное св. митрополитъ Алексѣй. Они занимались дѣлами и въ Орду ѣздили; но былъ тогда еще святой мужъ, который, удалясь отъ міра сего, въ глубинѣ лѣса дремучаго въ тяжкихъ веригахъ передъ Господомъ подвизался, да благословитъ Богъ святое дѣло въ Москвѣ затѣянное, и строгою жизнью своею подавалъ христіанамъ примѣръ, какъ удостоиться милости Господней. И по тропинкамъ къ обители св. Троицы, имъ построенной, частенько пробирались къ нему князья и бояре—укрѣпиться духомъ и посовѣтоваться о дѣлахъ; по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесахъ, прославившихъ его и при жизни; ученики разошлись по всѣмъ концамъ Руси, даже до далекой Перми разнесли славу о его благочестіи и мудрости, и толпы народу валили къ его обители послушать его поученія. Мужъ этотъ былъ св. Сергій, изъ ростовскихъ бояръ. Особеннымъ другомъ его былъ двоюродный братъ великаго князя Димитрія Ивановича, Владимиръ Андреевичъ, который во всей жизни своей поступалъ по его совѣту, даже отказался отъ престола послѣ Димитрія, чтобы престолъ московскій переходилъ въ одномъ семействѣ отъ отца къ сыну и не было смуты и спора за наслѣдство. Къ Троицѣ прорубили потомъ ужъ большую дорогу и со всякимъ важнымъ дѣломъ ѣздили изъ Москвы за совѣтомъ и благословеніемъ къ Сергію; онъ мирилъ враждующихъ, обуздывалъ строптивыхъ и, можно сказать, сіялъ мудростью и святостью на всю Русь, живилъ ее своимъ духомъ и обнималъ ее всю своимъ умомъ. Никогда на Русской землѣ не проявлялось столько благочестія; никогда, ни прежде ни послѣ, не построилось столько монастырей, какъ въ это время—отъ Петра митрополита и при Алексѣѣ. Русь словно постомъ и молитвою готовилась къ

чему-то великому. Митрополитъ Алексѣй питалъ великую дружбу къ Сергію и самъ при жизни своей былъ прославленъ многими чудесами, изъ которыхъ самое великое было излѣченіе три года болѣвшей глазами ханской жены Тайдулы. Самъ ханъ писалъ къ московскому князю: „Слышалъ я, что у васъ въ Москвѣ есть такой служитель Божій, который о чемъ Бога ни попроситъ, Богъ все даетъ ему. Отпусти его ко мнѣ, и если онъ исцѣлитъ любимую жену мою, то будетъ у меня съ вами миръ; если же не отпустишь, прійду войною...“ Смутился св. Алексѣй. „Дѣло это превыше силъ моихъ“,—говорилъ онъ; но помолился Богу и отправился въ Орду. Тайдула ожидала его съ нетерпѣніемъ, и разъ, когда ужъ св. Алексѣй двинулся въ путь, видѣла она во снѣ приближающагося къ ней какого-то мужа, одѣтаго въ такія одежды, въ какія одѣвались русскіе священники, только великолѣпнѣе. Она запомнила эти одежды и велѣла такія изготовить. Пріѣхалъ Алексѣй и сталъ посѣщать болящую и лѣчить ее, горячо молиться Богу и кропить болящую святой водой. Богъ не оставилъ его молитвы, и жена ханова прозрѣла. Святитель прославилъ чудо Господне, а Тайдула въ благодарность подарила ему изготовленныя ею ризы и перстень, и мѣсто, принадлежащее ей въ Москвѣ, на которомъ потомъ Алексѣй построилъ обитель въ честь архангела Михаила...

Эти-то святые мужи съ боярами московскими и наставляли юнаго Димитрія, какъ управлять ему государствомъ, и были ему вѣрными помощниками, когда онъ пришелъ уже въ возрастъ.

И вотъ, черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Ивана Даниловича Калиты, пришлось въ первый разъ испытать Россіи, готова ли она помѣряться съ татарами, испытать, много ли накопилось въ ней силы; пришлось провѣрить, такая ли же она, какъ была за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, какъ въ первый разъ пришли татары и порознь разбили ея храбрыхъ князей и храбрыя ихъ дружины. Тутъ передъ глазами всей Россіи пришлось въ первый разъ оцѣнить, правое ли дѣло затѣялъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, начавъ подбирать земли русскія въ однѣ руки... Это испытаніе приключилось по случаю страшнаго нашествія Мамаева съ несмѣтной силой татарской. Теперь разскажу я вамъ, какъ это все было.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ въ Московскомъ княжествѣ силы прибывало оттого, что прибывало порядка, въ Ордѣ ея убывало оттого, что тамъ росъ безпорядокъ. Коли умиралъ какой-нибудь ханъ, тотчасъ начиналась страшная рѣзня; послѣ одного хана, Бербидека, сынъ его, напримѣръ, зарѣзалъ своихъ 12 братьевъ, да и самъ былъ убитъ. Московскіе князья пользовались этими смутами и выторговывали, чтобъ дани платить меньше, а случалось, что и по три года совсѣмъ не давали дани. Но ко времени Димитрія Ивановича въ Ордѣ появился умный и грозный Мамай и всю Орду забралъ въ свои руки. Послалъ онъ рать на Россію, требуя дани, какъ при первыхъ ханахъ: но Димитрій разбилъ эту рать на рѣкѣ Вожѣ. И какъ прибѣжали къ Мамаю разбитые его мурзы, онъ, какъ звѣрь, разъярился. „Ахъ, вы, холопы татарскіе,—кричалъ онъ,—видно, забыли времена Батыевы! Вотъ я вамъ ихъ напомню! Камня на камнѣ не оставлю, въ конецъ истреблю русскій народъ, чтобъ и слуху о немъ на землѣ не было“. И сталъ онъ собирать большое войско; пригналъ, кромѣ своихъ, и армянъ, и черкесовъ, и всякихъ другихъ азіатовъ, и всѣмъ говорилъ: „Потрудимся немного, и ужъ всѣ разбогатѣемъ отъ русскаго золота“. Готовился онъ къ войнѣ тихо; въ Москвѣ и не знали, какъ онъ перевалилъ за Волгу и потомъ за Донъ, и подходилъ уже къ землѣ Рязанской.

Въ нынѣшней Рязанской губерніи тогда былъ свой князь, по имени Олегъ. Княжество его тогда подходило одной стороной къ степямъ донскимъ, откуда и шли татары; другой стороной подходило оно къ Литвѣ, а рѣкой Окой отдѣлялось отъ княжества Московскаго. Мамай подговорилъ и Литву присоединиться къ нему, чтобъ подѣлить Московское государство. Рязанскій князь, находясь въ серединѣ между тремя силами, не зналъ, что̀ ему дѣлать, чтобы спастись. Онъ послалъ сказать и Мамаю и Литвѣ, что будетъ на ихъ сторонѣ, да и Димитрія увѣдомилъ, что идетъ на него страшная орда татарская, и что идетъ она тихо, поджидая Литвы.

Извѣстіе это не могло не всполошить Москвы. Но тамъ давно ужъ словно ждали чего-нибудь такого: всѣ давно ужъ чувствовали, что нѣтъ-нѣтъ, а прійдется разсчитаться съ Ордою, и, казалось, для того силы ужъ понакопилось довольно. Отъ этого великій князь тотчасъ принялъ рѣшеніе не дожидать татаръ; напротивъ, положилъ не пустить ихъ въ свои земли, а скорѣе итти имъ навстрѣчу въ степи и не дать соединиться съ Литвою. И вотъ поскакали гонцы отъ Димитрія въ Новгородъ, и въ Псковъ, и къ тверскому князю, и къ подручнымъ князьямъ, и по городамъ, и по боярскимъ вотчинамъ, и по всѣмъ деревнямъ, чтобы всѣ, кто годенъ на службу, выходили постоять за землю Русскую, за вѣру православную. Тогда еще не было такой арміи, какъ теперь; теперь государь отдастъ по телеграфу приказъ, и приказъ въ ту же минуту получится въ каждомъ полку; бьютъ тревогу, и полки, готовые, обученные и вооруженные, тотчасъ же выступаютъ въ походъ: гдѣ летятъ на подводахъ, гдѣ по желѣзной дорогѣ. Но въ тѣ времена такихъ полковъ солдатскихъ не было. Отъ князей раздавались боярамъ и дворянамъ помѣстья съ тѣмъ, чтобы они изъ крестьянъ и всякихъ людей выбирали молодцовъ, обучали ихъ ратному дѣлу, пріучали ихъ къ оружію и къ пѣшему и къ конному строю: и какъ получатъ гонца, тотчасъ бы забирали хлѣба и шли бы на сборное мѣсто. И по городамъ былъ такой же урядъ; тамъ сидѣли княжескіе воеводы. Огнестрѣльнаго оружія, ружей и пушекъ тогда тоже еще не было, а сражались копьями, мечами, саблями, рогатинами, палицами и пускали изъ луковъ стрѣлы. Когда соберутся такимъ образомъ отряды по областямъ, тогда большой боринъ или подручный князь ведетъ свое войско или въ Москву, или куда великимъ княземъ указано. Тутъ ужъ ихъ расписываютъ по полкамъ: кому быть въ большомъ полку, кому въ передовомъ, въ правой или лѣвой рукѣ. Конница отдѣльно, пѣхота отдѣльно. Дорогъ большихъ въ тѣ времена еще было мало и были плохи, а больше всего ходили на стругахъ по рѣкамъ, конница шла берегомъ, зимою шли по льду. На сей разъ войску великій князь велѣлъ собираться въ Коломнѣ.

Такъ по слову великаго князя Димитрія Ивановича ударили въ набатъ по всему его государству, возгласили въ церквахъ, что часъ пришелъ, въ онь же Господь даруетъ спасеніе Руси отъ тяжелой неволи татарской; раздался стукъ оружія, потянулись къ Коломнѣ со всѣхъ сторонъ ополченія. Въ Москвѣ, на рѣкѣ — то и дѣло трубили трубы, возвѣщавшія проходъ дружинъ. Подходили на судахъ, подходили и пѣшіе и конные, благословлялъ ихъ и кропилъ святою водою митрополитъ Кипріанъ, и направлялись они къ Коломнѣ, куда между тѣмъ подходили и другія войска по Окѣ, и сверху и снизу. Урядивши все съ боярами и князьями, великій князь передъ отъѣздомъ на войну поѣхалъ благословиться на великій подвигъ къ Сергію: все-таки ему страшно было, чтобы, въ случаѣ неудачи, не потерять того, надъ чѣмъ трудились его отецъ, дядя и дѣдъ. Но Сергій словомъ своимъ утѣшилъ

колебанія его души и предрекъ ему побѣду: пригласилъ на трапезу и далъ ему отъ себя двухъ мужей, уже схиму пріявшихъ: Александра Пересвѣта и Андрея Ослабю. Они въ міру были знаменитые витязи; преподобный повелѣлъ имъ снова надѣть бранные доспѣхи и напилъ кресты на схимы ихъ, сказавъ: „Сіе будетъ вамъ крѣпче всякихъ шеломовъ".

Съѣздивъ къ Сергію, Димитрій простился съ семействомъ своимъ и поѣхалъ въ Коломну, куда уже собралось 150.000 войска. Это было войско только его государства да подручныхъ ему князей; ни тверской князь, ни Псковъ, ни Новгородъ не прислали ему помощи. Псковичи и новгородцы отговаривались потомъ, что все равно не поспѣли бы. За то пришли два племянника литовскаго князя съ крѣпкой дружиной полоцкой и брянской: хотя и были они родомъ литвины, но были православные и, кажется, были женаты на русскихъ княжнахъ. 20-го августа Димитрій выступилъ изъ Коломны. Шли Окой до рѣки Лопасны и повернули къ Дону; 6-го сентября подошли къ Дону, а 7-го перешли его и стали близъ рѣчки Непрядвы на отлогихъ высотахъ, откуда открывалось обширное поле Куликово. Несмѣтная рать татарская уже видна была съ другой стороны поля, гдѣ возвышалась гора: на горѣ стоялъ самъ Мамай. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, устраивалъ ихъ, указалъ, гдѣ стоять большому полку, гдѣ сторожевому; а двоюроднаго брата и вѣрнаго друга своего Владимира Андреевича, князя серпуховскаго, поставилъ скрытно за лѣсомъ въ засадѣ, наказывая ему ударить въ тылъ татарамъ, когда они начнутъ одолѣвать. Любо было смотрѣть Димитрію на свое воинство. Весело вѣяли знамена; князья, бояре и воеводы стояли при полкахъ своихъ или, устраивая ихъ, носились на лихихъ коняхъ съ золоченой сбруей, на богатыхъ сѣдлахъ, имѣя на головахъ золотые и серебряные шлемы, желѣзныя кольчуги на груди. Ратники, готовясь къ бою, всѣ, какъ бы идя къ святому причастію, одѣли бѣлыя рубахи и лучшія одежды: всѣ рады были за Христа и святую Русь испить чашу смертную. И вотъ въ этотъ же часъ подоспѣлъ отъ св. Сергія посланецъ-инокъ и привезъ отъ него Димитрію просфору и благословеніе войску. Склонились знамена, сняли шеломы воины, перекрестились, и шопотъ молитвы побѣжалъ по рядамъ.

Наступила ночь. Воины прилегли на ночлегъ. Ночь эта приходилась подъ Рождество Богородицы, была тихая, звѣздная; только съ одной стороны неба подымалась мгла, предвѣщавшая на утро туманъ. Великая была эта ночь: много потомъ разсказывалось чуднаго, что подъ покровомъ ея совершилось. Димитрій, удалясь въ шатеръ свой, то молился, то высылалъ сдѣлать какое-нибудь распоряженіе. Ему не спалось: очень онъ чувствовалъ, что завтрашній день одинъ онъ въ отвѣтѣ за судьбы Россіи... Не спалось и многимъ ратнымъ людямъ и военачальникамъ. Былъ между прочими у Димитрія знаменитый боярин, пришелъ онъ къ нему изъ южной Руси съ Волыни, именемъ Боброкъ. Ночью онъ поѣхалъ по рядамъ, а въ полночь заѣхалъ къ великому князю, видя у него свѣтъ. Боброкъ понималъ его безпокойство и хотѣлъ сообщить ему свои кой-какія добрыя примѣты о завтрашнемъ днѣ. Онъ пригласилъ князя сѣсть на коня и поѣхать съ нимъ. Сѣли они на коней, выѣхали изъ лагеря и поскакали по полю Куликову; на серединѣ между русскихъ и татарскихъ полковъ Боброкъ остановился. „Слушай и скажи, что ты услышишь на татарской сторонѣ",—сказалъ онъ князю. Прислушался великій князь и отвѣчалъ: „Слышу стукъ и кликъ, словно базаръ идетъ; слышу еще, словно волки воютъ и птицы летаютъ, вороны каркаютъ и орлы клекчутъ". — „Послушай теперь на русскую сторону",—сказалъ Боброкъ. Димитрій послушалъ и сказалъ: „Тишина

великая, только отъ огней словно зарево". —„Знаменья добрыя,—объяснилъ Боброкъ:—вотъ что это значитъ: что волки воютъ и птицы степныя въ непривычную пору всполошились—значитъ, чуютъ добычу, быть великому побоищу. Шумъ со стороны татаръ значитъ нестроеніе, тишина съ нашей стороны—порядокъ и благодать Божія въ сердцахъ людей, а гдѣ благодать Божія, тамъ и побѣда... Есть у меня и другія примѣты, и по нимъ выходитъ, что будетъ тебѣ на врага сдолѣніе, но много падетъ воинства христіанскаго..."

Разъѣхались они по своимъ шатрамъ; воины спали въ полѣ. Иноки Сергіевы подъ открытымъ небомъ всю ночь стояли на молитвѣ надъ спящимъ лагеремъ. Но не всѣмъ воинамъ спалось. Съ нѣкоторыми приключилось нѣчто такое, что они, потолковавъ съ товарищами, рѣшили прямо пойти къ великому князю и объявить ему. И докладываютъ Димитрію, что трое ратниковъ пришли къ нему за очень важнымъ дѣломъ, и велѣлъ ихъ допустить великій князь. И сталъ одинъ разсказывать: „Меня зовутъ Ѳома Коцюгей; стоялъ я въ сторожевыхъ противъ татарскаго стана, и было мнѣ видѣнье: отъ восточной стороны, вижу я, идетъ словно воинство великое; вдругъ на это воинство съ полуденной стороны идутъ два свѣтлые юноши въ доспѣхахъ воинскихъ и съ мечами; и начали они воинство это рубить и словно восклицали: „Кто вамъ велѣлъ погубляти отечество наше?" И кого изрубили, а прочихъ отогнали".—„А мы,—сталъ разсказывать другой,—прилегли-было; и вдругъ я взглянулъ на небо и вижу, что въ воздухѣ со стороны степи идетъ словно великое множество черныхъ эѳіоповъ на коняхъ и на колесницахъ, и вдругъ появился словно въ святительскихъ ризахъ мужъ съ огненнымъ жезломъ въ рукѣ и тоже словно воскликнулъ: „Почто пришли вы погублять стадо мое", и устремился на нихъ съ жезломъ своимъ, и всѣхъ ихъ разогналъ. Я толкнулъ товарища, онъ тоже увидалъ и сказалъ мнѣ: „Это не кто иной, какъ угодникъ Божій святый Петръ митрополитъ". И оба мы испугались, и пока толковали, подходитъ къ намъ Ѳома Коцюгей и разсказалъ, что ему привидѣлось. Мы и положили о такомъ дѣлѣ прямо пойти и доложить тебѣ". И выслушалъ ихъ великій князь, перекрестился и сказалъ: „Пращуру моему св. Александру Невскому помогли побѣдить шведскую рать святые угодники Божіи, убіенные нечестивымъ Святополкомъ, благовѣрные князья святые Борисъ и Глѣбъ; не они ли подвиглись и нынѣ намъ на спасеніе? А святый Петръ митрополитъ неусыпно молится за Русь передъ престоломъ Всевышняго. Помолимся и мы имъ, братья, чтобы помогли они намъ въ сей великій день. Ступайте теперь съ Богомъ, отдохните и никому не разсказывайте, что видѣли".

Прошла таинственная ночь. Жаркая утренняя молитва укрѣпила духъ воиновъ; всѣ стали по своимъ мѣстамъ. Но густой осенній туманъ покрывалъ поле. Димитрій взъѣзжалъ на холмы, но тщетно сквозь туманъ старался оглядѣть войско свое и поле, гдѣ должна была рѣшиться судьба дня. Въ девятомъ часу утра потянулъ наконецъ вѣтерокъ, проглянуло солнце, и сквозь уносящіяся клубами туманъ открылось Димитрію на далекое пространство сверкающее оружіемъ, въ порядкѣ, съ распущенными знаменами стоящее, его воинство. Туманъ совсѣмъ разсѣялся, и увидѣлъ великій князь, что съ противоположной стороны на горѣ стоитъ высокій шатеръ Мамаевъ. Словно чудовищная птица подняла свою голову и смотритъ на русскую рать и широко развернула свои темныя крылья. Это была рать татарская, которая, какъ тѣнь отъ тучи, подвигалась на полѣ Куликовомъ на русское войско. Казалось Димитрію, что полкамъ татарскимъ и конца нѣтъ, и что они вдвое многочисленнѣе русскихъ... Двинулись и наши; обѣ рати начали становиться одна про-

тивъ другой. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, увѣщавалъ воиновъ постоять за землю Русскую, за вѣру православную. „Памятуйте, братцы,— говорилъ онъ, — теперь вся Русь за насъ молится: святые угодники и чудотворцы россійскіе надъ нами бодрствуютъ, а преподобный Сергій прислалъ намъ вчера же предреченіе побѣды"... Ужъ нѣсколько коней притомилъ онъ и пересаживался на свѣжаго. Онъ былъ высокаго роста, тученъ тѣломъ, лицо имѣлъ открытое, черные волосы и окладистую черную бороду. Наконецъ подъѣхалъ онъ къ ставкѣ своей, гдѣ стояло большое великокняжеское черное знамя, и стали бояре и воеводы уговаривать его остаться тутъ въ безопасномъ мѣстѣ, за густыми рядами войска. „Нѣтъ,—отвѣчалъ Димитрій,—я хочу быть впереди, а если вы опасаетесь, что войско, не видя меня подъ чернымъ знаменемъ, усомнится, то пусть одѣнетъ кто-нибудь изъ васъ мои великокняжескія одежды и станетъ въ серединѣ полковъ, подъ моимъ чернымъ знаменемъ: пускай войска и принимаютъ его за меня; меня же не удерживайте; на мнѣ былъ починъ, мнѣ и отвѣтъ за все дѣло. Мнѣ и биться въ передовыхъ". И вызвалъ онъ своего любимаго боярина Бренка и сказалъ ему: „Ты, Бренокъ, всегда твердъ и спокоенъ; я же горячъ: ты, пожалуй, и лучше меня сумѣешь распорядиться, когда пойдетъ свалка". И надѣлъ онъ на Бренка, своего боярина, свои одежды, а самъ, переодѣвшись простымъ воиномъ, въ желѣзномъ шлемѣ, въ кованыхъ латахъ, отправился въ передовую дружину.

Войска между тѣмъ стояли ужъ близко другъ противъ друга. Изъ татарскихъ полковъ выѣхалъ огромнаго роста богатырь, широкій въ плечахъ и свирѣпаго вида: ѣздилъ онъ и насмѣхался надъ русскими полками, вызывая на единоборство охотниковъ и глумясь, что никто не осмѣливался. И увидалъ его Сергіевъ инокъ Пересвѣтъ. „Не смущайтесь, братцы,—крикнулъ онъ своимъ:—великъ Богъ нашъ и велика крѣпость Его! Перевѣдаюсь-ка я съ нечестивцемъ",—сказалъ онъ и понесся на него на конѣ своемъ,—самъ тоже высокаго роста, въ желѣзныхъ доспѣхахъ, имѣя на шлемѣ своемъ черную схиму съ нашитымъ на ней рукою святого Сергія бѣлымъ крестомъ. Разъѣхались они на коняхъ и потомъ понеслись другъ на друга: ударъ былъ такъ силенъ, что оба пали мертвые, а равно и кони ихъ.

Тогда Димитрій сказалъ: „Сіе мѣсто буди намъ гробъ за имя Христово и за вѣру христіанскую! Впередъ!" И полки наши бросились на татаръ, и заволновалось все поле Куликово; и густая пыль поднялась надъ всѣмъ полемъ и скрыла то страшное, что̀ на немъ происходило...

Двоюродный братъ Димитріевъ Владимиръ Андреевичъ да воевода Боброкъ, тотъ самый, что̀ ночью пріѣхалъ къ великому князю, стояли въ засадѣ въ скрытомъ мѣстѣ за лѣсомъ и смотрѣли на битву: пыль закрывала передъ ними поле и не позволяла видѣть, кто одолѣваетъ; слышали только отдаленный гулъ сѣчи, словно реветъ невидимое море, стонъ стоитъ въ воздухѣ, а земля гудитъ. Жутко имъ было. Прошелъ второй и третій часъ; стало Владимиру примѣтно, что татарская сила словно все впередъ подается, и бой все углубляется въ нашу сторону. „Что̀ же, братъ, попусту стоимъ мы,—сказалъ наконецъ Владимиръ Боброку:—пожалуй, намъ и помогать будетъ некому, какъ всѣ наши полягутъ мертвые". Въ это время потянулъ имъ въ лицо вѣтеръ съ поля битвы и понесъ густую пыль имъ въ глаза. „Погоди еще",—отвѣчалъ Боброкъ. Не хотѣлъ онъ ударить, потому что изъ-за пыли нельзя было вѣрно разсмотрѣть, гдѣ наши, гдѣ татары. Пожалуй бы ринулись наудачу, наткнулись бы на своихъ. Но вотъ въ три часа вѣтеръ подулъ въ тылъ нашей засадѣ и попріоткрылъ передъ Владимиромъ и Боброкомъ завѣсу пыли. Глянулъ Боброкъ и кликнулъ: „Ну, князь, теперь

насталъ часъ! Съ Богомъ теперь, братцы!“ И съ крикомъ весь отрядъ кинулся въ свалку.

Татары къ тому часу почти совсѣмъ ужъ одолѣли нашу рать и, вдругъ увидѣвъ свѣжіе полки, выходящіе изъ-за лѣсу и съ горъ на нихъ несущіеся, подумали, что „вотъ оно главное-то войско русское! дали намъ русскіе поутомиться, а сами лучшихъ князей и воеводъ спрятали да берегли, и теперь выпускаютъ на насъ, когда ужъ мы устали, когда кони наши и руки наши уже оцѣпенѣли и оружіе иступилось“... И стали они кидать мечи и копья, и побѣжали назадъ. Ободрились наши и присоединились къ Владимирову отряду, налегли на татаръ, и давай рубить бѣгущихъ. Увидѣлъ съ возвышенія Мамай, что дрогнули силы его, и что въ полѣ Куликовомъ словно волна назадъ отхлынула и быстро-быстро на него самого несется, самъ поскорѣй сѣлъ на коня, и шатеръ свой бросилъ, и побѣжалъ. Князь Владиміръ съ Боброкомъ, со всѣми своими полками скачутъ, и бьютъ, и рубятъ; встрѣтилась рѣка Мечта, бросились татары вплавь, и многое множество ихъ потонуло отъ страха великаго и русскихъ мечей.

Тутъ на рѣкѣ Мечѣ остановили коней своихъ Владиміръ и Боброкъ и повернули полки назадъ; видѣли, что сила татарская, яко снѣгъ, растаяла, яко дымъ, разсѣялась; захотѣли посмотрѣть, что̀ сталось съ главнымъ войскомъ русскимъ. Направились они къ ставкѣ великокняжеской; ѣхали по трупамъ: на десять верстъ лежали мертвые и раненые. Сперва встрѣчались всѣ тѣла татарскія, потомъ татарскія и русскія; что̀ дальше, то гуще—гдѣ рядами, словно сѣно скошенное, гдѣ кучами, какъ копны, и конскіе и человѣческіе трупы; смѣшались тѣла христіанскія съ тѣлами татарскими, и кровь христіанская смѣшалась съ татарскою. Испуганные кони безъ всадниковъ носились по полю; стонали раненые и молили о помощи. Видно, что тѣсно было поле Куликово, и негдѣ было развернуться обоимъ воинствамъ, рубились и рѣзались зло, въ тѣснотѣ и давкѣ. Пробрался наконецъ Владиміръ со своей дружиной къ ставкѣ великокняжеской; тутъ, видно, бой былъ упорный: черное знамя лежало подрублено, подъ нимъ изрубленный же въ великокняжескихъ доспѣхахъ лежитъ бояринъ Бренокъ. А самого великаго князя нѣтъ нигдѣ. Сталъ Владиміръ „на костяхъ“ и приказалъ трубить въ трубы. Громко раздались трубы въ умолкшемъ полѣ Куликовомъ, и стали со всѣхъ сторонъ подходить оставшіеся въ живыхъ ратники, и кучками и по одиночкѣ, и цѣлые и раненые, кто могъ ходить. Но великаго князя не было. Стали разспрашивать воиновъ: одни говорили, что видѣли, какъ подъ нимъ былъ убитъ конь и онъ садился на другого; кто говорилъ, что это онъ пересаживался ужъ на третьяго коня; иной сказывалъ, что видѣлъ его раненаго въ трупахъ; другой говорилъ: „Я видѣлъ, какъ на него напало четверо татаръ, онъ бился и побѣжалъ. Я бросился къ нему на помощь, да на самого меня наскочило трое татаръ“. Приказалъ Владиміръ вездѣ искать его и самъ поѣхалъ. И вотъ два костромича, Ѳедоръ Морозовъ да Ѳедоръ же Хлоповъ, нашли его при опушкѣ лѣса лежащимъ подъ только-что срубленнымъ деревомъ. Латы его всѣ были изсѣчены, избиты и измяты, весь онъ былъ кровью обрызганъ, но самъ еще живъ, только въ безпамятствѣ: видно, нашли его въ полѣ въ безчувствіи какіе-нибудь воины, приняли за убитаго и по обычаю, до сихъ поръ сохраняющемуся, срубили дерево и прикрыли князя его вѣтвями. И, должно-быть, сами спасители его потомъ убиты были, потому что никто не могъ разсказать, какъ Димитрій въ обморокѣ могъ очутиться подъ прикрытіемъ: но не разъ, должно-быть, Димитрій молился потомъ за своихъ безвѣстныхъ спасителей.

Окликнулъ Владиміръ и привелъ въ чувство Димитрія, своего возлю-

бленнаго двоюроднаго брата: „Братъ милый! на насъ милость Господня, мы побѣдили!"—„Кто говоритъ мнѣ?"—томнымъ голосомъ спросилъ Димитрій и, очнувшись, увидѣлъ радостныя лица воиновъ, поднялся на ноги, обнялъ брата и возблагодарилъ Господа за побѣду. Ранъ на немъ не оказалось; должно-быть, онъ былъ ошеломленъ сильнымъ ударомъ въ голову. И поѣхалъ обозрѣвать поле Куликово и отыскивать, нѣтъ ли еще живыхъ между мертвыми. Нашли тѣло Пересвѣта подлѣ богатыря татарскаго: нашли восемь князей бѣлозерскихъ; всѣ лежали убитые другъ подлѣ друга... и много другихъ князей и бояръ, и когда стали считать живыхъ, изъ всего войска насчитали только 40.000. Поплакавъ надъ павшими, великій князь сказалъ живымъ: „Господа, и отцы, и братья, и чада мои! Благодарю васъ ото всей земли, что столько потрудились и славно послужили ей. Если дастъ Богъ мнѣ быть на моей отчизнѣ на великомъ княженьи, на Москвѣ, всѣхъ одарю васъ и пожалую. А теперь похоронимте братьевъ нашихъ, пріявшихъ на полѣ семъ вѣнцы мученическіе". И простоялъ Димитрій тамъ на полѣ Куликовомъ еще восемь дней, пока разбирали тѣла убитыхъ, и, отслуживъ наконецъ по всѣмъ панихиду, поднялся онъ домой, въ Москву. Въ Коломнѣ епископъ, духовенство, всѣ люди встрѣтили его съ крестами и иконами; по дорогѣ вездѣ высыпалъ ему навстрѣчу народъ и со слезами называлъ его спасителемъ земли Русской; въ Москвѣ такая же встрѣча ожидала его и брата его Владимира Андреевича, и все воинство: со всѣхъ церквей ударили колокола, далеко за городъ вышли митрополитъ Кипріанъ со всѣмъ св. соборомъ, семейства княжескія, народъ, жены и дѣти... Митрополиту Алексѣю не суждено было видѣть этого торжества, къ пріуготовленію котораго много потрудился и онъ: онъ преставился въ 1378 г., за два года до нашествія Мамая, въ глубокой старости, 78 лѣтъ, пробывъ 24 года на митрополичьей каѳедрѣ. Уже чувствуя приближеніе кончины, онъ отслужилъ литургію, причастился святыхъ даровъ, о великомъ князѣ, о всѣхъ князьяхъ и боярахъ, о воинствѣ и всѣхъ православныхъ христіанахъ помолился, далъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе и угасъ. Вступивъ въ Москву, Димитрій прямо направился въ Успенскій соборъ поклониться иконѣ Успенія Божіей Матери, писанной митрополитомъ Петромъ, и гробамъ святителей Петра и Алексѣя. Потомъ тотчасъ уѣхалъ къ Сергію и одарилъ монастырь вотчинами, и, возвратясь въ Москву, задалъ пиръ всѣмъ своимъ сподвижникамъ. Веселіе было великое. Всѣ славили Бога и Димитрія Ивановича и, приравнивая его къ Александру Невскому, назвали его Донскимъ, какъ того Невскимъ, а брата его, Владимира Андреевича—Храбрымъ. Такъ за ними эти прозвища и остались на послѣдующія времена. Такое же пированіе пошло и по всему Московскому государству: вездѣ чествовали возвратившихся въ живыхъ ратниковъ, какъ побѣдителей. Плакали по убіеннымъ, но утѣшались тѣмъ, что всѣ они приняли вѣнцы мученическіе. Одинъ ратникъ разсказывалъ, что онъ во время битвы, когда татары ломили главныя силы наши, впалъ якобы въ изступленіе и видѣлъ безчисленное множество вѣнцовъ, съ неба сходящихъ на убіенныхъ христіанъ. И было тогда установлено на вѣчныя времена праздновать память сложившихъ животъ свой на Куликовомъ полѣ, въ Дмитровскую субботу. Очнулась Русская земля, и высоко поднялъ голову народъ по всей державѣ Московскаго великаго княжества, впервые ощутивъ свою силу и почуявъ на себѣ благословеніе Божіе.

Но съ пораженіемъ Мамая еще не кончились наши бѣды отъ татаръ. Азія не вдругъ согласилась выпустить изъ рукъ своихъ Русь. И сама-то Русь еще не вошла во всю свою силу: въ роковую годину—Рязань ей измѣнила, Тверь, Псковъ и Новгородъ не прислали помощи. Азія еще

разъ при Донскомъ, да два раза при сынѣ его высылала изнутри себя страшныя орды, страшныхъ завоевателей: Тохтамыша, Эдигея и Тамерлана, изъ коихъ первые двое подходили подъ самую Москву и жгли ее; Тамерланъ же подходилъ только къ Рязанской землѣ и повернулъ назадъ, устрашенный, какъ говорятъ наши лѣтописи, видѣніемъ. Это было уже при сынѣ Димитрія Донского. Вдругъ пришла вѣсть, что идетъ на насъ свирѣпый завоеватель, что ужъ онъ покорилъ чуть не всю Азію, сокрушилъ турецкаго султана Баязета и возитъ его вездѣ съ собою въ желѣзной клѣткѣ: и что идетъ онъ на насъ въ страшныхъ силахъ, со всѣми покоренными имъ народами... Переполохъ былъ великій: войско не собрано; оставалось только прибѣгнуть къ помощи небесной: послали во Владимиръ перенести въ Москву икону Владимирской Божіей Матери. И въ лѣтописяхъ нашихъ записано, что въ ночь на вшествіе ея въ Москву Тамерланъ, стоявшій тогда въ Ельцѣ, увидѣлъ сонъ: видѣлъ онъ великую гору, и шли съ горы святители и грозили ему златыми жезлами своими, а надъ ними въ воздухѣ, въ сіяніи стоитъ благолѣпная жена въ багряныхъ ризахъ и тоже гнѣвно грозитъ ему... И поутру страшный завоеватель, до сихъ поръ не вѣдавшій преградъ въ пути своемъ, повернулъ назадъ отъ предѣловъ россійскихъ въ степи. Окончательно избавились мы отъ грозы татарской только при правнукѣ Димитрія Донского, Иванѣ III Васильевичѣ, но при немъ уже почти вся Русская земля на сѣверѣ была собрана подъ его руку: и Тверь, и Новгородъ, да скоро потомъ и Псковъ, и Рязань.

1869.

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

(Начало восточнаго вопроса).

I. Взятіе турками Константинополя.—II. Москва—третій Римъ.—III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе мусульманскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго.—IV. Завоеваніе Сибири.

I.

Взятіе турками Константинополя.

Изстари, какъ только крестилась Русская земля, у насъ тотчасъ установились самыя дружескія сношенія со всѣми православными царствами: съ царствомъ Болгарскимъ, Сербскимъ, и особенно съ царствомъ Греческимъ. Болгары и сербы — того же славянскаго племени, какъ и русскіе: языкъ ихъ и теперь мало чѣмъ отличенъ отъ нашего церковнаго. Они крестились за сто лѣтъ прежде Руси, а потому у нихъ много священныхъ и историческихъ книгъ давно ужъ переложено на славянскій языкъ, и книги эти переходили и къ намъ. Изъ этихъ же болгаръ и сербовъ были поставлены первые наши священники, да и потомъ ихъ всегда много приходило на Русь, и многіе изъ нихъ выбирались у насъ и въ митрополиты. На Руси всегда знали, что въ тѣхъ земляхъ дѣлается; тамошнія событія всегда записывались въ наши лѣтописи рядомъ съ нашими и греческими и читались и заучивались грамотными людьми. Словомъ сказать, эти народы жили съ нами въ самой тѣсной связи, а церкви ихъ, т.-е. церковь болгарская, сербская, да еще волошская (въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи) и наша, всѣ православныя, были между собою какъ сестры, процвѣтшія подъ сѣнью общей матери своей—церкви константинопольской.

Константинополь же, или иначе Царьградъ, былъ для всего Востока какъ бы великою столицею, откуда исходилъ свѣтъ всякой премудрости

и въ дѣлахъ вѣры и во всякой наукѣ. Онъ у всѣхъ считался священнымъ городомъ, потому что и заложенъ-то былъ своимъ строителемъ, римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ, на освященной землѣ, въ знаменье окончательной побѣды христіанства надъ древнимъ язычествомъ. До Константина Великаго римскіе императоры, еще язычники, жили въ Римѣ, въ Италіи, и это считается первый Римъ. Разсказываютъ, что когда Константинъ Великій крестился, то во снѣ онъ слышалъ гласъ, дабы построилъ онъ новый Римъ, на мѣстѣ близъ древняго городка Византіи. Мѣсто это было прекраснѣйшее, на семи холмахъ; тамъ росли высокіе кипарисы, и круглый годъ цвѣли розаны: небо всегда ясное, воздухъ теплый: а выходило это мѣсто на проходъ изъ Мраморнаго моря въ Черное, такъ что къ нему со всѣхъ сторонъ могли приходить корабли. Константинъ Великій заложилъ стѣны съ башнями, рвами и воротами, построилъ дворцы и храмы Божіи, приглашалъ и вельможъ своихъ строить чудныя палаты, и въ короткое время, на семъ прекраснѣйшемъ, благословенномъ мѣстѣ выстроился великолѣпный городъ, куда собраны были рѣдкости и диковинки со всего свѣта, особенно же предметы, священные для христіанъ. Во храмы свезены были и хранились Нерукотворенный ликъ Спасителя на полотенцѣ, поясъ и ризы Богоматери и части отъ древа Креста Господня, найденнаго въ Іерусалимѣ матерью Константина Великаго, св. царицею Еленою, и столбъ, къ которому привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, когда біенъ былъ, и всякія орудія, которыми мучимы были первые исповѣдники Христовы, и цѣпи, коими прикованы были въ темницахъ, и одръ желѣзный, на коемъ были сожигаемы. Въ теченіе времени наполнились храмы многими чудными иконами, мощами и гробницами святыхъ мужей и самого царя Константина и матери его Елены, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и другихъ. Благочестивые странники всякаго языка и племени стремились въ Константиновъ градъ, и цѣлыя недѣли проводили въ осмотрѣ богатствъ, святынь и чудесъ его, и въ изумленіи прозвали его Царьградомъ. Русскихъ много всегда туда пріѣзжало и приходило — и по торговымъ дѣламъ, и по посольскимъ, и особенно по благочестію. Многіе русскіе тамъ и жили, многіе постригались въ греческихъ монастыряхъ для прохожденія суроваго житья тамошнихъ монаховъ, особенно на святой горѣ Аѳонской, неподалеку отъ Константинополя: у русскихъ тамъ былъ, и теперь есть свой русскій монастырь Св. Пантелеймона и содержался на приношенія изъ Руси. Не помня себя отъ изумленія, обходили наши путники зданія города: дивились красотѣ его постройки и мѣста, выходящаго на два моря; дивились пышности и блеску царскаго двора: присутствовали при духовныхъ и придворныхъ церемоніяхъ; на церемоніяхъ этихъ видали императора во всемъ его царскомъ облаченіи и взирали на него, какъ на первѣйшаго во всемъ мірѣ человѣка, богоизбраннаго поборника и защитника святой церкви. Они свободно допускаемы были къ патріарху и, принявъ его благословленіе, выходили отъ него, славя его ласковое вниманіе къ нимъ, простымъ людямъ. Но болѣе всего ихъ приводилъ въ радостный священный трепетъ храмъ Св. Софіи Премудрости Божіей, о которомъ еще посланные великимъ княземъ Владимиромъ бояре говорили, что, „когда они стояли въ немъ, то не знали, на землѣ или на небѣ они находятся, и что тамъ Богъ явно съ людьми пребываетъ“. Таковъ вышелъ этотъ новый городъ, сіявшій мраморомъ и золотомъ, построенный Константиномъ Великимъ, называемый Новымъ Римомъ, или Вторымъ Римомъ, или по имени строителя — Константинополемъ, т.-е. Константиновымъ градомъ, или по красотѣ и святости его — Царьградомъ, или наконецъ отъ прежде бывшаго около него мѣста — Византіей. Таковъ

онъ былъ, что люди словно не находили ему довольно звучнаго и достойнаго имени и надавали ему нѣсколько именъ, одно красивѣе другого.

И вотъ въ теченіе времени все хуже и хуже стали приходить въ Москву вѣсти изъ Греческой земли, изъ Сербской и изъ Волошской—вѣсти о томъ, что ихъ все болѣе и болѣе тѣснятъ турки. Вдругъ въ 1382 году пришло извѣстіе, пріѣхали и съ плачемъ разсказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель: что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на турокъ и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Оба воинства сошлись на равнинѣ, называемой Коссово поле. У царя Лазаря былъ храбрый воевода, именемъ Милошъ, лѣтами еще младъ, но уже столь знаменитъ и славенъ, что стали завидовать многіе царедворцы, старые воеводы. Они наканунѣ самой битвы и шепнули царю Лазарю за ужиномъ, что Милошъ хочетъ предаться туркамъ. Слухъ дошелъ до Милоша, и вотъ на что онъ рѣшился: ночью ушелъ онъ изъ своего стана, прошелъ въ турецкій лагерь и сказалъ, что онъ славный воевода Милошъ и что желаетъ измѣнить своему царю и служить турецкому султану, а для того, молъ, хочетъ его видѣть. Рано утромъ его провели къ Амурату. Оба войска уже стояли другъ противъ друга и готовы были броситься въ бой. Милошъ, допущенный передъ очи султана, объявилъ, что имѣетъ нѣчто сообщить ему тайно. Султанъ велѣлъ всѣмъ отойти. Тогда Милошъ вдругъ обнажилъ свой мечъ, и вонзилъ его прямо въ сердце султана. Видя это, турки тотчасъ изрубили въ куски безстрашнаго слугу царя Лазаря. Но кровь его не принесла пользы сербамъ. Турки тотчасъ провозгласили султаномъ Амуратова сына Баязета и одолѣли сербовъ. Царь Лазарь былъ убитъ; почти все войско его пало: царство Сербское покорено турками, а на Коссовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокій столбъ.

За симъ пришла вѣсть о такомъ же паденіи и разрушеніи царства Болгарскаго.

Потомъ пошли извѣстія, что то тотъ, то другой султанъ подступалъ къ самому Царьграду, и что императоръ съ трудомъ отъ нихъ отбивается. Потомъ пришло въ Москву приглашеніе отъ папы римскаго на соборъ для соединенія церквей восточной и западной, съ обѣщаніемъ, что если это соединеніе воспослѣдуетъ, то папа двинетъ всѣхъ европейскихъ королей противъ турокъ. Отъ насъ поѣхалъ митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ, и ему данъ былъ наказъ не подписывать на соборѣ ничего противнаго православію. Соборъ состоялся въ городѣ Флоренціи, въ Италіи. Многіе греки согласились признать верховенство папы надъ вселенской церковью. Вернулся въ Москву митрополитъ Исидоръ, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, возвѣстилъ торжественно, что отнынѣ рушилось средостѣніе между двумя церквями, что отнынѣ только въ христіанствѣ стало едино стадо и единъ пастырь; а кто же этотъ пастырь,—оказалось, когда Исидоръ вдругъ началъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ на ектеньѣ поминать римскаго папу. Государемъ въ Москвѣ былъ въ то время внукъ Димитрія Донского, Василій Васильевичъ Темный; онъ былъ въ то время слѣпъ, но одинъ замѣтилъ Исидорову новость и указалъ духовенству. Всѣ ужаснулись. Оказалось, что Исидоръ на соборѣ подписалъ соединеніе церквей совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ хотѣли папы. Великій князь назвалъ его не пастыремъ, а волкомъ, велѣлъ посадить подъ стражу въ Чудовъ монастырь, созвать свой соборъ и судить отступника. Исидоръ однако бѣжалъ изъ тюрьмы. Въ Константинополѣ тоже вышла смута изъ-за Флорентійскаго собора. Пріѣхали туда епископы, подписавшіе соединеніе. Народъ встрѣтилъ ихъ

крикомъ: „вѣру продали!“. Сдѣлался бунтъ. Собранъ былъ соборъ—и проклялъ измѣнниковъ.

Таково было колебаніе и потрясеніе въ цареградской церкви и во всемъ греческомъ царствѣ, со всѣхъ сторонъ тѣснимомъ турками. Наконецъ въ 1453 году по Р. Х., т.-е. слишкомъ за 400 лѣтъ до нашего времени, разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ турками, что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческихъ императоровъ, что храмы константинопольскіе (самый храмъ Св. Софіи) обращены въ мусульманскія мечети. Вѣсть эта приводила всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Куда теперь обратить очи? Гдѣ тотъ свѣтъ истинной вѣры, который сіялъ столько вѣковъ въ Царьградѣ на поученіе и радость вселенной и на обличеніе и посрамленіе враговъ церкви? Что же теперь будетъ въ христіанствѣ, когда поплѣнена и поругана та церковь, которая премудростью своихъ великихъ учителей Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василія Великаго и многихъ другихъ просвѣщала всѣ другія православныя церкви и была живой хранительницей святыхъ апостольскихъ преданій? Плакали люди въ пустыняхъ, плакали во храмахъ, когда пастыри объявили прихожанамъ о страшномъ событіи. Расходились по домамъ люди и толковали, что это не начало ли свѣтопреставленія? И, словно стадо разсѣянное, пошли скитальцами греки во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ сбирались люди, и всѣмъ они разсказывали жалостную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣхъ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Многое множество этихъ грековъ, а съ ними и болгаръ и сербовъ, потянулось къ Москвѣ и изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ: вездѣ былъ имъ братскій пріемъ и посильная милостыня. Страданіе ихъ церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, придавали въ глазахъ русскихъ людей особую святость этимъ путникамъ: многіе изъ нихъ были въ своей странѣ великіе стратиги, философы и имѣли высокій духовный санъ, и всего лишились, и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаяніемъ, а многое множество ихъ братій влачитъ дни свои въ неволѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Руси, чѣмъ гдѣ-либо, потому что всѣ эти изгнанники одной съ нами вѣры и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ-то семействѣ не оплакивали кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ: многіе и сами были выкуплены изъ рабства на обильныя приношенія, которыя собирались со всей Руси на выкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Самимъ на Руси было памятно, какъ татары брали русскіе города, какъ народъ и князья его сражались и умирали въ бою съ невѣрными, и всѣ разспрашивали у грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось?

И греки разсказывали:

„У нашего императора Константина Палеолога было всего 8.000 воиновъ: съ ними онъ заперся въ Царьградѣ и пять мѣсяцевъ бился противъ 280.000 арміи султана. Надо вамъ знать, что городъ съ сухопутной стороны обведенъ высокими стѣнами съ башнями, а съ моря входъ въ его гавань запирался желѣзною цѣпью. Султанъ вдоль всѣхъ стѣнъ построилъ батареи и непрестанно, и днемъ и ночью, палилъ въ городъ каменными ядрами: только все, что онъ днемъ разобьетъ стѣнъ, то греки успѣютъ ночью исправить. Палитъ онъ, да вдругъ какъ ударятъ во всемъ лагерѣ въ бубны да въ барабаны, засвистятъ въ зурны и флейты, и съ кликомъ и воемъ, съ огнями и лѣстницами бросятся турки на приступъ, и тутъ ужъ Богъ знаетъ, что дѣлается: съ высокихъ мѣстъ смотришь и видишь только, что пороховой дымъ, какъ пелена, лежитъ

надъ стѣнами и городомъ, и въ этомъ дыму слышны только стукъ и трескъ оружія, крики воиновъ, плачъ и рыданіе женъ и дѣтей: и съ турецкой стороны—зурны, флейты и барабаны, а съ греческой, изъ города, звонъ колоколовъ съ церквей, гдѣ не прерывалась божественная служба. Богъ все миловалъ: пять мѣсяцевъ сряду греки, хотя и мало ихъ было, да отбивали приступы. Султанъ сонъ потерялъ отъ досады. И подкатилъ онъ къ городу на 60 волахъ огромную пушку вѣсомъ въ 1.900 пудовъ, длиною въ 4 сажени; ее заряжали каменнымъ ядромъ въ 36 пудовъ: ядро за четыре версты попадало въ цѣль, и когда падало на землю, то пробивало яму слишкомъ въ два аршина глубины. И стрѣлять изъ нея можно было только семь разъ въ день, а то она слишкомъ накалялась, и надобно было послѣ выстрѣла тотчасъ смазывать нутро ея бычачьимъ саломъ. Другія пушки, а ихъ было около двухсоть, тоже были тяжелыя; ихъ везли по 40 воловъ. Изъ этихъ-то пушекъ громили стѣны. Видя, что и это не беретъ, Магометъ началъ думать, какъ бы ему въ самый городъ, т.-е. въ самую гавань царьградскую, ввести свои корабли и съ двухъ сторонъ палить; а какъ входъ въ гавань съ моря былъ запертъ желѣзною цѣпью, то онъ придумалъ перетащить корабли въ гавань по суху, съ внутренней ея стороны, настлавши досокъ и смазывая ихъ жиромъ. Это и исполнилъ онъ ночью—и тогда ужъ съ двухъ сторонъ открылъ огонь. Часть стѣны наконецъ упала. Турки ворвались въ городъ, и началась рѣзня отчаянная. Одолѣли невѣрные и разсыпались по городу, пошли рѣзать и грабить, оскверняя храмы, ломали утварь церковную, сдирали иконы и топтали ихъ ногами. Султанъ самъ на бѣломъ конѣ въѣхалъ въ городъ и прямо къ Св. Софіи: туда ворвались ужъ турки, и шла рѣзня. Султанъ вошелъ въ храмъ, распахнулъ царскія врата, вошелъ въ алтарь и сѣлъ на престолъ по-турецки, т.-е. поджавши ноги; съ престола велѣлъ прекратить рѣзню, вычищать храмъ и своимъ мулламъ отнынѣ служить въ немъ службу Магомету. Первымъ дѣломъ, онъ потребовалъ къ себѣ императора. Но императора нигдѣ не было. Онъ бился, какъ храбрый ратникъ; незадолго передъ тѣмъ, покрытый кровью, подъѣхалъ онъ къ Св. Софіи, вошелъ во храмъ, наполненный старцами, женами и дѣтьми, и многимъ духовенствомъ: палъ передъ алтаремъ, покаялся, простился съ патріархомъ и съ царицею, поклонился на всѣ четыре стороны до земли, прося простить ему прегрѣшенія его и обиды, буде кого онъ обидѣлъ, и сказалъ при этомъ: „Простите, православные христіане! видно, часъ мой пришелъ испить за народъ мой чашу искупленія. Ежели турки возьмутъ меня живого въ плѣнъ, то и весь народъ попадетъ въ вѣчное къ нимъ рабство: если же буду убитъ въ бою, то хоть султанъ и сядетъ на престолъ мой, но Богъ цареву жертву приметъ и вѣчнаго рабства народу не будетъ. Господь воздвигнетъ мстителя за кровь мою“. За симъ онъ причастился св. таинъ и пошелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и опять поскакалъ на битву. Султану сказали, что видѣли императора бьющимся съ турками во вратахъ градскихъ, и что онъ убитъ. Султанъ велѣлъ отыскать его тѣло. Стали разбирать тѣла и нашли тѣло царево, только безъ головы, и признали его только по царскимъ украшеніямъ на сандаліяхъ, или на башмакахъ. Султанъ велѣлъ непремѣнно отыскать голову. Срубленныхъ головъ между тѣлами валялось множество и греческихъ и турецкихъ; стали ихъ подбирать, обмывать, наконецъ нашли. Султанъ призвалъ плѣнныхъ греческихъ бояръ и сказалъ, чтобъ они разсмотрѣли, точно ли это царева голова. Они со страхомъ и слезами отвѣчали: „Она и есть глава царева“. Самъ султанъ содрогнулся, облобызалъ голову и послалъ ее патріарху. Патріархъ положилъ ее въ золотой и серебря-

ный ковчежецъ и тайно ночью похоронилъ подъ престоломъ Св. Софіи".

Много страшнаго и чудеснаго разсказывали греки. Говорили, между прочимъ, что въ ночь передъ послѣднимъ трехдневнымъ боемъ, на 21-е мая, на память строителя града св. царя Константина и матери его Елены, весь городъ вдругъ освѣтился словно заревомъ. Думали, что пожаръ. Увидали, что свѣтъ выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ собою весь куполъ, что все пламя потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ, и этотъ свѣтъ поднялся на небо—и словно растворились двери небесныя и пріяли свѣтъ и опять затворились. Спрошенные о томъ, что это значитъ, патріархъ и архіерей объявили, что этотъ свѣтъ—благодать Божія, и съ нею ангелъ Господень, данный Богомъ на соблюденіе святой церкви сей и на сохраненіе граду сему, въ сію нощь отошедшая на небо, такъ какъ Богъ, по грѣхамъ нашимъ, предаетъ нынѣ градъ въ руки враговъ.

Въ Москву къ великому князю стали постоянно пріѣзжать знатные ученые изъ грековъ, и сербовъ, и болгаръ. Наши государи принимали ихъ въ своихъ покояхъ слезно и участно, и приглашали ихъ къ столу своему, и вмѣстѣ съ своими боярами разспрашивали и разсуждали подробно, отчего и какъ все это случилось. Греки такъ имъ объясняли: „Всѣмъ вамъ вѣдомо, государи, что сызначала, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ разослалъ свв. апостоловъ по всей землѣ проповѣдывать слово Свое, повелѣлъ Онъ всѣмъ церквамъ быть въ любви и общеніи одна съ другою и въ случаѣ какихъ неустройствъ собираться на вселенскіе соборы и соборнѣ постановлять догматы вѣры, высматривать и утверждать правсе ученіе. И такъ продолжалося въ церкви вселенской до тѣхъ поръ, пока папа римскій не вздумалъ поставить себя выше соборовъ; самъ онъ нарекъ себя намѣстникомъ Іисуса Христа и сталъ требовать, чтобы вся вселенская церковь признала его главою и повелителемъ. И церкви британская, и галльская, и германская, и испанская покорились ему, и овладѣлъ онъ въ этихъ странахъ двумя третями земель, и чрезъ легатовъ своихъ началъ повелѣвать самими тамошними королями. Желая власть свою надъ ними укрѣпить и имѣть вѣрѣ своей защитника, а себѣ покорнаго слугу, онъ одного изъ нѣмецкихъ королей вѣнчалъ императорскимъ вѣнцомъ и нарекъ римскимъ императоромъ, и сказалъ ему: „Будь ты мнѣ правою рукою и приведи ты подъ власть мою всю землю". Накинулись они на славянскія царства, исповѣдывавшія греческую вѣру по книгамъ свв. Кирилла и Меѳодія, и гдѣ кознями, гдѣ кровопролитіемъ успѣли оторгнуть отъ единыя православныя вселенскія церкви въ свое стадо изъ общей единой семьи славянской чеховъ, моравянъ и поляковъ. Но мечъ папы и змѣиная хитрость его сокрушались о вѣрныхъ отеческой церкви сербовъ, болгаръ, грековъ и русскихъ. И оттого возненавидѣли папы все восточное христіанство. И какихъ бѣдъ они ему ни причинили! Когда проявился Магометъ, и пошли мусульмане огнемъ и мечомъ обращать всѣ народы къ его вѣрѣ, и взяли святой градъ Іерусалимъ, гдѣ находится Гробъ Господень, и ополчилось противъ нихъ все христіанство,—папы воспользовались бѣдствіями греческаго народа и захватили Константинополь, шестьдесятъ лѣтъ держали его въ рукахъ своихъ и учредили тамъ свою Латинскую имперію, и были намъ хуже турокъ, потому что турки все-таки позволяютъ намъ вѣру нашу исповѣдывать, а латиняне всѣхъ силою приводили къ папѣ. Завели они также рыцарей и велѣли имъ огнемъ и мечомъ распространять латинскую вѣру и въ вашихъ старорусскихъ земляхъ, у латышей и эстовъ, у литовцевъ и у васъ, русскихъ, называя васъ дикими русскими язычниками. На-

шимъ законнымъ императорамъ удалось-таки отнять опять Царьградъ и выгнать латинянъ, а у васъ, сами вы знаете, ваши князья св. Александръ Невскій и многіе другіе оборонили отъ рыцарей природную-то Русскую землю!

„Грѣхъ нашъ великій въ томъ и есть, — продолжали бесѣдовать греки,—что мы, греки, больше возлюбили жизнь спокойную и праздную, въ роскоши и удовольствіяхъ и въ праздныхъ толкованіяхъ, чѣмъ труды воинскіе: вмѣсто того, чтобы самимъ крѣпко биться съ латинянами, вызвали мы турокъ защищать насъ отъ враговъ нашихъ. Турки пришли и поселились въ нашихъ земляхъ: латиняне и стали ихъ науськивать на насъ, думая, что, какъ потѣснятъ насъ турки, мы поневолѣ къ папѣ же обратимся за помощью. Турки покорили Болгарію, Сербію, и отъ Греческой имперіи остались только городъ Константинополь, да Морея, да нѣсколько острововъ. Папы стали къ намъ засылать, будто насъ жалѣютъ, и объявили намъ, что они пошлютъ всѣхъ королей своихъ намъ на выручку, но что для этого намъ надо отъ своей вѣры отказаться и признать власть римскаго первосвященника. Для этого они собрали соборъ въ городѣ Флоренціи, въ Италіи, куда и отъ васъ ѣздилъ митрополитъ Исидоръ. Нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ и даже духовныхъ согласились-было и подписали соединеніе, но народъ и слышать не хотѣлъ объ измѣнѣ вѣрѣ, а тѣмъ паче покойный императоръ Константинъ Палеологъ: всѣ мы, уже подъ пушками Магомета, говорили: „Лучше турки, чѣмъ латины!..“ Взяли турки Царьградъ, папы и думаютъ, что ужъ теперь-то насъ, православныхъ, сломятъ, и говорятъ и пишутъ намъ: „Видите ли вы, неразумные греки, до чего довело васъ ваше упорство—не признавать папу верховнымъ главою всего христіанства! За этотъ-то грѣхъ васъ Богъ и наказуетъ! Смотрите и сами судите, гдѣ очевидная благодать Божія: мы богаты, а вы въ нищетѣ и безъ куска хлѣба; мы повелѣваемъ народами, и короли земные служатъ намъ, вы стали рабами поганыхъ: наши храмы и дворцы украшаются мраморомъ и золотомъ, рѣзьбою и письмомъ, ваши храмы ободраны и поруганы, негдѣ вамъ и помолиться-то! Ужели не видите, что Богъ во гнѣвѣ отвратилъ отъ васъ лицо Свое?! Обратитесь къ намъ, покайтесь, откажитесь отъ своей вѣры, признайте власть папы — папа и проститъ васъ, и пошлетъ королей своихъ выгнать турокъ изъ вашей земли, и будете вы спасены“. Но и въ неволѣ и въ бѣдствіи мы отвѣчали папѣ: „Судьбы Господни неисповѣдимы. По грѣхамъ нашимъ Богъ посылаетъ на насъ испытаніе и тяжкую кару: но мы согласны скорѣе претерпѣть всяческія муки отъ турокъ, чѣмъ душу погубить: отъ истинной вѣры отречься — и признать тебя, смертнаго человѣка, земнымъ богомъ. Богъ нашъ на небесахъ: здѣсь на землѣ установилъ Онъ Свою апостольскую церковь, во главу ея поставивши не смертнаго человѣка, а Сына Своего Іисуса Христа, и Духомъ Своимъ Святымъ въ церкви пребывая и животворя ее, и таинственно волю Свою объявляя въ постановленіяхъ св. соборовъ. Человѣкъ ты еси и смертенъ, и шатокъ, и погрѣшимъ: Духъ же Святой, въ церкви пребывающій, вѣченъ, и незыблемъ, и премудрости исполненъ.

„Таково-то, государи, несчастное положеніе наше,—говорили греки.— И на кого упованіе свое возложимъ? И къ кому въ скорби своей прибѣгнемъ? Кто возстановитъ святые храмы наши? Кто возстановитъ тронъ Константиновъ и державу его исторгнетъ изъ рукъ нечестивыхъ? Кто снова освятитъ храмъ Софіи, и снова огласитъ его ангельское пѣніе, и послышатся въ немъ словеса Бога живого?“

И слушали наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы, и сердце у нихъ разрывалось отъ жалости. И рвалось ре-

тивое на защиту православія: но, окидывая умственнымъ взглядомъ дѣла свои, видѣли, что Московское государство само еще подъ властью татаръ, а другая половина Руси во власти у латинянъ, у Литвы и Польши: да если бы и пойти русскимъ отбивать Царьградъ для грековъ, то пришлось бы въ одно время воевать и съ турками и съ латинянами, которые не потерпятъ, чтобъ православіе опять возсіяло на Востокѣ... „Ничѣмъ-то мы вамъ пособить не можемъ, — съ горестью говорили наши грекамъ,—остается только всѣмъ покориться волѣ Божіей, крѣпко стоять въ вѣрѣ и ожидать часа, когда Господь воздвигнетъ мстителя за неправды на враговъ имени Его“.

„Богъ даетъ крѣпость мышцѣ и младенцевъ умудряетъ, — отвѣчали греки:—а наша вся надежда только на васъ, государи, и на единовѣрный намъ русскій народъ. У насъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ вотъ что записано: когда св. Константинъ Великій избралъ мѣсто для постройки Царьграда, вдругъ изъ норы выползъ великій змій, — и на змія ниспалъ съ неба орелъ и подхватилъ змія, и унесъ на высоту, а змій вокругъ него обвился. Они скрылись изъ глазъ: но скоро орелъ опять показался и упалъ на то же мѣсто, ибо змій сталъ его душить и одолѣвать; увидавши это, подбѣжали люди и змія убили, а орла освободили. Мудрецы тогда же объяснили, что орелъ есть знаменіе христіанское, а змій—мусульманское,—и значитъ, что мусульманство одолѣетъ христіанъ, но потомъ и христіане побѣдятъ его. Теперь половина пророчества исполнилась: змій одолѣлъ орла. Сбудется и вторая половина: прійдутъ люди и убьютъ змія. Какіе же это будутъ люди? Охъ, государи, есть объ этомъ и другое у насъ пророчество, а записано оно уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, — что прійдетъ русскій родъ и купно со строителями града побѣдитъ измаильтянъ, и приметъ Царьградъ, и воцарится тамъ... На великія дѣла блюдетъ Божій промыслъ — великій русскій народъ“.

— „Аминь! да будетъ воля Господня!“—говорили наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы — и осѣнили чело свое крестнымъ знаменіемъ, чистосердечно и безкорыстно отдавая себя водительству святого промысла Божія.

1869.

II.

Москва—третій Римъ

А промыслъ Божій въ то время уже явно оказывался надъ Москвою. Тамъ уже явно начинали прозрѣвать, что труды великихъ подвижниковъ за землю Русскую имѣютъ получить свою мзду: явно было, что данничеству ордынскому скоро придетъ конецъ. Въ Москвѣ великимъ княземъ былъ въ то время внукъ Димитрія Донского, Василій Васильевичъ Темный. При немъ былъ и соборъ Флорентійскій, и взятіе турками Царьграда. Много этотъ князь потерпѣлъ несчастій на вѣку своемъ: дядя и двоюродные братья отнимали у него престолъ, даже выкололи ему глаза, отчего онъ и прозванъ Темнымъ: попался онъ и въ плѣнъ къ татарамъ и былъ выкупленъ за дорогую цѣну пожертвованіемъ бояръ и народа. Но несчастіе не заставило его отступить отъ пути, указаннаго предками; съ помощью старыхъ бояръ своихъ онъ побѣдилъ враговъ и скрѣпилъ государство еще сильнѣе. Утѣшеніе великое доставлялъ ему выраставшій при немъ сынъ его Иванъ. Слѣпецъ прозиралъ духомъ великую будущность сына. Будущность эта была ему предсказана, когда Иванъ былъ еще отрокомъ. Пріѣзжалъ въ Москву ходатаемъ за буйныхъ своихъ согражданъ одинъ изъ святыхъ мужей новгородскихъ, архіепископъ Іона. Во время бесѣды его съ великимъ кня-

земъ о дѣлахъ Руси, вдругъ входитъ въ горницу сынъ и наслѣдникъ Васильевъ Иванъ. Святитель взглянулъ на него и сказалъ: „Вотъ кому Богъ пошлетъ свободу отъ власти ордынской!“—и потомъ долго еще въ молчаніи глядѣлъ на отрока, на разумныя его очи, и вдругъ закрылъ лицо свое руками, заплакалъ и произнесъ: „Отрокъ же сей приведетъ и мою родину, великій Новгородъ, подъ свою руку!“

Василій Темный умеръ въ 1462 году, 17-го марта. Ему наслѣдовалъ этотъ Иванъ. Двадцать лѣтъ прошло со взятія турками Царьграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, греки, даже тѣ, которые понадѣялись-было на папу и подписали соединеніе вѣръ, увидѣли, что спасеніе ихъ можетъ выйти только изъ самаго православія; а какъ изъ православныхъ государствъ въ то время, очевидно, возвышалось одно государство православное, именно Московское, на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой церкви самъ не могъ переѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ россійскому духовенству самому соборнѣ выбирать себѣ митрополита. Но званіе защитника церкви, лежавшее, по преемству отъ св. Константина Великаго, на греческихъ царяхъ, греки хотѣли, согласно древнимъ пророчествомъ, передать торжественно и по всѣмъ правамъ государю московскому. Дѣло это они устроили такъ: многіе изъ знатныхъ грековъ проживали въ Римѣ—и по наружности признали папу. Они и, главное, грекъ кардиналъ Виссаріонъ сталъ папѣ внушать мысль, что съ великимъ княземъ московскимъ можно обдѣлать разомъ два дѣла: и обратить его въ католичество, и получить помощь на турокъ; для этого постараться женить его на племянницѣ послѣдняго греческаго императора, Константина Палеолога, Софьѣ, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константиновъ, а какъ ревностная католичка—обратила бы самого въ католичество: онъ, молъ, противъ женской прелести и ея хитрости не устоитъ. Папа (который не могъ сладить со своими королями, чтобы дружно обратить ихъ на турокъ) съ радостью ухватился за эту мысль и послалъ въ Москву сватомъ грека же, Георгія. Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ своего посланца, итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина, смотрѣть невѣсту и для переговоровъ. Иванъ Фрязинъ наговорилъ папѣ обѣщаній съ три короба и повезъ невѣсту. „Ну, дочь моя,—говорилъ, отпуская ее, папа,—послужи святому престолу римскому, и будешь ты великая изъ женъ, если еретическаго царя Ивана приведешь въ римскую вѣру“. Невѣсту провожалъ папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно въ своей красной мантіи, со всей своей свитой, и чтобъ впереди его несли большой латинскій крестъ. Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по-своему. Но за нѣсколько верстъ до Москвы крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда не измѣняла православію, и въ тотъ же день была обвѣнчана съ Иваномъ Васильевичемъ въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ. Кардиналъ началъ-было разговоръ о вѣрѣ; но, когда митрополитъ Филиппъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что нужныхъ книгъ съ собой не взялъ, не ждалъ спора, такъ какъ Иванъ Фрязинъ говорилъ въ Римѣ, что здѣсь всѣ согласны на соединеніе вѣръ. Ему сказано было, что вольно жъ было вѣрить; Фрязинъ вралъ отъ своего лица, никакихъ грамотъ съ собой о томъ не имѣлъ; за это, молъ, великій князь прогонитъ его съ очей своихъ. И точно великій князь прогналъ его, но не

надолго,--потомъ опять принялъ на службу. Кардиналъ съ тѣмъ и уѣхалъ. Папа римскій остался ни при чемъ.

Иванъ же Васильевичъ, какъ женился на греческой царевнѣ, такъ и принялъ на себя всѣ права предковъ, и облаченіе императорское, и гербъ византійскихъ императоровъ: двуглаваго орла. Митрополитъ на торжественныхъ службахъ, обращаясь къ нему, сталъ называть его царемъ: „Божіею милостью радуйся и царствуй, преславный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ" и пр. Въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ великій князь сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ онъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей, иностранныхъ пословъ сталъ принимать, сидя на престолѣ въ порфирѣ, въ шапкѣ древняго великаго императора греческаго Константина Мономаха, въ бармахъ его, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти регаліи были Софьино приданое и привезены ею. Утверждая себѣ наслѣдника, онъ уже торжественно вѣнчалъ его на царство, какъ вѣнчались греческіе цари. Въ глазахъ своихъ подданныхъ онъ уже сталъ монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до недосягаемой царственной высоты, передъ которою и бояре и князья одного съ нимъ корня должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ его подданныхъ. Прежніе государи московскіе женились или на дочеряхъ другихъ удѣльныхъ князей, или на дочеряхъ своихъ бояръ: Иванъ III уже хотѣлъ въ своемъ семействѣ браковъ съ вѣнценосцами: старшаго сына своего, тоже Ивана, умершаго прежде отца, женилъ на Еленѣ, дочери господаря молдавскаго: дочь Елену выдалъ за Александра, великаго князя литовскаго: императоръ германскій сваталъ племянника своего, маркграфа баденскаго, за другую дочь Іоанна, но Іоаннъ нашелъ этого жениха слишкомъ незначительнымъ для того владѣтелемъ. Ясно было, какъ сказалъ нѣкогда великій князь Симеонъ Гордый, новая „свѣча" зажжена была въ Москвѣ.

Съ этой поры все въ ней пошло измѣняться, самый наружный видъ ея: Иванъ III Васильевичъ засталъ ее деревянною, а оставилъ каменною, златоглавою; было на что еще издали, подъѣзжая къ ней, перекреститься русскому люду! Онъ построилъ великія каменныя стѣны съ башнями и стрѣльницами, Успенскій соборъ, каменный, вмѣсто обветшавшаго деревяннаго, соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный дворецъ, Грановитую Палату для торжественныхъ собраній и пріемовъ, и многіе храмы, все изъ камня. Для всякаго дѣла сталъ выписывать изъ-за границы разныхъ мастеровъ, итальянцевъ и грековъ, пушкарей, литейщиковъ, строителей и всякихъ художниковъ.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ великій князь сталъ рѣшительнѣе: онъ привелъ подъ свою руку Великій Новгородъ и его обширныя земли, т.-е. всю Новгородскую, Олонецкую, Петербургскую и Архангельскую губерніи. Всѣ эти земли занялъ и заселилъ Новгородъ изстари, поставилъ тамъ города и селенья и державствовалъ надъ всею этою страною. Горды были новгородцы своимъ державствомъ и богатствомъ, ибо они-то собственно изстари заправляли чуть не всей торговлей въ Россіи: въ низовыхъ городахъ закупали хлѣбъ, оттуда же получали товары азіатскіе: со своихъ владѣній и изъ Сибири получали мѣха и продавали нѣмецкимъ купцамъ, и посылали сами корабли за море черезъ Волховъ, Ладожское озеро, Неву. Нѣмецкіе товары новгородцы развозили по Россіи. Но отъ этой торговли разбогатѣли только важнѣйшіе купцы въ Новгородѣ и назвались боярами: вся земля была ихняя: города, которые они ставили, они называли своими пригородами, держали крѣпко и все на свою только пользу, словомъ, изъ всѣхъ своихъ земель, какъ

говорится, выжимали сокъ. Эти богачи заправляли въ новгородскихъ земляхъ всѣмъ: сами судили, судьи тѣснили свои пригороды и весь сельскій или черный людъ. Управлялись они сходкой, по-старинному *вѣче:* ударятъ въ вѣчевой колоколъ, и всѣ должны собираться на Ярославовъ дворъ. И приходятъ богачи со своими нахлѣбниками и кормежниками. Пойдетъ несогласіе, крикъ, драка; которая сторона одолѣетъ, давай топить противниковъ въ Волховѣ, съ моста. По мѣрѣ того, какъ стали усиливаться съ одной стороны—Московское государство, а съ другой—Литовское, новгородская держава очутилась вдругъ между двумя сильными сосѣдями. Поняли новгородцы, что имъ не устоять, и вышло между ними раздѣленіе: богачи-купцы, бояре, захотѣли поддаться Литвѣ, гдѣ панамъ было житье привольное, короля они ни въ грошъ не ставили, а простой народъ тѣснили, имѣли даже право казнить смертью. Такой порядокъ нравился богачамъ-купцамъ, боярамъ новгородскимъ, и желательно было имъ завести его и у себя. Но черный людъ новгородскій на это не соглашался и лучше хотѣлъ совсѣмъ отойти подъ государя московскаго, у котораго судъ равный для всѣхъ—и для большихъ и для малыхъ людей. Иванъ Васильевичъ ужъ одинъ разъ усмирялъ новгородцевъ, замышлявшихъ измѣну, и поднялся теперь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ Московскому государству, потому что понималъ, если бы да успѣла Литва захватить новгородскія земли, то и православію тамъ пришелъ бы конецъ, и поляки стали бы пановать надъ русскимъ народомъ. Онъ собралъ войско, но, крови проливать не желая, окружилъ войскомъ Новгородъ и заперъ всѣ у него входы и выходы: самъ сталъ подлѣ, на Городищѣ, и ждалъ. Попались, какъ въ западню, новгородцы, и пошла у нихъ сумятица: звонять въ вѣчевой колоколъ, собираются, кричатъ; одни кричатъ: хотимъ государя московскаго! другіе: хотимъ Казимира литовскаго! Изъ-за словъ—драка, гвалтъ, топятъ противниковъ въ Волховѣ; въ дѣла путаются и богачихи-боярыни и бабы. А великій князь стоитъ на Городищѣ, все знаетъ, что въ Новгородѣ дѣлается, молчитъ и смотритъ. Вотъ наконецъ стали у новгородцевъ истощаться запасы. Начали они пересылаться съ Иваномъ Васильевичемъ и спрашивать: чего онъ хочетъ? „Сами знаете“,—отвѣчалъ онъ. Въ Новгородѣ наконецъ сдѣлался голодъ, и они порѣшили бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Новгородъ на всю свою волю. Государь и велѣлъ быть Новгороду какъ другимъ русскимъ городамъ: вѣче уничтожено: колоколъ снятъ, отвезенъ въ Москву и повѣшенъ тамъ на колокольнѣ звонить заодно со всѣми русскими колоколами. Вся держава новгородская присоединена къ Московскому государству. Послѣ покоренія Новгорода были присоединены Тверское княжество (1485), Вятка (1489), еще прежде—Пермь (1472), и московскіе люди стали ходить за Уральскія горы. Оставались еще Рязань и Псковъ, но и тѣ были во всемъ покорны Ивану и присоединены ужъ при сынѣ и наслѣдникѣ его.

Также рѣшительнѣе Иванъ Васильевичъ сталъ поступать и съ Ордою. Золотая Орда къ этому времени распалась на три части: отъ главной Сарайской или Золотой Орды (на нижней Волгѣ) отпали Крымская Орда и Казанская. Крымскій ханъ Менгли-гирей былъ врагъ на смерть ханамъ Золотой Орды, и потому Иванъ III велъ съ нимъ тѣсную дружбу, всегда имѣлъ въ немъ вѣрнаго помощника и насылалъ его то на Золотую Орду, то на Литву, чтобы не давать имъ соединиться, когда воевалъ съ татарами или съ Литвой. Съ Золотой Ордой и господствомъ ея надъ Россіей онъ покончилъ слѣдующимъ образомъ. Разсказываютъ, что Софья Ѳоминишна постоянно твердила ему: „Не для того, молъ, вышла я за тебя замужъ, чтобы ты меня и дѣтей монхъ сдѣлалъ татар-

скими данниками". Иванъ Васильевичъ на ея горячность усмѣхался и молчалъ, а дани въ Орду не посылалъ. У хана было подворье въ Москвѣ; царь это подворье занялъ подъ церковь. Ханъ Ахматъ послалъ наконецъ пословъ съ грозной рѣчью. По старому обычаю, послы, входя въ Москву, несли изображеніе хана, по-татарски басма, которому князья русскіе должны были кланяться. Иванъ Васильевичъ вышелъ со всѣмъ дворомъ своимъ навстрѣчу посламъ, взялъ изъ рукъ ихъ эту басму и вдругъ, къ ихъ ужасу, изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами, а пословъ велѣлъ казнить, кромѣ одного, которому сказалъ: „Ступай, разскажи хану, что сдѣлалъ я съ его басмою и послами. То же будетъ и съ нимъ, если не оставитъ меня въ покоѣ". Ханъ потомъ пришелъ съ войскомъ и сталъ на рѣкѣ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ и тутъ не хотѣлъ положиться на военную удачу: тянулъ время, передвигалъ то туда, то сюда свое войско, а самъ отправилъ внизъ по Волгѣ другое войско подъ самую столицу ханскую, Сарай, и ждалъ вѣстей. Такъ прошла вся осень. Въ войскѣ русскомъ и не знали тайной посылки другого отряда подъ Сарай и роптали; роптали и въ Москвѣ; стыдили великаго князя примѣромъ прадѣда его Димитрія Донского, называя его „бѣгуномъ", и писали къ нему укорительныя письма. Иванъ Васильевичъ на все молчалъ. Вдругъ Ахматъ услыхалъ, что русскіе сожгли его столицу, и побѣжалъ. Великій князь съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву и устыдилъ всѣхъ, которые въ немъ усомнились, и самъ посмѣялся надъ ними. Побѣда не стоила ему ни единой капли крови. Вотъ какъ онъ умѣлъ обдѣлывать великія дѣла. Ахматъ потомъ въ Ордѣ былъ убитъ своими же. Золотая Орда распалась на части.

И вотъ такой-то государь царствовалъ въ Московской Руси сорокъ три года (1462—1505). До него и князья московскіе, начиная отъ Ивана Даниловича Калиты, и народъ московскій, словно молча, но понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ татаръ; и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали, чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, и объ общемъ дѣлѣ не помышляли, и тяготы его не несли, каковы были, напримѣръ, новгородцы. Теперь дѣло было сдѣлано. Отъ Орды Русь была свободна; народъ русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку, имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи, побѣды и великій умъ Ивана III еще болѣе возвысили мнѣніе русскихъ о самихъ себѣ и о величіи своего государя. Когда же палъ Царьградъ и съ нимъ прирожденный защитникъ православія, царь греческій, и Иванъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ, то на него перешло вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регаліями и законное званіе, права и обязанности великаго и единаго поборника истинной вѣры, тогда русскіе люди съ гордостью стали говорить: „Государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится! Два Рима пали, третій стоитъ (т.-е. Москва), а четвертому не быть".

И не одни русскіе люди разумѣли такъ. Съ паденіемъ Орды, при Иванѣ III Васильевичѣ, передъ очами всего міра словно вдругъ спала завѣса, скрывавшая доселѣ въ тишинѣ созрѣвшее государство Московское—одно изъ православныхъ государствъ, свободное отъ чуждаго ига. И къ престолу московскихъ государей понеслись мольбы и вопли о защитѣ со всѣхъ православныхъ земель, стенавшихъ подъ игомъ мусульманскимъ и подъ гнетомъ латинскимъ. Эти жалобы и вопли ясно ука-

зывали, какое значеніе въ мірѣ получаетъ Россія, что̀ дѣлать московскимъ государямъ и на какой подвигъ направить имъ отнынѣ силы своего народа, у котораго подъ игомъ татарскимъ глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ великая заповѣдь: стоять за своихъ и пострадать за Христа.

Покончивъ внутреннія дѣла свои, въ этомъ-то разумѣ и началъ дѣйствовать Иванъ III Васильевичъ, а потомъ и сынъ его Василій Ивановичъ, царствовавшій послѣ него двадцать восемь лѣтъ (1505—1533). Они начали сами наступать на татаръ, отбивать у нихъ земли, строить на этихъ земляхъ крѣпости. Въ литовской Руси, гдѣ народъ былъ русскій и православный, а король — католикъ, стали желать, чтобы опять соединиться подъ одну природную державу; Иванъ III и сынъ его, именуясь государями всея Руси, начали требовать древней своей отчизны— Кіева и всѣхъ русскихъ земель, подпавшихъ подъ власть Литвы и Польши во времена татарскаго владычества. Иванъ Васильевичъ успѣлъ отвоевать Сѣверскую землю, а сынъ его Василій Ивановичъ — Смоленскъ. Смоленскъ защищалъ храбрый литовскій воевода Сологубъ и два раза отбилъ нашъ приступъ. Когда великій князь открылъ въ третій разъ пальбу, жители закричали со стѣнъ, чтобы государь прекратилъ огонь: государь велѣлъ перестать стрѣлять, и смоляне, князья и бояре смоленскіе, весь народъ, старцы и юноши, матери и дѣвицы, иноки и инокини, всѣ предводимые епископомъ и духовенствомъ, съ хоругвями и крестами вышли изъ города со свѣтлыми очами, со многою любовью, навстрѣчу великому князю. Всѣ тотчасъ же смѣшались съ московскими людьми, здоровались, обнимались и цѣловались, какъ единокровные и единовѣрные братья, послѣ долгой разлуки сошедшіеся. Кликъ радости не умолкалъ и провожалъ великаго князя при вшествіи его въ городъ, прямо къ собору Пречистыя Богоматери: тамъ совершенъ былъ молебенъ: протодьяконъ возгласилъ многолѣтіе природному государю: многолѣтіе повторили хоромъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, оба клироса, послѣ чего епископъ, благословивъ крестомъ великаго князя, сказалъ ему: „Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленскѣ, на многая лѣта“. И снова въ церкви пролились слезы радости, и снова пошло цѣлованіе и обниманіе...

Иванъ III Васильевичъ и сынъ его Василій дѣйствовали тихо и осторожно: употребляли силу ужъ тогда, когда дѣло напередъ умомъ подготовили. Они, можно сказать, срывали только зрѣлый плодъ. Но не таковъ былъ сынъ Васильевъ, Иванъ IV Васильевичъ Грозный: оставшись послѣ отца малолѣтнимъ, какъ только вошелъ въ возрастъ, онъ,— наставляемый умнымъ и ревностнымъ ко благу Россіи митрополитомъ Макаріемъ и духовникомъ своимъ, попомъ Сильвестромъ, горячѣе отца и дѣда принялъ къ сердцу долгъ свой и какъ государя всея Руси, и какъ христіанскаго православнаго царя, порфиророднаго помазанника Божія, избраннаго Богомъ для совершенія таинственныхъ судебъ Его, подобно судіямъ и царямъ ветхозавѣтнаго Израиля и великимъ византійскимъ императорамъ, которыхъ кровь, по бабкѣ его Софьѣ, текла и въ немъ. Начатое отцомъ и дѣдомъ его дѣло онъ двинулъ впередъ со всею горячностью своей вѣры, и все при немъ совершенное было такъ мудро задумано, что не нарушилось во всѣ послѣдующія смутныя времена: чего довершить не удалось ему, довершено было Петромъ Великимъ и Екатериною II: а многое при немъ заведенное послѣ разныхъ шатаній и переворотовъ въ теченіе времени возобновляется у насъ только нынѣ, конечно, въ лучшемъ видѣ.

1869.

III.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани.

По кончинѣ родителя своего Иванъ IV Васильевичъ остался на престолѣ младенцемъ по четвертому году на рукахъ бояръ и матери своей, правительницы Елены, дочери русскаго выходца изъ Литвы, Михаила Глинскаго. Восьми лѣтъ онъ лишился и матери. Во все его малолѣтство правили бояре. И Димитрій Донской въ малолѣтствѣ получилъ престолъ, и за него тоже управляли бояре. Но бояре при малолѣтствѣ Ивана Васильевича уже не походили на тѣхъ старыхъ московскихъ бояръ, воспитанныхъ въ дѣлахъ Иваномъ Калитою и сыномъ его Симеономъ Гордымъ, святителемъ Алексѣемъ и преподобнымъ Сергіемъ. Когда уничтожены были удѣлы, бывшіе удѣльные князья или ихъ дѣти и внуки, поступили на службу великаго князя, и заняли по знатности своей да и по родству съ нимъ мѣста выше старыхъ бояръ, и понемногу оттѣснили ихъ отъ двора и отъ высшихъ должностей. Тѣ разъѣхались большею частью по деревнямъ и несли тяжелую ратную службу, и, надо сказать, эти земскіе бояре и дворяне доблестно и честно сослужили свою службу царямъ и Россіи наравнѣ со всѣмъ народомъ русскимъ. Новые же бояре, заступившіе ихъ мѣсто при дворѣ, все не могли забыть, что отцы и дѣды ихъ были прежде вольные князья, неслужилые, и думали, что если ужъ нельзя имъ воротить отцовскихъ удѣловъ, то нельзя ли имъ, по крайности, устроиться такъ на Москвѣ, какъ устроились русскіе же князья одного съ ними корени въ Литвѣ, или паны въ Польшѣ; эти литовскіе князья и польскіе паны владѣли огромными землями и городами, жили у себя во владѣніяхъ, какъ особые царьки; король въ земли ихъ не вступался; они дѣлали, что хотѣли, съ подвластнымъ имъ народомъ, даже смертью казнили. При малолѣтствѣ Ивана Васильевича, бояре и въ Москвѣ захватили всю власть; при дворахъ своихъ завели, какъ въ Литвѣ, огромное число челядинцевъ, кормежниковъ и нахлѣбниковъ, которые сновали въ народѣ, расхваливали своихъ „кормильцевъ“, распускали про недруговъ ихъ дурные слухи, мутили народъ и подымали его на бунтъ, когда того требовалось этимъ кормильцамъ; и народъ кидался на дворы ихъ недруговъ и жегъ ихъ и грабилъ. Когда кто изъ этихъ вельможъ назначался намѣстникомъ въ какой-нибудь городъ, они увозили съ собою всю свою сволочь, раздавали ей мѣста и такъ тѣснили и обирали жителей, что цѣлыя волости пустѣли, люди разбѣгались. Въ Москвѣ же эти верховные бояре враждовали другъ съ другомъ за первенство, убивали, отравляли, замучивали другъ друга въ пыткахъ, ссылали въ ссылку, грабили домы и деревни тѣхъ, кого одолѣютъ. Обиженные, если имъ удавалось уйти, отъѣзжали въ Литву, въ Крымъ, подымали короля и хана на Россію, сами въ ихъ войскахъ ходили разорять отечество. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ, Семенъ Бѣльскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Крыму, даже хвастался, что три раза подымалъ ногайцевъ и крымцевъ на Россію. Не останавливались они и передъ саномъ митрополита: каждой партіи хотѣлось имѣть митрополита изъ своихъ сторонниковъ; которые были имъ не угодны, тѣхъ сводили съ престола: такъ свергли они одного за другимъ двоихъ митрополитовъ — Даніила и Іоасафа. Въ спорѣ съ митрополитомъ Макаріемъ одинъ изъ бояръ, Головинъ, наступивъ на его мантію, изорвалъ ее въ знакъ презрѣнія ногами. Говорятъ, и Елену, мать царя, они опоили ядомъ и дядей его замучили. О воспитаніи царя они не заботились; обходились съ нимъ грубо: царь самъ потомъ вспоминалъ: „Мы, бывало, съ братомъ Юрьемъ играемъ,

а князь Иванъ Шуйскій развалится на лавкѣ и ногу положитъ на постель отца моего"... Старались потакать всякому его дѣтскому желанію, пріучали его травить кошекъ, собакъ, людей, бросать ихъ внизъ съ высокаго крыльца или изъ оконъ; когда онъ подросъ, ночью цѣлой ватагой сами они или ихъ дѣти садились на коней и скакали по Москвѣ, творя всякія безчинства... Чуть кто полюбится юному царю, другимъ дѣлалось завидно, и его на глазахъ царя убивали или ссылали; на просьбы, на слезы, на испугъ ребенка не смотрѣли. „Въ такихъ-то злокозненныхъ боярскихъ обычаяхъ и небреженіи", какъ говорилъ потомъ самъ царь, возрасталъ онъ въ дѣтствѣ, и по мѣрѣ того, какъ возрасталъ, самъ выходилъ такимъ же, какъ всѣ его окружающіе, и, достигши четырнадцати лѣтъ, началъ дѣлать съ ними то, чему изъ ихъ же примѣра научился: началъ казнить то того, то другого, кто ему не понравится.

Но рядомъ съ этими безнравственными и свирѣпыми боярами, очевидно, подлѣ юноши-царя находился кто-то, старавшійся насадить въ душѣ его страхъ Божій и просвѣтить его разумъ наукою: царь зналъ отлично Священное Писаніе, исторію церковную, римскую и русскую, и творенія отцовъ церкви; мастеръ былъ писать и говорить рѣчи. Ни отъ кого изъ древнихъ нашихъ царей не осталось столько сочиненій; при пріемѣ пословъ, или когда онъ давалъ наказы своимъ посланникамъ или воеводамъ, въ горницѣ всегда сидѣлъ писарь и записывалъ его рѣчи. Былъ подлѣ него кто-то, внушавшій ему великое понятіе о долгѣ христіанскаго царя передъ Богомъ, о значеніи русскаго государя для всего православія. По всей вѣроятности, этотъ невѣдомый сѣятель добра въ юной и пламенной душѣ Іоанна былъ митрополитъ Макарій. Онъ же, вѣроятно, внушилъ царю, когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, мысль вѣнчаться торжественно на царство и вступить въ бракъ. 16-го января 1547 года совершилось вѣнчаніе, а 3-го февраля была свадьба царя съ Анастасіей изъ рода Романовыхъ, стараго боярскаго рода временъ Димитрія Донского. Торжественность обряда вѣнчанія и напоминаніе при этомъ царственныхъ обязанностей не могли не оставить впечатлѣнія на юнаго царя; бракъ съ прекрасной и кроткой царицей Анастасіей долженъ былъ омерзить ему прежнія его утѣхи. Но тутъ случилось еще одно событіе, глубоко потрясшее его душу. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, апрѣля 12, сдѣлался въ Москвѣ страшный пожаръ, отъ котораго, между прочимъ, взорвало вспыхнувшимъ порохомъ стрѣльницу и часть стѣны въ Кремлѣ; черезъ нѣсколько дней, 20-го апрѣля, новый пожаръ въ нынѣшней Яузской части; наконецъ іюня 24-го налетѣла на Москву страшная буря съ громомъ и молніей, отъ которой Москва загорѣлась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и скоро, при самомъ сильномъ вѣтрѣ, словно огненное море разлилось по всему городу. Государь съ царицею едва спасся на Воробьевы горы. Митрополитъ Макарій чуть не задохся въ Успенскомъ соборѣ: его спустили на веревкѣ изъ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ; онъ упалъ и расшибся.

Съ Воробьевыхъ горъ, при раскатахъ грома, при блескѣ молніи, трепещущій царь смотрѣлъ на пожираемую пламенемъ свою столицу. На другой или на третій день, когда огонь утихъ, онъ ѣздилъ провѣдать болящаго митрополита, посѣтилъ пожарище, гдѣ бѣдные погорѣльцы посреди дымящихся развалинъ, съ воплями и слезами, бродили, отыскивая своихъ пропавшихъ безъ вѣсти близкихъ или свое имущество, и не находили даже мѣста, гдѣ стояли ихъ дома. На огромномъ пепелищѣ города торчали только почернѣлыя каменныя трубы да обгорѣвшія каменныя церкви. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло... Нѣкоторыми боярами пущены были слухи, будто городъ подожгли бояре,

князья Глинскіе; толпа кинулась отыскивать мнимыхъ виновниковъ; убили боярина Глинскаго, дядю царскаго... „Все сіе навелъ Богъ на насъ грѣховъ ради нашихъ, ибо множество согрѣшили и беззаконствовали... Богъ же праведнымъ Своимъ судомъ приводитъ насъ на покаяніе“... Вотъ что отовсюду, отъ митрополита и іереевъ, и ото всего народа, устрашеннаго бѣдствіемъ, и ото всѣхъ сокрушившихся о потерѣ достоянія своего и своихъ родныхъ и близкихъ въ пламени,—слышалъ царь и больше всѣхъ устрашился и сокрушился духомъ, ибо въ бѣдствіи народа видѣлъ, по Писанію, кару Господню за свои прегрѣшенія: „И вниде страхъ въ душу мою,—говорилъ онъ потомъ,— и трепетъ въ кости мои, и смирился духъ мой, и позналъ я свои согрѣшенія“. Онъ далъ обѣтъ покаяться и стать другимъ человѣкомъ; наложилъ на себя постъ и молитву; потомъ созвалъ святителей и покаялся въ грѣхахъ своихъ, причастился св. таинъ. Но прощенія святителей ему казалось еще мало. Онъ объявилъ по всѣмъ городамъ, чтобы съѣхались въ Москву отовсюду выборные люди. Когда они съѣхались, онъ въ воскресный день велѣлъ всѣмъ собраться на Лобное мѣсто, въ Москвѣ; послѣ обѣдни вышелъ изъ Кремля, сопровождаемый боярами, митрополитомъ и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Отслужили молебенъ, послѣ чего царь обратился къ митрополиту и во всеуслышаніе говорилъ ему: „Молю тебя, святый владыко, будь мнѣ помощникомъ. Знаю, что ты дѣлъ благихъ и любви желатель. Я остался, — ты знаешь, владыко, — послѣ отца своего четырехъ лѣтъ и послѣ матери — осьми. Не стало родителей моихъ, чтобы пещись обо мнѣ, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, а самовластвовали, саны и почести похищали именемъ моимъ, творили всякія корысти и обиды, и никто имъ не возбранялъ: я словно былъ глухъ и не слышалъ, и ради юности моей и пустоты не имѣлъ въ устахъ моихъ на нихъ обличенія. О, неправедные лихоимцы! Неправедные судьи и хищники! Какой отвѣтъ теперь дадите намъ за слезы, которыя вы исторгли? Я же чистъ отъ пролитой вами крови. Ожидайте воздаянія своего!“

Потомъ поклонился царь на всѣ четыре стороны и сказалъ народу: „Люди Божіи и Богомъ намъ порученные! взываю къ вашей вѣрѣ къ Богу, къ любви вашей къ намъ. Всѣхъ разореній вашихъ, всѣхъ неправдъ бояръ моихъ въ лѣта моей юности теперь исправить уже невозможно. Молю васъ, простите другъ другу всѣ вражды ваши! Простимте всѣ другъ другу обиды наши! Отнынѣ, насколько Богъ дастъ мнѣ силы, самъ я буду вамъ судія и оборона, буду неправды исправлять и отнятое возвращать“. Засимъ онъ указалъ на одного молодого человѣка, по имени Алексѣя Адашева, съ которымъ сблизился послѣ пожара, — и велѣлъ ему принимать всѣ челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разсматривать вмѣстѣ съ царемъ. И всѣ выборные, и всѣ люди московскіе, и митрополитъ Макарій со всѣмъ священнымъ соборомъ, и князья, и бояре, слышавшіе такія слова изъ устъ юноши-царя, сердцемъ умилились, и на испрашиваемое царемъ прощеніе сладкія слезы радости испущали, и молили Господа, да отпуститъ Онъ всѣмъ согрѣшенія ихъ и помилуетъ. И слыша сіе, юноша-царь самъ проливалъ слезы и радовался о всеобщемъ прощеніи — и по юношеской горячности своей, въ веселіи сердца, думалъ, что отнынѣ наступаетъ во всей державѣ его вѣчный миръ и любовь, какъ подобаетъ быть въ христіанскомъ царствѣ: въ ознаменованіе сего, тутъ же простилъ всѣхъ—какіе были виновные передъ нимъ бояре, съ тѣмъ, чтобы ужъ о прошломъ и помину не было. И съ великой радостью и многими слезами разошлись съ Лобнаго мѣста люди московскіе, и разъѣхались выборные по домамъ и разсказывали вездѣ, чему были свидѣтелями, — и радостью и свѣтлыми надеждами

исполнилась Русская земля, будучи вся за одну душу съ царемъ своимъ.

Съ сего времени, т.-е. съ 1547 года, до самой кончины царицы Анастасіи, въ 1560 году, въ теченіе тринадцати лѣтъ совершились великія дѣла царствованія Ивана IV Васильевича. Про это время его лѣтописцы говорятъ: „Царю нашему обычай таковъ: начало его премудрости — страхъ Господень: оставилъ онъ всѣ забавы и только тщится порученныя ему отъ Бога царства соблюсти, и устроить, и оборонить отъ всѣхъ иновѣрныхъ басурманъ и латынянъ; ничего иного у него на умѣ нѣтъ — какъ только о избавленіи единородныхъ нашихъ братій, православныхъ христіанъ, просто сказать, только законъ Христовъ и ратныя дѣла. Любовь же его ко всѣмъ сущимъ подъ рукою его, къ вельможамъ, и къ среднимъ, и къ младшимъ, — ко всѣмъ ровная: по достоянію всѣхъ любить, всѣхъ жалуетъ, ни единаго забвеннымъ видѣть отъ жалованія своего не хочетъ... дабы во страшное второе пришествіе Христово, когда послышитъ гласъ: „Ты еси царь правды?“, могъ бы безъ стыда отвѣчать: „Азъ есмь — и вотъ люди, которыхъ Ты мнѣ далъ, Господи!“

У царя Ивана Васильевича былъ еще родной братъ, Юрій, и двоюродный — Владиміръ Андреевичъ. Обоихъ онъ вскорѣ послѣ пожара женилъ: перваго помѣстилъ жить въ одномъ дворцѣ съ собою, и три юныя четы были почти неразлучны. При нихъ находился еще Алексѣй Адашевъ, тотъ юный другъ царевъ, котораго государь возвысилъ изъ знатныхъ людей за добрый нравъ, приблизилъ къ себѣ, поручивъ ему принимать и разсматривать съ царемъ всѣ подаваемыя на его имя просьбы: домашнимъ наставникомъ при всей этой царственной молодежи былъ Благовѣщенскаго собора протопопъ Сильвестръ, мужъ строгій нравомъ и мудрый въ совѣтахъ, а главнымъ руководителемъ царя, какъ видно по всѣмъ дѣламъ, тогда имъ совершеннымъ, былъ митрополитъ Макарій.

И вотъ какъ разсуждали тогда въ царской думѣ, что̀ надобно было дѣлать, чтобы Московскому государству достигнуть той высоты, на которую ставили его и гласъ всего угнетеннаго восточнаго православія, и собственное его положеніе между двумя враждебными ему силами — дикой Азіей и римскимъ папой, повелѣвавшимъ всѣми почти европейскими королями и уже употреблявшимъ тогда всѣ усилія — чтобы отторгнуть отъ отеческой вѣры и подчинить себѣ всю Литовскую Русь. Нужно было прежде всего внутри государства завести порядокъ управленія и судъ: по прежнему положенію въ города посылали намѣстниковъ изъ Москвы: оказывалось, что эти намѣстники только грабятъ жителей — и потому ихъ рѣшено отмѣнить, а пусть города и волости сами выбираютъ изъ земства присяжныхъ излюбленныхъ людей, которые бы судили по правдѣ и крестъ на томъ цѣловали; и подати и оброки бы собирали и въ Москву отвозили, и отъ разбоевъ бы оберегали, и воровъ бы ловили: гдѣ же будутъ какіе царскіе чиновники, то чтобы и при нихъ находились выборные отъ земства довѣренные люди и смотрѣли бы, чтобы они все дѣлали по правдѣ и по закону. А чтобы люди знали — какъ въ какомъ случаѣ поступить, для того надобно написать законы: почему и былъ собранъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей со всего государства въ 1549 году, и на немъ изданъ *Судебникъ*, т.-е. законы гражданскіе: потомъ, для исправленія дѣлъ церковныхъ, созванъ былъ другой соборъ святителей, въ 1551 году, и какіе на немъ установлены законы, тѣ написали въ другой книгѣ, которая называется *Стоглавъ*, по числу ста статей, въ ней заключающихся. Кромѣ того, разсуждали въ Москвѣ, что много у насъ всякаго богатства — и хлѣба, и льну, и пеньки, и лѣсу, и звѣря, и рыбы, и въ землѣ всякихъ рудъ; но все

это сырье мы обрабатывать не умѣемъ: нѣтъ у насъ ни ремеслъ ни искусствъ; всякое цѣнное издѣліе надо получать изъ-за границы. А потому надобно изъ Европы выписать знающихъ людей, чтобы у насъ у самихъ завести всякое дѣло. Выискался въ Москвѣ нѣмецъ Іоаннъ Шлитте, которому дали денегъ и письмо къ нѣмецкому императору Карлу Пятому, чтобы онъ дозволилъ ему, Шлитте, нанять всякихъ людей изъ нѣмцевъ—заводить у насъ всякія мастерства. Шлитте въ 1547 же году отправился въ Нѣмецкую землю, но чѣмъ кончилось его посольство, я разскажу послѣ.

Главное же, чѣмъ юный царь хотѣлъ заслужить вины юности своей и исполнить долгъ христіанскаго государя, — была брань съ врагами имени Христова—татарами, которые не давали намъ покою и по паденіи Золотой Орды.

Золотая Орда, по смерти Ахмата, какъ разрубленный на части змѣй, у котораго ожила каждая часть, распалась на нѣсколько царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайскія Орды и царство Сибирское. Всѣ эти орды, главное, промышляли грабежомъ. Особенно насъ безпокоили Крымъ и Казань. Ханъ крымскій получалъ подарки отъ Московскаго и отъ Литовскаго государства, чтобъ только не приходилъ съ ордой своей грабить, и жечь, и уводить плѣнниковъ. Да и съ подарками на него нечего было надѣяться: дары онъ отъ насъ бралъ, а все стращалъ: „Не укроетесь отъ меня за своими стѣнами—крѣпостями, дремучими лѣсами“. И въ самомъ дѣлѣ безпрестанно нападалъ, жегъ даже нѣсколько разъ Москву. За подарками присылали пословъ и ногайскіе князья. И всѣ эти послы, и крымскіе и ногайскіе, были чудные: ѣдетъ посланникъ въ Москву и гонитъ табунъ лошадей, а какъ пріѣдетъ—то ходитъ къ боярамъ и царю о посольскихъ дѣлахъ говорить, то сидитъ на конной площади, самъ лошадей продаетъ. Солонъ былъ намъ этотъ ханъ, но все-таки отъ него отдѣляла насъ степь, и московскіе государи устроили по всему рубежу крѣпости, заставы и разъѣзды и содержали тамъ войско. А прямо пойти и истребить его было тогда еще нельзя, и походъ степью труденъ, пока до Перекопа доберешься, да и самъ крымскій ханъ былъ подручникъ турецкому султану, и султанъ за него бы вступился: а султанъ ужъ и такъ разнюхивалъ пути въ Россію, пытался завладѣть Астраханью, чтобъ оттуда Волгой добраться и до Москвы. Казань же была къ намъ ближе и была еще несноснѣе. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ, портили всю нашу торговлю съ Азіей,—не говоря ужъ о томъ, что въ Казани, какъ въ Крыму, сотни тысячъ русскихъ невольниковъ, воровски взятыхъ, томились въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился прежде всего покончить съ Казанью. Два похода были неудачны. Одинъ походъ былъ на другой же годъ (1548) послѣ пожара. Пошли зимой изъ Нижняго по льду, по Волгѣ. Но полились дожди, настала оттепель. Много пушекъ провалилось въ продушинахъ съ людьми и лошадьми. Царь долженъ былъ оставить предпріятіе и возвратился въ Москву съ великими слезами, что не сподобилъ Богъ ему поратовать противъ враговъ христіанства. Черезъ два года послѣ того (въ 1550) пошли во второй походъ, тоже зимой; расположились къ осадѣ Казани. Опять пошли дожди: порохъ подмокъ, стрѣлять нельзя было: разлились ручьи: надо было снимать осаду. Но походъ этотъ обошелся не безъ пользы. На устьѣ Свіяги поставили городъ Свіяжскъ, много безпокоившій казанцевъ и очень много послужившій въ третьемъ нашемъ походѣ.

Наконецъ, еще черезъ два года, въ 1552 году, рѣшили итти подъ Казань лѣтомъ. Собрано было 150.000 войска. Царь выступилъ самъ

изъ Коломны іюля 3-го, 1552 года. Войска шли тремя путями. Волгой сплавляли запасы, пушки, порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Часть войска съ царемъ пошла на Владиміръ, а другая — черезъ Рязань, къ Сурѣ. Походъ былъ веселый. Пищи было обиліе. Въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходили стадами на убой. Гуси и бѣлые лебеди стадами плавали въ тихихъ заводяхъ; рѣки кишѣли рыбою. Шли словно не въ походъ, а на охоту, и на привалахъ и ночлегахъ жарили добычу какъ для пира. Жители—русскіе, мордва, мещера, черемиса—подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска, бояръ, юнаго царя. Казанцы тоже готовились принять гостей и писали государю: „Ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего юрта“. 30.000 заперлись въ своемъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями и съ толстыми дубовыми и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значитъ, что русскіе идутъ на приступъ, и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла. Распорядясь такъ, они смѣло поджидали нашихъ—и вотъ 23-го августа увидѣли при восходѣ солнца, что русскіе полки, съ музыкой и распущенными знаменами, между которыми выше и шире всѣхъ развѣвалась царская хоругвь съ изображеніемъ Іисуса Христа, подходятъ къ городу и растягиваются, чтобы обложить его съ разныхъ сторонъ. Какъ только увидали себя лицомъ къ лицу обѣ силы,—и русская и татарская,—въ тотъ же день перевѣдались между собою въ кровавой схваткѣ, и съ перваго раза поняли, что дѣло пойдетъ на упоръ съ обѣихъ сторонъ. Царь съ воеводами и со своимъ розмысломъ,—т.-е. нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны, — всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда приступать къ городу и куда вести подкопы. На четвертый день, 27-го августа, наши открыли огонь изъ 150 пушекъ. Казанцы отвѣчали тѣмъ же, и начался почти непрерывный, остервенѣлый бой. Больше всѣхъ донималъ нашихъ хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а онъ словно насъ держалъ въ осадѣ. Наши не пускали въ Казань хлѣба, а онъ отбивалъ хлѣбъ, который везли къ намъ, и являлся всегда тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Чтобъ его истребить, пришлось отрядить противъ него половину войска. Царь думалъ сначала, что жаждой принудитъ казанцевъ сдаться, потому что Казань стоитъ на горѣ и отъ воды не близко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Казанкѣ и къ рѣкѣ Булаку, но видитъ, что они все держатся. Узнали, что у нихъ около городской стѣны въ одномъ мѣстѣ есть родникъ, куда они ходятъ подземнымъ путемъ и берутъ воду. Царь приказалъ подъ этотъ ходъ подвести подкопъ. Десять дней рылись въ землѣ, и вдругъ рабочіе услыхали надъ собой голоса и шаги. Накатили въ этомъ мѣстѣ одиннадцать бочекъ пороху и зажгли фитиль: послѣдовалъ взрывъ—и часть стѣны и тайникъ полетѣли на воздухъ. Но казанцы не уныли духомъ, принялись въ самомъ городѣ рыть колодецъ; дорылись-таки до воды: вода оказалась мутная и вонючая, но они пили ее черезъ силу, пухли и болѣли, но не сдавались. Русскіе били въ стѣны изъ пушекъ и таранами, кидали огромные камни, выстроили великія туры, или подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ и съ нихъ стрѣляли въ городъ на улицы изъ пищалей и луковъ. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали казанцы густыми толпами то изъ тѣхъ, то изъ этихъ воротъ, и завязывалась жестокая сѣча, такъ что войско наше потомилось-таки довольно. Къ тому же пошли дожди; всѣ мѣста, гдѣ

оно стояло, обратились въ болота, и одинъ разъ налетѣла такая буря, что много судовъ нашихъ потопила на Волгѣ, сорвала палатки воиновъ и даже царскій шатеръ. Стали говорить, что это неспроста, что это дѣйствіе нечистой силы, что у казанцевъ есть кудесники: что при восходѣ солнца разные старики и бабы выходятъ на стѣны, кривляются и вопятъ страшнымъ голосомъ, и одеждами своими машутъ на русскій лагерь, этимъ накликаютъ вѣтеръ и облака, и изъ нихъ дождь льется рѣкою... Царь повелѣлъ послать на перекладныхъ въ Москву привезти крестъ съ частицами отъ древа креста Господня и съ нимъ вокругъ всего нашего лагеря сдѣлать крестный ходъ съ иконами и кропить святою водою. Наступили красные дни. Войско ободрилось, видя, что Богъ не токмо въ ничто обратилъ чары сатанинскія, но и многимъ благочестивымъ мужамъ въ сонномъ видѣніи возвѣщалъ скорое паденіе царства басурманскаго. Самъ царь во снѣ слышалъ—якобы изъ Казани звонъ знакомаго ему большого колокола Симонова монастыря.

Время между тѣмъ уже подходило къ октябрю. Дѣло замѣшкалось оттого, что все ждали, когда будутъ готовы подкопы. Наконецъ, къ 1-му числу октября розмыслъ, или инженеръ государевъ, объявилъ, что готовы два подкопа подъ главныя башни казанскія. Царь тотчасъ объявилъ по войску, чтобы всѣ причастились и исповѣдались, ибо приближается день, въ онь же пити всѣмъ общую чашу; приказалъ, чтобы въ ночь на 2-е число все было готово, и какъ черезъ два часа по восходѣ солнца взорвутъ подкопы, то чтобы со всѣхъ сторонъ кидались на приступъ. Самъ царь въ эту ночь въ своей походной церкви велѣлъ служить раньше заутреню. Вдругъ главный воевода, князь Михайла Ивановичъ Воротынскій, присылаетъ ему сказать, что 45 бочекъ пороху ужъ въ подкопѣ, что казанцы свѣдали о нашемъ дѣлѣ, и что нельзя терять ни минуты. Царь велѣлъ выстроиться полкамъ какъ можно тише, а самъ остался дослушать заутреню. Дьяконъ читалъ Евангеліе и едва произнесъ: „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь“—вдругъ грянулъ громъ, земля затряслась. Царь бросился къ выходу изъ шатра, и видитъ: заря сіяетъ на небѣ, небо чисто и ясно; полки русскіе, словно притаясь, стоятъ передъ стѣнами казанскими и въ тишинѣ дожидаются знака,—а надъ Казанью стоитъ темный высокій столбъ дыму, вверху освѣщаемый розовыми лучами восходящаго солнца, — и глыбы земли, обломки башенъ и стѣнъ, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падаютъ изъ этого дымнаго столба со страшной высоты на городъ... Служба прервалась-было, но царь велѣлъ доканчивать и вернулся на свое мѣсто. Дьяконъ сталъ читать на ектеніи молитву о царѣ — и какъ только произнесъ: „и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“,—раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще грознѣе перваго. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ всего русскаго войска: „Съ нами Богъ!“ Царь вышелъ еще изъ шатра и видѣлъ, какъ полки кинулись къ проломамъ,—къ стѣнамъ: они ставятъ лѣстницы, а на стѣнахъ вдругъ высыпали головы татарскія, и видно было, что тамъ все задвигалось: наши лѣзутъ на стѣны, а татары льютъ на нихъ изъ тагановъ горящую смолу и скатываютъ бревна; въ проломахъ, на грудахъ земли и камней, въ страшной давкѣ — и конные и пѣшіе уже втискиваются въ городъ... Царь вернулся опять въ церковь, жарко молилъ о побѣдѣ; прибѣжалъ къ нему посланецъ отъ князя Воротынскаго, со словами: „Государь, пора тебѣ ѣхать, полки ждутъ тебя“. Царь отвѣчалъ: „Какъ отслушаемъ всю службу, то и совершенную милость Христа получимъ“. Воротынскій прислалъ вторично. Служба кончилась. Царь прич стился св. таинъ, одѣлъ доспѣхи, сѣлъ на коня и поскакалъ со своимъ полкомъ: русскія знамена ужъ развѣвались на стѣнахъ Казани.

Свирѣпый бой шелъ въ самомъ городѣ. Толпы татаръ, тѣснимыя уже изнутри города, по трупамъ взлѣзли въ одномъ мѣстѣ на стѣну, замахали и завопили русскимъ: „Погодите стрѣлять! Пока стояло наше царство и городъ нашъ, мы бились за него и за царя нашего. Теперь выдаемъ вамъ царя своего жива и здрава; ведите его къ вашему царю, а мы выйдемъ въ широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу". И выдали своего царя, и вдругъ стали прыгать со стѣнъ, хотѣли пробиться къ лѣсу, и всѣ пали, но много положивъ и нашихъ.

Царь въѣхалъ въ городъ по кровавой улицѣ, съ которой для того поприбрали трупы, и тутъ въ городѣ его поразило неожиданное зрѣлище: его встрѣтила толпа русскихъ, только-что освобожденныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые многіе годы томились въ неволѣ казанской. Увидѣвъ государя, блѣдные, худые, едва прикрытые, они кинулись на колѣни и кричали: „Отецъ ты нашъ! избавитель ты нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ! для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!" Царь велѣлъ ихъ отвести въ свой станъ и кормить со своего стола. На другой день городъ былъ очищенъ отъ труповъ; царь, духовенство, войско торжественно вступили въ Казань: духовенство впереди шло съ церковными хоругвями и крестами; обошли стѣны, кропили святою водой—и, выбравъ мѣсто для постройки соборнаго храма, водрузили на немъ крестъ. Храмъ порѣшено строить во имя Благовѣщенія: да послужитъ сіе первое наше завоеваніе благою вѣстію послѣдующихъ... Воротясь же въ Москву, государь, въ память взятія Казанскаго, построилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, что̀ нынче называется *Василіемъ Блаженнымъ:* на этомъ мѣстѣ прежде было кладбище, на которомъ похороненъ былъ и этотъ блаженный.

Такъ совершилось покореніе русскими одного изъ царствъ Магомета... Но не однимъ оружіемъ побѣдила Россія казанцевъ и съ теченіемъ времени сдѣлала изъ нихъ себѣ дружественный, мирный, трудолюбивый народъ: водрузивъ въ Казани знамя Христово и учредивъ тамъ новую, Казанскую епархію, и отправляя управлять ею св. Гурія, царь предписалъ ему такъ поступать съ мусульманами: „Которые татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи,—тѣхъ велѣть крестить и лучшихъ держать при себѣ, поучать закону христіанскому и покоить; и всѣхъ приходящихъ съ челобитьемъ приводить къ христіанскому закону, причемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а не жестоко и не со страхомъ..." Этотъ наказъ былъ выполненъ св. Гуріемъ и его преемниками какъ нельзя лучше: очень скоро нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обратилось въ христіанство. Царь казанскій потомъ съ семействомъ своимъ просилъ креститься въ Москвѣ, присягнулъ Россіи и получилъ отъ государя помѣстья.

По паденіи Казанскаго царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустилъ по Волгѣ двухъ воеводъ съ войскомъ, и они безъ большихъ хлопотъ заняли Астрахань. Вся Волга была уже въ нашихъ рукахъ, и въ Москву явились посланники отъ персидскаго шаха, отъ бухарскаго и хивинскаго хановъ и другихъ закаспійскихъ народовъ, чтобъ уговориться насчетъ торговли съ Москвой. Доставивъ теперь торговымъ людямъ прямой доступъ къ Азіи и берега Каспійскіе, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ открыть такой же доступъ и къ Балтійскому морю и овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины. Съ этой цѣлью начата была имъ война ливонская: царь взялъ всю Ливонію, рыцари объявили свой орденъ кончившимся и поддались Польшѣ. На бѣду нашу, въ Польшѣ въ это время случился храбрый и умный король Стефанъ Баторій—и война, тянувшаяся двадцать лѣтъ, кончилась неудачно: по-

терею всѣхъ нашихъ завоеваній въ Ливоніи. Но объ этомъ я разскажу послѣ, а теперь докончу только о третьемъ татарскомъ царствѣ, доставшемся Ивану Васильевичу ужъ подъ конецъ его жизни — о царствѣ Сибирскомъ.

IV.

Завоеваніе Сибири.

Когда вся Волга досталась въ наши руки, государи московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ каравановъ было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при татарахъ еще жило довольно много русскихъ людей, выходившихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ и далѣе даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не прерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались вѣры отеческой и русскихъ обычаевъ и называли себя людьми государевыми, вольными казаками, — однако государи московскіе, за дальностью, управлять ими и помышлять объ нихъ не могли. На жалобы разныхъ татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, „что степь велика — и государямъ за казаками смотрѣть не можно“. Сами же казаки своей постоянною войною съ татарами немало намъ приносили пользы, постоянно тревожа Казань и Астрахань. Когда же эти царства были взяты, на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гулящіе люди — и изъ Россіи, и изъ казаковъ, и нападать безъ разбору на всѣ суда, идущія по Волгѣ. Напрасно государь приказывалъ изъ Москвы, чтобъ они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства не чинили. Вольница не унималась: атаманы ея разгуливали по Волгѣ и по Каспійскому морю, словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число ватагъ все росло и росло. Нѣкоторые атаманы сдѣлались грозою для судоходовъ. Между прочими особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимоѳеича.

Такъ-то некрасиво встрѣчается намъ въ первый разъ имя Ермака, знаменитаго покорителя Сибири. Кто же былъ этотъ Ермакъ? и откуда онъ взялся? и какъ это случилось, что имя прежняго разбойника — теперь съ благодарностью и уваженіемъ поминается всѣми на святой Руси?

Есть извѣстіе, что дѣдъ Ермака, по имени Аѳанасій Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человѣкъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владимиръ съ двумя сыновьями, Родіономъ и Тимоѳеемъ, и промышлялъ извозомъ; нанимался иногда возить и разбойниковъ въ Муромскихъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы потомъ бѣжалъ въ Юрьевъ Повольскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всѣмъ распоряжались: и народъ селили бъ, и городки бы строили, и ружья и пушки имѣли бы, и ратныхъ людей, и сами бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край — и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ у нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимоѳеемъ, и родились у нихъ дѣти: между прочими у Тимоѳея былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый, красавецъ собой, роста средняго; волосы имѣлъ темные, бороду — черную, былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что̀ означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долюшки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка, широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держатъ голову, славой своей и казной похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Что̀ тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько годовъ тутъ было погуляно, много ли на душу грѣха было принято, — доподлинно неизвѣстно. Видно только, что или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или, можетъ-быть, хотѣлъ заслужить милость царскую,—только, когда разъ взбунтовались черемиса и казанскіе татары и царь посылалъ на нихъ воеводъ своихъ—Ермакъ со своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угомонили бунтовщиковъ — отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ-матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы хивинскіе, бухарскіе, персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ стряслась бѣда важная. Ѣхалъ въ Москву персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмелю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ ослушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удальцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть заслышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безъ всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы—и Ермакъ Тимоѳеичъ и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлось Ермаку Тимоѳеевичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела воля вольная, удаль молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцемъ, вернулся царскимъ ослушникомъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить—все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти—быть повѣшену! Ужъ нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладинкой—на ней петелька шелковая. Все-то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ каменьями зашивалъ да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимоѳеевичъ своимъ родичамъ: тѣ поговорили Строгановымъ, а Строгановы были умные старики; руки имъ были надобно. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: „Чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимоѳеевичъ, послужилъ честнымъ людямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, а мы бы тамъ острожки поставили, чтобы на государевы земли сибирскимъ народцамъ, остякамъ и вогуламъ, а тѣмъ паче сибирскому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; которые

народцы царю покорность изъявятъ, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ермакъ Тимоѳеевичъ, намъ это дѣло справлялъ: ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все нужное дали: послужилъ бы ты царю вѣрой-правдою и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои".

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимоѳеевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать грамоту. „Кто хочетъ, братцы, со мной иди; кто не хочетъ—тому воля вольная. А ужъ я вамъ не товарищъ. Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой, чтобъ ужъ воровства и пакости за нами не водилось". И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы—Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ—всѣ возрадовались: „Намъ безъ тебя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, все равно пропадать. Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны". И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человѣкъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгановы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей, и литвы, и нѣмцевъ, и татаръ, и русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями, и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожаковъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шелъ Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащился волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки-коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря — великое множество. Какъ выстрѣлятъ изъ ружья—все всполошится, выстрѣлъ-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашенки попадутся: рѣдко-рѣдко гдѣ выглянутъ люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки — словно войско стоитъ. Войско зашевелилось: аль встрѣчать идетъ непрошеныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ грянули изъ ружей—все войско попадало. Засмѣялись казаки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ набольшаго. Чуть начнутъ сибирцы подымать головы, опять кто-нибудь выстрѣлитъ — и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ набольшаго: оказалось, что войско велъ сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ итти туда, — отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разсказами: „Такіе, молъ, идутъ люди, роду русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнутъ изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огнь исходитъ и громко толкнетъ, аки громъ на небеси: стрѣлъ исходящихъ не видать, а уязвляютъ ранами и смертью побиваютъ, и защищаться отъ нихъ никакими ратными сбруями не можно; ни куяки, ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ". Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья-то они еще не видывали.—и у насъ оно недавно завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его, и

князьки, и шаманы сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всѣ видѣли городъ, а въ этомъ городѣ — каменныя башни, на башняхъ висятъ колокола, а наверху кресты: что, извѣстно, такіе города—русскіе, и показываются они теперь на небѣ и, того гляди, сойдутъ на Сибирскую землю, и вся Сибирская страна наполнится русскими людьми и русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хоть и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ разспрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только пулька,—что все равно и стрѣла вѣдь ранитъ смертельно. Понялъ ли, не понялъ ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы самоскорѣйше подымались и шли къ нему всѣ подвластные ему мурзы и уланы, и татары, и остяки, и другіе сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь, или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу, назначилъ итти съ большою ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить русскихъ; „если жъ, паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всѣми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрное“. Этотъ Мегметъ-Кулъ считался самымъ славнымъ Сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ, силы непомѣрной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко виденъ былъ и между своею татарскою конницей, а тѣмъ паче надъ малорослыми сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Кулъ сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышомъ, и дожидалъ нашихъ, стараясь, главное, объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что, по сибирскимъ правамъ, кто побѣдитъ, того и земля будетъ и люди. Провѣдавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Тѣ было-дрогнули, но скоро опомнились, особенно татары; да и сибирцы ужъ не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашь; сѣча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые и раненые. Ермакъ поплылъ дальше, внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юртъ и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,—и перетащили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юртъ этотъ взяли они хитростью. Понадѣлали чучелъ изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки,—и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали татары на берегъ и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе — крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что въ снопики налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли татарамъ въ тылъ и вдругъ толкнули изъ ружей. Такъ юртъ и взяли.

Мегметъ-Кулъ между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая ихъ своею конницею; гдѣ

рѣка суживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всѣ казаки были уже ранены. Многіе стали призадумываться. Нужно было хоть гдѣнибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22-е октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище, удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и разсчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близъ него же стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку и обведя ее валомъ. Завидя казаковъ, татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужъ вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить и готовить себѣ ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей — видимо-невидимо: свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ, и что они окружены всей его силой,—они, усталые и раненые, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали-было уговаривать, а имъ отвѣтили: „Да вы посмотрите: ихъ вѣдь, нехристей — тьмы, а мы всѣ на перечетъ. Сколько товарищей уже похоронили! Понесла насъ нелегкая по невѣдомымъ рѣкамъ — ужли жъ затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи понабрали, пора и честь знать, домой поворотить, чего еще дожидаться?“ Слыша такія рѣчи, пріуныли и есаулы, и старшіе по Ермакѣ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ казаковъ—и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходятъ и говорятъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что дѣло плохо, казаки бунтуются. „Пусть наговорятся, натѣшатся“, отвѣчалъ Ермакъ. И. давши имъ наговориться, позвалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь: „Что же, братцы,—сказалъ онъ:—аль ужъ и впрямь приходится намъ бѣжать?“— „Да ужъ впередъ-то, кажись, некуды: всѣ пути перехвачены“,—загуторили въ толпѣ.—„Одно худо,—продолжалъ Ермакъ:—время позднее, рѣки скоро станутъ, до дому не добредемъ, придется зимовать въ глуши— Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни татарва проклятая, ни сибирь ихъ немшоная, ни чудь заблудящая не подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю, это Кучумовъ юртъ, Сибирь городокъ... Стыдно вамъ, братцы,—продолжалъ онъ съ негодованіемъ:—а еще казаки, православные христіане! Какое помышленіе въ сердца свои попустили! усомнились въ помощи Господней! Что на Перми да на Чусовой отъ этихъ поганыхъ нехристей церквей Божіихъ поругано да пожжено,—народу христіанскаго, русскаго, стариковъ и младенцевъ, помучено да побито. Того ради Всемогущій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ, за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда пришли? Слава Тебѣ, Господи, отъ воровства великій обѣтъ дали отстать, царю, и честнымъ людямъ, и всему христіанству послужить пошли, и крестъ цѣловали. Вспомните — какими слезами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Да всѣмъ намъ здѣсь помереть!

А назадъ обратиться, страха ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова своего преступленіе! Ужъ мы души свои Господу Богу заложили и Его волею идемъ; а что насъ мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ и безпомощнымъ Богъ помочь; и насъ не покинетъ Онъ, видя сердца наши, чисты и дерзновенны; уповайте на Него твердо и памятуйте, что, дастъ Господь, постоимъ крѣпко, — то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ вовѣки".

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили впередъ атаманы и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ и другіе; всѣ говорили: „Всѣ мы готовы умереть за святыя Божія церкви, за вѣру православную пострадать, царю послужить. Постоимъ всѣ до единаго противъ поганыхъ твердо, до крови и до самой смерти. Всѣ на томъ и стоимъ за одну душу".

„Такъ, такъ,—заговорилъ казацкій кругъ: — ужъ во всемъ на тебя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человѣкъ не намъ чета. Безъ тебя бъ давно ужъ намъ всѣмъ пропасть".

Похвалилъ Ермакъ такія рѣчи и велѣлъ потомъ отслужить молебенокъ. И вынесли попы крестъ и Евангеліе, аналойчикъ поставили, засвѣтили свѣчки... и ужъ ночь сіяла всѣми своими звѣздами, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, крѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И наутро, какъ только отъ солнца освѣтило блистаніемъ свѣтлыя облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку. „Съ нами Богъ!"—крикнули казаки яко едиными устами, дали залпъ и побѣжали на приступъ; татары выпустили тучу стрѣлъ. Многіе изъ нашихъ попадали; другіе замялись; видя то, татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всей аравою, думая взять множествомъ—и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ-то проявилась сила богатырская, бой пошелъ на жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную—на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человѣкъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерялась сила; вездѣ поспѣвалъ онъ во-время; отъ одного его вида толпа разбѣгалась... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска—надломилась: палъ храбрый Мегметъ-Кулъ, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвесть за Иртышъ. Разстроились его татары и побѣжали; остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать татаръ, повернули коней и отвели войска во-свояси. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный, горько заплакалъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій путь, съ сокрушеніемъ промолвивши: „Нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль". Скитаясь по степямъ, въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ полегло въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовой столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцати верстахъ. Шли безъ боязни, но, приблизясь къ городу и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица человѣческаго, усомнились—не кроется ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ. Видно было—люди пометались изъ него въ переполохѣ: все ихъ богатство

тутъ валялось, золото, серебро, и каменья дорогіе, и ткани золотыя, и собольи мѣха, и всякія яства недоѣденныя. Увѣрясь, что лукавства никакого нѣтъ, Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ крестами и святой водою обошелъ вокругъ города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброй зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошло тихо и мирно. На четвертый день показались остяцкіе князьки, подъѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасы и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходить жители съ семьями своими, присягали Ермаку—и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить попрежнему въ городѣ. Городъ опять наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбился, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его сызначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всякое дѣло студное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни: у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнями начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Кучумъ былъ въ той сторонѣ пришлый царь, родомъ татаринъ; прежнихъ владѣтелей онъ побѣдилъ и самъ сѣлъ на ихъ мѣсто. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ пріѣзжали остяцкіе, и вогульскіе, и всякіе другіе сибирскіе владѣтели къ Ермаку и тоже вступали въ подданство. Самъ Мегметъ-Кулъ, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, но честилъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби — и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественно. На лодкахъ его играла музыка. У него были барабаны, сиповки, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны: все обшито было золотомъ. Жители выходили къ нему навстрѣчу, падали ницъ, выносили дары, куньи и собольи мѣха, просили его суда и славили его судъ... Обширныя земли были подвластны Ермаку: многіе народы несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ... Ермакъ могъ бы возложить его себѣ на голову... Всякой вольницы изъ Россіи, съ Волги и съ Дону къ нему потянуло бы множество, и былъ бы онъ силенъ и повелѣвалъ бы народами... Такъ бы и сдѣлалъ иной — только не русскій человѣкъ.

Куда бы ни зашелъ русскій человѣкъ, какою бы славою ни возвеличился, или какую бы дурь на себя ни напустилъ, — онъ только о святой Руси и думаетъ, и сердце его отъ нея не отрывается.

Принималъ Ермакъ эти почести—а думалъ о другомъ. Молча и подолгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку, гдѣ Русь православная: все-то тамъ живетъ честной народъ... для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоятъ-дожидаются—два столбика съ перекладинкой, на ней петелька шелковая... Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ тамъ—воровской казакъ, государевъ измѣнникъ. Такъ въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имечко его крестное положено; это-то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже — только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, заперся въ своей земляночкѣ, караулъ поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходитъ по земляночкѣ, а попъ со словъ его пишетъ къ царю грамоту,—простую грамоту, гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говоритъ и ничего не указываетъ, что бы дѣлать государю. „Всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога изволеніемъ, Пречистыя

Его Матери и святыхъ угодниковъ и чудотворцевъ россійскихъ заступничествомъ, и тебя, государя, царя и великаго князя Іоанна Васильевича ко всещедрому Богу праведною молитвою и твоимъ государевымъ счастіемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ живущихъ въ Сибири инородцевъ, татаръ, остяковъ и вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою до вѣку, покамѣстъ Богъ изволитъ вселенной стояти; и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить; а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и въ иные орды и улусы не отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять".

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши грамоты, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ: „Кому ѣхать въ Москву передъ грознаго царя за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ?"

„Кому же ѣхать, какъ не мнѣ, — вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ: — имя мое великому государю свѣдомо, въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою г лову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ".

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что̀ велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только-что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимые, и Полоцкъ, и другіе города. Мраченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что̀ ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ ужъ постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣною бояръ. Послѣ московскаго пожара, послѣ его покаянія и рѣчи на Лобномъ мѣстѣ, когда всѣ подданные его проливали слезы умиленія и простили всѣ другъ другу вины свои,—онъ думалъ, что всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнились къ добру: и точно приблизились къ нему тогда совѣтники умные и люди ратнаго дѣла храбрые, которые славно казанскій походъ справили, и всѣ, казалось, государю преданы и готовы служить ему, не жалѣючи живота своего. Но по возвращеніи же изъ-подъ Казани съ царемъ случилось событіе, дозволившее ему, такъ сказать, заглянуть въ душу всѣхъ его окружавшихъ: онъ заболѣлъ огненною болѣзнью, т.-е. горячкою. Всѣ думали, что ужъ онъ кончается; онъ самъ приготовился къ смерти и приказывалъ царство младенцу сыну своему. Но почти всѣ его вельможи и совѣтники не захотѣли присягать младенцу, боясь неурядицы при малолѣтнемъ царѣ, а выбирали на престолъ царскаго двоюроднаго брата Владимира Андреевича, уже показавшаго умъ и храбрость при взятіи Казани. Три дня вокругъ постели умирающаго царя спорили, кричали и ругались. На царя уже никто не обращалъ вниманія, словно его тутъ не было. Жадные власти бояре словно сняли съ себя личины свои, выказали всѣ свои затаенныя желанія. Царь все слышалъ, все видѣлъ,—и вдругъ ему стало легче: онъ выздоровѣлъ, словно изъ мертвыхъ возсталъ. Ничего онъ не сказалъ, когда поправился; но подозрѣніе залегло въ его душу противъ всѣхъ его окружавшихъ: онъ помнилъ, что̀ каждый говорилъ и дѣлалъ въ то время,

когда почиталъ царя почти умершимъ. Еще восемь лѣтъ таился онъ, пока жила первая супруга его, кроткая царица Анастасія, изъ роду Романовыхъ: ее онъ называлъ своею юницею, любилъ до безумія, чувствуя, что только подлѣ нея, какъ подъ крыломъ тихаго ангела, отдыхала уязвленная душа его и воспламенялась ко всему доброму и великому. Скончалась „юница“ его—и царь вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ среди людей, которые когда-то, при немъ, во время его болѣзни, поносили царицу и отвергали ее отъ соправительства малолѣтнему сыну. Все это вспомнилось ему еще живѣе при видѣ ея бездыханнаго трупа,— и, указывая на покойную, онъ, въ изступленіи горести, говорилъ боярамъ: „Радуйтесь, радуйтесь, нѣтъ уже той, которую вы ненавидѣли! А за что вамъ не угодна была? За то ли, что Богъ при ней, видя ея ангельскую кротость и чистоту голубиную, намъ славу и побѣду подавалъ, и со смертнаго одра насъ воздвигъ, сиротства ея жалѣючи?..“ У самыхъ лучшихъ людей есть всегда завистники; нашлось много и тутъ такихъ, которые думали воспользоваться горестью царя, чтобъ избавиться отъ супротивныхъ имъ, — и стали царю нашептывать, что Анастасія умерла отъ отравы... Мать царя тоже нѣкогда скончалась отъ яду... Царь повѣрилъ и рѣшилъ истребить враговъ своего рода: начались въ Москвѣ опалы и казни... И жизнь самого царя пошла самая ужасная. Новые приближенные старались ему доказать, что только они ему вѣрны, и постоянно пугали его измѣной и лихими умыслами людей имъ неугодныхъ, дабы погубить ихъ: сами же льстили царю и тѣшили его, пробудили въ немъ привычки дѣтства его, — и онъ предался всѣмъ ихъ злокозненнымъ боярскимъ обычаямъ, къ которымъ навыкъ отъ юности своея... Правда, продолжалъ царь имя свое передъ иностранными государями честно и грозно держать, о державѣ россійской и о всемъ христіанствѣ радѣть: продолжалъ онъ давать посламъ своимъ мудрые наказы и дивилъ умомъ и знаніями даже самыхъ хитрыхъ папскихъ посланныхъ, препираясь съ ними о вѣрѣ: не нарушилъ ничего изъ своего мудраго земскаго устроенія: попрежнему хотѣлъ правды, казнилъ лихоимцевъ; самъ, какъ Соломонъ, творилъ судъ народу, и народъ славилъ его судъ, — но тутъ же, при неудачѣ, вдругъ падалъ духомъ, пугался и готовъ былъ унижаться; вдругъ опалялся и губилъ по одному непонравившемуся ему взгляду, губилъ людей, цѣлые роды, города, гдѣ полагалъ измѣну. Чтя въ счастьѣ—милость къ себѣ Господню, а въ бѣдѣ — казнь за свои прегрѣшенія, — онъ постоянно самъ надъ собой произносилъ строгій судъ: въ сей жизни самъ непрестанно судилъ себя, помня образъ христіанскаго царя, какъ онъ долженъ быть и какимъ онъ самъ цѣлыя тринадцать лѣтъ быть старался,—помня страшный отвѣтъ, который долженъ онъ дать Богу и за судьбу царства своего и всего христіанства, и за кровь, имъ проліянную,—отвѣтъ какъ царя и какъ человѣка. Тогда, исчисляя всѣ свои прегрѣшенія, называя себя окаяннымъ, кровопійцею, чревоугодникомъ, „псомъ смердящимъ“, онъ жаждалъ совсѣмъ оставить міръ, принять постриженіе и схиму; уѣзжалъ въ самые отдаленные монастыри: жилъ тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ; самъ писалъ имена имъ казненныхъ и съ богатыми вкладами оставлялъ въ монастыряхъ для вѣчнаго поминовенія. Отъ душевныхъ мукъ своихъ онъ получилъ падучую болѣзнь... Несчастный конецъ ливонской войны, разрушившій его великіе для Россіи замыслы, повергъ его въ скорбь, казалось, безысходную. Вся Москва трепетала, словно передъ бурей...

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ,

а кругомъ его по лавкамъ — бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю, какъ преступники: Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать и все дѣло разсказать—и что они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно разсказалъ. Царь выспрашивалъ все до мелочи. Иванъ Васильевичъ не пропускалъ случая кольнуть бояръ своихъ измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ, тутъ вышелъ ему поводъ сказать имъ: „Вотъ вамъ примѣръ: и незнатнаго рода люди, простые казаки; я ихъ казнить велѣлъ, — они не побѣжали служить моимъ недругамъ, а пошли на меня же поработать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старыя". И, обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ сымаетъ и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ. „А къ храброму воеводѣ нашему,— заключилъ онъ:—князю Сибирскому Ермаку Тимоѳеевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту". И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ, и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ креселъ,—поднялись и бояре,— и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебенъ, и по всей Москвѣ и по всему царству звонить въ колокола, и объявить народу, что Богъ въ милостяхъ Своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ россійской великое приращеніе: третье мусульманское царство—Сибирь покорилась скипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки; Ермаку—шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебряный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ Сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надо всею покоренною страною. Плѣннаго Мегметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ-таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островкѣ, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ — и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ-было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей, перепрыгивалъ съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяжелая царская броня была на немъ—и была причиной его гибели.

Какъ умеръ Ермакъ—тутъ-то и оказалось, что это былъ за человѣкъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него какъ безъ головы. Душа всего дѣла—исчезла. Иванъ Кольцо незадолго передъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Никита Панъ, Иванъ Гроза тоже погибли. Оставшись, какъ овцы безъ пастыря, казаки и стрѣльцы устрашились. Думали ужъ только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ...

Но ужъ путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ — и слѣпой Кучумъ не долго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казац-

кихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: „Постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ вовѣки“—такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею Сибирскою страною, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ. Оно сызмала любезно намъ всѣмъ и каждому, ибо знаменуетъ великаго, но притомъ чисто-русскаго человѣка, который,—соединяя въ себѣ умъ, богатырскій духъ, могучую волю съ дивной благостью душевной, — совершилъ, въ простотѣ сердца, великія дѣла, единственно для очистки совѣсти своей передъ царемъ и всѣмъ православнымъ людомъ, въ прославленіе имени русскаго и на возвеличеніе державы россійской.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго: въ 1584 году; только царь скончался 18-го марта, а Ермакъ погибъ 5-го августа. Въ Тобольскомъ синодикѣ до сихъ поръ поминаются имена всѣхъ его казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.

Алфавитный указатель *).

стр.

Адъ. („Изъ подземнаго изъ ада.“) II 100
Айвазовскому. („Стиха не цѣнятъ моего.“) I 269
Акварели (I—XVIII) I. . . . . —
Аккерманскія степи. („Въ просторъ зеленаго вилываю океана.“) I 219
Алексисъ и Дора. („Ахъ, неудержно впередъ.“) II 48
Али-Бей. („Гейне.“—„Али-Бей, герой ислама.“) I. 240
Али-Бей, герой ислама. („Гейне.“—„Али-Бей.“) I . . . . . —
Алкивіадъ. („Внучекъ, вѣрь наукѣ дѣда.“) I 130
Алой ризою играя. („Измѣна.“) I 25
Алушта днемъ. („Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой покровъ.“) I 220
Альбомъ Антиноя. (1—8) I 278
Альбомъ Антиноя. („Вдоль надъ рѣкой быстроводной.“) I. . . . —
„ „ („Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ.“) I . . . 280
„ „ („Вы разбрелися.“) I 279
„ „ („Высокая пальма.“) I. 278
„ „ („Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной.“) I . —
„ „ („Смерти нѣтъ, вчера Адонисъ.“) I 279
„ „ („Смотри, смотри на небеса.“) I 280
„ „ („Ты не въ первый разъ живешь.“) I. . . . 279
Альпійская дорога. („На горѣ, сіяньемъ утра.“) I 169
Альпійскіе ледники. („Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ.“) I . . . 168
Amoroso. („Выглянь, милая сосѣдка.“) I 66
Анакреонъ. („Въ день сбиранья винограда.“) I 128
„ („Пусть гордится старый дѣдъ.“) I 39
Анакреонъ скульптору. („Что чиниться намъ, ваятель!“) I . . . 129
Анахоретъ. („Двадцать лѣтъ въ пустынѣ.“) I 84
Ангелъ и демонъ. („Подъемлютъ споръ за человѣка.“) I 49
Антики. („О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній.“) I. 78
Аркадскій селянинъ путешественнику. („Здѣсь сатиры прежде жили.“) I 133
Арлекинъ. („Меня всю ночь промучилъ сплинъ.“) I. 96
Аскетъ! ты нѣкогда въ пустынѣ. I 296
Аспазія. („Что скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья?“) I 132

*) Римскія цифры, поставленныя послѣ заглавій стихотвореній, обозначаютъ томы „Полнаго собранія сочиненій Майкова“.

стр.
Auf Flügeln des Gesanges. („Гейне.“—„Поэзіи геній крылатый.“) I 248
Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ. („Изъ Гёте.“—„Миньона.“) I 206
Ахъ, люби меня безъ размышленій. („Fortunata.“) I 70
Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы стояли. I 178
Ахъ, неудержно впередъ, неудержно все далѣ и далѣ. („Алексисъ и Дора.“) II 48
Ахъ, скажите мнѣ прямо, чудесные глазки. („На мотивъ Гёте.“) I 277
Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ! I. 65

Бабушка и внучекъ. („Въ святцахъ у бабушки разъ.“) II . . . 148
Байдарская долина. („Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ.“) I 219
Бальдуръ. („Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ.“) III 211
Барельефъ. („Вотъ безжизненный отрубокъ.“) I 18
Барышнѣ. („Васъ, ангелъ, рѣющій въ гостиныхъ.“) II. 125
Безвѣтріе. („Какъ часто, возмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ.“) I 52
Бенедиктову, В. Г. („Стражи мирной нашей хаты.“) I 137
Благодарственный гимнъ о спасеніи Государя Императора 4 апрѣля 1866 г. („Сохранилъ Ты намъ, Господи.“) II 189
Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ. („Раздумье.“) I 2
Блаженъ, кто, посадивъ зерно. („А. Ф. Марксу.“) II 221
Блеститъ салонъ княгини Зины. I 192
Блеститъ чертогъ; горитъ елей. („Эпикурейскія пѣсни.“) I . . . 44
Близится Вѣчная Ночь... Въ страхѣ дрогнуло сердце. I 292
Близко, близко солнце! („Утро.“) I 151
Близокъ, братья, день желанный! („Гуситская пѣсня.“) II . . . 86
Богатъ нашъ край дарами горныхъ нѣдръ. („Два гроба.“) I . . 125
Боже! Какъ смотришь на эти лиловыя горы. („Тиволи.“) I . . . 72
Боже мой! Вчера—ненастье. I 149
Боже мой, какая нѣга. I 172
Боишься ты прослыть глупцомъ. I 92
Бой кипѣлъ... Она скакала. („Жанна д'Аркъ.“) I 271
Болото. („Я цѣлый часъ болотомъ занялся.“) I 154
Больное, тихое дитя. („На берегахъ Нормандіи.“) I 167
Борьба. („Изъ Шиллера.“—„Нѣтъ, прочь суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?“) I 208
Борьба со смертью. („Удалецъ съ горы сбѣгалъ въ долину.“) II . 99
Брингильда. Поэма. IV. 67
Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада. („Мраморный фавнъ.“) I 53
Будьте, юноши, скромнѣе. („Юношамъ.“) I 128
Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумитъ. („Мертвая зыбь.“) I 269
Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный. I 297
Былъ грубъ когда-то человѣкъ. („Скульптору.“) I 83
Былъ суровъ король донъ-Педро. („Пастухъ.“) II 52
Былъ чудный вѣкъ, но вѣкъ сей золотымъ. („Чудный вѣкъ.“) I . 21
Бѣда ли, пророчество ль это? („Гейне.“—„Лорелея.“) I. 247
Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ. („Мать.“) I 193
Бѣлорусскія пѣсни. (1—7) I 212
Бѣлые лебеди, вѣстники свѣтлой весны, пролетѣли. I 259

Вакханка. („Тимпанъ и звуки флейтъ и плёски вакханалій.“) I . 9
Вакхъ. („Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ.“) I 11
Валкиріи. (Высоко, безмолвно.“) I 221
Васъ, ангелъ, рѣющій въ гостиныхъ. („Барышнѣ.“) II. 125

стр.
Ваятелю. („Изобрази ты въ немъ поэта.“) I 256
Вдоль надъ рѣкой быстроводной. („Альбомъ Антиноя.“) I. . . . 279
Вдохновенье—дуновенье. I 259
Великолѣпные костелы. („Западная Русь.“) II 182
Венера Медицейская. („Невольницы мои младыя.“) I 23
Вербная недѣля. („Что̀ это сдѣлалось съ городомъ нашимъ.“) I. . 195
Вертоградъ. („Посмотри въ свой вертоградъ.“) I 48
Весенній бредъ. („Здорово, милый другъ! Я прямо изъ деревни!“) I. 92
Весна! Выставляется первая рама. I 149
Весна. („Голубенькій, чистый.“) I . . . . . —
Весна. („Уходи, Зима сѣдая!“) I 194
Весною. („Гейне.“—„Сверкая, проносятся волны рѣки.“) I . . . 242
Весь Неаполь залитъ газомъ. I 175
В. и А. („Все, чѣмъ когда-то сердце билось.“) I 267
Взятіе турками Константинополя. („Разсказы изъ руской исторіи.“ II.) IV 312
Видѣніе. („Прійди, товарищъ думъ, мой стихъ благоуханный.“) I . 33
Видѣнье было мнѣ: внезапно небо. („Изъ Апокалипсиса. Гл. IV.“) III. 203
Вижу—поле, залитое кровью. („Сонъ королевича Марка.“) II . . 81
Вихрь. („Полонъ черныхъ думъ, я въ полѣ проходилъ.“) I . . . 118
Внимаю ль я порой словамъ любви. I 19
Внучекъ, вѣрь наукѣ дѣда. („Алкивіадъ.“) I. 130
Внѣ долга—жизни и не зная. I 289
Внѣ ограды Campo Santo. I. 189
Во время войны 1877—1878 года. („Къ картинѣ Айвазовскаго.“—„Воздушный этотъ крестъ—ты понялъ—онъ всегда.“) II. . . 194
Во время войны 1877—1878 года („Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь и стонъ.“) II. . . . . —
Во дни кровавые, когда тевтонъ суровый. („Монастырь.“) II . . 7
Во дни минувшіе, дни радости блаженной. („Гезіодъ.“) I 4
Возвышенная мысль достойной хочетъ брони. I 260
Воздушный этотъ крестъ—ты понялъ—онъ всегда. („Во время войны 1877—1878 года.“—„Къ картинѣ Айвазовскаго.“) II 194
Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами. („Palazzo.“) I . . 82
Во многолюдствѣ шумномъ свѣта. („Отвѣтъ.“) I 264
Во мнѣ сражаются, меня гнетутъ жестоко. („Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ.“) I. 89
Воплощенная святая. I 265
Вопросъ. („Мы всѣ—блюстители огня на алтарѣ.“) I 281
Воробьевы горы. („Не горятъ златыми льдами.“) I 201
18 февраля 1855 года. („Когда межъ насъ являлся онъ.“) II . . 186
Воспоминаніе. („Въ забытой тетради забытое слово.“) I 4
Вотъ безжизненный отрубокъ. („Барельефъ.“) I 18
Вотъ бѣдная чья-то могила. I 153
Вотъ онъ по Гатчинскому саду. („П. М. Цейдлеру.“) I 140
Вотъ онъ, разсѣянный, какъ будто бы небрежно. („А. Г. Рубинштейну.“) II. 219
Вотъ полосой зеленоватой. („Въ степяхъ.“—„Разсвѣтъ.“) I . . . 197
Вотъ смотрите, о, миссъ Мери. I 172
Вотъ съ рѣзной каѳедры грозно. I 178
Вотъ тростникъ сухой и звонкій. („Свирѣль“.) I 15
Вотъ ужъ и гробъ!.. и она. I 166
Все божество являетъ въ ней. („Мысль.“) I. 30
Все вокругъ меня какъ прежде. I 61

стр.

Все время — рѣки безъ воды. („На пути по берегу Коринѳскаго залива.“) I 276
Все—горы, острова, все утренняго пара. („У Мраморнаго моря.“) I. 274
Все готово. Мусикійскій. („Олимпійскія игры.“) I. 270
Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ. I. 7
Все—серебряное небо! I. 169
Все ты бредишь англичанкой. I 188
Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ подъ землей. I. 76
Все, что̀ въ груди есть русскаго у насъ. („4 апрѣля 1866 года.“) II. 188
Все, чѣмъ когда-то сердце билось. („В. и А.“). I 267
Встрепенись, взмахни крылами. („Изъ Гафиза.“) I 209
Встрѣча. („Случается порой, въ весенній ясный день.“) I. . . . 36
Всѣмъ довольна я, старушка. („Дурочка.“) II 132
Всѣмъ ты жалуешься вѣчно. I 188
Вся въ розахъ—на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ. („Розы.“) I. 117
Вукоманъ пригожій былъ дѣтина. („Недогадливый.“) II 68
Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно. („Карамзинъ.“) II. 212
Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты. I 3
Вчера—и въ самый мигъ разлуки. I 266
Въ Айя-Софіи. („Господи! Что̀ тамъ за шумъ? Что̀ за люди?“) II . 191
Въ альбомъ гр. Е. П. Ростопчиной. („Въ нашъ городъ слухъ прошелъ, что Сафо будетъ къ намъ.“) I. 144
Въ альбомъ Л. П. Шелгуновой. („Однообразье бальныхъ залъ.“) I. 146
Въ альбомъ. („Поздній осенній цвѣтокъ я принесъ въ твой цвѣтникъ для почина“) II 160
Въ альбомъ ***. („Подснѣжниковъ трепетныхъ чистые, свѣтлые глазки.“) I 276
Въ антологическомъ родѣ. I. 2
Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли. („Два моря.“) I. 31
Въ Городцѣ въ 1263 году. („Ночь на дворѣ и морозъ.“) II . . . 163
Въ груди моей кипитъ святое чувство. I. 58
Въ день вѣнчанія на царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича. („Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву.“) II 201
Въ день сбиранья винограда. („Анакреонъ.“) I. 128
Въ діадемѣ и порфирѣ. („Мани-ѳакелъ-фаресъ.“) I 282
Въ забытой тетради забытое слово. („Воспоминаніе.“) I. 4
Въ легкихъ нитяхъ бѣлой дымкой. („Облачка.“) I. 154
Въ лѣсу. („Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной.“) I. 152
Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ. („Старый хламъ.“) I. 108
Въ младенческихъ годахъ монхъ далеко. („Жуковскій.“) II . . . 215
Въ нашъ городъ слухъ прошелъ, что Сафо будетъ къ намъ. („Въ альбомъ гр. Е. П. Ростопчиной.“) I. 144
Въ Неаполѣ,—когда еще Неаполь. („Пульчинелль.“) III 227
Въ остеріи. („Пеппо, выпьемъ!.. Видишь, буря.“) I 69
Въ печали невская столица. („Ломоносовъ.“) II. 176
Въ просторъ зеленаго вплываю океана. („Аккерманскія степи.“) I. 219
Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ. („Альбомъ Антиноя.“) I . . . 280
Въ свѣтлой греческой одеждѣ. („Renaissance.“) I. 271
Въ святцахъ у бабушки разъ. („Бабушка и внучекъ.“) II. . . . 148
Въ скиту, давно забытомъ, въ чащѣ лѣса. („Два бѣса.“) II . . . 157
Въ старыхъ сказкахъ говорится. („Гейне.“—„Принцесса Шабашъ.“) I. 250

стр.

Въ степяхъ. („Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ.“) I 198
„ „ Ночная гроза. („Ну, ужъ ночка! Воздухъ жгучій.“) I 197
„ „ Полдень. („Паръ полуденный душистый.“) I 198
„ „ Разсвѣтъ. („Вотъ полосой зеленоватой.“) I 197
„ „ Стрибожьи внуки. („Стрибожьи чада! Это вы.“) I . . 198
Въ столицѣ Медичи счастливой. („Савонарола.“) II 9
Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ. („Поля.“) II 145
Въ темномъ адѣ, подъ землею. II. 102
Въ темный храмъ одинъ прокрался. I 177
Въ тихой думѣ на кладбищѣ. („Изъ испанской антологіи.“) I . . 211
Въ толпѣ опять я слышу пѣсню. („Гейне.“) I 233
Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ. („Вакхъ.“) I . 11
Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей. („Къ портрету Государя Императора Александра Александровича.“) II 202
Въ чемъ счастье?.. Въ жизненномъ пути. I 286
Въ юдоли плача и порока. I 254
Выглянь, милая сосѣдка. („Amoroso.“) I 66
Вы повсюду, о, миссъ Мери! I. 181
Вы разбрелися. („Альбомъ Антиноя.“) I 279
Высокая пальма. (Альбомъ Антиноя.“) I 278
Высоко, безмолвно. („Валкиріи.“) I 221
Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый („Поэтъ и цвѣточница.“ — „Гётевская элегія.“) II 43
Выше, выше въ поднебесной. I 293
Вѣка и народы. (I—XVI) II 3
Вѣрю я въ Разумъ и Благость Великаго Духа; зову Его Богомъ. I. 291
Вѣтеръ гонитъ отъ востока. („Сказаніе о 1812 годѣ.“) II 180
Вѣчные вопросы. (I—V) I 281

Гаданіе. („Египтянка, какъ царица.“) II 94
Газета. („Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю.“) I . 77
Гармоніи стиха божественныя тайны. („Октава.“) I 2
Гезіодъ. („Во дни минувшіе, дни радости блаженной.“) I. . . . 4
Гейне. („Али-Бей.“ — „Али-Бей, герой ислама.“) I. 240
„ („Auf Flügeln des Gesanges.“ — „Поэзіи геній крылатый.“) I 248
„ („Весною.“ — „Сверкая, проносятся волны рѣки.“) I . . . 242
„ („Въ толпѣ опять я слышу пѣсню.“) I 233
„ („Давно его мелькаетъ тѣнь.“) I 228
„ („Ее въ грязи онъ подобралъ.“) I 235
„ („Изъ моей великой скорби.“) I. 241
„ („Конецъ! опущена завѣса!“) I 249
„ („Король Гаральдъ.“ — „Король Гаральдъ на днѣ морскомъ.“) I. 239
„ („Краса моя, рыбачка.“) I 247
„ („Лилія.“ — „Отъ солнца лилія пугливо.“) I 237
„ („Лорелея.“ — „Бѣда ли, пророчество ль это?“) I. 247
„ („Меня ты не смутила.“) I 235
„ („Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ.“) I 230
„ („Мнѣ снилось, на рынкѣ въ народѣ.“) I 234
„ („На горахъ Гарца.“ — „Раскрывайся, міръ преданій!“) I . 243
„ („На мольбы мои упорно.“) I 236
„ („На морѣ.“ — „Тишь и солнце! спятъ пучины.“) I . . . 230
„ („Невольникъ.“ — „Каждый день въ саду гарема.“) I. . . 236
„ („Нежданной молніей, вполнѣ.“) I 249
„ („Не теряй, мой другъ, терпѣнья.“) I. 230

стр.

Гейне. („Ночи теплый мракъ гвоздики.“) I 238
„ („Ну, время! конца не дождешься!“) I 231
„ („Одинокая слезка.“) I. 233
„ („Они о любви говорили.“) I 246
„ („Онъ ужъ снился мнѣ когда-то.“) I 238
„ („Осенняго мѣсяца обликъ.“) I 229
„ („Осердившись, кастраты.“) I 231
„ („Плачу я, въ лѣсу блуждая.“) I 232
„ („Пора, пора за умъ мнѣ взяться.“) I 228
„ („Посмотри: во всемъ доспѣхѣ.“) I 241
„ („Принцесса Шабашъ.“—„Въ старыхъ сказкахъ говорится.“) I 250
„ („Романъ въ пяти стихотвореніяхъ.“ — „Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ.“) I. 244
„ („Сердце, сердце! что ты плачешь?“) I 229
„ („Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни.“) I 232
„ („Скольку яду въ этихъ пѣсняхъ!“) I. 247
„ („Старые знакомые.“—„Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь.“) I. 245
„ („Ты быстро шла, но предо мною.“) I 242
„ („Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ.“) I 241
„ („Чайльдъ Гарольдъ.“—„Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ.“) I 237
„ („Что за милый это мальчикъ.“) I. 234
„ („Чуднымъ звукомъ даже ночи.“) I 238
„ („Я вглядываюсь жадно.“) I 233
Гётевская элегія. („Поэтъ и цвѣточница.“—„Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый.“) II 43
Глухо мой заступъ, о черепъ ударясь, звенитъ. Замогильный. („Черепъ.“) I 17
Говорятъ, со всѣхъ соборовъ. I 191
Голенищевой-Кутузовой, Гр. О. А. („Жизнь — достиганье совершенства.“) I. 286
Голенищеву-Кутузову, Гр. А. А. („Стиховъ мнѣ дайте, графъ, стиховъ.“) I 262
Голосъ въ лѣсу. („Давно какой-то дѣвы пѣнье.“) I 152
Голосъ изъ могилы. („Два дня у насъ шелъ пиръ горой, два дня была попойка.“) II 93
Голубенькій, чистый. („Весна.“) I. 149
Гони ихъ прочь, твои мучительныя думы! I. 288
Гонитъ волны быстръ Дунай. („Никогда!“) II 60
Гончарову, И. А. („Море и земли чужія.“) I 144
Горацій. („Легче лани юной ты.“) I. 41
„ („Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ?“) I. . . . . —
Горный ключъ. („Откуда ты, о, ключъ подгорный.“) I 10
Горы. („Люблю я горныя вершины.“) I 16
Господи! Что тамъ за шумъ? Что за люди? Какое смятенье? („Въ Айя-Софіи.“) II 191
Грезы. („Зима, зима! Морозъ трещитъ.“) II 113
Гроза. („Кругомъ царила жизнь и радость.“) I 272
Грузинкѣ. („Если бъ, полонъ мщеньемъ мрачнымъ.“) I 227
Грѣхи омывшая слезами. („Пери.“) I 120
Грядущихъ нашихъ дней святая глубина. („Жизнь.“) I 51
Гуситская пѣсня. („Близокъ, братья, день желанный!“) II . . . 86
Густѣетъ сумракъ, и съ полей. („Ночь на жнитвѣ.“) I 196

стр.
Давно въ туманѣ предо мной. („Упраздненный монастырь.“) II . 151
Давно его мелькаетъ тѣнь. („Гейне.“) I 228
Давно какой-то дѣвы пѣнье. („Голосъ въ лѣсу.“) I 152
Давно ль была она малютка. („Онъ и она.“) I 110
Давно цари Россіи новой. („Москвѣ.“) I 311
Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки. („Пустыннику.“) I 6
Далеко, на самомъ морѣ. („Народная пѣсня.“) I 180
Да-съ, видалъ я менуэтецъ. („Менуэтъ.“) II. 179
Два бѣса. („Въ скиту, давно забытомъ, въ чащѣ лѣса.“) II . . . 157
Два гроба. („Богатъ нашъ край дарами горныхъ нѣдръ.“) I . . . 125
Два дня у насъ шелъ пиръ горой, два дня была попойка. („Голосъ изъ могилы.“) II 93
Двадцать лѣтъ въ пустынѣ. („Анахоретъ.“) I 84
Два карлина. („Эй, синьоръ! хоть два карлина.“) I 182
Два міра. Трагедія. IV. 3
Два моря. („Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли.“) I 31
Двойникъ. („Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ.“) I 75
Двулицый Янусъ. („Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ.“— „Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу.“) I . 86
Двустишія. („И терны, и розы, улыбки и слезы.“) II 88
Двѣ судьбы. Быль. III. 31
Денница. („Луна, опальная съ дворомъ своимъ царица.“) I . . . 270
Деспо. („Сули пала, Кьяфа пала.“) II 97
Джузеппе старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ. („Нищій.“) I . 68
Дикарка. („Дитя свободныхъ горъ и дѣвственныхъ долинъ.“) I . 35
Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней. I. 16
Дитя свободныхъ горъ и дѣвственныхъ долинъ. („Дикарка.“) I . 35
Діонея. („Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любитъ тебя Діонея.“) I 16
Длинные кудри твои вдоль высокаго стана. („Изъ турецкой антологіи.“) I 211
Для нихъ свобода, что̀ видѣнье. I. 281
Для чего, природа. I 61
Долго ль радости сіянье. („Радость.“) I 25
Долго ночью вчера я заснуть не могла. („Сонъ въ лѣтнюю ночь.“) I 123
Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой. („На пути.“) I . 63
Долинъ Евфратовыхъ царица. I. 125
Дома. (I—X). I 193
Донъ-Пеппино. („Жаръ упалъ. На берегъ моря.“) I 171
Донъ-Пеппино русской бредитъ. I. 190
Допотопная кость. („Я съ содроганіемъ смотрѣлъ.“) I 121
Дорида милая, къ чему уборъ блестящій. („Доридѣ.“) I 27
Доридѣ. („Дорида милая, къ чему уборъ блестящій.“) I . . . . —
Дорогъ мнѣ передъ иконой. I 200
Дочери. (I—V) I. 165
Древній Римъ. („Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной.“) I 80
Другу Ильѣ Ильичу. („Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю.“) I 113
Друцкому-Любецкому, Князю. („Литовскихъ смутъ печальныя картины.“) II 183
Дума. („Жизнь безъ тревогъ — прекрасный свѣтлый день.“) I . . 13
Думалъ я, что небо. I. 85
Дурочка. (Всѣмъ довольна я, старушка.“) II 132

стр.

Духъ вѣка. („Здорово, другъ!.. Что ты такъ мраченъ?“) II . . . 105
Духъ вѣка вашъ кумиръ; а вѣкъ вашъ—краткій мигъ. I. . . . 291
Душно! Иль опять сирокко? I. 191
Дѣвочка—братьямъ и другъ и примѣръ: лепетать только стала. I . 274

Еврейскія пѣсни. („Къ картинѣ „Введеніе во храмъ.“—„Колыбель моя качалась.“) I 47
„ „ („Торжественъ, свѣтелъ и румянъ.“) I 46
Египтянка, какъ царица. („Гаданіе.“) II 94
Его стихи читая, точно я. („Перечитывая Пушкина.“) I 262
Единое благо. („Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья.“) I 48
Ее въ грязи онъ подобралъ. („Гейне.“) I 235
Excelsior. (I—XXXI) I. 254
„ („Изъ Лонгфелло.“—„На высяхъ Альпъ горитъ закатъ.“) I 257
Ex tenebris lux. („Скорбитъ душа твоя. Изъ дня.“) I. 283
Емшанъ. („Степной травы пучокъ сухой.“) II 161
Если бъ, полонъ мщеньемъ мрачнымъ. („Грузинкѣ.“) I 227
Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно. („Марціалъ.“) I . 42
Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ. I. 260
Еще изъ народной пѣсни. („Не хочу я смерти ждать.“) I . . . 180
Еще печаль! Опять утрата! („На смерть М. И. Глинки.“) I . . . 104
Еще я полнъ, о, другъ мой милый. I 163
Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона. („Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея.“) I 66

Жанна д'Аркъ. („Бой кипѣлъ... Она скакала.“) I 271
Жаръ упалъ. На берегъ моря. („Донъ-Пеппино.“) I 171
Жизнь безъ тревогъ — прекрасный свѣтлый день. („Дума.“) I . 13
Жизнь. („Грядущихъ нашихъ дней святая глубина.“) I 51
Жизнь — достиганье совершенства. („Гр. О. А. Голенищевой-Кутузовой“). I 286
Жизнь еще передо мною. I. 161
Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ. („Нимфа Эгерія.“) I . 71
Жилъ-былъ менестрель въ Провансальской землѣ. („Менестрель.“) II 54
Житейскія думы. (I—XIX) I 90
Жрецъ. („Изиднъ жрецъ въ Египтѣ жилъ.“) II 34
Жуковскій. („Въ младенческихъ годахъ моихъ далеко.“) II . . . 215
Журавли. („Отъ грустныхъ думъ очнувшись, очи.“) I 154

Завоеваніе Сибири. („Разсказы изъ русской исторіи.“ II) IV . . 333
Завѣтъ старины. („Снилось мнѣ: по всей Россіи.“) II 202
Завѣщаніе дяди племяннику. (Проза). IV. 176
Завѣщаніе. („Собирайтесь, паликары!“) II 97
Заката тихое сіянье. I 292
Замолкъ и рогъ и топотъ стадъ. („Заря.“) I. 31
Западная Русь. („Великолѣпные костелы.“) II 182
Запѣваютъ пташки на зарѣ. („Старый мужъ.“) II. 91
Заря. („Замолкъ и рогъ и топотъ стадъ.“) I. 31
За стаею орловъ двѣнадцатаго года. („П. А. Плетневу.“) I . . . 143
Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ. („Эоловы арфы.“) I. 104
Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра. („Сафо.“) I. 38
Зачѣмъ, о, плющъ, лозой своей. („Плющъ.“) I. 14
Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ святыни. I 259

стр.

Зачѣмъ смущать меня подъ старость! („Вел. Кн. Константину Константиновичу.“) I 263
Зачѣмъ, средь общаго волненія и шума. I 50
Зачѣмъ, шутя неосторожно. I 162
Звуки ночи. („О, ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный.“) I. 151
Звѣзда божественной Киприды. („Сафо.“) I 38
Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый! („Посланіе съ Понта.“—„Овидій.“) I 42
Здорово, другъ!.. Что ты такъ мраченъ? („Духъ вѣка.“) II . . . 105
Здорово милый другъ! Я прямо изъ деревни! („Весенній бредъ.“) I 92
Здѣсь весна, какъ художникъ ужъ славный, работаетъ тихо. I . . 170
Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель. („Эпитафія.“) I . . 10
Здѣсь почивающей жребій выпалъ не тотъ, что всѣмъ людямъ. („Эпитафія.“) I. 292
Здѣсь сатиры прежде жили. („Аркадскій селянинъ путешественнику.“) I. 133
Зима, зима! Морозъ трещитъ. („Грезы.“) II 113
Зимнее утро. („Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.“) I. 12
Зовись преемницей пророка. („The Empress of India.) II 193
„Золото, золото падаетъ съ неба! („Лѣтній дождь.“) I 195
Золотой архіепископъ. I. 179

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады. („Пустынникъ.“) I. 256
И видѣлъ я: Сѣдящій держитъ книгу. („Изъ Апокалипсиса.“ Гл. V) III 204
И видѣлъ я, что первую печать. („Изъ Апокалипсиса.“ Гл. VI) III 205
И городъ вотъ опять! Опять сіяетъ балъ. I 160
Игры. („Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы.“) I. 79
Идутъ письма изъ земли Московской. („Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя.“) II. 77
Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья! („Моему издателю.“—„А. Ф. Марксу.“) I 268
Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ. („Жрецъ.“) II 34
Измѣна. („Алой ризою играя.“) I 25
Измученъ зноемъ и трудомъ. („Изъ Лонгфелло.“—„Сонъ негра.“) I. 217
Изобрази ты въ немъ поэта. („Ваятелю.“) I. 256
Изъ Андрея Шенье. („Я былъ еще дитя: она уже прекрасна.“) I. 208
Изъ Апокалипсиса. Гл. IV. („Видѣнье было мнѣ: внезапно небо.“) III. 203
„ „ Гл. V. („И видѣлъ я: Сѣдящій держитъ книгу.“) III 204
„ „ Гл. VI. („И видѣлъ я, что первую печать.“) III 205
„ „ Гл. VII. („И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ.“) III 206
„ „ Гл. VIII. („Седьмую Агнецъ разломилъ печать.“) III 207
„ „ Гл. IX. („И пятый вострубилъ.“) III. 208
„ „ Гл. X. („И се низшелъ еще отъ неба ангелъ.“) III 209
Изъ Аполлодора Гностика. (I—XV) I. 291
Изъ бездны Вѣчности, изъ глубины Творенья. I 295
Изъ восточнаго міра. (I—VI) I 46
Изъ Гафиза. („Встрепенись, взмахни крылами.“) I 209
Изъ Гёте. („Кого полюбишь ты—всецѣло.“) I 206
„ „ („Лилли.“—„Эта маленькая Лилли.“) I 207
„ „ („Миньона.“—„Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ.“) I 206
„ „ („Надо кончить.“—„Порѣшили.“) I 207
Изъ дневника. (I—VII) I. 162
Изъ испанской антологіи. („Въ тихой думѣ на кладбищѣ.“) I . . 211

стр.

Изъ испанской антологіи. („Противъ глазъ твоихъ ничуть.“) I . . 210
„ „ „ („Холодный смертный приговоръ.“) I . 211
„ „ „ („Эти очи—свѣтъ со тьмою.“) I. . . . 210
„ „ „ („Эти черные два глаза.“) I. . . . . —
„ „ „ („Я—король. Ты—королева.“) I. . . . —
Изъ крымскихъ сонетовъ Мицкевича. (1—3) I. 219
Изъ Лонгфелло. („Excelsior.“—„На высяхъ Альпъ горитъ закатъ.“) I. 257
Изъ Лонгфелло. („Сонъ негра.“—„Измученъ зноемъ и трудомъ.“) I 217
Изъ моей великой скорби. („Гейне.“) I 241
Изъ Петрарки. („Когда она вошла въ небесныя селенья.“) I. . . 205
Изъ письма. („Мигъ внезапныхъ откровеній.“) I 287
Изъ подземнаго изъ ада. („Адъ.“) II. 100
Изъ приключеній Горунина въ Италіи. (Проза.) IV 282
Изъ Сафо. („Онъ—юный полубогъ, и онъ—у ногъ твоихъ!“) I . . 204
Изъ славянскаго міра. (I—IX) II. 60
Изъ странствованій. (I—VII) I. 167
Изъ темныхъ доловъ этихъ взоръ. („В. С. Соловьеву.“) I. . . . 266
Изъ турецкой антологіи. („Длинные кудри твои вдоль высокаго стана.“) I. 211
„ „ „ („На мигъ упалъ съ лица прекрасной.“) I. —
„ „ „ („Я сказалъ ей: „дай твои мнѣ губки.“) I. —
Изъ Шамиссо. („Пѣвецъ.“—„Свѣтелъ ликомъ, съ смѣлой лирой.“) II. 20
Изъ Шиллера. („Борьба.“ — „Нѣтъ, прочь, суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?“) I. 208
И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился. („Разсказъ духа.“) I . 283
Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю. („Другу Ильѣ Ильичу.“) I 113
Именинникъ былъ царь Лазарь. („Сербская церковь.“) II. . . . 74
Именинницѣ. („Именинницѣ прекрасной.“) I. 147
Именинницѣ прекрасной. („Именинницѣ.“) I. . . . . —
Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ. („Три правды.“) II 141
Импровизація. („Мерцаетъ по стѣнѣ заката отблескъ рдяный.“) I . 121
Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ. („Гейне.“—„Романъ въ пяти стихотвореніяхъ.“) I. 244
И Ной до лѣтъ маститыхъ дожилъ. („Іафетъ.“) II. 3
И пятый вострубилъ. („Изъ Апокалипсиса.“ Гл. IX) III 209
И се низшелъ еще отъ неба ангелъ. („Изъ Апокалипсиса.“ Гл. X) III —
Искони твердятъ испанки. („Исповѣдь королевы.“) II 21
Искусство. („Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.“) I 8
Исповѣдь королевы. („Искони твердятъ испанки.“) II 21
Исповѣдь. („Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь.“) I . . 50
Испытаніе. („Я помню этотъ мигъ... При шумѣ водопада.“) I. . . 34
Истомленная горемъ, всѣ выплакавъ слезы. I. 163
Италія. („Повита миртами густыми.“) I 223
И терны и розы, улыбки и слезы. („Двустишія.“) II 88
И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ. („Изъ Апокалипсиса.“ Гл. VII) III 207

Іафетъ. („И Ной до лѣтъ маститыхъ дожилъ.“) II 3

Каждый день въ саду гарема. („Гейне.“—„Невольникъ.“) I . . . 236
Казакъ. („Самобытное созданье.“) II. 190
Какое утро! Стихли громы. I 176
Какой таинственною силой. („Слава.“) I 28
Какъ дышится легко на этихъ высотахъ. („На Чамлиджи.“) I . . 275
Какъ за чаркой, за блинами. („Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.“) II 168

стр.

Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя. („Идутъ письма изъ земли московской.“) II 77
Какъ рѣзвымъ нимфамъ, спутницамъ Діаны. („Е. А. Шеншиной.“) I 145
Какъ ты милъ въ вѣнкѣ лавровомъ. („Преторъ.“) I. 133
Какъ часто, возмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ. („Безвѣтріе.“) I. 52
Какъ честныхъ странниковъ, какъ скромныхъ богомольцевъ. („Ген.-лейт. Хрулеву.“) I. 146
Какъ чудныхъ странниковъ сказанья. I 105
Камеи. (I—VIII) I 127
Campagna di Roma. („Пора, пора! Ужъ утро славитъ птичка.“) I. 63
Кантата. („Съ мала ключика студёна потекла рѣка.“) II 197
Капуцинъ. („Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ.“) I 69
Карамзинъ. „Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно.“) II 212
Картина вечера. („Люблю я берегъ сей пустынный.“) I 4
Картинка. („Посмотри: въ избѣ, мерцая.“) II 144
Кассандра. Сцены изъ Эсхиловой трагедіи „Агамемнонъ“. III . . 264
Катись, катися надо мной. I 293
Каткову, М. Н. („Мы—москвичи! что дѣлать, милый другъ!“) II . 185
„ „ „ („Что можетъ міру дать Востокъ?“) II . . . . . —
Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы. („Игры.“) I. 79
Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ. („Художникъ.“) I 74
Кладбище. („Ужъ гаснетъ день: пурпурный океанъ.“) I. 58
Клермонтскій соборъ. („Не свадьбу праздновать, не пиръ.“) II. . 13
Княжна ***. Трагедія въ октавахъ. III 236
Князь NN и графъ фонъ-Дум—енъ. I. 177
Когда бъ я ангелъ былъ небесный. („Къ миссъ Мери.“) I . . . 174
Когда всеобщая настанетъ тишина. („Минутная мысль.“) I . . . 34
Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ. („На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича 19 февр. 1880 г.“) II. 195
Когда въ челѣ своихъ дружинъ. („Послѣдніе язычники.“) II. . . 37
Когда, гонимъ тоской неутолимой. I 106
Когда, какъ бурный конь, порвавшій удила. („А. А. Фету.“) II . 218
Когда ложится тѣнь прозрачными клубами. („Сонъ.“) I 3
Когда межъ насъ являлся онъ. („18 февраля 1855 года.“) II . . 186
Когда насъ еще на свѣтѣ не было. („Сказаніе о Петрѣ Великомъ.“) II 174
Когда она вошла въ небесныя селенья. („Изъ Петрарки.“) I . . 205
Когда пернатыхъ царь стремится. („Орелъ.“) I. 11
Когда поноситъ чернь хулою. („Пѣвцу.“) I 28
Когда по улицѣ, въ откинутой коляскѣ. („Коляска.“) I 310
Когда стою въ толпѣ средь городского сада. („Крыловъ.“) II . . 211
Кого полюбишь ты—всецѣло. („Изъ Гёте.“) I 206
Колыбель моя качалась. („Еврейскія пѣсни.“—Къ картинѣ „Введеніе во храмъ.“) I 47
Колыбельная пѣсня. („Спи, дитя мое, усни!“) II 87
Коляска. („Когда по улицѣ, въ откинутой коляскѣ.“) I. 310
Конецъ міра. („Пируй въ огнѣ и ѳиміамѣ.“) I. 29
Конецъ! опущена завѣса! („Гейне.“) I. 249
Константину Константиновичу, Вел. Кн. („Зачѣмъ смущать меня подъ старость!“) I. 263
Конь. („Свѣтлолица, черноброва.“) II 51
Король Гаральдъ. („Гейне.“—„Король Гаральдъ на днѣ морскомъ.“) I 239
Король Гаральдъ на днѣ морскомъ. („Гейне.“—„Король Гаральдъ.“) I. —
Краса моя, рыбачка. („Гейне.“) I 247
Критикъ твой достопочтенный. („Маріэтта.“) II 55

стр.
Кроетъ ужъ листъ золотой. („Осень.“) I 159
Кругомъ царила жизнь и радость. („Гроза.“) I 272
Крыловъ. („Когда стою въ толпѣ средь городского сада.“) II . . 211
К. Р. („Эти милыя двѣ буквы.“) I 263
Кто онъ? („Лѣсомъ частымъ и дремучимъ.“) II 173
Куда бъ ни шелъ шумящій міръ. I. 258
Куда какъ надоѣлъ элегій современныхъ. („Машенька.“) III. . . 71
Кумиры старые разбиты. („Празднословы.“) I. 115
Купальщицы. („Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь.“) I . . . 218
Къ картинѣ Айвазовскаго. („Во время войны 1877—1878 года.“—„Воздушный этотъ крестъ—ты понялъ—онъ всегда.“) II . . 194
Къ картинѣ „Введеніе во храмъ“ („Еврейскія пѣсни.“—„Колыбель моя качалась.“) I 47
Къ кончинѣ близокъ князь Андрей. („Судъ предковъ.“) II 203
Къ миссъ Мери. („Когда бъ я ангелъ былъ небесный.“) I . . . 174
Къ миссъ Мери. („Передъ тобой синѣетъ море.“) I 176
Къ портрету Государя Императора Александра Александровича. („Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей.“) II 202
Къ тебѣ слетѣло вдохновенье. („Художнику.“) I 260
Къ художнику. („Напрасно напрягаешь струны.“) I. 261

Lacrymae Christi. („На Везувіи пустынникъ.“) I 185
Ласточка примчалась. II. 88
Ласточки. („Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ.“) I 158
Лебедеву, Вл. П. („Отвѣтъ.“—„Нѣтъ, то не муза, дщерь небесъ.“) I. 264
Легче лани юной ты. („Горацій.“) I 41
Лилія. („Гейне.“—„Отъ солнца лилія пугливо.“) I 237
Лилли. („Изъ Гёте.“—„Эта маленькая Лилли.“) I. 207
Лиру разбила она—въ ней созвучія сердцу не слышно. („Разбитая лира.“) I. 276
Литовскихъ смутъ печальныя картины. („Князю Друцкому-Любецкому.“) II 183
Ломоносовъ. („Въ печали невская столица.“) II 176
Лорелея. („Гейне.“—„Бѣда ли, пророчество ль это?“) I. 247
Lorenzo. („Слава Богу, деньги есть.“) I 75
Луна, опальная съ дворомъ своимъ царица. („Денница.“) I . . . 270
Лунная ночь. („Тихій вечеръ мирно надъ полянами.“) I 56
Лѣсомъ частымъ и дремучимъ. („Кто онъ?“) II 173
Лѣтній дождь. („Золото, золото падаетъ съ неба!“) I 195
Люби, люби каменъ, кури имъ ѳиміамъ. („Поэзія.“) I 18
Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ. I 86
Люблю дорожкою лѣсною. („Пейзажъ.“) I 157
Люблю, если, тихо къ плечу моему головой прислонившись. I. . 163
Люблю надъ Рейномъ я громадныя твердыни. I 167
Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь. („Купальщицы.“) I . . . 218
Люблю я берегъ сей пустынный. („Картина вечера.“) I 4
Люблю я горныя вершины. („Горы.“) I 16
Люблю я цѣлый день провесть межъ горъ и скалъ. („Е. П. Майковой.“) I 21
Любуша и Премыслъ. („Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья.“) II 66
Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья. („Любуша и Премыслъ.“) II . . . . . —

стр.
Магдалина. („Посмотри: прикрывъ власами.“) I 27
Мадонна. („Стою предъ образомъ Мадонны.“) I 205
Майковой, Е. П. („Люблю я цѣлый день провесть межъ горъ и скалъ.“) I 21
„ „ „ („Посвященіе“.—„Тебѣ, которой были милы.“) I . 1
Мани-ѳакелъ-фаресъ. („Въ діадемѣ и порфирѣ.“) I 282
Маріэтта. („Критикъ твой достопочтенный.“) II 55
Марксу, А. Ф. („Блаженъ, кто, посадивъ зерно.“) II. 221
„ „ „ („Моему издателю.“ — „Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья!“) I. 268
Маркъ Петровичъ Петровъ. Разсказъ. (Проза.) IV 254
Марціалъ. („Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно.“) I . 42
Маститые, вѣтвистые дубы. I 152
Мать. („Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ.“) I 193
Мать и дочь. („Опрятный домикъ... садъ съ плодами.“) I 106
Мать и дѣти. („Что ты, мама, безпрестанно.“) II 87
Машенька. („Куда какъ надоѣлъ элегій современныхъ.“) III. . . 71
Между мраморныхъ обломковъ. („Поцѣлуй.“) II 89
Межъ тремя морями башня. II 90
Межъ тѣмъ, какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ. („Посланіе въ лагерь.“) I 300
Менестрель. („Жилъ-былъ менестрель въ Провансальской землѣ.“) II 54
Менуэтъ. („Да-съ, видалъ я менуэтецъ.“) II. 179
Меня всю ночь промучилъ сплинъ. („Арлекинъ.“) I. 96
Меня ты не смутила. („Гейне.“) I 235
Мертвая зыбь. („Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумитъ.“) I. 269
Мерцаетъ по стѣнѣ заката отблескъ рдяный. („Импровизація.“) I. 121
Мечтанія. („Пусть пасмурный октябрь осенней дышитъ стужей.“) I. 161
Мигъ внезапныхъ откровеній. („Изъ письма.“) I 287
Милыхъ, что умерли. I 291
Милюкову, А. П. („Мнѣ тѣмъ дороже твой привѣтъ.“) II 220
Минутная мысль. („Когда всеобщая настанетъ тишина.“) I . . . 34
Миньона. („Изъ Гёте.“—„Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ.“) I 206
Мирта Киприды мнѣ дай! („Эпикурейскія пѣсни.“) I 43
Миссъ, не бойтесь легкой шутки! I. 189
Михайлову, М. Л. („Урала мутнаго степные берега.“) I 143
Мицкевичъ. („Изъ крымскихъ сонетовъ.“ 1. Аккерманскія степи.) I 219
„ („Изъ крымскихъ сонетовъ.“ 2. Байдарская долина.) I —
„ („Изъ крымскихъ сонетовъ.“ 3. Алушта днемъ.) I . . 220
Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ. („Гейне.“) I 230
Мнѣ душно здѣсь! Вашъ міръ мнѣ тѣсенъ. („Послѣ бала.“) I . . 90
Мнѣ Неаполь опротивѣлъ. I 191
Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу. („Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ.“—„Двулицый Янусъ.“) I. 86
Мнѣ снилось: на рынкѣ, въ народѣ. („Гейне.“) I. 234
Мнѣ тѣмъ дороже твой привѣтъ. („А. П. Милюкову.“) II 220
Моему издателю. („А. Ф. Марксу.“ — „Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья.“) I 268
Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ. („Въ степяхъ.“) I 198
Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ. („Ласточки.“) I 158
Молитва бедуина. („О, солнце! Твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещетъ.“) I. 47
Молитва. („Шла туча съ запада, другая отъ востока.“) I. . . . 310

стр.

Молодая жена. („Наряжалась младая Елена.“) II 91
Монастырь. („Во дни кровавые, когда тевтонъ суровый.“) II . . 7
Море бурно: небо въ тучахъ. („Цезарь.“) I 222
Море и земли чужія. („И. А. Гончарову.“) I 144
Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями. („Зимнее утро.“) I 12
Москва—третій Римъ. („Разсказы изъ русской исторіи.“ II) IV. . 319
Москвѣ. („Давно цари Россіи новой.“) I 311
Мраморный фавнъ. („Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада.“) I 53
Мститель. („Не пускайся въ море сине.“) I 225
Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты. I 9
Мы всѣ—блюстители огня на алтарѣ. („Вопросъ.“) I 281
Мы выросли въ суровой школѣ. I 262
Мы—москвичи! что дѣлать, милый другъ! („М. Н. Каткову.“) II . 185
Мысль. („Все божество являетъ въ ней.“) I. 30
Мысль поэта. („О, мысль поэта! Ты вольна.“) I 11
Мысль поэтическая—нѣтъ! I 265

На берегахъ Нормандіи. („Больное, тихое дитя.“) I 167
Наброски. (I—V) I 285
На бѣлой отмели Каспійскаго поморья. I 126
На Везувіи пустынникъ. („Lacrymae Christi.“) I 185
На волѣ. (I—XXIII) I. 149
На высяхъ Альпъ горитъ закатъ. („Изъ Лонгфелло.“—„Excelsior.“) I 257
На горахъ Гарца. („Гейне.“—„Раскрывайся, міръ преданій.“) I . 243
На горѣ, сіяньемъ утра. („Альпійская дорога.“) I. 169
На дальнемъ сѣверѣ моемъ. I. 67
На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича 19 февраля 1880 г. („Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ.“) II 195
„Надо кончить“—порѣшили. („Изъ Гёте.“) I. 207
Надъ необъятною пустыней океана. I. 270
Надъ прахомъ генія свершать святую тризну. I 103
Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ. („Двойникъ.“) I. 75
На мигъ упалъ съ лица прекрасной. („Изъ турецкой антологіи.“) I 211
На мольбы мои упорно. (Гейне.“) I 236
На морѣ. („Гейне.“—„Тишь и солнце! спятъ пучины.“) I. . . . 230
На мотивъ Гёте. („Ахъ, скажите мнѣ прямо, чудесные глазки.“) I. 277
Намъ каждый день приходится оплакать. I 60
На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой. I. 7
На памятникѣ. („Онъ рано ужъ умѣлъ перебирать искусно.“) I. . 16
Напрасно напрягаешь струны. („Къ художнику.“) I 261
На пути. („Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой.“) I . 63
На пути по берегу Коринѳскаго залива. („Все время—рѣки безъ воды.“) I 276
На ранній благовѣстъ, когда еще поля. („Сиротка.“) I. 274
Народная пѣсня. („Далеко, на самомъ морѣ.“) I 180
Народный вождь вступаетъ въ городъ. I 192
Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы. („Ѳ. И. Тютчеву.“) II. . 186
На Руси былъ черный богъ. („Бѣлорусскія пѣсни.“ 3) I 214
Наряжалась младая Елена. („Молодая жена.“) II 91
На смерть М. И. Глинки. („Еще печаль! Опять утрата!“) I . . . 104
На соборѣ, на Констанцскомъ. („Приговоръ.“) II 39
На событіе 17 октября. („Не намъ—что̀ наше вдохновенье!“) II . 201

стр.

На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи. („Царственный юноша, дважды спасенный!“) II 202
На Чамлиджи. („Какъ дышится легко на этихъ высотахъ.“) I . . 275
Неаполитанскій альбомъ. (I—XXXII) 1. 171
Небомъ желалъ бы я быть, звѣзднымъ, всевидящимъ небомъ. („Платона единственные два стиха, до насъ дошедшіе.“) I 203
Не вамъ, о, юные наперсники любви. („Тайна.“) I 20
Невольницы мои младыя. („Венера Медицейская.“) I. 23
Невольникъ. („Гейне.“ — „Каждый день въ саду гарема.“) I. . . 236
Не говори, что нѣтъ спасенья. I 291
Не горятъ златыми льдами. („Воробьевы горы.“) I 201
Недогадливый. („Вукоманъ пригожій былъ дѣтина.“) II. 68
Нежданной молніей, вполнѣ. („Гейне.“) I. 249
Некрасивъ я, знаю самъ. („Пѣвецъ.“) II 92
Не мирты съ лаврами, а грустный кипарисъ. („Scholia.“) I. . . 19
Немного надобно, чтобъ миръ во мнѣ вселить. („Перерожденіе“.) I. 33
Не можетъ быть! Не можетъ быть! I 165
Не назову ее богиней. I 57
Не намъ—что наше вдохновенье! („На событіе 17 октября.“) II . 201
„Не отставай отъ вѣка“—лозунгъ лживый. I 261
Не пускайся въ море сине. („Мститель.“) I 225
Не свадьбу праздновать, не пиръ. („Клермонтскій соборъ.“) II . . 13
Не сѣки ты, батюшка. („Бѣлорусскія пѣсни.“ 7) I 216
Не теряй, мой другъ, терпѣнья. („Гейне.“) I. 230
Не хочу я смерти ждать. („Еще изъ народной пѣсни.“) I 180
Нива. („По нивѣ прохожу я узкою межой.“) I. 199
Никогда! („Гонитъ волны быстръ Дунай.“) II 60
Нимфа Эгерія. („Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ.“) I . 71
Нина, Нина, тарантелла. („Тарантелла.“) I. 183
Нищій. („Джузеппе старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ.“) I . 68
Новая свѣтлая звѣздочка. I 165
Новогреческія пѣсни. (I—XXXIII) II 87
Ночи теплый мракъ гвоздики. („Гейне.“) I 238
Ночная гроза. („Въ степяхъ.“—„Ну, ужъ ночка! Воздухъ жгучій.“) I. 197
Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ. („Бальдуръ.“) III 211
Ночь на дворѣ и морозъ. („Въ Городцѣ въ 1263 году.“) II . . . 163
Ночь на жнитвѣ. („Густѣетъ сумракъ, и съ полей.“) I. 196
Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ. („Старый дожъ.“) II 58
Ну, время! конца не дождешься! („Гейне.“) I. 231
Ну, послушай-ка, старуха. („О томъ, какъ отставной солдатъ Перфильевъ пошелъ во вторичную службу.“) I 301
Ну, ужъ ночка! Воздухъ жгучій. („Въ степяхъ.“—„Ночная гроза.“) I 197
Нѣтъ! Прежней Нины нѣтъ! Когда я застаю. („Размѣнъ.“) I . . 117
Нѣтъ, прочь суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь? („Борьба.“—„Изъ Шиллера.“) I. 208
Нѣтъ, то не муза, дщерь небесъ. („Отвѣтъ.“—„Вл. П. Лебедеву.“) I 264
Нѣтъ у меня ни стадъ рогатыхъ. („Черногорецъ.“) I. 222

Облачка. („Въ легкихъ нитяхъ бѣлой дымкой.“) I 154
Овидій. („Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою.“) I 8
„ („Посланіе съ Понта.“—„Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый!“) I. 42
О, вѣчно-ропщущій, угрюмый океанъ! I 168
Одинокая слезка. („Гейне.“) I 233

стр.
Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной. („Альбомъ Антиноя.“) I . 278
Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою. („Овидій.“) I 8
Однообразье бальныхъ залъ. („Въ альбомъ Л. П. Шелгуновой.“) I. 146
О, други! прежде, чѣмъ покинемъ мирный кровъ. („Прощаніе съ деревней.“) I. 14
Ой, катилася заря. („Бѣлорусскія пѣсни.“ 5) I. 215
Ой, коли бъ, коли. („Бѣлорусскія пѣсни.“ 4) I . . . . . —
Ой, сынки мои, соколы мои. („Бѣлорусскія пѣсни.“ 2) I 214
Ой, худыя вѣсти. („Петрусь.“) („Бѣлорусскія пѣсни.“ 1) I. . . . 212
Оконченъ трудъ—ужъ онъ мнѣ трудъ постылый. I 261
Октава. („Гармоніи стиха божественныя тайны.“) I 2
Олимпійскія игры. („Все готово. Мусикійскій.“) I 270
Олимпъ и Киссавъ. („Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить.“) II . 93
Олиневъ и Эсѳирь. Поэма. III 3
О, море! Нѣчто есть слышнѣй тебя, сильнѣй. I. 287
О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній. („Антики.“) I . 78
О, мысль!.. Изъ урны роковой. I. 255
О, мысль поэта! Ты вольна. („Мысль поэта.“) I. 11
Она еще едва умѣетъ лепетать. I 165
Они обѣдали отлично. („Филантропы.“) I 106
Они о любви говорили. („Гейне.“) I. 246
Они сегодня снова обрѣли. („Экспромптъ.“) II. 193
О, ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный. („Звуки ночи.“) I 151
Онъ и она. („Давно ль была она малютка.“) I. 110
Онъ рано ужъ умѣлъ перебирать искусно. („На памятникѣ.“) I . 16
Онъ спитъ, онъ спитъ. („Панъ.“) I 155
Онъ ужъ снился мнѣ когда-то. („Гейне.“) I 238
Онъ—юный полубогъ, и онъ у ногъ твоихъ! („Изъ Сафо.“) I . . 204
О, память сердца! ты сильнѣй. (I—VIII) I 287
Опрятный домикъ... садъ съ плодами. („Мать и дочь.“) I 106
Опустѣли наши села. II 103
Опытъ! скажи, чѣмъ гордишься ты? что ты такое? I 285
Опять горитъ востокъ! Опять и кровь и стонъ. („Во время войны 1877—1878 года.“) II 194
Опять судьба переселила. („В. А. Солоницыну.“) I 135
Орелъ. („Когда пернатыхъ царь стремится.“) I. 11
О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ. („Разсказы изъ русской исторіи.“ 1) IV 302
Осенніе листья по вѣтру кружатъ. I 159
Осенняго мѣсяца обликъ. („Гейне.“) I 229
Осень. („Кроетъ ужъ листъ золотой.“) I 159
Осень срывала поблекшіе листья. („Эхо и молчаніе.“) I 5
Осердившись, кастраты. („Гейне.“) I. 231
О, солнце! Твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещетъ. („Молитва бедуина.“) I 47
Оставь, оставь! На вдохновенный. I. 268
Останови свой мечъ горящій. („Пери и Азраилъ.“) I 124
Остроумица, плясунья. („Эпикурейскія пѣсни.“) I 44
Отвергла гордая мой чистый жаръ любви. I 57
Отвѣтъ. („Вл. П. Лебедеву“.—„Нѣтъ, то не муза, дщерь небесъ.“) I 264
Отвѣтъ. („Во многолюдствѣ шумномъ свѣта.“) I . . . . . —
Отзывы жизни. (I—XIII) II. 105
Отзывы исторіи. (I—XXX) II 161

стр.
Откуда ты, о, ключъ подгорный. („Горный ключъ.“) I 10
О томъ, какъ отставной солдатъ Перфильевъ пошелъ во вторичную службу. („Ну, послушай-ка, старуха.“) I 301
О, трепещущая птичка. I 286
Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ.“ („Во мнѣ сражаются, меня гнетутъ жестоко.“) I 89
Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ“. („Двулицый Янусъ.“—„Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу.“) I . . . 86
Отъ грустныхъ думъ очнувшись, очи. („Журавли.“) I 154
Отъ солнца лилія пугливо. („Гейне.“—„Лилія.“) I. 237
Охъ, дорога ль моя, ты дороженька! („Пастухъ.“) I 305
О, царство вѣчной юности. I 255
О, Цинтія! Вдали отъ друга своего. („Цинтіи“.—„Проперцій.“) I . 40
О чемъ, въ тиши ночей, таинственно мечтаю. I 50
Очерки Рима. (I—XXIX) I 63

Palazzo. („Войдемте, вотъ чертогъ съ богатыми столбами.“) I . . 82
Памяти Державина. („Что слышу? Что сердце волнуетъ?“) I . . 298
Панъ. („Онъ спитъ, онъ спитъ.“) I 155
Паръ полуденный душистый. („Въ степяхъ.“—„Полдень.“) I. . . 198
Пастухъ. („Былъ суровъ король донъ-Педро.“) II 52
„ („Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!“) I 305
Пахнетъ сѣномъ надъ лугами. („Сѣнокосъ.“) I 195
Пейзажъ. („Люблю дорожкою лѣсною.“) I 157
Пеппо, выпьемъ!.. Видишь, буря. („Въ остеріи.“) I 69
Первый поцѣлуй. („Что любимъ давно мы другъ друга, мы знали, хоть ясно.“) I 162
Переводы и варіаціи. (I—XLII) I. 228
Передъ войной. („По мѣстамъ! по мѣстамъ! — грозный окликъ идетъ.“) II 193
Передъ твоей душой пугливой. I 91
Передъ тобой синѣетъ море. („Къ миссъ Мери.“) I 176
Перерожденіе. („Немного надобно, чтобъ миръ во мнѣ вселить.“) I 33
Перечитывая Пушкина. („Его стихи читая, точно я.“) I 262
Пери. („Грѣхи омывшая слезами.“) I 120
Пери и Азраилъ. („Останови свой мечъ горящій.“) I 124
Петербургская весна. Разсказъ. (Проза.) IV 125
Петрусь. („Бѣлорусскія пѣсни.“ 1—„Ой. худыя вѣсти.“) IV. . . 212
Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья. („Единое благо.“) I. 48
Пикникъ во Флоренціи. (Проза.) IV 216
Пируй въ огнѣ и оміамѣ. („Конецъ міра.“) I. 29
Миръ у васъ и ликованья. I 294
Платона единственные два стиха, до насъ дошедшіе. („Небомъ желалъ бы я быть, звѣзднымъ, всевидящимъ небомъ.“) I . . 203
Плачу я, въ лѣсу блуждая. („Гейне.“) I 232
Плачъ паргіотовъ. („Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря.“) II 96
Плетневу, П. А. („За стаею орловъ двѣнадцатаго года.“) I . . . 143
Плѣнникъ. („Сторожатъ меня албанцы.“) II. 94
Плющъ. („Зачѣмъ, о, плющъ, лозой своей.“) I. 14
Побѣду клефты празднуютъ, пируютъ капитаны. II 95
Повита миртами густыми. („Италія.“) I 223
Погодину, М. П. посв. („Карамзинъ.“) — „Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно.“) II. 212
По городу плачъ и стенанье. („Приданое.“) I 112

стр.
Подражанія древнимъ. I 38
Подснѣжниковъ трепетныхъ чистые, свѣтлые глазки. („Въ альбомъ *** .“) I 276
Подъ дождемъ. („Помнишь: мы не ждали ни дождя ни грома.“) I. 150
Подъемлютъ споръ за человѣка. („Ангелъ и демонъ.“) I 49
Подъ солнцемъ вьются жавронки. („Христосъ Воскресе.“) II. . . 104
Поздній осенній цвѣтокъ я принесъ въ твой цвѣтникъ для почина! („Въ альбомъ.“) II 160
Показалась звѣзда на востокѣ. II 103
Полдень. („Въ степяхъ.“—„Паръ полуденный душистый.“) I. . . 198
Поле зыблется цвѣтами. I 150
Полно притворяться. I 36
Полнъ черныхъ думъ, я въ полѣ проходилъ. („Вихрь.“) I . . . 118
Полонскій! Суждено опять судьбою злою. („Я. П. Полонскому.“) I 141
Полонскому, Я. П. („Полонскій! Суждено опять судьбою злою.“) I. —
„ „ „ („Твой стихъ, красой и ароматомъ.“) I . . . 140
„ „ „ („Тому ужъ больше чѣмъ полвѣка.“) II. . . 217
По лѣсамъ, еще прозрачнымъ. I. 153
Поля. („Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ.“) II 145
Помнишь: мы не ждали ни дождя ни грома. („Подъ дождемъ.“) I 150
„По мѣстамъ! по мѣстамъ!“ — грозный окликъ идетъ... („Передъ войной.“) II 193
По нивѣ прохожу я узкой межой. („Нива.“) I. 199
Пора, пора за умъ мнѣ взяться! („Гейне.“) I 228
Пора, пора! Ужъ утро славитъ птичка. („Campagna di Roma.“) I. 63
Порывы нѣжности обуздывать умѣя. I 163
Посвященіе. („Тебѣ, которой были милы.“—„Е. П. Майковой.“) I. 1
Посланіе въ лагерь. („Межъ тѣмъ, какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ.“) I 300
Посланіе съ Понта. („Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый!“—„Овидій.“) I 42
Посланія. (I—XIII) I 135
Послѣ бала. („Мнѣ душно здѣсь! Вашъ міръ мнѣ тѣсенъ.“) I . . 90
Послѣдніе язычники. („Когда въ челѣ своихъ дружинъ.“) II . . 37
Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея. („Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона.“) I 66
Посмотри: во всемъ доспѣхѣ. („Гейне.“) I 241
Посмотри: въ избѣ, мерцая. („Картинка.“) II 144
Посмотри въ свой вертоградъ. („Вертоградъ.“) I 48
Посмотри: прикрывъ власами. („Магдалина.“) I 27
Поцѣлуй. („Между мраморныхъ обломковъ.“) II 89
Поэзіи геній крылатый. („Гейне.“—„Auf Flügeln des Gesanges.“) I 248
Поэзія—вѣнецъ познанья. I. 293
Поэзія. („Люби, люби каменъ, кури имъ ѳміамъ.“) I 18
Поэмы. III 3
Поэмы. IV . . . . . —
Поэтъ и цвѣточница. („Гётевская элегія.“—„Бысынь цвѣты изъ корзины у ногъ монхъ, милый.“) II 43
Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любитъ тебя Діонея. („Діонея.“) I 16
Празднословы. („Кумиры старые разбиты.“) I 115
Превращеніе. („Я зналъ тебя, когда любви.“) I 20
Преданья Сѣвера изображаютъ бога. („Юбилей Шекспира.“) II . 210
Предсказаніе. („Тебѣ пятнадцать лѣтъ. Я вѣрю, ты—ребенокъ.“) I 34

стр.

Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой покровъ. („Алушта днемъ.“) I 220
Преторъ. („Какъ ты мнѣ въ вѣнкѣ лавровомъ.“) I. 133
Приволье на горахъ родныхъ, приволье въ темныхъ долахъ. II . 102
Приговоръ. („На соборѣ, на Констанцскомъ.“) II. 39
Приданое. („По городу плачъ и стенанье.“) I 112
При дорогѣ, при широкой. („Бѣлорусскія пѣсни.“ 6) I 215
Призваніе. („Шумя на полныхъ парусахъ.“) I. 54
Призывъ. („Ужъ утра свѣжее дыханье.“) I 6
Принцесса Шабашъ. („Гейне.“ — „Въ старыхъ сказкахъ говорится.“) I. 250
Пріапу. („Садъ я разбилъ; тамъ подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ.“) I 7
Прійди, товарищъ думъ, мой стихъ благоуханный. („Видѣніе.“) I 33
Прогулка по Риму съ моими знакомыми. (Проза.) IV 189
Проза. IV 125
Проперцій. („Туллу.“—„Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно.“) I 39
„ („Цинтіи.“—„О, Цинтія! Вдали отъ друга своего.“) I . 40
Противъ глазъ твоихъ ничуть. („Изъ испанской антологіи.“) I . . 210
„Прочь идеалы!“ Грозный кликъ!.. I 294
Прощаніе съ деревней. („О, други! прежде, чѣмъ покинемъ мирный кровъ.“) I 14
Птички-ласточки, летите. II. 92
Пульчинель вскочилъ на бочку. I 190
Пульчинель. („Въ Неаполѣ,—когда еще Неаполь.“) III 227
Пустыннику. („Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки.“) I 6
Пустынникъ. („И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады.“) I 256
Пусть говорятъ—поэзія мечта. („Сомнѣніе.“) I 13
Пусть гордится старый дѣдъ. („Анакреонъ.“) I 39
Пусть пасмурный октябрь осенней дышитъ стужей. („Мечтанія.“) I 161
Пусть полудикіе скиѳы, съ глазами налитыми кровью. I 17
Пушкину. („Русь сбирали и скрѣпляли.“) II 216
Пѣвецъ. („Изъ Шамиссо.“—„Свѣтелъ ликомъ, съ смѣлой лирой.“) II 20
Пѣвецъ. („Не красивъ я, знаю самъ.“) II. 92
Пѣвцу. („Когда поноситъ чернь хулою.“) I 28
Пѣсни. („У воротъ монастыря.“) II 156

Радойца. („Что за чудо, Господи мой Боже!“) II 83
Радость. („Долго ль радости сіянье.“) I 25
Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву. („Въ день вѣнчанія на царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича.“) II 201
Разбитая лира. („Лиру разбила она — въ ней созвучія сердцу не слышно.“) I 276
Раздумье. („Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ.“) I 2
Размѣнъ. („Нѣтъ! Прежней Нины нѣтъ! Когда я застаю.“) I . . 117
Разрушеніе Іерусалима. („Ущельемъ на гору мы шли въ ту ночь въ оковахъ.“) I 220
Разсвѣтъ. („Въ степяхъ.“—„Вотъ полосой зеленоватой.“) I . . . 197
Разсказъ духа. („...И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился.“) I . 283
Разсказы изъ русской исторіи. Разсказъ первый. IV. 302
„ „ „ „ второй. IV. 312
Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ. („Капуцинъ.“) I 69
Рано утромъ, на зарѣ румяной. („Сабля царя Вукашина.“) II . . 70
Раскрывайся, міръ преданій! („Гейне.“—„На горахъ Гарца.“) I. 243

стр.
Renaissance. („Въ свѣтлой греческой одеждѣ.“) I 271
Розы. („Вся въ розахъ—на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ.“) I 117
Романъ въ пяти стихотвореніяхъ. („Гейне.“—„Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ.“) I 244
Рубинштейну, А. Г. („Вотъ онъ, разсѣянный, какъ будто бы небрежно.“) II 219
Русь сбирали и скрѣпляли. („Пушкину.“) II 216
Рыбная ловля. („Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.“) II 137
Рыцарь. („Смѣло, не потупя взора.“) I 204

Сабля царя Вукашина. („Рано утромъ, на зарѣ румяной.“) II . . 70
Савонарола. („Въ столицѣ Медичи счастливой.“) II 9
Садъ я разбилъ; тамъ подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ. (Пріапу.“) I 7
Самобытное созданье. („Казакъ.“) II 190
Сафо. („Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра.“) I 38
Сафо. („Звѣзда божественной Киприды.“) I . . . . . —
Сверкая, проносятся волны рѣки. („Гейне.“—„Весною.“) I . . . 242
Свершай служенье музъ въ священной тишинѣ. I 18
Свирѣль. („Вотъ тростникъ сухой и звонкій.“) I 15
Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ. („Утопистъ.“) I. 90
Свѣтелъ ликомъ, съ смѣлой лирой. („Пѣвецъ.“—„Изъ Шамиссо.“) II 20
Свѣтлолица, черноброва („Конь.“) II 51
Свѣтлый праздникъ будетъ скоро. II 90
Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою. („Рыбная ловля.“) II 137
Седьмую Агнецъ разломилъ печать. („Изъ Апокалипсиса“. Гл. VIII) III 207
Сербская церковь. („Именинникъ былъ царь Лазарь.“) II . . . 74
Сердце, сердце! что ты плачешь? („Гейне.“) I 229
Сидѣли старцы Иліона. I 203
Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю. („Газета.“) I . 77
Сижу задумчиво съ тобой наединѣ. I 80
Сиротка. („На ранній благовѣстъ, когда еще поля.“) I 274
Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни. („Гейне.“) I 232
Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей? I. 73
Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ. („Горацій.“) I 41
Сказаніе о Петрѣ Великомъ. („Когда насъ еще на свѣтѣ не было.“) II 174
Сказаніе о 1812 годѣ. („Вѣтеръ гонитъ отъ востока.“) II 180
Скачу, какъ бѣшеный, на бѣсномъ конѣ. („Байдарская долина.“—Изъ Мицкевича.) I. 219
Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ. („Гейне.“) I 247
Скорбитъ душа твоя. Изъ дня. („Ex tenebris lux.“) I 283
Скульптору. („Былъ грубъ когда-то человѣкъ.“) I. 83
Слава Богу, деньги есть. („Lorenzo.“) I 75
Слава. („Какой таинственною силой.“) I 28
Словно ангелъ бѣлый, у окна надъ моремъ. II 90
Слово о полку Игоревѣ. IV. 94
Слово о полку Игоревѣ. (Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ.) IV 78
Слово о полку Игоревѣ. (Объяснительныя примѣчанія къ тексту.) IV 109
Случается порой, въ весенній ясный день. („Встрѣча.“) I. . . . 36
Смерти нѣтъ! вчера Адонисъ. („Альбомъ Антиноя.“) I 279
Смерть Люція. 2-я часть лирич. драмы „Три смерти“. III. . . . 124
Смотри, смотри на небеса. („Альбомъ Антиноя.“) I 280
Смуглянка милая, я изъ страны далекой. („Fiorina.“) I 74
Смѣло, не потупя взора. („Рыцарь.“) I. 204

стр.
Снилось мнѣ: по всей Россіи. („Завѣтъ старины.“) II 202
Сны. Поэма въ 4 пѣсняхъ. III. 187
Собирайтесь, паликары! („Завѣщаніе.“) II 97
Соловьеву, В. С. („Изъ темныхъ доловъ этихъ взоръ.“) I. . . . 266
Солоницыну, В. А. („Опять судьба переселила.“) I 135
Сомнѣніе. („Пусть говорятъ—поэзія мечта.“) I. 13
Сонъ въ лѣтнюю ночь. („Долго ночью вчера я заснуть не могла.“) I 123
Сонъ. („Когда ложится тѣнь горячими клубами“.) I 3
Сонъ королевича Марка. („Вижу—поле, залитое кровью.“) II. . . 81
Сонъ негра. („Изъ Лонгфелло.“—„Измученъ зноемъ и трудомъ.“) I 217
Сорокъ клефтовъ на зимовки. II 98
Сохранилъ Ты намъ, Господи. („Благодарственный гимнъ о спасеніи Государя Императора 4 апрѣля 1866.“) II 189
Спи, дитя мое, усни! („Колыбельная пѣсня.“) II 87
Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ. („У гроба Грознаго.“) II 165
Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря. („Искусство.“) I 8
Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить. („Киссавъ и Олимпъ.“) II . 93
Старушка. (Отрывокъ изъ записокъ празднаго человѣка.) (Проза.) IV 157
Старые знакомые. („Гейне.“—„Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь.“) I 245
Старый дожъ. („Ночь свѣтла: въ небесномъ полѣ.“) II. 58
Старый мужъ. („Запѣваютъ пташки на зарѣ.“) II. 91
Старый хламъ. („Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ.“) I. 108
Степной травы пучокъ сухой. („Емшанъ“) II 161
Стиха не цѣнятъ моего. („Айвазовскому.“) I. 269
Стиховъ мнѣ дайте, графъ. („Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову.“) I. 262
Сторожатъ меня албанцы. („Плѣнникъ.“) II. 94
Стою предъ образомъ Мадонны. („Мадонна.“) I 205
Стражи мирной нашей хаты. („В. Г. Бенедиктову.“) I. 137
Странникъ. (Сцена.) III 163
Страны и народы. (I—XXV) I 203
Стрибожьи внуки. („Въ степяхъ.“—„Стрибожьи чада! Это вы.“) I . 198
Стрибожьи чада! Это вы. („Въ степяхъ.“—„Стрибожьи внуки.“) I . —
Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. („Какъ за чаркой, за блинами.“) II 168
Судъ предковъ. („Къ кончинѣ близокъ князь Андрей.“) II. . . . 203
Сули пала, Кьяфа пала. („Деспо.“) II 97
Scholia. („Не мирты съ лаврами, а грустный кипарисъ.“) I. . . 19
Съ горъ Али-паша на Сули. („Цавелиха.“) II 95
Съ мала ключика студёна потекла рѣка. („Кантата.“) II 197
Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь. („Гейне.“—„Старые знакомые.“) I 245
Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ. („Альпійскіе ледники.“) I . . . 168
Сѣнокосъ. („Пахнетъ сѣномъ надъ лугами.“) I. 195

Тайна. („Не вамъ, о, юные наперсники любви.“) I 20
Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь. („Исповѣдь.“) I . . 50
Такъ!.. Добрымъ дѣломъ былъ отмѣченъ. I 289
Такъ роскошны ваши плечи. („Л. П. Шелгуновой.“—„Экспромптъ.“) I 145
Тарантелла. („Нина, Нина, тарантелла.“) I 183
Твой стихъ, красой и ароматомъ. („Я. П. Полонскому.“) I . . . 140
Творца, какъ духа, постиженье. I. 295

стр.

Тебѣ, которой были милы. („Посвященіе.“—„Е. П. Майковой.“) I. 1
Тебѣ пятнадцать лѣтъ. Я вѣрю, ты—ребенокъ. („Предсказаніе.“) I. 34
The Empress of India. („Зовись преемницей пророка.“) II. . . . 193
Тиволи. („Боже! Какъ смотришь на эти лиловыя горы.“) I . . . 72
Тимпанъ и звуки флейтъ и пляски вакханалій. („Вакханка.“) I . 9
Тихій вечеръ мирно надъ полянами. („Лунная ночь.“) I 56
Тихо море голубое! II 89
Тишь и солнце! спятъ пучины. („Гейне.“—„На морѣ.“) I 230
Толстому, Графу Ѳ. П. („Анакреонъ скульптору.“—„Что чиниться намъ, ваятель!“) I. 129
Тому ужъ больше, чѣмъ полвѣка. („Я. П. Полонскому.“) II . . . 217
Торжественъ, свѣтелъ и румянъ. („Еврейскія пѣсни.“) I 46
Точно голубь свѣтлою весною. I 164
Три правды. („Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.“) II 141
Три смерти. Лирическая драма. III 107
Туда, гдѣ море спитъ у скалъ пирамидальныхъ. I 22
Туллу. („Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно.“—„Проперцій.“) I. 39
Туманомъ мимо звѣздъ сребристыхъ проплывая. I 289
Ты быстро шла, но предо мною. („Гейне.“) I 242
Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ. („Гейне“.) I 241
Ты вѣришь ей, поэтъ! Ты думаешь, твой геній. I 273
Ты говоришь, у тебя нѣтъ враговъ. Извини, не повѣрю. I . . . 286
Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря. („Плачъ паргіотовъ.“) II. 96
Ты не въ первый разъ живешь. („Альбомъ Антиноя.“) I. . . . 279
Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно. („Проперцій.“—„Туллу.“) I 39
1854 годъ. (I—VIII) I 297
Тютчеву, Ѳ. И. („Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы.“) II . 186

У воротъ монастыря. („Пѣсни.“) II 156
У гроба Грознаго. („Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ.“) II 165
Удалецъ съ горы сбѣгалъ въ долину. („Борьба со смертью.“) II. . 99
Ужъ гаснетъ день: пурпурный океанъ. („Кладбище.“) I 58
Ужъ побѣлѣли неба своды. I 273
Ужъ утра свѣжее дыханье. („Призывъ.“) I 6
Уйди отъ насъ! Языкъ твой насъ пугаетъ! I. 103
Улыбки и слезы! И дождикъ и солнце! I. 287
Умереть не дай Богъ на чужбинѣ! („Чужбина.“) II 98
У Мраморнаго моря. („Все—горы, острова, все утренняго пара.“) I 274
Упраздненный монастырь. („Давно въ туманѣ предо мной.“) II. . 151
Урала мутнаго степные берега. („М. Л. Михайлову.“) I 143
Утопистъ. („Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ.“) I. 90
Утрата давняя досель свѣжа въ тебѣ. I 288
Утро. („Близко, близко солнце!“) I 151
Уходи, Зима сѣдая! („Весна.“) I 194
У храма. („Что это? Прямо на насъ и летятъ въ перегонки.“) I . 127
Ущельемъ на гору мы шли въ ту ночь въ оковахъ. („Разрушеніе Іерусалима.“) I 220

Фантазіи. (I—XI) I. 117
Фердинандъ король былъ рыцарь. I 188
Фету, А. А. („Когда, какъ бурный конь, порвавшій удила.“) II. . 218
Филантропы. („Они обѣдали отлично.“) I. 106

стр.
Fiorina. („Смуглянка милая, я изъ страны далекой.“) I 74
Fortunata. („Ахъ, люби меня безъ размышленій.“) I 70

Холодный, смертный приговоръ. („Изъ испанской антологіи.“) I . 211
Христосъ воскресе. („Подъ солнцемъ вьются жавронки.“) II . . 104
Хрулеву, генералъ-лейтенанту. („Какъ честныхъ странниковъ, какъ скромныхъ богомольцевъ.“) I 146
Художнику. („Къ тебѣ слетѣло вдохновенье.“) I 260
Художникъ. („Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ.“) I 74

Цавелиха. („Съ горъ Али-паша на Сули.“) II 95
Царственный юноша, дважды спасенный! („На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи.“) II 202
Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани. („Разсказы изъ русской исторіи.“ II) IV. 325
Цезарь. („Море бурно; небо въ тучахъ.“) I. 222
Цейдлеру, П. М. („Вотъ онъ по Гатчинскому саду.“) I. 140
Цинтіи. („Проперцій.“—„О, Цинтія! Вдали отъ друга своего.“) I . 40

Чайльдъ Гарольдъ. („Гейне.“—„Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ.“) I 237
Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ. („Гейне.“—„Чайльдъ Гарольдъ.“) I —
Черепъ. („Глухо мой заступъ, о черепъ ударясь, звенитъ. Замогильный.“) I. 17
Черногорецъ. („Нѣтъ у меня ни стадъ рогатыхъ.“) I 222
4 апрѣля 1866 года. („Все, что въ груди есть русскаго у насъ.“) II 188
Что горы потемнѣли? II 101
Что за милый это мальчикъ! („Гейне.“) I. 234
Что за чудо, Господи мой Боже! („Радойца.“) II 83
Что за шумъ и крикъ? О, Боже! I 180
Что любимъ давно мы другъ друга, мы знали, хоть ясно. („Первый поцѣлуй.“) I. 162
Что можетъ міру дать Востокъ? („М. Н. Каткову.“) II 185
Что скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья. („Аспазія.“) I 132
Что слышу? Что сердца волнуетъ? („Памяти Державина.“) I. . . 298
Что ты, мама, безпрестанно. („Мать и дѣти.“) II 87
Что чинится намъ, ваятель! („Анакреонъ скульптору.“) I . . . 129
Что это? Прямо на насъ и летятъ въ перегонки. („У храма.“) I . 127
Что это сдѣлалось съ городомъ нашимъ? („Вербная недѣля.“) I . 195
Чудный вѣкъ. („Былъ чудный вѣкъ, но вѣкъ сей золотымъ.“) I. . 21
Чуднымъ звукомъ даже ночи. („Гейне.“) I 238
Чужбина. („Умереть не дай Богъ на чужбинѣ!“) II 98
Чужой для всѣхъ. I 256

Шла туча съ запада, другая отъ востока. („Молитва.“) I. . . . 310
Шелгуновой, Л. П. („Экспромптъ.“—„Такъ роскошны ваши плечи.“) I 145
Шеншиной, Е. А. („Какъ рѣзвымъ нимфамъ, спутницамъ Діаны.“) I —
Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной. („Въ лѣсу.“) I 152
Шумя, на полныхъ парусахъ. („Призваніе.“) I 54

Эй, синьоръ! хоть два карлина. („Два карлина.“) I 182
Экспромптъ. („Л. П. Шелгуновой.“—„Такъ роскошны ваши плечи.“) I 145
„ („Они сегодня снова обрѣли.“) II. 193
Элегіи. (I—XV) I. 50
Эоловы арфы. („Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ...“) I. 104

стр.

Эпикурейскія пѣсни. („Блеститъ чертогъ; горитъ елей.“) I . . 44
„ „ („Мирта Киприды мнѣ дай!“) I 43
„ „ („Остроумица, плясунья.“) I. 44
Эпитафія. („Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель.“) I . . 10
„ („Здѣсь почивающей жребій выпалъ не тотъ, что̀ всѣмъ людямъ.“) I 292
Эта маленькая Лилли. („Изъ Гёте.“—„Лилли.“) I 207
Эти дѣтскіе глазки. I 165
Эти милыя двѣ буквы. („К. Р.“) I 263
Эти очи—свѣтъ со тьмою. („Изъ испанской антологіи.“) I . . . 210
Эти черные два глаза. („Изъ испанской антологіи.“) I. . . . . —
Эхо и молчаніе. („Осень срывала поблекшіе листья.“) I 5

Юбилеи. (I—X) II 210
Юбилей Шекспира. („Преданья Сѣвера изображаютъ бога.“) II. . —
Юношамъ. („Будьте, юноши, скромнѣе.“) I 128

Я бъ тебя поцѣловала. II 88
Я былъ еще дитя: она уже прекрасна. („Изъ Андрея Шенье.“) I . 208
Я вглядываюсь жадно. („Гейне.“) I. 233
Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной. („Древній Римъ.“) I 80
Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ. I. 5
Я зналъ тебя, когда любви. („Превращеніе.“) I 20
Я знаю, отчего у этихъ береговъ. I 15
Я—король. Ты—королева. („Изъ испанской антологіи.“) I . . . 210
Я люблю въ Cafe d'Europa. I. 175
Я помню этотъ мигъ... При шумѣ водопада. („Испытаніе.“) I . . 34
Я сказалъ ей: „дай твои мнѣ губки“. („Изъ турецкой антологіи.“) I 211
Я съ содроганіемъ смотрѣлъ. („Допотопная кость.“) I 121
Я цѣлый часъ болотомъ занялся. („Болото.“) I. 154

Оглавленіе

IV тома.

Поэмы.

стр.

Два міра 3
Брингильда 67
Слово о полку Игоревѣ 78

Проза.

Петербургская весна. Разсказъ 125
Старушка. Отрывокъ изъ записокъ празднаго человѣка 157
Завѣщаніе дяди племяннику 176
Прогулка по Риму съ моими знакомыми 189
Пикникъ во Флоренціи 216
Маркъ Петровичъ Петровъ. Разсказъ. 254
Изъ приключеній Горунина въ Италіи 282

Разсказы изъ Русской исторіи:

1. О святыхъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ 302
2. Начало восточнаго вопроса.
   I. Взятіе турками Константинополя. 312
   II. Москва—третій Римъ. 319
   III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани 325
   IV. Завоеваніе Сибири 333

Алфавитный указатель 344

Aug 15 1949

LR
M2183B

489793

Maikov, Apollon Nikolaevich
Полное собраніе сочиненій; ,., исправ. и
доп. изд., под ред. П.В.Быкова.
v.3-4 in lv. [Translit: Polnoe sobranie
sochineny ... red. Buikova]

DATE. NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED